

Герберт Уэллс
Машина времени

ОДАНАСИЯКИ
БИБЛИОТЕКА

Герберт Уэллс

Машина времени

17

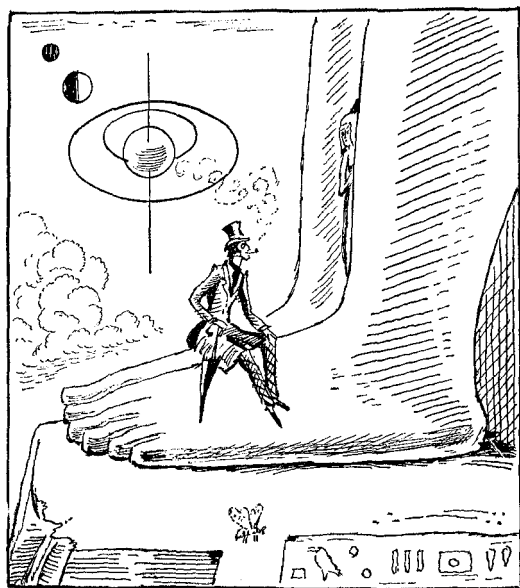

„Библиотека фантастики“ в 24 томах

БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

Редакционная
коллегия
серии
«Библиотека»
фантастики»
А. П. Казанцев
(председатель)
Ю. Т. Грибов
Д. А. Жуков
В. П. Карцев
А. П. Кулешов
А. А. Леонов
Н. П. Машовец
Е. И. Парнов
Л. В. Ханбеков

Герберт Уэллс

Машина времени. Человек-невидимка
Война миров. Пища богов

Москва. Издательство «Правда». 1988

84. 4 Вл
У 98

Перевод с английского

Вступительная статья
Ю. Кагарлицкого

Иллюстрации
В. Юрлова

У $\frac{4703000000-1532}{080(02)-88}$ 1532—88 (подписное)

© Издательство «Правда», 1988. Составление.
Вступительная статья. Иллюстрации.

Великий фантаст

Уэллс успел удивительно много. Он умер за пять недель до своего восьмидесятилетия и жизнь прожил на редкость активную и насыщенную. Он написал сто десять книг, объехал весь белый свет, вмешивался — и с каким темпераментом! — во все главные споры своего времени, дружил или ссорился с ведущими политиками Англии, такими, как Ллойд Джордж и Черчилль, повидался и побеседовал или, во всяком случае, вступил в переписку почти со всеми, кто в те годы стоял во главе господствующих социальных и духовных течений. Он всегда был близок к самому центру событий и выразил себя, как мало кто. И все-таки до сих пор не умолкает спор о том, кем был этот человек. Его называли провидцем — и сразу вспоминали, сколько он ошибался. Его называли художником — и начинали подсчитывать, сколько невыношенных, спешных, обязанных своим появлением злобе дня или просто нетерпеливому желанию лишний раз высказать свои мысли книг и статей он написал. Его называли журналистом, но тут же выяснялось, как много в нем от художника. Истинной причиной этих споров служило то, что у него было в исключительной степени выражено одно из главных качеств большого таланта — своеобразие. Он охватывал необычайно широкий круг явлений, казавшихся многим его современникам несовместимыми. Мы найдем у него и политические трактаты, и работы по биологии, учебники и популяризации, статьи по философии и социологии, большой цикл исторических и педагогических сочинений и целый спектр произведений художественных — от романтической новеллы до бытописательского романа и от научной фантастики до романов-трактатов, которые местами неотличимы от прямой публицистики. Подобный диапазон творчества составлял неотъемлемое свойство Уэллса. Уэллс не был бы Уэллсом без этого стремления охватить, выразить, переделать мир. Ибо такова именно его

главная задача, отсюда черпается его творческая энергия, на это направлены силы этой многообразной и вместе с тем удивительно цельной личности.

* * *

В 1934 году Уэллс опубликовал «Опыт автобиографии». Ему исполнилось тогда шестьдесят восемь. Вторая половина жизни оказалась даже богаче первой: после тридцати, когда к Уэллсу пришла слава, возможность наблюдать жизнь и вмешиваться в нее была у него несоизмерима с прежней. И все же большую часть книги Уэллс отвел своему детству, юности, первым шагам на литературном и научном поприще. События тех лет, даже самые на первый взгляд незначительные, представлялись ему очень важными, и он, безусловно, был прав: ведь речь шла о формировании его личности и становлении его как писателя, а он был крупной личностью и великим писателем.

Уэллс родился в 1866 году в небольшом, расположенном неподалеку от Лондона и с тех пор слившемся с ним городе Бромли. Этот город славился несколькими именами: здесь родился один из крупнейших политических деятелей XVIII столетия, Уильям Питт, долго жил знаменитый русский революционер и географ Кропоткин, неподалеку находилось имение Дарвина. Но если дом Кропоткина по-прежнему в целостности и сохранности, то жалкая лавчонка, в которой вырос Уэллс, да и соседние лавки давно снесены. Удивительное совпадение: и дом Уэллсов, и вся эта улица разрушены в тот самый год, когда Уэллс завершил свою двухтомную автобиографию. Они словно перешли на бумагу, сделались достоянием литературы, и им незачем было существовать в действительности.

Уэллсы торговали посудой. Когда камеристка из старинного поместья Ап-парк, двадцативосьмилетняя Сара Нил, и тамошний садовник Джозеф Уэллс, поженившись, приобрели эту лавку, она была для них символом независимости, нового общественного положения, надеждой на будущее преуспевание. К сожалению, надеждам этим не суждено было сбыться. Лавка, конечно, свидетельствовала, что владельцы ее не служат больше по найму и принадлежат к «среднему классу» (а Сара Уэллс умела это ценить больше всех остальных), но доход приносила мизерный. Семья чуть ли не голодала.

С этим домом — грязным, голодным, жалким — связаны первые воспоминания одного из трех выживших детей Уэллсов, Герберта. Сидя на кухне в полуподвале, мальчик подолгу разглядывал сквозь решетку в тротуаре подметки прохожих и отмечал про себя, что они большей частью дырявые: другим, очевидно, жилось не лучше. Хотя какое тут утешение — ведь, наверно, поэтому они так редко заглядывают в их лавку...

Впрочем, дети начинали подрастать, зарабатывать на себя. Мать вернулась на службу — стала домоправительницей усадьбы Ап-парк. В тот же год вслед за старшими братьями начал трудовую жизнь и Герберт. Его пристроили уборщиком и кассиром в мануфактурный магазин. Правда, вскоре хозяева предпочли с ним расстаться: молодой служащий не показал ни способностей, ни рвения. Дальний родственник, открывший в деревне небольшую частную школу, взял его к себе помощником. Но и на этом месте молодой человек (он, на беду, был моложе некоторых своих учеников) не преуспел. К тому же школу пришлось закрыть. Уэллс уехал к матери и какое-то время прожил в Ап-парке. Затем его отдали учеником в аптеку — и снова пришлось уйти: семья не могла осилить плату за обучение. Потом он целый год проработал в мануфактурном магазине, но вдруг бросил все и вернулся к матери, заявив, что ни мануфактурой, ни чем-либо иным торговать больше не собирается.

Интересы его и правда лежали в другой области. Он давно уже много читал, упорно учился, сдал экзамены за курс средней школы и сумел устроиться помощником учителя, притом в настоящей городской школе. Год спустя он получил стипендию на педагогическом факультете Лондонского университета. Это определило его дальнейшую жизнь.

Приход Уэллса в Лондонский университет означал для него приобщение к миру науки и к миру литературы. Его любимым учителем стал Томас Генри Хаксли (Гексли) — ученик и друг Дарвина, сумевший перенять не только научную, но и гуманитарную традицию основателя новой биологии. Дарвиновское «Происхождение видов» не раз называли потом большим явлением литературы. Томас Хаксли завоевал огромный литературный авторитет уже при жизни, хотя говорил только о науке. Но этот разговор вел человек, уверенный, что наука проникает собой весь мир и что не должно быть резко очерченных границ между нею и литературой. «Я всю жизнь испытывал острое наслаждение, встречаясь с красотой, которую предлагают нам природа и искусство, — писал он. — Физика, надо думать, сумеет когда-нибудь сообщить... точные физические условия... при которых возникает это удивительное и восторженное ощущение красоты. Но если такой день и придет, наслаждение и восторг при созерцании красоты останутся, как прежде, за пределами мира, истолкованного физикой». Искусство не было для Хаксли способом передачи истины, найденной наукой. Он справедливо считал его самостоятельным путем исследования мира и нахождения истины. Но Хаксли при этом твердо верил, что художник, чей разум развился в общении с наукой, всегда имеет преимущества перед художником, к ней безразличным. Отвернуться от науки, говорил он, значит отвернуться от современности, от ее задач, отказаться мыслить в ее масштабах. Ведь наука и ли-

тература восходят к чему-то более высокому — культуре, являясь частями ее, и у них общая цель: решить вопрос о месте человека в природе и его отношении ко вселенной, о пределах власти человека над природой и власти природы над ним, о смысле жизни.

Хаксли и сам пытался в пределах научной публицистики ответить на эти вопросы. Он говорил о науке, людях, общественных условиях и установлениях честно, прямо, бескомпромиссно. Пропагандируя революционную теорию Дарвина, он доказывал, что перемены — общий закон жизни. Его слова звучали вызовом по отношению к викторианской Англии с ее догмами и предрассудками. Ревнители старины поносили Хаксли, у молодых людей, подобных Уэллсу, он вызывал поклонение и восторг.

Можно без преувеличения сказать, что, воспитывая из Уэллса ученого, Хаксли воспитывал из него писателя и просветителя. Сочетание скрупулезной верности фактам с очень широким их осмыслением и смелостью предположений — вот что приобрел у него будущий писатель. Впоследствии это скажется на всем: и на теории романа, предложенной Уэллсом (он называл его «роман, вобравший в себя всю жизнь»), и на его научной фантастике, и на его подходе к самым разным областям жизни.

Но до момента, когда Уэллс осуществит свое предназначение, пройдет немалый срок. Университет ему удалось окончить не сразу. После выхода из университета он еще некоторое время преподавал биологию в школе и в заочном колледже. Только в 1893 году Уэллс начал жить литературным трудом.

Писал Уэллс давно, по сути дела, с детства, и печататься тоже начал достаточно рано. В 1887 году он опубликовал в небольшом университетском журнале «Сайенс скулз джорнал» «Рассказ о XX веке», представлявший собой нечто среднее между сатирой, научной фантастикой и пародией на нее. Год спустя начал печатать в том же журнале повесть «Аргонавты хроноса», но не сумел закончить. Потом потянулись годы, почти целиком отданные журналистике. Уэллс, можно было подумать, отказался от мечты писать повести и романы...

В действительности дело обстояло иначе. Неоконченная повесть не давала забыть о себе. Он пробовал все новые ее варианты и не мог остановиться ни на одном. Он чувствовал: найдено что-то интересное, важное, значительное, и тем более не решался привести в исполнение какой-либо из зарождавшихся замыслов. Каждый из них казался чем-то очень частным по отношению к общей идее. В конце концов он все-таки отдал предпочтение одному варианту. Из него возникла шесть лет спустя после «Аргонавтов хроноса» «Машина времени». Неиспользованные же варианты послужили основой для других произведений.

Так из одной юношеской повести возник чуть ли не весь ранний цикл романов Уэллса.

Конечно, это было бы невозможно, если бы в основе не лежала общая мысль, общий взгляд на мир.

В январе 1902 года, когда цикл романов, начатый «Машиной времени», был завершен, Уэллс выступил с лекцией «Открытие будущего», в которой задним числом сформулировал многие положения, послужившие теоретической предпосылкой его фантастики.

Можно, пишет Уэллс, по преимуществу интересоваться прошлым человечества, можно будущим. Но в начале XX века человечеству особенно необходимо видеть свое будущее, исследовать все возможные его варианты, добиваться, чтобы осуществились наиболее благоприятные из них. Людям, смотрящим в будущее (Уэллс относит себя к их числу), «мир представляется одной огромной мастерской, настоящее же — не более чем материалом для будущего».

Уэллс поставил себе целью писать не об отдельных человеческих судьбах, но о судьбе всего человечества, о движении истории, о грандиозных мировых потрясениях, о взлетах и падениях человеческого разума — обо всем, что может случиться впереди. Сегодняшний день он тоже оценивал с точки зрения будущего. В настоящем, считал он, важнее всего то, какое будущее оно готовит. Уэллс не был писателем-фантастом в узком понимании слова. Сделанное им очень много значило для литературы в целом. Своим творчеством он помог расширить ее горизонты, ведь он первый уловил, насколько увеличились масштабы действительности, убыстрилось движение времени, какие предстоят перемены. И современники быстро его оценили. «Машина времени» сразу принесла ему известность, и успех его упрочился, когда ранний цикл романов был завершен. Но нам все же легче, чем современникам Уэллса, судить о достоинствах этих книг. Мы знаем, как плодотворно отозвалось сделанное Уэллсом на мировой литературе. Знаем и то, что он — сколько интересных и умных произведений в дальнейшем ни написал — никогда больше не поднялся до вершин, достигнутых в первые годы. Молодой писатель был уже классиком.

* * *

Идея прогресса — это главное, чему посвящено все творчество Уэллса. Из множества проблем, притязавших на первенство, он выбрал ту, которая действительно значила больше других.

Понятие прогресса — не из очень давних. Оно сформировалось по-настоящему только в XVIII веке и тут же выявило сложную свою диалектику. Является ли материальный прогресс

гарантией прогресса в социальной и нравственной области? Этот вопрос поставил в 1750 году Жан-Жак Руссо в своем «Рассуждении по вопросу: способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов» — и ответил на него отрицательно. Более того, Руссо обрисовал ситуацию, при которой материальный прогресс ведет к нравственному регрессу. Этот кажущийся парадокс становится законом в обществе, где на одном полюсе сосредоточено богатство, на другом — бедность; на одном — могущество, на другом — незащитность; на одном — власть, на другом — рабство. Учение Руссо сделало его главным философом Великой французской революции. Прах его был перенесен в Пантеон, вожди революции пользовались его терминологией. Но общество, созданное этой революцией, заставило снова поставить тот же вопрос и дать на него тот же ответ.

Молодой Уэллс был из тех, чей ответ прозвучал достаточно определенно.

Годы, проведенные в Лондонском университете, были отда- ны не одной только науке. Уэллс не придумал еще термина «роман, вобравший в себя всю жизнь», но сам с юношеской страстностью стремился словно бы вобрать ее всю в себя и жадно впитывал все, что могло помочь ему в ней разобраться. А жизнь, с которой он столкнулся, требовала новых ответов. Королеве Виктории предстояло царствовать еще немало лет, но век ее вышней славы уходил в прошлое. Восьмидесятые годы поколебали устойчивое, уважаемое, с пышным фасадом здание викторианства. Оно стояло еще прочно, но в нем все чаще начинали звенеть стекла, шли трещины, отваливались куски штукатурки. Отлаженный десятилетиями механизм отношений между классами начинал давать перебои. Возникли новые профсоюзы, более широкие по составу, чем старые, и менее склонные к компромиссам. Оживилось стачечное движение. Во всей общественной жизни страны обнаружился сдвиг влево. И молодой студент с восторгом приветствовал новые веяния. Он бегал на митинги, читал труды историков, философов, социологов, строил наедине с собой планы нового общества.

Интерес к социалистическим теориям исключительно много дал Уэллсу как художнику. Он помог ему увидеть противоречия буржуазного общества и взглянуть на него со стороны, из будущего. Как говорил потом Уэллс, Маркс заставил его поверить, что буржуазное общество, однажды, в силу исторических закономерностей, возникнув, таким же путем — ведь историю не остановишь — уйдет в прошлое. Это убеждение придавало силу и масштабность критике Уэллса, углубляло его анализ.

Уэллс пошел дальше Хаксли. Если тот считал, что классовая борьба ослабляет человеческое общество перед лицом природы, и стоял за «союз труда и капитала», то Уэллс в первом

своим романе показал, к чему может привести подобный «союз».

Мир, в который попадает Путешественник по Времени, не похож на наш. Человечество исчезло. Вместо него появились две породы полулюдей: прекрасные, но нежизнеспособные и невежественные элои и звероподобные, обросшие шерстью морлоки. Почему человечество постиг такой печальный удел? Путешественник (а он надеялся попасть в настоящую Утопию) так объясняет причины своего разочарования: «Это не был тот триумф духовного прогресса и коллективного труда, который я представлял себе. Вместо него я увидел настоящую аристократию, вооруженную новейшими знаниями и деятельно потрудившуюся для логического завершения современной нам индустриальной системы. Ее победа была не только победой над природой, но также и победой над своими собратьями — людьми».

В этом мире был достигнут своеобразный хакслианский идеал — труд и капитал выступали как союзники. Противоречия между ними исчезли. «Человечество дошло до того, что жизнь и собственность каждого оказались в полной безопасности. Богатый знал, что его благосостояние и комфорт неприкосновенны, а бедный довольствовался тем, что ему обеспечены жизнь и труд. Без сомнения, в таком мире не было ни безработицы, ни нерешенных социальных проблем». Но «за этим последовал великий покой». Человеческий разум «совершил самоубийство». В конце «Машины времени» показан мир, гибнущий от энтропии. Но еще до этого люди погибли от некоей «социальной энтропии».

Конечно, Уэллс не верил, что капитализм проживет столько тысячелетий. В этом романе он в полемических целях построил искусственную логическую схему. Уэллс использовал метод экстраполяции, при котором каждая ситуация доводится до логического предела, и тем самым выясняются ее скрытые от современников тенденции. Предложенный Уэллсом вариант будущего должен был служить критике настоящего.

Однако роман Уэллса представлял не только социологический интерес. Это было большое художественное открытие, предвещавшее целый пласт литературы XX века. Именно после выхода этого романа писатели начинают изучать художественные возможности, которые представляют совмещение временных отрезков, подчеркнутое замедление или ускорение хода времени и т. п. Не случайно и то, что в научной фантастике после Уэллса появилось обилие всевозможных «машин времени». Переноса героя по желанию в любую эпоху, эти «машины времени» придают художественную достоверность очень порою сложным построениям автора. «Машина времени» способствовала интеллектуализации литературы, насыщению ее социальны-

ми, политическими и мировоззренческими концепциями, а заодно и преобразованиям в художественной сфере.

«Машина времени» поразила современников своей необычностью, но была ими принята. «Остров доктора Моро» был встречен взрывом негодования. Книгу осуждали за жестокость, грубость, пессимистичность. Этот роман действительно не был «заглажен» соответственно викторианским вкусом и в известном смысле «выпадал из времени». Его могли бы по достоинству оценить либо читатели начала XIX века, современники романтической писательницы Мэри Шелли, роману которой «Франкенштейн» Уэллс многим обязан, либо современники Фриша, Дюрренматта, Воннегута и других писателей нашего времени, широко использующих в своем творчестве «Эстетику безобразного». Но существовала и еще одна причина — главная. Пессимизм нового романа Уэллса, за который его так осуждали, не был, конечно, глубже пессимизма «Машины времени». Зато он был злободневней.

Общественный подъем восьмидесятых годов сменился контрастным поведением реакции в девяностые годы, и Уэллс, как и многие другие люди левых убеждений, воспринял этот поворот очень остро. Он не сложил оружия, напротив, его борьба за социальный прогресс стала особенно ожесточенной, но теперь в нем зрело негодование против человеческой глупости и какое-то сложное чувство по отношению к людям, принявшим существующие социальные условия, — смесь жалости и презрения. История зверей, почти уже сумевших подняться до человеческого уровня, но снова вернувшихся к животному состоянию, рассказанная в «Острове доктора Моро», выражала это чувство достаточно определенно.

Потом, много лет спустя, основатель современной американской драматургии Юджин О'Нил скажет про свою пьесу «Косматая обезьяна», что она «показывала человека, утратившего ту гармонию с природой, которая существовала, когда он пребывал в животном состоянии, и не достигшего новой духовной гармонии». Не в состоянии обрести гармонию ни на земле, ни на небесах, он оказался где-то посередине и пытается примирить их, но получает лишь «с обеих сторон удары кулаком». Зверюльды Уэллса тоже «от одного ушли, к другому не пришли». Их внешняя незавершенность, их гротескное обличье, где соседствуют черты людские и звериные, служат выражением их внутренней дисгармоничности. Звериные инстинкты ведут в них непрерывную борьбу с разумом. Они одновременно опасны и жалки. Да и могут ли они претендовать на право считаться хотя бы наполовину разумными существами? Увы, то, что кажется им собственными суждениями, на самом деле лишь подкрепленное страхом наказания внушение общества. Это хорошо понял Бернард Шоу, который вспоминал роман Уэллса в начале

двадцатых годов в связи со своей полемикой против тех, кто считает, что мораль надо внедрять силой. Подобный реформатор морали, пишет Шоу, — «это навязчивый хлопотун, шарлатан, мнимый Бог Всемогущий, доктор Моро из самого страшного романа Уэллса, которому не терпится наложить руки на живые существа и, безжалостно насилуя их души и тела, превратить их в чудища, олицетворяющие его идеал Хорошего Человека, Примерного Гражданина или Образцовой Жены и Матери». Говоря об этой стороне романа Уэллса, Шоу наверняка имел в виду знаменитую сатирическую сцену в пещере, где зверолоды нараспев заучивают «Закон» — элементарные правила человеческого общежития, повторяя время от времени: «Страшное наказание ждет тех, кто нарушит Закон».

Но самое тяжкое обвинение, которое Уэллс бросает буржуазной цивилизации, — это обвинение в безжалостности. Каждый шаг на пути прогресса — притом прогресса весьма относительно, половинчатого — осуществляется путем жестоких страданий. Снова и снова зверолоды возвращаются в Дом страдания, где залитый кровью, фанатически бесчувственный к чужой боли доктор Моро пытается превратить их в людей. Процесс очеловечивания бесчеловечен. В этом Уэллс видит основной порок той цивилизации, от которой человечество должно поскорее отказаться.

«Остров доктора Моро» восходил к фантастике романтиков, старых и новых, — таких, как Мэри Шелли и Роберт Луис Стивенсон. Но этот высший подъем романтизма у Уэллса был и его концом.

Следующий его роман, «Человек-невидимка», тяготеет к реализму. В удивительном сочетании психологической и бытовой достоверности с не оставляющим читателя ощущением фантастичности происходящего — своеобразное эстетическое «чудо» романа. Как заметил автор одной из биографий Уэллса, «у Герберта Уэллса увидеть значит поверить, но здесь мы верим даже в невидимое».

«Человек-невидимка» — снова роман о науке. Но тема, поднятая в «Острове доктора Моро», лишена здесь романтической отвлеченности. Читатель попадает не на затерянный остров, а в обстановку провинциальной Англии. Речь идет о конкретно обрисованном обществе и отношениях его с ученым.

Гриффин, герой этого романа, — личность незаурядная. Он заметно выше жалкого мещанского мирка, в котором волею судьбы очутился. Но Уэллс не только противопоставляет Гриффина буржуазному обществу, но и показывает, как оно отражается в нем самом.

Много позже Уэллс писал, что отношения ученого и буржуазного общества подчиняются устойчивой схеме: ученый делает открытие, кто-то другой на нем обогащается. Гриффин со-

бирается сам воспользоваться своим открытием. Но тем самым создается новая, последовательно буржуазная система его отношений с обществом, хотя и опосредствованная применительно к свойствам этой личности.

Не о деньгах он печется. Он самоутверждается иным способом. Он всегда был непохожим, изгоем, человеком, которого общество пыталось нивелировать, подчинить себе. Теперь он сам постарается подчинить себе общество. Но как? И ради чего? Отнюдь не для того, чтобы преобразовать его в самых его основах. И путь его к власти будет не менее кровав и жесток, чем у любого его предшественника.

Средства Гриффина так же аморальны, как и его цель. Он мечтает с помощью террора установить личную свою диктатуру. На первый взгляд между ним и смешными мешчанам, копошащимися вокруг него, целая пропасть. В действительности Гриффин выражает их подлинные качества, только в сублимированном виде. Он так же корыстен и самососредоточен, как и они. И разве они только смешны? Не они ли объединяются в страшную стаю, которая травит Гриффина? Между Гриффином и окружающими различия в масштабе, не в сути.

Герой «Человека-невидимки» истолкован в согласии с эстетикой критического реализма. Гриффин таков, каким его сделало общество. Оно отразилось в нем как в капле воды. Мы узнаем, как складывался его характер, и видим его в прямом общении с другими людьми, сформированными тем же обществом в других условиях. Они объясняют нам его, он — их. Человек показан через общество, общество — через человека.

Теперь, выработав свою систему реалистической фантастики, Уэллс снова будет писать о человечестве в целом, о будущем, о крутых поворотах истории, но его рассказ приобретет небывалую достоверность. Так написан следующий роман Уэллса «Война миров».

Вопрос об обитаемости планет очень старый. Во «множественность миров» верили еще Лукреций и Плутарх. Философы и астрономы XVII века, вернувшись к этой проблеме, заявили, что все планеты Солнечной системы обитаемы. Со временем, однако, скептики взяли верх. Споры шли теперь только об обитаемости Марса. Сам Уэллс несколько раз менял точку зрения на этот вопрос. В конце концов он заявил, что на Марсе возможна жизнь, но интеллект марсиан в силу несходства внешних условий должен очень отличаться от нашего.

Обитатели Марса, какими мы видим их в романе Уэллса, имеют, однако, земное происхождение. В 1893 году в очерке «Человек миллионного года» он описал существо, которое через миллион лет придет на смену человеку, и оно очень напоминает марсианина из не написанной пока «Войны миров». Перенеся в своем романе это существо на Марс, Уэллс следовал простей-

шей логике: поскольку Марс существует много дольше Земли, живые формы могли достичь там более высокого уровня. Рассказав о вторжении с Марса, Уэллс словно бы столкнул современного человека с его далеким и непохожим потомком.

И, надо думать, марсиане разочаровали бы Путешественника по Времени не меньше, чем растерявшие знания и опыт своих предков элои. Это скорее высокоорганизованные, построенные на биологической основе компьютеры, нежели люди. Они столь же рациональны и бесчувственны. Все человеческое им чуждо. Сделав эти существа обитателями Марса, Уэллс не просто нашел удачный сюжетный ход. Марсианам и людям и правда не ужиться на одной планете.

На чьей стороне Уэллс? Конечно, он сочувствует человечеству и надеется на поражение марсиан. Но это не значит, что Уэллс на стороне настоящего, против будущего. Просто у настоящего есть еще возможность преобразоваться в иное будущее, не такое, какое сулят марсиане.

Этот урок был, однако, необходим. Марсиане дали понять, как медленно движутся люди по пути научного и технического прогресса. Они показали, как страшна бесчеловечность, и заставили задуматься о том, не угнездилась ли она в мире обыкновенном, нефантастическом. Они показали, наконец, как не хватает современному человеку независимости, достоинства, инстинкта свободы.

Почти за тридцать лет до Уэллса английский писатель Самуэл Батлер описал в своем сатирическом романе «Эривон» (1871) судьбу людей, попавших под власть машин. Многие, пишет Батлер, считают, что людям это только пойдет на пользу. «Хотя человек для машин будет тем же, что для нас лошадь или собака... — говорят они, — ручному человеку будет житья под благодетельной властью машин куда лучше, чем в теперешнем диком состоянии... И хотя то тут, то там какая-нибудь пылкая душа задумается над своим положением и проклянет судьбу за то, что она не дала ей родиться паровой машиной, основная часть человечества молчаливо примет любой уклад жизни, если только он будет обещать ей лучшую одежду и пищу за меньшие деньги». Уэллс подхватывает эту мысль Батлера, и в его романе мы найдем полные ненависти к раболопному и ничтожному мещанину пассажи, посвященные истории человечества под властью марсиан. Мещанин готов променять свободу и самую жизнь за чистые клетки и питательный корм...

И когда Уэллс оставляет Землю человечеству, он отдает ее за те возможности, которыми оно располагает, а не за то, каково оно сейчас. Он верит в преобразования духовные и социальные.

«Война миров» окончательно упрочила литературную репутацию Уэллса. Бернард Шоу говорил, что ее «невозможно отложить, пока не прочел до последней строчки». Это действи-

тельно лучший из фантастических романов Уэллса. Его предшествующие книги, сами по себе значительные и необычные, были все же подготовлены литературной традицией. «Война миров» была скорее подготовлена творчеством самого Уэллса. При этом мера убедительности романа на редкость велика. Показателен такой эпизод. Когда 30 октября 1938 года американское радио передало инсценировку «Войны миров», подготовленную молодым актером и режиссером Орсоном Уэллсом, в стране началась паника. Не меньше миллиона из шести миллионов радиослушателей приняло радиопостановку за репортаж о действительных событиях.

Ранний цикл романов Уэллса завершился «Первыми людьми на Луне», где были описаны тяжелые последствия далеко зашедшего разделения человеческих функций. Уэллс еще раз показывает, что он — за человека во всем богатстве его возможностей.

Уэллса при его появлении восприняли как очень талантливого продолжателя Жюль Верна. От него ждали всякий раз нового научного материала. Финал «Войны миров» хвалили, например, за то, что автор использовал в нем «теорию происхождения болезней от микроорганизмов». В действительности, однако, творчество Уэллса было новым этапом развития научной фантастики. Он не просто «обживал» существующие научные теории, но и пытался нащупать новые. При этом для него были особенно важны социальные последствия предсказанной им научно-технической революции. Он и писатель более крупный. По словам А. В. Луначарского, Уэллс в отличие от Жюль Верна «замечателен прежде всего тем, что он, еще более знающий данные современной науки, будучи очень глубоким натуралистом, в то же время обладает исключительным художественным талантом и свои научные романы сделал настоящими художественными произведениями. В этом смысле он настоящий хороший реалист-психолог, реалист-социолог...»¹

Жюль Верн называл Уэллса «представителем английского воображения». Уэллс действительно очень английский писатель. Он следует традициям английской фантастики, идущим еще от Свифта. Но он ближе к нам, чем великий сатирик эпохи Просвещения. Фантастика Свифта проникнута стойким в XVIII веке духом классицизма. Уэллс во многом следует за Диккенсом, в чьих произведениях жизнь, являясь в гротескных формах, представляется вместе с тем поразительно сочной, реальной. Заслуга Уэллса перед историей литературы исключительно велика. Он распространил завоевания критического реализма на область фантастики и при этом нашел многие формы выражения,

¹ Луначарский А. В. Собр. соч., т. 4. М., 1964, с. 308.

характерные уже для литературы нашего времени. Уэллс был из тех, кто помог связать литературу XIX и XX веков.

Раннее творчество Уэллса не исчерпывалось фантастикой. С начала нового века он все чаще выступает как футуролог и утопист («Предвиденья», 1901, «Современная утопия», 1905).

Он пишет и бытовые повести и романы, что помогает бытовой убедительности его фантастики, но отнюдь не играет в его творчестве некую служебную роль. В 1909 году он публикует одно из самых заметных произведений этого периода, «Тонно-Бенге», а до этого утверждает в английской литературе тему «маленького человека» романом «Киппс» (1905).

Все это не могло не сказаться на фантастике Уэллса. Она приобретает несколько иной характер, что легко заметить на примере романа «Пища богов» (1904).

Современник Уэллса Гилберт Кит Честертон назвал этот роман «Джеком, потрошителем великанов», написанным с точки зрения великана». Это было очень меткое замечание. Уэллс и правда стоит на стороне великанов. В «Пище богов» речь идет об изобретении ученых, которые создали особую субстанцию, содействующую быстрому росту живых организмов, превращению людей в гигантов. Но какова судьба их открытия? Как складываются отношения Детей Пищи с обществом, в котором они живут?

Занятно, что в английском фольклоре трудно найти существо более современное, чем великан. Эти не совсем обычные существа обитают не в сказочные времена, а сейчас, сегодня и дружат или вступают в распри с мэрами, рыбаками, сапожниками, лудильщиками, каменщиками, лавочниками, неотличимыми от тех, что встречаются на каждом шагу. Однако близость великанов Уэллса с людьми оказывается опасна прежде всего для самих великанов. Против них восстает все, что воплощает людскую косность, — к иным жизненным масштабам надо ведь заново приспособляться, они грозят нарушить привычный порядок вещей... Конец «Пищи богов» — это уже не реалистически заземленная сказка, где Уэллс вновь радуется нас верностью жизни и чувством юмора, а некое иносказание и пророчество. Показывая, как научное открытие оборачивается бедствием, Уэллс выявляет антагонизм, неразрешимое противоречие между идеями и существующим в буржуазном мире порядком вещей.

Незадолго до первой мировой войны Уэллс написал роман «Война в воздухе» (1908), где столько угадал из явившегося вскоре глазам его современников, что завоевал имя провидца. Такое же отношение несколько лет спустя вызвал и роман Уэллса «Освобожденный мир» (1913), повествующий о новой мировой войне с применением атомных бомб. В романах Уэллса теперь искали — и без труда находили — предвидение реальных собы-

тий. Английский писатель Форд Медокс Форд рассказывал в своих воспоминаниях, что, когда на фронте он почувствовал запах немецкого ядовитого газа, первое, о чем он подумал, было: «Уэллс об этом писал». Именно в эти годы целое поколение понимало, что значил для его духовного развития Уэллс. По словам английского философа Бертрана Рассела, Уэллс был «освободителем мысли и воображения» и, рисуя привлекательные и не-привлекательные картины возможного общества, «заставил молодых людей открытыми глазами взглянуть на разные варианты будущего, о которых они иначе бы не задумались».

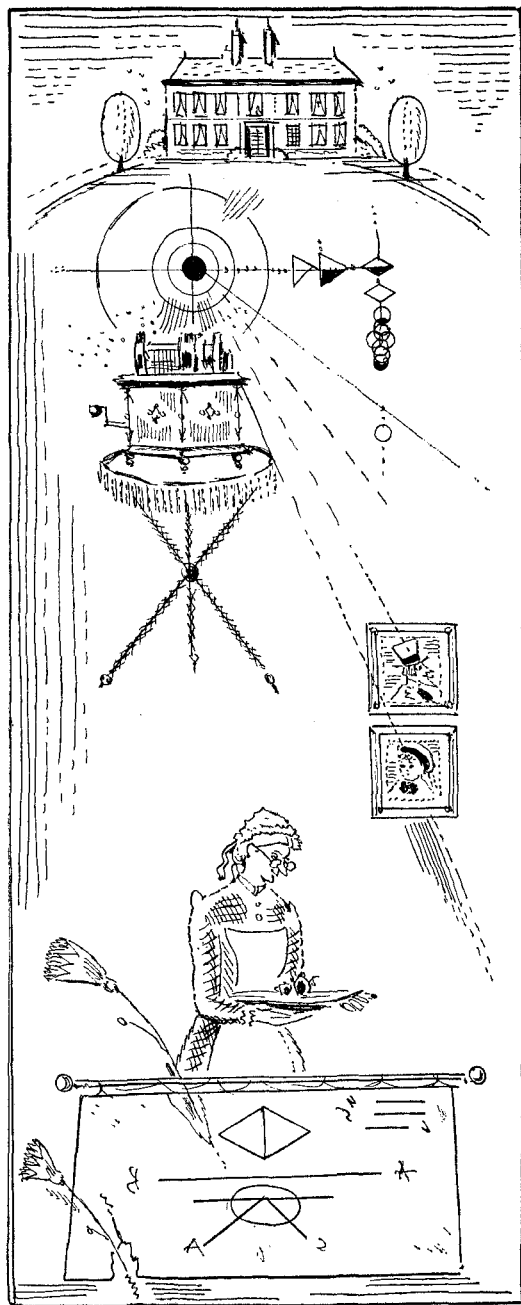
Огромное влияние Уэллса на умы своих современников сделало его крупной общественной фигурой. В 1920 году он поехал в Россию, чтобы увидеть страну, только что совершившую Великую Октябрьскую революцию. Уэллс потом называл нашу революцию «одним из величайших событий в истории», подчеркивая, что она «кардинально изменила все мировоззрение человечества».

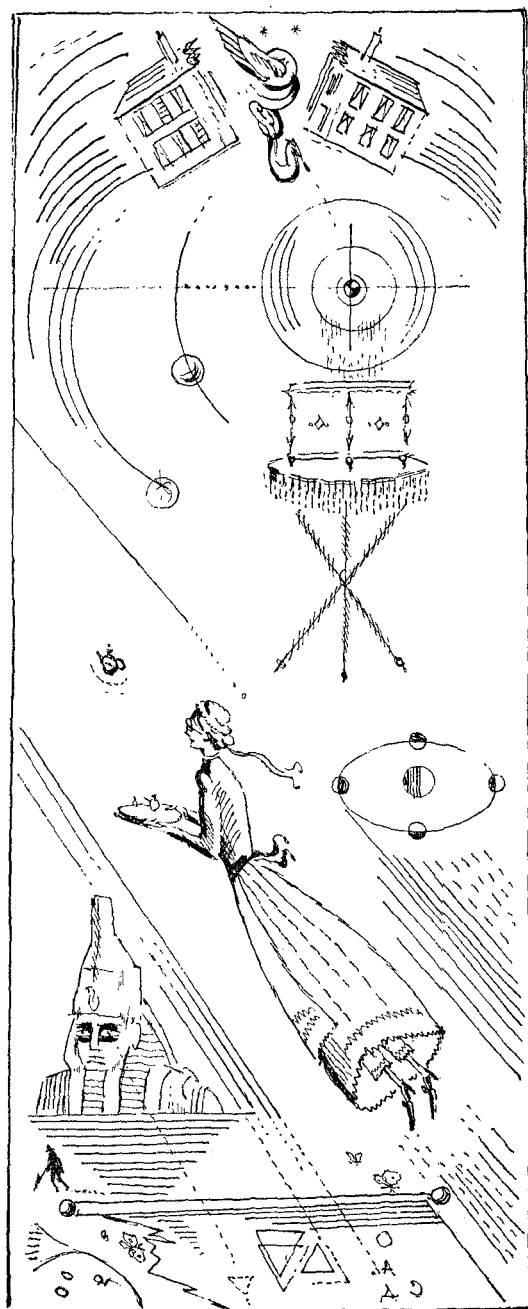
Эта поездка сыграла большую роль в распространении правды о Советской России. Уэллс не все понял у нас, и не все ему понравилось. Но он показал себя доброжелательным и объективным наблюдателем, и его книга «Россия во мгле» (1920) расстроила планы реакции, намеревавшейся возбудить против молодой Страны Советов общественное мнение. Книга показалась настолько опасной, что против нее выступил с большой статьей главный организатор интервенции Уинстон Черчилль. Уэллс ответил Черчиллю в той же газете и, по его собственным словам, «убил его».

Произведения, написанные Уэллсом после первой мировой войны, не поднимались уже, за редкими исключениями, до художественного уровня его ранних романов. И все же в каждое десятилетие Уэллс создавал произведения, которые оказывались в центре внимания читателей во всем мире. Обаяние его имени было по-прежнему велико, и он по-прежнему служил гуманизму и прогрессу. Именно Уэллс был автором первого антифашистского романа, написанного на Западе («Накануне», 1927), а незадолго до смерти он выступил с отповедью поджигателям новой войны. «Он всегда боролся против старого мира» — так «Дейли уоркер», орган Коммунистической партии Великобритании, назвал некролог, посвященный Уэллсу. В истории Англии Уэллс остался как прогрессивный общественный деятель. В истории литературы XX века — как великий писатель-фантаст.

Ю. Кагарлицкий

Машина времени

I Изобретатель

Путешественник по Времени (будем называть его так) рассказывал нам невероятные вещи. Его серые глаза искрились и сияли, лицо, обычно бледное, покраснело и оживилось. В камине ярко пылал огонь, и мягкий свет электрических лампочек, ввинченных в серебряные лилии, переливался в наших бокалах. Стулья собственного его изобретения были так удобны, словно ласкались к нам; в комнате царила та блаженная послеобеденная атмосфера, когда мысль, свободная от строгой определенности, легко скользит с предмета на предмет. Вот что он нам сказал, отмечая самое важное движениями тонкого указательного пальца, в то время как мы лениво сидели на стульях, удивляясь его изобретательности и тому, что он серьезно относится к своему новому парадоксу (как мы это называли):

— Прошу вас слушать меня внимательно. Мне придется опровергнуть несколько общепринятых представлений. Например, геометрия, которой вас обучали в школах, построена на недоразумении...

— Не думаете ли вы, что это слишком широкий вопрос, чтобы с него начинать? — сказал рыжеволосый Филби, большой спорщик.

— Я и не предполагаю, что вы согласитесь со мной, не имея на это достаточно разумных оснований. Но вам придется согласиться со мной, я вас заставлю. Вы, без сомнения, знаете, что математическая линия, линия без толщины, воображаема и реально не существует. Учили вас этому? Вы знаете, что не существует также

и математической плоскости. Все это чистые абстракции.

— Совершенно верно, — подтвердил Психолог.

— Но ведь точно так же не имеет реального существования и куб, обладающий только длиной, шириной и высотой...

— С этим я не могу согласиться, — заявил Филби. — Без сомнения, твердые тела существуют. А все существующие предметы...

— Так думает большинство людей. Но подождите минуту. Может ли существовать вневременной куб?

— Не понимаю вас, — сказал Филби.

— Можно ли признать действительно существующим кубом то, что не существует ни единого мгновения?

Филби задумался.

— А из этого следует, — продолжал Путешественник по Времени, — что каждое реальное тело должно обладать четырьмя измерениями: оно должно иметь длину, ширину, высоту и продолжительность существования. Но вследствие прирожденной ограниченности нашего ума мы не замечаем этого факта. И все же существуют четыре измерения, из которых три мы называем пространственными, а четвертое — временным. Правда, существует тенденция противопоставить три первых измерения последнему, но только потому, что наше сознание от начала нашей жизни и до ее конца движется рывками лишь в одном-единственном направлении этого последнего измерения.

— Это, — произнес Очень Молодой Человек, делая отчаянные усилия раскурить от лампы свою сигару, — это... право, яснее ясного.

— Замечательно. Однако это совершенно упускают из виду, — продолжал Путешественник по Времени, и голос его слегка повеселел. — Время и есть то, что подразумевается под Четвертым Измерением, хотя некоторые трактующие о Четвертом Измерении не знают, о чем говорят. Это просто иная точка зрения на Время. *Единственное различие между Временем и любым из трех пространственных измерений заключается в том, что наше сознание движется по нему.* Некоторые глупцы неправильно понимают эту мысль. Все вы, конечно, знаете, в чем заключаются их возражения против Четвертого Измерения?

— Я не знаю,— заявил Провинциальный Мэр.

— Все очень просто. Пространство, как понимают его наши математики, имеет три измерения, которые называются длиной, шириной и высотой, и оно определяется относительно трех плоскостей, расположенных под прямым углом друг к другу. Однако некоторые философские умы задавали себе вопрос: почему же могут существовать только три измерения? Почему не может существовать еще одно направление под прямым углом к трем остальным? Они пытались даже создать Геометрию Четырех Измерений. Всего около месяца тому назад профессор Саймон Ньюком излагал эту проблему перед Нью-Йоркским математическим обществом. Вы знаете, что на плоской поверхности, обладающей только двумя измерениями, можно представить чертеж трехмерного тела. Предполагается, что точно так же при помощи трехмерных моделей можно представить предмет в четырех измерениях, если овладеть перспективой этого предмета. Понимаете?

— Кажется, да,— пробормотал Провинциальный Мэр.

Нахмутив брови, он углубился в себя и шевелил губами, как человек, повторяющий какие-то магические слова.

— Да, мне кажется, я теперь понял,— произнес он спустя несколько минут, и его лицо просияло.

— Ну, я мог бы рассказать вам, как мне пришлось заниматься одно время Геометрией Четырех Измерений. Некоторые из моих выводов довольно любопытны. Например, вот портрет человека, когда ему было восемь лет, другой — когда ему было пятнадцать, третий — семнадцать, четвертый — двадцать три года и так далее. Все это, очевидно, трехмерные представления его четырехмерного существования, которое является вполне определенной и неизменной величиной.

— Ученые,— продолжал Путешественник по Времени, помолчав для того, чтобы мы лучше усвоили сказанное,— отлично знают, что Время — только особый вид Пространства. Вот перед вами самая обычная диаграмма, кривая погоды. Линия, по которой я веду пальцем, показывает колебания барометра. Вчера он стоял вот на такой высоте, к вечеру упал, сегодня утром снова поднялся и полз понемногу вверх, пока не дошел вот до этого ме-

ста. Без сомнения, ртуть не нанесла этой линии ни в одном из общепринятых пространственных измерений. Но так же несомненно, что ее колебания абсолютно точно определяются нашей линией, и отсюда мы должны заключить, что такая линия была проведена в Четвертом Измерении — во Времени.

— Но, — сказал Доктор, пристально глядя на уголь в камине, — если Время действительно только Четвертое Измерение Пространства, то почему же всегда, вплоть до наших дней, на него смотрели как на нечто отличное? И почему мы не можем двигаться во Времени точно так же, как движемся во всех остальных измерениях Пространства?

Путешественник по Времени улыбнулся.

— А вы так уверены в том, что мы можем свободно двигаться в Пространстве? Правда, мы можем довольно свободно пойти вправо и влево, назад и вперед, и люди всегда делали это. Я допускаю, что мы свободно движемся в двух измерениях. Ну, а как насчет движения вверх? Сила тяготения ограничивает нас в этом.

— Не совсем, — заметил Доктор. — Существуют же аэростаты.

— Но до аэростатов, кроме неуклюжих прыжков и лазанья по неровностям земной поверхности, у человека не было иной возможности вертикального движения.

— Все же мы можем двигаться немного вверх и вниз, — сказал Доктор.

— Легче, значительно легче вниз, чем вверх!

— Но двигаться во Времени совершенно невозможно, вы никуда не уйдете от настоящего момента.

— Мой дорогой друг, тут-то вы и ошибаетесь. В этом-то и ошибался весь мир. Мы постоянно уходим от настоящего момента. Наша духовная жизнь, нематериальная и не имеющая измерений, движется с равномерной быстротой от колыбели к могиле по Четвертому Измерению Пространства Времени. Совершенно так же, как если бы мы, начав свое существование в пятидесяти милях над земной поверхностью, равномерно падали бы вниз.

— Однако главное затруднение, — вмешался Психолог, — заключается в том, что можно свободно двигаться во всех направлениях Пространства, но нельзя так же свободно двигаться во Времени!!

— В этом-то и заключается зерно моего великого открытия. Вы совершаете ошибку, говоря, что нельзя двигаться во Времени. Если я, например, очень ярко вспоминаю какое-либо событие, то возвращаюсь ко времени его совершения и как бы мысленно отсутствую. Я на миг делаю прыжок в прошлое. Конечно, мы не имеем возможности остаться в прошлом на какую бы то ни было частицу Времени, подобно тому как дикарь или животное не могут повиснуть в воздухе на расстоянии хотя бы шести футов от земли. В этом отношении цивилизованный человек имеет преимущество перед дикарем. Он вопреки силе тяготения может подняться вверх на воздушном шаре. Почему же нельзя надеяться, что в конце концов он сумеет также остановить или ускорить свое движение по Времени или даже повернуть в противоположную сторону?

— Это совершенно невозможно... — начал было Филби.

— Почему нет? — спросил Путешественник по Времени.

— Это противоречит разуму, — ответил Филби.

— Какому разуму? — сказал Путешественник по Времени.

— Конечно, вы можете доказывать, что черное — белое, — сказал Филби, — но вы никогда не убедите меня в этом.

— Возможно, — сказал Путешественник по Времени. — Но все же попытайтесь взглянуть на этот вопрос с точки зрения Геометрии Четырех Измерений. С давних пор у меня была смутная мечта создать машину...

— Чтобы путешествовать по Времени? — прервал его Очень Молодой Человек.

— Чтобы двигаться свободно в любом направлении Пространства и Времени по желанию того, кто управляет ею.

Филби только рассмеялся и ничего не сказал.

— И я подтвердил возможность этого на опыте, — сказал Путешественник по Времени.

— Это было бы удивительно удобно для историка, — заметил Психолог. — Можно было бы, например, отправиться в прошлое и проверить известное описание битвы при Гастингсе!

— А вы не побоялись бы, что на вас нападут обе стороны? — сказал Доктор. — Наши предки не очень-то любили анахронизмы.

— Можно было бы изучить греческий язык из уст самого Гомера или Платона, — сказал Очень Молодой Человек.

— И вы, конечно, провалились бы на экзамене. Немецкие ученые так удивительно усовершенствовали древнегреческий язык!

— В таком случае уж лучше отправиться в будущее! — воскликнул Очень Молодой Человек. — Подумайте только! Можно было бы поместить все свои деньги в банк под проценты — и вперед!

— А там окажется, — перебил я, — что общество будущего основано на строго коммунистических началах.

— Это самая экстравагантная теория!.. — воскликнул Психолог.

— Да, так казалось и мне, но я не говорил об этом до тех пор...

— Пока не могли подтвердить это опытом! — подхватил я. — И вы можете доказать...

— Требую опыта! — закричал Филби, которому надоели рассуждения.

— Покажите же нам свой опыт, — сказал Психолог, — хотя, конечно, все это чепуха.

Путешественник по Времени, улыбаясь, обвел нас взглядом. Затем все с той же усмешкой засунул руки в карманы и медленно вышел из комнаты. Мы слышали шарканье его туфель по длинному коридору, который вел в лабораторию.

Психолог посмотрел на нас.

— Интересно, зачем он туда пошел?

— Наверно, это какой-нибудь фокус, — сказал Доктор.

Филби принялся рассказывать о фокуснике, которого он видел в Барселеме, но тут Путешественник по Времени вернулся, и рассказ Филби остался неоконченным.

II *Машина времени*

Путешественник по Времени держал в руке искусно сделанный блестящий металлический предмет немного больше маленьких настольных часов. Он был сделан из слоновой кости и какого-то прозрачного, как хрусталь, ве-

щества. Теперь я постараюсь быть очень точным в своем рассказе, так как за этим последовали совершенно невероятные события. Хозяин придвинул один из маленьких восьмиугольных столиков, расставленных по комнате, к самому камину так, что две его ножки очутились на каминном коврике. На этот столик он поставил свой аппарат. Затем придвинул стул и сел на него. Кроме аппарата, на столе стояла еще небольшая лампа под абажуром, от которой падал яркий свет. В комнате теперь горело еще около дюжины свечей: две в бронзовых посвечниках на камине, остальные в канделябрах, — так что вся она была освещена. Я сел в низкое кресло поближе к огню и выдвинул его вперед так, что оказался почти между камином и Путешественником по Времени. Филби уселся позади и смотрел через его плечо. Доктор и Провинциальный Мэр наблюдали с правой стороны, а Психолог — слева. Очень Молодой Человек стоял позади Психолога. Все мы насторожились. Мне кажется невероятным, чтобы при таких условиях нас можно было обмануть каким-нибудь фокусом, даже самым хитрым и искусно выполненным.

Путешественник по Времени посмотрел на нас, затем на свой аппарат.

— Ну? — сказал Психолог.

— Этот маленький механизм — только модель, — сказал Путешественник по Времени, облокотившись на стол и сплетя пальцы над аппаратом. — По ней я делаю машину для путешествия по Времени. Вы замечаете, какой у нее необычный вид? Например, вот у этой пластинки очень смутная поверхность, как будто бы она в некотором роде не совсем реальна.

Он указал пальцем на одну из частей модели.

— Вот здесь находится маленький белый рычажок, а здесь другой.

Доктор встал со стула и принялся рассматривать модель.

— Чудесно сделано, — сказал он.

— На это ушло два года, — ответил Путешественник по Времени. Затем, после того как мы все по примеру Доктора осмотрели модель, он добавил: — А теперь обратите внимание на следующее: если нажать на этот рычажок, машина начинает скользить в будущее, а второй ры-

чажок вызывает обратное движение. Вот седло, в которое должен сесть Путешественник по Времени. Сейчас я нажму рычаг — и машина двинется. Она исчезнет, умчится в будущее и скроется из наших глаз. Осмотрите ее хорошенько. Осмотрите также стол и убедитесь, что тут нет никакого фокуса. Я вовсе не желаю потерять свою модель и получить за это только репутацию шарлатана.

Наступило минутное молчание. Психолог как будто хотел что-то сказать мне, но передумал. Путешественник по Времени протянул палец по направлению к рычагу.

— Нет, — сказал он вдруг. — Пусть кто-нибудь даст мне руку. — Обернувшись к Психологу, он взял его за локоть и попросил вытянуть указательный палец.

Таким образом, Психолог сам отправил модель Машины Времени в ее бесконечное путешествие. Мы все видели, как рычаг повернулся. Я глубоко убежден, что здесь не было обмана. Произошло колебание воздуха, и пламя лампы задрожало. Одна из свечей, стоявших на камине, погасла. Маленькая машина закачалась, сделалась неясной, на мгновение она представилась нам как тень, как призрак, как вихрь поблескивавшего хрусталя и слоновой кости — и затем исчезла, пропала. На столе осталась только лампа.

С минуту мы все молчали. Затем Филби пробормотал проклятие.

Психолог, оправившись от изумления, заглянул под стол. Путешественник по Времени весело рассмеялся.

— Ну! — сказал он, намекая на сомнения Психолога.

Затем, встав, он взял с камина жестянку с табаком и преспокойно принялся набивать трубку.

Мы посмотрели друг на друга.

— Слушайте, — сказал Доктор, — неужели вы это серьезно? Неужели вы действительно верите, что ваша машина отправилась путешествовать по Времени?

— Без сомнения, — ответил он, наклонился к камину и сунул в огонь клочок бумаги. Затем, закулив трубку, посмотрел на Психолога. (Психолог, стараясь скрыть свое смущение, достал сигару и, позабыв обрезать кончик, тщетно пытался закурить.) — Скажу более, — продолжал наш хозяин, — у меня почти окончена большая машина... Там. — Он указал в сторону своей лаборатории. — Когда

она будет готова, я предполагаю сам совершить путешествие.

— Вы говорите, что эта машина отправилась в будущее? — спросил Филби.

— В будущее или в прошлое — наверняка не знаю.

— Постойте, — сказал Психолог с воодушевлением. — Она должна была отправиться в прошлое, если вообще можно допустить, что она куда-нибудь отправилась.

— Почему? — спросил Путешественник по Времени.

— Потому что если бы она не двигалась в Пространстве и отправилась в будущее, то все время оставалась бы с нами: ведь и мы путешествуем туда же!

— А если бы она отправилась в прошлое, — добавил я, — то мы видели бы ее еще в прошлый четверг, когда были здесь, и в позапрошлый четверг, и так далее!

— Серьезные возражения! — заметил Провинциальный Мэр и с видом полного беспристрастия повернулся к Путешественнику по Времени.

— Вовсе нет, — сказал тот и, обращаясь к Психологу, сказал: — Вы сами легко можете им это объяснить. Это вне восприятия, неуловимо чувством.

— Конечно, — ответил Психолог, обращаясь к нам. — С психологической точки зрения это очень просто. Я должен был бы подумать раньше. Это подтверждает ваш парадокс. Мы действительно не можем видеть, не можем воспринять движение этой машины, как не можем видеть спицу быстро вертящегося колеса или пулю, летящую в воздухе. И если машина движется в будущее со скоростью в пятьдесят или сто раз большей, чем мы сами, если она проходит хотя бы минуту времени, пока мы проходим секунду, то восприятие ее равняется, безусловно, только одной пятидесятой или одной сотой обычного восприятия. Это совершенно ясно. — Он провел рукой по тому месту, где стоял аппарат. — Понимаете? — сказал он, смеясь.

Целую минуту мы не сводили взгляда с пустого стола. Затем Путешественник по Времени спросил, что мы обо всем этом думаем.

— Все это кажется сегодня вполне правдоподобным, — ответил Доктор, — но подождем до завтра. Утро вечера мудренее.

— Не хотите ли взглянуть на саму Машину Времени? — спросил Путешественник по Времени.

И, взяв лампу, он повел нас по длинному холодному коридору в свою лабораторию. Ясно помню мерцающий свет лампы, его темную крупную голову впереди, наши пляшущие тени на стенах. Мы шли за ним, удивленные и недоверчивые, и увидели в лаборатории, так сказать, увеличенную копию маленького механизма, исчезнувшего на наших глазах. Некоторые части машины были сделаны из никеля, другие из слоновой кости; были и детали, несомненно, вырезанные или выпиленные из горного хрусталя. В общем, машина была готова. Только на скамье, рядом с чертежами, лежало несколько прозрачных, причудливо изогнутых стержней. Они, по-видимому, не были окончены. Я взял в руку один из них, чтобы получше рассмотреть. Мне показалось, что он был сделан из кварца.

— Послушайте, — сказал Доктор, — неужели это действительно серьезно? Или это фокус вроде того привидения, которое вы показывали нам на прошлое рождество?

— На этой машине, — сказал Путешественник по Времени, держа лампу высоко над головой, — я собираюсь исследовать Время. Понимаете? Никогда еще я не говорил более серьезно, чем сейчас.

Никто из нас хорошенько не знал, как отнестись к этим его словам. Выглянув из-за плеча Доктора, я встретился взглядом с Филби, он многозначительно подмигнул мне.

III *Путешественник по Времени возвращается*

Мне кажется, в то время никто из нас серьезно не верил в Машину Времени. Дело в том, что Путешественник по Времени принадлежал к числу людей, которые слишком умны, чтобы им можно было слепо верить. Всегда казалось, что он себе на уме, никогда не было уверенности в том, что его обычная откровенность не таит какой-нибудь задней мысли или хитроумной уловки. Если бы ту же самую модель показал нам Филби, объяснив сущность дела теми же словами, мы проявили бы значительно больше доверия. Мы понимали бы, что им движет: вся-

кий колбасник мог бы понять Филби. Но характер Путешественника по Времени был слишком причудлив, и мы инстинктивно не доверяли ему. Открытия и выводы, которые доставили бы славу человеку менее умному, у него казались лишь хитрыми трюками. Достигая своих целей слишком легко, он совершал большую ошибку. Серьезные, умные люди, с уважением относившиеся к нему, никогда не были уверены в том, что он не одурачит их просто ради шутки, и всегда чувствовали, что их репутация в его руках подобна тончайшему фарфору в руках ребенка. Вот почему, как мне кажется, ни один из нас всю следующую неделю, от четверга до четверга, ни словом не обмолвился о путешествии по Времени, хотя, без сомнения, оно заинтересовало всех: кажущаяся правдоподобность и вместе с тем практическая невероятность такого путешествия, забавные анахронизмы и полный хаос, который оно вызвало бы, — все это очень занимало нас. Что касается меня лично, то я особенно заинтересовался опытом с моделью. Помню, я поспорил об этом с Доктором, встретившись с ним в пятницу в Линнеевском обществе. Он говорил, что видел нечто подобное в Тюбингене, и придавал большое значение тому, что одна из свечей во время опыта погасла. Но как все это было сделано, он не мог объяснить.

В следующий четверг я снова поехал в Ричмонд, так как постоянно бывал у Путешественника по Времени, и, немного запоздав, застал уже в гостиной четверых или пятерых знакомых.

Доктор стоял перед камином с листком бумаги в одной руке и часами в другой. Я огляделся: Путешественника по Времени не было.

— Половина восьмого, — сказал Доктор. — Мне кажется, пора садиться за стол.

— Но где же хозяин? — спросил я.

— Ага, вы только что пришли? Знаете, это становится странным. Его, по-видимому, что-то задержало. В этой записке он просит нас сесть за стол в семь часов, если он не вернется, и обещает потом объяснить, в чем дело.

— Досадно, если обед будет испорчен, — сказал Редактор одной известной газеты.

Доктор позвонил.

Из прежних гостей, кроме меня и Доктора, был только один Психолог. Зато появились новые: Бленк, уже упомянутый нами Редактор, один журналист и еще какой-то тихий, застенчивый бородатый человек, которого я не знал и который, насколько я мог заметить, за весь вечер не проронил ни слова. За обедом высказывались всевозможные догадки о том, где сейчас хозяин. Я шутливо намекнул, что он путешествует по Времени. Редактор захотел узнать, что это значит, и Психолог принялся длинно и неинтересно рассказывать об «остроумном фокусе», очевидцами которого мы были неделю назад. В самой середине его рассказа дверь в коридор медленно и бесшумно отворилась. Я сидел напротив нее и первый заметил это.

— А! — воскликнул я. — Наконец-то! — Дверь распахнулась настежь, и мы увидели Путешественника по Времени.

У меня вырвался крик изумления.

— Господи, что с вами? — воскликнул и Доктор.

Все сидевшие за столом повернулись к двери.

Вид у него был действительно странный. Его сюртук был весь в грязи, на рукавах проступали какие-то зеленые пятна; волосы были всклокочены и показались мне поседевшими от пыли или оттого, что они за это время выцвели. Лицо его было мертвенно-бледно, на подбородке виднелся темный, едва затянувшийся рубец, глаза дико блуждали, как у человека, перенесшего тяжкие страдания. С минуту он постоял в дверях, как будто ослепленный светом. Затем, прихрамывая, вошел в комнату. Так хромают бродяги, когда натрут ноги. Мы все выжидающе смотрели на него.

Не произнося ни слова, он заковылял к столу и протянул руку к бутылке. Редактор налил шампанского и пододвинул ему бокал. Он осушил бокал залпом, и ему, казалось, стало лучше: он обвел взглядом стол, и на лице его мелькнуло подобие обычной улыбки.

— Что с вами случилось? — спросил Доктор. Путешественник по Времени, казалось, не слышал вопроса.

— Не беспокойтесь, — сказал он, запинаясь. — Все в порядке.

Он замолчал и снова протянул бокал, затем выпил его, как и прежде, залпом.

— Вот хорошо, — сказал он.

Глаза его заблестели, на щеках показался слабый румянец. Он взглянул на нас с одобрением и два раза прошелся из угла в угол теплой и уютной комнаты... Потом заговорил, запинаясь и как будто с трудом подыскивая слова.

— Я пойду приму ванну и переоденусь, а затем вернусь и все вам расскажу... Оставьте мне только кусочек баранины. Я смертельно хочу мяса.

Он взглянул на Редактора, который редко бывал в его доме, и поздоровался с ним. Редактор что-то спросил у него.

— Дайте мне только одну минутку, и я вам отвечу, — сказал Путешественник по Времени. — Видите, в каком я виде. Но через минуту все будет в порядке.

Он поставил бокал на стол и направился к двери. Я снова обратил внимание на его хромоту и на глухой звук его шагов. Привстав со стула как раз в то мгновение, когда он выходил из комнаты, я поглядел на его ноги. На них не было ничего, кроме изорванных и окровавленных носков. Дверь закрылась. Я хотел его догнать, но вспомнил, как он ненавидит лишнюю суету. Несколько минут я не мог собраться с мыслями.

— «Странное Поведение Знаменитого Ученого», — услышал я голос Редактора, который по привычке мыслил всегда в форме газетных заголовков. Эти слова вернули меня к ярко освещенному обеденному столу.

— В чем дело? — спросил Журналист. — Что он, разыгрывает из себя бродягу, что ли? Ничего не понимаю.

Я встретился взглядом с Психологом, и на его лице прочел отражение собственных мыслей. Я подумал о путешествии по Времени и о самом Путешественнике, ковылявшем теперь наверх по лестнице. Кажется, никто, кроме меня, не заметил его хромоты.

Первым опомнился Доктор. Он позвонил — Путешественник по Времени не любил, чтобы прислуга находилась в комнате во время обеда, — и велел подать следующее блюдо.

Проворчав что-то себе под нос, Редактор принялся орудовать ножом и вилкой, и Молчаливый Гость последовал его примеру. Все снова принялись за еду. Некоторое время разговор состоял из одних удивленных восклица-

ний, перемежавшихся молчанием. Любопытство Редактора достигло предела.

— Не пополняет ли наш общий друг свои скромные доходы нищенством? — начал он снова. — Или с ним случилось то же самое, что с Навуходоносором?

— Я убежден, что это имеет какое-то отношение к Машине Времени, — сказал я и стал продолжать рассказ о нашей предыдущей встрече с того места, где остановился Психолог. Новые гости слушали с явным недоверием. Редактор принялся возражать.

— Хорошенькое путешествие по Времени! — воскликнул он. — Подумайте только! Не может же человек покрыться пылью только потому, что запутался в своем парадоксе!

Найдя эту мысль забавной, он принялся острить:

— Неужели в Будущем нет платяных щеток?

Журналист тоже ни за что не хотел нам верить и присоединился к Редактору, легко нанизывая одну на другую насмешки и несообразности. Оба они были журналистами нового типа — веселые разбитные молодые люди.

— Наш специальный корреспондент из послезавтрашнего дня сообщает! — сказал или скорее выкрикнул Журналист в то мгновение, когда Путешественник по Времени появился снова. Он был теперь в своем обычном костюме, и, кроме блуждающего взгляда, во внешности его не осталось никаких следов недавней перемены, которая меня так поразила.

— Вообразите, — весело сказал Редактор, — эти шутники утверждают, что вы побывали в середине будущей недели!.. Не расскажете ли вы нам что-нибудь о Розбери? Какой желаете гонорар?

Не произнося ни слова, Путешественник по Времени подошел к оставленному для него месту. Он улыбался своей обычной спокойной улыбкой.

— Где моя баранина? — спросил он. — Какое наслаждение снова воткнуть вилку в кусок мяса!

— Выкладывайте! — закричал Редактор.

— К черту! — сказал Путешественник по Времени. — Я умираю с голоду. Не скажу ни слова, пока не подкреплюсь. Благодарю вас. И, будьте любезны, передайте соль.

— Одно только слово, — проговорил я. — Вы путешествовали по Времени?

— Да, — ответил Путешественник по Времени с набитым ртом и кивнул головой.

— Готов заплатить по шиллингу за строчку! — сказал Редактор.

Путешественник по Времени пододвинул к Молчаливому Человеку свой бокал и постучал по нему пальцем; Молчаливый Человек, пристально смотревший на него, нервно вздрогнул и налил вина.

Обед показался мне бесконечно долгим. Я с трудом удерживался от вопросов, и, думаю, то же самое было со всеми остальными. Журналист пытался поднять настроение, рассказывая анекдоты. Но Путешественник по Времени был поглощен обедом и ел с аппетитом настоящего бродяги. Доктор курил сигару и, прищурившись, незаметно наблюдал за ним. Молчаливый Человек, казалось, был застенчивей обыкновенного и нервно пил шампанское. Наконец Путешественник по Времени отодвинул тарелку и оглядел нас.

— Я должен извиниться перед вами, — сказал он. — Простите! Я умирал с голоду. Со мной случилось удивительнейшее происшествие.

Он протянул руку за сигарой и обрезал ее конец.

— Перейдемте в курительную. Это слишком длинная история, чтобы рассказывать ее за столом, уставленным грязными тарелками.

И, позвонив прислуге, он отвел нас в соседнюю комнату.

— Рассказывали вы Бленку, Дэшу и Чоузу о Машине? — спросил он меня, откидываясь на спинку удобного кресла и указывая на троих новых гостей.

— Но ведь это просто парадокс, — сказал Редактор.

— Сегодня я не в силах спорить. Рассказать могу, но спорить не в состоянии. Если хотите, я расскажу вам о том, что со мной случилось, но прошу не прерывать меня. Я чувствую непреодолимую потребность рассказать вам все. Знаю, что едва ли не весь мой рассказ покажется вам вымыслом. Пусть так! Но все-таки это правда — от первого до последнего слова... Сегодня в четыре часа дня я был в своей лаборатории, и с тех пор... за три часа прожил восемь дней... Восемь дней, каких не переживал еще

ни один человек! Я измучен, но не лягу спать до тех пор, пока не расскажу вам все. Тогда только я смогу заснуть. Но не прерывайте меня. Согласны?

— Согласен, — сказал Редактор.

И все мы повторили хором:

— Согласны!

И Путешественник по Времени начал свой рассказ, который я привожу здесь. Сначала он сидел, откинувшись на спинку кресла, и казался крайне утомленным, но потом понемногу оживился. Пересказывая его историю, я слишком глубоко чувствую полнейшее бессилие пера и чернил и, главное, собственную свою неспособность передать все эти характерные особенности. Вероятно, вы прочтете его со вниманием, но не увидите бледного искреннего лица рассказчика, освещенного ярким светом лампы, и не услышите звука его голоса. Вы не сможете представить себе, как по ходу рассказа изменялось выражение этого лица. Большинство из нас сидело в тени: в курительной комнате не были зажжены свечи, а лампа освещала только лицо Журналиста и ноги Молчаливого Человека, да и то лишь до колен.

Сначала мы молча переглядывались, но вскоре забыли обо всем и смотрели только на Путешественника по Времени.

IV *Путешествие по Времени*

— В прошлый четверг я объяснял уже некоторым из вас принцип действия моей Машины Времени и показывал ее, еще не законченную, в своей мастерской. Там она находится и сейчас, правда, немного потрепанная путешествием. Один из костяных стержней надломлен, и бронзовая полоса погнута, но все остальные части в исправности. Я рассчитывал закончить ее еще в пятницу, но, собрав все, заметил, что одна из никелевых деталей на целый дюйм короче, чем нужно. Пришлось снова ее переделывать. Вот почему моя Машина была закончена только сегодня. В десять часов утра первая в мире Машина Времени была готова к путешествию. В последний раз я осмотрел все, испробовал винты и, снова смазав кварцевую ось, сел в седло. Думаю, что самоубийца, который подносит револьвер к виску, испытывает такое же странное чувство, какое охватило меня, когда одной рукой я взялся за пусковой

рычаг, а другой — за тормоз. Я быстро повернул первый и почти тотчас же второй. Мне показалось, что я покачнулся, испытав, будто в кошмаре, ощущение падения. Но, оглядевшись, я увидел свою лабораторию такой же, как и за минуту до этого. Произошло ли что-нибудь? На мгновение у меня мелькнула мысль, что все мои теории ошибочны. Я посмотрел на часы. Минуту назад, как мне казалось, часы показывали начало одиннадцатого, теперь же — около половины четвертого!

Я вздохнул и, сжав зубы, обеими руками повернул пусковой рычаг. Лаборатория стала туманной и неясной. Вошла миссис Уотчет и, по-видимому, не замечая меня, двинулась к двери в сад. Для того, чтобы перейти комнату, ей понадобилось, вероятно, около минуты, но мне показалось, что она пронеслась с быстротой ракеты. Я повернул рычаг до отказа. Сразу наступила темнота, как будто потушили лампу, но в следующее же мгновение вновь стало светло. Я неясно различал лабораторию, которая становилась все более и более туманной. Вдруг наступила ночь, затем снова день, снова ночь и так далее, все быстрее. У меня шумело в ушах, и странное ощущение падения стало сильнее.

Боюсь, что не сумею передать вам своеобразных ощущений путешествия по Времени. Чтобы понять меня, их надо испытать самому. Они очень неприятны. Как будто мчишься куда-то, беспомощный, с головокружительной быстротой. Предчувствие ужасного, неизбежного падения не покидает тебя. Пока я мчался таким образом, ночи сменялись днями, подобно взмахам черных крыльев. Скоро смутные очертания моей лаборатории исчезли, и я увидел солнце, каждую минуту делавшее скачок по небу от востока до запада, и каждую минуту наступал новый день. Я решил, что лаборатория разрушена и я очутился под открытым небом. У меня было впечатление, что здесь что-то строится, но я мчался слишком быстро, чтобы воспринимать подробности. Самая медленная из улиток двигалась для меня слишком быстро. Мгновенная смена темноты и света была нестерпима для глаз. В секунды потемнения я видел луну, которая быстро пробегала по небу, меняя свои фазы от новолуния до полнолуния, видел слабое мерцание кружившихся звезд. Я продолжал мчаться так со все возрастающей скоростью, день и ночь слились

наконец в сплошную серую пелену; небо окрасилось в ту удивительную синеву, приобрело тот чудесный оттенок, который появляется в ранние сумерки; метавшееся солнце превратилось в огненную полосу, дугой сверкавшую от востока до запада, а луна — в такую же полосу слабо струившегося света; я уже не мог видеть звезд и только изредка замечал то тут, то там светлые круги, опоясавшие небесную синеву.

Вокруг меня все было смутно и туманно. Я все еще находился на склоне холма, на котором и сейчас стоит этот дом, и вершина его поднималась надо мной, серая и расплывчатая. Я видел, как деревья вырастали и изменяли форму подобно клубам дыма: то желтея, то зеленея, они росли, увеличивались и исчезали. Я видел, как огромные великолепные здания появлялись и таяли, словно сновидения. Вся поверхность земли изменялась на моих глазах. Маленькие стрелки на циферблатах, показывавшие скорость Машины, вертелись все быстрее и быстрее. Скоро я заметил, что полоса, в которую превратилось солнце, колеблется то к северу, то к югу — от летнего солнцестояния к зимнему, — показывая, что я пролетал более года в минуту, и каждую минуту снег покрывал землю и сменялся яркой весенней зеленью.

Первые неприятные ощущения полета стали уже не такими острыми. Меня вдруг охватило какое-то исступление. Я заметил странное качание машины, но не мог понять причины этого. В голове моей был какой-то хаос, и я в припадке безумия летел в будущее. Я не думал об остановке, забыл обо всем, кроме своих новых ощущений. Но вскоре эти ощущения сменились любопытством, смешанным со страхом. «Какое удивительное развитие человечества, какие чудесные достижения прогресса по сравнению с папсой зачаточной цивилизацией, — думал я, — могут открыться передо мной, если я взгляну поближе на смутный, мелькающий мир, несущийся и меняющийся перед моими глазами!» Я видел, как вокруг меня вздымались огромные сооружения чудесной архитектуры, гораздо более величественные, чем здания нашего времени, но они казались как бы сотканными из мерцающего тумана. Я видел, как склон этого холма покрылся пышной зеленью и она оставалась на нем круглый год — летом и зимой. Даже сквозь дымку, окутавшую меня, зрелище

показалось мне удивительно прекрасным. И я почувствовал желание остановиться.

Риск заключался в том, что пространство, необходимое для моего тела или моей Машины, могло оказаться уже занятым. Пока я с огромной скоростью мчался по Времени, это не имело значения: я находился, так сказать, в разжиженном состоянии, подобно пару, скользил между встречавшимися предметами. Но остановка означала, что я должен молекула за молекулой втиснуться в то, что оказалось бы на моем пути; атомы моего тела должны были войти в такое близкое соприкосновение с атомами этого препятствия, что между теми и другими могла произойти бурная химическая реакция — возможно, мощный взрыв, после которого я вместе с моим аппаратом оказался бы по ту сторону всех возможных измерений, в Неизвестности. Эта возможность не раз приходила мне на ум, пока я делал Машину, но тогда я считал, что это неизбежный риск, на который необходимо идти. Теперь же, когда опасность казалась неминуемой, я уже не смотрел на нее так беззаботно. Дело в том, что новизна окружающего, утомительные колебания и дрожание Машины, а главное, непрерывное ощущение падения — все это незаметно действовало на мои нервы. Я говорил себе, что уже больше не смогу никогда остановиться, и вдруг, досадуя на самого себя, решил это сделать. Как глупец, я нетерпеливо рванул тормоз. Машина в то же мгновение перевернулась, и я стремглав полетел в пространство.

В ушах у меня словно загредел гром. На мгновение я был оглушен. Потом с трудом сел и осмотрелся. Вокруг меня со свистом падал белый град, а я сидел на мягком дерне перед опрокинутой Машиной. Все вокруг по-прежнему казалось серым, но вскоре я почувствовал, что шум в ушах прошел, и еще раз осмотрелся: я находился, по-видимому, в саду, на лужайке, обсаженной рододендронами, лиловые и алые цветы падали на землю под ударами града. Отскакивая от земли, градины летели над моей Машиной, таяли и сырым покровом стлались по земле. В одно мгновение я промок до костей.

«Нечего сказать, хорошенькое гостеприимство, — сказал я, — так встречать человека, который промчался сквозь бесчисленное множество лет».

Решив, что мокнуть дольше было бы глупо, я встал и осмотрелся. Сквозь туман за рододендронами я смутно различил колоссальную фигуру, высеченную, по-видимому, из какого-то белого камня. Больше ничего видно не было.

Трудно передать мои ощущения. Когда град стал падать реже, я подробно разглядел белую фигуру. Она была очень велика — высокий серебристый тополь достигал только до ее половины. Высечена она была из белого мрамора и походила на сфинкса, но крылья его не прилегали к телу, а были распростерты, словно он собирался взлететь. Пьедестал показался мне сделанным из бронзы и был густо покрыт медной зеленью. Лицо Сфинкса было обращено прямо ко мне, его незрячие глаза, казалось, смотрели на меня, и по губам скользила улыбка. Он был сильно потрепан непогодами, словно изъеден болезнью. Я стоял и глядел на него, быть может, полминуты, а может, и полчаса. Казалось, он то приближался, то отступал, смотря по тому, гуще или реже падал град. Наконец я отвел от него глаза и увидел, что завеса града прорвалась, небо прояснилось и скоро должно появиться солнце.

Я снова взглянул на белую фигуру Сфинкса и вдруг понял все безрассудство своего путешествия. Что увижу я, когда совершенно рассеется этот туман? Разве люди не могли за это время измениться до неузнаваемости? Что, если они стали еще более жестокими? Что, если они совершенно утратили свой человеческий облик и превратились во что-то нечеловеческое, мерзкое и неодолимо сильное? А может быть, я увижу какое-нибудь дикое животное, еще более ужасное и отвратительное, чем первобытные ящеры, в силу своего человекоподобия, — мерзкую тварь, которую следовало бы тотчас же уничтожить?

Я взглянул кругом и увидел вдали какие-то очертания — огромные дома с затейливыми перилами и высокими колоннами, они отчетливо выступали на фоне лесистого холма, который сквозь утихающую грозу смутно вырисовывался передо мною. Панический страх вдруг овладел мною. Как безумный, я бросился к Машине Времени и попробовал снова запустить ее. Солнечные лучи пробились тем временем сквозь облака. Серая завеса расплылась и исчезла. Надо мной в густой синеве летнего неба

растаяло несколько последних облаков. Ясно и отчетливо показались огромные здания, блестевшие после обмывшей их грозы и украшенные белыми грудями не растаявших градин. Я чувствовал себя совершенно незащищенным в этом неведомом мире. Вероятно, то же самое ощущает птичка, видя, как парит ястреб, собирающийся на нее броситься. Мой страх граничил с безумием. Я собрался с силами, сжал зубы, руками и ногами уперся в Машину, чтобы перевернуть ее. Она поддалась моим отчаянным усилиям и наконец перевернулась, сильно ударив меня по подбородку. Одной рукой держась за сиденье, другой — за рычаг, я стоял, тяжело дыша, готовый снова взобраться на нее.

Но вместе с возможностью отступления ко мне снова вернулось мужество. С любопытством, к которому примешивалось все меньше страха, я взглянул на этот мир далекого будущего. Под аркой в стене ближайшего дома я увидел несколько фигур в красивых свободных одеждах. Они меня тоже увидели: их лица были обращены ко мне.

Затем я услышал приближающиеся голоса. Из-за кустов позади Белого Сфинкса показались головы и плечи бегущих людей. Один из них выскочил на тропинку, ведущую к лужайке, где я стоял рядом со своей Машинкой. Это было маленькое существо — не более четырех футов ростом, одетое в пурпуровую тунику, перехваченную у талии кожаным ремнем. На ногах у него были не то сандалии, не то котурны. Ноги до колен были обнажены, и голова не покрыта. Обратив внимание на эту легкую одежду, я впервые почувствовал, какой теплый был там воздух.

Подбежавший человек показался мне удивительно прекрасным, грациозным, но чрезвычайно хрупким существом. Его залитое румянцем лицо напомнило мне лица больных чахоткой, — ту чахоточную красоту, о которой так часто приходится слышать. При виде его я внезапно почувствовал доверие. Я отдернул руку от Машины.

V *В золотом веке*

Через мгновение мы уже стояли лицом к лицу — я и это хрупкое существо далекого будущего. Он смело подошел ко мне и приветливо улыбнулся. Это полное отсутствие

страха чрезвычайно поразило меня. Он повернулся к двум другим, которые подошли вслед за ним, и заговорил с ними на странном, очень нежном и певучем языке.

Тем временем подросли другие, и скоро вокруг меня образовалась группа из восьми или десяти очень изящных созданий. Один из них обратился ко мне с каким-то вопросом. Не знаю почему, но мне пришло вдруг в голову, что мой голос должен показаться им слишком грубым и резким. Поэтому я только покачал головой и указал на свои уши. Тот, кто обратился ко мне, сделал шаг вперед, остановился в нерешительности и дотронулся до моей руки. Я почувствовал еще несколько таких же нежных прикосновений на плечах и на спине. Они хотели убедиться, что я действительно существую. В их движениях не было решительно ничего внушающего опасения. Наоборот, в этих милых маленьких существах было что-то вызывающее доверие, какая-то грациозная мягкость, какая-то детская непринужденность. К тому же они были такие хрупкие, что, казалось, можно совсем легко в случае нужды разбросать их, как кегли, — целую дюжину одним толчком. Однако, заметив, что маленькие руки принялись ощупывать Машину Времени, я сделал предостерегающее движение. Я вдруг вспомнил то, о чем совершенно забыл, — что она может внезапно исчезнуть, вывинтил, нагнувшись над стержнями, рычажки, приводящие Машину в движение, и положил их в карман. Затем снова повернулся к этим людям, раздумывая, как бы мне с ними объяснить.

Я пристально разглядывал их изящные фигурки, напоминавшие дрезденские фарфоровые статуэтки. Их короткие волосы одинаково курчавились, на лице не было видно ни малейшего признака растительности, уши были удивительно маленькие. Рот крошечный, с ярко-пунцовыми, довольно тонкими губами, подбородок остроконечный. Глаза большие и кроткие, но — не считите это за тщеславие! — в них недоставало выражения того интереса ко мне, какого я был вправе ожидать.

Они больше не делали попыток объясняться со мной и стояли, улыбаясь и переговариваясь друг с другом нежными, воркующими голосами. Я первым начал разговор. Указал рукой на Машину Времени, потом на самого себя. После этого, поколебавшись, как лучше выразить понятие

о Времени, указал на солнце. Тотчас же одно изящное существо, одетое в клетчатую пурпурно-белую одежду, повторило мой жест и, несказанно поразив меня, издало звук, подражая грому.

На мгновение я удивился, хотя смысл жеста был вполне ясен. Мне вдруг пришла мысль: а не имею ли я дело просто-напросто с дураками? Вы едва ли поймете, как это поразило меня. Я всегда держался того мнения, что люди эпохи восьмьсот второй тысячи лет, куда я залетел, судя по счетчику моей Машины, уйдут невообразимо дальше нас в науке, искусстве и во всем остальном. И вдруг один из них задает мне вопрос, показывающий, что его умственный уровень не выше уровня нашего пятилетнего ребенка: он всерьез спрашивает меня, не упал ли я с солнца во время грозы? И потом эта их яркая одежда, хрупкое, изящное сложение и нежные черты лица. Я почувствовал разочарование и на мгновение подумал, что напрасно трудился над своей Машиной Времени.

Кивнув головой, я указал на солнце и так искусно изобразил гром, что все они отскочили от меня на шаг или два и присели от страха. Но тотчас снова ободрились, и один, смеясь, подошел ко мне с гирляндой чудесных и совершенно неизвестных мне цветов. Он обвил гирляндой мою шею под мелодичные одобрительные возгласы остальных. Все принялись рвать цветы и, смеясь, обвивать ими меня, пока наконец я не стал задыхаться от благоухания. Вы, никогда не видевшие ничего подобного, вряд ли можете представить себе, какие чудесные и нежные цветы создала культура невообразимого числа лет. Кто-то, видимо, подал мысль выставить меня в таком виде в ближайшем здании, и они повели меня к высокому серому, покрытому трещинами каменному дворцу, мимо Сфинкса из белого мрамора, который, казалось, все время с легкой усмешкой смотрел на мое изумление. Идя с ними, я едва удержался от смеха при воспоминании о том, как самоуверенно предсказывал вам несколько дней назад серьезность и глубину ума будущих поколений.

Здание, куда меня вели, имело огромный портал, да и все оно было колоссальных размеров. Я с интересом рассматривал огромную, все растущую толпу этих малень-

ких существ, и зияющий вход, темный и таинственный. Общее впечатление от окружающего было таково, как будто весь мир покрыт густой порослью красивых кустов и цветов, словно давно запущенный, но все еще прекрасный сад. Я видел высокие стебли и нежные головки странных белых цветов. Они были около фута в диаметре, имели прозрачный восковой оттенок и росли дико среди разнообразных кустарников; в то время я не мог хорошенько рассмотреть их. Моя Машина Времени осталась без присмотра среди рододендронов.

Свод был украшен чудесной резьбой, но я, конечно, не успел ее как следует рассмотреть, хотя, когда я проходил под ним, мне показалось, что он сделан в древнефиникийском стиле, и меня поразило, что резьба сильно повреждена и стерта.

Под взрывы мелодичного смеха и веселые разговоры меня встретило на пороге несколько существ, одетых в еще более светлые одежды, и я вошел внутрь в своем неподходящем темном одеянии девятнадцатого века. Я не мог не чувствовать, что вид у меня довольно забавный,— я был весь увешан гирляндами цветов и окружен волнуемой толпой людей, облаченных в светлые, нежных расцветок одежды, сверкавших белизной обнаженных рук и смеявшихся и мелодично ворковавших.

Большая дверь вела в огромный, завешанный коричневой тканью зал. Потолок его был в тени, а через окна с яркими цветными стеклами, а местами совсем незастекленные, лился мягкий, приятный свет. Пол состоял из какого-то очень твердого белого металла — это были не плитки и не пластинки, а целые глыбы, но шаги бесчисленных поколений даже в этом металле выбили местами глубокие колеи. Поперек зала стояло множество низких столов, сделанных из полированного камня, высотой не больше фута,— на них лежали груды плодов. В некоторых я узнал что-то вроде огромной малины, другие были похожи на апельсины, но большая часть была мне совершенно неизвестна.

Между столами было разбросано множество мягких подушек. Мои спутники расселись на них и знаками указали мне мое место. С милой непринужденностью они принялись есть плоды, беря их руками и бросая ше-

луху и огрызки в круглые отверстия по бокам столов. Я не заставил себя долго просить, так как чувствовал сильный голод и жажду. Поев, я принялся осматривать зал.

Меня особенно поразил его запустелый вид. Цветные оконные стекла, представлявшие простые геометрические фигуры, во многих местах были разбиты, а тяжелые занавеси покрылись густым слоем пыли. Мне также бросилось в глаза, что угол мраморного стола, за которым я сидел, отбит. Несмотря на это, зал был удивительно живописен. В нем находилось, может быть, около двухсот человек, и большинство из них с любопытством теснилось вокруг меня. Их глаза весело блестели, а белые зубы изящно грызли плоды. Все они были одеты в очень мягкие, но прочные шелковистые ткани.

Фрукты были их единственной пищей. Эти люди далекого будущего были строгими вегетарианцами, и на время я принужден был сделаться таким же травоядным, несмотря на потребность в мясе. Впоследствии я узнал, что лошади, рогатый скот, овцы, собаки в это время уже вымерли, как вымерли когда-то ихтиозавры. Однако плоды были восхитительны, в особенности один плод (который, по-видимому, созрел во время моего пребывания там), с мучнистой мякотью, заключенной в трехгранную скорлупу. Он стал моей главной пищей. Я был поражен удивительными плодами и чудесными цветами, но не знал, откуда они берутся: только позднее я начал это понимать.

Таков был мой первый обед в далеком будущем. Немного насытившись, я решил сделать попытку научиться языку этих новых для меня людей. Само собой разумеется, это было необходимо. Плоды показались мне подходящим предметом для начала, и, взяв один из них, я попробовал объяснить при помощи вопросительных звуков и жестов. Мне стоило немалого труда заставить меня понять. Сначала все мои слова и жесты вызывали изумленные взгляды и бесконечные взрывы смеха, но вдруг одно белокурое существо, казалось, поняло мое намерение и несколько раз повторило какое-то слово. Все принялись болтать и перешептываться друг с другом, а потом наперебой начали весело обучать меня своему языку. Но мои первые попытки повторить их изящные короткие

слова вызывали у них новые взрывы неподдельного веселья. Несмотря на то, что я брал у них уроки, я все-таки чувствовал себя как школьный учитель в кругу детей. Скоро я заучил десятка два существительных, а затем дошел до указательных местоимений и даже до глагола «есть». Но это была трудная работа, быстро наскучившая маленьким существам, и я почувствовал, что они уже избегают моих вопросов. По необходимости пришлось брать уроки понемногу и только тогда, когда мои новые знакомые сами этого хотели. А это бывало не часто — я никогда еще не встречал таких беспечных и быстро утомляющихся людей.

VI *Закат человечества*

Всего более поразило меня в этом новом мире почти полное отсутствие любознательности у людей. Они, как дети, подбегали ко мне с криками изумления и, быстро оглядев меня, уходили в поисках какой-нибудь новой игрушки. Когда все поели и я перестал их расспрашивать, то впервые заметил, что в зале уже нет почти никого из тех людей, которые окружали меня вначале. И, как это ни странно, я сам быстро почувствовал равнодушие к этому маленькому народу. Утолив голод, я вышел через портал на яркий солнечный свет. Мне всюду попадалось на пути множество этих маленьких людей будущего. Они недолго следовали за мной, смеясь и переговариваясь, а потом, перестав смеяться, предоставляли меня самому себе.

Когда я вышел из зала, в воздухе уже разлилась вечерняя тишина и все вокруг было окрашено теплыми лучами заходящего солнца. Сначала окружающее казалось мне удивительно странным. Все здесь так не походило на тот мир, который я знал, — все, вплоть до цветов. Огромное здание, из которого я вышел, стояло на склоне речной долины, но Темза по меньшей мере на милю изменила свое теперешнее русло. Я решил добраться до вершины холма, лежавшего от меня на расстоянии примерно полутора миль, чтобы с его высоты поглядеть на нашу планету в восьмьсот две тысячи семьсот первом году нашей эры — именно эту дату показывала стрелка на циферблате моей Машины.

По дороге я искал хоть какое-нибудь объяснение тому гибнущему великолепию, в состоянии которого я нашел

мир, так как это великолепие, несомненно, гибло. Немного выше на холме я увидел огромные груды гранита, скрепленные полосами алюминия, гигантский лабиринт отвесных стен и кучи расколовшихся на мелкие куски камней, между которыми густо росли удивительно красивые растения. Возможно, что это была крапива, но ее листья были окрашены в чудесный коричневый цвет и не были жгучими, как у нашей крапивы. Вблизи были руины какого-то огромного здания, непонятно для чего предназначенного. Здесь мне пришлось впоследствии сделать одно странное открытие, но об этом я вам расскажу потом.

Я присел на уступе холма, чтобы немного отдохнуть, и, оглядевшись вокруг, заметил, что нигде не видно маленьких домов. По-видимому, частный дом и частное хозяйство окончательно исчезли. То тут, то там среди зелени виднелись огромные здания, похожие на дворцы, но нигде не было тех домиков и коттеджей, которые так характерны для современного английского пейзажа. «Коммунизм», — сказал я сам себе.

А следом за этой мыслью возникла другая.

Я взглянул на маленьких людей, которые следовали за мной, и вдруг заметил, что на всех одежда всевозможных светлых цветов, но одинакового покроя, у всех те же самые безбородые лица, та же девичья округленность конечностей. Может показаться странным, что я не заметил этого раньше, но все вокруг меня было так необычно. Теперь это бросилось мне в глаза. Мужчины и женщины будущего не отличались друг от друга ни костюмом, ни телосложением, ни манерами, одним словом, ничем, что теперь отличает один пол от другого. И дети, казалось, были просто миниатюрными копиями своих родителей. Поэтому я решил, что дети этой эпохи отличаются удивительно ранним развитием, по крайней мере в физическом отношении, и это мое мнение подтвердилось впоследствии множеством доказательств.

При виде довольства и обеспеченности, в которой жили эти люди, сходство полов стало мне вполне понятно. Сила мужчины и нежность женщины, семья и разделение труда являются только жестокой необходимостью века, управляемого физической силой. Но там, где народо-

население многочисленно и достигло равновесия, где насилие — редкое явление, рождение многих детей нежелательно для государства, и нет никакой необходимости в существовании семьи. А вместе с тем и разделение полов, вызванное жизнью и потребностью воспитания детей, неизбежно исчезает. Первые признаки этого явления наблюдаются и в наше время, а в том далеком будущем оно уже было вполне закончено. Таковы были мои тогдашние выводы. Позднее я имел возможность убедиться, насколько они были далеки от действительности.

Размышляя так, я невольно обратил внимание на хорошенькую маленькую постройку, похожую на колодец, прикрытый куполом. У меня мелькнула мысль: как странно, что до сих пор существуют колодцы, но затем я снова погрузился в раздумья. До самой вершины холма больше не было никаких зданий, и, продолжая идти, я скоро очутился один, так как остальные за мной не поспевали. С чувством свободы, ожидая необыкновенных приключений, я направился к вершине холма.

Дойдя до вершины, я увидел скамью из какого-то желтого металла; в некоторых местах она была разъедена чем-то вроде красноватой ржавчины и утопала в мягком мхе; ручки ее были отлиты в виде голов грифонов. Я сел и принялся смотреть на широкий простор, освещенный лучами догорающего заката. Картина была небывалой красоты. Солнце только что скрылось за горизонтом; запад горел золотом, по которому горизонтально тянулись легкие пурпурные и алые полосы. Внизу расстилалась долина, по которой, подобно полосе сверкающей стали, дугой изогнулась Темза. Огромные старые дворцы, о которых я уже говорил, были разбросаны среди разнообразной зелени; некоторые уже превратились в руины, другие были еще обитаемы. Тут и там, в этом огромном, похожем на сад мире виднелись белые или серебристые изваяния; кое-где поднимались кверху купола и остроконечные обелиски. Нигде не было изгородей, не было даже следов собственности и никаких признаков земледелия: вся земля превратилась в один цветущий сад.

Наблюдая все это, я старался объяснить себе то, что видел, и сделал вот какие выводы из своих наблюдений.

(Позже я убедился, что они были односторонними и содержали лишь половину правды.)

Мне казалось, что я вижу человечество в эпоху увядания. Красноватая полоса на западе заставила меня подумать о закате человечества. Я впервые увидел те неожиданные последствия, к которым привели общественные отношения нашего времени. Теперь я прихожу к убеждению, что это были вполне логические последствия. Сила есть только результат необходимости; обеспеченное существование ведет к слабости. Стремление к улучшению условий жизни — истинный прогресс цивилизации, делающий наше существование все более обеспеченным — неизбежно привело к своему конечному результату. Объединенное человечество поколение за поколением торжествовало победы над природой. То, что в наши дни кажется несбыточными мечтами, превратилось в искусно задуманные и осуществленные проекты. И вот какова оказалась жатва!

В конце концов охрана здоровья человечества и земледелие находятся в наше время еще в зачаточном состоянии. Наука объявила войну лишь малой части человеческих болезней, но она неизменно и упорно продолжает свою работу. Земледельцы и садоводы то тут, то там уничтожают сорняки и выращивают лишь немногие полезные растения, предоставляя остальным бороться как угодно за свое существование. Мы улучшаем немногие избранные нами виды растений и животных путем постепенного отбора лучших из них; мы выводим новый, лучший сорт персика, виноград без косточек, более душистый и крупный цветок, более пригодную породу рогатого скота. Мы улучшаем их постепенно, потому что наши представления об идеале смутны и вырабатываются путем опыта, а знания крайне ограничены, да и сама природа робка и неповоротлива в наших неуклюжих руках. Когда-нибудь все это будет организовано лучше. Несмотря на водовороты, поток времени неуклонно стремится вперед. Весь мир когда-нибудь станет разумным, образованным, все будут трудиться коллективно; это поведет к быстрейшему и полнейшему покорению природы. В конце концов мы мудро и заботливо установим равновесие животной и растительной жизни для удовлетворения наших потребностей.

Это должно было свершиться и действительно свершилось за то время, через которое промчалась моя Машина. В воздухе не стало комаров и мошек, на земле — сорных трав и плесени. Везде появились сочные плоды и красивые душистые цветы; яркие бабочки порхали повсюду. Идеал профилактической медицины был достигнут. Болезнетворные микробы были уничтожены. За время своего пребывания там я не видел даже и признаков заразных болезней. Благодаря всему этому даже процессы гниения и разрушения приняли совершенно новый вид.

В общественных отношениях тоже была одержана большая победа. Я видел, что люди стали жить в великолепных дворцах, одеваться в роскошные одежды и освободились от всякого труда. Не было и следов борьбы, политической или экономической. Торговля, промышленность, реклама — все, что составляет основу нашей государственной жизни, исчезло из этого мира Будущего. Естественно, что в тот золотистый вечер я невольно счел окружающий меня мир земным раем. Опасность перенаселения исчезла, так как население, по-видимому, перестало расти.

Но изменение условий неизбежно влечет за собой приспособление к этим изменениям. Что является движущей силой человеческого ума и энергии, если только вся биология не представляет собой бесконечного ряда заблуждений. Только труд и свобода; такие условия, при которых деятельный, сильный и ловкий переживает слабого, который должен уступить свое место; условия, дающие преимущество честному союзу талантливых людей, преимущество умению владеть собой, терпению и решительности. Семья и возникающие отсюда чувства: ревность, любовь к потомству, родительское самоотвержение — все это находит себе оправдание в неизбежных опасностях, которым подвергается молодое поколение. Но где теперь эти опасности? Уже сейчас начинается проявляться протест против супружеской ревности, против слепого материнского чувства, против всяческих страстей, и этот протест будет нарастать. Все эти чувства даже теперь уже не являются необходимыми, они делают нас несчастными и, как остатки первобытной дикости, кажутся несовместимыми с приятной и возвышенной жизнью.

Я стал думать о физической слабости этих маленьких людей, о бессилии их ума и об огромных развалинах, которые видел вокруг. Все это подтверждало мое предположение об окончательной победе, одержанной над природой. После войны наступил мир.

Человечество было сильным, энергичным, оно обладало знаниями; люди употребляли все свои силы на изменение условий своей жизни. А теперь измененные ими условия оказали свое влияние на их потомков.

При новых условиях полного довольства и обеспеченности неутомимая энергия, являющаяся в наше время силой, должна была превратиться в слабость. Даже в наши дни некоторые склонности и желания, когда-то необходимые для выживания человека, стали источником его гибели. Храбрость и воинственность, например, не помогают, а скорее даже мешают жизни цивилизованного человека. В государстве же, основанном на физическом равновесии и обеспеченности, превосходство — физическое или умственное — было бы совершенно неуместно. Я пришел к выводу, что на протяжении бесчисленных лет на земле не существовало ни опасности войн, ни насилия, ни диких зверей, ни болезнетворных микробов, не существовало и необходимости в труде. При таких условиях те, кого мы называем слабыми, были точно так же приспособлены, как и сильные, они уже не были слабыми. Вернее, они были даже лучше приспособлены, потому что сильного подрывала не находящая выхода энергия. Не оставалось сомнения, что удивительная красота виденных мною зданий была результатом последних усилий человечества перед тем, как оно достигло полной гармонии жизни, — последняя победа, после которой был заключен окончательный мир. Такова неизбежная судьба всякой энергии. Достигнув своей конечной цели, она еще ищет выхода в искусстве, в любви, а затем наступает бессилие и упадок.

Даже эти художественные порывы в конце концов должны были заглухнуть, и они почти заглухли в то Время, куда я попал. Украшать себя цветами, танцевать и петь под солнцем — вот что осталось от этих стремлений. Но и это в конце концов должно было смениться бездействием. Все наши чувства и способности обретают

остроту только на точиле труда и необходимости, а это неприятное точило было наконец разбито.

Пока я сидел в сгущавшейся темноте, мне казалось, что этим простым объяснением я разрешил загадку мира и постиг тайну прелестного маленького народа. Возможно, они нашли удачные средства для ограничения рождаемости, и численность населения даже уменьшалась. Этим можно было объяснить пустоту заброшенных дворцов. Моя теория была очень ясна и правдоподобна — как и большинство ошибочных теорий!

VII *Внезапный удар*

Пока я размышлял над этим слишком уж полным торжеством человека, из-за серебристой полосы на северо-востоке выплыла желтая полная луна. Маленькие светлые фигурки людей перестали празднично двигаться вниз, бесшумно пролетела сова, и я вздрогнул от вечерней прохлады. Я решил спуститься с холма и поискать ночлега.

Я стал отыскивать глазами знакомое здание. Мой взгляд упал на фигуру Белого Сфинкса на бронзовом пьедестале, и, по мере того как восходящая луна светила все ярче, фигура яснее выступала из темноты. Я мог отчетливо рассмотреть стоявший около него серебристый тополь. Вон и густые рододендроны, черные при свете луны, вон и лужайка. Я еще раз взглянул на нее. Ужасное подозрение закралось в мою душу.

«Нет, — решительно сказал я себе, — это не та лужайка». Но это была та самая лужайка. Бледное, словно изъеденное проказой, лицо Сфинкса было обращено к ней. Можете ли вы представить себе, что я почувствовал, когда убедился в этом! Машина Времени исчезла!

Как удар хлыстом по лицу, меня обожгла мысль, что я никогда не вернусь назад, навеки останусь беспомощный в этом новом, неведомом мире! Сама мысль об этом была мучительна. Я почувствовал, как сжалось мое горло, пресеклось дыхание. Ужас овладел мною, и дикими прыжками я кинулся вниз по склону. Раз я упал и расшиб лицо; но я даже не пытался остановить кровь, вскочил на ноги и снова побежал, чувствуя, как теплая струйка стекает по щеке. Я бежал и не переставал твердить себе: «Они просто немного отодвинули ее, поставили под кустами, чтобы она не мешала на дороге». Но, несмотря на это, бе-

жал изо всех сил. С уверенностью, которая иногда рождается из самого мучительного страха, я с самого начала знал, что это вздор; чутье говорило мне, что Машина унесена куда-то, откуда мне ее не достать. Я едва переводил дыхание. От вершины холма до лужайки было около двух миль, и я преодолел это расстояние за десять минут. А ведь я уже не молод. Я бежал и громко проклинал свою безрассудную доверчивость, побудившую меня оставить Машину, задыхаясь от этого еще больше. Я попробовал громко кричать, но никто мне не отвечал. Ни одного живого существа не было видно на залитой лунным светом земле!

Когда я добежал до лужайки, худшие мои опасения подтвердились: Машины нигде не было видно. Похолодев, я смотрел на пустую лужайку среди черной чащи кустарников, потом быстро обежал ее, как будто Машина могла быть спрятана где-нибудь поблизости, и резко остановился, схватившись за голову. Надо мной на бронзовом пьедестале возвышался Сфинкс, все такой же бледный, словно изъеденный проказой, ярко озаренный светом луны. Казалось, он насмешливо улыбался, глядя на меня.

Я мог бы утешиться мыслью, что маленький народец спрятал Машину под каким-нибудь навесом, если бы не знал наверняка, что у них не хватило бы на это ни сил, ни ума. Нет, меня ужасало теперь другое: проявление какой-то новой, до сих пор неведомой мне силы, захватившей мое изобретение. Я был уверен только в одном: если в какой-либо другой век не изобрели точно такого же механизма, моя Машина не могла без меня отправиться путешествовать по Времени. Не зная способа закрепления рычагов — я потом покажу вам, в чем он заключается, — невозможно воспользоваться ею для путешествия. К тому же рычаги были у меня. Мою Машину перенесли, спрятали где-то в Пространстве, а не во Времени. Но где же?

Я совершенно обезумел. Помню, как я неистово метался взад и вперед среди освещенных луной кустов вокруг Сфинкса, помню, как вспугнул какое-то белое животное, которое при лунном свете показалось мне небольшой ланью. Помню также, как поздно ночью я колотил кулаками по кустам до тех пор, пока не исцарапал все руки о сломанные сучья. Потом, рыдая, в полном изнемо-

жении, я побрел к большому каменному зданию, темно-му и пустынному, поскользнулся на неровном полу и упал на один из малахитовых столов, чуть не сломав ногу, зажег спичку и прошел мимо пыльных занавесей, о которых я уже рассказывал вам.

Дальше был второй большой зал, устланный подушками, на которых спали два десятка маленьких людей. Мое вторичное появление, несомненно, показалось им очень странным. Я так внезапно вынырнул из ночной тишины с отчаянными нечленораздельными криками и с зажженной спичкой в руке. Спички давно уже были позабыты в их время.

«Где моя Машина Времени?» — кричал я во все горло, как рассерженный ребенок. Я хватал их и тряс полусонных. Вероятно, это их поразило. Некоторые смеялись, другие казались рассеянными. Когда я увидел, что они встают, то понял, что поступаю самым безрассудным образом, стараясь пробудить в них чувство страха. Вспоминая их поведение днем, я вообразил, что это чувство совершенно ими позабыто.

Бросив спичку и сбив с ног кого-то, попавшегося на пути, я снова ощупью прошел по большому обеденному залу и вышел на лунный свет. Позади меня вдруг раздались громкие крики и топот маленьких спотыкающихся ног, но тогда я не понял причины этого. Не помню всего, что я делал при лунном свете. Неожиданная потеря довела меня почти до безумия. Я чувствовал себя теперь безнадежно отрезанным от своих современников, каким-то странным животным в неведомом мире. В исступлении я бросался в разные стороны, плача и проклиная бога и судьбу. Помню, как я измучился в эту длинную отчаянную ночь, как рыскал в самых неподходящих местах, как ощупью пробирался среди озаренных лунным светом развалин, натываясь в темных углах на странные белые существа; помню, как в конце концов я упал на землю около Сфинкса и рыдал в отчаянии. Вместе с силами исчезла и злость на себя за то, что я так безрассудно оставил Машину... Я ничего не чувствовал, кроме ужаса. Потом незаметно я уснул, а когда проснулся, уже совсем рассвело и вокруг меня по траве, на расстоянии протянутой руки, весело и без страха прыгали воробьи.

Я сел, овеваемый свежестью утра, стараясь вспомнить, как я сюда попал и почему все мое существо полно чув-

ства одиночества и отчаяния. Вдруг я вспомнил обо всем, что случилось. Но при дневном свете у меня хватило сил спокойно взглянуть в лицо обстоятельствам. Я понял всю нелепость своего вчерашнего поведения и принялся рассуждать сам с собою.

«Предположим самое худшее, — говорил я. — Предположим, что Машина навсегда утеряна, может быть, даже уничтожена. Из этого следует только то, что я должен быть терпеливым и спокойным, изучить образ жизни этих людей, разузнать, что случилось с Машиной, попытаться добыть необходимые материалы и инструменты; в конце концов я, может быть, сумею сделать новую Машину. На это теперь моя единственная надежда, правда, очень слабая, но все же надежда лучше отчаяния. И, во всяком случае, я очутился в прекрасном и любопытном мире. Но вполне вероятно, что моя Машина где-нибудь спрятана. Значит, я должен спокойно и терпеливо искать то место, где она спрятана, и постараться взять ее силой или хитростью».

С такими мыслями я встал на ноги и осмотрелся вокруг в поисках места, где можно было бы выкупаться. Я чувствовал себя усталым, мое тело одеревенело и покрылось грязью. Утренняя свежесть вызывала желание стать самому чистым и свежим. Волнение истощило меня. Когда я принялся размышлять о своем положении, то удивился вчерашним опрометчивым поступкам. Я тщательно исследовал лужайку. Некоторое время ушло на напрасные расспросы проходивших мимо маленьких людей. Никто не понимал моих жестов: одни казались просто тупыми, другие принимали мои слова за шутку и смеялись. Мне стоило невероятных усилий удержаться и не отхлестать их по смеющимся лицам. Безумный порыв! Но сидевший во мне дьявол страха и слепого раздражения еще не был обуздан и пытался овладеть мною.

Очень помогла мне густая трава. На полпути между пьедесталом Сфинкса и моими следами, там, где я возился с опрокинутой Машиной, на земле оказалась свежая борозда. Были видны и другие следы: странные узкие отпечатки ног, похожие, как мне казалось, на следы ленивца. Это побудило меня тщательней осмотреть пьедестал. Я уже, кажется, сказал, что он был из бронзы. Однако он

не состоял из одной цельной плиты, а был с обеих сторон украшен искусно выполненными панелями. Я подошел и постучал. Пьедестал оказался полым. Внимательно осмотрев панели, я понял, что они не составляют одного целого с пьедесталом. На них не было ни ручек, ни замочных скважин, но, возможно, они открывались изнутри, если, как я предполагал, служили входом в пьедестал. Во всяком случае, одно было мне ясно: Машина Времени находилась внутри пьедестала. Но как она попала туда — это оставалось загадкой.

Я увидел головы двух людей в оранжевой одежде, шедших ко мне между кустами и цветущими яблонями. Улыбаясь, я повернулся к ним и поманил их рукой. Когда они подошли, я указал им на бронзовый пьедестал и постарался объяснить, что хотел бы открыть его. Но при первом же моем жесте они стали вести себя очень странно. Не знаю, сумею ли я объяснить вам, какое выражение появилось на их лицах. Представьте себе, что вы сделали бы неприличный жест перед благовоспитанной дамой — именно с таким выражением она посмотрела бы на вас. Они ушли, как будто были грубо оскорблены. Я попытался позвать к себе миловидное существо в белой одежде, но результат оказался тот же самый. Мне стало стыдно. Но Машина Времени была необходима, и я сделал новую попытку. Малыш с отвращением отвернулся от меня. Я потерял терпение. В три прыжка я очутился около него и, захлестнув его шею полой его же одежды, потащил к Сфинксу. Тогда на лице у него вдруг выразились такой ужас и отвращение, что я тотчас же выпустил его.

Однако я не сдавался. Я принялся бить кулаками по бронзовым панелям. Мне показалось, что внутри что-то зашевелилось, вернее, это был звук, похожий на хихиканье, но, должно быть, это мне только почудилось. Подобрав у реки большой камень, я вернулся и принялся колотить им до тех пор, пока не расплющил одно из украшений и медная зелень не стала сыпаться на землю мелкими крошками. Маленький народец, должно быть, слышал грохот моих ударов на расстоянии мили вокруг, но ничего у меня не вышло. Я видел целую толпу на склоне холма, украдкой смотревшую на меня. Злой и усталый, я опустился на землю, но нетерпение не давало мне долго

сидеть на месте, я был слишком деятельным человеком для неопределенного ожидания. Я мог годами трудиться над разрешением какой-нибудь проблемы, но сидеть в бездействии двадцать четыре часа было выше моих сил.

Скоро я встал и принялся бесцельно бродить среди кустарника. Потом направился к холму.

«Терпение, — сказал я себе. — Если хочешь вновь получить свою Машину, оставь Сфинкса в покое. Если кто-то решил отнять ее у тебя, ты не принесешь себе никакой пользы тем, что станешь портить бронзовые панели Сфинкса; если же у похитителя не было злого умысла, ты получишь ее обратно, как только найдешь способ попросить об этом. Бессмысленно торчать здесь, среди незнакомых вещей, становясь в тупик перед каждым новым затруднением. Это прямой путь к безумию. Осмотрись лучше вокруг. Изучи нравы этого мира, наблюдай его. Остерегайся слишком поспешных заключений! В конце концов ты найдешь ключ ко всему!»

Мне ясно представлялась и комическая сторона моего приключения: я вспомнил о годах напряженной учебы и труда, потраченных только для того, чтобы попасть в будущее и изучить его, и сопоставил с этим свое нетерпение поскорее выбраться отсюда. Я своими руками изготовил себе самую сложную и самую безвыходную ловушку, какая когда-либо была создана человеком. И хотя смеяться приходилось только над самим собой, я не мог удержаться и громко расхохотался.

Войдя в залу огромного дворца, я заметил, что маленькие люди стали избегать меня. Быть может, это мне только казалось, но их отчуждение могло быть связано с моей попыткой разбить бронзовые двери. Я ясно чувствовал, что они избегали меня, но постарался не придавать этому значения и не пытался более заговаривать с ними. Через день-другой все пошло своим чередом. Насколько было возможно, я продолжал изучать их язык и урывками производил исследования. Не знаю, был ли их язык слишком прост, или же я упускал в нем какие-нибудь тонкие оттенки, но, по-моему, он почти исключительно состоял из существительных и глаголов. Отвлеченных понятий было мало, или, скорее, совсем не было, так же как и слов, имеющих переносный смысл. Фразы обычно-

венно были несложны и состояли всего из двух слов, и мне не удавалось высказать или понять ничего, кроме простейших вопросов или ответов. Мысли о моей Машине Времени и о тайне бронзовых дверей под Сфинксом я решил запрятать в самый дальний уголок памяти, пока накопившиеся знания не приведут меня к ним естественным путем. Но чувство, без сомнения, понятное вам, все время удерживало меня поблизости от места моего прибытия.

VIII *Все становится ясным*

Насколько я мог судить, весь окружающий меня мир был отмечен той же печатью изобилия и роскоши, которая поразила меня в долине Темзы. С вершины каждого нового холма я видел множество великолепных зданий, бесконечно разнообразных по материалу и стилю; видел повсюду те же чащи вечнозеленых растений, те же цветущие деревья и высокие папоротники. Кое-где отливала серебром зеркальная гладь воды, а вдали тянулись голубоватые волнистые гряды холмов, растворяясь в прозрачной синеве воздуха. С первого взгляда мое внимание привлекли к себе круглые колодцы, казалось, достигавшие во многих местах очень большой глубины. Один из них был на склоне холма, у тропинки, по которой я поднимался во время своей первой прогулки. Как и другие колодцы, он был причудливо отделан по краям бронзой и защищен от дождя небольшим куполом. Сидя около этих колодцев и глядя вниз, в непроглядную темноту, я не мог увидеть в них отблеска воды или отражения зажигаемых мною спичек. Но всюду слышался какой-то стук: «Тук, тук, тук», — похожий на шум работы огромных машин. По колебанию пламени спички я убедился, что в глубь колодца постоянно поступал свежий воздух. Я бросил в один из них кусочек бумаги, и, вместо того чтобы медленно опуститься, он быстро полетел вниз и исчез.

Вскоре я заметил, что между этими колодцами и высокими башнями на склонах холмов существует какая-то связь. Над ними можно было часто увидеть марево колеблющегося воздуха, вроде того, какое бывает в жаркий день над берегом моря. Сопоставив все это, я пришел к заключению, что башни вместе с колодцами входили в систему какой-то загадочной подземной вентиляции.

Сначала я подумал, что она служит каким-нибудь санитарным целям. Это заключение само напрашивалось, но оказалось потом неверным.

Вообще должен сознаться, что во время своего пребывания в Будущем я очень мало узнал относительно водоснабжения, связи, путей сообщения и тому подобных жизненных удобств. В некоторых прочитанных мною утопиях и рассказах о грядущих временах я всегда находил множество подробностей насчет домов, общественного порядка и тому подобного. Нет ничего легче, как придумать сколько угодно всяких подробностей, когда весь будущий мир заключен только в голове автора, но для путешественника, находящегося, подобно мне, среди незнакомой действительности, почти невозможно узнать обо всем этом в короткое время. Вообразите себе негра, который прямо из Центральной Африки попал в Лондон. Что расскажет он по возвращении своему племени? Что будет он знать о железнодорожных компаниях, общественных движениях, телефоне и телеграфе, транспортных конторах и почтовых учреждениях? А ведь мы охотно согласимся все ему объяснить! Но даже то, что он узнает из наших рассказов, как передаст он своим друзьям, как заставит их поверить себе? Учтите при этом, что негр сравнительно недалеко отстоит от белого человека нашего времени, между тем как пропасть между мною и этими людьми Золотого Века была неизмеримо громадна! Я чувствовал существование многого, что было скрыто от моих глаз, и это давало мне надежду, но, помимо общего впечатления какой-то автоматически действующей организации, я, к сожалению, могу передать вам лишь немногое.

Я нигде не видел следов крематория, могил или чего-либо, связанного со смертью. Однако было весьма возможно, что кладбища (или крематории) были где-нибудь за пределами моих странствий. Это был один из тех вопросов, которые я сразу поставил перед собой и разрешить которые сначала был не в состоянии. Отсутствие кладбищ поразило меня и повело к дальнейшим наблюдениям, которые поразили меня еще сильнее: среди людей будущего совершенно не было старых и дряхлых.

Должен сознаться, что мои первоначальные теории об автоматически действующей цивилизации и о приходя-

щем в упадок человечестве недолго удовлетворяли меня. Но я не мог придумать ничего другого. Вот что меня смущало: все большие дворцы, которые я исследовал, служили исключительно жилыми помещениями — огромными столовыми и спальнями. Я не видел нигде машин или других приспособлений. А между тем на этих людях была прекрасная одежда, требовавшая обновления, и их сандалиии, хоть и без всяких украшений, представляли собой образец изящных и сложных изделий. Как бы то ни было, но вещи эти нужно было сделать. А маленький народец не проявлял никаких созидательных наклонностей. У них не было ни цехов, ни мастерских, ни малейших следов ввоза товаров. Все свое время они проводили в играх, купании, полушутливом флирте, еде и сне. Я не мог понять, на чем держалось такое общество.

К этому добавилось происшествие с Машиной Времени: кто-то, мне неизвестный, спрятал ее в пьедестале Белого Сфинкса. Для чего? Я никак не мог ответить на этот вопрос! То же самое — безводные колодцы и башни с колеблющимся над ними воздухом. Я чувствовал, что не нахожу ключа к этим загадочным явлениям. Я чувствовал... как бы это вам объяснить? Представьте себе, что вы нашли бы надпись на хорошем английском языке, перемешанном с совершенно вам неизвестными словами. Вот как на третий день моего пребывания представлялся мне мир восемьсот две тысячи семьсот первого года!

В этот день я приобрел в некотором роде друга. Когда я смотрел на группу маленьких людей, купавшихся в реке на неглубоком месте, кого-то из них схватила судорога, и маленькую фигурку понесло по течению. Течение было здесь довольно быстрое, но даже средний пловец мог бы легко с ним справиться. Чтобы дать вам некоторое понятие о странной психике этих существ, я скажу лишь, что никто из них не сделал ни малейшей попытки спасти бедняжку, которая с криками тонула на их глазах. Увидя это, я быстро сбросил одежду, побежал вниз по реке, вошел в воду и, схватив ее, легко вытащил на берег. Маленькое растирание привело ее в чувство, и я с удовольствием увидел, что она совершенно оправилась. Я сразу же оставил ее, поскольку был такого невысокого мнения о ней и ей подобных, что не ожидал никакой благодарности. Но на этот раз я ошибся.

Все это случилось утром. После полудня я снова встретил ту же маленькую женщину, возвращаясь к своим исследованиям. Она подбежала с громкими криками радости и поднесла мне огромную гирлянду цветов, очевидно, приготовленную специально для меня. Это создание очень меня заинтересовало. Вероятно, я чувствовал себя слишком одиноким. Но как бы то ни было, я, насколько сумел, высказал ей, что мне приятен подарок. Мы оба сели в небольшой каменной беседке и завели разговор, состоявший преимущественно из улыбок. Дружеские чувства этого маленького создания радовали меня, как радовали бы чувства ребенка. Мы обменялись цветами, и она целовала мои руки. Я отвечал ей тем же. Когда я попробовал заговорить, то узнал, что ее зовут Уина, и хотя не понимал, что это значило, но все же чувствовал, что между ней и ее именем было какое-то соответствие. Таково было начало нашей странной дружбы, которая продолжалась неделю, а как окончилась — об этом я расскажу потом!

Уина была совсем как ребенок. Ей хотелось всегда быть со мной. Она бегала за мной повсюду, так что на следующий день мне пришлось в голову нелепое желание утомить ее и, наконец, бросить, не обращая внимания на ее жалобный зов. Мировая проблема, думал я, должна быть решена. Я не для того попал в Будущее, повторял я себе, чтобы заниматься легкомысленным флиртом. Но ее отчаяние было слишком велико, а в ее сетованиях, когда она начала отставать, звучало иступление. Ее привязанность тронула меня, я вернулся, и с этих пор она стала доставлять мне столько же забот, сколько и удовольствия. Все же она была для меня большим утешением. Мне казалось сначала, что она испытывала ко мне лишь простую детскую привязанность, и только потом, когда было уже слишком поздно, я ясно понял, чем я сделался для нее и чем стала она для меня. Уже потому, что эта малышка выказывала мне нежность и заботу, я, возвращаясь к Белому Сфинксу, чувствовал, будто возвращаюсь домой, и каждый раз, добравшись до вершины холма, отыскивал глазами знакомую фигурку в белой, отороченной золотом одежде.

От нее я узнал, что чувство страха все еще не исчезло в этом мире. Днем она ничего не боялась и испытывала

ко мне самое трогательное доверие. Однажды у меня возникло глупое желание напугать ее страшными гримасами, но она весело засмеялась. Она боялась только темноты, густых теней черных предметов. Страшней всего была ей темнота. Она действовала на нее настолько сильно, что это натолкнуло меня на новые наблюдения и размышления. Я открыл, между прочим, что с наступлением темноты эти маленькие люди собирались в больших зданиях и спали все вместе. Войти к ним ночью значило произвести среди них смятение и ужас. Я ни разу не видел, чтобы после наступления темноты кто-нибудь вышел на воздух или спал один под открытым небом. Но все же я был таким глупцом, что не обращал на это внимания и, несмотря на ужас Уины, продолжал спать один, не в общих спальнях.

Сначала это очень беспокоило ее, но наконец привязанность ко мне взяла верх, и пять ночей за время нашего знакомства, считая и самую последнюю ночь, она спала со мной, положив голову на мое плечо. Но, говоря о ней, я отклоняюсь от главной темы своего рассказа. Кажется, в ночь накануне ее спасения, я проснулся на рассвете. Ночь прошла спокойно, мне снился очень неприятный сон: будто бы я утонул в море, и морские анемоны касались моего лица мягкими щупальцами. Вздвогнув, я проснулся, и мне почудилось, что какое-то сероватое животное выскользнуло из комнаты. Я попытался снова заснуть, но мучительная тревога уже овладела мною. Был тот ранний час, когда предметы только начинают выступать из темноты, когда все вокруг кажется бесцветным и каким-то нереальным, несмотря на отчетливость очертаний. Я встал и, пройдя по каменным плитам большого зала, вышел на воздух. Желая извлечь хоть какую-нибудь пользу из этого случая, я решил посмотреть восход солнца.

Луна закатывалась, ее прощальные лучи и первые бледные проблески наступающего дня смешивались в таинственный полусвет. Кусты казались совсем черными, земля — темно-серой, а небо — бесцветным и туманным. На верху холма мне почудились привидения. Поднимаясь по его склону, я три раза видел смутные белые фигуры. Дважды мне показалось, что я вижу какое-то одинокое белое обезьяноподобное существо, быстро бегущее к вершине холма, а один раз около руин я увидел их целую

толпу: они тащили какой-то темный предмет. Двигались они быстро, и я не заметил, куда они исчезли. Казалось, они скрылись в кустах. Все вокруг было еще смутным, поймите это. Меня охватило то неопределенное, пред-
рассветное ощущение озноба, которое вам всем, вероятно, знакомо. Я не верил своим глазам.

Когда на востоке заблестела заря и лучи света возвращали всему миру обычные краски и цвета, я тщательно обследовал местность. Но нигде не оказалось и следов белых фигур. По-видимому, это была просто игра теней.

«Может быть, это привидения, — сказал я себе. — Желал бы я знать, к какому времени они принадлежат...»

Я сказал это потому, что вспомнил любопытный вывод Гранта Аллена, говорившего, что если б каждое умирающее поколение оставляло после себя привидения, то в конце концов весь мир переполнился бы ими. По этой теории, их должно было накопиться бесчисленное множество за восемьсот тысяч прошедших лет. И потому не было ничего удивительного, что я увидел сразу четырех. Эта шутливая мысль, однако, не успокоила меня, и я все утро думал о белых фигурках, пока наконец появление Уины не вытеснило их из моей головы. Не знаю почему, я связал их с белым животным, которое вспугнул при первых поисках своей Машины. Общество Уины на время развлекло меня, но, несмотря на это, белые фигуры скоро снова овладели моими мыслями.

Я уже говорил, что климат Золотого Века значительно теплее нашего. Причину я не берусь объяснить. Может быть, солнце стало горячее, а может быть, земля приблизилась к нему. Принято считать, что солнце постепенно охлаждается. Однако люди, незнакомые с такими теориями, как теория Дарвина-младшего, забывают, что планеты должны одна за другой приближаться к центральному светилу и в конце концов упасть на него. После каждой из таких катастроф солнце будет светить с обновленной энергией, и весьма возможно, что эта участь постигла тогда одну из планет. Но какова бы ни была причина, факт остается фактом: солнце грело значительно сильнее, чем в наше время.

И вот в одно очень жаркое утро — насколько помню, четвертое по моем прибытии, — когда я собирался укрыться от жары и ослепительного света в гигантских

руинах (невдалеке от большого здания, где я ночевал и питался), со мной случилось странное происшествие. Карабкаясь между каменными горами, я обнаружил узкую галерею, конец и окна которой были завалены обрушившимися глыбами. После ослепительного дневного света галерея показалась мне непроглядно темной. Я вошел в нее ощупью, потому что после яркого солнечного света цветные пятна поплыли у меня перед глазами и ничего нельзя было разобрать. И вдруг я остановился как вкопанный. На меня из темноты смотрела пара блестящих глаз, отражая проникавший в галерею дневной свет.

Древний инстинктивный страх перед дикими зверями охватил меня. Я сжал кулаки и уставился в светившиеся глаза. Мне было страшно повернуть назад. На мгновение в голову мне пришла мысль о той абсолютной безопасности, в которой, как казалось, жило человечество. И вдруг я вспомнил его странный ужас перед темнотой. Пересилив свой страх, я шагнул вперед и заговорил. Мой голос, вероятно, звучал хрипло и дрожал. Я протянул руку и коснулся чего-то мягкого. В то же мгновение блестящие глаза метнулись в сторону и что-то белое пробежало мимо меня. Испугавшись, я повернулся и увидел маленькое обезьяноподобное существо со странно опущенной вниз головой, бежавшее по освещенному пространству за моей спиной. Оно налетело на гранитную глыбу, отшатнулось в сторону и в одно мгновение скрылось в черной тени под другой грудой каменных обломков.

Мое впечатление о нем было, конечно, неполное. Я заметил только, что оно было грязно-белое и что у него были странные, большие, серовато-красные глаза; его голова и спина были покрыты светлой шерстью. Но, как я уже сказал, оно бежало слишком быстро, и мне не удалось его отчетливо рассмотреть. Не могу даже сказать, бежало ли оно на четвереньках, или же руки его были так длинные, что почти касались земли. После минутного замешательства я бросился за ним ко второй груде обломков. Сначала я не мог ничего найти, но скоро в крошечной темноте наткнулся на один из тех круглых безводных колодцев, о которых я уже говорил. Он был частично прикрыт упавшей колонной. В голове у меня блеснула внезапная мысль. Не могло ли это существо спуститься в колодец? Я зажег спичку и, взглянув вниз, увидел ма-

ленькое белое создание с большими блестящими глазами, которое удалялось, упорно глядя на меня. Я содрогнулся. Это было что-то вроде человекообразного паука. Оно спускалось вниз по стене колодца, и я впервые заметил множество металлических скобок для рук и ног, образовавших нечто вроде лестницы. Но тут догоревшая спичка обожгла мне пальцы и, выпав, потухла; когда я зажег другую, маленькое страшилище уже исчезло.

Не знаю, долго ли я просидел, вглядываясь в глубину колодца. Во всяком случае, прошло немало времени, прежде чем я пришел к заключению, что виденное мною существо тоже было человеком. Понемногу истина открылась передо мной. Я понял, что человек разделился на два различных вида. Изящные дети Верхнего Мира не были единственными нашими потомками: это беловатое отвратительное ночное существо, которое промелькнуло передо мной, также было наследником минувших веков.

Вспомнив о дрожании воздуха над колодцами и о своей теории подземной вентиляции, я начал подозревать их истинное значение. Но какую роль, хотелось мне знать, мог играть этот лемур в моей схеме окончательной организации человечества? Каково было его отношение к безмятежности и беззаботности прекрасных жителей Верхнего Мира? Что скрывалось там, в глубине этого колодца? Я присел на его край, убеждая себя, что мне, во всяком случае, нечего опасаться и что необходимо спуститься туда для разрешения моих недоумений. Но вместе с тем я чувствовал какой-то страх! Пока я колебался, двое прекрасных наземных жителей, увлеченные любовной игрой, пробежали мимо меня через освещенное пространство в тень. Мужчина бежал за женщиной, бросая в нее цветами.

Они, казалось, очень огорчились, увидя, что я заглядываю в колодец, опираясь на упавшую колонну. Очевидно, было принято не замечать эти отверстия. Как только я указал на колодец и попытался задать вопросы на их языке, смущение их стало еще очевиднее, и они отвернулись от меня. Но спички их заинтересовали, и мне пришлось сжечь несколько штук, чтобы позабавить их. Я снова попытался узнать что-нибудь про колодцы, но снова тщетно. Тогда, оставив их в покое, я решил вернуться к Уине и попробовать узнать что-нибудь у нее. Все мои

представления о новом мире теперь перевернулись. У меня был ключ, чтобы понять значение этих колодцев, а также вентиляционных башен и таинственных привидений, не говоря уже о бронзовых дверях и о судьбе, постигшей Машину Времени! Вместе с этим ко мне в душу закралось смутное предчувствие возможности разрешить ту экономическую проблему, которая до сих пор приводила меня в недоумение.

Вот каков был мой новый вывод. Ясно, что этот второй вид людей обитал под землей. Три различных обстоятельства приводили меня к такому заключению. Они редко появлялись на поверхности земли, по-видимому, вследствие давней привычки к подземному существованию. На это указывала их блеклая окраска, присущая большинству животных, обитающих в темноте, — например, белые рыбы в пещерах Кентукки. Глаза, отражающие свет, — это также характерная черта ночных животных, например, кошки и совы. И, наконец, это явное замешательство при дневном свете, это поспешное неуклюжее бегство в темноту, эта особая манера опускаться на свету лицо вниз — все это подкрепляло мою догадку о крайней чувствительности сетчатки их глаз.

Итак, земля у меня под ногами, видимо, была изрыта тоннелями, в которых и обитала новая раса. Существование вентиляционных башен и колодцев по склонам холмов — всюду, кроме долины реки, — доказывало, что эти тоннели образуют разветвленную сеть. Разве не естественно было предположить, что в искусственном подземном мире шла работа, необходимая для благосостояния дневной расы? Мысль эта была так правдоподобна, что я тотчас же принял ее и пошел дальше, отыскивая причину раздвсения человеческого рода. Боюсь, что вы с недоверием отнесетесь к моей теории, но что касается меня самого, то я убедился в скором времени, насколько она была близка к истине.

Мне казалось ясным, как день, что постепенное углубление теперешнего временного социального различия между Капиталистом и Рабочим было ключом к новому положению вещей. Без сомнения, это покажется вам смешным и невероятным, но ведь уже теперь есть обстоятельства, которые указывают на такую возможность. Существует тенденция использовать подземные пространст-

ва для нужд цивилизации, не требующих особой красоты: существует, например, подземная железная дорога в Лондоне, строятся новые электрические подземные дороги и тоннели, существуют подземные мастерские и рестораны, все они растут и множатся. Очевидно, думал я, это стремление перенести работу под землю существует с незапамятных времен. Все глубже и глубже уходили подземные мастерские, где рабочим приходилось проводить все больше времени, пока, наконец... Да разве и теперь какой-нибудь уэст-эндский рабочий не живет в таких искусственных условиях, что, по сути дела, отрезан от поверхности земли?

А вслед за тем кастовая тенденция богатых людей, вызванная все большей утонченностью жизни, — тенденция расширить пропасть между ними и оскорбляющей их грубостью бедняков тоже ведет к захвату привилегированными сословиями все большей и большей части поверхности земли исключительно для себя. В окрестностях Лондона и других больших городов уже около половины самых красивых мест недоступно для посторонних! А эта неуклонно расширяющаяся пропасть между богатыми и бедными, результат продолжительности и дороговизны высшего образования и стремления богатых к утонченным привычкам, — разве не поведет это к тому, что соприкосновения между классами станут все менее возможными? Благодаря такому отсутствию общения и тесных отношений браки между обоими классами, тормозящие теперь разделение человеческого рода на два различных вида, станут в будущем все более и более редкими. В конце концов на земной поверхности должны будут остаться только Имущие, наслаждающиеся в жизни исключительно удовольствиями и красотой, а под землей окажутся все Неимущие — рабочие, приспособившиеся к подземным условиям труда. А раз очутившись там, они, без сомнения, должны будут платить Имущим дань за вентиляцию своих жилищ. Если они откажутся от этого, то умрут с голода или задохнутся. Неприспособленные или непокорные вымрут. Мало-помалу при установившемся равновесии такого порядка вещей выжившие Неимущие сделаются такими же счастливыми на свой собственный лад, как и жители Верхнего Мира. Таким образом, естественно возник-

нут утонченная красота одних и бесцветная бледность других.

Окончательный триумф Человечества, о котором я мечтал, принял теперь совершенно иной вид в моих глазах. Это не был тот триумф духовного прогресса и коллективного труда, который я представлял себе. Вместо него я увидел настоящую аристократию, вооруженную новейшими знаниями и деятельно потрудившуюся для логического завершения современной нам индустриальной системы. Ее победа была не только победой над природой, но также и победой над своими собратьями-людьми. Такова была моя теория. У меня не было проводника, как в утопических книгах. Может быть, мое объяснение совершенно неправильно. Но все же я думаю и до сих пор, что оно самое правдоподобное. Однако даже и эта по-своему законченная цивилизация давно прошла свой зенит и клонилась к упадку. Чрезмерная обеспеченность жителей Верхнего Мира привела их к постепенной дегенерации, к общему вырождению, уменьшению роста, сил и умственных способностей. Это я видел достаточно ясно. Что произошло с Подземными Жителями, я еще не знал, но все виденное мной до сих пор показывало, что «морлоки», как их называли обитатели Верхнего Мира, ушли еще дальше от нынешнего человеческого типа, чем «эллой» — прекрасная наземная раса, с которой я уже познакомился.

Во мне возникли тревожные опасения. Для чего понадобилась морлокам моя Машина Времени? Теперь я был уверен, что это они похитили ее. И почему эллой, если они господствующая раса, не могут возвратить ее мне? Почему они так боятся темноты? Я попытался было расспросить о Подземном Мире Уину, но меня снова ожидало разочарование. Сначала она не понимала моих вопросов, а затем отказалась на них отвечать. Она так дрожала, как будто не могла вынести этого разговора. Когда я начал настаивать, быть может, слишком резко, она горько расплакалась. Это были единственные слезы, которые я видел в Золотом Веке, кроме тех, что пролил я сам. Я тотчас же перестал мучить ее расспросами о морлоках и постарался, чтобы с ее глаз исчезли эти следы человеческих чувств. Через минуту она уже улыбалась и хлопала в ладоши, когда я торжественно зажег перед ней спичку.

Вам может показаться странным, что прошло целых два дня, прежде чем я решился продолжать свои изыскания в новом и, очевидно, верном направлении. Я ощущал какой-то ужас перед этими белыми фигурами. Они походили на почти обесцвеченных червей и другие препараты, хранящиеся в спирту в зоологических музеях. А прикоснувшись к ним, я почувствовал, какие они были отвратительно холодные! Этот страх отчасти объяснялся моей симпатией к элоям, чье отвращение к морлокам стало мало-помалу передаваться и мне.

В следующую ночь я спал очень плохо. Вероятно, мое здоровье расстроилось. Страхи и сомнения угнетали меня. Порой на меня нападало чувство ужаса, причину которого я не мог понять. Помню, как я тихонько пробрался в большую залу, где, освещенные луной, спали маленькие люди. В эту ночь с ними спала и Уина. Их присутствие успокоило меня. Мне еще тогда пришло в голову, что через несколько дней луна будет в последней четверти и наступят темные ночи, когда должны участиться появления этих белых лемуров, этих новых червей, пришедших на смену старым. В последние два дня меня не оставляло тревожное чувство, какое обыкновенно испытывает человек, уклоняясь от исполнения неизбежного долга. Я был уверен, что смогу вернуть Машину Времени, только проникнув без страха в тайну Подземного Мира. Но я все еще не решался встретиться с этой тайной. Будь у меня товарищ, возможно, все сложилось бы иначе. Но я был так ужасно одинок, что даже самая мысль спуститься в мрачную глубину колодца была невыносима для меня. Не знаю, поймете ли вы мое чувство, но мне непрерывно казалось, что за спиной мне угрожает страшная опасность.

Вероятно, это беспокойство и ощущение неведомой опасности заставляли меня уходить все дальше и дальше на разведку. Идя на юго-запад к возвышенности, которая в наше время называется Ком Вуд, я заметил далеко впереди, там, где в девятнадцатом веке находится городок Бэнстид, огромное зеленое здание, совершенно не похожее по стилю на все дома, виденные мной до сих пор. Размерами оно превосходило самые большие дворцы. Его фасад был отделан в восточном духе; выкрашенный блестящей бледно-зеленой краской с голубоватым оттенком,

он походил на дворец из китайского фарфора. Такое отличие во внешнем виде невольно наводило на мысль о его особом назначении, я и намеревался получить осмотреть дворец. Но впервые я увидел его после долгих и утомительных скитаний, когда день уже клонился к вечеру; поэтому, решив отложить осмотр до следующего дня, я вернулся домой к ласкам приветливой маленькой Уины. На следующее утро я ясно понял, что мое любопытство к Зеленому Фарфоровому Дворцу было вроде самообмана, изобретенного мною для того, чтобы еще на день отложить страшившее меня исследование Подземного Мира. Без дальнейших проволочек я решил пересилить себя и в то же утро спуститься в один из колодцев; я направился прямо к ближайшему из них, расположенному возле обломков гранита и алюминия.

Маленькая Уина бежала рядом со мной. Она, танцуя, проводила меня до колодца, но когда увидела, что я перегнулся через край и принялся смотреть вниз, пришла в ужасное волнение.

«Прощай, маленькая Уина», — сказал я, целуя ее.

Отпустив ее и перегнувшись через стенку, я принялся ощупывать металлические скобы. Не скрою, что делал я это торопливо, из страха, что решимость меня покинет. Уина сначала смотрела на меня с изумлением. Потом, испустив жалобный крик, бросилась ко мне и принялась оттаскивать меня прочь своими маленькими ручками. Мне кажется, ее сопротивление и побудило меня действовать решительно. Я оттолкнул ее руки, может быть, немного резко и мгновенно спустился в шахту колодца. Взглянув вверх, я увидел полное отчаяния лицо Уины и улыбнулся, чтобы ее успокоить. Но тотчас же вслед за тем я должен был обратить все свое внимание на скобы, едва выдерживавшие мою тяжесть.

Мне нужно было спуститься примерно на глубину двухсот ярдов. Так как металлические скобы были приспособлены для спуска небольших существ, то очень скоро я почувствовал усталость. Нет, не только усталость, но и подлинный ужас! Одна скоба неожиданно прогнулась под моей тяжестью, и я едва не полетел вниз, в непроглядную темноту. С минуту я висел на одной руке и после этого случая не решался более останавливаться. Хотя я скоро ощутил жгучую боль в руках и спине, но все же

продолжал спускаться быстро, как только мог. Посмотрев наверх, я увидел в отверстии колодца маленький голубой кружок неба, на котором виднелась одна звезда, а головка Уины казалась на фоне неба черным круглым пятнышком. Внизу все громче раздавался грохот машин. Все, кроме небольшого кружка сверху, было темным. Когда я снова поднял голову, Уина уже исчезла.

Мучительная тревога овладела мной. У меня мелькнула мысль вернуться наверх и оставить Подземный Мир в покое. Но все-таки я продолжал спускаться вниз. Наконец, не знаю через сколько времени, я с невероятным облегчением увидел или скорее почувствовал справа от себя небольшое отверстие в стене колодца. Проникнув в него, я убедился, что это был вход в узкий горизонтальный тоннель, где я мог прилечь и отдохнуть. Это было необходимо. Руки мои ныли, спину ломило, и я весь дрожал от страха перед падением. К тому же непроницаемая темнота сильно угнетала меня. Все вокруг было наполнено гулом машины, накачивавшей в глубину воздух.

Не знаю, сколько времени я пролежал так. Очнулся я от мягкого прикосновения чьей-то руки, ощупывавшей мое лицо. Вскочив в темноте, я торопливо зажег спичку и разглядел при ее свете три сутуловатые белые фигуры, подобные той, какую я видел в развалинах наверху. Они быстро отступили при виде огня. Морлоки, как я уже говорил, проводили всю жизнь в темноте, и потому глаза их были необычайно велики. Они не могли вытерпеть света моей спички и отражали его, совсем как зрачки глубоководных океанских рыб. Я нимало не сомневался, что они видели меня в этой густой темноте, и их пугал только свет. Едва я зажег новую спичку, чтобы разглядеть их, как они обратились в бегство и исчезли в темных тоннелях, откуда сверкали только их блестящие глаза.

Я попытался заговорить с ними, но их язык, видимо, отличался от языка наземных жителей, так что волей-неволей пришлось мне положиться на свои собственные силы. Снова мелькнула у меня мысль бежать, бросив все исследования. Но я сказал самому себе: «Надо довести дело до конца». Двигаясь ощупью по тоннелю, я заметил, что с каждым шагом гул машины становится все громче. Внезапно стены раздвинулись, я вышел на открытое место и, чиркнув спичкой, увидел, что нахожусь в просторной

сводчатой пещере. Я не успел рассмотреть ее всю, потому что спичка скоро погасла.

Разумеется, мои воспоминания очень смутны. В темноте проступали контуры огромных машин, отбрасывавших при свете спички причудливые черные тени, в которых укрывались похожие на привидения морлоки. Было очень душно, и в воздухе чувствовался слабый запах свежeproлитой крови. Чуть подальше, примерно в середине пещеры, стоял небольшой стол из белого металла, на котором лежали куски свежего мяса. Оказалось, что морлоки не были вегетарианцами! Помню, как уже тогда я с изумлением подумал, — что это за домашнее животное сохранилось от наших времен, мясо которого лежало теперь передо мной. Все вокруг было видно смутно; тяжелый запах, громадные контуры машин, отвратительные фигуры, притаившиеся в тени и ожидающие только темноты, чтобы снова приблизиться ко мне! Догоревшая спичка обожгла мне пальцы и упала на землю, тлея красной точкой в непроглядной тьме.

С тех пор много раз я думал, как плохо был я подготовлен к такому исследованию. Отправляясь в путешествие на Машине Времени, я был исполнен нелепой уверенности, что люди Будущего опередили нас во всех отношениях. Я пришел к ним без оружия, без лекарств, без табака, а временами мне так ужасно хотелось курить! Даже спичек у меня было мало. Ах, если б я только сообразил захватить фотографический аппарат! Можно было бы запечатлеть этот Подземный Мир и потом спокойно рассмотреть его. Теперь же я стоял там, вооруженный лишь тем, чем снабдила меня Природа, — руками, ногами и зубами; только это да четыре спасительные спички еще оставались у меня.

Я побоялся пройти дальше в темноте среди машин и только при последней вспышке зажженной спички увидел, что моя коробка кончается. До этой минуты мне и в голову не приходило, что нужно беречь спички, и я истратил почти половину коробки, удивляя наземных жителей, для которых огонь сделался диковинкой. Теперь, когда у меня оставалось только четыре спички, а сам я очутился в темноте, я снова почувствовал, как чьи-то тонкие пальцы принялись ощупывать мое лицо, и меня поразил какой-то особенно неприятный запах. Мне каза-

лось, что я слышу дыхание целой толпы этих ужасных существ. Я почувствовал, как чьи-то руки осторожно пытаются отнять у меня спичечную коробку, а другие тянут меня сзади за одежду. Мне было нестерпимо ощущать присутствие невидимых созданий. Там, в темноте, я впервые ясно осознал, что не могу понять их побуждений и поступков. Я крикнул на них изо всех сил. Они отскочили, но тотчас же я снова почувствовал их приближение. На этот раз они уже смелее хватали меня и обменивались какими-то странными звуками. Я задрожал, крикнул опять, еще громче прежнего. Но в этот раз они уже не так испугались и тотчас приблизились снова, издавая странные звуки, похожие на тихий смех. Признаюсь, меня охватил страх. Я решил зажечь еще спичку и бежать под защитой света. Сделав это, я вынул из кармана кусок бумаги, зажег его и отступил назад в узкий тоннель. Но едва я вошел туда, мой факел задул ветер и стало слышно, как морлоки зашуршали в тоннеле, словно осенние листья. Их шаги звучали негромко и часто, как капли дождя...

В одно мгновение меня схватило несколько рук. Морлоки пытались втолкнуть меня назад в пещеру. Я зажег еще спичку и помахал ею прямо перед их лицами. Вы едва ли можете себе представить, какими омерзительно нечеловеческими они были, эти бледные лица без подбородков, с большими, лишенными век красновато-серыми глазами! Как они дико смотрели на меня в своем слепом оупении! Впрочем, могу вас уверить, что я недолго разглядывал их. Я снова отступил и, едва догорела вторая спичка, зажег третью. Она тоже почти догорела, когда мне наконец удалось добраться до шахты колодца. Я прилег, потому что у меня кружилась голова от стука огромного насоса внизу. Затем сбоку я нащупал скобы, но тут меня схватили за ноги и потащили обратно. Я зажег последнюю спичку... она тотчас же погасла. Но теперь, ухватившись за скобы и рассыпая ногами щедрые пинки, я высвободился из цепких объятий морлоков и принялся быстро взбираться по стене колодца. Все они стояли внизу и, моргая, смотрели на меня, кроме одной маленькой твари, которая некоторое время следовала за мной и чуть не сорвала с меня башмак в качестве трофея.

Подъем показался мне бесконечным. Преодолевая последние двадцать или тридцать футов, я почувствовал

ужасную тошноту. Невероятным усилием я овладел собой. Последние несколько ярдов были ужасны. Сил больше не было. Несколько раз у меня начинала кружиться голова, и тогда падение казалось неминуемым. Сам не знаю, как я добрался до отверстия колодца и, шатаясь, выбрался из руин на ослепительный солнечный свет. Я упал ничком. Даже земля показалась мне здесь чистой и благоуханной. Помню, как Уина осыпала поцелуями мои руки и лицо и как вокруг меня раздавались голоса других элов. А потом я потерял сознание.

X *Когда настала ночь*

После этого я оказался еще в худшем положении, чем раньше. Если не считать минут отчаяния в ту ночь, когда я лишился Машины Времени, меня все время ободряла надежда на возможность бегства. Однако новые открытия пошатнули ее. До сих пор я видел для себя препятствие лишь в детской непосредственности маленького народа и в каких-то неведомых мне силах, узнать которые, казалось мне, было равносильно тому, чтобы их преодолеть. Теперь же появилось совершенно новое обстоятельство — отвратительные морлоки, что-то нечеловеческое и враждебное. Я инстинктивно ненавидел их. Прежде я чувствовал себя в положении человека, попавшего в яму: думал только о яме и о том, как бы из нее выбраться. Теперь же я чувствовал себя в положении зверя, попавшего в западню и чующего, что враг близко.

Враг, о котором я говорю, может вас удивить: это темнота перед новолунием. Уина внушила мне этот страх несколькими сначала непонятными словами о Темных Ночах. Теперь нетрудно было догадаться, что означало это приближение Темных Ночей. Луна убывала, каждую ночь темнота становилась все непроницаемей. Теперь я хоть отчасти понял наконец причину ужаса жителей Верхнего Мира перед темнотой. Я спрашивал себя, что за мерзости проделывали морлоки в безлунные ночи. Я был уже окончательно убежден, что моя гипотеза о господстве элов над морлоками совершенно неверна. Конечно, раньше жители Верхнего Мира были привилегированным классом, а морлоки — их рабочими-слугами, но это давным-давно ушло в прошлое. Обе разновидности лю-

дей, возникшие вследствие эволюции общества, переходили, или уже перешли, к совершенно новым отношениям. Подобно династии Каролингов, элои переродились в прекрасные ничтожества. Они все еще из милости владели поверхностью земли, тогда как морлоки, жившие в продолжение бесчисленных поколений под землей, в конце концов стали совершенно неспособными выносить дневной свет. Морлоки по-прежнему делали для них одежду и заботились об их повседневных нуждах, может быть, вследствие старой привычки работать на них. Они делали это так же бессознательно, как конь бьет о землю копытом или охотник радуется убитой им дичи: старые, давно исчезнувшие отношения все еще накладывали свою печать на человеческий организм. Но ясно, что изначальные отношения этих двух рас стали теперь прямо противоположны. Неумолимая Немезида неслышно приближалась к изнеженным счастливицам. Много веков назад, за тысячи и тысячи поколений, человек лишил своего ближнего счастья и солнечного света. А теперь этот ближний стал совершенно неузнаваем! Элои снова получили начальный урок жизни. Они заново познакомились с чувством страха. Я неожиданно вспомнил о мясе, которое видел в Подземном Море. Не знаю, почему мне это пришло в голову: то было не следствие моих мыслей, а как бы вопрос извне. Я попытался припомнить, как выглядело мясо. Оно уже тогда показалось мне каким-то знакомым, но что это было, я не мог понять.

Маленький народ был беспомощен в присутствии существ, наводивших на него этот таинственный страх, но я был не таков. Я был сыном своего века, века расцвета человеческой расы, когда страх перестал сковывать человека и таинственность потеряла свои чары. Во всяком случае, я мог защищаться. Без промедления я решил приготовить себе оружие и найти безопасное место для сна. Имея такое убежище, я мог бы сохранить по отношению к этому неведомому миру некоторую долю той уверенности, которой я лишился, узнав, какие существа угрожали мне по ночам. Я знал, что не засну до тех пор, пока сон мой не будет надежно защищен. Я содрогнулся при мысли, что эти твари уже не раз рассматривали меня.

Весь день я бродил по долине Темзы, но не нашел никакого убежища, которое было бы для них недосяга-

емым. Все здания и деревья казались легко доступными для таких ловких и цепких существ, какими были морлоки, судя по их колодцам. И тут я снова вспомнил о высоких башенках и гладких блестящих стенах Зеленого Фарфорового Дворца. В тот же вечер, посадив Уину, как ребенка, на плечо, я отправился по холмам на юго-запад. Я полагал, что до Зеленого Дворца семь или восемь миль, но, вероятно, до него были все восемнадцать. В первый раз я увидел это место в довольно пасмурный день, когда расстояния кажутся меньше. А теперь, когда я двинулся в путь, у меня, кроме всего остального, еще оторвался каблук и в ногу впивался гвоздь — это были старые башмаки, которые я носил только дома. Я захромал. Солнце давно уже село, когда показался дворец, вырисовывавшийся черным силуэтом на бледно-желтом фоне неба.

Уина была в восторге, когда я понес ее на плече, но потом она захотела сойти на землю и семенила рядом со мной, перебегая то на одну, то на другую сторону за цветами и засовывая их мне в карманы. Карманы всегда удивляли Уину, и в конце концов она решила, что это своеобразные вазы для цветов. Во всяком случае, она их использовала для этой цели... Да! Кстати... Переодеваясь, я нашел...

(Путешественник по Времени умолк, опустил руку в карман и положил перед нами на столик два увядших цветка, напоминавших очень крупные белые мальвы. Потом возобновил свой рассказ.)

— Землю уже окутала вечерняя тишина, а мы все еще шли через холм по направлению к Уимблдону. Уина устала и хотела вернуться в здание из серого камня. Но я указал на видневшиеся вдалеке башенки Зеленого Дворца и постарался объяснить ей, что там мы найдем убежище. Знакома ли вам та мертвая тишина, которая наступает перед сумерками? Даже листья на деревьях не шелохнутся. На меня эта вечерняя тишина всегда навевает какое-то неясное чувство ожидания. Небо было чистое, высокое и ясное; лишь на западе виднелось несколько легких облачков. Но к этому гнету вечернего ожидания примешивался теперь страх. В тишине мои чувства, казалось, сверхъестественно обострились. Мне чудилось, что я мог даже ощущать пещеры в земле у себя под ногами, мог чуть ли

не видеть морлоков, кишящих в своем подземном муравейнике в ожидании темноты. Мне казалось, что они примут мое вторжение как объявление войны. И зачем взяли они мою Машину Времени?

Мы продолжали идти в вечерней тишине, а сумерки тем временем постепенно сгущались. Голубая ясность дали померкла, одна за другой стали загораться звезды. Земля под ногами становилась смутной, деревья — черными. Страх и усталость овладели Уиной. Я взял ее на руки, успокаивая и лаская. По мере наступления темноты она все крепче и крепче прижималась лицом к моему плечу. По длинному склону холма мы спустились в долину, и тут я чуть было не свалился в маленькую речку. Перейдя ее вброд, я взобрался на противоположный склон долины, прошел мимо множества домов, мимо статуи, изображавшей, как мне показалось, некое подобие фавна, но только без головы. Здесь росли акации. До сих пор я еще не видел морлоков, но ведь ночь только началась и самые темные часы, перед восходом ущербной луны, были еще впереди.

С вершины следующего холма я увидел густую чащу леса, которая тянулась передо мной широкой и черной полосой. Я остановился в нерешительности. Этому лесу не было видно конца ни справа, ни слева. Чувствуя себя усталым — у меня нестерпимо болели ноги, — я осторожно снял с плеча Уину и опустился на землю. Я уже не видел Зеленого Дворца и не знал, куда идти. Взглянув на лесную чащу, я невольно подумал о том, что могла скрывать она в своей глубине. Под этими густо переплетенными ветвями деревьев, должно быть, не видно даже звезд. Если б в лесу меня даже и не подстерегала опасность — та опасность, самую мысль о которой я гнал от себя, — там все же было достаточно корней, чтобы споткнуться, и стволов, чтобы расшибить себе лоб. К тому же я был измучен волнениями этого дня и решил не идти в лес, а провести ночь на открытом месте.

Я был рад, что Уина уже крепко спала. Заботливо завернув ее в свою куртку, я сел рядом с ней и стал ожидать восхода луны. На склоне холма было тихо и пустынно, но из темноты леса доносился по временам какой-то шорох. Надо мной сияли звезды, ночь была очень ясная. Их мерцание успокаивало меня. На небе уже не было

знакомых созвездий: они приняли новые очертания благодаря тем медленным перемещениям звезд, которые становятся ощутимы лишь по истечении сотен человеческих жизней. Один только Млечный Путь, казалось, остался тем же потоком звездной пыли, что и в наше время. На юге сияла какая-то очень яркая, неизвестная мне красная звезда, она была ярче даже нашего Сириуса. И среди всех этих мерцающих точек мягко и ровно сияла большая планета, как будто спокойно улыбающееся лицо старого друга.

При свете звезд все заботы и горести земной жизни показались мне ничтожными. Я подумал о том, как они бесконечно далеки, как медленно движутся из неведомого прошлого в неведомое будущее. Подумал о кругах, которые описывает в пространстве земная ось. Всего сорок раз описала она этот круг за восемьсот тысяч лет, которые я преодолел. И за это время вся деятельность, все традиции, вся сложная организация, все национальности, языки, вся литература, все человеческие стремления и даже самое воспоминание о Человеке, каким я его знал, исчезли. Взамен этого в мире появились хрупкие существа, забывшие о своем высоком происхождении, и белесые твари, от которых я в ужасе бежал. Я думал и о том Великом Страхе, который разделил две разновидности человеческого рода, и впервые с содроганием понял, что за мясо видел я в Подземном Мире. Нет, это было бы слишком ужасно! Я взглянул на маленькую Уину, спавшую рядом со мной, на ее личико, беленькое и ясное, как звездочка, и тотчас же отогнал страшную мысль.

Всю эту долгую ночь я старался не думать о морлоках и убивал время, стараясь найти в путанице звезд следы старых созвездий. Небо было совершенно чистое, кроме нескольких легких облачков. По временам я дремал. Когда такое бдение совсем истомило меня, в восточной части неба показался слабый свет, подобный зареву какого-то бесцветного пожара, и вслед за тем появился белый тонкий серп убывающей луны. А следом, как бы настигая и затопляя его своим сиянием, блеснули первые лучи утренней зари, сначала бледные, но потом с каждой минутой все ярче разгоравшиеся теплыми алыми красками. Ни один морлок не приблизился к нам; в эту ночь я даже не видел никого из них. С первым светом наступающего

дня все мои ночные страхи стали казаться почти смешными. Я встал и почувствовал, что моя нога в башмаке без каблука распухла у лодыжки, пятка болела. Я сел на землю, снял башмаки и отшвырнул их прочь.

Разбудив Уину, я спустился с ней вниз. Мы вошли в лес, теперь зеленый и приветливый, а не черный и зловеющий, как ночью. Мы позавтракали плодами, а потом встретили несколько прекрасных маленьких существ, которые смеялись и танцевали на солнышке, как будто в мире никогда и не существовало ночей. Но тут я снова вспомнил о том мясе, которое видел у морлоков. Теперь мне стало окончательно ясно, что это было за мясо, и я от всей души пожалел о том слабом ручейке, который остался на земле от некогда могучего потока Человечества. Ясно, что когда-то давно, века назад, пища у морлоков иссякла. Возможно, что некоторое время они питались крысами и всякой другой мерзостью. Даже и в наше время человек гораздо менее разборчив в пище, чем когда-то, — значительно менее разборчив, чем любая обезьяна. Его предубеждение против человеческого мяса не есть глубоко укоренившийся инстинкт. И теперь вот что делали эти бесчеловечные потомки людей!.. Я постарался взглянуть на дело с научной точки зрения. Во всяком случае, морлоки были менее человекоподобны и более далеки от нас, чем наши предки-каннибалы, жившие три или четыре тысячи лет назад. А тот высокоразвитый ум, который сделал бы для нас людоедство истинной пыткой, окончательно исчез. «О чем мне беспокоиться? — подумал я. — Эти элои просто-напросто откормленный скот, который разводят и отбирают себе в пищу муравьеподобные морлоки, — вероятно, они даже следят за тем, чтобы элои были хорошо откормлены...» А маленькая Уина тем временем танцевала около меня.

Я попытался подавить отвращение, заставляя себя думать, что такое положение вещей — суровая кара за человеческий эгоизм. Люди хотели жить в роскоши за счет тяжкого труда своих собратьев и оправдывались необходимостью, а теперь, когда настало время, та же необходимость повернулась к ним своей обратной стороной. Я даже, подобно Карлейлю, пытался возбудить в себе презрение к этой жалкой, упадочной аристократии. Но мне это не удалось. Как ни велико было их духовное падение, все

же элои сохранили в своей внешности слишком много человеческого, и я невольно сочувствовал им, разделяя с ними унижение и страх.

Что мне делать, я еще не знал. Прежде всего я хотел найти безопасное убежище и раздобыть какое-нибудь металлическое или каменное оружие. Это было необходимо. Затем я надеялся найти средства для добывания огня, чтобы иметь факел, так как знал, что это оружие было самым действенным против морлоков. А еще я хотел сделать какое-нибудь приспособление для того, чтобы выломать бронзовые двери в пьедестале Белого Сфинкса. Я намеревался сделать таран. Я был уверен, что если войду в эти двери, неся с собой факел, то найду там Машину Времени и смогу вырваться из этого ужасного мира. Я не думал, чтобы у морлоков хватило сил утащить мою Машину куда-нибудь очень далеко. Уину я решил взять с собой в наше время. Обдумывая все эти планы, я продолжал идти к тому зданию, которое избрал для своего жилища.

XI *Зеленый Дворец*

Когда около полудня мы дошли до Зеленого Дворца, то нашли его полуразрушенным и пустынным. В окнах торчали только осколки стекол, а большие куски зеленой облицовки отвалились от проржавевшего металлического каркаса. Дворец стоял на высоком травянистом склоне, и, взглянув на северо-восток, я изумился, увидя большой эстуарий, или, скорее, бухту, там, где по моим соображениям, были наши Уондсворт и Бэттерси. И я сразу подумал, — что же произошло или происходит теперь с существами, населяющими морскую глубину, но долго раздумывать об этом не стал.

Оказалось, что дворец был действительно сделан из фарфора, и вдоль его фасада тянулась надпись на каком-то незнакомом языке. Мне пришла в голову нелепая мысль, что Уина может помочь разобрать ее, но оказалось, что она и понятия не имеет о письме. Она всегда казалась мне более человеческом, чем была на самом деле, может быть, потому, что ее привязанность ко мне была такой человеческой.

За огромными поломанными створчатыми дверями, которые были открыты настежь, мы увидели вместо

обычного зала длинную галерею с целым рядом окон. С первого же взгляда я понял, что это музей. Паркетный пол был покрыт густым слоем пыли, и такой же серый покров лежал на всех удивительных и разнообразных предметах, сваленных повсюду. Среди прочего я увидел что-то странное и высохшее посреди зала — несомненно, это была нижняя часть огромного скелета. По форме его ног я определил, что это вымершее животное типа мегатерия. Рядом в густой пыли лежали его череп и кости верхних конечностей, а в одном месте, где крыша протекала, часть костей почти совершенно рассыпалась. Далее в галерее стоял огромный скелет бронтозавра. Мое предположение, что это музей, подтвердилось. По бокам галереи я нашел то, что принял сначала за покосившиеся полки, но, стерев с них густой слой пыли, убедился, что это стеклянные витрины. Вероятно, они были герметически закупорены, судя по некоторым прекрасно сохранившимся экспонатам.

Ясно, что мы находились среди развалин огромного музея, подобного Южно-Кенсингтонскому, но относившегося к более поздним временам. Здесь, по-видимому, был палеонтологический отдел, обладавший чудеснейшей коллекцией ископаемых, однако неизбежное разрушение, искусственно остановленное на некоторое время и утратившее благодаря уничтожению бактерий и грибков девятую девять сотых своей силы, все же верно и медленно продолжало свою работу. То тут, то там находил я следы посещения музея маленьким народом: кое-где попадались редкие ископаемые, разломанные ими на куски или низанные гирляндами на тростник. В некоторых местах витрины были сорваны. И я решил, что это сделали морлоки. Дворец был совершенно пуст. Густой слой пыли заглушал звук наших шагов. Пока я с изумлением осматривался, ко мне подошла Уина, которая до тех пор забавлялась тем, что катала морского ежа по наклонному стеклу витрины. Она тихонько взяла меня за руку и встала рядом со мной.

Я был так изумлен при виде этого разрушающегося памятника интеллектуального периода существования человечества, что не подумал о той пользе, какую отсюда мог бы для себя извлечь. Даже мысль о Машине вылетела у меня на время из головы.

Судя по размерам, Зеленый Дворец должен был заключать в себе не только палеонтологическую галерею: вероятно, тут были и исторические отделы, а может быть, даже библиотека. Для меня это было бы неизмеримо интереснее, чем геологическая выставка времен упадка. Принявшись за дальнейшие исследования, я открыл вторую, короткую, галерею, пересекавшую первую. По-видимому, это был Минералогический Отдел, и вид куса серы навел меня на мысль о порохе. Но я нигде не мог отыскать селитры или каких-нибудь азотнокислых солей. Без сомнения, они разложились много столетий назад. Но сера не выходила у меня из головы и натолкнула меня на целый ряд мыслей. Все остальное здесь мало меня интересовало, хотя, в общем, пожалуй, этот отдел сохранился лучше всего. Я не специалист по минералогии, и потому я отправился дальше в полуразрушенное крыло здания, параллельное первой галерее, через которую я вошел. По-видимому, этот новый отдел был посвящен естественной истории, но все в нем давным-давно изменилось до неузнаваемости. Несколько съезжившихся и почерневших остатков того, что прежде было чучелами зверей, высохшие коконы в банках, когда-то наполненных спиртом, темная пыль, оставшаяся от засушенных растений, — вот и все, что я здесь нашел. Я пожалел об этом; мне было бы интересно проследить те медленные, терпеливые усилия, благодаря которым была достигнута полная победа над животным и растительным миром. Оттуда мы попали в огромную плохо освещенную галерею. Пол постепенно понижался, хотя и под небольшим углом, от того конца, где мы стояли. С потолка через одинаковые промежутки свешивались белые шары; некоторые из них были треснуты или разбиты вдребезги, и у меня невольно явилась мысль, что это помещение когда-то освещалось искусственным светом. Тут я больше чувствовал себя в своей среде, так как по обе стороны от меня поднимались остовы огромных машин, все сильно попорченные и многие даже поломанные; некоторые, однако, были еще в сравнительной целостности. Вы знаете, у меня слабость к машинам; мне захотелось подольше остаться здесь, тем более что большая часть их поразила меня новизной и непонятностью, и я мог строить лишь самые неопределенные догадки относительно целей, которым они слу-

жили. Мне казалось, что если я разрешу эти загадки, то найду могущественное оружие для борьбы с морлоками.

Вдруг Уина прижалась ко мне. Это было так неожиданно, что я вздрогнул. Если бы не она, я, по всей вероятности, не обратил бы внимания на покатость пола. Тот конец галереи, откуда я вошел, поднимался довольно высоко над землей и был освещен через немногие узкие окна. Но по мере того как мы шли дальше, склон холма подступал к самым окнам, постепенно заслоняя их, так что наконец осталось только углубление, как в Лондоне перед полуподвалом, а в неширокую щель просачивалась лишь едва заметная полоска света. Я медленно шел вперед, с любопытством рассматривая машины. Это занятие совершенно поглотило меня, и поэтому я не заметил постепенного ослабления света, пока наконец возрастающий страх Уины не привлек моего внимания. Я заметил тогда, что галерея уходит в непроглядную темноту.

Остановившись в нерешительности и осмотревшись вокруг, я увидел, что слой пыли здесь был тоньше и местами лежал неровно. Еще дальше, в темноте, на пыльном полу как будто виднелись небольшие узкие следы. При виде их я вспомнил о близости морлоков. Я почувствовал, что даром теряю время на осмотр машин, и спохватился, что уже перевалило далеко за полдень, а я все еще не имею оружия, убежища и средств для добывания огня. Вдруг далеко, в глубине темной галереи, я услышал тот же своеобразный шорох, те же странные звуки, что и тогда в глубине колодца.

Я взял Уину за руку. Но вдруг мне в голову пришла новая мысль, я оставил ее и направился к машине, из которой торчал рычаг, вроде тех, какие употребляются на железнодорожных стрелках. Взобравшись на подставку и ухватившись обеими руками за рычаг, я всей своей тяжестью навалился на него. Уина, оставшись одна, начала плакать. Я рассчитал правильно: рычаг сломался после минутного усилия, и я вернулся к Уине с палицей в руке, достаточно надежной для того, чтобы проломить череп любому морлоку, который повстречался бы на пути. А мне ужасно хотелось убить хотя бы одного! Быть может, вам это желание убить одного из наших потомков покажется бесчеловечным. Но к этим отвратительным су-

ществам невозможно было относиться по-человечески. Только мое нежелание оставить Уину и уверенность, что может пострадать Машина Времени, если я примусь за избивание морлоков, удержали меня от попытки тотчас же спуститься по галерее вниз и начать истребление копошившихся там тварей.

И вот, держа палицу в правой руке, а левой обнимая Уину, я вышел из этой галереи и направился в другую — с виду еще большую, — которую я с первого взгляда принял за военную часовню, обвешанную изорванными знаменами. Но скоро в этих коричневых и черных лоскутках, которые висели по стенам, я узнал остатки истлевших книг. Они давным-давно рассыпались на куски, на них не осталось даже следов букв. Лишь кое-где валялись покоробленные корешки и треснувшие металлические заставки, достаточно красноречиво свидетельствовавшие о своем прошлом назначении. Будь я писателем, возможно, при виде всего этого я пустился бы философствовать о тщете всякого честолюбия. Но так как я не писатель, меня всего сильнее поразила потеря колоссального труда, о которой говорили эти мрачные груды истлевшей бумаги. Должен сознаться, впрочем, что в ту минуту я вспомнил о «Трудах Философского общества» и о своих собственных семнадцати статьях по оптике.

Поднявшись по широкой лестнице, мы вошли в новое помещение, которое было когда-то отделом прикладной химии. У меня была надежда найти здесь что-нибудь полезное. За исключением одного угла, где обвалилась крыша, эта галерея прекрасно сохранилась. Я торопливо подходил к каждой уцелевшей витрине и наконец в одной из них, закупоренной поистине герметически, нашел коробку спичек. Горя от нетерпения, я испробовал одну из них. Спички оказались вполне пригодными: они нисколько не отсырели. Я повернулся к Уине.

«Танцуй!» — воскликнул я на ее языке.

Теперь у нас действительно было оружие против ужасных существ, которых мы боялись. И вот в этом заброшенном музее, на густом ковре пыли, к величайшему восторгу Уины, я принялся торжественно исполнять замысловатый танец, весело насвистывая песенку «Моя Шотландия». Это был частью скромный канкан, частью полонез, частью вальс (так что развевались фалды моего

сюртука) и частью мое собственное оригинальное изобретение. Вы же знаете, что я в самом деле изобретателен.

Эта коробка спичек, которая сохранилась в течение стольких лет вопреки разрушительному действию времени, была самой необычайной и счастливой случайностью. К своему удивлению, я сделал еще одну неожиданную находку — камфору. Я нашел ее в запечатанной банке, которая, я думаю, случайно была закупорена герметически. Сначала я принял ее за парафин и разбил банку. Но запах камфоры не оставлял сомнений. Это летучее вещество среди общего разрушения пережило, быть может, многие тысячи столетий. Она напомнила мне об одном рисунке, сделанном сепией, приготовленной из ископаемого белемнита, погибшего и ставшего окаменелостью, вероятно, миллионы лет тому назад. Я хотел уже выбросить камфору, как вдруг вспомнил, что она горит прекрасным ярким пламенем, так что из нее можно сделать отличную свечку. Я положил ее в карман. Зато я нигде не нашел взрывчатых веществ или каких-либо других средств, чтобы взломать бронзовые двери. Железный рычаг все же был самым полезным орудием, на которое я до сих пор наткнулся. Тем не менее я с гордым видом вышел из галереи.

Не могу пересказать вам всего, что я видел за этот долгий день. Пришлось бы сильно напрячь память, чтобы по порядку рассказать о всех моих изысканиях. Помню длинную галерею с заржавевшим оружием и свои размышления: не выбрать ли мне топор или саблю вместо моего железного рычага? Я не мог унести то и другое, а железный лом был более пригоден для взлома бронзовых дверей. Я видел множество ружей, пистолетов и винтовок. Почти все они были совершенно изъедены ржавчиной, хотя некоторые, сделанные из какого-то неизвестного металла, прекрасно сохранились. Но патроны и порох давно уже рассыпались в пыль. Один угол галереи обгорел и был совершенно разрушен; вероятно, это произошло вследствие взрыва патронов. В другом месте оказалась большая коллекция идолов: полинезийских, мексиканских, греческих, финикийских, собранных со всех концов земли. И тут, уступая непреодолимому желанию,

я написал свое имя на носу каменного урода из Южной Америки, особенно меня поразившего.

К вечеру мое любопытство ослабело. Одну за другой проходил я галереи, пыльные, безмолвные, часто разрушенные, все содержимое которых представляло собой по временам груды ржавчины и обуглившихся обломков. В одном месте я неожиданно наткнулся на модель рудника, а затем, также совершенно случайно, нашел в плотно закупоренной витрине два динамитных патрона.

«Эврика!» — воскликнул я с радостью и разбил витрину.

Но вдруг на меня напало сомнение. Я остановился в раздумье. Выбрав маленькую боковую галерею, я сделал опыт. Никогда в жизни не чувствовал я такого разочарования, как в те пять — десять минут, когда ждал взрыва и ничего не дождался. Без сомнения, это были модели, я мог бы догадаться об этом уже по их виду. Уверен, что иначе я тотчас же кинулся бы к Белому Сфинксу и отправил бы его одним взрывом в небытие вместе с его бронзовыми дверями и (как оказалось впоследствии) уже никогда не получил бы обратно Машину Времени.

Насколько я могу припомнить, мы вышли в маленький открытый дворик внутри главного здания. Среди зеленой травы росли три фруктовых дерева. Здесь мы отдохнули и подкрепились. Приближался закат, и я стал обдумывать наше положение. Ночь уже надвигалась, а безопасное убежище все еще не было найдено. Однако теперь это меня мало тревожило. В моих руках была лучшая защита от морлоков: спички! А на случай, если бы понадобился яркий свет, у меня в кармане была камфора. Самое лучшее, казалось мне, — провести ночь на открытом месте под защитой костра. А наутро я хотел приняться за розыски Машины Времени. Единственным средством для этого был железный лом. Но теперь, лучше зная что к чему, я совершенно иначе относился к бронзовым дверям. Ведь до сих пор я не хотел их ломать, не зная, что находилось по другую их сторону. Они не казались мне очень прочными, и я надеялся, что легко взломаю их своим рычагом.

Мы вышли из Зеленого Дворца, когда солнце еще не скрылось за горизонтом. Я решил на следующий же день, рано утром, вернуться к Белому Сфинксу, а пока, до наступления темноты, предполагал пробраться через лес, задержавший нас по пути сюда. В этот вечер я рассчитывал пройти возможно больше, а затем, разведя костер, лечь спать под защитой огня. Дорогой я собирал сучья и сухую траву и скоро набрал целую охапку. С этим грузом мы подвигались вперед медленнее, чем я предполагал, и к тому же Уина очень устала. Мне тоже ужасно хотелось спать. Когда мы дошли до леса, наступила полная темнота. Из страха перед ней Уина хотела остаться на склоне холма перед опушкой, но чувство опасности толкало меня вперед, вместо того чтобы образумить и остановить. Я не спал всю ночь и два дня находился в лихорадочном, раздраженном состоянии. Я чувствовал, как ко мне подкрадывается сон, а вместе с ним и морлоки.

Пока мы стояли в нерешительности, я увидел сзади на темном фоне кустов три притаившиеся твари. Нас окружали высокая трава и мелкий кустарник, так что они могли коварно подкрасться вплотную. Чтобы пересечь лес, надо было, по моим расчетам, пройти около мили. Мне казалось, что если бы нам удалось выйти на открытый склон, то мы нашли бы там безопасное место для отдыха. Спичками и камфорой я рассчитывал освещать дорогу. Но, чтобы зажигать спички, я, очевидно, должен был бросить сучья, набранные для костра. Волей-неволей мне пришлось это сделать. И тут у меня возникла мысль, что я могу позабавить наших друзей, если подожгу кучу хвороста. Впоследствии я понял, какое это было безумие, но тогда такой маневр показался мне отличным прикрытием нашего отступления.

Не знаю, задумывались ли вы когда-нибудь над тем, какой редкостью бывает пламя в умеренном климате, где нет человека. Солнечный жар редко способен зажечь какое-нибудь дерево даже в том случае, если его лучи собирают, словно зажигательные стекла, капли росы, как это иногда случается в тропических странах. Молния разит и убивает, но редко служит причиной большого пожара. Гниющая растительность иногда тлеет от теплоты внутренних химических реакций, но редко загорается.

А в этот период упадка на земле было позабыто самое искусство добывания огня. Красные языки, которые принялись лизать груду хвороста, были для Уины чем-то совершенно новым и поразительным.

Она хотела подбежать и поиграть с пламенем. Вероятно, она даже бросилась бы в огонь, не удержи я ее. Я схватил ее и, несмотря на сопротивление, смело увлек за собой в лес. Некоторое время костер освещал нам дорогу. Потом, оглянувшись назад, я увидел сквозь частые стволы деревьев, как занялись ближние кустарники и пламя, змеясь, поползло вверх на холм. Я засмеялся и снова повернулся к темным деревьям. Там царил полнейший мрак; Уина судорожно прижалась ко мне, но мои глаза быстро освоились с темнотой, и я достаточно хорошо видел, чтобы не наткнуться на стволы. Над головой было черным-черно, и только кое-где сиял клочок неба. Я не зажигал спичек, потому что руки мои были заняты. На левой руке сидела малышка Уина, а в правой я держал свой лом.

Некоторое время я не слышал ничего, кроме треска веток под ногами, легкого шелеста ветра, своего дыхания и стука крови в ушах. Затем я услышал позади топот, но упорно продолжал идти вперед. Топот становился все громче, и вместе с ним долетали странные звуки и голоса, которые я уже слышал в Подземном Мире. Очевидно, за нами гнались морлоки; они настигали нас. Действительно, в следующее же мгновение я почувствовал, как кто-то дернул меня за одежду, а потом за руку. Уина задрожала и притихла.

Необходимо было зажечь спичку. Но, чтобы достать ее, я должен был спустить Уину на землю. Я так и сделал, но, пока я рылся в кармане, около моих ног в темноте началась возня. Уина молчала, и только морлоки что-то бормотали. Чьи-то маленькие мягкие руки скользнули по моей спине и даже прикоснулись к шее. Спичка чиркнула и зашипела. Я подождал, пока она не разгорелась, и тогда увидел белые спины убежавших в чащу морлоков. Поспешно вынув из кармана кусок камфоры, я приготовился его зажечь, как только начнет гаснуть спичка. Я взглянул на Уину. Она лежала ничком, обхватив мои колени, совершенно неподвижная. Со страхом я наклонился над ней. Казалось, она едва дышала. Я зажег кусок камфоры

и бросил его на землю; расколовшись, он ярко запылал, отгоняя от нас морлоков и ночные тени. Я встал на колени и поднял Уину. В лесу, позади нас, слышался шум и бормотание огромной толпы.

По-видимому, Уина лишилась чувств. Я осторожно положил ее к себе на плечо, встал и собрался идти дальше, но вдруг ясно понял безвыходность нашего положения. Возясь со спичками и с Уиной, я несколько раз повернулся и теперь не имел ни малейшего понятия, куда мне идти. Может быть, я снова шел назад к Зеленому Дворцу. Меня прошиб холодный пот. Нельзя было терять времени; приходилось действовать. Я решил развести костер и остаться на месте. Положив все еще неподвижную Уину на мшистый пенек, я принялся торопливо собирать сучья и листья, пока догорал кусок камфоры. Вокруг меня то тут, то там, подобно рубинам, светились в темноте глаза морлоков.

Камфора в последний раз вспыхнула и погасла. Я зажег спичку и увидел, как два белые существа, приближавшиеся к Уине, поспешно метнулись прочь. Одно из них было так ослеплено светом, что прямо натолкнулось на меня, и я почувствовал, как под ударом моего кулака хрустнули его кости. Морлок закричал от ужаса, сделал, шатаясь, несколько шагов и упал. Я зажег другой кусок камфоры и продолжал собирать хворост для костра. Скоро я заметил, что листья здесь совершенно сухие, так как со времени моего прибытия, то есть целую неделю, ни разу не было дождя. Я перестал разыскивать меж деревьями хворост и начал вместо этого прыгать и обламывать нижние ветви деревьев. Скоро разгорелся удушливо дымный костер из свежего дерева и сухих сучьев, и я сберег остаток камфоры. Я вернулся туда, где рядом с моим ломом лежала Уина. Я всеми силами старался привести ее в чувство, но она лежала как мертвая. Я не мог даже понять, дышала она или нет.

Тут мне пахнуло дымом прямо в лицо, и голова моя, и без того тяжелая от запаха камфоры, отяжелела еще больше. Костра должно было хватить примерно на час. Смертельно усталый, я присел на землю. Мне почудилось, что по лесу носился какой-то непонятный сонливый шепот. Мне казалось, что я вздремнул на миг, и тотчас же открыл глаза. Вокруг меня была темнота, и руки морло-

ков касались моего тела. Стряхнув с себя их цепкие пальцы, я торопливо принялся искать в кармане спички, но их там не оказалось. Морлоки снова схватили меня, окружив со всех сторон. В одну секунду я сообразил, что случилось. Я заснул, костер погас. Меня охватил смертельный ужас. Весь лес, казалось, был наполнен запахом гари. Меня схватили за шею, за волосы, за руки и старались повалить. Ужасны были в темноте прикосновения этих мягкотелых созданий, облепивших меня. Мне казалось, что я попал в какую-то чудовищную паутину. Они пересилили меня, и я упал. Чьи-то острые зубы впились мне в шею. Я перевернулся, и в то же мгновение рука моя нащупала железный рычаг. Это придало мне силы. Стряхнув в себя всю кучу человекообразных крыс, я вскочил и, размахнувшись рычагом, принялся бить им наугад, стараясь попасть по их головам. Я слышал, как под моими ударами обмякали их тела, как хрустели кости. На минуту я освободился.

Мной овладело то странное возбуждение, которое, говорят, так часто приходит во время боя. Я знал, что мы оба с Уиной погибли, но решил дорого продать свою жизнь. Я стоял, опираясь спиной о дерево и размахивая перед собой железной палицей. Лес оглашали громкие крики морлоков. Прошла минута. Голоса их, казалось, уже не могли быть пронзительней, движения становились все быстрее и быстрее. Но ни один не подходил ко мне близко. Я все время стоял на месте, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в темноте. В душу мою закралась надежда: может быть, морлоки испугались? И тут произошло нечто необычайное. Казалось, окружающий меня мрак стал проясняться. Я смутно начал различать фигуры морлоков, трое корчились у моих ног, а остальные непрерывным потоком бежали мимо меня в глубь леса. Спины их казались уж не белыми, а красноватыми. Застыв в недоумении, я увидел красную полосу, скользившую между деревьев, освещенных светом звезд. Я сразу понял, откуда взялся запах гари и однообразный шорох, перешедший теперь в страшный рев, и красное зарево, обратившее в бегство морлоков.

Отойдя от дерева и оглянувшись назад, я увидел между черными стволами пламя лесного пожара. Это меня догонял мой первый костер. Я искал Уину, но ее не бы-

ло... Свист и шипенье позади, треск загоревшихся ветвей — все это не оставляло времени для размышлений. Схватив свой лом, я побежал за морлоками. Пламя следовало за мной по пятам. Пока я бежал, оно обогнало меня справа, так что я оказался отрезанным и бросился влево. Наконец я выбежал на небольшую поляну. Один из морлоков, ослепленный, наткнулся на меня и промчался мимо прямо в огонь.

После этого мне пришлось наблюдать самое потрясающее зрелище из всех, какие я видел в Будущем. От зари стало светло, как днем. Посреди огненного моря был холмик или курган, на вершине которого рос полузасохший боярышник. А дальше, в лесу, бушевали желтые языки пламени, и холм был со всех сторон окружен огненным забором. На склоне холма толпилось около тридцати или сорока морлоков; ослепленные, они метались и натывались в замешательстве друг на друга. Я забыл об их слепоте и, как только они приближались, в безумном страхе принимался яростно наносить им удары. Я убил одного и искалечил многих. Но, увидев, как один из них ощупью пробирался в багровом свете среди боярышника, и услышав стоны, я убедился в полной беспомощности и отчаянии морлоков и не трогал уже больше никого.

Иногда некоторые из них натывались на меня и так дрожали, что я сразу давал им дорогу. Однажды, когда пламя немного утасло, я испугался, что эти гнусные существа скоро меня увидят. Я даже подумывал о том, не убить ли мне нескольких из них, прежде чем это случится; но пламя снова ярко вспыхнуло. Я бродил между морлоками по холму, избегая столкновений, и старался найти хоть какие-нибудь следы Уины. Но Уина исчезла.

Я присел наконец на вершине холма и стал смотреть на это необычайное сборище слепых существ, бродивших ощупью и перекликавшихся нечеловеческими голосами при вспышках пламени. Огромные клубы дыма плыли по небу, и сквозь красное зарево изредка проглядывали звезды, такие далекие, как будто они принадлежали какой-то иной вселенной. Два или три морлока сослепу наткнулись на меня, и я, задрожав, отогнал их ударами кулаков.

Почти всю ночь продолжался этот кошмар. Я кусал себе руки и кричал в страстном желании проснуться, коло-

тил кулаками по земле, вставал, потом садился, бродил взад-вперед и снова садился на землю. Я тер глаза, умолял бога дать мне проснуться. Три раза я видел, как морлоки, опустив головы, обезумевшие, кидались прямо в огонь. Наконец над утихшим пламенем пожара, над клубами дыма, над почерневшими стволами деревьев и над жалким остатком этих мерзких существ блеснули первые лучи рассвета.

Я снова принялся искать Уину, но не нашел ее. По-видимому, ее маленькое тельце осталось в лесу. Все же она избегла той ужасной участи, которая, казалось, была ей уготована. При этой мысли я чуть снова не принялся за избиение беспомощных отвратительных созданий, но сдержался. Холмик, как я сказал, был чем-то вроде острова в лесу. С его вершины сквозь пелену дыма я теперь мог разглядеть Зеленый Дворец и определить путь к Белому Сфинксу. Когда окончательно рассвело, я покинул кучку проклятых морлоков, все еще стонавших и бродивших ощупью по холму, обмотал ноги травой и по дымящемуся пеплу, меж черных стволов, среди которых еще трепетал огонь, поплелся туда, где была спрятана Машина Времени. Шел я медленно, так как почти выбился из сил, и, кроме того, хромал: я чувствовал себя глубоко несчастным, вспоминая об ужасной смерти бедной Уины. Это было тяжело. Теперь, когда я сижу здесь у себя, в привычной обстановке, потеря Уины кажется мне скорее тяжелым сном, чем настоящей утратой. Но в то утро я снова стал совершенно одинок, ужасно одинок. Я вспомнил о своем доме, о вас, друзья мои, и меня охватила мучительная тоска.

Идя по дымящемуся пеплу под ясным утренним небом, я сделал одно открытие. В кармане брюк уцелело несколько спичек. По-видимому, коробка разломалась, прежде чем ее у меня похитили.

XIII *Ловушка Белого Сфинкса*

В восемь или девять часов утра я добрался до той самой скамьи из желтого металла, откуда в первый вечер осматривал окружавший меня мир. Я не мог удержаться и горько посмеялся над своей самоуверенностью, вспомнив, к каким необдуманным выводам пришел я в тот вечер. Теперь передо мной была та же дивная картина, та

же роскошная растительность, те же чудесные дворцы и великолепные руины, та же серебристая гладь реки, катившей свои воды меж плодородными берегами. Кое-где среди деревьев мелькали яркие одежды очаровательно-прекрасных маленьких людей. Некоторые из них купались на том самом месте, где я спас Уину, и у меня больно сжалось сердце. И над всем этим чудесным зрелищем, подобно черным пятнам, подымались купола, прикрывавшие колодцы, которые вели в подземный мир. Я понял теперь, что таилось под красотой жителей Верхнего Мира. Как радостно они проводили день! Так же радостно, как скот, пасущийся в поле. Подобно скоту, они не знали врагов и ни о чем не заботились. И таков же был их конец.

Мне стало горько при мысли, как кратковременно было торжество человеческого разума, который сам совершил самоубийство. Люди упорно стремились к благосостоянию и довольству, к тому общественному строю, лозунгом которого была обеспеченность и неизменность; и они достигли цели, к которой стремились, только чтобы прийти к такому концу... Когда-то Человечество дошло до того, что жизнь и собственность каждого оказались в полной безопасности. Богатый знал, что его благосостояние и комфорт неприкосновенны, а бедный довольствовался тем, что ему обеспечены жизнь и труд. Без сомнения, в таком мире не было ни безработицы, ни нерешенных социальных проблем. А за всем этим последовал великий покой.

Мы забываем о законе природы, гласящем, что гибкость ума является наградой за опасности, тревоги и превратности жизни. Существо, которое живет в совершенной гармонии с окружающими условиями, превращается в простую машину. Природа никогда не прибегает к разуму до тех пор, пока ей служат привычка и инстинкт. Там, где нет перемен и нет необходимости в переменах, разум погибает. Только те существа обладают им, которые сталкиваются со всевозможными нуждами и опасностями.

Таким путем, мне кажется, человек Верхнего Мира пришел к своей беспомощной красоте, а человек Подземного Мира — к чисто механическому труду. Но даже и для этого уравновешенного положения вещей, при

всем его механическом совершенстве, недоставало одного — полной неизменности. С течением времени запасы Подземного Мира истощились. И вот Мать-Нужда, сдерживаемая в продолжение нескольких тысячелетий, появилась снова и начала внизу свою работу. Жители Подземного Мира, имея дело со сложными машинами, что, кроме навыков, требовало все же некоторой работы мысли, невольно удержали в своей озверелой душе больше человеческой энергии, чем жители земной поверхности. И когда обычная пища пришла к концу, они обратились к тому, чего до сих пор не допускали старые привычки. Вот как все это представилось мне, когда я в последний раз смотрел на мир восемьсот две тысячи семьсот первого года. Мое объяснение, быть может, ошибочно, поскольку вообще человеку свойственно ошибаться. Но таково мое мнение, и я высказал его вам.

После трудов, волнений и страхов последних дней, не смотря на тоску по бедной Уине, эта скамья, мирный пейзаж и теплый солнечный свет все же казались мне прекрасными. Я смертельно устал, меня клонило ко сну, и, размышляя, я вскоре начал дремать. Поймав себя на этом, я не стал противиться и, растянувшись на дерне, погрузился в долгий освежающий сон.

Проснулся я незадолго до заката солнца. Теперь я уже не боялся, что морлоки захватят меня во сне. Расправив члены, я спустился с холма и направился к Белому Сфинксу. В одной руке я держал лом, другой перебирал спички у себя в кармане.

Но там меня ждала самая большая неожиданность. Приблизившись к Белому Сфинксу, я увидел, что бронзовые двери открыты и обе половинки задвинуты в специальные пазы.

Я остановился как вкопанный, не решаясь войти.

Внутри было небольшое помещение, и в углу на возвышении стояла Машина Времени. Рычаги от нее лежали у меня в кармане. Итак, здесь после всех приготовлений к осаде Белого Сфинкса меня ожидала покорная сдача. Я отбросил свой лом, почти недовольный тем, что не пришлось им воспользоваться.

Но в ту самую минуту, когда я уже наклонился, чтобы войти, у меня мелькнула внезапная мысль. Я сразу понял нехитрый замысел морлоков. С трудом удерживаясь от

смеха, я перешагнул через бронзовый порог и направился к Машине Времени. К своему удивлению, я видел, что она была тщательно смазана и вычищена. Впоследствии мне пришлось в голову, что морлоки даже разбирали машину на части, стараясь своим слабым разумом понять ее назначение.

И пока я стоял и смотрел на свою Машину, испытывая удовольствие при одном прикосновении к ней, случилось то, чего я ожидал. Бронзовые панели скользнули вверх и с треском закрылись. Я попался. Так по крайней мере думали морлоки. Эта мысль вызвала у меня только веселый смех.

Они уже бежали ко мне со своим противным хихиканием. Сохраняя хладнокровие, я чиркнул спичкой. Мне оставалось только укрепить рычаги и умчаться от них, подобно призраку. Но я упустил из виду одно маленькое обстоятельство. Это были отвратительные спички, которые зажигаются только о коробки.

Куда подевалось мое спокойствие! Маленькие, гадкие твари уже окружили меня. Кто-то прикоснулся ко мне. Отбиваясь рычагами, я полез в седло. Меня схватила чья-то рука, потом еще и еще. Мне пришлось с трудом вырывать рычаги из цепких пальцев и в то же время ощущать гнезда, в которых они крепились. Один раз морлоки вырвали у меня рычаг. Когда он выскользнул из моих рук, мне пришлось, чтобы найти его на полу в темноте, отбиваться от них головой. Под моими ударами трещали черепа морлоков. Мне кажется, эта последняя схватка была еще упорнее, чем битва в лесу.

В конце концов я укрепил рычаги и повернул их. Цепкие руки соскользнули с моего тела. Темнота исчезла из моих глаз. Вокруг не было ничего, кроме туманного света и шума, о которых уже вам говорил.

XIV *Новые видения*

Я уже рассказывал о болезненных и муторных ощущениях, которые вызывает путешествие по Времени. Но на этот раз я к тому же плохо сидел в седле, неловко свесившись набок. Не знаю, долго ли я провисел таким образом, не замечая, как моя Машина дрожит и раскачивается. Когда я пришел в себя и снова посмотрел на циферблаты, то был поражен. На одном из циферблатов отмечались

дни, на другом тысячи, на третьем миллионы и на четвертом миллиарды дней. Оказалось, что вместо того, чтобы повернуть рычаги назад, я привел их в действие таким образом, что Машина помчалась вперед, и, взглянув на указатели, я увидел, что стрелка, отмечающая тысячи дней, вертелась с быстротой секундной стрелки часов — я уносился в Будущее.

По мере движения все вокруг начало принимать какой-то необыкновенный вид. Дрожащая серая пелена стала темнее; потом снова — хотя я все еще продолжал двигаться с невероятной скоростью — началась мерцающая смена ночи и дня, обычно указывавшая на не очень быстрое движение Машины. Это чередование становилось все медленнее и отчетливее. Сначала я очень удивился. День и ночь уже не так быстро сменяли друг друга. Солнце тоже постепенно замедляло свое движение по небу, пока наконец мне не стало казаться, что сутки тянутся целое столетие. В конце концов над землей повисли сумерки, которые лишь по временам прорывались ярким светом мчавшейся по темному небу кометы. Красная полоса над горизонтом исчезла; солнце больше не закатывалось — оно просто поднималось и опускалось на западе, становясь все более огромным и кровавым. Луна бесследно исчезла. Звезды, медленно описывавшие свои круговые орбиты, превратились из сплошных полосок света в отдельные, ползущие по нему точки. Наконец, незадолго до того, как я остановился, солнце, кровавое и огромное, неподвижно застыло над горизонтом; оно походило на огромный купол, горевший тусклым светом и по временам на мгновения совершенно потухавший. Один раз оно запылало прежним своим ярким огнем, но быстро вновь приобрело угрюмо-красный цвет. Из того, что солнце перестало всходить и закатываться, я заключил, что периодическое торможение наконец завершилось. Земля перестала вращаться, она была обращена к солнцу одной стороной, точно так же, как в наше время обращена к земле луна. Помня свое предыдущее стремительное падение, я с большой осторожностью принялся замедлять движение Машины. Стрелки стали крутиться все медленней и медленней, пока наконец та, что указывала тысячи дней, не замерла неподвижно, а та, что указывала дни, перестала казаться сплошным кругом. Я еще замедлил дви-

жение, и передо мной стали смутно вырисовываться очертания пустынного берега.

Наконец я осторожно остановился и, не слезая с Машины Времени, огляделся. Небо утратило прежнюю голубизну. На северо-востоке оно было как чернила, и из глубины мрака ярким и неизменным светом сияли бледные звезды. Прямо над головой небо было темно-красное, беззвездное, а к юго-востоку оно светлело и становилось пурпурным; там, усеченное линией горизонта, кроваво и неподвижное, огромной горой застыло солнце. Скалы вокруг меня были темно-коричневые, и единственным признаком жизни, который я увидел сначала, была темно-зеленая растительность, покрывавшая все юго-западные выступы на скалах. Эта густая, пышная зелень походила на лесные мхи или лишайники, растущие в пещерах, — растения, которые живут в постоянной полутьме.

Моя машина стояла на отлогом берегу. К юго-западу вплоть до резкой линии горизонта расстиралось море. Не было ни прибоя, ни волн, так как не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. Только слабая ровная зыбь слегка вздымалась и опускалась, море как будто тихо дышало, сохраняя еще признаки своей вечной жизни. Вдоль берега, там, где вода отступила, виднелась кора соли, красноватая под лучами солнца. Голова у меня была словно налита свинцом, и я заметил, что дыхание мое участилось. Это напомнило мне мою единственную попытку восхождения в горы, и я понял, что воздух стал более разреженным, чем прежде.

Вдали, на туманном берегу, я услышал пронзительный писк и увидел нечто похожее на огромную белую бабочку. Она взлетела и, описав несколько перовных кругов, исчезла за невысокими холмами. Писк ее был таким злобещим, что я невольно вздрогнул и плотнее уселся в седле. Оглядевшись снова, я вдруг увидел, как то, что я принимал за красноватую скалу, стало медленно приближаться ко мне. Это было чудовищное существо, похожее на краба. Представьте себе краба величиной с этот стол, со множеством медленно и нерешительно шевелящихся ног, с огромными клешнями, с длинными, как хлысты, щупальцами и выпуклыми глазами, сверкающими по обе стороны отливающего металлом лба! Спина его была вся в отвратительных буграх и выступах, места-

ми покрытая зеленоватым налетом. Я видел, как шевелились и дрожали многочисленные щупальца у его рта.

С ужасом глядя на это подползающее чудище, я вдруг почувствовал щекочущее прикосновение на щеке.казалось, будто на нее села муха. Я попробовал согнать ее взмахом руки, но ощущение сразу же возобновилось, и почти одновременно я почувствовал такое же прикосновение возле уха. Я отмахнулся и схватил рукой нечто похожее на нитку. Она быстро выдернулась. Дрожа от ужаса, я обернулся и увидел, что это было щупальце другого чудовищного краба, очутившееся как раз у меня за спиной. Его свирепые глаза вращались, рот был разинут в предвкушении добычи, огромные, неуклюжие клешни, покрытые слизью водорослей, нацелились прямо на меня! В одно мгновение я схватился за рычаг, и между мной и чудовищами сразу же легло расстояние целого месяца. Но я по-прежнему находился на том же берегу и, как только остановился, снова увидел тех же самых чудовищ. Они десятками ползали взад и вперед под мрачным небом, среди скользкой зелени мхов и лишайников.

Не могу передать вам, какое страшное запустение царило в мире. На востоке — багровое небо, на севере — темнота, мертвое соленое море, каменистый берег, по которому медленно ползали эти мерзкие чудовища. Однообразные, ядовито-зеленые лишайники, разреженный воздух, вызывающий боль в легких, — все это производило подавляющее впечатление! Я перенесся на столетие вперед. И увидел все то же багровое солнце — только немного больше и тусклее, — тот же умирающий океан, тот же серый холодный воздух и то же множество ракообразных, ползающих среди красных скал и зеленых лишайников. А на западе, низко над горизонтом, я увидел бледный серп, похожий на огромную нарождающуюся луну.

Так продолжал я передвигаться по времени огромными скачками, каждый в тысячу лет и больше, увлеченный тайной судеб Земли и в состоянии какого-то гипноза наблюдая, как солнце на западе становится все огромней и тусклее, как угасает жизнь. Наконец больше чем через тридцать миллионов лет огромный красный купол солнца заслонил собой десятую часть потемневшего неба. Я остановился, так как многочисленные крабы уже исчезли,

а красноватый берег казался безжизненным и был покрыт лишь мертвенно-бледными мхами и лишайниками. Местами виднелись пятна снега. Ужасный холод окружал меня. Редкие белые хлопья медленно падали на землю. На северо-востоке под звездами, усеивавшими траурное небо, блеснул снег и высились волнистые вершины красновато-белых гор. Прибрежная полоса моря была скована льдом, и огромные ледяные глыбы уносились на простор; однако большая часть соленого океана, кровавая от лучей негаснущего заката, еще не замерзла.

Я огляделся в поисках каких-нибудь животных. Смутное опасение все еще удерживало меня в седле Машины. Но ни в небе, ни на море, ни на земле не было признаков жизни. Лишь зеленые водоросли на скалах свидетельствовали, что жизнь еще не совсем угасла. Море далеко отступило от прежних берегов, обнажив песчаное дно. Мне показалось, что на отмели что-то движется, но когда я вгляделся пристальнее, то не увидел никакого движения; я решил, что зрение обмануло меня и это был просто черный камень. На небе горели необычайно яркие звезды, и мне казалось, что они почти перестали мерцать.

Вдруг я увидел, что диск солнца на западе стал менять свои очертания. На его краю появилась какая-то трещина или впадина. Она все более увеличивалась. С минуту я в ужасе смотрел, как на солнце напознала темнота, а потом понял, что это начинается затмение. Должно быть, луна или Меркурий проходили перед его диском. Разумеется, прежде всего я подумал о луне, но дальнейшие соображения привели меня к выводу, что в действительности очень близко к Земле проплыла перед солнцем одна из крупных планет нашей системы.

Темнота быстро надвигалась. Холодными порывами задул восточный ветер, и в воздухе гуще закружились снежные хлопья. С моря до меня донеслись всплески волн. Но, кроме этих мертвенных звуков, в мире царила тишина. Тишина? Нет, невозможно описать это жуткое безмолвие. Все звуки жизни, блеяние овец, голоса птиц, жужжание насекомых, все то движение и суета, которые нас окружают, — все это отошло в прошлое. По мере того как мрак сгущался, снег падал все чаще, белые хлопья плясали у меня перед глазами, мороз усиливался. Одна за другой погружались в темноту белые вершины далеких

гор. Ветер перешел в настоящий ураган. Черная тень ползла на меня. Через мгновение на небе остались одни только бледные звезды. Кругом была непроглядная тьма. Небо стало совершенно черным.

Ужас перед этой безбрежной тьмой охватил все мое существо. Холод, пронизывавший до мозга костей, и боль при дыхании стали невыносимы. Я дрожал и чувствовал сильную тошноту. Потом, подобно раскаленной дуге, на небе снова появилось солнце. Я слез с Машины, чтобы немного прийти в себя. Голова у меня кружилась, и не было сил даже подумать об обратном путешествии. Измученный и растерянный, я вдруг снова увидел на отдели, на фоне красноватой морской воды, какое-то движение. Теперь сомневаться уже не приходилось. Это было нечто круглое, величиною с футбольный мяч, а может быть, и больше, и с него свисали длинные щупальца; мяч этот казался черным на колыхавшейся кроваво-красной воде, и передвигался он резкими скачками. Я почувствовал, что начинаю терять сознание. Но ужас при мысли, что я могу беспомощно упасть на землю в этой далекой и страшной полутьме, заставил меня снова взобраться на седло.

XV *Возвращение Путешественника по Времени*

И я отправился назад. Долгое время я лежал без чувств на своей Машине. Снова началась мерцающая смена дней и ночей, снова солнце заблестало золотом, а небо — прежней голубизной. Дышать стало легче. Внизу подо мной быстро изменялись контуры земли. Стрелки на циферблатах вертелись в обратную сторону. Наконец я снова увидел неясные очертания зданий периода упадка человечества. Они изменялись, исчезали, и появлялись другие. Когда стрелка, показывавшая миллионы дней, остановилась на нуле, я уменьшил скорость. Я стал узнавать знакомую архитектуру наших домов. Стрелка, отмечавшая тысячи дней, возвращалась ко времени отправления, ночь и день сменяли друг друга все медленней. Стены лаборатории снова появились вокруг меня. Осторожно замедлил я движение Машины.

Мне пришлось наблюдать странное явление. Я уже говорил вам, что, когда я отправился в путь и еще не развил

большой скорости, через комнату промчалась миссис Уотчет, двигаясь, как мне показалось, с быстротой ракеты. Когда же я возвратился, то снова миновал ту минуту, в которую она проходила по лаборатории. Но теперь каждое ее движение казалось мне обратным. Сначала открылась вторая дверь в дальнем конце комнаты, потом, пятась, появилась миссис Уотчет и исчезла за той дверью, в которую прежде вошла. Незадолго перед этим мне показалось, что я вижу Хилльера, но он мелькнул мгновенно, как вспышка.

Я остановил Машину и снова увидел свою любимую лабораторию, свои инструменты и приборы в том же виде, в каком я их оставил. Совершенно разбитый, я сошел с Машины и сел на скамью. Сильная дрожь пробежала по моему телу. Но понемногу я начал приходить в себя. Лаборатория была такой же, как всегда. Мне казалось, что я заснул и все это мне приснилось.

Но нет! Не все было по-прежнему. Машина Времени отправилась в путешествие из юго-восточного угла лаборатории, а вернулась она в северо-западный и остановилась напротив той стены, у которой вы ее видели. Точно такое же расстояние было от лужайки до пьедестала Белого Сфинкса, в котором морлоки спрятали мою Машину.

Не знаю, долго ли я был не в состоянии ни о чем думать. Наконец я встал и прошел сюда через коридор, хромая, потому что пятка моя еще болела. Я был весь перепачкан грязью. На столе у двери я увидел номер «Пелл Мелл газетт». Она была сегодняшняя. Взглянув на часы, я увидел, что было около восьми. До меня донеслись ваши голоса и звон тарелок. Я не сразу решился войти: так я был слаб и утомлен! Но я почувствовал приятный запах еды и открыл дверь. Остальное вы знаете. Я умылся, пообедал и вот теперь рассказываю вам свою историю.

XVI *Когда история была рассказана*

— Я знаю, — сказал он, помолчав, — все это кажется вам совершенно невероятным; для меня же самое невероятное состоит в том, что я сижу здесь, в этой милой, знакомой комнате, вижу ваши дружеские лица и рассказываю вам свои приключения.

Он взглянул на Доктора.

— Нет, я даже не надеюсь, что вы поверите мне. Примите мой рассказ за ложь или... за пророчество. Считайте, что я видел это во сне, у себя в лаборатории. Представьте себе, что я раздумывал о грядущих судьбах человечества и придумал эту сказку. Отнеситесь к моим уверениям в ее достоверности как к простой уловке, к желанию придать ей побольше интереса. Но, относясь ко всему этому, как к выдумке, что вы скажете?

Он вынул изо рта трубку и начал по старой привычке нервно постукивать ею о прутья каминной решетки. Наступило минутное молчание. Потом послышался скрип стульев и шарканье ног по полу. Я отвел глаза от лица Путешественника по Времени и взглянул на его слушателей. Все они сидели в тени, и блики от огня в камине скользили по их лицам. Доктор пристально вгляделся в лицо рассказчика. Редактор, закулив шестую сигару, уставился на ее кончик. Журналист вертел в руках часы. Остальные, насколько помню, сидели неподвижно.

Глубоко вздохнув, Редактор встал.

— Какая жалость, что вы не пишете статей,— сказал он, кладя руку на плечо Путешественника по Времени.

— Вы не верите?

— Ну, знаете...

— Я так и думал.

Путешественник по Времени повернулся к нам.

— Где спички? — спросил он.

Он зажег спичку и, дымя трубкой, сказал:

— Признаться... я и сам верю с трудом, но все же...

Его глаза с немим вопросом устремились на белые увядшие цветы, лежавшие на столе. Потом он повернул руку, в которой была трубка, и посмотрел на едва затянувшиеся шрамы на своих пальцах.

Доктор встал, подошел к лампе и принялся рассматривать цветы.

— Какие странные у них пестики,— сказал он.

Психолог наклонился вперед и протянул руку за одним из цветков.

— Ручаюсь головой, что уже четверть первого,— сказал Журналист.— Как же мы доберемся до дому?

— У станции много извозчиков,— сказал Психолог.

— Странная вещь,— произнес Доктор.— Я не могу

определить вид этих цветов. Не позволите ли мне взять их с собою?

На лице Путешественника по Времени мелькнула нерешительность.

— Конечно, нет, — сказал он.

— Серьезно, откуда вы их взяли? — спросил Доктор.

Путешественник по Времени приложил руку ко лбу. Он имел вид человека, который старается собрать разбегающиеся мысли.

— Их положила мне в карман Уина, когда я путешествовал по Времени.

Он оглядел комнату.

— Все плывет у меня в глазах. Эта комната, вы и вся знакомая обстановка не вмещаются в моей голове. Строил ли я когда-нибудь Машину Времени или ее модель? Может быть, все это был сон? Говорят, вся жизнь — это сон и к тому же скверный, жалкий, короткий сон, хотя ведь другой все равно не приснится. С ума можно сойти. И откуда взялся этот сон?.. Я должен взглянуть на мою Машину. Существует ли она?..

Он схватил лампу и пошел по коридору. Пламя колебалось и по временам вспыхивало красным огнем. Мы последовали за ним. Освещенная трепетавшим пламенем лампы, низкая, изуродованная, погнутая, перед нами, несомненно, была та же самая Машина, сделанная из бронзы, черного дерева, слоновой кости и прозрачного блестящего кварца. Я потрогал ее. Она была тут, ощутимая и реальная. Темные полосы и пятна покрывали слоновую кость, а на нижних частях висели клочья травы и мха, одна из металлических полос была изогнута.

Поставив лампу на скамью, Путешественник по Времени ощупал поврежденную полосу.

— Теперь ясно, — сказал он. — То, что я вам рассказал, правда. Простите, что я привел вас в этот холод...

Он взял лампу. Никто из нас не произнес ни слова, и мы вернулись обратно в курительную.

Провожая нас в переднюю, он помог Редактору надеть пальто. Доктор посмотрел ему в лицо и сказал несколько неуверенно, что он переутомлен. Путешественник по Времени громко рассмеялся. Помню, как он, стоя в дверях, крикнул нам вслед несколько раз: «Спокойной ночи!»

Я поехал в одном кебе с Редактором. По его словам, весь рассказ был «эффектным вымыслом». Что касается меня, я не мог ничего решить. Этот рассказ был таким невероятным и фантастическим, а тон рассказчика так искренен и правдив. Почти всю ночь я не спал и думал об этом. На другое утро я решил снова повидать Путешественника по Времени. Мне сказали, что он в лаборатории. Я запросто бывал у него в доме и поэтому пошел прямо туда. Но лаборатория была пуста. На минуту я остановился перед Машиной Времени, протянул руку и дотронулся до рычага. В то же мгновение она, такая тяжелая и устойчивая, заколыхалась, как листок от порыва ветра. Это поразило меня, и в голове моей мелькнуло забавное воспоминание о том, как в детстве мне запрещали трогать разные вещи. Я вернулся обратно. Пройдя по коридору, я столкнулся в курительной с Путешественником по Времени, который собирался уходить. В одной руке у него был небольшой фотографический аппарат, в другой — сумка. При виде меня он рассмеялся и протянул мне для пожатия локоть.

— Я очень занят, хочу побывать там, — сказал он.

— Значит, это правда? — спросил я. — Вы действительно путешествуете по Времени?

— Да, действительно и несомненно.

Он посмотрел мне в глаза. На его лице отразилась нерешительность.

— Мне нужно только полчаса, — сказал он. — Я знаю, зачем вы припили, это очень мило с вашей стороны. Вот здесь журналы. Если вы подождете до завтрака, я, безусловно, докажу вам возможность путешествия по Времени, доставлю вам образцы и все прочее. Вы позволите оставить вас?

Я согласился, едва ли понимая все значение его слов. Он кивнул мне и вышел в коридор. Я услышал, как хлопнула дверь его лаборатории, потом сел и стал читать газету. Что он собирается делать до завтрака? Взглянув на одно из объявлений, я вдруг вспомнил, что в два часа обещал встретиться с Ричардсоном по издательским делам. Я посмотрел на часы и увидел, что опаздываю. Я встал и пошел по коридору, чтобы сказать об этом Путешественнику по Времени.

Взявшись за ручку двери, я услышал отрывистое восклицание, треск и удар. Открыв дверь, я очутился в силь-

ном водовороте воздуха и услышал звук разбитого стекла. Путешественника по Времени в лаборатории не было. Мне показалось, что на миг передо мной промелькнула неясная, похожая на призрак фигура человека, сидевшего верхом на кружившейся массе из черного дерева и бронзы, настолько призрачная, что скамья позади нее, на которой лежали чертежи, была видна совершенно отчетливо. Но едва я успел протереть глаза, как это видение исчезло. Исчезла и Машина Времени. Дальний угол лаборатории был пуст, и там виднелось легкое облако оседавшей пыли. Одно из верхних стекол окна было, очевидно, только что разбито.

Я стоял в изумлении. Я видел, что случилось нечто необычное, но не мог сразу понять, что именно. Пока я так стоял, дверь, ведущая в сад, открылась и на пороге показался слуга.

Мы посмотрели друг на друга. В голове у меня блеснула внезапная мысль.

— Скажите, мистер... вышел из этой двери? — спросил я.

— Нет, сэр, никто не выходил. Я думал, он здесь.

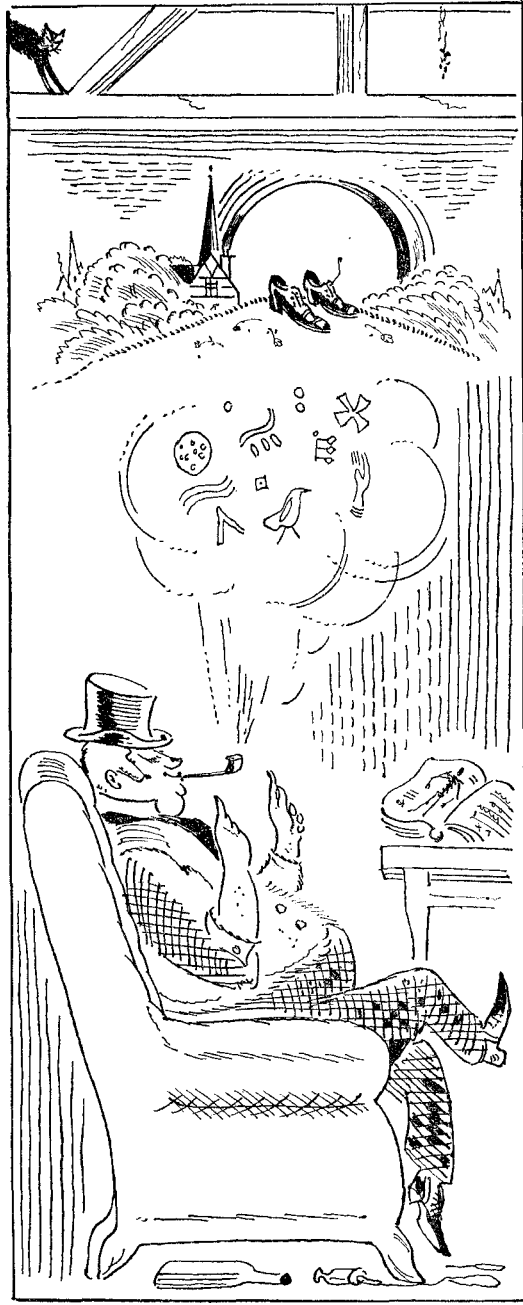
Теперь я все понял. Рискую рассердить Ричардсона, я остался ждать возвращения Путешественника по Времени, ждать его нового, быть может, еще более странного рассказа и тех образцов и фотографий, которые он мне обещал. Теперь я начинаю опасаться, что никогда его не дождусь. Прошло уже три года со времени его исчезновения, и все знают, что он не вернулся.

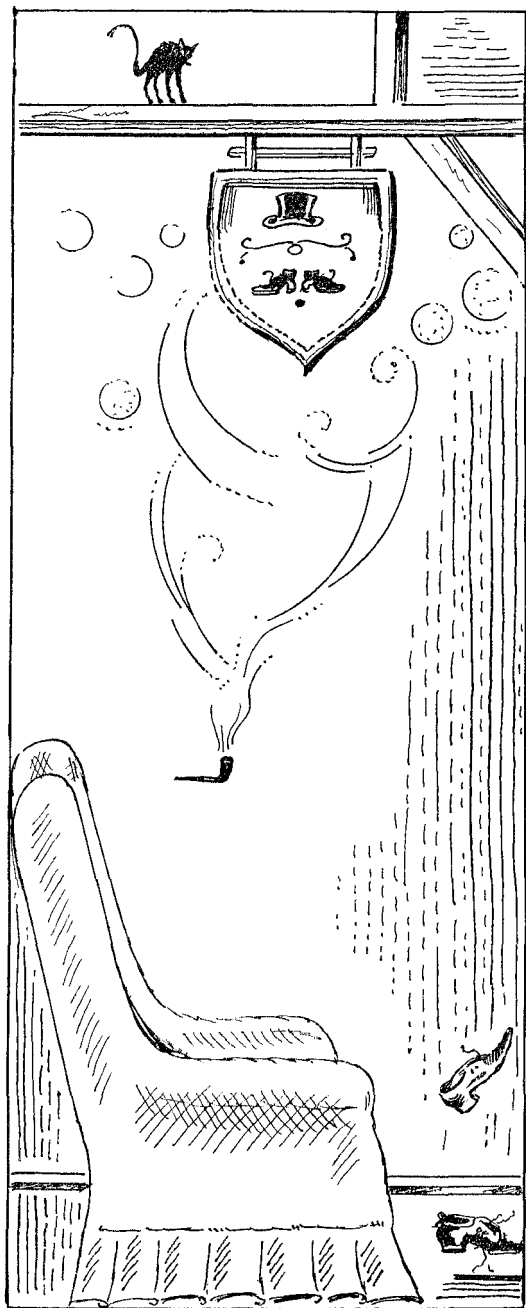
Эпилог

Нам остается теперь лишь строить догадки. Вернется ли он когда-нибудь? Может быть, он унесся в прошлое и попал к кровожадным дикарям палеолита, или в пучину мелового моря, или же к чудовищным ящерам и огромным земноводным юрской эпохи? Может быть, и сейчас он бродит в одиночестве по какому-нибудь кишашему плезиозаврами оолитовому рифу или по пустынным берегам соленых морей триасового периода? Или, может быть, он отправился в Будущее, в эпоху расцвета человеческой расы, в один из тех менее отдаленных веков, когда люди оставались еще людьми, но уже разрешили все сложнейшие вопросы и все общественные проблемы, доставшиеся

им в наследство от нашего времени? Я лично не могу поверить, чтобы наш век только что начавшихся исследований, бессвязных теорий и всеобщего разногласия по основным вопросам науки и жизни был кульминационным пунктом развития человечества! Так по крайней мере думаю я. Что же касается до него, то он держался другого мнения. Мы не раз спорили с ним об этом задолго до того, как была сделана Машина Времени, и он всегда мрачно относился к Прогрессу Человечества. Развивающаяся цивилизация представлялась ему в виде беспорядочного нагромождения материала, который в конце концов должен обрушиться и задавить строителей. Но если это и так, все же нам ничего не остается, как продолжать жить. Для меня будущее неведомо, полно загадок и только кое-где освещено его удивительным рассказом. И я храню в утешение два странных белых цветка, засохших и блеклых, с хрупкими лепестками, как свидетельство того, что даже в то время, когда исчезают сила и ум человека, благодарность и нежность продолжают жить в сердцах.

Человек-невидимка

Незнакомец появился в начале февраля; в тот морозный день бушевали ветер и вьюга — последняя вьюга в этом году; однако он пришел с железнодорожной станции Брэмблхерст пешком; в руке, обтянутой толстой перчаткой, он держал небольшой черный саквояж. Он был закутан с головы до пят, широкие поля фетровой шляпы скрывали все лицо, виднелся только блестящий кончик носа; плечи и грудь были в снегу, так же как и саквояж. Он вошел в трактир «Кучер и кони», еле передвигая ноги от холода и усталости, и бросил саквояж на пол.

— Огня! — крикнул он. — Во имя человеческого любви! Комнату и огня!

Страхнув с себя снег, он последовал за миссис Холл в приемную, чтобы договориться об условиях. Разговор был короткий. Бросив ей два соверена, незнакомец поселился в трактире.

Миссис Холл затопила камин и покинула гостя, чтобы собственноручно приготовить ему поесть. Заполучить в Айпинге зимой постояльца, да еще такого, который не торгуется, — это была неслыханная удача, и миссис Холл решила показать себя достойной счастливого случая, выпавшего ей на долю.

Когда ветчина поджарилась, а Милли, вечно сонная служанка, выслушала несколько уничтожающих замечаний, что, видимо, должно было подстегнуть ее энергию, миссис Холл отнесла в комнату приезжего скатерть, посуду и стаканы, после чего стала с особым шиком сервировать стол. Огонь весело трещал в камине, но приезжий, к величайшему ее удивлению, до сих пор не снял шляпы и пальто; он стоял спиной к ней, глядя в окно на

падающий снег. Руки его, все еще в перчатках, были заложены за спину, и он, казалось, о чем-то глубоко задумался. Хозяйка заметила, что снег у него на плечах растаял и вода капает на ковер.

— Позвольте, мистер, ваше пальто и шляпу, — обратилась она к нему, — я отнесу их на кухню и повешу сушить.

— Не надо, — ответил он, не оборачиваясь.

Она решила, что ослышалась, и уже готова была повторить свою просьбу.

Но тут незнакомец повернул голову и посмотрел на нее через плечо.

— Я предпочитаю не снимать их, — заявил он.

При этом хозяйка заметила, что на нем большие синие очки-консервы и что у него густые бакенбарды, скрывающие лицо.

— Хорошо, мистер, — сказала она, — как вам будет угодно. Комната сейчас нагреется.

Незнакомец ничего не ответил и снова повернулся к ней спиной. Видя, что разговор не клеится, миссис Холл торопливо накрыла на стол и вышла из комнаты. Когда она вернулась, он все так же стоял у окна, подобно каменному изваянию, сторбленный, с поднятым воротником и низко опущенными полями шляпы, скрывавшими лицо и уши. Поставив на стол яичницу с ветчиной, она почти крикнула:

— Завтрак подан, мистер!

— Благодарю вас, — ответил он тотчас же, но не двинулся с места, пока она не закрыла за собой дверь. Тогда он круто повернулся и подошел к столу.

— Ох, уж эта девчонка! — сказала миссис Холл. — А я и забыла про нее! Вот канительщица! — Взявшись сама растирать горчицу, она отпустила несколько колкостей по адресу Милли за ее необычайную медлительность. Сама она успела поджарить яичницу с ветчиной, накрыть на стол, сделать все, что нужно, а Милли — хороша помощница! — оставила гостя без горчицы. А ведь он только приехал и хочет, видно, здесь пожить. Поворчав, миссис Холл наполнила горчишницу и, поставив ее не без торжественности на черный с золотом чайный поднос, понесла к постояльцу.

Она постучала и тут же вошла. Незнакомец сделал быстрое движение, и она едва успела увидеть что-то белое,

мелькнувшее под столом. Он, очевидно, что-то подбирал с полу. Она поставила горчицу на стол и при этом заметила, что пальто и шляпа гостя лежат на стуле у камина, а на стальной решетке стоит пара мокрых башмаков. Решетка, конечно, заржавеет. Миссис Холл решительно приблизилась к камину и заявила тоном, не допускающим возражений:

— Теперь, я думаю, можно взять ваши вещи и просушить.

— Оставьте шляпу, — сказал приезжий сдавленным голосом. Обернувшись, она увидела, что он сидит выпрямившись и смотрит на нее.

С минуту она стояла, вытаращив глаза, потеряв от удивления дар речи.

Нижнюю часть лица он прикрывал чем-то белым, по-видимому, салфеткой, которую привез с собой, так что ни его рта, ни подбородка не было видно. Потому-то голос и прозвучал так глухо. Но не это поразило миссис Холл. Лоб незнакомца от самого края синих очков был обмотан белым бинтом, а другой бинт закрывал уши, так что неприкрытым оставался только розовый острый нос. Нос был такой же розовый и блестящий, как в ту минуту, когда незнакомец появился впервые. Одет он был в коричневую бархатную куртку; высокий темный воротник, подшитый белым полотном, был поднят. Густые черные волосы, выбиваясь в беспорядке из-под перекрещенных бинтов, торчали пучками и придавали незнакомцу чрезвычайно странный вид. Его закутанная и забинтованная голова так поразила миссис Холл, что от неожиданности она остолбенела.

Он не отнял салфетки от лица и, по-прежнему придерживая ее рукой в коричневой перчатке, смотрел на хозяйку сквозь непроницаемые синие стекла.

— Оставьте шляпу, — снова невнятно сказал он сквозь салфетку.

Миссис Холл, оправившись от испуга, положила шляпу обратно на стул.

— Я не знала, сударь... — начала она, — что вы... — И смущенно замолчала.

— Благодарю вас, — сухо сказал он, многозначительно поглядывая на дверь.

— Я сейчас все высушу, — сказала она и вышла, унося с собой платье. В дверях она снова посмотрела на его забинтованную голову и синие очки; он все еще прикрывал рот салфеткой. Закрывая за собой дверь, она вся дрожала, и на лице ее было написано смтение. — В жизни своей... — прошептала она. — Ну и ну! — Она тихо вернулась на кухню и даже не спросила Милли, чего она там возится.

Незнакомец между тем внимательно прислушивался к удаляющимся шагам хозяйки. Прежде чем отложить салфетку и снова приняться за еду, он испытующе посмотрел на окно. Проглотив кусок, он опять, уже с подозрением, посмотрел на окно, потом встал и, держа салфетку в руке, спустил штору до белой занавески, прикрывавшей нижнюю часть окна. Комната погрузилась в полумрак. Несколько успокоенный, он вернулся к столу и продолжал завтрак.

— Бедняга, он расшибся, или ему сделали операцию, или еще что-нибудь, — сказала миссис Холл. — Весь перевязанный, даже смотреть страшно.

Она подбросила угля в печку, придвинула подставку для сушки платья и разложила на ней пальто приезжего.

— А очки! Да что говорить, водолаз какой-то, а не человек. — Она повесила на подставку шарф. — А лицо прикрывает тряпкой! И говорит сквозь нее!.. Может быть, у него рот тоже болит? — Тут она обернулась, видимо, внезапно вспомнив о чем-то. — Боже милостивый! — воскликнула она. — Милли! Неужели блинчики еще не готовы?

Когда миссис Холл вошла в гостиную, чтобы убрать со стола, она нашла новое подтверждение своей догадке, что рот незнакомца изуродован или искалечен несчастным случаем: незнакомец курил трубку и все время, пока она была в комнате, ни разу не приподнял шелковый платок, которым была обвязана нижняя часть его лица, и не взял мундштук в рот. А ведь он вовсе не забыл про свою трубку: миссис Холл заметила, что он поглядывает на тлеющий понапрасну табак. Он сидел в углу, спиной к опущенной шторе; подкрепившись и согревшись, он, очевидно, почувствовал себя лучше и говорил уже не так отрывисто и раздраженно. В красноватом отблеске огня его огромные очки как будто ожили.

— На станции Брэмблхерст,— сказал он,— у меня остался кой-какой багаж. Нельзя ли послать за ним? — Выслушав ответ, он вежливо наклонил забинтованную голову. — Значит, только завтра? — сказал он. — Неужели нельзя раньше? — И очень огорчился, когда она ответила, что нельзя. — Никак нельзя? — переспросил он. — Быть может, все-таки найдется кто-нибудь, кто съездит бы с повозкой на станцию?

Миссис Холл охотно отвечала на все вопросы, надеясь таким образом вовлечь его в беседу.

— Дорога к станции очень крутая,— сказала она и, пользуясь случаем, добавила: — В прошлом году на этой дороге опрокинулся экипаж. Седок и кучер оба убились насмерть. Долго ли до беды? Одна минута — и готово, не правда ли, мистер?

Но гостя не так-то легко было втянуть в разговор.

— Правда,— сказал он, спокойно глядя на нее сквозь непроницаемые очки.

— А потом когда еще поправишься, правда? Вот, к примеру сказать, мой племянник Том порезал себе руку косой,— косил, знаете, споткнулся и порезал,— так, поверите ли, три месяца ходил с перевязанной рукой. С тех пор я ужас как боюсь этих кос.

— Это неудивительно,— сказал приезжий.

— Одно время мы даже думали, ему придется сделать операцию, так ему было худо.

Приезжий отрывисто засмеялся, словно залаял.

— Так ему было худо? — повторил он.

— Да, мистер. И это было вовсе не смешно для тех, кому приходилось с ним возиться. Вот хоть бы и мне, мистер, потому что сестра все нянчилась со своими малышами. Только и знай завязывай да развязывай ему руку, так что, ежели позволите...

— Дайте мне, пожалуйста, спички,— вдруг прервал он ее. — Моя трубка погасла.

Миссис Холл замолчала. Несомненно, с его стороны несколько грубо прерывать ее таким образом. С минуту она сердито смотрела на него, но, вспомнив про два соверена, пошла за спичками.

— Благодарю,— коротко сказал он, когда она положила спички на стол, и, повернувшись к ней спиной, стал снова глядеть в окно. Очевидно, разговор о бинтах и опе-

рациях был ему неприятен. Она решила не возвращаться к этой теме. Нелюбезность незнакомца рассердила ее, и Милли пришлось это почувствовать на себе.

Приезжий оставался в гостиной до четырех часов, не давая решительно никакого повода зайти к нему. Почти все это время там было очень тихо, вероятно, он сидел у догорающего камина и курил трубку, а может быть, просто дремал.

Однако если бы кто-нибудь внимательно прислушался, то мог бы услышать, как он поворошил угли, а потом минут пять рассказывал по комнате и разговаривал сам с собой. Потом он снова сел, и под ним скрипнуло кресло.

Глава II *Первые впечатления* *мистера Тедди Хенфри*

В четыре часа, когда уже почти стемнело и миссис Холл собралась с духом заглянуть к постояльцу и спросить, не хочет ли он чаю, в трактир вошел Тедди Хенфри, часовщик.

— Что за скверная погода, миссис Холл! — сказал он. — А я еще в легких башмаках.

Снег за окном валил все гуще.

Миссис Холл согласилась, что погода ужасная, и вдруг, увидев чемоданчик с инструментами, просияла.

— Знаете что, мистер Хенфри, раз вы уже здесь, взгляните, пожалуйста, на часы в гостиной. Идут они хорошо и бьют как следует, но часовая стрелка как остановилась на шести часах, так ни за что не хочет сдвинуться с места.

Она провела часовщика до двери гостиной, постучала и вошла.

Приезжий, — как она успела заметить, открывая дверь, — сидел в кресле у камина и, казалось, дремал: его забинтованная голова склонилась к плечу. Комнату освещал красный отблеск пламени; стекла очков сверкали, как сигнальные огни на железной дороге, а лицо оставалось в тени, последние блики зимнего дня пробивались в комнату сквозь приоткрытую дверь. Миссис Холл все показалось красноватым, причудливым и неясным, тем более что она еще была ослеплена светом лампы, кото-

рую только что зажгла над стойкой в распивочной. На секунду ей показалось, что у постояльца чудовищный, широко раскрытый рот, пересекающий все лицо. Видение было мгновенное — белая забинтованная голова, огромные очки вместо глаз и под ними широкий, разинутый, как бы зевающий рот. Но вот спящий пошевелинулся, выпрямился в кресле и поднял руку. Миссис Холл распахнула дверь настежь, в комнате стало светлее; теперь она лучше рассмотрела его и увидела, что лицо у него прикрыто шарфом, так же, как раньше салфеткой. И она решила, что все это ей только померещилось, было игрой теней.

— Не разрешите ли, мистер, часовщику осмотреть часы? — сказала она, приходя в себя.

— Осмотреть часы? — спросил он, сонно озираясь. Потом, как бы очнувшись, добавил: — Пожалуйста!

Миссис Холл пошла за лампой, а он встал с кресла и потянулся. Появилась лампа, и мистер Тедди Хенфри, войдя в комнату, очутился лицом к лицу с забинтованным человеком. Он был, по его собственному выражению, «огорошен».

— Добрый вечер, — сказал незнакомец, глядя на него, «как морской рак», по выражению Тедди, на такое сравнение его навели, очевидно, темные очки.

— Надеюсь, я вас не беспокою? — сказал мистер Хенфри.

— Нисколько, — ответил приезжий. — Хотя я думал, — прибавил он, обращаясь к миссис Холл, — что эта комната отведена мне для личного пользования.

— Я полагала, сударь, — сказала хозяйка, — что вы не будете возражать, если часы...

Она хотела добавить: «починят», — но осеклась.

— Конечно, — прервал он ее. — Правда, вообще я предпочитаю оставаться один и не люблю, когда меня беспокоят. Но я рад, что часы будут починены, — продолжал он, видя, что мистер Хенфри остановился в нерешительности. Он уже хотел извиниться и уйти, но слова приезжего успокоили его.

Незнакомец повернулся спиной к камину и заложил руки за спину.

— Когда часы починят, я выпью чаю, — заявил он. — Но не раньше.

Миссис Холл уже собиралась выйти из комнаты — на этот раз она не делала никаких попыток завязать разговор, не желая, чтобы ее грубо оборвали в присутствии мистера Хенффри, — как вдруг незнакомец спросил, позаботилась ли она о доставке его багажа. Она сказала, что говорила об этом с почтальоном и что багаж будет доставлен завтра утром.

— Вы уверены, что раньше его невозможно доставить? — спросил он.

— Уверена, — ответила она довольно холодно.

— Мне следовало сразу сказать вам, кто я такой, но я до того промерз и устал, что еле ворочал языком. Я, видите ли, исследователь...

— Ах, вот как, — проговорила миссис Холл, на которую эти слова произвели сильнейшее впечатление.

— Багаж мой состоит из всевозможных приборов и аппаратов.

— Очень даже полезные вещи, — вставила миссис Холл.

— И я с нетерпением жду возможности продолжать свои исследования.

— Это понятно, мистер.

— Приехать в Айпинг, — продолжал он медленно, как видно, тщательно подбирая слова, — меня побудило... м-м... стремление к тишине и покою. Я не хочу, чтобы меня тревожили во время моих занятий. Кроме того, несчастный случай...

«Так я и думала», — заметила про себя миссис Холл.

— ...вынуждает меня к уединению. Дело в том, что мои глаза иногда до того слабеют и начинают так мучительно болеть, что приходится запирается в темной комнате на целые часы. Это случается время от времени. Сейчас этого, конечно, нет. Но когда у меня приступ, малейшее беспокойство, появление чужого человека заставляют меня мучительно страдать... Я думаю, лучше предупредить вас об этом заранее.

— Конечно, мистер, — сказала миссис Холл. — Осмелюсь спросить вас...

— Это все, что я хотел сказать вам, — прервал ее приежжий тоном, не допускавшим возражения.

Миссис Холл замолчала и решила отложить расспросы и изъявления сочувствия до более удобного случая.

Хозяйка удалась, а приезжий остался стоять перед камином, свирепо глядя на мистера Хенфри, чинившего часы (так по крайней мере говорил потом сам мистер Хенфри). Часовщик поставил лампу возле себя, и зеленый абажур отбрасывал яркий свет на его руки и на части механизма, оставляя почти всю комнату в тени. Когда он поднимал голову, перед глазами у него плавали разноцветные пятна. Будучи от природы человеком любопытным, мистер Хенфри вынул механизм, в чем не было решительно никакой надобности, надеясь затянуть работу и, кто знает, быть может, даже вовлечь незнакомца в разговор. Но тот стоял молча, не двигаясь с места. Он стоял так тихо, что это начало действовать мистеру Хенфри на нервы. Ему показалось даже, что он один в комнате, но, подняв глаза, перед которыми сразу поплыли зеленые пятна, он увидел в сером полумраке неподвижную фигуру с забинтованной головой и выпуклыми синими очками. Это было до того жутко, что мистер Хенфри с минуту стоял неподвижно, глядя на незнакомца. Потом опустил глаза. Какая неловкость! Надо бы заговорить о чем-нибудь. Не сказать ли, что погода не по сезону холодная?

Он снова поднял глаза, как бы прицеливаясь.

— Погода... — начал он.

— Скоро вы кончите и уйдете? — сказал неподвижный человек, видимо, еле сдерживая ярость. — Вам только и надо было сделать, что прикрепить часовую стрелку к оси, а вы тут возитесь без толку.

— Сейчас, мистер... одну минутку... Я упустил из виду... — И мистер Хенфри, быстро закончив работу, удалился, сильно, однако, раздосадованный.

— Черт подери! — ворчал Хенфри про себя, шагая сквозь мокрый снегопад. — Надо же когда-нибудь проверить часы... Скажите, пожалуйста, и посмотреть-то на него нельзя. Черт знает что!.. Видно, нельзя. Он так забинтован и закутан, как будто полиция его разыскивает.

Дойдя до угла, он увидел Холла, недавно женившегося на хозяйке трактира «Кучер и кони», где остановился незнакомец. Холл возвращался со станции Сиддербридж, куда возил в айпингском омнибусе случайных пассажиров. По тому, как он правил, было ясно, что Холл малость «хватил» в Сиддербридже.

— Как поживаешь, Тедди? — окликнул он Хенфри, поравнявшись с ним.

— У вас остановился какой-то подозрительный малый, — сказал Тедди.

Холл, радуясь случаю поговорить, натянул вожжи.

— Что такое? — спросил он.

— У вас в трактире остановился какой-то подозрительный малый, — повторил Тедди. — Ей-богу... — И он стал с живостью описывать Холлу странного гостя. — С виду ни дать ни взять ряженный. Будь это мой дом, я бы, конечно, предпочел знать в лицо своего постояльца, — сказал он. — Но женщины всегда доверчивы, когда дело касается незнакомых мужчин. Он поселился у вас, Холл, и даже не сказал своей фамилии.

— Неужели? — спросил Холл, не отличавшийся быстротой соображения.

— Да, — подтвердил Тедди. — Он заплатил за неделю вперед. Значит, кто бы он там ни был, вам нельзя будет отделаться от него раньше чем через неделю. И он говорит, у него куча багажа, который доставят завтра. Будем надеяться, что это не ящики с камнями.

Тут он рассказал, как какой-то приезжий с пустыми чемоданами надул его тетку в Гастингсе. В общем, разговор с Тедди возбудил в Холле какое-то смутное подозрение.

— Ну, трогай, старуха! — прикрикнул Холл на свою лошадь. — Надо будет навести порядок.

А Тедди, облегчив душу, пошел своей дорогой уже в лучшем настроении.

Однако вместо того, чтобы наводить порядок, Холлу по возвращении домой пришлось выслушать множество упреков за то, что он так долго пробыл в Сиддербридже, а на свои робкие вопросы о новом постояльце он получил резкие, но уклончивые ответы. Но все же семена подозрения, зароненные часовщиком в душу Холла, дали ростки.

— Вы, бабы, ничего не смыслите, — сказал мистер Холл, решив при первом же удобном случае разузнать подробней, кто такой приезжий.

И после того как постоялец ушел в свою спальню — это было около половины десятого, — мистер Холл с весьма вызывающим видом вошел в гостиную и стал

внимательно оглядывать мебель, как бы желая показать этим, что тут хозяин он, а не приезжий; он презрительно взглянул на лист бумаги с математическими выкладками, который оставил незнакомец. Ложась спать, мистер Холл посоветовал жене внимательно присмотреться, что за багаж завтра доставят постояльцу.

— Не суйся не в свое дело, — оборвала его миссис Холл. — Смотри лучше за собой, а я без тебя управлюсь.

Она тем более сердилась на мужа, что приезжий действительно был какой-то странный, и в душе она сама беспокоилась. Ночью она вдруг проснулась, увидев во сне огромные глазастые головы, похожие на брюквы, которые тянулись к ней на длинных шеях. Но, будучи женщиной рассудительной, она подавила свой страх, повернулась на другой бок и снова уснула.

Глава III *Тысяча и одна бутылка*

Итак, девятого февраля, когда только начиналась оттепель, неведомо откуда появился в Айпинге странный незнакомец. На следующий день в слякоть и распутицу его багаж доставили в трактир. И багаж этот оказался не совсем обычным. Оба чемодана, правда, ничем не отличались от тех, какие обычно бывают у путешественников; но, кроме них, прибыл ящик с книгами — большими, толстыми книгами, причем некоторые были не напечатаны, а написаны чрезвычайно неразборчивым почерком, — и с дюжину, если не больше, корзин, ящичков и коробок, в которых лежали какие-то предметы, завернутые в солому; Холл, не преминувший поворошить солому, решил, что это бутылки. В то время как Холл оживленно болтал с Фиренсайдом, возницей, собираясь помочь ему перенести багаж в дом, в дверях показался незнакомец в низко надвинутой шляпе, в пальто, перчатках и шарфе. Он вышел из дому и даже не взглянул на собаку Фиренсайда, лениво обнюхивавшую ноги Холла.

— Несите ящики в комнату, — сказал он. — Я и так уж заждался.

С этими словами он спустился с крыльца и подошел к задку подводы, собираясь собственноручно унести небольшую корзину.

Завидев его, собака Фиренсайда злобно зарычала и оцетибилась; когда же он спустился с крыльца, она подскочила и вцепилась ему в руку.

— Куш! — крикнул Холл, вздрагивая, так как всегда побаивался собак, а Фиренсайд заорал:

— Ложись! — и схватился за кнут.

Они видели, как зубы собаки скользнули по руке незнакомца, услышали звук пинка; собака подпрыгнула и вцепилась в ногу незнакомца, после чего раздался треск разрываемых брюк. В это время кончик кнута Фиренсайда настиг собаку, и она, заскулив от обиды и боли, спряталась под повозку. Все это произошло за какие-нибудь полминуты. Никто не говорил, все кричали. Незнакомец быстро взглянул на разорванную перчатку и штанину, сделал движение, будто хотел нагнуться, затем повернулся и бегом взбежал на крыльцо. Они услышали, как он торопливо прошел по коридору и застучал каблуками по деревянной лестнице, которая вела в его комнату.

— Ах ты, тварь эдакая! — выругался Фиренсайд, слезая на землю с кнутом в руке, в то время как собака зорко следила за ним из-за колес. — Иди сюда! — крикнул Фиренсайд. — Не то хуже будет!

Холл стоял в смятении, разинув рот.

— Она укусила его, — заговорил он. — Пойду посмотрю, что с ним. — И он зашагал вслед за незнакомцем. В коридоре он встретил жену и сказал ей: — Постояльца искусила собака Фиренсайда.

Он поднялся по лестнице. Дверь незнакомца была приоткрыта, он распахнул ее и вошел в комнату без особых церемоний, спеша выразить свое сочувствие.

Штора была спущена, и в комнате царил полумрак. Холл успел заметить что-то в высшей степени странное, похожее на руку без кисти, занесенную над ним, и лицо, состоявшее из трех больших расплывчатых пятен на белом фоне, очень похожее на бледный цветок анютиных глазок. Потом сильный толчок в грудь отбросил его в коридор, дверь захлопнулась перед самым его носом, и он услышал, как щелкнул ключ в замке. Все это произошло так быстро, что Холл ничего не успел сообразить. Мелькание каких-то смутных теней, толчок, боль в груди. И вот он стоит на темной площадке перед дверью, спрашивая себя, что же это он такое видел.

Немного погодя он присоединился к кучке людей, собравшейся на улице перед трактиром. Здесь был и Фиренсайд, который уже второй раз рассказывал всю историю с самого начала, и миссис Холл, твердившая, что его собака не имеет никакого права кусать ее постояльцев; тут же стоял и Хакстерс, владелец лавки напротив, сильно заинтересованный происшествием, и Сэнди Уоджерс, кузнец, слушавший Фиренсайда с глубокомысленным видом. Сбежались и женщины и дети, каждый изрекал какую-нибудь глупость вроде: «Попробовала бы она меня укусить», «Нельзя держать таких собак» и так далее.

Мистер Холл глядел на них с крыльца, прислушивался к их разговорам, и ему уже начало казаться, что ничего необычайного он там, наверху, увидеть не мог. Да ему и слов не хватило бы, чтобы описать свои впечатления.

— Он сказал, что ему ничего не нужно, — только и ответил он на вопрос жены. — Пожалуй, надо внести багаж.

— Лучшие бы сразу прижечь, — сказал мистер Хакстерс, — в особенности если получилось воспаление.

— Я пристрелила бы ее, — сказала одна из женщин.

Вдруг собака снова зарычала.

— Давайте вещи, — послышался сердитый голос, и на пороге появился незнакомец, закутанный, с поднятым воротником и в низко надвинутой шляпе. — Чем скорее вы внесете их, тем лучше, — продолжал он. По свидетельству одного из очевидцев, он успел переменить перчатки и брюки.

— Сильно она вас искусила, сударь? — спросил Фиренсайд. — Очень это мне неприятно, что моя собака...

— Пустяки, — ответил незнакомец. — Даже следа никакого нет. Поторопитесь-ка лучше с вещами!

Тут он, по утверждению мистера Холла, выругался вполголоса.

Как только первую корзину внесли по его указанию в гостиную, незнакомец нетерпеливо принялся ее распаковывать, без зазрения совести разбрасывая солому по ковру миссис Холл. Он начал вытаскивать из корзины бутылки — маленькие пузатые пузырьки с порошками, небольшие узкие бутылки с окрашенной в разные цвета или прозрачной жидкостью, изогнутые склянки с надписью «яд», круглые бутылки с тонкими горлышками, большие бутылки из зеленого и белого стекла, бутылки со сте-

клянными пробками и с вытравленными на них надписями, бутылки с притертыми пробками, бутылки с деревянными затычками, бутылки из-под вина и прованского масла. Все эти бутылки он расставил рядами на комодѣ, на каминной доске, на столе, на подоконнике, на полу, на этажерке — всюду. В брэмблхерстской аптеке не набралось бы и половины такой уймы бутылок. Получилось внушительное зрелище. Он распаковывал корзину за корзиной, и во всех были бутылки. Наконец все ящики и корзины опустели, а на столе выросла гора соломы; кроме бутылок, в корзинах оказалось еще немало пробирок и тщательно упакованные весы.

Распаковав корзины, незнакомец отошел к окну и немедля принялся за работу, не обращая ни малейшего внимания на кучу соломы, на потухший камин, на ящик с книгами, оставшийся на улице, на чемоданы и остальной багаж, который был уже внесен наверх.

Когда миссис Холл подала ему обед, он был совсем поглощен своей работой, которая заключалась в том, что он вливал по каплям жидкости из бутылок в пробирки, и даже не заметил ее присутствия. И только когда она убрала солому и поставила поднос на стол, быть может, несколько более шумно, чем обычно, так как ее взволновало плачевное состояние ковра, он быстро взглянул в ее сторону и тотчас отвернулся. Она успела заметить, что он был без очков: они лежали возле него на столе, и ей показалось, что его глазные впадины необычайно глубоки. Он надел очки, повернулся и посмотрел ей в лицо. Она собиралась уже высказать свое недовольство по поводу соломы на полу, но он предупредил ее:

— Я просил бы вас не входить в комнату без стука, — сказал он с необычным раздражением, которое, видимо, легко вспыхивало в нем по малейшему поводу.

— Я постучалась, но, должно быть...

— Быть может, вы и стучали. Но во время моих исследований — исследований чрезвычайно важных и необходимых — малейшее беспокойство, скрип двери... Я просил бы вас...

— Конечно, мистер. Если вам угодно, вы можете запереть дверь на ключ. В любое время.

— Очень удачная мысль! — сказал незнакомец.

— Но эта солома, сударь... Осмелюсь заметить...

— Не надо! Если солома вас беспокоит, поставьте ее в счет.— И он пробормотал про себя что-то очень похожее на ругательство.

Он стоял перед хозяйкой с воинственным и раздраженным видом, держа в одной руке бутылку, а в другой пробирку, и весь его облик был так странен, что миссис Холл смутилась. Но она была особа решительная.

— В таком случае,— заявила она,— я бы хотела знать, сколько вы полагаете...

— Шиллинг. Поставьте шиллинг. Я думаю, этого достаточно?

— Хорошо, пусть будет так,— сказала миссис Холл, принимаясь накрывать на стол.— Конечно, если вы согласны...

Незнакомец отвернулся и сел спиной к ней.

До самого вечера он работал, запершись на ключ и, как уверяла миссис Холл, почти в полной тишине. Только один раз послышался стук и звон стекла, как будто кто-то толкнул стол и с размаху швырнул на пол бутылку, а затем раздались торопливые шаги по ковру. Опасаясь, уж не случилось ли чего-нибудь, хозяйка подошла к двери и, не стуча, стала прислушиваться.

— Ничего не выйдет! — кричал он в ярости.— Не выйдет! Триста тысяч, четыреста тысяч! Это необъятно! Обманут! Вся жизнь уйдет на это! Терпение! Легко сказать! Дурак, дурак!

Тут кто-то вошел в трактир, слышались тяжелые шаги, и миссис Холл должна была волей-неволей отойти от двери, не дослушав.

Когда она вернулась, в комнате снова было совсем тихо, если не считать слабого скрипа кресла и случайного позвякивания бутылок. Очевидно, незнакомец снова принялся за работу.

Когда она принесла чай, то увидела в углу комнаты, под зеркалом, разбитые бутылки и золотистое небрежно вытертое пятно. Она обратила на это его внимание.

— Поставьте все это в счет,— огрызнулся он.— И, ради бога, не мешайте мне. Если я причиняю вам какой-нибудь убыток, ставьте в счет.— И он снова принялся делать пометки в лежавшей перед ним тетради...

— Знаете, что я вам скажу? — таинственно начал Фиренсайд. Разговор происходил вечером того же дня в пивной.

— Ну? — спросил Тедди Хенфри.

— Этот человек, которого укусила моя собака... Ну, так вот, он чернокожий, по крайней мере, ноги у него черные. Я это заметил, когда собака порвала ему штаны и перчатку. Можно было ожидать, что сквозь дыры будет видно розовое тело, правда? Ну, а на самом деле ничего подобного. Одна только чернота. Верно вам говорю: он так же черен, как моя шляпа.

— Господи помилуй! — воскликнул Хенфри. — Вот тебе на! А ведь нос-то у него самый что ни на есть розовый.

— Так-то оно так, — сказал Фиренсайд. — Это верно. Только вот что я тебе скажу, Тедди. Малый этот пегий: где черный, а где белый, пятнами. И он этого стыдится. Он вроде какой-нибудь помеси, а масти, вместо того чтобы перемешаться, пошли пятнами. Я и раньше слышал о таких случаях. А у лошадей это бывает сплошь и рядом — спроси кого хочешь.

Глава IV *Мистер Касс интервьюирует незнакомца*

Я так подробно изложил обстоятельства, сопровождавшие приезд незнакомца в Айпинг, для того, чтобы читателю стало понятно всеобщее любопытство, вызванное его появлением. Что же касается его пребывания там до знаменательного дня клубного праздника, то на этом, за исключением двух странных происшествий, можно почти не останавливаться. Иногда у него бывали столкновения с миссис Холл на хозяйственной почве, из которых постоялец всегда выходил победителем, тотчас же предлагая дополнительную плату, и так продолжалось до конца апреля, когда у него стали обнаруживаться первые признаки безденежья.

Холл недолюбливал его и при всяком удобном случае повторял, что надо от него избавиться, но неприязнь эта выражалась главным образом в том, что Холл старался по возможности избегать встреч с постояльцем.

— Потерпи до лета, — урезонивала его миссис Холл. — Начнут съезжаться художники, тогда посмотрим.

Он, конечно, нахал, не спорю, но зато аккуратно платит по счетам, этого у него отнять нельзя, что ни толкуй.

Постоялец в церковь не ходил и не делал никакого различия между воскресеньем и буднями, даже одевался и то всегда одинаково. Работал он, по мнению миссис Холл, весьма нерегулярно. В иные дни он спускался в гостиную с раннего утра и работал подолгу. В другие же вставал поздно, расхаживал по комнате, целыми часами громко ворчал, курил или дремал в кресле у камина. Сношений с внешним миром у него не было никаких. Настроение его по-прежнему оставалось чрезвычайно неровным: по большей части он вел себя как человек до крайности раздражительный, а несколько раз у него были припадки бешеной ярости, и он швырял, рвал и ломал все, что попадалось под руку. Казалось, он постоянно находился в чрезвычайном возбуждении. Он все чаще разговаривал вполголоса с самим собой, но миссис Холл ничего не могла понять, хотя усердно подслушивала.

Днем он редко выходил из дому, но в сумерки гулял, закутанный так, что его нельзя было увидеть — все равно, было ли на дворе холодно или тепло, и выбирал для прогулок самые уединенные тропинки, затененные деревьями или огражденные насыпью. Его темные очки и страшное забинтованное лицо под широкополой шляпой иногда пугали в темноте возвращавшихся домой рабочих; а Тедди Хенфри однажды, выйдя, пошатываясь, из трактира «Красный камзол» в половине десятого вечера, чуть не умер со страху, увидев похожую на череп голову незнакомца (тот гулял со шляпой в руке). Детям, увидевшим его в сумерках, ночью снились страшные сны. Мальчишки терпеть его не могли, и он их тоже; трудно сказать, кто кого больше не любил, но, во всяком случае, неприязнь была взаимная и очень острая.

Нет ничего удивительного, что человек такой поразительной наружности и такого странного поведения доставлял жителям Айпинга обильную пищу для разговоров. Относительно его занятий мнения расходились. Миссис Холл в этом деле была весьма щепетильна. На вопрос, что он делает, она обыкновенно отвечала с большой торжественностью, что он занимается «экспериментальными исследованиями», — эти слова она произносила очень медленно и осторожно, точно боясь оступиться. Ко-

гда же ее спрашивали, что это означает, она говорила с оттенком некоторого превосходства, что это известно всякому образованному человеку, и поясняла: «Он делает разные открытия». С ее постояльцем произошел несчастный случай, рассказывала она, руки и лицо его потеряли свой естественный цвет, а так как он человек весьма чувствительный, то старается не показываться в таком виде на людях.

Но за спиной миссис Холл распространялся упорный слух, что ее постоялец — преступник, который скрывается от правосудия и старается с помощью своего удивительного наряда сбить с толку полицию. Впервые эта догадка зародилась в голове мистера Тедди Хенфри. Впрочем, ни о каком сколько-нибудь громком преступлении, которое имело бы место за последние недели, не было известно. Поэтому мистер Гоулд, школьный учитель, несколько видоизменил эту догадку: по его мнению, постоялец миссис Холл был анархист, занимающийся изготовлением взрывчатых веществ, и он решил посвятить свое свободное время слежке за незнакомцем. Слежка заключалась главным образом в том, что при встречах с незнакомцем мистер Гоулд упорно глядел на него и расспрашивал о нем людей, которые никогда его не видели. Тем не менее мистеру Гоулду не удалось ничего узнать.

Было много сторонников версии, выдвинутой Фиренсайдом, что незнакомец пегий или что-нибудь в этом роде. Так, например, Сайлас Дэрган не раз говорил, что если бы незнакомец решился показывать себя на ярмарках, то нажил бы состояние, и даже ссылаясь на известный из Библии случай с человеком, зарывшим свой талант в землю. Другие считали, что незнакомец страдает тихим помешательством. Этот взгляд имел то преимущество, что разом объяснял все.

Кроме стойких приверженцев этих основных течений в общественном мнении Айпинга, были люди колеблющиеся и готовые на уступки.

Жители графства Сассекс мало подвержены суеверию, и первые догадки о сверхъестественной природе незнакомца появились лишь после апрельских событий, да и то этому верили одни женщины.

Но каковы бы ни были мнения о незнакомце отдельных жителей Айпинга, неприязнь к нему была всеобщей

и единодушной. Его раздражительность, которую мог бы понять горожанин, занимающийся умственным трудом, неприятно поражала уравновешенных сассекских жителей. Яростная жестикуляция, стремительная походка, ночные прогулки, когда он неожиданно в темноте выскакивал из-за угла в самых безлюдных местах, бесцеремонное пресечение всех попыток вовлечь его в беседу, страсть к потемкам, побуждавшая его запираť двери, спускать шторы, тушить свечи и лампы, — кто мог бы примириться с этим? Когда незнакомец проходил по улице, встречные сторонились его, а за его спиной местные шутики, подняв воротники пальто и низко надвинув шляпы, подражали его нервной походке и загадочному поведению. В то время пользовалась популярностью песенка «Человек-призрак». Мисс Стэтчел спела ее на концерте в школе, — сбор пошел на покупку ламп для церкви; и после этого, как только на улице появлялся незнакомец, тотчас же кто-нибудь начинал насвистывать — громко или тихо — мотив этой песенки. Даже запоздавшие ребятишки, спеша вечером домой, кричали ему вслед: «Человек-призрак!» — и мчались дальше, замирая от страха и восторга.

Касс, местный врач, сгорал от любопытства. Забинтованная голова вызывала в нем чисто профессиональный интерес; слухи же о тысяче и одной бутылке возбуждали его завистливое почтение. Весь апрель и май он искал случая заговорить с незнакомцем. Наконец не выдержал и накануне Троицы решил пойти к нему, воспользовавшись как предлогом подписным листом в пользу сиделки местной больницы. Он был поражен, узнав, что миссис Холл не знает имени своего постояльца.

— Он назвал себя, — сказала миссис Холл (это утверждение было лишено всякого основания), — но я не расслышала.

Ей неловко было сознаться, что постоялец и не думал называть себя.

Касс постучал в дверь гостиной и вошел. Оттуда слышалась невнятная брань.

— Прошу извинения за то, что вторгаюсь к вам, — проговорил Касс, после чего дверь закрылась, и дальнейшего разговора миссис Холл уже не слышала.

В течение десяти минут до нее долетал только неясный гул голосов; затем раздался возглас удивления, шарканье ног, грохот отброшенного стула, отрывистый смех, быстрые шаги, и на пороге появился Касс, бледный, с вытаращенными глазами. Оставив дверь открытой и не взглянув на хозяйку, он прошел по коридору, спустился с крыльца и быстро зашагал по улице. Шляпу он держал в руке. Миссис Холл зашла за стойку, стараясь заглянуть через открытую дверь в комнату постояльца. Она услышала негромкий смех, потом шаги. Со своего места она не могла видеть его лица. Потом дверь гостиной захлопнулась, и все стихло.

Касс направился прямо к викарию Бантингу.

— Скажите, я сошел с ума? — произнес он отрывисто, едва войдя в скромный кабинет викария. — Похож я на помешанного?

— Что случилось? — спросил викарий, кладя раковину, заменявшую ему пресс-папье, на листы своей очередной проповеди.

— Этот субъект, постоялец Холлов...

— Ну?

— Дайте мне выпить чего-нибудь, — сказал Касс и опустился на стул.

Когда Касс несколько успокоился с помощью стакана дешевого хереса — других напитков у добрейшего викария не бывало, — он стал рассказывать о своей встрече с незнакомцем.

— Вхожу, — начал он задышающим голосом, — и прошу подписаться в пользу сиделки. Как только я вошел, он сунул руки в карманы и плюхнулся в кресло. «Вы интересуетесь наукой, как я слышал?» — начал я. «Да», — ответил он и фыркнул. Все время фыркал. Простудился, должно быть. Да и не мудрено, раз человек так кутается. Я стал распространяться насчет сиделки, а сам озираюсь по сторонам. Повсюду бутылки, химические препараты. Тут же весы, пробирки, и пахнет ночными фиалками. Не угодно ли ему подписаться? «Подумаю», — говорит. Тут я прямо спросил его, занимается ли он научными изысканиями. «Да», — говорит. «Длительные изыскания?» Его, видно, злость взяла. «Чертовски длительные!» — выпалил он. «Вот как?» — говорю я. Ну, тут и пошло. Он уже раньше весь так и кипел, и мой вопрос был

последней каплей. Он получил от кого-то рецепт — чрезвычайно ценный рецепт; для какой цели, этого он не может сказать. «Медицинский?» — «Черт побери! А вам какое дело?» Я извинился. Он снисходительно фыркнул, откашлялся и продолжал. Рецепт он прочел. Пять ингредиентов. Положил на стол, отвернулся. Вдруг шорох: бумажку подхватило сквозняком. Каминная труба была открыта. Пламя вспыхнуло, и не успел он оглянуться, как рецепт сгорел и пепел вылетел в трубу. Бросился к камину — поздно. Вот! Тут он безнадежно махнул рукой.

— Ну?

— А руки-то и нет — пустой рукав. «Господи, — подумал я, — вот калека-то. Вероятно, у него деревянная рука, и он ее снял. И все-таки, — подумал я, — тут что-то неладно. Как же это рукав не повиснет, если в нем ничего нет?» А в нем ничего не было, уверяю вас. Совершенно пустой рукав, до самого локтя. Я видел, что рукав пуст, и, кроме того, прореза свистилась насквозь. «Боже милосердный!» — воскликнул я. Тогда он замолчал. Уставился своими синими очками сначала на меня, потом на свой рукав.

— Ну?

— И все. Не сказал ни слова, только глянул на меня и быстро засунул рукав в карман. «Я, кажется, остановился на том, как рецепт сгорел?» Он вопросительно кашлянул. «Как это вы, черт возьми, умудряетесь двигать пустым рукавом?» — спросил я. «Пустым рукавом?» — «Ну да, — сказал я, — пустым рукавом». — «Так это, по-вашему, пустой рукав? Вы видели, что он пустой?» Он поднялся с кресла. Я тоже встал. Тогда он медленно сделал три шага. Подошел ко мне и стал совсем вплотную. Язвительно фыркнул. Я стоял спокойно, хотя, честное слово, это забинтованное страшилище с круглыми очками хоть кого испугало бы.

«Так вы говорите, рукав пустой?» — сказал он.

«Конечно», — ответил я. Тогда этот нахал снова уставился на меня своими стеклами. А потом преспокойно вытянул рукав из кармана и протянул его мне, как будто хотел снова показать. Все это он проделал очень медленно. Я посмотрел на рукав. Казалось, прошла целая вечность. «Ну вот, — сказал он, откашлявшись, — в нем ничего нет». Что-то надо было сказать. Мне стало страшно. Я ви-

дел весь рукав насквозь. Он вытягивал его медленно-медленно — вот так, пока обшлаг не очутился дюймах в шести от моего лица. Странное это ощущение — видеть, как приближается пустой рукав... А потом...

— Ну?

— Чем-то — мне показалось, большим и указательным пальцами, — он потянул меня за нос.

Бантинг засмеялся.

— Но там не было ничего! — сказал Касс, чуть не взвизгнув, когда произносил «ничего». — Хорошо вам смеяться, а я был так ошеломлен, что ударил по обшлагу рукава, повернулся и выбежал из комнаты...

Касс замолчал. В неспритворности его испуга нельзя было сомневаться. Он беспомощно повернулся и выпил еще стакан скверного хереса, которым угощал его добрейший викарий.

— Когда я хватил его по рукаву, — сказал он, — то, уверяю вас, я почувствовал, что бью по руке. А руки там не было. И намек на руку не было.

Мистер Бантинг задумался. Потом подозрительно посмотрел на Касса.

— Это в высшей степени любопытная история, — сказал он с весьма глубокомысленным и серьезным видом. — Безусловно, история в высшей степени любопытная, — повторил он еще более внушительно.

Глава V Кража со взломом в доме викария

О краже со взломом в доме викария мы узнали главным образом из рассказов самого викария и его жены. Это случилось перед рассветом в Духов день; в этот день ай-пингский клуб устраивает ежегодные празднества. Миссис Бантинг внезапно проснулась в предрассветной тишине с отчетливым ощущением, что дверь спальни хлопнула. Сначала она решила не будить мужа, а села на кровати и стала прислушиваться. Она явственно различила шлепанье босых ног: словно кто-то вышел из туалетной комнаты и направился по коридору к лестнице. Тогда она как можно осторожнее разбудила мистера Бантинга. Проснувшись и узнав, в чем дело, он решил не зажигать огня, но, надев очки, капот жены и сунув ноги в купальные туфли, вышел на площадку. Он совершенно ясно услышал

возню в своем кабинете внизу, потом там кто-то громко чихнул.

Тогда он вернулся в спальню, вооружился самым надежным оружием, какое нашлось, — кочергой и сошел с лестницы, стараясь не шуметь. Миссис Бантинг вышла на площадку.

Было около четырех часов; ночной мрак редел. В прихожей уже брезжил свет, но дверь кабинета зияла черной дырой. В тишине слышен был только слабый скрип ступенек под ногами мистера Бантинга и легкое движение в кабинете. Потом что-то щелкнуло, слышно было, как открылся ящик, зашуршали бумаги. Послышалось ругательство, вспыхнула спичка, и кабинет осветился желтым светом. В это время мистер Бантинг был уже в прихожей и через приотворенную дверь увидел письменный стол, выдвинутый ящик и свечу, горевшую на столе. Но вора ему не было видно. Он стоял в прихожей, не зная, что предпринять, а позади него медленно спускалась с лестницы бледная, перепуганная миссис Бантинг. Одно обстоятельство поддерживало мужество мистера Бантинга: убеждение, что вор принадлежит к числу местных жителей.

Затем они услышали звон монет и поняли, что вор нашел деньги, отложенные на хозяйство, — два фунта полу-соверенами и десять шиллингов. Звон монет мгновенно вывел мистера Бантинга из состояния нерешительности. Крепко сжав в руке кочергу, он ворвался в кабинет; миссис Бантинг следовала за ним по пятам.

— Сдавайся! — яростно крикнул мистер Бантинг и остановился, пораженный: в комнате никого не было.

И все же, вне всякого сомнения, минуту назад здесь кто-то двигался. С полминуты супруги стояли, разинув рты, потом миссис Бантинг заглянула за ширмы, а мистер Бантинг, побуждаемый тем же чувством, посмотрел под стол. Затем миссис Бантинг отдернула оконные занавеси, а мистер Бантинг осмотрел камин и пошарил в трубе кочергой. Миссис Бантинг перерыла корзину для бумаг, а мистер Бантинг открыл ящик с углем. Прodelав все это, они в недоумении уставились друг на друга.

— Я готов поклясться... — сказал мистер Бантинг. — А свеча! — воскликнул он. — Кто зажжет свечу?

— А ящик! — сказала миссис Бантинг. — И куда девались деньги?

Она поспешно пошла к дверям.

— В жизни своей ничего подобного...

В коридоре кто-то громко чихнул. Они выбежали из комнаты и тут же услышали, как хлопнула дверь кухни.

— Принеси свечу, — сказал мистер Бантинг и пошел вперед. Оба ясно слышали стук торопливо отодвигаемых засовов.

Открывая дверь на кухню, мистер Бантинг увидел, что парадная дверь отворяется и в слабом утреннем свете мелькнула темная зелень сада. Но он уверял, что в дверь никто не вышел. Она открылась, а потом со стуком захлопнулась. Пламя свечи, которую несла миссис Бантинг, замигало и вспыхнуло ярче. Прошло несколько минут, прежде чем они вошли в кухню.

Там никого не оказалось, они снова заперли на засов входную дверь, тщательно обыскали кухню, чулан, буфетную и, наконец, спустились в погреб. Но, несмотря на самые тщательные поиски, они никого не обнаружили.

Утро застало викария и его жену в весьма странном наряде; они все еще сидели в нижнем этаже своего домика при ненужном уже свете догорающей свечи и терялись в догадках.

— В жизни своей ничего подобного... — в двадцатый раз начал викарий.

— Дорогой мой, — прервала его миссис Бантинг, — вот идет Сюзи. Пусть она придет в кухню, и пойдем оденемся.

Глава VI *Взбесившаяся мебель*

В это же утро, на рассвете Духова дня, когда даже служанка Милли еще спала, мистер и миссис Холл встали с постели и бесшумно спустились в погреб. Там у них было дело совершенно особого характера, имевшее некоторое отношение к специфической крепости их пива.

Не успели они войти в погреб, как миссис Холл вспомнила, что забыла захватить бутылочку с сарсапарелью, которая стояла у них в спальне. Так как главным знатоком и мастером предстоявшего дела была она, то наверх за бутылкой отправился Холл.

На площадке лестницы он с удивлением заметил, что дверь в комнату постояльца приоткрыта. Пройдя в спальню, он нашел бутылку на указанном женой месте.

Но возвращаясь обратно в погреб, он заметил, что засовы выходной двери отодвинуты и дверь закрыта просто на щеколду. Осененный внезапной мыслью, он сопоставил это обстоятельство с открытой дверью в комнату постояльца и предположениями мистера Тедди Хенфри. Он ясно помнил, что сам держал свечку, когда миссис Холл задвигала засовы на ночь. Он остановился, пораженный; затем, все еще держа бутылку в руке, снова поднялся наверх и постучал в дверь постояльца. Ответа не последовало. Он постучал еще раз, затем распахнул дверь настежь и вошел в комнату.

Все оказалось так, как он и ожидал. Комната была пуста, постель не тронута. На кресле и на спинке кровати была разбросана одежда незнакомца и его бинты, широкополая шляпа и та торчала на столбике кровати. Это обстоятельство показалось чрезвычайно странным даже не слишком сообразительному Холлу, тем более что другого платья, насколько он знал, у постояльца не было.

Стоя в недоумении посреди комнаты, он услышал снизу, из погреба, голос своей жены; захлебывающаяся скороговорка и высокие, визгливые ноты, характерные для жителей Западного Сассекса, изобличали крайнее нетерпение.

— Джордж! — кричала она. — Ты нашел, что нужно?

Он повернулся и поспешил к жене.

— Дженни! — крикнул он, нагибаясь над лестницей, ведущей в погреб. — А ведь Хенфри-то прав. Жильца в комнате нет. И засов на парадной двери снят.

Сначала миссис Холл не поняла, о чем речь, но, сообразив, в чем дело, решила сама осмотреть пустую комнату. Холл все еще с бутылкой в руках пошел вперед.

— Его самого нет, а одежда тут, — сказал он. — Где же он шляется голый? Странное дело.

Когда они поднимались по лестнице из погреба, им обоим, как выяснилось впоследствии, почудилось, что кто-то открыл и снова закрыл парадную дверь; но так как они нашли ее закрытой, то в ту минуту они об этом ничего друг другу не сказали. В коридоре миссис Холл опередила своего мужа и взбежала по лестнице первая. В это время на лестнице кто-то чихнул. Холл, отставший от жены на шесть ступенек, подумал, что это она чихает; она же была убеждена, что чихнул он. Поднявшись наверх,

она распахнула дверь и стала осматривать комнату незнакомца.

— В жизни своей ничего подобного не видела! — сказала она.

В это время сзади над самым ее ухом кто-то фыркнул, она обернулась и, к величайшему своему удивлению, увидела, что Холл стоит шагах в двенадцати от нее, на верхней ступеньке лестницы. Он сразу же подошел к ней. Она наклонилась и стала ощупывать подушку и белье.

— Холодные, — сказала она. — Его нет уже с час, а то и больше.

Не успела она произнести эти слова, как произошло нечто в высшей степени странное: постельное белье свернулось в узел, который тут же перепрыгнул через спинку кровати. Казалось, чья-то рука скомкала одеяло и простыни и бросила на пол. Вслед за этим шляпа незнакомца соскочила со своего места, описала в воздухе дугу и шлепнулась прямо в лицо миссис Холл. За ней с такой же быстротой полетела с умывальника губка; затем кресло, небрежно сбросив с себя пиджак и брюки постояльца и рассмеявшись сухим смехом, чрезвычайно похожим на смех постояльца, повернулось всеми четырьмя ножками к миссис Холл и, нацелившись, бросилось на нее. Она вскрикнула и повернулась к двери, а ножки кресла осторожно, но решительно уперлись в ее спину и вытолкали ее вместе с Холлом из комнаты. Дверь захлопнулась, замок щелкнул. Кресло и кровать, по-видимому, еще поплясали немного, как бы торжествуя победу, а затем все стихло.

Миссис Холл почти без чувств повисла на руках у мужа. Мистеру Холлу с величайшим трудом удалось при помощи Милли, которая успела проснуться от крика и шума, снести ее вниз и дать ей укрепляющих капель.

— Это духи, — сказала миссис Холл, придя наконец в себя. — Я знаю, это духи. Я читала про них в газетах. Столы и стулья начинают прыгать и танцевать...

— Выпей еще пемножко, Дженни, — прервал ее Холл. — Это подкрепит тебя.

— Запри дверь, — сказала миссис Холл. — Смотри не впускай его больше. Я все время подозревала... Как это я не догадалась! Глаз не видно, голова забинтована, и в церковь по воскресеньям не ходит. А сколько бутылок!.. На что порядочному человеку столько бутылок? Он

напустил духов в мебель... Моя милая старая мебель! В этом самом кресле любила сидеть моя дорогая матушка, когда я была еще маленькой девочкой. И подумать только, оно поднялось теперь против меня...

— Выпей еще капель, Дженни, — сказал Холл, — у тебя нервы совсем расстроены.

Было уже пять часов, лучи утреннего солнца заливали улицу. Супруги послали Милли разбудить мистера Сэнди Уоджерса, кузнеца, который жил напротив.

— Хозяин вам кланяется, — сказала ему Милли. — И у нас что-то стряслось с мебелью. Может, вы зайдете и поглядите?

Мистер Уоджерс был человек весьма сведущий и смывленный. Он отнесся к рассказу Милли серьезно.

— Это колдовство, головой ручаюсь, — сказал он. — Такому постояльцу только копыт не хватает.

Он пришел, сильно озабоченный. Мистер и миссис Холл хотели было подняться с ним наверх, но он, по-видимому, с этим не спешил. Он предпочитал продолжать разговор в коридоре. Из табачной лавки Хакстера вышел приказчик и стал открывать ставни. Его пригласили принять участие в обсуждении случившегося. За ним через несколько минут подошел, конечно, сам мистер Хакстерс. Англосаксонский парламентский дух проявился здесь полностью: говорили много, но за дело не принимались.

— Установим сначала факты, — настаивал мистер Сэнди Уоджерс. — Обсудим, вполне ли будет правильно с нашей стороны взломать дверь в его комнату? Запертую дверь всегда можно взломать, но раз дверь взломана, ее не сделаешь невзломанной.

Но вдруг, ко всеобщему удивлению, дверь комнаты постояльца открылась сама, и, взглянув наверх, они увидели закутанную фигуру незнакомца, спускавшегося по лестнице и пристально смотревшего на них зловещим взором сквозь свои темно-синие очки. Медленно, деревянной походкой, он спустился с лестницы, прошел по коридору и остановился.

— Смотрите, — сказал он, вытянув палец в перчатке.

Взглянув в указанном направлении, они увидели у самой двери погреба бутылку с сарсапарелью. А незнакомец вошел в гостиную и неожиданно быстро, со злостью захлопнул дверь перед самым их носом.

Никто не произнес ни слова, пока не замер стук захлопнутой двери. Все молча переглядывались.

— Признаюсь, это уже верх...— начал мистер Уоджерс и не закончил фразы.

— Я бы на вашем месте пошел и спросил его, что все это значит,— сказал Уоджерс Холлу.— Я потребовал бы объяснения.

Понадобилось некоторое время, чтобы убедить хозяйина решиться на это. Наконец он постучался в дверь, открыл ее и начал:

— Простите...

— Убирайтесь к черту! — крикнул в бешенстве незнакомец.— Затворите дверь!

На этом объяснение и закончилось.

Глава VII *Разоблачение незнакомца*

Незнакомец вошел в гостиную около половины шестого утра и оставался там приблизительно до полудня; шторы в комнате были спущены, дверь заперта, и после неудачи, постигшей Холла, никто не решался войти туда.

Все это время незнакомец, очевидно, ничего не ел. Три раза он звонил, причем в третий раз долго и сердито, но никто не отозвался.

— Ладно, я ему покажу «убирайтесь к черту»,— ворчала про себя миссис Холл.

Слух о ночном происшествии в доме викария уже успел распространиться, и между обоими событиями усматривали некую связь. Холл в сопровождении Уоджерса отправился к судье мистеру Шэклфорсу, чтобы с ним посоветоваться. Наверх подняться никто не решался. Чем занимался все это время незнакомец, неизвестно. Иногда он нетерпеливо шагал из угла в угол; два раза из его комнаты доносились ругательства, шуршание разрываемой бумаги и звон разбиваемых бутылок.

Кучка испуганных, но стравивших от любопытства людей все росла. Пришла миссис Хакстерс. Подошли несколько бойких молодых парней, вырядившихся по случаю праздника в черные пиджаки и галстуки из белого пике; они стали задавать нелепые вопросы. Арчи Харкер оказался смелее всех: он пошел во двор и постарался заглянуть под опущенную штору. Разглядеть он не мог ни-

чего, но дал понять, что видит, и еще кое-кто из айпинского молодого поколения присоединился к нему.

День для праздника выдался на славу — теплый и ясный. На деревенской улице появилось с десятков ларьков и тир для стрельбы, а на лужайке перед кузницей стояли три полосатых желто-коричневых фургона, и какие-то люди в живописных костюмах устраивали приспособление для метания кокосовых орехов. Мужчины были в синих свитерах, дамы — в белых передниках и модных шляпах с большими перьями. Уоджер из «Красной лани» и мистер Джэгтерс, сапожник, торговавший также подержанными велосипедами, протягивали поперек улицы гирлянду из национальных флагов и королевских штандартов (оставшихся от празднования юбилея королевы Виктории).

А в полутемной гостиной с занавешенными окнами, куда проникал лишь слабый свет, незнакомец, вероятно, голодный и злой, задыхаясь от жары в своих повязках, глядел сквозь темные очки на листок бумаги, позвякивал грязными бутылками и неистово ругал собравшихся под окном невидимых мальчишек. В углу у камина валялись осколки полдюжины разбитых бутылок, а в воздухе стоял едкий запах хлора. Вот все, что нам известно по рассказам очевидцев, и такой вид имела комната, когда в нее вошли.

Около полудня незнакомец внезапно открыл дверь гостиной и остановился на пороге, пристально глядя на трех-четырех человек, сгрудившихся у стойки.

— Миссис Холл! — крикнул он.

Кто-то нехотя вышел из комнаты позвать хозяйку.

Появилась миссис Холл, несколько запыхавшаяся, но весьма решительная. Мистер Холл еще не вернулся. Она все уже обдумала и явилась с небольшим подносыком в руках, на котором лежал неоплаченный счет.

— Вы хотите уплатить по счету? — спросила она.

— Почему мне не подали завтрака? Почему вы не приготовили мне поесть и не отзывались на звонки? Вы думаете, я могу обходиться без еды?

— А почему вы не уплатили по счету? — возразила миссис Холл. — Вот что я желала бы знать.

— Еще третьего дня я сказал вам, что жду денежного перевода...

— А я еще вчера сказала вам, что не намерена ждать никаких переводов. Нечего ворчать, что завтрак запаздывает, если по счету уже пять дней не плачено.

Постоялец кратко, но энергично выругался.

— Легче, легче! — раздалось из распивочной.

— Я прошу вас, мистер, держать свои ругательства при себе, — сказала миссис Холл.

Постоялец замолчал и стоял на пороге, похожий в своих очках на рассерженного водолаза. Все посетители трактира чувствовали, что перевес на стороне миссис Холл. Дальнейшие слова незнакомца подтвердили это.

— Послушайте, голубушка... — начал он.

— Я вам не голубушка, — сказала миссис Холл.

— Говорю вам, я еще не получил перевода...

— Уж какой там перевод! — сказала миссис Холл.

— Но в кармане у меня...

— Третьего дня вы сказали, что у вас и совершена не наберется.

— Ну, а теперь я нашел побольше.

— Ого! — раздалось из распивочной.

— Хотела бы я знать, где это вы нашли деньги, — сказала миссис Холл.

Это замечание, по-видимому, не понравилось незнакомцу. Он топнул ногой.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Только то, что я хотела бы знать, откуда у вас деньги, — сказала миссис Холл. — И прежде чем подавать вам счета, готовить завтрак или вообще что-либо делать для вас, я попрошу вас объяснить некоторые вещи, которых я не понимаю и никто не понимает, но которые мы все хотим понять. Я хочу знать, что вы делали наверху с моим креслом; хочу знать, как это ваша комната оказалась пустой и как вы опять туда попали. Мои постояльцы входят и выходят через двери: так у меня заведено; вы же делаете по-другому, и я хочу знать, как вы это делаете. И еще...

Незнакомец вдруг поднял руки, обтянутые перчатками, сжал кулаки, топнул ногой и крикнул: «Стойте!» — так испуганно, что миссис Холл немедленно умолкла.

— Вы не понимаете, — сказал он, — кто я и чем занимаюсь. Я покажу вам. Как бог свят, покажу! — при этих

словах он приложил руку к лицу и сейчас же отнял ее. Посреди лица зияла пустая впадина. — Держите, — сказал он и, шагнув к миссис Холл, подал ей что-то. Не сводя глаз с его преобразившегося лица, миссис Холл машинально взяла протянутую ей вещь. Затем, рассмотрев, что это, она громко вскрикнула, уронила ее на пол и попятилась. По полу покатился нос — нос незнакомца, розовый, лоснящийся.

Затем он снял очки, и все вытаращили глаза от удивления. Он снял шляпу и стал яростно срывать бакенбарды и бинты. Они не сразу поддались его усилиям. Все замерли в ужасе.

— О господи! — вымолвил кто-то.

Наконец бинты были сорваны.

То, что предстало взорам присутствующих, превзошло все ожидания. Миссис Холл, стоявшая с разинутым ртом, дико вскрикнула и побежала к дверям. Все вскочили с мест. Ждали ран, уродства, видимого глазом ужаса, а тут — ничего. Бинты и парик полетели в распивочную, едва не задев стоявших там. Все кинулись прочь с крыльца, натываясь друг на друга, ибо на пороге гостиной, выкрикивая бессвязные объяснения, стояла фигура, похожая на человека вплоть до воротника пальто, а выше не было ничего. Решительно ничего!

Жители Айпинга услышали крики и шум, доносившиеся из трактира «Кучер и кони», и увидели, как оттуда стремительно выбегают посетители. Они увидели, как миссис Холл упала и как мистер Тедди Хенфри подпрыгнул, чтобы не споткнуться о нее. Потом они услышали истошный крик Милли, которая, выскочив из кухни на шум, неожиданно наткнулась на безголового незнакомца. Крик сразу оборвался.

После этого все, кто был на улице, — продавец сладостей, владелец балагана для метания в цель и его помощник, хозяин качелей, мальчишки и девчонки, деревенские франты, местные красотки, старики в блузах и цыгане в фартуках, — ринулись к трактиру. Не прошло и минуты, как перед заведением миссис Холл собралось человек сорок, толпа быстро росла, все шумели, толкались, орали, вскрикивали, задавали вопросы, строили догадки. Никто никого не слушал, и все говорили сразу — настоящее столпотворение! Несколько человек поддерживали миссис

Холл, которую подняли с земли почти без памяти. Среди общего смятения один из очевидцев, стараясь перекричать всех, давал ошеломляющие показания.

— Оборотень!

— Что же он натворил?

— Ранил служанку.

— Кажется, кинулся на них с ножом.

— Не так, как говорится, а в самом деле без головы!

— Говорят вам, нет головы на плечах!

— Пустяки, наверное, какой-нибудь фокус.

— Как снял он бинты...

Стараясь заглянуть в открытую дверь, толпа образовала живой клин, острие которого, направленное в дверь трактира, составляли самые отчаянные смельчаки.

— Он стоит на пороге. Вдруг девушка как вскрикнет, он обернулся, а девушка бежать. Он за ней. Минутное дело — уж он идет обратно, в одной руке — нож, в другой — краюха хлеба. Остановился и будто глядит. Вот только сейчас. Он вошел в эту самую дверь. Говорят вам: головы у него совсем нет. Приди вы на минуточку раньше, вы бы сами...

В задних рядах произошло движение. Рассказчик замолчал и посторонился, чтобы дать дорогу небольшой процессии, которая с весьма воинственным видом направлялась к дому; во главе ее шел мистер Холл, очень красивый, с решительным видом, далее мистер Бобби Джефферс, констебль, и, наконец, мистер Уоджерс, из осторожности державшийся позади. У них был приказ об аресте незнакомца.

Им наперебой сообщали последние новости — один кричал одно, другой — совсем другое.

— С головой он там или без головы, — сказал мистер Джефферс, — а я получил приказ арестовать его, и приказ этот я выполняю.

Мистер Холл поднялся на крыльцо, направился прямо к двери гостиной и распахнул ее.

— Констебль, — сказал он, — исполняйте свой долг.

Джефферс вошел первый, за ним — Холл и последним — Уоджерс. В полумраке они разглядели безголовую фигуру с недоеденной коркой хлеба в одной руке и с куском сыра в другой; обе руки были в перчатках.

— Вот он, — сказал Холл.

— Это еще что? — раздался сердитый возглас из пустого пространства над воротником.

— Таких, как вы, я еще не видывал, сударь, — сказал Джефферс. — Но есть ли у вас голова или нет, в приказе сказано: «Препроводить», — а долг службы прежде всего...

— Не подходите! — крикнул незнакомец, отступая на шаг.

В одно мгновение он бросил хлеб и сыр на пол, и мистер Холл едва успел вовремя убрать нож со стола. Незнакомец снял левую перчатку и ударил ею Джефферса по лицу. Джефферс сразу, оборвав свои разъяснения относительно смысла приказа, схватил одной рукой кисть невидимой руки, а другой сдавил невидимое горло. Тут он получил здоровый пинок по ноге, заставивший его вскрикнуть, но добычи своей он не выпустил. Холл через стол передал нож Уоджерсу, который, желая помочь Джефферсу, действовал, так сказать, в качестве голкипера. В яростной схватке противники наткнулись на стул, он с грохотом отлетел в сторону, и оба упали на пол.

— Хватайте его за ноги, — прошипел сквозь зубы Джефферс.

Мистер Холл, попытавшийся выполнить его распоряжение, получил сильный удар в грудь и на минуту выбыл из строя, а мистер Уоджерс, видя, что безголовый незнакомец извернулся и начал одолевать Джефферса, попятился с ножом в руках к двери, где столкнулся с мистром Хакстерсом и сиддербриджским извозчиком, спешившими на выручку блюстителю закона и порядка. В это самое время с полки посыпались бутылки, и комната наполнилась едкой вонью.

— Сдаюсь! — крикнул незнакомец, несмотря на то, что подмывал под себя Джефферса. Он встал, тяжело дыша, без головы и без рук, ибо во время борьбы стянул обе перчатки.

— Все равно ничего не выйдет, — сказал он, еле переводя дух.

В высшей степени странно было слышать голос, исходивший как бы из пустого пространства, но жители Сас-секса, вероятно, самые трезвые люди на свете. Джефферс также встал и вынул из кармана пару наручников. Но тут он остановился в полном недоумении.

— Вот так штука! — сказал он, смутно начиная сознавать несообразность всего происходящего. — Черт возьми! Похоже, что они без надобности.

Незнакомец провел пустым рукавом по пиджаку, и пуговицы, словно по волшебству, расстегнулись. Затем он сказал что-то о своих ногах и нагнулся. По-видимому, он трогал свои башмаки и носки.

— Пойдите, — воскликнул вдруг Хакстерс. — Ведь это совсем не человек! Тут только пустая одежда. Посмотрите-ка, можно заглянуть в воротник, и подкладку пиджака видно. Я могу просунуть руку...

С этими словами он протянул руку. Казалось, он наткнулся на что-то в воздухе, ибо тотчас же с криком отдернул ее.

— Я бы вас попросил держать свои пальцы подальше от моих глаз! — раздался из пустоты слова, произнесенные яростным тоном. — Суть в том, что я весь тут — с головой, руками, ногами и всем прочим, но только я невидимка. Это чрезвычайно неудобно, но ничего не поделаешь. Однако это обстоятельство еще не дает права каждому дураку в Айпинге тыкать в меня руками.

Перед ним стоял, подбоченясь, костюм, весь расстегнутый и свободно висящий на невидимой опоре.

Тем временем с улицы вошли еще несколько мужчин, и в комнате сталолюдно...

— Что? Невидимка? — сказал Хакстерс, не обращая внимание на оскорбительный тон незнакомца. — Такого же не бывает.

— Вам это может показаться странным, но ведь преступного тут ничего нет. На каком основании на меня набрасывается констебль?

— А, это совсем другое дело, — сказал Джефферс. — Правда, здесь темновато, и видеть вас трудно, но у меня есть приказ о вашем аресте, и приказ по всей форме. Вы подлежите аресту не за то, что вы невидимка, а по подозрению в краже со взломом. Неподалеку отсюда был ограблен дом и украдены деньги.

— Ну?

— Некоторые обстоятельства указывают...

— Вздор! — воскликнул Невидимка.

— Надеюсь, что так, сударь. Но я получил приказ.

— Хорошо,— сказал незнакомец,— я пойду с вами. Пойду. Но без наручников.

— Так полагается,— сказал Джефферс.

— Без наручников,— упорствовал незнакомец.

— Нет уж, извините,— сказал Джефферс.

Вдруг фигура Невидимки осела на пол, и, прежде чем кто-либо успел сообразить, что происходит, башмаки, брюки и носки полетели под стол. Затем Невидимка вскочил и сбросил с себя пиджак.

— Стой, стой! — закричал Джефферс, вдруг сообразив, в чем дело. Он схватился за жилетку, та стала сопротивляться; затем оттуда выскочила рубашка, и в руках у Джефферса остался пустой жилет. — Держите его! — крикнул Джефферс. — Стоит ему только раздеться!

— Держи его! — закричали все и бросились на мелькавшую в воздухе белую рубашку — все, что осталось видимого от незнакомца.

Рукав рубашки нанес Холлу сильнейший удар по лицу, что пресекло его решительную атаку и толкнуло его назад, прямо на Тутсома, причетника; в тот же миг рубашка приподнялась в воздухе, где она стала извиваться, как всякая рубашка, которую снимают через голову. Джефферс крепко ухватился за рукав, но этим только помог снять ее. Что-то из воздуха ударило его в нижнюю челюсть; он тотчас выхватил свою дубинку и, размахнувшись изо всей мочи, ударил Тедди Хенфри прямо по макушке.

— Берегись! — кричали все, наугад рассыпая удары по воздуху. — Держи его! Заприте дверь! Не выпускайте! Я что-то поймал! Вот он!

Началось настоящее вавилонское столпотворение. Ту-маки, казалось, сыпались на всех сразу, и мудрый Сэнди Уоджерс, чья сообразительность обострилась благодаря сокрушительному удару, который расквасил ему нос, отворил дверь и первый выбежал из комнаты. Все тотчас же последовали за ним. В дверях началась страшная давка. Удары продолжали сыпаться. Сектанту Фипсу выбили передний зуб, а Генри поранили ушную раковину. Джефферс получил удар в подбородок и, обернувшись, ухватился за что-то невидимое, втиснувшееся в суматохе между ним и Хакстерсом. Он нащупал мускулистую грудь, и в ту же минуту весь клубок борющихся, разгоряченных людей выкатился в коридор.

— Поймал! — крикнул Джефферс, задыхаясь, не выпуская из рук невидимого врага, весь багровый, со вздутыми венами, он кружил в толпе, расступавшейся перед этим странным поединком. Наконец все скатились с крыльца на землю. Джефферс закричал придушенным голосом, все еще сжимая в объятиях что-то невидимое и энергично работая коленом, потом зашатался и упал навзничь, грохнувшись затылком о камни. Только тогда он разжал пальцы.

Раздались крики: «Держи его!», «Невидимка!». Какой-то молодой человек не из Айпинга, чьего имени так и не удалось установить, подбежал, схватил что-то, но тут же выпустил из рук и упал на распростертое тело констебля. Посреди улицы вскрикнула едва не сбитая с ног женщина; собака, видимо, получившая пинок, завизжала и с воем кинулась во двор к Хакстерсу. Этим и закончился побег Невидимки. С минуту толпа стояла изумленная и взволнованная, затем бросилась врассыпную, словно палая листва, развеянная порывом ветра.

Только Джефферс лежал неподвижно, обратив лицо к небу и согнув колени.

Глава VIII *Мимоходом*

Восьмая глава необычайно коротка. В ней рассказывается о том, как Джиббинс, местный натуралист-любитель, дремал на холмике в полной уверенности, что, по крайней мере, на две мили окрест нет ни души, и вдруг услышал совсем близко от себя шаги какого-то человека, который кашлял, чихал и отчаянно ругался; обернувшись, он не увидел никого. И тем не менее голос раздавался вполне явственно. Невидимый прохожий продолжал ругаться той отборной витиеватой бранью, по которой сразу можно узнать образованного человека. Голос поднялся до самых высоких нот, потом стал тише и, наконец, совсем замер, удалившись, как показалось Джиббинсу, по направлению к Эддердину. Последнее громкое чиханье — и все стихло. Джиббинсу ничего не было известно об утренних событиях, но явление это до того поразило и смутило его, что все его философское спокойствие исчезло. Вскочив, он со всей быстротой, на какую был способен, спустился с холма и направился в селение.

Чтобы получить представление о мистере Томасе Марвеле, вы должны вообразить себе человека с толстым дряблым лицом, с широким длинным носом, слонявым подвижным ртом и растущей вкривь и вкось щетинистой бородой. Он был явно предрасположен к полноте, что было особенно заметно благодаря очень коротким конечностям. Он носил потрепанный шелковый цилиндр, а то, что на самых ответственных частях туалета вместо пуговиц красовались бечевки и ботиночные шнурки, свидетельствовало, что он закоренелый холостяк.

Мистер Томас Марвел сидел, спустив ноги в канаву, у дороги, ведущей к Эддердину, примерно в полутора милях от Айпинга. На ногах у него не было ничего, кроме рваных носков; вылезшие из дыр большие пальцы ног, широкие и приподнятые, напоминали уши насторожившейся собаки. Несторопливо — он все делал не торопясь — Томас Марвел рассматривал башмаки, которые собирался примерить. Это были очень крепкие башмаки, какие ему давно уже не попадались, но они оказались ему слишком велики; между тем старые башмаки его, вполне подходящие для сухой погоды, не годились для сырой, так как у них была слишком тонкая подошва. Мистер Марвел терпеть не мог свободной обуви, но он не выносил и сырости. Собственно говоря, он еще не установил, что ему неприятнее — просторная обувь или сырость, — но день был погожий, других дел не предвиделось, и он решил поразмыслить. Поэтому он поставил на землю все четыре башмака, расположив их в виде живописной группы, и стал смотреть на них. Глядя, как они стоят среди буйно разросшегося репейника, он вдруг решил, что обе пары очень безобразны. Он несколько не удивился, услышав позади себя чей-то голос.

— Как-никак обувь, — сказал Голос.

— Это пожертвованная обувь, — сказал мистер Томас Марвел, склонив голову набок и с неудовольствием глядя на башмаки. — И я, черт возьми, не могу даже решить, какая из этих пар хуже.

— Гм... — сказал Голос.

— Я носил обувь и похуже. По правде говоря, мне случалось обходиться и совсем без нее. Но таких наглых уродов, если можно так выразиться, я не носил никогда.

Давно уже подыскиваю себе башмаки, потому что мои мне осточертели. Они крепкие, что и говорить. Но человек, который постоянно на ногах, все время видит свои башмаки. И, поверите ли, сколько я ни старался, во всей округе не мог достать других башмаков, кроме этих. Вы только взгляните! А ведь, вообще-то говоря, в здешней округе обувь хорошая. Только мое уж счастье такое. Я лет десять ношу здешнюю обувь. И вот какую дрянь мне подсунули.

— Это отвратительная округа, — сказал Голос, — и народ здесь прескверный.

— Верно ведь? — сказал Томас Марвел. — Ну и обувь! Чтоб она пропала!

С этими словами он через плечо покосился вправо, чтобы посмотреть на обувь собеседника и сравнить ее со своей, но, к величайшему его изумлению, там, где он ожидал увидеть пару башмаков, не оказалось ни башмаков, ни ног. Он посмотрел через левое плечо, но и там не обнаружил ни башмаков, ни ног. Это ошеломило его.

— Где же вы? — спросил Томас Марвел, поворачиваясь на четвереньках. Перед ним расстилалась пустая холмистая равнина, только далекие кусты вереска качались на ветру.

— Пьян я, что ли? — сказал Томас Марвел. — Померещилось мне? Или я сам с собой разговаривал? Что за черт...

— Не пугайтесь, — сказал Голос.

— Оставьте, пожалуйста, ваши шутки! — воскликнул Томас Марвел. — Где вы! «Не пугайтесь», — скажите на милость!

— Не пугайтесь, — повторил Голос.

— Ты сам сейчас испугаешься, болван ты этакий! — сказал Томас Марвел. — Где ты? Вот я до тебя доберусь.

Молчание.

— Под землей ты, что ли? — спросил Томас Марвел.

Ответа не было. Томас Марвел продолжал стоять в одних носках, в распахнутом пиджаке, и лицо его выражало полное недоумение.

«Фю-ить», — раздался вдали свист.

— Вот тебе и «фю-ить». Что вы, в самом деле, дурачитесь? — сказал Томас Марвел.

Местность была безлюдная. В какую бы сторону он ни поглядел, никого не было видно. Дорога с глубокими канавами, окаймленная рядами белых придорожных столбов, гладкая и пустынная, тянулась на север и на юг, в безоблачном небе тоже ничего не было заметно, кроме пелюшек.

— С нами крестная сила! — воскликнул Томас Марвел, застегивая пиджак. — Все водка проклятая. Так я и знал.

— Это не водка, — сказал Голос. — Не волнуйтесь.

— Ох! — простонал Марвел, побледнев. — Все водка, — беззвучно повторили его губы. Он постоял немного, мрачно глядя прямо перед собой, потом стал медленно поворачиваться. — Готов поклясться, что слышал голос, — прошептал он.

— Конечно, слышали.

— Вот опять, — сказал Марвел, закрывая глаза и трагическим жестом хватаясь за голову. Но тут его вдруг взяли за шиворот и так встряхнули, что у него совсем помутилось в голове.

— Брось дурить, — сказал Голос.

— Я рехнулся... — сказал Марвел. — Ничего не поможет. И все из-за проклятых башмаков. Прямо-таки рехнулся! Или это привидение?..

— Ни то, ни другое, — сказал Голос. — Послушай...

— Рехнулся! — повторил Марвел.

— Да погоди же! — сказал Голос, еле сдерживая раздражение.

— Ну? — сказал Марвел, испытывая странное ощущение, как будто кто-то коснулся пальцем его груди.

— Ты думаешь, я тебе только почудился, да?

— А как же иначе? — ответил Томас Марвел, почесывая затылок.

— Отлично, — сказал Голос. — В таком случае я буду швырять в тебя камнями, пока ты не убедишься в противном.

— Да где же ты?

Голос не ответил. Свист — и камень, по-видимому, пущенный из воздуха, пролетел у самого плеча мистера Марвела. Обернувшись, мистер Марвел увидел, как другой камень, описав дугу, взлетел вверх, повис на секунду в воздухе и затем полетел к его ногам с почти неулови-

мой быстротой. Он был до того поражен, что даже не попробовал увернуться. Камень, ударившись о голый палец ноги, отлетел в канаву. Томас Марвел подскочил и взвыл от боли. Потом кинулся бежать, но споткнулся обо что-то и, перекувырнувшись, очутился в сидячем положении.

— Ну-с, что скажешь теперь? — спросил Голос, и третий камень, описав дугу, взлетел вверх и повис в воздухе над бродягой. — Что я такое? Воображение?

Марвел вместо ответа встал на ноги, но немедленно был снова брошен на землю. С минуту он лежал, не двигаясь.

— Сиди смирно, — сказал Голос, — не то я разобью тебе камнем голову.

— Ну и дела! — сказал мистер Марвел, садясь и потирая ушибленную ногу, но не сводя глаз с камня. — Ничего не понимаю. Камни сами летают. Камни разговаривают. Не кидайся. Сгинь. Мне крышка.

Камень упал на землю.

— Все очень просто, — сказал Голос. — Я невидимка.

— Расскажите что-нибудь поновее, — сказал мистер Марвел, охая и корчась от боли. — Где вы прячетесь, как вы это делаете? Не могу догадаться. Сдаюсь.

— Я невидимка, только и всего. Понимаешь ты или нет? — сказал Голос.

— Да это ясней ясного. И нечего, мистер, злиться. А теперь скажите-ка лучше, как вы прячетесь.

— Я невидимка, в этом вся суть. Пойми ты...

— Но где же вы? — прервал его Марвел.

— Да тут, перед тобой, в пяти шагах.

— Рассказывай! Я не слепой. Еще скажешь, что ты воздух. Я ведь не какой-нибудь неуч...

— Да, я воздух. Ты смотришь сквозь меня.

— Что? И в тебе так-таки ничего нет? Один только болтливый голос и все?

— Я такой же человек, как все, из плоти и крови, мне нужно есть, пить и прикрыть свою наготу. Но я невидимка. Понятно? Невидимка. Это очень просто. Невидимый человек.

— Настоящий человек?

— Да.

— Ну, если так, — сказал Марвел, — дайте-ка мне руку. Это будет все-таки на что-то похоже... Ох! — воскликнул

он вдруг.— Как вы меня напугали! Надо же так вцепиться!

Он ощупал руку, которая стиснула его кисть, затем нерешительно ощупал плечо, мускулистую грудь, бороду. Лицо его выражало крайнее изумление.

— Здорово! — сказал он. — Это почище петушиного боя. Просто поразительно. Я могу увидеть сквозь вас зайца в полумиле отсюда. А вас самого нисколько не видеть... Впрочем...

Тут Марвел стал внимательно всматриваться в пространство, казавшееся пустым.

— Скажите, вы не ели хлеб с сыром? — спросил он, не выпуская невидимой руки.

— Правильно. Эта пища еще не усвоена организмом.

— А-а, — сказал мистер Марвел. — Все-таки это странно.

— Право же, это далеко не так странно, как вам кажется.

— Для моего скромного разума это достаточно странно, — сказал Томас Марвел. — Но как вы это устраиваете? Как вам, черт возьми, удастся?

— Это слишком длинная история. И, кроме того...

— Я просто в себя не могу прийти, — сказал Марвел.

— Я хочу тебе вот что сказать: я нуждаюсь в помощи — меня довели до этого. Я наткнулся на тебя неожиданно. Шел взбешенный, голый, обессиленный. Готов был убить... И я увидел тебя...

— Господи! — вырвалось у Марвела.

— Я подошел к тебе сзади... подумал и пошел дальше...

Лицо мистера Марвела весьма красноречиво выражало его чувства.

— Потом остановился. «Вот, — подумал я, — такой же отверженный, как я. Вот человек, который мне нужен». Я вернулся и направился к тебе. И...

— Господи! — сказал мистер Марвел. — У меня голова идет кругом. Позвольте спросить: как же это так? Невидимка! И какая вам нужна помощь?

— Я хочу, чтобы ты помог мне достать одежду, кров и еще кое-что... Всего этого у меня нет уже давно. Если же ты не хочешь... Но ты поможешь мне, должен помочь!

— Пойдите, — сказал Марвел. — Дайте мне собраться с мыслями. Нельзя же так — обухом по голове. И не трогайте меня! Дайте прийти в себя. Ведь вы чуть не перебили мне палец. Все это так нелепо: пустые холмы, пустое небо. На много миль кругом ничего не видно, кроме красот природы. И вдруг голос. Голос с неба. И камни. И кулак. Ах ты, господи!

— Ну, нечего нюни распускать, — сказал Голос. — Дейлай лучше то, что я приказываю.

Марвел надул щеки, и глаза его стали совсем круглыми.

— Я остановил свой выбор на тебе, — сказал Голос, — ты единственный человек, если не считать нескольких деревенских дураков, который знает, что на свете есть невидимка. Ты должен мне помочь. Помоги мне, и я многое для тебя сделаю. В руках человека-невидимки большая сила. — Он остановился и громко чихнул. — Но если ты меня выдашь, — продолжал он, — если ты не сделаешь то, что я прикажу...

Он замолчал и крепко стиснул плечо Марвела. Тот взвыл от ужаса.

— Я не собираюсь выдавать вас, — сказал он, стараясь отодвинуться от Невидимки. — Об этом и речи быть не может. С радостью вам помогу. Скажите только, что я должен делать. (Господи!) Все, что пожелаете, я сделаю с величайшим удовольствием.

Глава X *Мистер Марвел в Айпинге*

После того как паника немного улеглась, жители Айпинга стали прислушиваться к голосу рассудка. Скептицизм внезапно поднял голову — правда, несколько шаткий, неуверенный, но все же скептицизм. Ведь не верить в существование Невидимки было куда проще, а тех, кто видел, как он рассеялся в воздухе, или почувствовал на себе силу его кулаков, можно было пересчитать по пальцам. К тому же один из очевидцев, мистер Уоджерс, отсутствовал, он заперся у себя в доме и никого не пускал, а Джефферс лежал без чувств в трактире «Кучер и кони». Великие, необычайные идеи, выходящие за пределы опыта, часто имеют меньше власти над людьми, чем малозначительные, но зато вполне конкретные соображения. Айпинг разукрасился флагами, жители разрядились. Ведь к празд-

нику готовились целый месяц, его предвкушали. Вот почему несколько часов спустя даже те, кто верил в существование Невидимки, уже предавались развлечениям, утешая себя мыслью, что он исчез навсегда; что же касается скептиков, то для них Невидимка превратился в забавную шутку. Как бы то ни было, среди тех и других царил необычайное веселье.

На Хайсменском лугу разбили палатку, где миссис Бантинг и другие дамы приготавливали чай, а вокруг ученики воскресной школы бегали взапуски по траве и играли в разные игры под шумным руководством викария, мисс Касс и мисс Сэкбат. Правда, чувствовалось какое-то легкое беспокойство, но все были настолько благоразумны, что скрывали свой страх. Большим успехом у молодежи пользовался наклонно натянутый канат, по которому, держась за блок, можно было стремглав слететь вниз, на мешок с сеном, лежащий у другого конца веревки. Не меньшим успехом пользовались качели, метание кокосовых орехов и карусель с паровым органом, непрерывно наполнявшим воздух пронзительным запахом масла и не менее пронзительной музыкой. Члены клуба, побывавшие утром в церкви, щеголяли разноцветными значками, а большинство молодых людей разукрасили свои котелки яркими лентами. Старик Флетчер, у которого были несколько суровые представления о праздничном отдыхе, стоял на доске, положенной на два стула, как это можно было видеть сквозь цветы жасмина на подоконнике или через открытую дверь (как кому угодно было смотреть), и белил потолок своей столовой.

Около четырех часов в Айшинге появился незнакомец; он пришел со стороны холмов. Это был невысокий толстый человек в чрезвычайно потрепанном цилиндре, сильно запыхавшийся. Он то втягивал щеки, то надувал их до отказа. Лицо у него было в красных пятнах, выражало страх, и двигался он хотя и быстро, но явно неохотно. Он завернул за угол церкви и направился к трактиру «Кучер и кони». Среди прочих обратил на него внимание и старик Флетчер, который был поражен необычайно взволнованным видом незнакомца и до тех пор смотрел ему вслед, пока известка, набранная на кисть, не затекла ему в рукав.

Незнакомец, по свидетельству хозяина тира, вслух разговаривал сам с собой. То же заметил и мистер Хакстерс. Он остановился у крыльца гостиницы и, по словам мистера Хакстерса, по-видимому, долго колебался, прежде чем решился войти в дом. Наконец он поднялся по ступенькам, повернул, как это успел заметить мистер Хакстерс, налево и открыл дверь в гостиную. Мистер Хакстерс услышал голоса изнутри, а также оклики из распивочной, указывавшие незнакомцу на его ошибку.

— Не туда! — сказал Холл.

Тогда незнакомец закрыл дверь и вошел в распивочную.

Через несколько минут он снова появился на улице, вытирая губы рукой, с видом спокойного удовлетворения, показавшимся Хакстерсу напускным. Он немного постоял, огляделся, а затем мистер Хакстерс увидел, как он, крадучись, направился к воротам, которые вели во двор, куда выходило окно гостиной. После некоторого колебания незнакомец прислонился к створке ворот, вынул короткую глиняную трубку и стал набивать ее табаком. Руки его дрожали. Наконец он кое-как раскурил трубку и, скрестив руки, начал дымить, приняв позу скучающего человека, чему отнюдь не соответствовали быстрые взгляды, которые он то и дело бросал во двор.

Все это мистер Хакстерс видел из-за жестянок, стоявших в окне табачной лавочки, и странное поведение незнакомца побудило его продолжать наблюдение.

Вдруг незнакомец порывисто выпрямился, сунул трубку в карман и исчез во дворе. Тут мистер Хакстерс, решив, что на его глазах совершается кража, выскочил из-за прилавка и выбежал на улицу, чтобы перехватить вора. В это время незнакомец снова показался в сбитом набекрень цилиндре, держа в одной руке большой узел, завернутый в синюю скатерть, а в другой — три книги, связанные, как выяснилось впоследствии, подтяжками викария. Увидев Хакстерса, он охнул и, круто повернув влево, бросился бежать.

— Держи вора! — крикнул Хакстерс и пустился вдогонку.

Последующие ощущения мистера Хакстерса были сильны, но мимолетны. Он видел, как вор бежал прямо пред ним по направлению к церкви. Он запомнил мель-

кнущие впереди флаги и толпу гуляющих, причем только двое или трое оглянулись на его крик.

— Держи вора! — завопил он еще громче.

Но не пробежал он и десяти шагов, как что-то ухватило его за ноги, и вот уже он не бежит, а пулей летит по воздуху! Не успел он опомниться, как уже лежал на земле. Мир рассыпался на миллионы кружащихся искр, и дальнейшие события перестали его интересовать.

Глава XI *В трактире «Кучер и кони»*

Чтобы ясно понять все, что произошло в трактире, необходимо вернуться назад, к тому моменту, когда мистер Марвел впервые появился перед окном мистера Хакстера.

В это самое время в гостиной находились мистер Касс и мистер Бантинг. Они самым серьезным образом обсуждали утренние события и с разрешения мистера Холла тщательно исследовали вещи, принадлежавшие Невидимке. Джефферс несколько оправился от своего падения и ушел домой, сопровождаемый заботливыми друзьями. Разбросанная по полу одежда Невидимки была убрана миссис Холл, и комната приведена в порядок. У окна, на столе, за которым приезжий обыкновенно работал, Касс сразу же наткнулся на три рукописные книги, озаглавленные «Дневник».

— Дневник! — воскликнул Касс, кладя все три книги на стол. — Теперь уж мы, во всяком случае, кое-что узнаем.

Викарий подошел и оперся руками на стол.

— Дневник, — повторил Касс, усаживаясь на стул. Он подложил две книги под третью и открыл верхнюю. — Гм... На заглавном листе никакого названия. Футы!.. Цифры. И чертежи.

Викарий обошел стол и заглянул через плечо Касса.

Касс переворачивал страницу одну за другой, и лицо его выражало горькое разочарование.

— Эхма! Тут одни цифры, Бантинг!

— Нет ли тут диаграмм? — спросил Бантинг. — Или рисунков, проливающих свет...

— Посмотрите сами, — ответил Касс. — Тут и математика, и по-русски или еще на каком-то языке (если судить

по буквам), а кое-что написано и по-гречески. Ну, а греческий-то, я думаю, вы уж разберете...

— Конечно,— сказал мистер Бантинг, вынимая очки и протирая их. Он сразу почувствовал себя крайне неловко, ибо от греческого языка в голове у него осталась самая малость.— Да, греческий, конечно, может дать ключ...

— Я сейчас покажу вам место...

— Нет, лучше уж я просмотрю сначала все книги,— сказал мистер Бантинг, все еще протирая очки.— Сначала, Касс, необходимо получить общее представление, а потом уж, знаете, можно будет поискать ключ.

Он кашлянул, медленно надел очки и мысленно пожелал, чтобы что-нибудь случилось и предотвратило его позор. Затем он взял книгу, которую ему передал Касс.

А затем действительно случилось нечто.

Дверь вдруг отворилась.

Касс и викарий вздрогнули от неожиданности, но, подняв глаза, с облегчением увидели красную физиономию под потрепанным цилиндром.

— Распивочная? — прохрипела физиономия, тараща глаза.

— Нет,— ответили в один голос оба джентльмена.

— Это напротив, милейший,— сказал мистер Бантинг.

— И, пожалуйста, закройте дверь,— добавил с раздражением мистер Касс.

— Ладно,— сказал вошедший вполголоса.— Есть! — прохрипел он.— Полный назад! — скомандовал он сам себе, исчезая и закрывая дверь.

— Матрос, наверное,— сказал мистер Бантинг.— Забавный народ. «Полный назад» — слышали? Это, должно быть, морской термин, означающий выход из комнаты.

— Вероятно, так,— сказал Касс.— Вот только нервы у меня ни к черту. Я даже подскочил, когда дверь вдруг открылась.

Мистер Бантинг снисходительно улыбнулся, словно он сам не подскочил точно так же.

— А теперь,— сказал он со вздохом,— займемся книгами.

— Одну секунду,— сказал Касс, вставая и запирая дверь.— Теперь, я думаю, нам никто не помешает.

В этот миг кто-то фыркнул.

— Одно не подлежит сомнению,— заявил мистер Бантинг, придвигая свое кресло к креслу Касса.— В Айпинге за последние дни имели место какие-то странные события, весьма странные. Я, конечно, не верю в эту нелепую басню о Невидимке...

— Это невероятно,— сказал Касс,— невероятно. Но факт тот, что я видел... да, да, я заглянул в рукав...

— Но вы уверены... верно ли, что вы видели? Быть может, там было зеркало... Ведь вызвать оптический обман очень легко. Я не знаю, видели вы когда-нибудь настоящего фокусника...

— Не будем спорить,— сказал Касс.— Ведь мы уже обо всем этом толковали. Обратимся к книгам... Ага, вот это, по-моему, написано по-гречески. Ну, конечно, это греческие буквы.

Он указал на середину страницы. Мистер Бантинг слегка покраснел и склонился над книгой: с его очками, очевидно, опять что-то случилось. Его познания в греческом языке были весьма слабы, но он полагал, что все прихожане считают его знатоком и греческого и древнееврейского. И вот... Неужели сознаться в своем невежестве? Или сочинить что-нибудь? Вдруг он почувствовал какое-то странное прикосновение к своему затылку. Он попробовал поднять голову, но встретил непреодолимое препятствие.

Он испытывал непонятное ощущение тяжести, как будто чья-то крепкая рука пригибала его книзу, так что подбородок коснулся стола.

— Не шевелитесь, милейшие,— раздался шепот,— или я разможу вам головы.

Он взглянул в лицо Касса, близко придвинувшееся к нему, и увидел на нем отражение собственного испуга и безмерного изумления.

— Я очень сожалею, что приходится принимать крутые меры,— сказал Голос,— но это неизбежно.

— С каких это пор вы научились залезать в частные записи исследователей? — сказал Голос, и два подбородка одновременно ударились о стол, а две пары челюстей одновременно щелкнули.

— С каких это пор вы научились вторгаться в комнату человека, попавшего в беду? — И снова удар по столу и щелканье зубов.

— Куда вы дели мое платье?

— А теперь слушайте,— сказал Голос.— Окна закрыты, а из дверного замка я вынул ключ. Человек я очень сильный, и под рукой у меня кочерга, не говоря уж о том, что я невидим. Не подлежит ни малейшему сомнению, что, если б я только захотел, мне не стоило бы никакого труда убить вас обоих и преспокойно удалиться. Понятно? Так вот. Обещаете ли вы не делать глупостей и исполнить все, что я вам прикажу, если я вас не трону?

Викарий и доктор посмотрели друг на друга, и доктор скорчил гримасу.

— Обещаем,— сказал викарий.

— Обещаем,— сказал доктор.

Тогда Невидимка выпустил их, и они выпрямились. Лица у обоих были очень красные, и они усиленно вертели головами.

— Попрошу вас оставаться на местах,— сказал Невидимка.— Видите, вот кочерга. Когда я вошел в эту комнату,— продолжал он, по очереди поднося кочергу к носу своих собеседников,— я не ожидал встретить здесь людей. И, кроме того, я надеялся найти, кроме своих книг, еще платье. Где оно?.. Нет, нет, не вставайте. Я вижу: его унесли отсюда. Хотя дни теперь стоят достаточно теплые для того, чтобы невидимка мог ходить нагишом, по вечерам все же довольно прохладно. Поэтому я нуждаюсь в одежде и в некоторых других вещах. Кроме того, мне нужны эти три книги.

Глава XII *Невидимка приходит в ярость*

Здесь необходимо снова прервать наш рассказ ввиду весьма тягостного обстоятельства, о котором сейчас пойдет речь. Пока в гостиной происходило все описанное выше и пока мистер Хакстерс наблюдал за Марвелом, курившим трубку у ворот, ярдах в двенадцати от него, в распивочной, стояли мистер Холл и мистер Хенффри; озадаченные, они обсуждали единственную айпингскую злобу дня.

Вдруг раздался сильный удар в дверь гостиной, оттуда донесся пронзительный крик, потом все смолкло.

— Эй! — воскликнул Тедди Хенффри.

— Эй! — раздалось в распивочной.

Мистер Холл усваивал происходящее медленно, но верно.

— Там что-то неладно, — сказал он, выходя из-за стойки и направляясь к двери гостиной.

Он и Тедди вместе подошли к двери с напряженным вниманием на лицах. Взгляд у них был задумчивый.

— Что-то неладно, — сказал Холл, и Хенфри кивнул головой в знак согласия.

На них пахнуло тяжелым запахом химикалий, а из комнаты слышался приглушенный разговор, очень быстрый и тихий.

— Что у вас там? — быстро спросил Холл, постучав в дверь.

Приглушенный разговор круто оборвался, на минуту наступило полное молчание, потом снова слышался громкий шепот, после чего раздался крик: «Нет, нет, не надо!» Затем поднялась возня, слышался стук падающего стула и шум короткой борьбы. И снова тишина.

— Что за черт! — воскликнул Хенфри вполголоса.

— Что у вас там? — снова поспешно спросил мистер Холл.

Викарий ответил каким-то странным, прерывающимся голосом:

— Все в порядке. Пожалуйста, не мешайте.

— Странно! — сказал Хенфри.

— Странно! — сказал Холл.

— Просят не мешать, — сказал Хенфри.

— Слышал, — сказал Холл.

— И кто-то фыркнул, — добавил Хенфри.

Они продолжали стоять у дверей, прислушиваясь. Разговор в гостиной возобновился, такой же приглушенный и быстрый.

— Я не могу, — раздался голос мистера Бантинга. — Говорю вам, я не хочу.

— Что такое? — спросил Хенфри.

— Говорит, что не хочет, — сказал Холл. — Кому это он — нам, что ли?

— Возмутительно! — слышался голос мистера Бантинга.

— Возмутительно, — повторил мистер Хенфри. — Я ясно это слышал.

— А кто сейчас говорит?

— Вероятно, мистер Касс, — сказал Холл. — Вы что-нибудь разбираете?

— Куда вы дели мое платье?

— А теперь слушайте, — сказал Голос. — Окна закрыты, а из дверного замка я вынул ключ. Человек я очень сильный, и под рукой у меня кочерга, не говоря уж о том, что я невидим. Не подлежит ни малейшему сомнению, что, если б я только захотел, мне не стоило бы никакого труда убить вас обоих и преспокойно удалиться. Понятно? Так вот. Обещаете ли вы не делать глупостей и исполнить все, что я вам прикажу, если я вас не трону?

Викарий и доктор посмотрели друг на друга, и доктор скорчил гримасу.

— Обещаем, — сказал викарий.

— Обещаем, — сказал доктор.

Тогда Невидимка выпустил их, и они выпрямились. Лица у обоих были очень красные, и они усиленно вертели головами.

— Попрошу вас оставаться на местах, — сказал Невидимка. — Видите, вот кочерга. Когда я вошел в эту комнату, — продолжал он, по очереди поднося кочергу к носу своих собеседников, — я не ожидал встретить здесь людей. И, кроме того, я надеялся найти, кроме своих книг, еще платье. Где оно?.. Нет, нет, не вставайте. Я вижу: его унесли отсюда. Хотя дни теперь стоят достаточно теплые для того, чтобы невидимка мог ходить нагишом, по вечерам все же довольно прохладно. Поэтому я нуждаюсь в одежде и в некоторых других вещах. Кроме того, мне нужны эти три книги.

Глава XII *Невидимка приходит в ярость*

Здесь необходимо снова прервать наш рассказ ввиду весьма тягостного обстоятельства, о котором сейчас пойдет речь. Пока в гостиной происходило все описанное выше и пока мистер Хакстерс наблюдал за Марвелом, курившим трубку у ворот, ярдах в двенадцати от него, в распивочной, стояли мистер Холл и мистер Хенффри; озадаченные, они обсуждали единственную айпингскую злобу дня.

Вдруг раздался сильный удар в дверь гостиной, оттуда донесся пронзительный крик, потом все смолкло.

— Эй! — воскликнул Тедди Хенффри.

— Эй! — раздалось в распивочной.

Мистер Холл усваивал происходящее медленно, но верно.

— Там что-то неладно, — сказал он, выходя из-за стойки и направляясь к двери гостиной.

Он и Тедди вместе подошли к двери с напряженным вниманием на лицах. Взгляд у них был задумчивый.

— Что-то неладно, — сказал Холл, и Хенфри кивнул головой в знак согласия.

На них пахло тяжелым запахом химикалий, а из комнаты слышался приглушенный разговор, очень быстрый и тихий.

— Что у вас там? — быстро спросил Холл, постучав в дверь.

Приглушенный разговор круто оборвался, на минуту наступило полное молчание, потом снова слышался громкий шепот, после чего раздался крик: «Нет, нет, не надо!» Затем поднялась возня, слышался стук падающего стула и шум короткой борьбы. И снова тишина.

— Что за черт! — воскликнул Хенфри вполголоса.

— Что у вас там? — снова поспешно спросил мистер Холл.

Викарий ответил каким-то странным, прерывающимся голосом:

— Все в порядке. Пожалуйста, не мешайте.

— Странно! — сказал Хенфри.

— Странно! — сказал Холл.

— Просят не мешать, — сказал Хенфри.

— Слышал, — сказал Холл.

— И кто-то фыркнул, — добавил Хенфри.

Они продолжали стоять у дверей, прислушиваясь. Разговор в гостиной возобновился, такой же приглушенный и быстрый.

— Я не могу, — раздался голос мистера Бантинга. — Говорю вам, я не хочу.

— Что такое? — спросил Хенфри.

— Говорит, что не хочет, — сказал Холл. — Кому это он — нам, что ли?

— Возмутительно! — слышался голос мистера Бантинга.

— Возмутительно, — повторил мистер Хенфри. — Я ясно это слышал.

— А кто сейчас говорит?

— Вероятно, мистер Касс, — сказал Холл. — Вы что-нибудь разбираете?

Они помолчали. Разговор за дверью становился все невнятной и загадочней.

— Кажется, скатерть сдирают со стола, — сказал Холл.

За стойкой появилась хозяйка. Холл стал знаками внушать ей, чтобы она не шумела и подошла к ним. Это сейчас же пробудило в его супруге дух противоречия.

— Чего это ты там стоишь и слушаешь? — спросила она. — Другого дела у тебя нет, да еще в праздничный день?

Холл пытался объясниться жестами и мимикой, но миссис Холл не желала понимать. Она упорно повышала голос. Тогда Холл и Хенфри, сильно смущенные, на цыпочках подошли к стойке и объяснили ей, в чем дело.

Сначала она вообще отказалась признать что-либо необыкновенное в том, что услышала. Потом потребовала, чтобы Холл замолчал и говорил один Хенфри. Она была склонна считать все это пустяками, — может, они просто передвигали мебель.

— Я слышал, как он сказал «возмутительно», ясно слышал, — твердил Холл.

— И я слышал, миссис Холл, — сказал Хенфри.

— Так это или нет... — начала миссис Холл.

— Тсс! — прервал ее Хенфри. — Слышите — окно?

— Какое окно? — спросила миссис Холл.

— В гостиной, — ответил Хенфри.

Все замолчали, напряженно прислушиваясь, невидящий взор миссис Холл был устремлен на светлый прямоугольник трактирной двери, на белую дорогу и фасад лавки Хакстерса, залитый июньским солнцем. Вдруг дверь лавки распахнулась, и появился сам Хакстерс, размахивая руками, с вытаращенными от волнения глазами.

— Держи вора! — крикнул он и бросился бежать наискось к воротам трактира, где и исчез.

В ту же секунду из гостиной донесся громкий шум и хлопанье затворяемого окна.

Холл, Хенфри и все бывшие в распивочной гурьбой выбежали на улицу. Они увидели, как кто-то быстро кинулся за угол по направлению к проселочной дороге и как мистер Хакстерс совершил в воздухе сложный прыжок, закончившийся падением. Толпа гуляющих застыла в изумлении, несколько человек подбежали к нему.

Мистер Хакстерс был без сознания, как определил склонившийся над ним Хенфри. А Холл с двумя работниками из трактира добежал до угла, выкрикивая что-то нечленораздельное, и они увидели, как Марвел исчез за углом церковной ограды. Они, должно быть, решили, что это и есть Невидимка, внезапно сделавшийся видимым, и пустились вдогонку. Но не успел Холл пробежать и десяти шагов, как, громко вскрикнув от изумления, отлетел в сторону и, ухватившись за одного из работников, грохнулся вместе с ним наземь. Он был сбит с ног, совсем как на футбольном поле сбивают игрока. Второй работник обернулся и, решив, что Холл просто оступился, продолжал преследование один; но тут и он свалился так же, как Хакстерс. В это время первый работник, успевший встать на ноги, получил сбоку такой удар, которым можно было бы свалить быка.

Он упал, и в эту минуту из-за угла показались люди, прибежавшие с лужайки, где происходило гулянье. Впереди всех бежал владелец тира, рослый мужчина в синей фуфайке. Он очень удивился, увидев, что на дороге нет никого, кроме трех человек, нелепо барахтающихся на земле. В ту же секунду с его ногой что-то случилось, он растянулся во всю длину и откатился в сторону, прямо под ноги следовавшего за ним брата и компаньона, отчего и тот распластался на земле. Все бежавшие следом спотыкались о них, падали кучей, валясь друг на друга, и осыпали их отборной руганью.

Когда Холл, Хенфри и работники выбежали из трактира, миссис Холл, наученная долготерпимым опытом, осталась сидеть за кассой. Вдруг дверь гостиницы распахнулась, оттуда выскочил мистер Касс и, даже не взглянув на нее, сбежал с крыльца и понесся за угол дома.

— Держите его! — кричал он. — Не давайте ему выпустить из рук узел! Пока он держит этот узел, его можно видеть!

О существовании Марвела никто не подозревал, так как Невидимка передал тому книги и узел во дворе. Вид у мистера Касса был сердитый и решительный, но в костюме его кое-чего не хватало; по правде говоря, все одеяние его состояло из чего-то вроде легкой белой юбочки, которая могла бы сойти за одежду разве только в Греции.

— Держите его! — вопил он. — Он унес мои брюки! И всю одежду викария!

— Я сейчас доберусь до него! — крикнул он Хенфри, пробегая мимо распростертого на земле Хакстерса и огибая угол, чтобы присоединиться к толпе, гнавшей за Невидимкой, но тут же был сшиблен с ног и шлепнулся на дорогу в самом неприглядном виде. Кто-то тяжело наступил ему на руку. Он взвыл от боли, попытался встать на ноги, снова был сшиблен, упал на четвереньки и наконец убедился, что участвует не в погоне, а в бегстве. Все бежали обратно. Он снова поднялся, но получил здоровый удар по уху. Шатаясь, он повернул к трактиру, перескочив через забытого всеми Хакстерса, который к тому времени уже очнулся и сидел посреди дороги.

Поднимаясь на крыльцо трактира, мистер Касс вдруг услышал позади себя звук громкой оплеухи и яростный крик боли, покрывший разноголосый гам. Он узнал голос Невидимки. Тот кричал так, словно его привела в бешенство неожиданная острая боль.

Мистер Касс кинулся в гостиную.

— Бантинг, он возвращается! — крикнул он, врываясь в комнату. — Спасайтесь! Он сошел с ума!

Мистер Бантинг стоял у окна и мастерил себе костюм из каминного коврика и листа «Западноэрейской газеты».

— Кто возвращается? — спросил он и так вздрогнул, что чуть не растерял весь свой костюм.

— Невидимка! — ответил Касс и подбежал к окну. — Надо убираться отсюда. Он дерется как безумный! Прямо как безумный!

Через секунду он был уже на дворе.

— Господи помилуй! — в ужасе воскликнул Бантинг, не зная, на что решиться.

Но тут из коридора трактира донесся шум борьбы, и это положило конец его колебаниям. Он вылез в окно, наскоро приладил свой костюм и пустился бежать по улице со всей скоростью, на которую только были способны его толстые, короткие ножки.

Начиная с той минуты, как послышался разъяренный крик Невидимки и мистер Бантинг пустился бежать, уже невозможно установить последовательность в ходе айпингских событий. Быть может, первоначально Невидимка хотел только прикрыть отступление Марвела с платьем

и книгами. Но так как он вообще не отличался кротким нравом, да еще случайно угодивший в него удар окончательно вывел его из себя, он стал сыпать ударами направо и налево, колотить всех, кто попадался под руку.

Представьте себе улицу, заполненную бегущими людьми, хлопанье дверей и драку из-за укромных местечек, куда можно было бы спрятаться. Представьте себе, как подействовала эта буря на неустойчивое равновесие доски, положенной на два стула в столовой старика Флетчера, и какая за этим последовала катастрофа. Представьте себе перепуганную парочку, застигнутую бедствием на качелях. А потом буря пронеслась, и айпингская улица, украшенная флагами и гирляндами, опустела: один только Невидимка продолжал бушевать среди раскиданных по земле кокосовых орехов, опрокинутых парусиновых щитов и разбросанных сластей с лотка торговца. Отовсюду доносился стук закрываемых ставней и задвигаемых заставов, и только кое-где, выдавая присутствие людей, мелькал сквозь щелку вытаращенный глаз под испуганно приподнятой бровью.

Невидимка некоторое время забавлялся тем, что бил окна в трактире «Кучер и кони», затем просунул уличный фонарь в окно гостиной миссис Грогрэм. Он же, вероятно, перерезал телеграфный провод за домиком Хиггинса на Эддердинской дороге. А затем, пользуясь своим необыкновенным свойством, бесследно исчез, и в Айпинге о нем больше не было ни слуху ни духу. Он скрылся навсегда.

Но прошло добрых два часа, прежде чем первые смельчаки решились вновь выйти на пустынную айпингскую улицу.

Глава XIII *Мистер Марвел ходатайствует об отставке*

Когда начало смеркаться и жители Айпинга стали боязливо выползать из домов, поглядывая на печальные следы побоища, разыгравшегося в праздничный день, по дороге в Брэмблхерст за буковой рощей тяжело шагал коренастый человек в потрепанном цилиндре. Он нес три книги, перетянутые чем-то вроде эластичной ленты, и какие-то вещи, завязанные в синюю скатерть. Его багровое

лицо выражало уныние и усталось, а в походке была какая-то судорожная торопливость. Его подгонял чей-то голос, и он то и дело корчился от прикосновения невидимых рук.

— Если ты опять удерешь, — сказал Голос, — если ты опять вздумаешь удирать...

— Господи! — простонал Марвел. — И так уж живого места на плече не осталось.

— Я тебя убью, честное слово, — продолжал Голос.

— Я и не думал удирать, — сказал Марвел, чуть не плача. — Клянусь вам. Я просто не знал, где нужно сворачивать, только и всего. И откуда я мог это знать? Мне и так досталось по первое число.

— И достанется еще больше, если ты не будешь слушаться, — сказал Голос, и Марвел сразу замолчал. Он надул щеки, и глаза его красноречиво выражали глубокое отчаяние.

— Хватит с меня, что эти ослы узнали мою тайну, а тут ты еще вздумал улизнуть с моими книгами. Счастье их, что они вовремя попрятались... Иначе... Никто не знал, что я невидим. А теперь что мне делать?

— А мне-то что делать? — пробормотал Марвел.

— Все теперь известно. В газеты еще попадет! Все будут теперь искать меня, будут настороже... — Голос крепко выругался и замолк.

Отчаяние на лице Марвела усугубилось, и он замедлил шаг.

— Ну, пошевеливайся, — сказал Голос.

Промежутки между красными пятнами на лице Марвела посерели.

— Не урони книги, болван, — сердито сказал Голос. — Одним словом, — продолжал он, — мне придется воспользоваться тобой... Правда, орудие неважное, но у меня выбора нет.

— Я жалкое орудие, — сказал Марвел.

— Это верно, — сказал Голос.

— Я самое скверное орудие, какое только вы могли избрать, — сказал Марвел. — Я слабосильный, — продолжал он. — Я очень слабый, — повторил он, не дождавшись ответа.

— Разве?

— И сердце у меня слабое. Ваше поручение я выполнил. Но, уверяю вас, мне казалось, что я вот-вот упаду.

— Да?

— У меня храбрости и силы такой нет, какие вам нужны.

— Я тебя подбодрю.

— Лучше уж не надо! Я не хочу испортить вам все дело, но это может случиться. Вдруг я струхну или расте-ряюсь...

— Уж постарайся, чтобы этого не случилось,— сказал Голос спокойно, но твердо.

— Лучше уж помереть,— сказал Марвел.— И ведь это несправедливо,— продолжал он.— Согласитесь сами... Мне кажется, я имею право...

— Вперед! — сказал Голос.

Марвел прибавил шагу, и некоторое время они шли молча.

— Очень тяжелая работа,— сказал Марвел.

Это замечание не возымело никакого действия. Тогда он решил начать с другого конца.

— А что мне это даст? — заговорил он снова тоном горькой обиды.

— Довольно! — гаркнул Голос.— Я тебя обеспечу. Только делай, что тебе велят. Ты отлично справишься. Хоть ты и дурак, а справишься...

— Говорю вам, мистер, я неподходящий человек для этого. Я не хочу вам противоречить, но это так...

— Заткнись, а не то опять начну выкручивать тебе руку,— сказал Невидимка.— Ты мешаешь мне думать.

Впереди сквозь деревья блеснули два пятна желтого света, и в сумраке стали видны очертания квадратной колокольни.

— Я буду держать руку у тебя на плече,— сказал Голос,— пока мы не пройдем через деревню. Ступай прямо и не вздумай дурить. А то будет худо.

— Знаю,— ответил со вздохом Марвел,— это-то я хорошо знаю.

Жалкая фигура в потрепанном цилиндре прошла со своей ношей по деревянной улице мимо освещенных окон и скрылась во мраке за околицей.

На следующий день в десять часов утра Марвел, небритый, грязный, растрепанный, сидел на скамье у входа в трактирчик в предместье Порт-Стоу; руки он засунул в карманы, и вид у него был крайне усталый, расстроенный и тревожный. Рядом с ним лежали книги, связанные уже веревкой. Узел был оставлен в лесу за Брэмблхерстом в связи с переменой в планах Невидимки. Марвел сидел на скамье, и, хотя никто не обращал на него ни малейшего внимания, волнение его все усиливалось. Руки его то и дело беспокойно шарили по многочисленным карманам.

После того как он просидел так добрый час, из трактира вышел пожилой матрос с газетой в руках и присел рядом с Марвелом.

— Хороший денек, — сказал матрос.

Марвел стал испуганно озираться.

— Превосходный, — подтвердил он.

— Погода как раз по сезону, — продолжал матрос тоном, не допускавшим возражений.

— Вот именно, — согласился Марвел.

Матрос вынул зубочистку и несколько минут был занят исключительно ею. А между тем взгляд его был устремлен на Марвела и внимательно изучал запыленную фигуру и лежавшие рядом книги. Когда матрос подходил к Марвелу, ему показалось, что у того в кармане звенели деньги. Его поразило несоответствие между внешним видом Марвела и этим позвякиванием.

И он заговорил о том, что владело его воображением.

— Книги? — спросил он вдруг, усердно орудуя зубочисткой.

Марвел вздрогнул и посмотрел на связку, лежавшую рядом.

— Да, — сказал он, — да-да, это книги.

— Удивительные вещи можно найти в книгах, — продолжал матрос.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Марвел.

— И не только в книгах, — заметил матрос.

— Правильно, — подтвердил Марвел. Он взглянул на своего собеседника, затем огляделся по сторонам.

— Вот, к примеру сказать, удивительные вещи иногда пишут в газетах, — начал снова матрос.

— Н-да, бывает.

— Вот и в этой газете,— сказал матрос.

— А! — сказал мистер Марвел.

— Вот здесь,— продолжал матрос, не сводя с Марвела упорного и серьезного взгляда,— напечатано про Невидимку.

Марвел скривил рот и почесал щеку, чувствуя, что у него покраснели уши.

— Чего только не выдумают! — сказал он слабым голосом.— Где это, в Австралии или в Америке?

— Ничего подобного,— возразил матрос,— здесь.

— Господи! — воскликнул Марвел, вздрогнув.

— То есть не то чтобы совсем здесь,— пояснил матрос, к величайшему облегчению мистера Марвела,— не на этом самом месте, где мы сейчас сидим, но поблизости.

— Невидимка,— сказал Марвел.— Ну, а что он делает?

— Все,— сказал моряк, внимательно разглядывая Марвела.— Все что угодно,— добавил он.

— Я уже четыре дня не видал газет,— заметил Марвел.

— Сперва он объявился в Айпинге,— сказал матрос.

— Вот как? — сказал Марвел.

— Там он объявился в первый раз,— продолжал матрос,— а откуда он взялся, этого, видно, никто не знает. Вот: «Необыкновенное происшествие в Айпинге». И в газете сказано, что все это точно и достоверно.

— Господи! — воскликнул Марвел.

— Да уж и впрямь удивительная история. И викарий и доктор утверждают, что видели его совершенно ясно... то есть, вернее говоря, не видели. Тут пишут, что он жил в трактире «Кучер и кони», и, верно, никто сперва не подозревал о его несчастье, а потом в трактире случилась драка, и у него с головы сорвали бинты. Тогда-то и заметили, что голова у него невидимая. Тут сказано, что его сразу же хотели схватить, да ему удалось сбросить с себя остальную одежду и скрыться. Правда, ему пришлось выдержать отчаянную борьбу, во время которой он нанес серьезные ранения достойному и почтенному констеблю мистеру Джефферсу. Вот как тут сказано. Все начистоту, а? Имена названы полностью, и все такое.

— Господи! — проговорил Марвел, беспокойно оглядываясь по сторонам и пытаясь ощупью сосчитать деньги в карманах; ему пришла в голову странная и весьма любопытная мысль. — Как все это удивительно! — сказал он.

— Правда ведь? Просто необычайно. Никогда в жизни не слышал о невидимках. Да что говорить: в наше время порой слышишь о таких вещах, что...

— И это все, что он сделал? — спросил Марвел как можно непринужденнее.

— А этого разве мало? — сказал матрос.

— Он не вернулся в Айпинг? — спросил Марвел. — Просто скрылся, и все?

— Все, — сказал матрос. — Мало вам?

— Что вы, более чем достаточно, — проговорил Марвел.

— Еще бы не достаточно, — сказал моряк, — еще бы...

— А товарищей у него не было? Ничего не пишут об этом? — с тревогой спросил Марвел.

— Неужели вам мало одного такого молодца? — спросил матрос. — Нет, слава тебе господи, он был один. — Матрос хмуро покачал головой. — Даже подумать тошно, что он тут где-то околачивается! Он на свободе, и, как пишут в газете, по некоторым данным вполне можно предположить, что он направился в Порт-Стоу. А мы как раз тут! Это уж вам не американское чудо какое-нибудь. Вы подумайте только, что он может тут натворить! Вдруг он выпьет лишнего и вздумает броситься на вас? А если захочет грабить, кто ему помешает? Он может грабить, он может укокошить человека, может красть, может пройти сквозь полицейскую заставу так же легко, как мы с вами можем удрать от слепого. Еще легче! Слепые, говорят, замечательно хорошо слышат. А если он увидел винцо, которое ему пришлось бы по вкусу...

— Да, конечно, положение его очень выгодное, — сказал Марвел. — И...

— Правильно, — сказал матрос, — очень выгодное.

В течение всего этого разговора Марвел не переставал напряженно оглядываться по сторонам, прислушиваясь к едва слышным шагам и стараясь заметить неуловимые движения. Он, по-видимому, готов был принять какое-то важное решение.

Кашлянув в руку, он еще раз оглянулся, прислушался, потом наклонился к матросу и, понизив голос, сказал:

— Факт тот, что я случайно кое-что знаю об этом Невидимке. Из частных источников.

— Ого! — воскликнул матрос. — Вы?

— Да, — сказал Марвел. — Я.

— Вот как! — сказал матрос. — А разрешите спросить...

— Вы будете удивлены, — сказал Марвел, прикрывая рот рукой. — Это изумительно.

— Еще бы! — сказал матрос.

— Дело в том... — начал Марвел доверительным тоном. Но вдруг выражение его лица, как по волшебству, изменилось. — Ой! — простонал он и тяжело заворочался на скамье; лицо его искривилось от боли. — Ой-ой-ой! — простонал он опять.

— Что с вами? — участливо спросил матрос.

— Зубы болят, — сказал Марвел и приложил руку к щеке. Потом быстро взял книги. — Мне, пожалуй, пора, — сказал он и начал как-то странно ерзать на скамейке, удаляясь от своего собеседника.

— Но вы же собирались рассказать мне про Невидимку, — запротестовал матрос.

Марвел остановился в нерешительности.

— Утка, — сказал Голос.

— Это утка, — повторил Марвел.

— Да ведь в газете написано... — возразил матрос.

— Просто утка, — сказал Марвел. — Я знаю, кто все это выдумал. Никакого нет Невидимки. Враки.

— Как же так? Ведь в газете...

— Все враки от начала и до конца, — решительно заявил Марвел.

Матрос встал с газетой в руках и выпучил глаза. Марвел судорожно оглядывался кругом.

— Постойте, — сказал матрос медленно и раздельно. — Вы хотите сказать...

— Да, — сказал Марвел.

— Так какого же черта вы сидели и слушали, что я болтаю? Чего же вы молчали, когда я перед вами тут дурака валял? А?

Марвел надул щеки. Матрос вдруг побагровел и сжал кулаки.

— Я тут, может, десять минут сижу и размазываю эту историю, а ты, толстомордый болван, невежа ты этакий, не мог...

— Пожалуйста, перестаньте ругаться,— сказал Марвел...

— Ругаться! Погоди-ка...

— Идем! — сказал Голос.

Марвела вдруг приподняло, завертело, и он зашагал какой-то странной, дергающейся походкой.

— Убирайся, куда цел,— сказал матрос.

— Это мне-то убираться? — сказал Марвел. Он отступал какой-то неровной, торопливой походкой, почти скачками. Потом что-то забормотал виноватым и вместе с тем обиженным тоном.

— Старый дурак,— сказал матрос; широко расставив ноги и подбоченясь, он глядел вслед удалявшемуся Марвелу. — Вот она, газета, тут все сказано. Я тебе покажу, нахал этакий! Меня не проведешь!

Марвел ответил что-то бессвязное; потом он скрылся за поворотом, а матрос все стоял посреди дороги, пока тележка мясника не заставила его отойти. Тогда он повернул к Порт-Стоу.

— Сколько дураков на свете! — проворчал он. — Видно, хотел подшутить надо мной. Вот осел! Да ведь это в газете напечатано...

Вскоре ему пришлось услышать еще об одном удивительном событии, которое произошло совсем рядом. Это было видение «пригоршни денег» (ни больше ни меньше), путешествовавшей без видимых посредников вдоль стены на углу Сент-Майклс-Лейн. Свидетелем этого поразительного зрелища в то самое утро оказался другой матрос. Он, конечно, попытался схватить деньги, но был тут же сшиблен с ног, а когда вскочил, деньги упорхнули, как бабочка. Наш матрос склонен был, по его собственным словам, многому поверить, но это было уж слишком. Впоследствии он, однако, изменил свое мнение.

История о летающих деньгах была вполне достоверна. В этот день по всей округе, даже из великолепного филиала лондонского банка, из касс трактира и лавок — по случаю теплой погоды двери везде были открыты настежь — деньги спокойно и ловко выскакивали пригорш-

нями и пачками и летали по стенам и закоулкам, быстро ускользая от взоров приближающихся людей. Свое таинственное путешествие деньги заканчивали — хотя никто этого не проследил — в карманах беспокойного человека в потрепанном цилиндре, сидевшего у дверей трактира в предместье Порт-Стоу.

Глава XV *Бегущий человек*

Ранним вечером доктор Кемп сидел в своем кабинете, в башенке дома, стоявшего на холме, откуда открывался вид на Бэрдок. Это была небольшая уютная комната с тремя окнами — на север, запад и юг, со множеством полок, уставленных книгами и научными журналами, и с массивным письменным столом; у северного окна стоял столик с микроскопом, стекляшками, всякого рода мелкими приборами, культурами бактерий и бутылочками, содержащими реактивы. Лампа в кабинете была уже зажжена, хотя лучи заходящего солнца еще ярко освещали небо; шторы были подняты, так как не приходилось опасаться, что кто-нибудь вздумает заглянуть в окно. Доктор Кемп был высокий, стройный молодой человек с льняными волосами и светлыми, почти белыми усами. Работе, которой он был сейчас занят, доктор придавал большое значение, рассчитывая попасть благодаря ей в члены Королевского научного общества.

Случайно подняв глаза от работы, он увидел пламенеющий закат над холмом против окна. С минуту, быть может, рассеянно прикусив кончик ручки, он любовался золотым сиянием над вершиной холма; затем внимание его привлекла маленькая черная фигурка, двигавшаяся по холму к его дому. Это был низенький человечек в цилиндре, и бежал он с такой быстротой, что ноги его так и мелькали в воздухе.

«Еще один осел, — подумал доктор Кемп. — Вроде того, который налетел на меня сегодня утром с криком: «Невидимка идет!» Не понимаю, что творится с людьми. Можно подумать, что мы живем в тринадцатом веке».

Он встал, подошел к окну и стал смотреть на холм, окутанный сумраком, и на темную фигуру бегущего человека.

— Видно, он отчаянно торопится, — сказал доктор Кемп, — но от этого что-то мало толку. Он бежит так тяжело, как будто карманы у него набиты свинцом. Ходу, сэр, ходу! — сказал доктор Кемп.

Через минуту одна из вилл на склоне холма со стороны Бэрдока скрыла бегущего из виду. Но через минуту он снова появился в просвете между виллами, потом опять скрылся и опять появился, и так три раза, пока не исчез окончательно.

— Ослы! — сказал доктор Кемп и, отвернувшись от окна, снова направился к письменному столу.

Но те, кому случилось быть в это время на дороге и видеть вблизи бегущего человека, видеть выражение дикого ужаса на его мокром от пота лице, не разделяли презрительного скептицизма доктора. Человек бежал, и от него при этом исходил звон, как от туго набитого кошелька, который бросают то туда, то сюда. Он не оглядывался ни направо, ни налево, он смотрел испуганными глазами прямо перед собой, туда, где у подножия холма один за другим вспыхивали фонари и толпился народ. Его уродливая нижняя челюсть отвисла, на губах выступила пена, дышал он хрипло и громко. Все прохожие останавливались, начинали оглядывать дорогу и с беспокойством расспрашивали друг друга, чем может быть вызвано столь поспешное бегство.

Вдруг в отдалении, на вершине холма, собака, резвившаяся на дороге, завизжала, кинулась в подворотню, и, пока прохожие недоумевали, мимо них пронеслось что-то: не то ветер, не то шлепанье ног, не то звук тяжелого дыхания.

Люди закричали. Люди шарахнулись в сторону. С воплем кинулись под гору. Их крики уже раздавались на улице, когда Марвел был еще на середине холма. Добежав до дому, они лихорадочно запирали за собой двери и, еле переводя дух, сообщали страшную весть. Марвел слышал хлопанье дверей и бежал из последних сил.

Ужас пронесся мимо него, опередил его и в одно мгновение охватил весь город.

«Невидимка идет! Невидимка!..»

Кабачок «Веселые крикетисты» находился у самого подножия холма, там, где начинается линия конки. Хозяин кабачка, опершись толстыми красными руками о стойку, разговаривал о лошадях с худосочным извозчиком, а чернобородый человек, одетый в серое, уплетал сухари с сыром, потягивал вино и беседовал с полисменом, только что сменившимся с дежурства. Судя по акценту, это был американец.

— Что это за крики? — сказал извозчик, вдруг прервав разговор и стараясь поверх грязной, желтой занавески на низеньком окне кабачка рассмотреть тянувшуюся вверх по холму дорогу. Кто-то пробежал по улице мимо дверей.

— Уж не пожар ли? — сказал хозяин.

Послышались приближающиеся шаги; кто-то тяжело бежал. С шумом распахнулась дверь, и в комнату влетел Марвел, плачущий, без шляпы, с разорванным воротником. Судорожно обернувшись, он попытался закрыть дверь, но ему помешал ремень, которым она была привязана к стене.

— Идет! — завизжал Марвел не своим голосом. — Он идет, Невидимка! Гонится за мной! Ради бога... Спасите! Спасите! Спасите!

— Закройте дверь, — сказал полисмен. — Кто идет? В чем дело? — Он подошел к двери, отцепил ремень, и дверь захлопнулась. Американец закрыл вторую дверь.

— Пустите меня за стойку, — сказал Марвел, дрожа и плача, но крепко прижимая к себе книги. — Пустите меня. Спрячьте где-нибудь. Говорят вам, он гонится за мной. Я сбежал от него. Он сказал, что убьет меня. И убьет.

— Вам нечего бояться, — сказал чернобородый. — Двери заперты. А в чем дело?

— Спрячьте меня, — повторил Марвел и вдруг взвизгнул от страха: дверь затряслась от сильного удара, потом снаружи послышался торопливый стук и крики.

— Эй! — закричал полицейский. — Кто там?

Марвел, как безумный, заметался по комнате в поисках выхода.

— Он убьет меня! — кричал он. — У него нож! Ради бога!

— Вот, — сказал хозяин, — идите сюда. — И он откинул стойку.

Марвел бросился к нему. Стук в дверь возобновился.

— Не открывайте! — закричал Марвел. — Пожалуйста, не открывайте! Куда мне спрятаться?

— Так это, значит, Невидимка? — спросил чернобородый, заложив одну руку за спину. — Я думаю, пора уж и посмотреть на него.

Вдруг окно кабачка разлетелось вдребезги, и снаружи послышались крики и беготня. Полисмен, встав на скамейку и высунув голову в окно, старался разглядеть, что делается у дверей. Потом слез и сказал, озадаченно подняв брови:

— Это он.

Хозяин постоял перед дверью в соседнюю комнату, где заперли Марвела, поглядел на разбитое окно и подошел к своим посетителям.

Все вдруг затихло.

— Жаль, что у меня нет при себе дубинки, — сказал полисмен, нерешительно подходя к двери. — Как откроем дверь, так он сейчас и войдет. Ничем его не остановишь.

— А вы не очень торопитесь открывать дверь, — боязливо сказал худосочный извозчик.

— Отодвиньте засов, — сказал чернобородый. — Пусть только войдет... — И он показал револьвер, который держал в руке.

— Это не годится, — сказал полицейский, — может выйти убийство.

— Я знаю, в какой стране нахожусь, — возразил чернобородый. — Я буду целиться в ноги. Отодвиньте засов.

— А если вы угодите мне в спину? — сказал хозяин, выглядывая из-под занавески в окно.

— Ладно, — бросил чернобородый и, нагнувшись, сам отодвинул засов, держа револьвер наготове. Хозяин, извозчик и полисмен повернулись лицом к двери.

— Войдите, — негромко сказал чернобородый, отступая на шаг и глядя на открытую дверь; револьвер он держал за спиной. Но никто не вошел, и дверь не открылась. Когда минут пять спустя другой извозчик осторожно заглянул в кабачок, то все они еще стояли в выжидательных позах, а из соседней комнаты выглядывала бледная, испуганная физиономия.

— Все ли двери в доме заперты? — спросил Марвел. — Он где-нибудь тут, вынюхивает. Ведь он хитер, как черт.

— Боже мой! — воскликнул хозяин. — А задняя дверь! Вы тут посторожите. Вот ведь... — Он беспомощно огляделся. Дверь в соседнюю комнату захлопнулась, и ключ щелкнул в замке. — Дверь во двор и отдельный ход! Дверь во двор...

Он выбежал из комнаты.

Через минуту он вернулся с кухонным ножом в руках.

— Дверь во двор открыта! — сказал он, и его толстая нижняя губа отвисла.

— Может, он уже в доме? — сказал первый извозчик.

— В кухне его нет, — сказал хозяин. — Там две служанки, и я по всей кухне прошел вот с этим ножом, ни одного уголка не пропустил. Они тоже говорят, что он не входил. Они ничего не заметили...

— Вы заперли дверь? — спросил первый извозчик.

— Не маленький, слава богу, — ответил хозяин.

Чернобородый спрятал револьвер. Но в ту же секунду хлопнула откидная доска стойки, загремела задвижка, громко затрещал замок, и дверь в соседнюю комнату распахнулась настежь. Они услышали, как Марвел взвизгнул, точно пойманный заяц, и кинулись за стойку к нему на помощь. Чернобородый выстрелил, зеркало в соседней комнате треснуло, осколки со звоном разлетелись по полу.

Вбежав в комнату, хозяин увидел, что Марвел корчится и барахтается перед дверью, которая вела через кухню во двор. Пока хозяин стоял в нерешительности, дверь открылась и Марвела втащили в кухню. Оттуда послышались крики и грохот падающих кастрюль. Марвел, нагнув голову, упирался, но его все же дотащили до двери во двор. Засов отодвинулся.

Полисмен, протиснувшись мимо хозяина, вбежал на кухню, сопровождаемый одним из извозчиков, и схватил кисть невидимой руки, которая держала за шиворот Марвела, но тут же получил удар в лицо, пошатнулся и отступил. Дверь раскрылась, и Марвел сделал отчаянную попытку спрятаться за ней. В это время извозчик что-то схватил.

— Я держу его! — закричал извозчик. Красные руки хозяина вцепились в невидимое.

— Поймал! — крикнул он.

Марвел, выпущенный из невидимых рук, упал на пол и попытался проползти между ногами боровшихся людей. Борьба сосредоточилась у двери. Впервые раздался голос Невидимки — он громко вскрикнул, так как полисмен наступил ему на ногу. Затем послышалось яростное рычание, и Невидимка заработал кулаками, точно цепами. Извозчик вдруг взвыл и скрючился, получив удар под ложечку. Дверь, которая вела в комнаты, захлопнулась и прикрыла отступление Марвела. Люди топтались в тесной кухне, пока вдруг не заметили, что борются с пустотой.

— Куда он сбежал? — крикнул чернобородый.

— Сюда, — сказал полисмен, выходя во двор и останавливаясь.

Кусок черепицы пролетел над его ухом и упал на кухонный стол, уставленный посудой.

— Я ему покажу! — крикнул чернобородый.

Над плечом полисмена блеснула сталь, и в сумрак, в ту сторону, откуда была брошена черепица, вылетели одна за другой пять пуль. Стреляя, чернобородый описывал рукой дугу по горизонтали так, что выстрелы веером ложились по тесному дворику.

Наступила тишина.

— Пять пуль, — сказал чернобородый. — Это красиво! Козырная игра! Дайте-ка фонарь и пойдемте искать тело.

Глава XVII *Гость доктора Кемпа*

Доктор Кемп продолжал писать в своем кабинете, пока звук выстрелов не привлек его внимания. «Паф-паф-паф» — щелкали они один за другим.

— Ого! — воскликнул доктор, снова прикусив ручку и прислушиваясь. — Кто это в Бэрдоке палит из револьвера? Что еще эти ослы выдумали?

Он подошел к южному окну, открыл его и, высунувшись, стал вглядываться в ночной город — сеть освещенных окон, газовых фонарей и витрин с черными промежутками крыш и дворов.

— Как будто там, под холмом, у «Крикетистов», собралась толпа, — сказал он, всматриваясь. Затем взгляд его

устремился туда, где светились огни судов и пристань, — небольшое, ярко освещенное строение сверкало, точно желтый алмаз. Молодой месяц восходил к западу от холма, а звезды сияли, почти как под тропиками.

Минут через пять, в течение которых мысль его уносились к социальным условиям будущего и блуждала в дебрях беспредельных времен, доктор Кемп вздохнул, опустил окно и вернулся к письменному столу.

Приблизительно через час после этого у входной двери позвонили. С тех пор как доктор Кемп услышал выстрелы, работа его шла вяло, он то и дело отвлекался и задумывался. Когда раздался звонок, он оставил работу и прислушался. Он слышал, как прислуга пошла открывать дверь, и ждал ее шагов на лестнице, но она не пришла.

— Кто бы это мог быть? — сказал доктор Кемп.

Он попытался снова приняться за работу, но это ему не удавалось. Тогда он встал, вышел из кабинета и спустился по лестнице на площадку. Там он позвонил и, когда в холле внизу появилась горничная, спросил ее, перегнувшись через перила:

— Письмо принесли?

— Нет, случайный звонок, сэр, — ответила горничная.

«Я что-то нервничаю сегодня», — сказал Кемп про себя.

Он вернулся в кабинет, решительно принялся за работу и через несколько минут был уже весь поглощен ею. Тишину в комнате нарушало лишь тиканье часов да поскрипывание пера, бегавшего по бумаге в самом центре светлого круга, отбрасываемого лампой на стол.

Было два часа ночи, когда доктор Кемп решил, что на сегодня хватит. Он встал, зевнул и спустился вниз, в свою спальню. Он снял уже пиджак и жилет, как вдруг почувствовал, что ему хочется пить. Взяв свечу, он спустился в столовую, чтобы поискать там содовой воды и виски.

Научные занятия сделали доктора Кемпа весьма наблюдательным; возвращаясь из столовой, он заметил темное пятно на линолеуме, возле циновки, у самой лестницы. Он поднялся уже наверх, как вдруг задал себе вопрос, откуда могло появиться это пятно. Это была, очевидно, подсознательная мысль. Но как бы то ни было, он вернулся в холл, поставил сифон и виски на столик и, нагнувшись, стал рассматривать пятно. Без особого удивления

он убедился, что оно липкое и темно-красное, совсем как подсыхающая кровь.

Прихватив сифон и бутылку с виски, он поднялся наверх, внимательно глядя по сторонам и пытаясь объяснить себе, откуда могло появиться кровавое пятно. На площадке он остановился и в изумлении уставился на дверь своей комнаты: ручка двери была в крови.

Он взглянул на свою руку. Она была совершенно чистая, и тут он вспомнил, что, когда вышел из кабинета, дверь в его спальню была открыта, следовательно, он к ручке совсем не прикасался. Он твердым шагом вошел в спальню. Лицо у него было совершенно спокойное, разве только несколько более решительное, чем обыкновенно. Взгляд его, внимательно пройдя по комнате, упал на кровать. На одеяле темнела лужа крови, простыня была разорвана. Войдя в комнату в первый раз, он этого не заметил, так как направился прямо к туалетному столику. В одном месте постель была смята, как будто кто-то только что сидел на ней.

Тут ему почудилось, что чей-то голос негромко воскликнул: «Боже мой! Да ведь это Кемп!» Но доктор Кемп не верил в таинственные голоса.

Он стоял и смотрел на смятую постель. Должно быть, ему просто послышалось. Он снова огляделся, но не заметил ничего подозрительного, кроме смятой и запачканной кровью постели. Тут он ясно услышал какое-то движение в углу комнаты, возле умывальника. В душе всякого человека, даже самого просвещенного, гнездятся какие-то неуловимые остатки суеверия. Жуткое чувство охватило доктора Кемпа. Он затворил дверь спальни, подошел к комоду и поставил на него сифон. Вдруг он вздрогнул: в воздухе между ним и умывальником висела окровавленная повязка.

Пораженный, он стал вглядываться. Повязка была пустая, аккуратно сделанная, но совершенно пустая. Он хотел подойти и схватить ее, но что-то прикосновение остановило его, и он совсем рядом услышал голос:

— Кемп!

— А? — сказал Кемп, разинув рот.

— Не пугайтесь, — продолжал Голос. — Я Невидимка. Кемп некоторое время молча глядел на повязку.

— Невидимка? — сказал он наконец.

— Невидимка, — повторил Голос.

Кемпу сразу вспомнилась история, которую он так усердно высмеивал еще сегодня утром. Но в эту минуту он, по-видимому, не очень испугался и удивился. Только впоследствии он мог дать себе отчет в своих чувствах.

— Я считал, что все это выдумка, — сказал он. При этом у него в голове вертелись доводы, которые он приводил утром. — Вы в повязке? — спросил он.

— Да, — ответил Невидимка.

— О! — взволнованно сказал Кемп. — Вот так штука! — Но тут же спохватился. — Вздор. Фокус какой-нибудь. — Он быстро шагнул вперед, и рука его, протянутая к повязке, встретила невидимые пальцы.

При этом прикосновении он отпрянул и изменился в лице.

— Ради бога, Кемп, не пугайтесь. Мне так нужна помощь! Пойдите!

Невидимая рука схватила Кемпа за локоть. Кемп ударил по ней.

— Кемп! — крикнул Голос. — Кемп, успокойтесь! — И рука Невидимки еще крепче сжала его локоть.

Бешеное желание высвободиться овладело Кемпом. Перевязанная рука вцепилась ему в плечо, и вдруг Кемп был сшиблен с ног и брошен навзничь на кровать. Он открыл рот, чтобы крикнуть, но в ту же секунду край простыни очутился у него между зубами. Невидимка держал его крепко, но руки у Кемпа были свободны, и он неистово колотил ими куда попало.

— Будьте благоразумны, — сказал Невидимка, который, несмотря на сылавшиеся на него удары, крепко держал Кемпа. — Ради бога, не выводите меня из терпения. Лежите смирно, болван вы этакий! — проревел Невидимка в самое ухо Кемпа.

Еще с минуту Кемп продолжал барахтаться, потом затих.

— Если вы крикнете, я разможду вам голову, — сказал Невидимка, вынимая простыню изо рта Кемпа. — Я Невидимка. Это не выдумка и не фокус. Я действительно Невидимка. И мне нужна ваша помощь. Я не причиню вам никакого вреда, если вы не будете вести себя, как обалделый мужлан. Неужели вы меня не помните, Кемп? Я Гриффин, мы же вместе учились в университете.

— Дайте мне встать,— сказал Кемп.— Я никуда не убегу. И дайте мне минуту посидеть спокойно.

Он сел на кровати и пощупал затылок.

— Я Гриффин, учился в университете вместе с вами. Я сделал себя невидимым. Я самый обыкновенный человек, которого вы знали, но только невидимый.

— Гриффин? — переспросил Кемп.

— Да, Гриффин,— ответил Голос.— В университете я был на курс моложе вас, белокурый, почти альбинос, шести футов росту, широкоплечий, лицо розовое, глаза красные. Получил награду за работу по химии.

— Ничего не понимаю,— сказал Кемп,— в голове у меня совсем помутилось. При чем тут Гриффин?

— Гриффин — это я.

Кемп задумался.

— Это ужасно,— сказал он.— Но какая чертовщина может сделать человека невидимым?

— Никакой чертовщины. Это вполне логичный и довольно несложный процесс...

— Это ужасно,— сказал Кемп.— Но каким образом?

— Да, ужасно. Но я ранен, мне больно, и я устал. О господи, Кемп, будьте мужчиной! Отнеситесь к этому спокойно. Дайте мне поесть и напиться, а пока что я присяду.

Кемп глядел на повязку, двигавшуюся по комнате; затем он увидел, как плетеное кресло протащилося по полу и остановилось возле кровати. Оно затрещало, и сиденье опустилось на четверть дюйма. Кемп протер глаза и снова пощупал затылок.

— Это почище всяких привидений,— сказал он и глупо рассмеялся.

— Вот так-то лучше. Слава богу, вы становитесь благо-разумным.

— Или глупею,— сказал Кемп и снова протер глаза.

— Дайте мне виски. Я сле дышу.

— Этого я бы не сказал. Где вы? Если я встану, то не наткнусь на вас? Ага, вы тут. Ладно. Виски?.. Пожалуйста. Куда же мне подать его вам?

Кресло затрещало, и Кемп почувствовал, что стакан берут у него из рук. Он выпустил его не без усилия, невольно опасаясь, что стакан разобьется. Стакан повис

в воздухе, дюймах в двадцати над креслом. Кемп глядел на стакан в полном недоумении.

— Это... Ну, конечно, это гипноз... Вы, должно быть, внушили мне, что вы невидимы.

— Чушь! — сказал Голос.

— Но ведь это — безумие!

— Выслушайте меня.

— Только сегодня я привел неоспоримые доказательства, — начал Кемп, — что невидимость...

— Плюньте на все доказательства, — прервал его Голос. — Я умираю с голоду, и для человека, совершенно раздетого, здесь довольно прохладно.

— Он чувствует голод! — сказал Кемп.

Стакан виски опрокинулся.

— Да, — сказал Невидимка, со стуком ставя стакан. — Нет ли у вас халата?

Кемп пробормотал что-то вполголоса и, подойдя к платяному шкафу, вынул оттуда темно-красный халат.

— Подойдет? — спросил он.

Халат взяли у него из рук. С минуту он висел неподвижно в воздухе, затем как-то странно заколыхался, вытянулся во всю длину и, застегнувшись на все пуговицы, опустился в кресло.

— Хорошо бы кальсоны, носки и туфли, — отрывисто произнес Невидимка. — И поесть.

— Все, что угодно. Но со мной в жизни не случилось ничего более нелепого.

Кемп достал из комода вещи, которые просил Невидимка, и спустился в кладовку. Он вернулся с холодными котлетами и хлебом и, пододвинув небольшой столик, расставил все это перед гостем.

— Обойдусь и без ножа, — сказал Невидимка, и котлета повисла в воздухе; послышалось чавканье.

— Я всегда предпочитал сперва одеться, а потом уже есть, — сказал Невидимка с набитым ртом, жадно глотая хлеб с котлетой. — Странная прихоть!

— Рука, по-видимому, действует? — сказал Кемп.

— Будьте спокойны, — сказал Невидимка.

— И все-таки как это странно!..

— Вот именно. Но самое странное то, что я попал именно к вам, когда мне понадобилась перевязка. Это моя первая удача! Впрочем, я все равно решил переноче-

вать в этом доме. Вам не отвертеться! Страшно неудобно, что кровь мою видно, правда? Целая лужа натекла. Должно быть, она становится видимой по мере свертывания. Мне удалось изменить лишь живую ткань, я невидим, только пока жив... Уж три часа, как я здесь.

— Но как вы это сделали? — начал Кемп раздраженно. — Черт знает что! Вся эта история от начала до конца — сплошная нелепость.

— Напрасно вы так думаете, — сказал Невидимка. — Все это совершенно разумно.

Он протянул руку и взял бутылку с виски. Кемп с изумлением глядел на халат, поглощавший виски. Свет свечи, проходя сквозь дырку на правом плече халата, образовал светлый треугольник.

— Что это были за выстрелы? — спросил Кемп. — Отчего началась пальба?

— Там был один дурак, мой случайный компаньон, черт бы его побрал, который хотел украсть мои деньги. И украл-таки.

— Тоже невидимка?

— Нет.

— Ну, а дальше что?

— Нельзя ли мне еще чего-нибудь поесть, а? Потом я все расскажу по порядку. Я голоден, и рука болит. А вы хотите, чтобы я вам рассказывал!

Кемп встал.

— Значит, это не вы стреляли? — спросил он.

— Нет, — ответил гость. — Стрелял наобум какой-то идиот, которого я прежде никогда и в глаза не видел. Они перепугались. Меня все пугаются. Черт бы их побрал. Но вот что, Кемп, я есть хочу.

— Пойду поищу, нет ли внизу еще чего-нибудь съестного, — сказал Кемп. — Боюсь, что найдется не много.

Покончив с едой — а поел он основательно, — Невидимка попросил сигару. Он жадно откусил кончик, прежде чем Кемп успел разыскать нож, и выругался, когда снаружи отстал листок табака. Странно было видеть, как он курил: рот, горло, зев и ноздри проступали, словно слепок, сделанный из клубящегося дыма.

— Славная штука табак! — сказал он, глубоко затянувшись. — Мне повезло, что я попал к вам, Кемп. Вы должны помочь мне. Подумать только, в нужный момент

я натолкнулся на вас! Я в отчаянном положении. Я был как помешанный. Чего только я не перенес! Но теперь у нас дело пойдет. Уж поверьте...

Он выпил еще виски с содовой. Кемп встал, осмотрелся и принес из соседней комнаты еще стакан для себя.

— Все это дико... но, пожалуй, я тоже выпью.

— Вы почти не изменились, Кемп, за эти двенадцать лет. Блондины мало меняются. Все такой же хладнокровный и методичный... Я должен вам все объяснить. Мы будем работать вместе!

— Но как это вам удалось? — спросил Кемп. — Как вы стали таким?

— Ради бога, дайте мне спокойно покурить. Потом я вам все расскажу.

Но в эту ночь он не рассказал ничего. У него разболелась рука, его стало лихорадить, он очень ослабел. Ему все время мерещилась погоня на холме и драка возле кабачка. Он начал было рассказывать, но сразу отвлекся. Он бессвязно говорил о Марвеле, судорожно затягивался, и в голосе его слышалось раздражение. Кемп старался извлечь из его рассказа все, что мог.

— Он меня боялся... Я видел, что он меня боится, — снова и снова повторял Невидимка. — Он хотел удрать от меня, только об этом и думал. Какого я дурака свалиял! Ах, негодяй! Надо было убить его...

— Где вы достали деньги? — вдруг спросил Кемп.

Невидимка помолчал.

— Сегодня я не могу вам сказать, — ответил он.

Он вдруг застонал и сгорбился, схватившись невидимыми руками за невидимую голову.

— Кемп, — сказал он, — я не сплю уже третьи сутки, за все это время мне удалось вздремнуть час-другой, не больше. Я должен выспаться.

— Хорошо, — сказал Кемп. — Располагайтесь тут, в моей комнате.

— Но разве мне можно спать? Если я засну, он удерет. Эх! Ладно, все равно!

— Рана серьезная? — отрывисто спросил Кемп.

— Пустяки, царапина. Господи, как спать хочется!

— Так ложитесь.

Невидимка, казалось, смотрел на Кемпа.

— У меня нет ни малейшего желания быть пойманным моими ближними, — медленно проговорил он.

Кемп вздрогнул.

— Ох и дурак же я! — воскликнул Невидимка, ударив кулаком по столу. — Сам подал вам эту мысль.

Глава XVIII *Невидимка спит*

Несмотря на усталость и рану, Невидимка все же не положился на слово Кемпа, что на свободу его не будет никаких посягательств. Он осмотрел оба окна спальни, поднял шторы и открыл ставни, чтобы убедиться, что в случае надобности этим путем можно бежать. За окнами стояла мирная ночная тишина. Над холмами висел месяц. Затем Невидимка осмотрел замок спальни и двери уборной и ванной, чтобы убедиться, что и отсюда он может ускользнуть. Наконец он заявил, что удовлетворен. Он стоял перед камином, и Кемп услышал звук зевка.

— Мне очень жаль, — сказал Невидимка, — что я не могу сейчас рассказать вам обо всем, что я сделал. Но я положительно выбился из сил. Это нелепо, спору нет. Это чудовищно. Но верьте мне, Кемп, это вполне возможно. Я сделал открытие. Я думал сохранить его в тайне. Но это немыслимо. Мне необходим помощник. А вы... Чего только мы не сможем сделать!.. Впрочем, оставим все это до завтра. Теперь, Кемп, я должен заснуть, иначе я умру.

Кемп стоял посреди комнаты, глядя на безголовый халат.

— Ладно, я оставлю вас, — сказал он. — Но это невероятно. Еще парочка таких фактов, переворачивающих вверх дном все мои теории, и я сойду с ума. И все же, по-видимому, это так! Не надо ли вам еще чего-нибудь?

— Только чтоб вы пожелали мне спокойной ночи, — сказал Гриффин.

— Спокойной ночи, — сказал Кемп и пожал невидимую руку.

Он боком пошел к двери. Вдруг халат быстро приблизился к нему.

— Помните, — произнес Невидимка. — Никаких попыток поймать или задержать меня. Не то...

Кемп слегка изменился в лице.

— Ведь я, кажется, дал вам слово, — сказал он.

Кемп вышел, тихонько притворил за собой дверь, и ключ немедленно щелкнул в замке. Пока Кемп стоял, не двигаясь, с выражением покорного удивления на лице, раздали быстрые шаги, и дверь ванной также оказалась запертой. Кемп хлопнул себя рукой по лбу.

— Сплю я, что ли? Весь мир сошел с ума, или это я помешался? — Он засмеялся и потрогал запертую дверь. Изгнан из собственной спальни — и кем? Призраком. Вопиющая нелепость!

Он подошел к верхней ступеньке лестницы, оглянулся и снова посмотрел на запертые двери.

— Неоспоримый факт, — произнес он, дотрагиваясь до слегка ноющего затылка. — Да, неоспоримый факт. Но... — Он безнадежно покачал головой, повернулся и спустился вниз.

Он зажег лампу в столовой, взял сигару и начал шагать по комнате, то бормоча что-то бессвязное, то громко споря сам с собой.

— Невидимка! — сказал он. — Может ли быть невидимое существо? В море — да. Там таких существ тысячи, миллионы! Все крохотные науплиусы и торнарии, все микроорганизмы... а медузы! В море невидимых существ больше, чем видимых! Прежде я никогда об этом не думал... А в прудах! Все эти крохотные организмы, живущие в прудах, — кусочки бесцветной, прозрачной слизи... Но в воздухе? Нет! Это невозможно. А впрочем, почему бы и нет? Будь человек сделан из стекла — и то он был бы видим.

Кемп глубоко задумался. Три сигары обратились в белый пепел, рассыпанный по ковру, прежде чем он заговорил снова. Или, вернее, вскрикнул. Затем он вышел из комнаты, прошел в свою приемную и зажег там газовый рожок. Комната была небольшая. Так как доктор Кемп не занимался практикой, там лежали газеты. Утренний номер, развернутый, валялся на столе. Он схватил газету, быстро просмотрел ее и начал читать сообщение о «Необычайном происшествии в Айпинге», с таким усердием пересказанное Марвелу матросом в Порт-Стоу. Кемп быстро пробежал эти строки.

— Закутан! — воскликнул он. — Переодет! Скрывает свою тайну. По-видимому, никто не знал о его злоключениях! Что у него, черт возьми, на уме? — Он бросил газету

и пошарил глазами по столу. — Ага! — сказал он и схватил «Сент-Джеймс газетт», которая была еще не развернута. — Сейчас узнаем всю правду, — сказал он и развернул газету. В глаза ему бросились два столбца. «Целая деревня в Сассексе сошла с ума!» — гласил заголовок. — Боже милостивый! — воскликнул Кемп, жадно читая скептический отчет о вчерашних событиях в Айпинге, описанных нами выше. Заметке предшествовало сообщение, перепечатанное из утренней газеты.

Кемп перечитал все сначала. «Бежал по улице, рассыпая удары направо и налево. Джефферс в бессознательном состоянии. Мистер Хакстерс получил серьезные увечья и не может ничего сообщить из того, что видел. Тяжкое оскорбление, нанесенное викарию. Женщина заболела от страха. Окна перебиты. Вся эта необычайная история, вероятно, выдумка, но так хороша, что ее нельзя не напечатать».

Кемп выронил газету и тупо уставился в одну точку.

— Вероятно, выдумка! — повторил он.

Потом схватил газету и еще раз перечел все от начала до конца.

— Но откуда взялся бродяга? Какого черта он гнался за бродягой?

Кемп бессильно опустил в хирургическое кресло.

— Он не только невидимка, — сказал он, — но и помешанный! У него мания убийства!..

Когда взошла заря и бледные лучи ее смешались в столовой со светом газового рожка и сигарным дымом, Кемп все еще шагал из угла в угол, стараясь понять непостижимое.

Он был слишком взволнован, чтобы думать о сне. Заспанные слуги, застав его утром в таком виде, подумали, что на него плохо подействовали усиленные занятия. Он отдал необычайное, но совершенно ясное распоряжение сервировать завтрак на двоих в кабинете наверху, а затем уйти вниз и больше наверху не показываться. Он продолжал шагать по столовой, пока не подали утреннюю газету. О Невидимке говорилось многословно, но новым было только очень бестолковое сообщение о вчерашних событиях в кабачке «Веселые крикетисты». Тут Кемпу впервые попало упоминание о Марвеле. «Он силой держал меня при себе целые сутки», — заявил Марвел. Отчет об

айпингских событиях был дополнен некоторыми мелкими фактами, в частности, упоминалось о повреждении телеграфного провода. Но во всех этих сообщениях не было ничего, что проливало бы свет на взаимоотношения между Невидимкой и бродягой, ибо мистер Марвел умолчал о трех книгах и о деньгах, которыми были набиты его карманы. Скептического тона как не бывало, и целая армия репортеров уже принялась за тщательное исследование.

Кемп внимательно прочел все сообщение до последней строчки и послал горничную купить все утренние газеты, какие только она сможет достать. Потом он жадно прочитал и их.

— Он невидим! — сказал Кемп. — И если судить по газетам, то ярость его граничит с помешательством. Чего только он не натворит! Чего только не натворит! Ведь он там, наверху, и свободен, как ветер. Что мне делать? Можно ли назвать предательством, если я... Нет!

Он подошел к маленькому, заваленному бумагами столу в углу и начал писать записку. Написав несколько строк, он разорвал ее и написал другую. Перечел и задумался. Потом взял конверт и написал адрес: «Полковнику Эдаю, Порт-Бэрдок».

Невидимка проснулся как раз в ту минуту, когда Кемп запечатывал письмо. Он проснулся в дурном настроении, и Кемп, который чутко прислушивался ко всем звукам, услышал яростное шлепанье ног в спальне наверху. Затем раздался стук упавшего стула и звон разбитого стакана. Кемп поспешил наверх и нетерпеливо постучал в дверь спальни.

Глава XIX *Некоторые основные принципы*

— Что случилось? — спросил Кемп, когда Невидимка впустил его в комнату.

— Да ничего, — ответил он.

— А шум почему?

— Припадок раздражительности, — сказал Невидимка. — Забыл про свою руку, а она болит.

— Вы, по-видимому, подвержены такого рода вспышкам?

— Да.

Кемп прошел через комнату и подобрал осколки разбитого стакана.

— Про вас теперь все известно, — сказал Кемп. — Все, что случилось в Айпинге и внизу, в кабачке. Мир узнал о своем невидимом гражданине. Но никто не знает, что вы тут.

Невидимка выругался.

— Тайна раскрыта, — продолжал Кемп. — Ведь это была тайна, я полагаю? Не знаю, что вы намерены делать, но, разумеется, я готов помочь вам.

Невидимка сел на кровать.

— Наверху сервирован завтрак, — сказал Кемп, стараясь говорить непринужденным тоном, и с удовольствием заметил, что его странный гость охотно встал при этих словах. Кемп повел его по узкой лестнице наверх.

— Прежде чем мы с вами что-либо предпримем, — сказал Кемп, — я хотел бы узнать поподробней, как это вы стали невидимым.

И, бросив быстрый, беспокойный взгляд в окно, Кемп уселся с видом человека, которому предстоит долгая и основательная беседа. У него снова промелькнула мысль, что все происходящее — нелепость, бред, но мысль эта сейчас же исчезла, как только он взглянул на Гриффина: безголовый, безрукий халат сидел за столом и вытирал невидимые губы чудом державшейся в воздухе салфеткой.

— Это очень просто и вполне доступно, — сказал Гриффин, отложив в сторону салфетку и подперев невидимую голову невидимой рукой.

— Для вас, конечно, но... — Кемп засмеялся.

— Ну да, и мне это, конечно, сначала казалось волшебством, но теперь... Боже милостивый! Нам предстоят великие дела. Впервые эта идея возникла у меня в Чезилстоу.

— В Чезилстоу?

— Я переехал туда из Лондона. Вы знаете, я ведь бросил медицину и занялся физикой. Не знали? Ну так вот. Меня увлекла проблема света.

— А-а!..

— Оптическая непроницаемость! Весь этот вопрос — сплошная сеть загадок, сквозь нее лишь смутно просвечивает неуловимое решение. А мне тогда было все-

го двадцать два года, и я был энтузиаст, вот и сказал себе: «Этому вопросу я посвящу свою жизнь. Тут есть над чем поработать». Вы ведь знаете, каким бываешь дураком в двадцать два года.

— Неизвестно, быть может, мы теперь еще глупее, — заметил Кемп.

— Как будто знание может удовлетворить человека! Но я принялся за дело и работал как каторжный. Прошло полгода усиленного труда и раздумий — вот сквозь туманную завесу блеснул ослепительный свет. Я нашел общий закон пигментов и преломлений света — формулу, геометрическое выражение, включающее четыре измерения. Дураки, обыкновенные люди, даже обыкновенные математики и не подозревают, какое значение может иметь для изучающего молекулярную физику общее выражение. В книгах — в тех книгах, которые украл этот бродяга, — есть чудеса, магические числа! Но это не был еще метод, это была идея, которая могла привести к методу. А при помощи этого метода оказалось бы возможным, не изменяя свойств материи — за исключением цвета в некоторых случаях, — свести коэффициент преломления некоторых веществ, твердых или жидких, к коэффициенту преломления воздуха.

Кемп присвистнул.

— Это любопытно. Но все же мне не совсем ясно... Я понимаю, что таким путем вы могли бы испортить драгоценный камень, но сделать человека невидимым, до этого еще далеко.

— Безусловно, — сказал Гриффин. — Однако подумайте: видимость зависит от того, как видимое тело реагирует на свет. Давайте уж я начну с азов, тогда вы лучше поймете дальнейшее. Вы прекрасно знаете, что тела либо поглощают свет, либо отражают, либо преломляют его, или, может быть, все вместе. Если тело не отражает, не преломляет и не поглощает света, то оно не может быть видимо само по себе. Так, например, вы видите непрозрачный красный ящик только потому, что он поглощает некоторую долю света и отражает остальное, а именно — все красные лучи. Если бы ящик не поглощал некоторой доли света, а отражал бы его весь, то он был бы блестящим, белым. Вспомните серебро! Алмазный ящик не поглощал бы много света, и вместе с тем его поверх-

ность отражала бы мало света, но в отдельных местах, в зависимости от расположения плоскостей, свет отражался и преломлялся бы, и мы видели бы блестящую паутину сверкающих отражений и прозрачных плоскостей, нечто вроде светового скелета. Стекланный ящик столь отчетливо видим, как алмазный, потому что в нем меньше плоскостей отражения и преломления. Понятно? Под известным углом зрения такой ящик будет прозрачным; некоторые сорта стекла более видимы, чем другие; хрустальный ящик блеснул бы сильнее, чем ящик из обыкновенного оконного стекла. Ящик из очень тонкого обыкновенного стекла было бы очень трудно различить при плохом освещении, потому что он не поглощает почти никаких лучей и отражает и преломляет совсем мало света. Если вы положите кусок обыкновенного стекла в воду или, еще лучше, в какую-нибудь жидкость, более плотную, чем вода, то вы стекла почти совсем не увидите, потому что свет, переходя из воды в стекло, преломляется и отражается очень слабо и вообще не подвергается почти никакому воздействию. Стекло в таком случае столь же невидимо, как струи углекислоты или водорода в воздухе. И по той же причине.

— Да, — сказал Кемп, — все это ясно. В таких вещах теперь разбирается каждый школьник.

— А вот еще один факт, в котором разберется всякий школьник. Если разбить кусок стекла и мелко истолочь его, оно станет гораздо более заметным в воздухе и превратится в белый непрозрачный порошок. Это происходит потому, что превращение стекла в порошок увеличивает число плоскостей преломления и отражения. В стеклянной пластинке имеется всего две поверхности, в порошке же каждая крупинка представляет собой плоскость преломления и отражения света, и сквозь порошок света проходит очень мало. Но если белый стеклянный порошок высыпать в воду, то он почти совершенно исчезает. Стеклянный порошок и вода имеют почти одинаковый коэффициент преломления, и свет, переходя из одной среды в другую, почти не преломляется и не отражается. Вы делаете стекло невидимым, помещая его в жидкость с приблизительно таким же коэффициентом преломления; всякая прозрачная вещь делается невидимой, если поместить ее в среду, обладающую одинаковым с ней ко-

эффицентом преломления. И если вы чуточку подумаете, то поймете, что стеклянный порошок можно сделать невидимым и в воздухе, если только удастся довести коэффициент преломления света в нем до коэффициента преломления света в воздухе. Ибо в таком случае при переходе света из воздуха в порошок он не будет ни отражаться, ни преломляться.

— Все это так, — сказал Кемп. — Но ведь человек — не стеклянный порошок!

— Нет, — сказал Гриффин. — Он прозрачнее.

— Ерунда!

— И это говорит врач! Как легко все забывается! Неужели за десять лет вы успели перезабыть все, что знали из физики? А вы подумайте, сколько существует прозрачных веществ, которые вовсе не кажутся прозрачными. Бумага, например, состоит из прозрачных волокон, и если она представляется нам белой и непрозрачной, то это происходит по той же самой причине, по которой нам кажется белым и непрозрачным толченное стекло. Промаслите белую бумагу, заполните все поры между частицами бумаги маслом так, чтобы преломление и отражение света происходило только на поверхности, и бумага делается такой же прозрачной, как стекло. И не только бумага, но и волокна хлопка, льна, шерсти, дерева, а также — заметьте это, Кемп! — и кости, мышцы, волосы, ногти и нервы. Одним словом, весь человеческий организм состоит из прозрачных бесцветных тканей, за исключением красных кровяных шариков и темного пигмента волос; вот как мало нужно, чтобы мы могли видеть друг друга. По большей части ткани живого существа не менее прозрачны, чем вода.

— Верно, верно, — воскликнул Кемп, — только сегодня ночью я думал о морских личинках и медузах!

— Вот-вот! Теперь вы меня поняли! И все это я знал и продумал уже через год после отъезда из Лондона, шесть лет назад. Но я ни с кем не поделился своими мыслями. Мне пришлось работать в очень тяжелых условиях. Оливер, мой профессор, был мужлан в науке, человек, падкий до чужих идей, — он вечно за мной шпионил! Вы ведь знаете, какое жульничество царит в научном мире. Я не хотел публиковать свое открытие и делиться с ним славой. Я продолжал работать и все ближе подходил

к превращению своей теоретической формулы в эксперимент, в реальный опыт. Я никому не сообщал о своих работах, хотел ослепить мир своим открытием и сразу стать знаменитым. Я занялся вопросом о пигментах, чтобы заполнить некоторые пробелы. И вдруг, по чистой случайности, сделал открытие в области физиологии.

— Да?

— Вам известно красное вещество, окрашивающее кровь. Так вот: оно может стать белым, бесцветным, сохраняя в то же время все свои свойства!

У Кемпа вырвался возглас изумления.

Невидимка встал и зашагал по тесному кабинету.

— Вы поражены, я понимаю. Помню ту ночь. Было очень поздно — днем мешали работать безграмотные студенты, смотревшие на меня, разинув рот, и я иной раз засиживался до утра. Открытие это осенило меня внезапно, оно появилось во всем своем блеске и завершенности. Я был один, в лаборатории царила тишина, сверху ярко горели лампы. В знаменательные минуты своей жизни я всегда оказываюсь один. «Можно сделать животное — его ткань — прозрачным! Можно сделать его невидимым! Все, кроме пигментов. Я могу стать невидимкой!» — сказал я, вдруг осознав, что значит быть альбиносом, обладая таким знанием. Я был ошеломлен. Я бросил фильтрование, которым был занят, и подошел к большому окну. «Я могу стать невидимкой», — повторил я, глядя в усеянное звездами небо.

Сделать это — значит превзойти магию и волшебство. И я, свободный от всяких сомнений, стал рисовать себе великолепную картину того, что может дать человеку невидимость: таинственность, могущество, свободу. Обратной стороны медали я не видел. Подумайте только! Я, жалкий, нищий ассистент, обучающий дураков в провинциальном колледже, могу сделаться всемогущим. Скажите сами, Кемп, вот если бы вы... Всякий, поверьте, ухватился бы за такое открытие. Я работал еще три года, и за каждым препятствием, которое я с таким трудом преодолевал, возникало новое! Какая бездна мелочей, и к тому же ни минуты покоя! Этот провинциальный профессор вечно подглядывает за тобой! Зудит и зудит: «Когда же вы наконец опубликуете свою работу?» А студенты, а ну-жда! Три года такой жизни... Три года я работал скрыва-

ясь, в непрестанной тревоге и наконец понял, что закончить мой опыт невозможно... невозможно...

— Почему? — спросил Кемп.

— Деньги... — ответил Невидимка и стал глядеть в окно.

Вдруг он резко обернулся.

— Тогда я ограбил своего старика, ограбил родного отца... Деньги были чужие, и он застрелился.

Глава XX *В доме на Грейт-Портленд-стрит*

С минуту Кемп сидел молча, глядя в спину стоявшей у окна безголовой фигуры. Потом вздрогнул, пораженный какой-то мыслью, встал, взял Невидимку за руку и отвел от окна.

— Вы устали, — сказал он. — Я сижу, а вы все время ходите. Сядьте в мое кресло.

Сам он сел между Гриффином и ближайшим окном.

Гриффин опустил в кресло, помолчал немного, затем опять быстро заговорил:

— Когда это случилось, я уже расстался с колледжем в Чезилстоу. Это было в декабре прошлого года. Я снял комнату в Лондоне, большую комнату без мебели в огромном запущенном доме, в глухом квартале на Грейт-Портленд-стрит. Комната скоро заполнилась всевозможными аппаратами, которые я купил на отцовские деньги, и я продолжал работу, успешно подвигаясь к цели. Я был как человек, выбравшийся из густой чащи и неожиданно втянутый в какую-то нелесную трагедию. Я поехал на похороны отца. Я весь был поглощен своими опытами и палец о палец не ударил, чтобы спасти его репутацию. Помню похороны, дешевый гроб, убогую процессию, поднимающуюся по склону холма, холодный, пронизывающий ветер... старый университетский товарищ отца совершил над ним последний обряд, — жалкий, черный, скрюченный старик, страдавший насморком.

Помню, я возвращался с кладбища в опустевший дом по местечку, которое некогда было деревней, а теперь, на скорую руку перестроенное и залатанное, стало безобразным подобием города. Все дороги, по какой ни пойдешь, ве-

ли на изрытые окрестные поля и обрывались среди груд щебня и густых сорняков. Помню, как я шагал по скользкому блестящему тротуару — мрачная черная фигура — и какое странное чувство отчужденности я испытывал в этом ханжеском, торгашеском городишке.

Смерть отца ничуть меня не огорчила. Он казался мне жертвой своей собственной глупой чувствительности. Всеобщее лицемерие требовало моего присутствия на похоронах, в действительности же это меня мало касалось.

Но, идя по главной улице, я припомнил на миг свое прошлое. Я увидел девушку, которую знал десять лет назад. Наши глаза встретились...

Сам не знаю, почему я вернулся и заговорил с ней. Она оказалась самым заурядным существом.

Все мое пребывание на старом пепелище было как сон. Я не чувствовал тогда, что я одинок, что я перешел из живого мира в пустыню. Я сознавал, что потерял интерес к окружающему, но приписывал это пустоте жизни вообще. Вернуться в свою комнату значило для меня вновь обрести подлинную действительность. Здесь было все то, что я знал и любил: аппараты, подготовленные опыты. Почти все препятствия были уже преодолены, оставалось лишь обдумать некоторые детали.

Когда-нибудь, Кемп, я опишу вам все эти сложнейшие процессы. Не станем сейчас входить в подробности. По большей части, за исключением некоторых сведений, которые я предпочитаю хранить в памяти, все это записано шифром в тех книгах, которые утащил бродяга. Мы должны изловить его. Мы должны вернуть эти книги. Главная задача заключалась в том, чтобы поместить прозрачный предмет, коэффициент преломления которого требовалось понизить, между двумя светоизлучающими центрами эфирной вибрации, — о ней я расскажу вам после. Нет, это не рентгеновские лучи. Не знаю, описывал ли кто-нибудь те лучи, о которых я говорю. Но они существуют, это несомненно. Я пользовался двумя небольшими динамо-машинами, которые приводил в движение при помощи дешевого газового двигателя. Первый свой опыт я проделал над куском белой шерстяной материи. До чего же странно было видеть, как эта белая мягкая материя постепенно таяла, как струя пара, и затем совершенно исчезла!

Мне не верилось, что я это сделал. Я сунул руку в пустоту и нащупал материю, столь же плотную, как и раньше. Я нечаянно дернул ее, и она упала на пол. Я не сразу ее нашел.

А потом я проделал следующий опыт. Я услышал у себя за спиной мяуканье, обернулся и увидел на водосточной трубе за окном белую кошку, тощую и ужасно грязную. Меня словно осенило. «Все готово для тебя», — сказал я, подошел к окну, открыл его и ласково позвал кошку. Она вошла в комнату, мурлыча, — бедняга, она чуть не подыхала от голода, и я дал ей молока. Вся моя провизия хранилась в буфете, в углу. Вылакав молоко, кошка стала разгуливать по комнате, обнюхивая все углы, — очевидно, она решила, что здесь будет ее новый дом. Невидимая тряпка несколько встревожила ее — слышали бы вы, как она зафыркала! Я устроил ее очень удобно на своей складной кровати. Угостил маслом, чтобы она дала вымыть себя.

— И вы подвергли ее опыту?

— Да, но напоить кошку снадобьями — это не шутка, Кемп! И опыт мой не совсем удался.

— Не совсем?

— По двум пунктам. Во-первых, когти, а во-вторых, пигмент — забыл его название — на задней стенке глаза у кошек, помните?

— Tarpetum.

— Вот именно, tarpetum. Этот пигмент не исчезал. После того, как я ввел ей средство для обесцвечивания крови и проделал над ней разные другие процедуры, я дал ей опиума и вместе с подушкой, на которой она спала, поместил ее у аппарата. И потом, когда все обесцветилось и исчезло, остались два небольших пятна — ее глаза.

— Любопытно!

— Я не могу этого объяснить. Конечно, она была забинтована и связана, и я не боялся, что она убежит, но она проснулась, когда превращение еще не совсем закончилось, стала жалобно мяукать, и тут раздался стук в дверь.

Стучала старуха, жившая внизу и подозревавшая меня в том, что я занимаюсь вивисекцией, — пьяница, у которой на свете ничего и никого не было, кроме этой кошки. Я поспешил прибегнуть к помощи хлороформа. Кошка

замолчала, и я приоткрыл дверь. «Это у вас кошка мяукала? — спросила она. — Уж не моя ли!» — «Вы ошиблись, здесь нет никакой кошки», — ответил я очень любезно. Она не очень-то мне поверила и попыталась заглянуть в комнату. Должно быть, странной ей показалась моя комната: голые стены, окна без занавесей, складная кровать, газовый двигатель в действии, свечение аппарата и слабый дурманящий запах хлороформа. Удовлетворившись этим, она отправилась восвояси.

— Сколько времени нужно на это? — спросил Кемп.

— На опыт с кошкой ушло часа три-четыре. Последними исчезли кости, сухожилия и жир, а также кончики окрашенных волосков шерсти. Но, как я уже сказал, радужное вещество на задней стенке глаза не исчезло.

Когда я закончил опыт, уже наступила ночь; ничего не было видно, кроме туманных пятен на месте глаз и когтей. Я остановил двигатель, нащупал и погладил кошку, которая еще не очнулась, и, развязав ее, оставил спать на невидимой подушке, а сам, чувствуя смертельную усталость, лег в постель. Но уснуть я не мог. В голове проносились смутные, бессвязные мысли. Снова и снова перебирал я все подробности только что произведенного опыта или же забывался лихорадочным сном, и мне казалось, что все окружающее становится смутным, расплывается, и наконец сама земля исчезает у меня из-под ног, и я проваливаюсь, падаю куда-то, как бывает только в кошмаре... Около двух часов ночи кошка проснулась и стала бегать по комнате, жалобно мяукая. Я пытался успокоить ее ласковыми словами, а потом решил выгнать. Помню, как я был потрясен, когда зажег спичку, — я увидел два круглых светящихся глаза и вокруг них — ничего. Я хотел дать ей молока, но его не оказалось. А она все не успокаивалась, села у самых дверей и продолжала мяукать. Я старался поймать ее, чтобы выпустить из окна, но она не давалась в руки и все исчезала. То тут, то там в разных концах комнаты раздавалось ее мяуканье. Наконец я открыл окно и стал метаться по комнате. Вероятно, она испугалась и выскочила в окно. Больше я ее не видел и не слышал.

Потом, бог весть почему, я стал вспоминать похороны отца, холодный ветер, дувший на склоне холма... Так продолжалось до самого рассвета. Чувствуя, что мне не за-

снуть, я встал и, заперев за собой дверь, отправился бродить по тихим утренним улицам.

— Неужели вы думаете, что и сейчас по свету гуляет невидимая кошка? — спросил Кемп.

— Если только ее не убили, — ответил Невидимка. — А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — повторил Кемп и извинился: — Простите, что я прервал вас.

— Вероятно, ее убили, — сказал Невидимка. — Четыре дня спустя она была еще жива — это я знаю точно: она, очевидно, сидела под забором на Грейт-Тичфилд-стрит, там собралась толпа зевак, старавшихся понять, откуда слышится мяуканье.

С минуту он молчал, потом снова быстро заговорил:

— Я очень ясно помню это утро. Я, вероятно, прошел всю Грейт-Портленд-стрит. Помню казармы на Олбэни-стрит и выезжавших оттуда кавалеристов. В конце концов я очутился на вершине Примроз-Хилл; я чувствовал себя совсем больным. Был солнечный январский день; в тот год снег еще не выпал, и погода стояла ясная, морозная. Я устало размышлял, стараясь охватить положение, наметить план действий.

Я с удивлением убедился, что теперь, когда я почти достиг заветной цели, это совсем меня не радует. Я был слишком утомлен; от страшного напряжения почти четырехлетней непрерывной работы все мои чувства притупились. Мной овладела апатия, и я тщетно пытался вернуть горение первых дней работы, вернуть то страстное стремление к открытиям, которое дало мне силу хладнокровно погубить старика отца. Я потерял интерес ко всему. Но я понимал, что это — преходящее состояние, вызванное переутомлением и бессонницей, и что если не лекарства, так отдых вернет мне прежнюю энергию.

Ясно я сознавал только одно: дело необходимо довести до конца. Навязчивая идея все еще владела мной. И сделать это надо как можно скорей, ведь я уже истратил почти все деньги. Я оглянулся кругом, посмотрел на играющих детей и следивших за ними нянек и начал думать о тех фантастических преимуществах, которыми может пользоваться невидимый человек. Я вернулся домой, немного поел, принял большую дозу стрихнина и лег спать, не раздеваясь, на неубранной постели. Стрихнин,

Кемп, — замечательное укрепляющее средство, он не дает человеку упасть духом.

— Дьявольская штука, — сказал Кемп. — Он превращает вас в такого первобытного дикаря.

— Я проснулся, ощущая прилив сил, но и какое-то раздражение. Вам знакомо это состояние?

— Знакомо.

— Кто-то постучал в дверь. Это был домохозяин, пришедший с угрозами и расспросами, старый польский еврей в длинном сером скюртуке и стоптанных туфлях. Я ночью мучил кошку, уверял он; старуха, очевидно, успела уже все разболтать. Он требовал, чтобы я объяснил ему, в чем дело. Вивисекция строго запрещена законом, ответственность может пасть и на него. Я утверждал, что никакой кошки у меня не было. Тогда он заявил, что запах газа от двигателя чувствуется по всему дому. С этим я, конечно, согласился. Он все вертелся вокруг меня, стараясь прошмыгнуть в комнату, заглядывая туда сквозь свои очки в серебряной оправе, и вдруг меня охватил страх, как бы он не проник в мою тайну. Я поспешил встать между ним и аппаратом, но это только подстегнуло его любопытство. Чем я занимаюсь? Почему я всегда один и скрываюсь от людей? Не занимаюсь ли я чем-нибудь преступным? Не опасно ли это? Ведь я ничего не плачу, кроме обычной квартирной платы. Его дом всегда пользовался хорошей репутацией, в то время как соседние дома этим похвастать не могут. Наконец я потерял терпение. Попросил его убраться. Он запротестовал, что-то бормотал про свое право входить ко мне, когда ему угодно. Еще секунда — и я схватил его за шиворот... Что-то с треском порвалось, и он пулей вылетел в коридор. Я захлопнул за ним дверь, запер ее на ключ и, весь дрожа, опустился на стул.

Хозяин еще некоторое время шумел за дверью, но я не обращал на него внимания, и он скоро ушел.

Это происшествие принудило меня к решительным действиям. Я не знал ни того, что он намерен делать, ни что он вправе сделать. Переезд на новую квартиру означал бы задержку в моей работе, а денег у меня в банке осталось всего двадцать фунтов. Нет, никакой проволоочки я не мог допустить. Исчезнуть! Искушение было неоодоли-

мо. Но тогда начнется следствие, комнату мою разграбят...

Одна мысль о том, что работу мою могут предать огласке или прервать в тот момент, когда она почти закончена, привела меня в ярость и вернула мне энергию. Я поспешно вышел со своими тремя томами заметок и чековой книжкой — теперь все это находится у того бродяги — и отправил их из ближайшего почтового отделения в контору хранения писем и посылок на Грейт-Портленд-стрит. Я постарался выйти из дому как можно тише. Вернувшись, я увидел, что мой домохозяин не спеша поднимается по лестнице, — он, очевидно, слышал, как я запираю дверь. Вы бы расхохотались, если б увидели, как он шарахнулся, когда я догнал его на площадке. Он бросил на меня испепеляющий взгляд, но я пробежал мимо него и влетел к себе в комнату, хлопнув дверью так, что весь дом задрожал. Я слышал, как он, шаркая туфлями, доплелся до моей двери, немного постоял перед ней, потом спустился вниз. Я немедленно стал готовиться к опыту.

Все было сделано в течение этого вечера и ночи. В то время, когда я еще находился под одурманивающим действием снадобий, принятых мной для обесцвечивания крови, кто-то стал стучаться в дверь. Потом стук прекратился, шаги начали удаляться, но вот снова приблизились, и стук в дверь повторился. Кто-то попытался что-то просунуть под дверь — какую-то синюю бумажку. Терпение мое лопнуло, я вскочил, подошел к двери и распахнул ее настежь. «Ну, что еще там?» — спросил я.

Это оказался хозяин, он принес мне повестку о высылении или что-то в этом роде. Он протянул мне бумагу, но, по-видимому, его чем-то удивили мои руки, и он взглянул мне в лицо.

С минуту он стоял, разинув рот, потом выкрикнул что-то нечленораздельное, уронил свечу и бумагу и, спотыкаясь, бросился бежать по темному коридору к лестнице. Я закрыл дверь, запер ее на ключ и подошел к зеркалу. Тогда я понял его ужас. Лицо у меня было белое, как мрамор.

Но я не ожидал, что мне придется так сильно страдать. Это было ужасно. Вся ночь прошла в страшных муках, тошноте и обмороках. Я стискивал зубы, все тело

горело, как в огне, но я лежал неподвижно, точно мертвый. Тогда-то я понял, почему кошка так мяукала, пока я не захлороформировал ее. К счастью, я жил один, без прислуги. Были минуты, когда я плакал, стонал, разговаривал сам с собой. Но я выдержал все... Я потерял сознание и очнулся только среди ночи, совсем ослабевший.

Боли я уже не чувствовал. Я решил, что умираю, но отнесся к этому совершенно равнодушно. Никогда не забуду этого рассвета, не забуду жути, охватившей меня при виде моих рук, словно сделанных из дымчатого стекла и постепенно, по мере наступления дня, становившихся все прозрачнее и тоньше, так что я мог видеть сквозь них все предметы, в беспорядке разбросанные по комнате, хотя и закрывал свои прозрачные веки. Тело мое сделалось как бы стеклянным, кости и артерии постепенно бледнели, исчезали: последними исчезли тонкие нити нервов. Я скрипел зубами, но выдержал до конца... И вот остались только мертвенно-белые кончики ногтей и бурое пятно какой-то кислоты на пальце.

С большим трудом поднялся я с постели. Сначала я чувствовал себя беспомощным, как грудной младенец, ступая ногами, которых не видел. Я был очень слаб и голоден. Подойдя к зеркалу, перед которым я обыкновенно брился, я увидел пустоту, в которой еле-еле можно было еще различить туманные следы пигмента на сетчатой оболочке глаз. Я схватился за край стола и прижался лбом к зеркалу.

Только отчаянным напряжением воли я заставил себя вернуться к аппарату и закончить процесс.

Я проспал все утро, закрыв лицо простыней, чтобы защитить глаза от света; около полудня меня снова разбудил стук в дверь. Силы вернулись ко мне. Я сел, прислушался и услышал шепот. Я вскочил и принялся без шума разбирать аппарат, рассовывая отдельные части его по разным углам, чтобы невозможно было догадаться об его устройстве. Снова раздался стук, и послышались голоса — сначала голос хозяина, а потом еще два, незнакомые. Чтобы выиграть время, я ответил им. Мне попались под руку невидимая тряпка и подушка, и я выбросил их через окно на соседнюю крышу. Когда я открывал окно, дверь оглушительно затрещала. По-видимому, кто-то налег на нее плечом, надеясь высадить замок. Крепкие засовы,

приделанные мной за несколько дней до этого, не поддавались. Однако сама попытка встревожила и возмутила меня. Весь дрожа, я стал торопливо заканчивать свои приготовления.

Я собрал в кучу валявшиеся на полу черновики записей, немного соломы, оберточную бумагу и тому подобный хлам и открыл газ. В дверь посыпались тяжелые и частые удары. Я никак не мог найти спички. В бешенстве я стал колотить по стене кулаком. Я снова завернул газовый рожок, вылез из окна на соседнюю крышу, очень тихо опустил раму и сел — в полной безопасности, невидимый, но дрожа от гнева и нетерпения. Я видел, как от двери оторвали доску, затем отбили скобы засовов и в комнату вошли хозяин и два его пасынка — два дюжих парня двадцати трех и двадцати четырех лет. Следом за ними семенила старая ведьма, жившая внизу.

Можете себе представить их изумление, когда они нашли комнату пустой. Один из парней сразу подбежал к окну, открыл его и стал оглядываться кругом. Его толстогубая бородатая физиономия с выпученными глазами была от меня на расстоянии фута. Меня так и подмывало хватить кулаком по этой глупой роже, но я сдержался. Он глядел прямо сквозь меня, как и все остальные, которые подошли к нему. Старик вернулся в комнату и заглянул под кровать, а потом все они бросились к буфету. Затем они стали горячо обсуждать происшествие, мешая еврейский жаргон с жаргоном лондонских предместий. Они пришли к заключению, что я вовсе не отвечал на стук и что им это только почудилось. Мой гнев уступил место чувству необычайного торжества: я сидел за окном и спокойно следил за этими четырьмя людьми — старуха тоже вошла в комнату, по-кошачьи подозрительно озираясь, — пытавшимися разрешить загадку моего поведения.

Старик, насколько я мог понять его двуязычный жаргон, соглашался со старухой, что я занимаюсь вивисекцией. Пасынки возражали на ломаном английском языке, утверждая, что я электротехник, и в доказательство ссылались на динамо-машины и излучающие аппараты. Они все побаивались моего возвращения, хотя, как я узнал впоследствии, заперли наружную дверь. Старуха шарила в буфете и под кроватью, а на площадке лестницы появился один из моих соседей по квартире, уличный раз-

носчик, живший вместе с мясником в комнате напротив. Его также пригласили в мою комнату и наговорили ему невесть что.

Мне пришло в голову, что если мои аппараты попадут в руки наблюдательного и толкового специалиста, то они слишком многое откроют ему; поэтому, улучив минуту, я влез в комнату, разъединил динамо-машины и разбил оба аппарата. До чего же они переполошились! Затем, пока они старались объяснить себе это, я выскользнул из комнаты и тихонько спустился вниз.

Я вошел в гостиную и стал ожидать их возвращения; вскоре они пришли, все еще обсуждая происшествие и стараясь найти ему объяснение. Они были немного разочарованы, не найдя никаких «ужасов», и в то же время сильно смущены, не зная, насколько законно они действовали по отношению ко мне. Как только они спустились вниз, я снова пробрался к себе в комнату, захватив коробку спичек, зажег бумагу и мусор, придвинул к огню стулья и кровать, при помощи гуттаперчевой трубки подвел к пламени газ и простился с комнатой.

— Вы подожгли дом?! — воскликнул Кемп.

— Да. Это было единственное средство замести следы, а дом, безусловно, был застрахован... Я отодвинул засов наружной двери и вышел на улицу. Я был невидим и еще только начинал сознавать, какие преимущества это давало мне. Сотни самых дерзких и фантастических планов возникали в моем мозгу, и от сознания полной безнаказанности кружилась голова.

Глава XXI *На Оксфорд-стрит*

Спускаясь в первый раз по лестнице, я натолкнулся на неожиданное затруднение: ходить, не видя своих ног, оказалось делом нелегким, несколько раз я даже споткнулся. Кроме того, я ощутил какую-то непривычную неловкость, когда взялся за дверной засов. Однако, перестав глядеть на землю, я скоро научился сносно ходить по ровному месту.

Настроение у меня, как я уже сказал, было восторженное. Я чувствовал себя точно зрячий в городе слепых, расхаживающий в мягких туфлях и бесшумных одеждах. Меня все время подмывало подшучивать над людьми, пугать их, хлопать по плечу, сбивать с них шляпы и вообще

упиваться необычайным преимуществом своего положения.

Но едва я очутился на Портленд-стрит (я жил рядом с большим мануфактурным магазином), как услышал звон и почувствовал сильный толчок в спину. Обернувшись, я увидел человека, несшего корзину сифонов с содовой водой и в изумлении глядевшего на свою ношу. Удар был очень чувствительный, но человек этот выглядел так комично, что я громко расхохотался. «В корзине черт сидит», — сказал я и неожиданно выхватил ее у него из рук. Он покорно выпустил ее, и я поднял корзину на воздух.

Но тут какой-то болван извозчик, стоявший в дверях пивной, подскочил и хотел схватить корзину, и его протянутая рука угодила мне под ухо, причинив мучительную боль. Я выпустил корзину, которая с треском и звоном упала у ног извозчика, и только среди крика и топота убежавших из лавок людей, среди остановившихся экипажей сообразил, что я наделал. Проклиная свое безумие, я прислонился к окну лавки и стал выжидать случая незаметно выбраться из сутолоки. Еще минута — и меня втянули бы в толпу, где мое присутствие было бы обнаружено. Я толкнул мальчишку из мясной лавки, к счастью, не заметившего, что его толкнула пустота, и спрятался за пролеткой извозчика. Не знаю, как они распутали эту историю. Я перебежал улицу, на которой, к счастью, не оказалось экипажей, и, напуганный разыгравшимся скандалом, торопливо шел, не разбирая дороги, пока не попал на Оксфорд-стрит, где в вечерние часы всегда полно народу.

Я пытался слиться с потоком людей, но толпа была слишком густа, и через минуту мне стали наступать на пятки. Тогда я спустился в водосточную канаву. Мне было больно ступать босиком, и через минуту оглоблей ехавшей мимо кареты мне угодило под лопатку, по тому самому месту, которое уже ушибли корзиной. Я кое-как уклонился от кареты, судорожным движением избежал столкновения с детской коляской и очутился позади какой-то пролетки. Счастливая мысль спасла меня: я пошел следом за медленно двигавшейся пролеткой, не отставая от нее ни на шаг. Мое приключение, принявшее столь неожиданный оборот, начинало пугать меня. И я дрожал не

только от страха, но и от холода. В этот ясный январский день я был совершенно голый, а тонкий слой грязи на мостовой почти замерз. Как это ни глупо, но я не сообразил, что — прозрачный или нет — я все же подвержен действию погоды и простуде.

Тут мне пришла в голову блестящая мысль. Я забежал вперед и сел в пролетку. Дрожа от холода, испуганный, с первыми признаками насморка, с ушибами и ссадинами на спине, все сильнее дававшими себя чувствовать, я медленно ехал по Оксфорд-стрит и дальше по Тоттенхем-Корт-роуд. Настроение мое совершенно не походило на то, с каким десять минут назад я вышел из дому. Вот она, моя невидимость! Меня занимала только одна мысль: как выбраться из скверного положения, в какое я попал?

Мы тащились мимо книжной лавки Мьюди; тут какая-то высокая женщина, нагруженная пачкой книг в желтых обложках, окликнула моего извозчика, и я едва успел выскочить, чуть не попав при этом под вагон конки. Я направился к Блумсбери-сквер, намереваясь свернуть за музеем к северу, чтобы добраться до малолюдных кварталов. Я околел, и нелепость моего положения так угнетала меня, что я всхлипывал на ходу. На углу Блумсбери-сквер из конторы Фармацевтического общества выбежала белая собачонка и немедленно погналась за мной, обнюхивая землю.

Раньше мне никогда не приходило в голову, что для собаки нос то же, что для человека глаза. Собаки чуют носом движения человека, подобно тому как люди видят их глазами. Мерзкая тварь стала лаять и прыгать вокруг меня, слишком ясно показывая, что она осведомлена о моем присутствии. Я пересек Грейт-Рассел-стрит, все время оглядываясь через плечо, и, только углубившись в Монтегю-стрит, заметил, что движется мне навстречу.

До меня донеслись громкие звуки музыки, и я увидел большую толпу, идущую со стороны Рассел-сквер, — красные куртки, а впереди знамя Армии спасения. Я не надеялся пробраться незаметно сквозь толпу, запрудившую всю улицу, а повернуть назад, уйти еще дальше на окраину я боялся. Поэтому я тут же принял решение: быстро вбежал на крыльцо белого дома, прямо напротив ограды музея, и остановился в ожидании, пока пройдет толпа. К счастью, собачонка, заслышав музыку, перестала лаять,

постояла немного в нерешительности и, поджав хвост, побежала назад, к Блумсбери-сквер.

Толпа приближалась, во все горло распевая гимн, показавшийся мне ироническим намеком: «Когда мы узрим его лик?» Она тянулась мимо меня бесконечно. «Бум, бум, бум» — гремел барабан, и я не сразу заметил, что два мальчугана остановились возле меня. «Глянь-ка», — сказал один. «А что?» — спросил другой. «Следы. Да босиком. Как будто кто по грязи шлепал».

Я поглядел вниз и увидел, что мальчишки, выпучив глаза, рассматривают грязные следы, оставленные мной на свежeweыбеленных ступеньках. Прохожие немилосердно толкали их, но они, увлеченные своим открытием, продолжали стоять возле меня. «Бум, бум, бум, когда, бум, узрим мы, бум, его лик, бум, бум...» — «Верно тебе говорю, кто-то взошел босиком на это крыльцо, — сказал один. — А вниз не спускался, и из ноги кровь шла».

Шествие уже скрывалось из глаз. «Гляди, Тед, гляди!» — крикнул младший из глазастых сыщиков в крайнем изумлении, указывая прямо на мои ноги. Я взглянул, вниз и сразу увидел смутное очертание своих ног, обрисованное кромкой грязи. На минуту я остолебенел.

«Ах, черт! — воскликнул старший. — Вот так штука! Точно привидение, ей-богу!» После некоторого колебания он подошел ко мне поближе и протянул руку. Какой-то человек сразу остановился, чтобы посмотреть, что это он ловит, потом подошла девушка. Еще секунда — и мальчишка коснулся бы меня. Тут я сообразил, как мне поступить. Шагнул вперед — мальчик с криком отскочил в сторону, — я быстро перелез через ограду на крыльцо соседнего дома. Но младший мальчуган уловил мое движение, и, прежде чем я успел спуститься на тротуар, он оправился от минутного замешательства и стал кричать, что ноги перескочили через ограду.

Все бросились туда и увидели, как на нижней ступеньке и на тротуаре с быстротой молнии появляются новые следы.

«В чем дело?» — спросил кто-то. «Ноги! Глядите. Бегут ноги!»

Весь народ на улице, кроме моих трех преследователей, спешил за Армией спасения, и этот поток задерживал не только меня, но и погоню. Со всех сторон сыпа-

лись вопросы и раздавались возгласы изумления. Сбив с ног какого-то юношу, я пустился бежать вокруг Рассел-сквер, а человек шесть или семь изумленных прохожих мчались по моему следу. Объясняться, к счастью, им было некогда, а то вся толпа, наверное, кинулась бы за мной.

Дважды я огибал углы, трижды перебежал через улицу и возвращался назад той же дорогой. Ноги мои согрелись, высохли и уже не оставляли мокрых следов. Наконец, улучив минуту, я начисто вытер ноги руками и таким образом окончательно скрылся. Последнее, что я видел из погони, были человек десять, сбившиеся кучкой и с безграничным недоумением разглядывавшие медленно высыхавший отпечаток ноги, угодившей в лужу на Тэвисток-сквер, — единственный отпечаток, столь же необъяснимый, как тот, на который наткнулся Робинзон Крузо.

Это бегство до некоторой степени согрело меня, и я стал пробираться по лабиринту малолюдных улочек и переулков уже в более бодром настроении. Спину ломило, под ухом ныло от удара, нанесенного извозчиком, кожа была расцарапана его ногтями, ноги сильно болели, и из-за пореза на ступне я прихрамывал. Ко мне приблизился какой-то слепой, но я вовремя заметил его и шарахнулся в сторону, опасаясь его тонкого слуха. Несколько раз я случайно сталкивался с прохожими; они останавливались в педоумении, оглушенные неизвестно откуда раздававшейся бранью. А потом я почувствовал на лице что-то мягкое, и площадь стала покрываться тонким слоем снега. Я, очевидно, простудился и не мог удержаться, чтобы время от времени не чихнуть. А каждая собака, которая попадалась мне на пути и начинала, вытянув морду, с любопытством обнюхивать мои ноги, внушала мне ужас.

Потом мимо меня с криком пробежал человек, за ним другой, третий, а через минуту целая толпа взрослых и детей стала обгонять меня. Они спешили на пожар и бежали по направлению к моему дому. Заглянув в переулок, я увидел густое облако дыма, поднимавшееся над крышами и телефонными проводами. Я не сомневался, что это горит моя квартира; вся моя одежда, аппараты, все мое имущество осталось там, за исключением чековой книжки и трех томов заметок, которые ждали меня на

Грейт-Портленд-стрит. Я сжег свои корабли — вернее верного! Весь дом пылал.

Невидимка умолк и задумался. Кемп тревожно посмотрел в окно.

— Ну? — сказал он. — Продолжайте.

Глава XXII *В универсальном магазине*

Итак, в январе, в снег и метель, — а стоило снегу покрыть меня, и я был бы обнаружен! — усталый, простуженный, с ломотой во всем теле, невыразимо несчастный и все еще лишь наполовину убежденный в преимуществах своей невидимости, начал я новую жизнь, на которую сам себя обрек. У меня не было ни пристанища, ни средств к существованию, не было ни одного человека во всем мире, которому я мог бы довериться. Раскрыть тайну значило бы отказаться от своих широких планов на будущее: меня просто стали бы показывать как диковинку. Тем не менее я чуть было не решил подойти к какому-нибудь прохожему и отдаться на его милость. Но я слишком хорошо понимал, какой ужас и какую бесчеловечную жестокость возбудила бы такая попытка. Пока что мне было не до новых планов. Я старался только укрыться от снега, закутаться и согреться — тогда можно было бы подумать и о будущем. Но даже для меня, человека-невидимки, ряды запертых лондонских домов были неприступны.

Только одно видел я тогда отчетливо перед собой: холод, бесприютность и страдания предстоящей ночи среди снежной вьюги. И вдруг меня осенила блестящая мысль. Я свернул на улицу, ведущую от Гауэр-стрит к Тоттенхем-Корт-роуд, и очутился перед огромным магазином «Omnium», — вы знаете его, там торгуют решительно всем: мясом, бакалеей, бельем, мебелью, платьем, даже картинами. Это скорее гигантский лабиринт всевозможных лавок, чем один магазин. Я надеялся, что двери магазина будут открыты, но они были закрыты. Пока я стоял перед входом, подъехал экипаж, и швейцар в ливрее, с надписью «Omnium» на фуражке, распахнул дверь. Мне удалось проскользнуть внутрь, и, пройдя первое помещение — это был отдел лент, перчаток, чулок и тому подобное, — я попал в более обширное помещение, где продавались корзины и плетеная мебель.

Однако я не чувствовал себя в полной безопасности, так как тут все время толклись покупатели. Я стал бродить по магазину, пока не попал в огромный отдел на верхнем этаже, который весь был заставлен кроватями. Здесь я наконец нашел себе приют на огромной куче тюфяков. В магазине уже зажгли огонь, было очень тепло; я решил остаться в своем убежище и, внимательно следя за приказчиками и покупателями, расхаживавшими по мебельному отделу, стал дожидаться часа, когда магазин закроют. «Когда все уйдут,— думал я,— я добуду себе и пищу и платье, обойду весь магазин, узнаю его запасы и, пожалуй, даже посплю на одной из кроватей». Этот план казался мне осуществимым. Я хотел достать платье, чтобы превратиться в закутанную, но все же не возбуждающую особых подозрений фигуру, раздобыть денег, получить свои книги из почтовой конторы, снять где-нибудь комнату и разработать план использования тех преимуществ над моими ближними, которые давала мне моя невидимость.

Время закрытия магазина наступило довольно скоро; с тех пор, как я забрался на груду тюфяков, прошло не больше часа, и вот я заметил, что шторы на окнах спущены, а последних покупателей выпроваживают. Потом множество проворных молодых людей принялись с необыкновенной быстротой убирать товары, лежавшие в беспорядке на прилавках. Когда толпа стала редеть, я оставил свое логово и осторожно пробрался поближе к центральным отделам магазина. Меня поразила быстрота, с какой целая армия юношей и девушек убирала все, что было выставлено днем для продажи. Все картонки, ткани, гирлянды кружев, ящики со сладостями в кондитерском отделении, всевозможные предметы, разложенные на прилавках,— все это убиралось, сворачивалось и складывалось на хранение, а то, чего нельзя было убрать и спрятать, прикрывалось чехлами из какой-то грубой материи вроде парусины. Наконец все стулья были нагромождены на прилавки, на полу не осталось ничего. Окончив свое дело, молодые люди поспешили уйти с выражением такой радости на лице, какой я никогда еще не видел у приказчиков. Потом появилась орава подростков с опилками, ведрами и щетками. Мне приходилось то и дело увертываться от них, но все же опилки попадали мне на

ноги. Разгуливая по темным, опустевшим помещениям, я еще довольно долго слышал шарканье щеток. Наконец через час с лишним после закрытия магазина я услышал, что запирают двери. Воцарилась тишина, и я очутился один в огромном лабиринте отделений и коридоров. Было очень тихо: помню, как, проходя мимо одного из выходов на Тоттенхем-Корт-роуд, я услышал звук шагов прохожих.

Прежде всего я направился в отдел, где видел чулки и перчатки. Было темно, и я еле разыскал спички в ящике небольшой конторки. Но еще нужно было добыть свечку. Пришлось стаскивать крышки и шарить по ящикам и коробкам, но в конце концов я все же нашел то, что искал: свечи лежали в ящике, на котором была надпись: «Шерстяные панталоны и фуфайки». Потом я взял носки и толстый шерстяной шарф, после чего направился в отделение готового платья, где взял брюки, мягкую куртку, пальто и широкополую шляпу вроде тех, что носят священники. Я снова почувствовал себя человеком и прежде всего подумал о еде.

На верхнем этаже оказалась закусочная, и там я нашел холодное мясо. В кофейнике осталось немного кофе, я зажег газ и подогрел его. В общем, я устроился недурно. Затем я отправился на поиски одеяла, — в конце концов мне пришлось удовлетвориться ворохом пуховых перин, — и попал в кондитерский отдел, где нашел целую грудку шоколада и засахаренных фруктов, которыми чуть не объелся, и несколько бутылок бургундского. А рядом помещался отдел игрушек, которые навели меня на блестящую мысль: я нашел несколько искусственных носов — знаете, из папье-маше — и тут же подумал о темных очках. К сожалению, здесь не оказалось оптического отдела. Но ведь нос был для меня очень важен; сперва я подумал даже о гриме. Раздобыв себе искусственный нос, я начал мечтать о париках, масках и прочем. Наконец я заснул на куче перин, где было очень тепло и удобно.

Еще ни разу, с тех пор как со мной произошла эта необычайная перемена, я не чувствовал себя так хорошо, как в тот вечер, засыпая. Я находился в состоянии полной безмятежности и был настроен весьма оптимистически. Я надеялся, что утром незаметно выберусь из магазина, одевшись и закутав лицо белым шарфом: затем куплю на

украденные мною деньги очки, и таким образом экипировка моя будет закончена. Ночью мне снились впере-
мешку все удивительные происшествя, которые случи-
лись со мной за последние несколько дней. Я видел бра-
нящегося еврея-домохозяина, его недоумевающих пасын-
ков, сморщенное лицо старухи, справляющейся о своей
кошке. Я снова испытывал странное ощущение при виде
исчезнувшей белой ткани. Затем мне представился род-
ной городок и простуженный старичок викарий, шамка-
ющий над могилой моего отца: «Из земли взят и в землю
отыдешь»...

«И ты», — сказал чей-то голос, и вдруг меня потащили
к могиле. Я вырывался, кричал, умолял могильщиков, но
они стояли неподвижно и слушали отпевание; старичок
викарий тоже, не останавливаясь, монотонно читал мо-
литвы и прерывал свое чтение лишь чиханьем. Я созна-
вал, что, не видя меня и не слыша, они все-таки меня одо-
тели. Несмотря на мое отчаянное сопротивление, меня
бросили в могилу, и я, падая, ударился о гроб, а сверху
меня стали засыпать землей. Никто не замечал меня, ни-
кто не подозревал о моем существовании. Я стал судоро-
жно барахтаться — и проснулся.

Бледная лондонская заря уже занималась: сквозь щели
между оконными шторами проникал холодный серый
свет. Я сел и долго не мог сообразить, что это за огром-
ное помещение с железными столбами, с прилавками,
грудами свернутых материй, кучей одеял и подушек. За-
тем вспомнил все и услышал чьи-то голоса.

Издали, из комнаты, где было светлее, так как шторы
там были уже подняты, ко мне приближались двое.
Я вскочил, соображая, куда скрыться, и это движение вы-
дало им мое присутствие. Я думал, что они успели за-
метить только проворно удаляющуюся фигуру. «Кто
тут?» — крикнул один. «Стой!» — закричал другой. Я свер-
нул за угол и столкнулся с толчим парнишкой лет пятна-
дцати. Не забудьте, что я был фигурой без лица! Он
взвизгнул, а я спшиб его с ног, бросился дальше, свернул
еще за угол, и тут у меня мелькнула счастливая мысль:
я распластался за прилавком. Еще минута — и я услышал
шаги бегущих людей, отовсюду раздались крики: «Двери,
заприте двери!», «Что случилось?» — и со всех сторон по-
сыпались советы, как изловить меня.

Я лежал на полу, перепуганный насмерть. Как это ни странно, в ту минуту мне не пришло в голову, что надо раздеться, а между тем это было бы самое простое. Я решил уйти одетый, и эта мысль завладела мной. Потом по длинному проходу между прилавками разнесся крик: «Вот он!»

Я вскочил, схватил с прилавка стул и пустил им в болвана, который первый крикнул это, потом побежал, наткнулся за углом на другого, отшвырнул его и бросился вверх по лестнице. Он удержался на ногах и с улюлюканьем погнался за мной. На верху лестницы были нагромождены кучи этих пестрых расписных посуды, знаете?

— Горшки для цветов, — подсказал Кемп.

— Вот-вот, цветочные горшки. На верхней ступеньке я остановился, обернулся, выхватил из кучи один горшок и швырнул его в голову подбежавшего болвана. Вся куча горшков рухнула, раздались крики, и со всех сторон стали сбегаться служащие. Я со всех ног кинулся в закусную. Но там был какой-то человек в белом, вроде повара, и он тоже погнался за мной. Я сделал последний отчаянный поворот и очутился в отделе ламп и скобяных товаров. Я забежал за прилавок и стал поджидать повара. Как только он появился впереди погони, я пустил в него лампой. Он упал, а я, скорчившись за прилавком, начал поспешно сбрасывать с себя одежду. Куртка, брюки, башмаки — все это удалось скинуть довольно быстро, но эти проклятые фуфайки пристают к телу, как собственная кожа. Повар лежал неподвижно по другую сторону прилавка, оглушенный ударом или перепуганный до потери сознания, но я слышал топот, погоня приближалась, и я должен был снова спастись бегством, точно кролик, выгнанный из кустов.

«Сюда, полисмен!» — крикнул кто-то. Я снова очутился в мебельном отделе, в конце которого стоял целый лес платяных шкафов. Я забрался в самую гущу, лег на пол и, извиваясь, как угорь, освободился наконец от фуфайки. Когда из-за угла появились полисмен и трое служащих, я стоял уже голый, задыхаясь и дрожа от страха. Они набросились на жилетку и кальсоны, уцепились за брюки. «Он бросил свою добычу, — сказал один из приказчиков. — Наверняка он где-нибудь здесь».

Но они меня не нашли.

Я стоял, глядя, как они ищут меня, и проклинал судьбу за свою неудачу, ибо одежды я все-таки лишился. Потом я отправился в закусочную, выпил немного молока и, сев у камина, стал обдумывать свое положение.

Вскоре пришли два приказчика и стали горячо обсуждать происшествие. Какой вздор они молили! Я услышал сильно преувеличенный рассказ о произведенных мною опустошениях и всевозможные догадки о том, куда я подевался. Потом я снова стал обдумывать план действий. Стащить что-нибудь в магазине теперь, после всей этой суматохи, было совершенно невозможно. Я спустился в склад посмотреть, не удастся ли упаковать и как-нибудь отправить оттуда сверток, но не понял их системы контроля. Около одиннадцати часов я решил, что в магазине оставаться бессмысленно, и, так как снег растаял и было теплей, чем накануне, вышел на улицу. Я был в отчаянии от своей неудачи, а относительно будущего планы мои были самые смутные.

Глава XXIII *На Друри-Лейн*

— Теперь вы можете себе представить, — продолжал Невидимка, — как невыгодно было мое положение. У меня не было ни крова, ни одежды. Одеться — значило отказаться от всех моих преимуществ, превратиться в нечто странное и страшное. Я ничего не ел, так как принимать пищу, то есть наполнять себя непрозрачным веществом, значило бы стать безобразно видимым.

— Об этом я не подумал, — сказал Кемп.

— Да и я тоже. А снег открыл мне глаза на другие опасности. Я не мог выходить на улицу, когда шел снег: он облеплял меня и таким образом выдавал. Дождь тоже выдавал бы мое присутствие, очерчивая меня водяным контуром и превращая в поблескивающую фигуру человека — в пузырь. А туман? При тумане я тоже превращался бы в мутный пузырь, в размытый силуэт человека. Кроме того, бродя по улицам при лондонском климате, я пачкал ноги, и на коже оседали сажа и пыль. Я не знал, скоро ли грязь выдаст меня. Но я ясно понимал, что это время не за горами, поскольку речь шла о Лондоне. Я направился к трущобам в районе Грейт-Портленд-стрит и очутился в конце улицы, где жил прежде. Я не пошел этой дорогой, потому что перед еще дымившимися разва-

линами дома, который я поджег, стояла густая толпа. Мне необходимо было достать платье. Я не знал, чем прикрыть лицо. Тут мне бросилась в глаза одна из тех лавчонек, где продается все: газеты, сласти, игрушки, канцелярские принадлежности, елочные украшения и так далее; в витрине я увидел целую выставку масок и носов. Это снова навело меня на ту же мысль, что и вид игрушек в «Omnium». Я повернул назад уже с определенной целью и, избегая многолюдных улиц, направился к глухим кварталам к северу от Стрэнда: я вспомнил, что где-то в этих местах торгуют своими изделиями несколько театральных костюмеров.

День был холодный, дул пронзительный северный ветер. Я шел быстро, чтобы на меня не натыкались сзади. Каждый перекресток представлял для меня опасность, за каждым прохожим я должен был зорко следить. В конце Бедфорд-стрит какой-то человек, мимо которого я проходил, неожиданно повернулся и, налетев на меня, сшиб меня на мостовую, где я едва не попал под колеса пролетки. Оказавшиеся поблизости извозчики решили, что с ним случилось что-то вроде удара. Это столкновение так подействовало на меня, что я зашел на рынок Ковент-Гарден и там сел в уголок, возле лотка с фиалками, задыхаясь и дрожа от страха. Я, видно, сильно простудился и вынужден был вскоре уйти, чтобы не привлечь внимания своим чиханьем.

Наконец я достиг цели своих поисков, — это была грязная, засиженная мухами лавчонка в переулке близ Друри-Лейн, где в окне были выставлены театральные костюмы, поддельные драгоценности, парики, туфли, домино и фотографии актеров. Лавка была старинная, низкая и темная, а над нею высились еще четыре этажа мрачного, угрюмого дома. Я заглянул в окно и, не увидев никого в лавке, вошел. Звякнул колокольчик. Я оставил дверь открытой, а сам шмыгнул мимо манекена и спрятался в углу за большим трюмо. С минуту никто не появлялся. Потом я услышал в лавке чьи-то тяжелые шаги.

Я успел уже составить план действий. Я предполагал пробраться в дом, спрятаться где-нибудь наверху, дожидаться удобной минуты и, когда все стихнет, подобрать себе парик, маску, очки и костюм, а там незаметно выскользнуть на улицу, может быть, в весьма нелепом, но все же правдоподобном виде. Между прочим, я надеялся унести и деньги, какие попадутся под руку. Хозяин лавки

был маленький тощий горбун с нахмуренным лбом, длинными неловкими руками и очень короткими кривыми ногами. По-видимому, мой приход оторвал его от еды. Он оглядел лавку, ожидание на его лице сменилось сначала изумлением, а потом гневом, когда он увидел, что в лавке никого нет. «Черт бы побрал этих мальчишек!» — проворчал он. Потом вышел на улицу и огляделся. Через минуту он вернулся, с досадой захлопнул дверь ногой и, бормоча что-то про себя, ушел внутрь дома.

Я выбрался из своего убежища, чтобы последовать за ним, но, услышав мое движение, он остановился как вкопанный. Остановился и я, пораженный тонкостью его слуха. Он захлопнул дверь перед самым моим носом.

Я стоял в нерешительности. Вдруг я снова услышал его быстрые шаги, и дверь опять открылась. Он стал оглядывать лавку: как видно, его подозрения еще не рассеялись окончательно. Затем, все так же что-то бормоча, он осмотрел с обеих сторон прилавков, заглянул под стоявшую в лавке мебель. После этого он остановился, опасливо озираясь. Так как он оставил дверь открытой, я шмыгнул в соседнюю комнату.

Это была странная каморка, убого обставленная, с грудой масок в углу. На столе стоял остывший завтрак. Поверьте, Кемп, мне было нелегко стоять там, вдыхая запах кофе, и смотреть, как он принимался за еду. А ел он очень неаппетитно. В комнате было три двери, из которых одна вела наверх, обе другие — вниз, но все они были закрыты. Я не мог выйти из комнаты, пока он был там, не мог даже двинуться с места из-за его дьявольской чуткости, а в спину мне дуло. Два раза я чуть было не чихнул.

Ощущения мои были необычны и интересны, но вместе с тем я чувствовал невыносимую усталость и насилу дождался, пока он кончил свой завтрак. Наконец он насытился, поставил свою жалкую посуду на черный жестяной поднос, на котором стоял кофейник, и, собрав крошки с запачканной горчицей скатерти, двинулся с подносом к двери. Так как руки его были заняты, он не мог закрыть за собой дверь, что ему, видимо, хотелось сделать. Никогда в жизни не видел человека, который так любил бы затворять двери! Я последовал за ним в подвал, в грязную, темную кухню. Там я имел удовольствие видеть, как он мыл посуду, а затем, не ожидая никакого толка от моего пребывания внизу, где мои босые ноги вдобавок стыли на каменном полу, я вернулся наверх и сел в его кресло у ка-

мина. Так как огонь угасал, то я, не подумав, подбросил углей. Этот шум немедленно привлек хозяина, он прибежал в волнении и начал обшаривать комнату, причем один раз чуть не задел меня. Но и этот тщательный осмотр, по-видимому, мало удовлетворил его. Он остановился в дверях и, прежде чем спуститься вниз, еще раз внимательно оглядел всю комнату.

Я просидел в маленькой гостиной целую вечность. Наконец он вернулся и открыл дверь наверх. Мне удалось проскользнуть вслед за ним.

На лестнице он вдруг остановился, так что я чуть не наскочил на него. Он стоял, повернув голову, глядя мне прямо в лицо и внимательно прислушиваясь. «Готов поклясться...» — сказал он. Длинной волосатой рукой он пощипывал нижнюю губу. Взгляд его скользил по лестнице. Что-то пробурчав, он стал подниматься наверх.

Уже взявшись за ручку двери, он снова остановился с выражением того же сердитого недоумения на лице. Он явно улавливал шорох моих движений. Этот человек, по-видимому, обладал исключительно тонким слухом. Вдруг им овладело бешенство. «Если кто-нибудь забрался в дом!..» — закричал он, крепко выругавшись, и, не докончив угрозы, сунул руку в карман. Не найдя там того, что искал, он шумно бросился мимо меня вниз. Но я за ним не последовал, а уселся на верхней ступеньке лестницы и стал ждать его возвращения.

Вскоре он появился снова, все еще что-то бормоча. Он открыл дверь, но, прежде чем я успел войти, захлопнул ее перед моим носом.

Я решил осмотреть дом и потратил на это некоторое время, стараясь двигаться как можно тише. Дом был совсем ветхий, до того сырой, что обои отстали от стен, и полный крыс. Почти все дверные ручки поворачивались очень туго, и я боялся их трогать. Некоторые комнаты были совсем без мебели, а другие завалены театральным хламом, купленным, если судить по его виду, из вторых рук. В небольшой комнате рядом со спальней я нашел ворох старого платья. Я стал нетерпеливо рыться в нем и, увлекшись, забыл о тонком слухе хозяина. Я услышал крадущиеся шаги и поднял голову как раз вовремя: хозяин появился на пороге со старым револьвером в руке и устался на развороченную кучу платья. Я стоял, не шевелясь, все время, пока он с разинутым ртом подозрительно оглядывал комнату: «Должно быть, это она, — про-

бормотал он. — Черт бы ее побрал!» Он бесшумно закрыл дверь и сейчас же запер ее на ключ. Я услышал его удаляющиеся шаги. И вдруг я понял, что заперт. В первую минуту я растерялся. Прошел от двери к окну и обратно, остановился, не зная, что делать. Меня охватило бешенство. Но я решил прежде всего осмотреть платье, и первая же моя попытка стащить узел с верхней полки снова привлекла хозяина. Он явился еще более мрачный, чем раньше. На этот раз он коснулся меня, отскочил и, пораженный, остановился, разинув рот, посреди комнаты.

Вскоре он несколько успокоился. «Крысы», — сказал он вполголоса, приложив палец к губам. Он явно был несколько испуган. Я бесшумно вышел из комнаты, но при этом скрипнула половица. Тогда этот дьявол стал ходить по всему дому с револьвером наготове, запирая подряд все двери и пряча ключи в карман. Сообразив, что он задумал, я пришел в такую ярость, что чуть было не упустил удобный случай. Я теперь точно знал, что он один во всем доме. Поэтому я без всяких церемоний хватил его по голове.

— Хватили по голове?! — воскликнул Кемп.

— Да, оглушил его, когда он шел вниз. Ударил стулом, который стоял на площадке лестницы; он покатился вниз, как мешок со старой обувью.

— Но, позвольте, простая гуманность...

— Простая гуманность годится для обыкновенных людей. Вы поймите, Кемп, мне во что бы то ни стало нужно было выбраться из этого дома одетым и так, чтобы он меня не видел. Другого способа я не мог придумать. Потом я заткнул ему рот камзолом эпохи Людовика Четырнадцатого и завязал его в простыню.

— Завязали в простыню?

— Сделал из него нечто вроде узла. Хорошее средство, чтобы напугать этого идиота и лишить его возможности кричать и двигаться, а выбраться из этого узла было не так-то просто. Дорогой Кемп, нечего сидеть и глазеть на меня, как на убийцу. У него ведь был револьвер. А если бы он увидел меня, то мог бы описать мою наружность...

— Но все же, — сказал Кемп, — в Англии, в наше время... И ведь человек этот был у себя дома, а вы... вы совершали грабеж!

— Грабеж? Черт знает что такое! Вы еще, пожалуй, назовете меня вором. Надеюсь, Кемп, вы не настолько

глупы, чтобы плясать под старую дудку. Неужели вы не можете понять, каково мне было?

— Могу. Но каково было ему! — сказал Кемп.

Невидимка быстро вскочил.

— Что вы сказали? — спросил он.

Лицо Кемпа приняло суровое выражение. Он хотел было заговорить, но удержался.

— Впрочем, — сказал он, вдруг меняя тон, — пожалуй, ничего другого вам не оставалось. Ваше положение было безвыходным. А все же...

— Конечно, я был в безвыходном положении, в ужасном положении! Да и горбун довел меня до бешенства: гонялся за мной по всему дому, угрожал своим дурацким револьвером, отпирал и запирали двери... Это было невыносимо! Вы ведь не вините меня, правда? Не вините?

— Я никогда никого не виню, — ответил Кемп. — Это совершенно вышло из моды. Ну, а что вы сделали потом?

— Я был голоден. Внизу я нашел каравай хлеба и немного прогорклого сыра, этого было достаточно, чтобы утолить мой голод. Потом я выпил немного коньяку с водой и прошел мимо завязанного в простыню узла — он лежал не шевелясь — в комнату со старым платьем. Окно этой комнаты, завешенное грязной кружевной занавеской, выходило на улицу. Я осторожно выглянул. День был яркий, ослепительно яркий по сравнению с сумраком угрюмого дома, в котором я находился. Улица была очень оживленная: тележки с фруктами, пролетки, ломовик с кучей ящиков, повозка рыботорговца. У меня зарябило в глазах, и я вернулся к полутемным полкам. Возбуждение мое улеглось, я трезво оценил положение. В комнате стоял слабый запах бензина, употреблявшегося, очевидно, для чистки платья.

Я начал тщательно осматривать комнату за комнатой. Очевидно, горбун уже давно жил в этом доме один. Любопытная личность... Все, что только могло мне пригодиться, я собрал в комнату, где лежали костюмы, потом стал тщательно отбирать. Я нашел саквояж, который мог оказаться мне очень полезным, пудру, румяна и липкий пластырь.

Сначала я хотел было накрашивать и напудрить лицо, чтобы сделать его видимым, но тут же сообразил, что в этом есть большое неудобство: для того, чтобы снова исчезнуть, мне понадобился бы скипидар и некоторые другие средства, не говоря уж о том, что это отнимало

бы много времени. Наконец я выбрал маску, слегка карикатурную, но не более, чем многие человеческие лица, темные очки, бакенбарды с проседью и парик. Белья я не нашел, но его можно было приобрести впоследствии, а пока что я закутался в миткалевый плащ и белый кашемировый шарф; носков не было, но башмаки горбуна пришлось почти впору. В кассе оказалось три соверена и на тридцать шиллингов серебра, а взломав шкаф, я нашел восемь фунтов золотом. Снаряженный таким образом, я снова мог выйти на белый свет. Тут на меня напало сомнение: действительно ли моя наружность правдоподобна? Я внимательно осмотрел себя в маленьком зеркальце, поворачиваясь то так, то этак, проверяя, не упустил ли я чего-нибудь. Нет, как будто все в порядке: фигура, конечно, гротескная, вроде театрального нищего, но общий вид сносный, бывают и такие люди. Немного успокоенный, я сошел с зеркальцем в лавку, опустил занавески и снова осмотрел себя со всех сторон в трюмо.

Несколько минут я собирался с духом, наконец отпер дверь и вышел на улицу, предоставив маленькому горбуну собственными силами выбираться из простыни. Сначала я сворачивал за угол на каждом перекрестке. Мой вид не привлекал ничьего внимания. Казалось, я перешагнул через последнее препятствие.

Он замолчал.

— А горбуна вы так и бросили на произвол судьбы? — спросил Кемп.

— Да, — сказал Невидимка. — Не знаю, что с ним стало. Вероятно, он развязал простыню, вернее разорвал ее. Узлы были крепкие.

Он снова замолчал, поднялся и стал смотреть в окно.

— Ну, а потом вы вышли на Стрэнд и что же дальше?

— О, снова разочарование! Я думал, что мытарства мои кончились. Воображал, что теперь я могу безнаказанно делать все, что вздумается, если только сохраню свою тайну. Так мне казалось. Я мог делать все что угодно, не считаясь с последствиями: стоило только скинуть платье, чтоб исчезнуть. Задержать меня никто не мог. Деньги можно брать где угодно. Я решил задать себе великолепный пир, поселиться в хорошей гостинице и обзавестись новым имуществом. Самоуверенность моя не знала границ, даже вспоминать неприятно, каким я был ослом. Я зашел в ресторан, стал заказывать обед и вдруг сообразил, что, не открыв лица, не могу начать есть. Я заказал обед и вы-

шел взбешенный, сказав официанту, что вернусь через десять минут. Не знаю, приходилось ли вам, Кемп, голодному, как волк, испытывать такое разочарование?

— Такое — никогда, — сказал Кемп, — но я вполне себе это представляю.

— Я готов был убить их, этих кретинов. Наконец, совсем измученный голодом, я зашел в другой ресторан и потребовал отдельную комнату. «Я изуродован, — сказал я. — Получил сильные ранения». Официанты смотрели на меня с любопытством, но расспрашивать, конечно, не смели, и я наконец пообедал. Сервировка оставляла желать лучшего, но я вполне насытился и, затянувшись сигарой, стал обдумывать, как быть дальше. На дворе начиналась вьюга.

Чем больше я думал, Кемп, тем яснее понимал, как беспомощен и нелеп невидимый человек в сыром и холодном климате, в огромном цивилизованном городе. До моего безумного опыта мне рисовались всевозможные преимущества. Теперь же я не видел ничего хорошего. Я перебрал в уме все, чего может желать человек. Правда, невидимость позволяла многого достигнуть, но не позволяла мне пользоваться достигнутым. Честолюбие? Но что в высоком звании, если обладатель его принужден скрываться? Какой толк в любви женщины, если она должна быть Далилой? Меня не интересует ни политика, ни сомнительная популярность, ни филантропия, ни спорт. Что же мне оставалось? Чего ради я обратился в запеленатую тайну, в закутанную и забинтованную пародию на человека?

Он умолк и, казалось, посмотрел в окно.

— А как же вы очутились в Айпинге? — спросил Кемп, чтобы не дать оборваться разговору.

— Я поехал туда работать. У меня тогда мелькнула смутная надежда. Теперь эта мысль созрела. Вернуться в прежнее состояние. Вернуться, когда мне это понадобится, когда я невидимкой сделаю все, что хочу. Об этом-то прежде всего мне и надо поговорить с вами.

— Вы поехали прямо в Айпинг?

— Да. Получил свои заметки и чековую книжку, приобрел белье и все необходимое, заказал реактивы, при помощи которых хотел осуществить свой замысел (как только получу книги, покажу вам все вычисления), и поехал. Боже, что за метель была и как трудно было убе-

речь проклятый картонный нос, чтобы он не размок от снега!

— Если судить по газетам, — сказал Кемп, — третьего дня, когда вас обнаружили, вы немного...

— Да, немного... Укокошил я этого болвана полисмена?

— Нет, — сказал Кемп, — говорят, он выздоравливает.

— Ну, значит, ему повезло. Я совсем взбесился. Вот дураки! Чего они пристали ко мне? Ну, а этот остолоп лавочник?

— Смертных случаев не предвидится, — сказал Кемп.

— Что касается моего бродяги, — сказал Невидимка, зловеще посмеиваясь, — то это еще неизвестно. Ей-богу, Кемп, вам с вашим характером не понять, что такое бешенство! Работаешь долгие годы, придумываешь, строишь планы, и потом какой-нибудь безмозглый, тупой идиот становится тебе поперек дороги! Дураки всех сортов, какие только существуют на свете, старались помешать мне. Если так будет продолжаться, я взбешусь окончательно и начну крошить их направо и налево. Из-за них теперь все стало в тысячу раз трудней.

— В самом деле, положение незавидное, — сухо обронил Кемп.

Глава XXIV *Неудавшийся план*

— Ну, — сказал Кемп, покосившись на окно, — что же мы теперь будем делать?

Он придвинулся ближе к Невидимке, чтобы заслонить от него троих людей, невероятно медленно, как казалось Кемпу, подымавшихся по холму.

— Что вы собирались делать в Порт-Бэрдоке? У вас есть какой-нибудь план?

— Я хотел удрать за границу. Но, встретив вас, я переменял намерение. Так как стало теплей и мне легче быть невидимым, я думал, что лучше всего мне двинуться на юг. Ведь тайна моя раскрыта, и здесь все будут искать закутанного человека в маске. А отсюда есть пароходное сообщение с Францией. Я думал, что можно рискнуть переправиться туда на каком-нибудь пароходе. А из Франции я мог бы по железной дороге поехать в Испанию или даже в Алжир. Это было бы нетрудно. Там можно круглый год оставаться невидимкой. Бродягу этого я превратил бы

в подвижной склад моих денег и книг, пока не устроился бы с пересылкой того и другого по почте.

— Понятно.

— И вдруг этому скоту вздумалось пожить моим имуществом! Он украл мои книги, Кемп! Мои книги! Попадись он мне только!

— Первым делом надо отобрать у него книги.

— Да где же он? Разве вы знаете?

— Он заперт в городском полицейском управлении, в самой глухой тюремной камере, какая только там нашлась, сам об этом попросил.

— Негодяй! — вырвалось у Невидимки.

— Это несколько нарушает ваши планы.

— Нужно добыть книги, они необходимы.

— Конечно, — согласился Кемп, прислушиваясь к шагам на дворе. — Конечно, книги непременно надо добыть. Но это будет нелегко, если только он не узнает, что их требуют для вас.

— Верно, — сказал Невидимка и задумался.

Кемп безуспешно пытался поддержать разговор, но тут Невидимка заговорил сам:

— Теперь, когда я очутился у вас, Кемп, все мои планы меняются. Вы человек, способный понять меня. Еще можно сделать многое, очень многое, несмотря на потерю книг, на огласку, несмотря на все, что случилось и что я перенес... Вы никому не говорили обо мне? — спросил он вдруг

Кемп на мгновение замялся.

— Ведь я обещал, — сказал он.

— Никому? — повторил Гриффин.

— Ни единой душе.

— Ну, тогда... — Невидимка встал и, сунув руки в карманы, зашагал по комнате. — Да, это была ошибка, Кемп, огромная ошибка, что я взялся один за это дело. Напрасно потрачены силы, время, возможности. Один... Удивительно, как беспомощен человек, когда он один! Мелкая кража, потасовка — и все.

Я нуждаюсь в пристанище, Кемп, мне нужен человек, который помог бы мне, спрятал бы меня, мне нужно место, где я мог бы спокойно, не возбуждая ничьих подозрений, есть, спать и отдыхать. Словом, мне нужен сообщник. Тогда возможно все. До сих пор я действовал наобум. Теперь мы обсудим все те выгоды, которые дает невидимость, и все трудности. Заниматься подслушивани-

ем и тому подобным — толку мало: тебя тоже слышно. Воровать это помогает, но не очень. Хотя поймать меня трудно, но, поймав, ничего не стоит засадить в тюрьму. Невидимость полезна, когда надо бежать или, наоборот, подкрадываться. Значит, она хороша при убийстве. Как бы человек ни был вооружен, я легко могу выбрать наименее защищенное место, ударить, спрятаться и удрать, как и куда пожелаю.

Кемп погладил усы. Кажется, кто-то движется вниз.

— Мы должны заняться убийствами, Кемп.

— Заняться убийствами, — повторил Кемп. — Я слушаю вас, Гриффин, но это не значит, что я соглашаюсь с вами. Зачем мы должны убивать?

— Не бессмысленно убивать, а разумно отнимать жизнь. Дело обстоит следующим образом: они знают, что существует Невидимка, знают не хуже нас с вами. И этот Невидимка, Кемп, должен установить царство террора. Вы изумлены, конечно. Но я говорю не шутя: царство террора. Невидимка должен захватить какой-нибудь город, хотя бы этот ваш Бэрдок, терроризировать население и подчинить своей воле всех и каждого. Он издает свои приказы. Осуществить это можно тысячью способов, скажем, подсовывать под двери листки бумаги. И кто дерзнет ослушаться, будет убит, так же как и его заступники.

— Гм, — пробормотал Кемп, прислушиваясь больше к скрипу отворявшейся внизу двери, чем к словам Гриффина. — Я думаю, Гриффин, — сказал он, стараясь казаться внимательным, — что положение вашего сообщника оказалось бы не из легких.

— Никто не будет знать, что он мой сообщник, — горячо возразил Невидимка и вдруг остановился. — Стойте, что там такое?

— Ничего, — сказал Кемп и вдруг заговорил громко и быстро: — Я не могу согласиться с вами, Гриффин. Поймите же, не могу. К чему вести заведомо проигранную игру? Разве это может дать вам счастье? Не уподобляйтесь одинокому волку. Опубликуйте ваше открытие; если не хотите рассказать о нем всему миру, то доверьте его, по крайней мере, своей страше. Подумайте, чего вы могли бы добиться с миллионом помощников.

Невидимка прервал Кемпа.

— Шаги на лестнице, — прошептал он, подняв руку.

— Не может быть, — сказал Кемп.

— Сейчас посмотрим.

И Невидимка шагнул к двери. После секундного колебания Кемп бросился ему наперерез. Невидимка, вздрогнув, остановился.

— Предатель! — крикнул Голос, и халат расстегнулся. Бросившись в кресло, Невидимка начал раздеваться. Кемп сделал несколько торопливых шагов к двери, и сейчас же Невидимка — ног его уже не было видно — с криком вскочил. Кемп распахнул дверь настежь.

Снизу отчетливо донеслись голоса и топот бегущих ног.

Кемп оттолкнул Невидимку, высочил в коридор и захлопнул дверь. Ключ заранее был вставлен снаружи. Еще мгновение — и Гриффин очутился бы в кабинете один под замком. Но помешала случайность. Наспех вставленный утром ключ от толчка высочил и со стуком упал на ковер.

Кемп помертвел. Схватившись обеими руками за ручку, он изо всех сил старался удержать дверь. Несколько мгновений ему это удавалось. Потом дверь приоткрылась дюймов на шесть, он ее снова быстро прихлопнул. В другой раз она рывком открылась на фут, и в щель стал протискиваться халат. Невидимые пальцы схватили Кемпа за горло, и ему пришлось выпустить ручку двери, чтобы защищаться. Он был оттеснен, опрокинут и с силой отброшен в угол площадки. Пустой халат упал на него.

На лестнице стоял полковник Эдай, начальник бэрдокской полиции, которому Кемп написал письмо. Он с ужасом глядел на неожиданно появившегося Кемпа и на болтающиеся в воздухе пустые предметы одежды. Он видел, как Кемп был опрокинут, как он с трудом поднялся, сделал шаг вперед и опять рухнул на пол.

И вдруг его самого что-то ударило! Удар из пустоты! Будто на него навалилась огромная тяжесть. Чьи-то пальцы сдавили ему горло, чье-то колено ударило его в пах, и он кубарем скатился с лестницы. Невидимая нога наступила ему на спину, кто-то зашлепал по лестнице босыми ногами; внизу, в прихожей, оба полицейских вскрикнули и побежали, входная дверь с шумом захлопнулась.

Полковник Эдай приподнялся и сел, бессмысленно озираясь. Сверху, пошатываясь, сходил Кемп, растрепанный и перепачканный; щека у него побелела от удара, из разбитой губы текла кровь, в руках он держал халат и другие части туалета.

— Удрал! — крикнул Кемп. — Плохо дело. Удрал!

Сначала Эдай ничего не мог понять из бессвязного рассказа Кемпа. Они оба стояли на лестнице, и Кемп все еще держал в руках одежду, оставшуюся от Гриффина. Наконец Эдай начал понимать суть происшедшего.

— Он помешанный, — торопливо говорил Кемп, — это не человек, а зверь. Думает только о себе. Он не считается ни с чем, кроме собственной выгоды и безопасности. Я его выслушал сегодня — это злобный эгоист... Пока он только калечил людей. Но он будет убивать, если мы его не схватим. Он вызовет панику. Он ни перед чем не остановится. И он теперь на воле, обезумевший от ярости!

— Ясно одно: его надо поймать, — сказал Эдай.

— Но как? — воскликнул Кемп и вдруг разразился потоком слов: — Надо сейчас же принять меры. Надо всех поднять на ноги, чтобы Гриффин не ушел из этих мест. Иначе он будет колесить по стране, калечить и убивать людей. Он мечтает о царстве террора! Понимаете ли вы: террора! Вы должны установить надзор на железных дорогах, на шоссе, на судах. Вызовите войска. Единственная надежда на то, что он не уйдет, пока не достанет своих заметок, которые очень ценит. Я вам потом объясню. У вас в полицейском управлении сидит некий Марвел...

— Знаю, — сказал Эдай. — Книги, да. Но ведь этот бродяга...

— Не сознается, что книги у него. Но Невидимка уверен, что Марвел их спрятал. А главное, надо не давать Невидимке ни есть, ни спать. Днем и ночью люди должны бодрствовать, сторожить, чтобы он не мог достать никакой еды. Все должно быть на запоре. Все дома на запор! Дай бог, чтобы были холода и дожди! Все от мала до велика должны участвовать в охоте! Поймите, Эдай, его надо поймать во что бы то ни стало! Иначе нам грозят неисчислимы бедствия, подумать и то страшно.

— Так мы и будем действовать, — сказал Эдай. — Сейчас же пойду и возьмусь за дело. А может, и вы пойдете со мной? Пойдемте! Мы устроим военный совет, пригласим Хопса, администрацию железной дороги. Ей-богу, нельзя терять ни минуты... А по дороге расскажете мне все подробно. Что же еще предпринять? Да бросьте вы этот халат!

Через минуту Эдай и Кемп уже были внизу. Дверь была открыта настежь, и двое полицейских все еще главели в пустоту.

— Сбежал, сэр, — доложил один из них.

— Мы сейчас отправляемся в Центральное управление, — сказал Эдай. — Один из вас пусть найдет извозчика и велит ему догнать нас. Да поворачивайтесь! Итак, Кемп, что же дальше?

— Собак надо, — сказал Кемп. — Найдите собак. Они не видят, но чуют. Найдите собак.

— Хорошо, — согласился Эдай. — Скажу вам по секрету: у тюремного начальства в Холстэде есть человек, который держит ищеек. Итак, собаки. Дальше.

— Не забудьте, — сказал Кемп, — что пища, поглощенная им, видна. Она видна, пока не усвоится организмом. Значит, после еды он должен прятаться. Надо обыскать каждый кустик, каждый уголок. Надо убрать все оружие и все, что может служить оружием. Ему ничего нельзя подолгу носить с собой. А все, чем можно воспользоваться, чтобы нанести удар, нужно спрятать подальше.

— Сделаем и это, — сказал Эдай. — Он от нас не уйдет, дайте срок.

— А по дорогам... — начал Кемп и запнулся.

— Что? — спросил Эдай.

— Насыпать толченого стекла. Это, конечно, жестоко, но если подумать, что он может натворить...

Эдай свистнул:

— Не слишком ли это? Нечестная игра. Впрочем, ве-лю приготовить на случай, если он слишком зарвется.

— Говорю вам, что это уже не человек, а зверь, — сказал Кемп. — Не сомневаюсь, что он осуществит свою мечту о терроре, стоит ему только оправиться после бегства. Мы должны во что бы то ни стало его опередить. Он сам бросил вызов человечеству. Так пусть заплатит за это кровью!

Глава XXVI *Убийство Уикстида*

Невидимка, по всем признакам, выбежал из дома Кемпа в совершенном бешенстве. Маленький ребенок, игравший у калитки, был поднят на воздух и с такой силой отброшен в сторону, что сломал ножку. После этого Невидимка на несколько часов исчез. Никто так и не узнал, куда он направился и что делал. Но можно легко представить себе, как он бежал в знойный июньский полдень в гору

и дальше, по меловым холмам за Порт-Бэрдоком, кляня свою судьбу, и наконец, усталый и измученный, нашел приют в кустарнике близ Хинтондина, где решил собраться с мыслями и заново обдумать рухнувшие планы борьбы против себе подобных. Скорее всего, он сразу же укрылся именно в этих местах, потому что около двух часов пополудни он обнаружил там свое присутствие самым зловещим, трагическим образом.

Каково было тогда его настроение и что он замышлял, можно только догадываться. Несомненно, он был до крайности взбешен предательством Кемпа, и, хотя вполне понятны мотивы, руководившие Кемпом, все же нетрудно представить себе гнев, который должна была вызвать такая неожиданная измена, и даже отчасти оправдать его. Быть может, Невидимку снова охватило то чувство растерянности, которое он испытал во время событий на Оксфорд-стрит, — ведь он явно рассчитывал, что Кемп поможет ему осуществить жестокий план — подвергнуть человечество террору. Как бы то ни было, около полудня он исчез, и никто не знает, что он делал до полудня третьего. Для человечества это, возможно, и к лучшему, но для него самого такое бездействие оказалось роковым.

В эти два с половиной часа за дело принялось множество людей, рассеянных по всей округе. Утром Невидимка был еще просто сказкой, пугалом: в полдень же благодаря сухому, но выразительному воззванию Кемпа он превратился уже в совершенно осязаемого противника, которого надо было ранить, захватить живым или мертвым, и все население с невероятной быстротой стало готовиться к борьбе. Даже в два часа дня Невидимка еще мог бы спастись, забравшись в поезд, но после двух это стало уже невыполнимо. По всем железнодорожным линиям на обширном пространстве между Саутгемптоном, Манчестером, Брайтоном и Хоршэмом пассажирские поезда шли с закрытыми дверями, а товарное движение почти прекратилось. В большом круге, радиусом миль в двадцать вокруг Порт-Бэрдока, по дорогам и полям рыскали группы по три-четыре человека с ружьями, дубинками и собаками.

Конные полицейские объезжали окрестные селения, останавливались у каждого дома и предупреждали жителей, чтобы они запирали двери и не выходили без оружия. В три часа закрылись школы, и перепуганные дети

тесными кучками бежали домой. Часам к четырем воззвание, составленное Кемпом и подписанное Эдаем, было уже расклеено по всей округе. В нем кратко, но ясно были указаны все меры борьбы: не давать Невидимке есть и спать, быть все время настороже, чтобы принять решительные меры, если где-либо обнаружится его присутствие. Действия властей были так быстры и энергичны, а страх перед ужасной опасностью так силен, что до наступления ночи во всей округе на протяжении нескольких сот квадратных миль было введено осадное положение. И вот в тот же вечер по всему напуганному и насторожившемуся краю пронесся трепет ужаса: из уст в уста передавали слух, молниеносный и достоверный, об убийстве мистера Уикстида.

Если наше предположение, что Невидимка укрылся в кустарнике близ Хингондина, правильно, то он, очевидно, вскоре после полудня вышел оттуда с неким намерением, для выполнения которого требовалось оружие. Что это было за намерение, установить нельзя, но оно было. Это, на мой взгляд, неопровержимо; ведь не случайно еще до стычки с Уикстидом Невидимка где-то добыл железный прут.

О подробностях этой стычки мы, разумеется, ничего не знаем. Произошла она на краю песчаного карьера, яров за двести от ворот виллы лорда Бэрдока. Все указывает на отчаянную борьбу: утоптанная земля, многочисленные раны Уикстида, его сломанная трость; но трудно себе представить, что могло послужить причиной нападения, кроме мании убийства. Мысль о помешательстве напрашивается сама собой. Мистер Уикстид, управляющий лорда Бэрдока, человек лет сорока пяти, был самым безобидным существом на свете и уж, конечно, никогда первым не напал бы на такого страшного врага. Раны, по-видимому, были нанесены мистеру Уикстиду железным прутот, вытасненным из сломанной ограды. Невидимка остановил этого мирного человека, спокойно направлявшегося домой завтракать, напал на него, быстро сломил его слабое сопротивление, перебил ему руку, повалил беднягу на землю и размозжил ему голову.

Железный прут он, вероятно, вытащил из ограды еще до встречи со своей жертвой, — должно быть, он держал его уже наготове. Еще две подробности проливают некоторый свет на это происшествие. Во-первых, песчаный карьер находился не совсем на пути мистера Уикстида к до-

му, а ярдов на двести в сторону. Во-вторых, по свидетельству маленькой девочки, которая возвращалась из школы, покойный какой-то странной походкой «трусил» через поле по направлению к карьеру. По тому, как она это изобразила, можно было заключить, что он словно преследовал что-то движущееся по земле, время от времени заматываясь тростью. Девочка была последней, кто видел несчастного мистера Уикстида живым. Он шел прямо навстречу смерти; он спустился в ложбинку, и росшие там деревья скрыли от девочки последнюю схватку.

Эти подробности, по крайней мере, в глазах пишущего эти строки делают убийство Уикстида не столь беспричинным. Можно представить себе, что Гриффин прихватил железный прут, конечно, как оружие, но без умысла совершить убийство. Тут мог попасться на дороге Уикстид и увидеть прут, который непонятным образом двигался по воздуху. Нисколько не думая о Невидимке — ведь от этих мест до Порт-Бэрдока десять миль, — он мог последовать за прутком. Весьма вероятно, что он даже и не слышал о Невидимке. Легко далее допустить, что Невидимка стал потихоньку удаляться, не желая обнаруживать свое присутствие, а Уикстид, возбужденный и заинтересованный, не отставал от странного самодвижущегося предмета и наконец ударил по нему.

Конечно, при обычных обстоятельствах Невидимка мог бы без особого труда уйти от своего уже немолодого преследователя, но положение тела убитого Уикстида дает основание думать, что тот имел несчастье загнать своего противника в угол между густой зарослью крапивы и песчаным карьером. Помня крайнюю раздражительность Невидимки, нетрудно представить себе остальное.

Все это, впрочем, одни догадки. Единственные несомненные факты (ибо на рассказы детей не всегда можно полагаться) — это тело убитого Уикстида и окровавленный железный прут, валявшийся в крапиве. Очевидно, Гриффин бросил прут потому, что, охваченный волнением, забыл о цели, для которой им вооружился, если вначале такая цель и была. Конечно, он был большой эгоист и человек бесчувственный, но вид жертвы, его первой жертвы, окровавленной и жалкой, распростертой у его ног, мог пробудить в нем забытое раскаяние и на время отратить его от злодейских намерений.

После убийства мистера Уикстида Невидимка, по всей вероятности, бежал в сторону холмов. Рассказывают, что

два работника на поле у Ферн-Боттом слышали вечером какой-то таинственный голос. Кто-то рыдал, смеялся, охал и стонал, а порой громко вскрикивал. Должно быть, жутко было это слушать. Голос пронесся над клеверным полем и замер вдалеке у холмов.

В этот вечер Невидимке, вероятно, пришлось узнать, как воспользовался Кемп его откровенностью. Должно быть, он нашел все двери на замке, бродил по железнодорожным станциям, подкрадывался к гостиницам, без сомнения, прочел расклеенные повсюду воззвания и понял, какой предпринят против него поход. С наступлением вечера по полям разбрелись группы вооруженных людей и раздавался собачий лай. Это охотники на человека получили специальные указания, как помогать друг другу в случае схватки с врагом. Но Невидимке удалось избежать встречи с ними. Мы можем отчасти понять его ярость, если вспомним, что он сам сообщил все сведения, которые так беспощадно обращались теперь против него. В этот день, по крайней мере, он пал духом. Почти целые сутки, если не считать стычки с Уикстидом, он чувствовал себя как затравленный зверь. Ночью ему удалось, вероятно, поесть и поспать, ибо утром к нему снова вернулось присутствие духа: он опять стал сильным, деятельным, хитрым и злобным и был готов к своей последней великой борьбе со всем миром.

Глава XXVII *В осажденном доме*

Кемп получил странное послание, написанное карандашом на засаленном клочке бумаги:

«Вы проявили изумительную энергию и сообразительность, — говорилось в письме, — хотя я не представляю себе, чего вы надеетесь этим достичь. Вы против меня. Весь день вы травили меня, хотели лишить меня отдыха и ночью. Но я насытился вопреки вам, выспался вопреки вам, и игра еще только начинается. Игра только начинается! Мне ничего не остается, как прибегнуть к террору. Настоящим письмом я провозглашаю первый день Террора. Отныне Порт-Бэрдок уже не под властью королевы, передайте это вашему начальнику полиции и его шайке, — он под моей властью, под Властью Террора. Нынешний день — первый день первого года новой эры — эры Невидимки. Я — Невидимка Первый. Сначала мое правление будет милосердным. В первый день будет совершена

только одна казнь, для острастки, казнь человека по фамилии Кемп. Сегодня смерть настигнет этого человека. Пусть запирается, пусть прячется, пусть окружает себя охраной, пусть оденется в броню, если угодно, — смерть, незримая смерть приближается к нему. Пусть принимает меры предосторожности: тем большее впечатление его смерть произведет на мой народ. Смерть двинется из почтового ящика сегодня в полдень. Письмо будет опущено в ящик перед самым приходом почтальона — и в путь! Игра началась. Смерть надвигается на него. Не помогай ему, дабы смерть не постигла и тебя. Сегодня Кемп должен умереть».

Кемп дважды прочел письмо.

— Это не шутки, — сказал он. — Это его голос! И он будет действовать.

Перевернув листок, он увидел на адресе штемпель «Хинтондин» и прозаическую записку: «Доплатить 2 пенса».

Кемп встал из-за стола, не докончив завтрака, — письмо пришло в два часа дня, — и поднялся в свой кабинет. Он позвонил экономке, велел ей немедленно обойти весь дом, осмотреть все задвижки на окнах и закрыть ставни. Из запертого ящика стола в спальне он вынул небольшой револьвер, тщательно осмотрел его и положил в карман домашней куртки. Затем он написал несколько записок, в том числе и полковнику Эдаю, и поручил служанке отнести их, дав ей при этом точные наставления, как выйти из дому.

— Опасности нет никакой, — сказал он, прибавив про себя: «Для вас». После этого он некоторое время сидел задумавшись, а потом вернулся к остывшему завтраку.

Он ел рассеянно, погруженный в свои мысли. Потом сильно ударил кулаком по столу.

— Мы его поймаем! — воскликнул он. — И приманкой буду я. Он зарвется.

Кемп поднялся наверх, тщательно закрывая за собой все двери.

— Это игра, — сказал он, — И игра необычайная. Но все шансы на моей стороне, мистер Гриффин, хоть вы невидимы и храбры. Гриффин *contra mundum*¹.

¹ Против всего мира (лат.).

Он стоял у окна, глядя на залитый солнцем косогор.

— Ведь ему надо добывать себе пищу каждый день. Не завидую ему. А верно ли, что прошлой ночью ему удалось поспать? Где-нибудь под открытым небом, чтобы никто не мог на него наткнуться... Вот если бы вместо этой жары наступили холода и слякоть... А ведь он, быть может, в эту самую минуту наблюдает за мной.

Кемп вплотную подошел к окну и вдруг в испуге отскочил. Что-то с силой ударилось в стену над рамой.

— Однако нервы у меня расходились,— проговорил он про себя, но добрых пять минут не решался подойти к окну. — Воробей, должно быть,— сказал он.

Тут он услышал звонок у входной двери и поспешил вниз. Он отодвинул засов, повернул ключ, осмотрел цепь, закрепил ее и осторожно приоткрыл дверь, не показываясь сам. Знакомый голос окликнул его. Это был полковник Эдай.

— На вашу служанку напали,— сказал Эдай из-за двери.

— Что?! — воскликнул Кемп.

— У нее отняли вашу записку. Он где-нибудь поблизости. Впустите меня.

Кемп снял цепь, и Эдай кое-как протиснулся в узкую щель чуть приоткрытой двери. Он облегченно вздохнул, когда Кемп снова наложил засов.

— Записку вырвали у нее из рук. Она страшно испугалась. Сейчас она у меня в управлении. С ней истерика. Он где-нибудь поблизости. Что было в записке?

Кемп выругался.

— И дурак же я! — сказал он. — Мог бы догадаться: ведь отсюда до Хинтондина меньше часу хода. Уже!

— В чем дело? — спросил Эдай.

— Вот взгляните,— сказал Кемп и повел Эдаю в кабинет. Он протянул ему письмо Невидимки. Эдай прочел и тихонько свистнул.

— А вы? — спросил он.

— Подстроил ловушку,— сказал Кемп,— и, как дурак, послал план с горничной. Прямо ему в руки.

Эдай терпеливо выслушал проклятия Кемпа.

— Он убежит,— сказал Эдай.

— Ну нет,— возразил Кемп.

Сверху донесся звон разбитого стекла. Эдай заметил маленький револьвер, торчавший из кармана Кемпа.

— Это в кабинете! — сказал Кемп и первый стал подниматься по лестнице. Еще не дойдя до верха, они опять услышали звон.

В кабинете они увидели, что два окна из трех разбиты, пол усеян осколками, а на письменном столе лежит большой булыжник. Оба остановились на пороге, глядя на разрушение. Кемп снова выругался, и в ту же минуту третье окно треснуло, точно выстрелили из пистолета, и на пол со звоном посыпались осколки.

— Зачем это? — сказал Эдай.

— Это начало, — ответил Кемп.

— А влезть сюда нет никакой возможности?

— Даже кошка не влезет, — сказал Кемп.

— Ставен нет?

— Здесь нет. Во всех нижних комнатах... Ого!

Снизу донесся звон стекла и треск досок от сильного удара.

— Это, должно быть... да, это в спальне. Он собирается обработать весь дом. Дурак он. Ставни закрыты, и стекло будет падать наружу. Он изрежет себе ноги.

Еще одно окно разлетелось вдребезги. Кемп и Эдай стояли на площадке, не зная, что делать.

— Вот что, — сказал Эдай, — дайте мне палку или что-нибудь в этом роде; я схожу в управление и велю прислать собак. Тогда мы его поймаем! Они будут здесь через каких-нибудь десять минут...

Еще одно окно разделило участь остальных.

— Нет ли у вас револьвера? — спросил Эдай.

Кемп сунул руку в карман и замялся.

— Нет, — ответил он, — по крайней мере, лишнего нет.

— Я принесу его обратно, — сказал Эдай. — Вы ведь в безопасности.

Кемп, пристыженный, отдал револьвер.

— Теперь пойдёмте отворять дверь, — сказал Эдай.

Пока они стояли в прихожей, не решаясь подойти к двери, одно из окон в спальне на первом этаже затрещало. Кемп подошёл к двери и начал как можно осторожнее отодвигать засов. Лицо его было несколько бледнее обыкновенного.

— Выходите, — сказал Кемп.

Еще секунда, и Эдай был уже на крыльце, а Кемп снова задвинул засов. Эдай помедлил немного: стоять, прислонившись к двери, было все-таки спокойнее. Потом выпрямился и твердо зашагал вниз по ступенькам. Он пере-

сек лужайку и приблизился к калитке. Казалось, по траве пронесся ветерок. Что-то зашевелилось рядом с ним.

— Погодите минутку,— произнес Голос.

Эдай остановился как вкопанный, рука его крепко сжала револьвер.

— В чем дело? — сказал Эдай, бледный и угрюмый; каждый нерв его был напряжен.

— Вы весьма меня обяжете, если вернетесь в дом,— сказал Голос так же угрюмо и напряженно, как Эдай.

— К сожалению, не могу,— сказал Эдай несколько охрипшим голосом и провел языком по пересохшим губам. Голос был, как ему показалось, слева от него. А что, если попытаться счастья и выстрелить?

— Куда вы идете? — спросил Голос.

Оба сделали быстрое движение, и в руке Эдая блеснул револьвер.

Но он отказался от своего намерения и задумался.

— Куда я иду — это мое дело,— проговорил он медленно.

Не успел он произнести эти слова, как невидимая рука обхватила его за шею, в спину уперлось колено, и он упал. Вытащив кое-как револьвер, он выстрелил наугад; в ту же секунду он получил сильный удар по зубам, и револьвер вырвали у него из рук. Он сделал тщетную попытку ухватиться за ускользнувшую невидимую ногу, попробовал встать и снова упал.

— Проклятье! — воскликнул Эдай.

Голос рассмеялся.

— Я убил бы вас, да жалко тратить пулю,— сказал он.

Эдай увидел фугах в шести перед собой дуло повисшего в воздухе револьвера.

— Ну? — сказал Эдай, садясь.

— Встаньте! — приказал Голос.

Эдай встал.

— Смирно! — решительно произнес Голос. — Бросьте все свои затеи. Помните, что я ваше лицо хорошо вижу, а вы меня не видите. Вернитесь в дом.

— Он меня не впустит,— сказал Эдай.

— Очень жаль,— сказал Невидимка. — С вами я не ссорился.

Эдай снова провел языком по губам. Он отвел взгляд от револьвера, увидел вдали море, очень синее и темное в блеске полуденного солнца, шелковистые зеленые хол-

мы, белый скалистый мыс, многолюдный город и вдруг почувствовал, как прекрасна жизнь. Он перевел взгляд на маленький металлический предмет, висевший между небом и землей в шести футах от него.

— Что же мне делать? — мрачно спросил он.

— А мне что делать? — спросил Невидимка. — Вы приведете подмогу. Нет, придется вам вернуться назад.

— Попытаюсь. Если он впустит меня, вы обещаете не врываться за мной в дом?

— С вами я не ссорился, — ответил Голос.

Кемп, выпустив Эдая, поспешил вверх: осторожно ступая по осколкам, подкрался к окну кабинета и глянул вниз. Он увидел Эдая, разговаривающего с Невидимкой.

— Что же он не стреляет? — пробормотал Кемп.

Тут револьвер переместился и засверкал на солнце. Заслонив глаза, Кемп старался проследить движение ослепительного луча.

— Так и есть! — воскликнул он. — Эдай отдал револьвер!

— Обещайте не врываться за мной, — говорил в это время Эдай. — Не увлекайтесь своей удачей. Уступите в чем-нибудь.

— Возвращайтесь в дом. Говорю вам прямо: я ничего не обещаю.

Эдай, видимо, вдруг принял решение. Он повернул к дому и медленно пошел вперед, заложив руки за спину. Кемп с недоумением наблюдал за ним. Револьвер исчез, затем снова сверкнул, снова исчез и появился, маленький блестящий предмет, неотступно следовавший за Эдаем. Дальнейшие события разворачивались молниеносно: Эдай прыгнул назад, резко повернулся, хотел схватить револьвер, не поймал его, вскинул руки и упал ничком, а над ним взвилось маленькое синее облачко. Выстрела Кемп не слышал. Эдай сделал несколько судорожных движений, приподнялся, опираясь на руку, снова упал и остался недвижим.

Кемп постоял немного, глядя на безмятежно спокойную позу Эдая. День был жаркий и безветренный, казалось, весь мир замер, только в кустах между домом и калиткой две желтые бабочки гонялись одна за другой. Эдай лежал на лужайке возле калитки. Во всех виллах на холме шторы были спущены, но в маленькой зеленой беседке виднелась белая фигура — по-видимому, старик, который мирно дремал. Кемп внимательно всматривался,

пытаясь разглядеть в воздухе револьвер, но он исчез. Взгляд Кемпа вернулся к Эдаю. Игра начиналась всерьез.

Кто-то начал звонить и стучаться в наружную дверь все громче, настойчивей, но прислуга, повинувшись распоряжениям Кемпа, сидела, запершись, по своим комнатам. Наконец все стихло. Кемп посидел немного, прислушиваясь, потом осторожно выглянул по очереди в каждое из трех окон. После этого вышел на лестницу и опять напряженно прислушался. Затем пошел в спальню, вооружился там кочергой и снова отправился проверять внутренние запоры окон в нижнем этаже. Все было прочно и надежно. Он вернулся наверх. Эдай по-прежнему неподвижно лежал у края посыпанной гравием дорожки. По дороге, мимо вилл, шли служанка и двое полисменов.

Стояла мертвая тишина. Кемпу показалось, что трое людей приближаются очень медленно. Он спрашивал себя, что делает его противник.

Вдруг он вздрогнул. Снизу донесся треск. После некоторого колебания Кемп сошел вниз. Внезапно весь дом огласился тяжелыми ударами и треском расщепляемого дерева. Звенели и лязгали железные задвижки на ставнях. Он повернул ключ, открыл дверь в кухню. Как раз в эту минуту в комнату полетели разрубленные и расщепленные ставни. Кемп остановился, оцепенев от ужаса. Оконная рама, кроме одной перекладины, была еще цела, но от стекла осталась только зубчатая каемка. Ставни были разрублены топором, который теперь со всего размаху ударял по раме и железной решетке, защищавшей окно. Но вдруг топор отскочил в сторону и исчез.

Кемп увидел лежавший на дорожке возле дома револьвер, и тотчас револьвер подпрыгнул. Кемп попятился. Еще секунда — раздался выстрел; цепка, оторванная от захлопнутой Кемпом кухонной двери, пролетела над его головой. Он запер дверь на ключ и сейчас же услышал крики и смех Гриффина. Потом под сокрушительными ударами топора снова затрещало дерево. Кемп постоял в коридоре, собираясь с мыслями. Через минуту Невидимка будет на кухне. Эта дверь задержит его ненадолго, и тогда...

У наружной двери позвонили. Должно быть, полисмены. Кемп побежал в прихожую, укрепил цепь и отодвинул засов. Только окликнув служанку и услышав ее голос, он снял цепь, все трое гурьбой ввалились в дом, и Кемп снова захлопнул дверь.

— Невидимка! — сказал Кемп. — У него револьвер. Осталось два заряда. Он убил Эдая. Или, во всяком случае, ранил его. Вы не видели его на лужайке? Он там лежит.

— Кто? — спросил один из полицейских.

— Эдай, — сказал Кемп.

— Мы прошли задворками, — сказала служанка.

— Что это за треск? — спросил другой полицейский.

— Он на кухне... или скоро там будет. Он нашел топор...

Вдруг на весь дом раздался удары топора по кухонной двери. Служанка взглянула на дверь, задрожала и попятилась в столовую. Кемп отрывочно объяснял положение. Они слышали, как подалась кухонная дверь.

— Сюда! — крикнул Кемп, быстро вталкивая полисменов в столовую.

— Кочергу! — крикнул Кемп и бросился к камину. Кочергу, которую он принес из спальни, он отдал первому из полисменов, а кочергу из столовой — другому. Вдруг он отскочил назад.

Один из полисменов прыгнул и, вскрикнув, поймал топор кочергой... Револьвер выпустил предпоследний заряд, пробив ценное полотно кисти Сиднея Купера. Второй полисмен ударил своей кочергой по маленькому смертоносному оружию, точно хотел убить осу, и револьвер со стуком упал на пол.

Как только началась схватка, служанка вскрикнула, постояла с минуту у камина и бросилась отворять ставни, вероятно, думая спастись через разбитое окно.

Топор выбрался в коридор и остановился футах в двух от пола. Слышно было тяжелое дыхание Невидимки.

— Вы оба отойдите, — сказал он. — Мне нужен Кемп.

— А нам нужны вы, — сказал первый полисмен и, выступив вперед, ударил кочергой в направлении Голоса. Но Невидимке удалось уклониться от удара, и кочерга попала в стойку для зонтиков.

Полисмен едва устоял на ногах, и в ту же минуту топор стукнул его по голове, смяв каску, словно она была из бумаги, и он кубарем вылетел на кухонную лестницу. Но второй полисмен ударил кочергой позади топора и попал во что-то мягкое. Раздался крик боли, и топор упал на пол. Полисмен ударил опять, но попал в пустоту; потом он наступил ногой на топор и ударил еще раз. Затем, дер-

жа кочергу наготове, стал внимательно прислушиваться, стараясь уловить какое-нибудь движение.

Он услышал, как раскрылось окно в столовой и затем раздались быстрые шаги. Товарищ его приподнялся и сел; кровь текла у него по щеке.

— Где он? — спросил раненый.

— Не знаю. Я зацепил его. Стоит где-нибудь в прихожей, если только не шмыгнул мимо тебя. Доктор Кемп! Сэр!..

Никакого ответа.

— Доктор Кемп! — снова позвал полисмен.

Раненый стал медленно подниматься на ноги. Наконец ему это удалось. Вдруг с кухонной лестницы донеслось шлепанье босых ног.

— Гоп! — крикнул первый полисмен и метнул кочергу: она расплющила газовый рожок.

Он пустился было преследовать Невидимку, но потом раздумал и вошел в столовую.

— Доктор Кемп... — начал он и сразу остановился. — Вот так храбрец этот доктор Кемп, — сказал он, обращаясь к заглянувшему через его плечо товарищу.

Окно в столовой было раскрыто настежь. Ни служанки, ни Кемпа.

Свое мнение о докторе Кемпе второй полисмен выразил кратко и энергично.

Глава XXVIII *Травля охотника*

Мистер Хилас, владелец соседней виллы, спал в своей беседке, когда началась осада дома Кемпа. Мистер Хилас принадлежал к тому упрямому меньшинству, которое ни за что не хотело верить «шелстым рассказам о Невидимке». Жена его, однако, слухам верила и не раз впоследствии напоминала об этом мужу. Он вышел погулять по своему саду как ни в чем не бывало, а после обеда по давней привычке прилег. Все время, пока Невидимка бил окна в доме Кемпа, мистер Хилас преспокойно спал, но вдруг проснулся и почувствовал неладное. Он взглянул на дом Кемпа, протер глаза и снова взглянул. Потом он спустил ноги и сел, прислушиваясь. Он помянул черта, но странное видение не исчезло. Дом выглядел так, как будто его бросили с месяц назад после погрома. Все стекла были разбиты, и все окна, кроме окон кабинета на верхнем этаже, были изнутри закрыты ставнями.

— Готов поклясться, — мистер Хилас посмотрел на часы, — что двадцать минут назад все было в порядке.

Вдалеке раздавались мерные удары и звон стекла. А затем, пока он сидел с разинутым ртом, произошло нечто еще более странное. Ставни столовой распахнулись, и служанка в шляпе и пальто появилась в окне, судорожно стараясь поднять раму. Вдруг возле нее появился еще кто-то и стал помогать ей. Доктор Кемп! Еще минута — окно открылось, и служанка вылезла из него; она бросилась бежать и исчезла в кустах. Мистер Хилас встал, нечленораздельными возгласами выражая свое волнение по поводу столь поразительных событий. Он увидел, как Кемп взобрался на подоконник, выпрыгнул в окно и в ту же минуту появился на дорожке, обсаженной кустами: он бежал, пригнувшись, словно прячась от кого-то. Он исчез за кустом, потом показался опять возле изгороди со стороны открытого поля. В один миг он перелез изгородь и кинулся бежать вниз по косогору, прямо к беседке мистера Хиласа.

— Господи! — воскликнул мистер Хилас, пораженный страшной мыслью. — Это тот мерзавец Невидимка! Значит, все правда!

Для мистера Хиласа такая мысль означала: немедленно действовать, и кухарка его, наблюдавшая за ним из окна верхнего этажа, с удивлением увидела, как он ринулся к дому со скоростью добрых девяти миль в час.

— Чего это он так испугался? — пробормотала кухарка. — Мчитя как угорелый.

Раздалось хлопанье дверей, звон колокольчика и голос мистера Хиласа, оравшего во все горло:

— Заприте двери! Заприте окна! Заприте все! Невидимка идет!

Весь дом тотчас же наполнился криками, шумом и топотом бегущих ног. Мистер Хилас сам побежал закрывать балконные двери, и тут из-за забора показалась голова, плечи и колени Кемпа. Еще минута — и Кемп, перемахнув через грядку спаржи, помчался по теннисной площадке к дому.

— Нельзя, — сказал мистер Хилас, задвигая занавес. — Мне очень жаль, если он гонится за вами, но сюда нельзя.

К стеклу прижалось лицо Кемпа, искаженное ужасом. Он стал стучать в балконную дверь и неистово рвать ручку. Видя, что все напрасно, он пробежал по балкону,

спрыгнул в сад и начал стучаться в боковую дверь. Потом выскочил через боковую калитку, обогнул дом и пустился бежать по дороге. И едва успел он скрыться из глаз мистера Хиласа, все время испуганно смотревшего в окно, как грядку спаржи безжалостно смяли невидимые ноги. Тут мистер Хилас помчался по лестнице наверх и дальнейшего хода охоты уже не видел. Но, пробегая мимо окна, он услышал, как хлопнула боковая калитка.

Выскочив на дорогу, Кемп, естественно, побежал под гору. Таким образом, ему пришлось теперь самому совершить тот же пробег, за которым он следил столь критическим взором из окна своего кабинета всего лишь четыре дня тому назад. Для человека, давно не упражнявшегося, Кемп бежал неплохо, и хотя он побледнел и обливался потом, мысль его работала спокойно и трезво. Он несся крупной рысью, и когда попадались неудобные места, неровный булыжник или осколки разбитого стекла, ярко блестящие на солнце, то бежал прямо по ним, предоставляя невидимым босым ногам своего преследователя избирать путь по собственному усмотрению.

Впервые в жизни Кемп обнаружил, что дорога по холму необычайно длинна и безлюдна и что до окраины города там, у подножия холма, необыкновенно далеко. На свете нет более трудного и медлительного способа передвижения, чем бег. Виллы, дремавшие под полуденным солнцем, по-видимому, были заперты наглухо. Правда, это было сделано по его собственному указанию. Но хоть бы кто-нибудь догадался на всякий случай следить за происходящим! Вдали начал вырисовываться город, море скрылось из виду, внизу были люди. К подножию холма как раз подъезжала конка. А там полицейское управление. Но что это слышно позади, шаги? Ходу!

Люди внизу смотрели на него; несколько человек бросилось бежать. Дыхание Кемпа стало хриплым. Теперь конка была совсем близко, в кабачке «Веселые крикетисты» шумно запирали двери. За конкой были столбы и кучи щебня для дренажных работ. У Кемпа мелькнула мысль вскочить в конку и захлопнуть двери, но он решил, что лучше направиться прямо в полицию. Через минуту он миновал «Веселых крикетистов» и очутился в конце улицы, среди людей. Кучер конки и его помощник, бросив выпрягать лошадей, смотрели на него разинув рты. Из-за куч щебня выглядывали удивленные землекопы.

Кемп немного замедлил бег, но, услышав за собой быстрый топот своего преследователя, опять поднажал.

— Невидимка! — крикнул он землекопам, неопределенно махнув рукой назад, и, по счастливому наитию, перескочил канаву, так что между ним и Невидимкой очутилось несколько дюжих мужчин. Оставив мысль о полиции, он свернул в переулок, промчался мимо тележки зеленщика, помедлил мгновение у дверей колониальной лавки и побежал по бульвару, который выходил на главную улицу. Дети, игравшие под деревьями, с криком разбежались при его появлении, раскрылось несколько окон, и разгневанные матери что-то кричали ему вслед. Он снова выбежал на Хилл-стрит, ярдов за триста от станции конки, и увидел толпу кричащих и бегущих людей.

Он взглянул вдоль улицы по направлению к холму. Ярдах в двенадцати от него бежал рослый землекоп, громко бранясь и размахивая лопатой: следом за ним мчался, сжав кулаки, кондуктор конки. За ними бежали еще люди, громко крича и замахиваясь на кого-то. С другой стороны, по направлению к городу тоже спешили мужчины и женщины, и Кемп увидел, как из одной лавки выскочил человек с палкой в руке.

— Окружайте его! Окружайте! — крикнул кто-то.

Кемп вдруг понял, что положение резко изменилось. Он остановился, переводя дух, и огляделся.

— Он где-то здесь! — крикнул он. — Оцепите...

— Ага! — раздался Голос.

Кемп получил жестокий удар по уху и зашатался; он попытался обернуться к невидимому противнику, но еле устоял на ногах и ударил в пустое пространство. Потом он получил сильный удар в челюсть и свалился на землю. Через секунду в живот ему уперлось колено и две руки яростно схватили его за горло, но одна из них действовала слабее другой. Кемпу удалось разжать кисти рук Невидимки, послышался громкий стон, и вдруг над головой Кемпа взвилась лопата землекопа и с глухим стуком опустилась. На лицо Кемпа что-то капнуло. Руки, державшие его за горло, вдруг ослабели, судорожным усилием он освободился, ухватил обмякшее плечо своего противника и навалился на него, прижимая к земле невидимые локти.

— Я поймал его! — взвизгнул Кемп. — Помогите, помогите! Он здесь. Держите его за ноги!

Секунда — и на место борьбы ринулась вся толпа. Посторонний зритель мог бы подумать, что тут разыгрывается какой-то ожесточенный футбольный матч. После выкриков Кемпа никто уже не сказал ни слова, слышался только стук ударов, топот ног и тяжелое дыхание.

Невидимке удалось нечеловеческим усилием сбросить с себя нескольких противников и подняться на ноги. Кемп вцепился в него, как гончая в оленя, и десятки рук хватали, колотили и рвали невидимое существо. Кондуктор конки поймал его за шею и снова повалил на землю.

Опять образовалась груда барахтающихся тел. Били, нужно сознаться, немилосердно. Вдруг раздался дикий вопль: «Пощадите! Поощадите!» — и быстро замер в придушенном стане.

— Оставьте его, дурачье! — крикнул Кемп глухим голосом, и толпа подалась назад. — Он ранен, говорят вам. Отойдите!

Наконец удалось оттеснить сгрудившихся разгоряченных людей, и все увидели, что доктор Кемп опустился на колени, как бы повиснув дюймах в пятнадцати от земли; он прижимал к земле невидимые руки. Полисмен держал невидимые ноги.

— Не выпускайте его! — крикнул землекоп, размахивая окровавленной лопатой. — Прикидывается!

— Он не прикидывается, — сказал Кемп, становясь на колени возле невидимого тела, — и, кроме того, я держу его крепко. — Лицо у Кемпа было разбито и уже начинало опухать; он говорил с трудом, из губы текла кровь. Он поднял руку и, по-видимому, стал ощупывать лицо лежащего. — Рот весь мокрый, — сказал он и вдруг вскрикнул: — Боже праведный!

Кемп быстро встал и снова опустился на колени возле невидимого существа. Опять началась толкотня и давка, слышался топот подбегавших любопытных. Из всех домов выскакивали люди. Двери «Веселых крикетистов» распахнулись настежь. Говорили мало.

Кемп водил рукой, словно ощупывал пустоту.

— Не дышит, — сказал он. — И сердце не бьется. Бок у него... ох!

Какая-то старуха, выглядывавшая из-под локтя рослого землекопа, вдруг громко вскрикнула.

— Глядите! — сказала она, вытянув морщинистый палец.

И, взглянув в указанном ею направлении, все увидели контур руки, бессильно лежавшей на земле; рука была словно стеклянная, можно было разглядеть все вены и артерии, все кости и нервы. Она теряла прозрачность и мутнела на глазах.

— Ого! — воскликнул констебль. — А вот и ноги показываются.

И так медленно, начиная с рук и ног, постепенно ползаясь по всем членам до жизненных центров, продолжался этот странный переход к видимой телесности. Это напоминало медленное распространение яда. Сперва показались тонкие белые нервы, образуя как бы слабый контур тела, затем мышцы и кожа, принимавшие сначала вид легкой туманности, но быстро тускневшие и уплотнявшиеся. Вскоре можно было различить разбитую грудь, плечи и смутный абрис изуродованного лица.

Когда наконец толпа расступилась и Кемпу удалось встать на ноги, то взорам всех присутствующих предстало распростертое на земле голое, жалкое, избитое и изуверченное тело человека лет тридцати. Волосы и борода у него были белые, не седые, как у стариков, а белые, как у альбиносов, глаза красные, как гранаты. Пальцы судорожно скрючились, глаза были широко раскрыты, а на лице застыло выражение гнева и отчаяния.

— Закройте ему лицо! — крикнул кто-то. — Ради всего святого, закройте лицо!

Тело накрыли простыней, взятой в кабачке «Веселые крикетисты», и перенесли в дом. Там, на жалкой постели, в убогой, полутемной комнате, среди невежественной, возбужденной толпы, избитый и израненный, преданный и безжалостно затравленный, окончил свой странный и страшный жизненный путь Гриффин — первый из людей, сумевший стать невидимым. Гриффин — даровитый физик, равного которому еще не видел свет.

Эпилог

Так кончается повесть о необыкновенном и гибельном эксперименте Невидимки. А если вы хотите узнать о нем побольше, то загляните в маленький трактир возле Порт-Стоу и поговорите с хозяином. Вывеска этого трактира — доска, в одном углу которой изображена шляпа, а в другом — башмаки, а название его такое же, как заглавие этой книги. Хозяин — низенький, толстенький чело-

век с длинным носом, щетинистыми волосами и багровым лицом. Выпейте побольше, и он не преминет подробно рассказать вам обо всем, что случилось с ним после описанных выше событий, и о том, как суд пытался отобрать найденные при нем деньги.

— Когда они убедились, что нельзя установить, чьи это деньги, то стали говорить, — вы только подумайте! — будто со мной надо поступить, как с кладом. Ну, скажите сами, похож я на клад? А потом один господин платил мне по гинее в вечер за то, что я рассказывал эту историю в мюзик-холле.

Если же вы пожелаете сразу остановить поток его воспоминаний, то вам стоит только спросить его, не играли ли роль в этой истории какие-то рукописные книги. Он скажет, что книги действительно были, и начнет клятвенно утверждать, что, хотя все почему-то считают, будто они и посейчас находятся у него, это неправда, их у него нет!

— Невидимка сам забрал их у меня, спрятал где-то, еще когда я удрал от него и скрылся в Порт-Стоу. Это все мистер Кемп сочиняет, будто книги у меня.

После этого он всякий раз впадает в задумчивость, украдкой наблюдает за вами, нервно перетирает стаканы и наконец выходит из комнаты.

Он старый холостяк, у него издавна холостяцкие вкусы, и в доме нет ни одной женщины. Всю свою верхнюю одежду, части своего костюма он застегивает при помощи пуговиц — этого требует его положение, — но когда дело доходит до подтяжек и более интимных частей туалета, он все еще прибегает к веревочкам. В деле он не очень предприимчив, но весьма заботится о респектабельности своего заведения. Движения его медлительны, и он склонен к задумчивости. В местечке он слывет умным человеком, его бережливость внушает всем почтение, а о дорогах Южной Англии он сообщит вам больше сведений, чем любой путеводитель.

А в воскресенье утром — каждое воскресенье в любое время года — и каждый вечер после десяти часов он отправляется в гостиную, прихватив стакан джина, чуть разбавленного водой, после чего тщательно запирает дверь, осматривает шторы и даже заглядывает под стол. Убедившись в полном своем одиночестве, он отпирает шкаф, затем ящик в шкафу, вынимает оттуда три книги в коричневых кожаных переплетах и торжественно кладет их на

середину стола. Переплеты истрепаны и покрыты налетом зеленой плесени (ибо однажды эти книги ночевали в канаве), а некоторые страницы совершенно размыты грязной водой. Хозяин садится в кресло, медленно набивает глиняную трубку, не отрывая восхищенного взора от книг. Затем он пододвигает к себе одну из них и начинает изучать ее, переворачивая страницы то от начала к концу, то от конца к началу. Брови его сдвинуты и губы шевелятся от усилий.

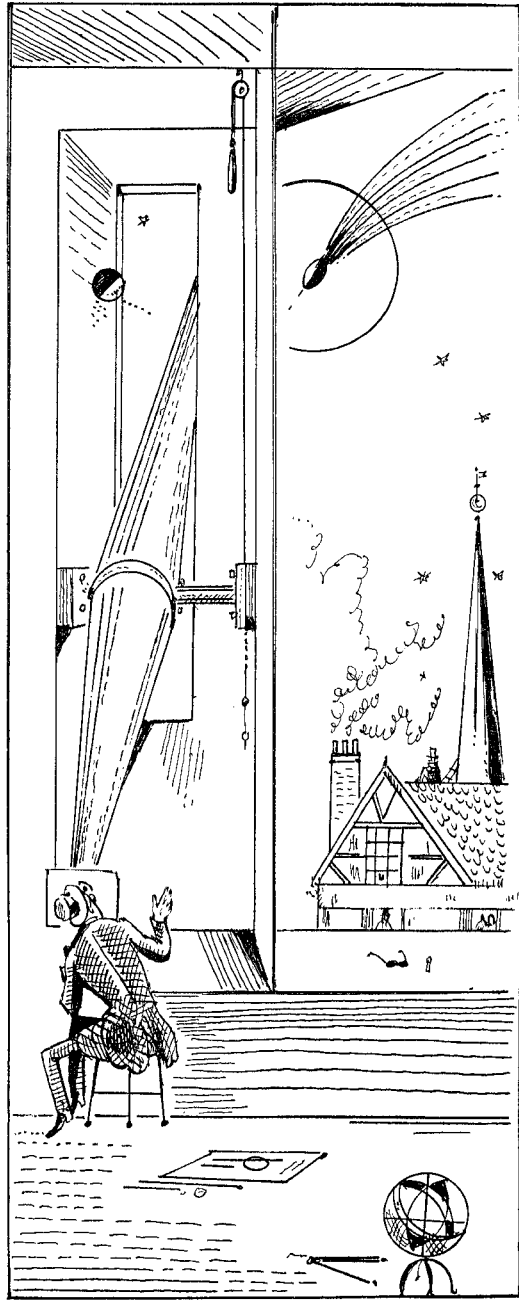
— Шесть, маленькое два сверху, крестик и закорючка. Господи, вот голова была!

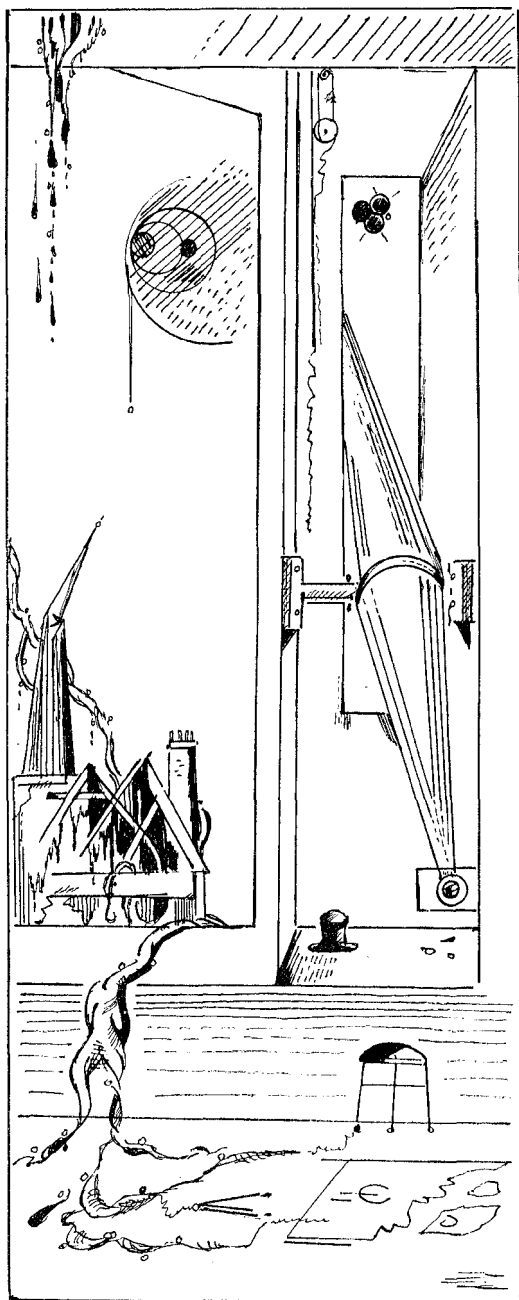
Через некоторое время усердие его слабеет, он откидывается на спинку кресла и смотрит сквозь клубы дыма в глубину комнаты, словно видит там нечто недоступное глазу обыкновенных смертных.

— Сколько тут тайн,— говорит он,— удивительных тайн... Эх, доискаться бы только! Уж я бы не так сделал, как он. Я бы... эх! — Он затягивается трубкой.

Тут он погружается в мечту, в неумирающую волшебную мечту его жизни. И, несмотря на все розыски, предпринимаемые неутомимым Кемпом, ни один человек на свете, кроме самого хозяина трактира, не знает, где находятся книги, в которых скрыта тайна невидимости и много других поразительных тайн. И никто этого не узнает до самой его смерти.

Война миров

МОЕМУ БРАТУ ФРЭНКУ УЭЛЛСУ,
который подал мне мысль
об этой книге

Но кто живет в этих мирах, если они обитаемы?..
Мы или они Владыки Мира? Разве все предназначе-
но для человека?

КЕПЛАЕР

(Приведено у Бертона
в «Анатомии меланхолии».)

Книга первая *Прибытие марсиан*

Глава I *Накануне войны*

Никто не поверил бы в последние годы девятнадцатого столетия, что за всем происходящим на Земле зорко и внимательно следят существа более развитые, чем человек, хотя такие же смертные, как и он; что в то время, как люди занимались своими делами, их исследовали и изучали, может быть, так же тщательно, как человек в микроскоп изучает эфемерных тварей, кишящих и размножающихся в капле воды. С бесконечным самодовольством сновали люди по всему земному шару, занятые своими делишками, уверенные в своей власти над материей. Возможно, что инфузория под микроскопом ведет себя так же. Никому не приходило в голову, что более старые миры вселенной источник опасности для человеческого рода; самая мысль о какой-либо жизни на них казалась недопустимой и невероятной. Забавно вспомнить некоторые общепринятые в те дни взгляды. Самое большее, допускалось, что на Марсе живут другие люди, вероятно, менее развитые, чем мы, но, во всяком случае, готовые дружески встретить нас как гостей, несущих им просвещение. А между тем через бездну пространства на Землю смотрели

глазами, полными зависти, существа с высокоразвитым, холодным, бесчувственным интеллектом, превосходящие нас настолько, насколько мы превосходим вымерших животных, и медленно, но верно вырабатывали свои враждебные нам планы. На заре двадцатого века наши иллюзии были разрушены.

Планета Марс — едва ли нужно напоминать об этом читателю — вращается вокруг Солнца в среднем на расстоянии 140 миллионов миль и получает от него вдвое меньше тепла и света, чем наш мир. Если верна гипотеза о туманностях, то Марс старше Земли; жизнь на его поверхности должна была возникнуть задолго до того, как Земля перестала быть расплавленной. Масса его в семь раз меньше земной, поэтому он должен был значительно скорее охладиться до температуры, при которой могла начаться жизнь. На Марсе есть воздух, вода и все необходимое для поддержания жизни.

Но человек так тщеславен и так ослеплен своим тщеславием, что никто из писателей до самого конца девятнадцатого века не высказывал мысли о том, что на этой планете могут обитать разумные существа, вероятно, даже опередившие в своем развитии людей. Также никто не подумал о том, что так как Марс старше Земли, обладает поверхностью, равной четвертой части земной, и дальше отстоит от Солнца, то, следовательно, и жизнь на нем не только началась гораздо раньше, но уже близится к концу.

Неизбежное охлаждение, которому когда-нибудь подвергнется и наша планета, у нашего соседа, без сомнения, произошло уже давно. Хотя мы почти ничего не знаем об условиях жизни на Марсе, нам все же известно, что даже в его экваториальном поясе средняя дневная температура не выше, чем у нас в самую холодную зиму. Его атмосфера гораздо более разрежена, чем земная, а океаны уменьшились и покрывают только треть его поверхности; вследствие медленного круговорота времен года около его полюсов скопляются огромные массы льда и затем, оттаивая, периодически затопляют его умеренные пояса. Последняя стадия истощения планеты, для нас еще бесконечно далекая, стала злободневной проблемой для обитателей Марса. Под давлением неотложной необходимости их ум работал более напряженно, их техника росла, серд-

ца ожесточались. И, глядя в мировое пространство, вооруженные такими инструментами и знаниями, о которых мы только можем мечтать, они видели невдалеке от себя, на расстоянии каких-нибудь 35 миллионов миль по направлению к Солнцу, утреннюю звезду надежды — нашу теплую планету, зеленую от растительности и серую от воды, с туманной атмосферой, красноречиво свидетельствующей о плодородии, с мерцающими сквозь облачную завесу широкими просторами населенных материков и тесными, заполненными флотилиями судов, морями.

Мы, люди, существа, населяющие Землю, должны были казаться им такими же чуждыми и примитивными, как нам — обезьяны и лемуры. Разумом человек признает, что жизнь — это непрерывная борьба за существование, и на Марсе, очевидно, думают так же. Их мир начал уже охлаждаться, а на Земле все еще кипит жизнь, но это жизнь каких-то низших тварей. Завоевать новый мир, ближе к Солнцу, — вот их единственное спасение от неуклонно надвигающейся гибели.

Прежде чем судить их слишком строго, мы должны припомнить, как беспощадно уничтожали сами люди не только животных, таких, как вымершие бизон и птица додо, но и себе подобных представителей низших рас. Жители Тасмании, например, были уничтожены до последнего за пятьдесят лет истребительной войны, затеянной иммигрантами из Европы. Разве мы сами уж такие поборники милосердия, что можем возмущаться марсианами, действовавшими в том же духе?

Марсиане, очевидно, рассчитали свой спуск с удивительной точностью — их математические познания, судя по всему, значительно превосходят наши — и выполнили свои приготовления изумительно согласованно. Если бы наши приборы были более совершенны, то мы могли бы заметить надвигающуюся грозу еще задолго до конца девятнадцатого столетия. Такие ученые, как Скиапарелли, наблюдали красную планету — любопытно, между прочим, что в течение долгих веков Марс считался звездой войны, — но им не удавалось выяснить причину периодического появления на ней пятен, которые они умели так хорошо заносить на карты. А все эти годы марсиане, очевидно, вели свои приготовления.

Во время противостояния, в 1894 году, на освещенной части планеты был виден сильный свет, замеченный сначала обсерваторией в Ликке, затем Перротеном в Ницце и другими наблюдателями. Английские читатели впервые узнали об этом из журнала «Нэйчер» от 2 августа. Я склонен думать, что это явление означало отливку в глубокой шахте гигантской пушки, из которой марсиане потом обстреливали Землю. Станные явления, до сих пор, впрочем, не объясненные, наблюдались вблизи места вспышки во время двух последующих противостояний.

Гроза разразилась над нами шесть лет назад. Когда Марс приблизился к противостоянию, Лавелль с Явы сообщил астрономам по телеграфу о колоссальном взрыве раскаленного газа на планете. Это случилось двенадцатого августа около полуночи; спектроскоп, к помощи которого он тут же прибег, обнаружил массу горящих газов, главным образом водорода, двигавшуюся к Земле с ужасающей быстротой. Этот поток огня перестал быть видимым около четверти первого. Лавелль сравнил его с колоссальной вспышкой пламени, внезапно вырвавшегося из планеты, «как снаряд из орудия».

Сравнение оказалось очень точным. Однако в газетах на следующий день не появилось никакого сообщения об этом, если не считать небольшой заметки в «Дейли телеграф», и мир пребывал в неведении самой серьезной из всех опасностей, когда-либо угрожавших человечеству. Вероятно, и я ничего бы не узнал об извержении, если бы не встретился в Оттершоу с известным астрономом Оджилви. Он был до крайности взволнован сообщением и пригласил меня этой ночью принять участие в наблюдениях за красной планетой.

Несмотря на все последовавшие бурные события, я очень ясно помню наше ночное бдение: черная, безмолвная обсерватория, завешенный фонарь в углу, бросающий слабый свет на пол, мерное тикание часового механизма в телескопе, небольшое продольное отверстие в потолке, откуда зияла бездна, усеянная звездной пылью. Почти невидимый Оджилви бесшумно двигался около прибора. В телескоп виден был темно-синий круг и плававшая в нем маленькая круглая планета. Она казалась такой крохотной, блестящей, с едва заметными поперечными полосами, со слегка неправильной окружностью. Она

была так мала, с булавочную головку, и лучилась теплым серебристым светом. Она словно дрожала, но на самом деле это вибрировал телескоп под действием часового механизма, державшего планету в поле зрения.

Во время наблюдения звездочка то уменьшалась, то увеличивалась, то приближалась, то удалялась, но так казалось просто от усталости глаза. Нас отделяли от нее 40 миллионов миль — больше 40 миллионов миль пустоты. Немногие могут представить себе всю необъятность той бездны, в которой плавают пылинки материальной вселенной.

Вблизи планеты, я помню, виднелись три маленькие светящиеся точки, три телескопические звезды, бесконечно удаленные, а вокруг — неизмеримый мрак пустого пространства. Вы знаете, как выглядит эта бездна в морозную звездную ночь. В телескоп она кажется еще глубже. И невидимо для меня, вследствие удаленности и малой величины, неуклонно и быстро стремясь ко мне через все это невероятное пространство, с каждой минутой приближаясь на многие тысячи миль, несло то, что марсиане послали к нам, то, что должно было принести борьбу, бедствия и гибель на Землю. Я и не подозревал об этом, наблюдая планету; никто на Земле не подозревал об этом метко пущенном метательном снаряде.

В эту ночь снова наблюдался взрыв на Марсе. Я сам видел его. Появился красноватый блеск и чуть заметное вздутие на краю в то самое мгновение, когда хронометр показывал полночь. Я сообщил об этом Оджилви, и он сменил меня. Ночь была жаркая, и мне захотелось пить; ощупью, неловко ступая в темноте, я двинулся к столику, где стоял сифон, как вдруг Оджилви вскрикнул, увидев несшийся к нам огненный поток газа.

В эту ночь новый невидимый снаряд был выпущен с Марса на Землю — ровно через сутки после первого, с точностью до одной секунды. Помню, как я сидел на столе в темноте; красные и зеленые пятна плыли у меня перед глазами. Я искал огня, чтобы закурить. Я совсем не придавал значения этой мгновенной вспышке и не задумывался над тем, что должна повлечь за собой. Оджилви делал наблюдения до часу ночи; в час он окончил работу; мы зажгли фонарь и отправились к нему домой. Погруженные во

мрак, лежали Оттершоу и Чертси, где мирно спали сотни жителей.

Оджилви в эту ночь высказывал разные предположения относительно условий жизни на Марсе и высмеивал вульгарную гипотезу о том, что его обитатели подают нам сигналы. Он полагал, что на планету посыпался целый град метеоритов или что там происходит громадное вулканическое извержение. Он доказывал мне, как маловероятно, чтобы эволюция организмов проходила одинаково на двух, пусть даже и близких, планетах.

— Один шанс против миллиона за то, что Марс обитаем, — сказал он.

Сотни наблюдателей видели пламя каждую полночь, в эту и последующие десять ночей — по одной вспышке. Почему взрывы прекратились после десятой ночи, этого никто не пытался объяснить. Может быть, газ от выстрелов причинял какие-нибудь неудобства марсианам. Густые клубы дыма или пыли, замеченные в самый сильный земной телескоп, в виде маленьких серых, переливчатых пятен мелькали в чистой атмосфере планеты и затемняли ее знакомые очертания.

Наконец даже газеты заговорили об этих явлениях, там и сям стали появляться популярные заметки относительно вулканов на Марсе. Помнится, юмористический журнал «Панч» очень остроумно воспользовался этим для политической карикатуры. А между тем незримые марсианские снаряды летели к Земле через бездну пустого пространства со скоростью нескольких миль в секунду, приближаясь с каждым часом, с каждым днем. Мне кажется теперь диким, как это люди могли заниматься своими мелкими делишками, когда над ними уже нависла гибель. Я помню, как радовался Маркхем, получив новый фотографический снимок планеты для иллюстрированного журнала, который он тогда редактировал. Люди нынешнего, более позднего времени с трудом представляют себе обилие и предприимчивость журналов в девятнадцатом веке. Я же в то время с большим рвением учился ездить на велосипеде и читал груды журналов, обсуждавших дальнейшее развитие нравственности в связи с прогрессом цивилизации.

Однажды вечером (первый снаряд находился тогда за 10 миллионов миль от нас) я вышел прогуляться вместе

с женой. Небо было звездное, и я объяснял ей знаки Зодиака и указал на Марс, на яркую точку света около зенита, куда было направлено столько телескопов. Вечер был теплый. Компания экскурсантов из Чертси или Айлворта, возвращаясь домой, прошла мимо нас с пением и музыкой. В верхних окнах домов светились огни, люди ложились спать. Издалека, с железнодорожной станции, доносился грохот маневрировавших поездов, смягченный расстоянием и звучащий почти мелодично. Жена обратила мое внимание на красные, зеленые и желтые сигнальные огни, горевшие на фоне ночного неба. Все казалось таким спокойным и безмятежным.

Глава II *Падающая звезда*

Затем наступила ночь первой падающей звезды. Ее заметили на рассвете; она неслась над Винчестером, к востоку, очень высоко, чертя огненную линию. Сотни людей видели ее и приняли за обыкновенную падающую звезду. По описанию Элбина, она оставляла за собой зеленоватую полосу, горевшую несколько секунд. Деннинг, наш величайший авторитет по метеоритам, утверждал, что она стала заметна уже на расстоянии девяноста или ста миль. Ему показалось, что она упала на Землю приблизительно за сто миль к востоку от того места, где он находился. В этот час я был дома и писал в своем кабинете; но хотя мое окно выходило на Оттершоу и штора была поднята (я любил смотреть в ночное небо), я ничего не заметил. Однако этот метеорит, самый необычайный из всех когда-либо падавших на Землю из мирового пространства, должен был упасть, когда я сидел за столом, и я мог бы увидеть его, если бы взглянул на небо. Некоторые, видевшие его полет, говорят, что он летел со свистом, но сам я этого не слышал. Многие жители Беркшира, Сэррея и Миддлсэкса видели его падение, и почти все подумали, что упал новый метеорит. В эту ночь, кажется, никто не поинтересовался взглянуть на упавшую массу.

Бедняга Оджилви, наблюдавший метеорит и убежденный, что он упал где-нибудь на пустоши между Хорселлом, Оттершоу и Уокингем, поднялся рано утром и отправился его разыскивать. Уже рассвело, когда он нашел метеорит неподалеку от песчаного карьера. Он увидел гигантскую воронку, вырытую упавшим телом, и кучи песка

и гравия, громоздившиеся среди вереска и заметные за полторы мили. Вереск загорелся и тлел, прозрачный голубой дымок клубился на фоне утреннего неба.

Упавшее тело зарылось в песок, среди разметанных щепок разбитой им при падении сосны. Выступавшая наружу часть имела вид громадного обгоревшего цилиндра; его очертания были скрыты толстым чешуйчатым слоем темного нагара. Цилиндр был около тридцати ярдов в диаметре. Оджилви приблизился к этой массе, пораженный ее объемом и особенно формой, так как обычно метеориты бывают более или менее шарообразны. Однако цилиндр был так сильно раскален от полета сквозь атмосферу, что к нему еще нельзя было подойти достаточно близко. Легкий шум, слышавшийся изнутри цилиндра, Оджилви приписал неравномерному охлаждению его поверхности. В это время ему не приходило в голову, что цилиндр может быть полым.

Оджилви стоял на краю образовавшейся ямы, изумленный необычайной формой и цветом цилиндра, начиная смутно догадываться о его назначении. Утро было необычайно тихое; солнце, только что осветившее сосновый лес около Уэйбриджа, уже пригревало. Оджилви говорил, что он не слышал пения птиц в это утро, не было ни малейшего ветерка и только из покрытого нагаром цилиндра раздавались какие-то звуки. На пустоши никого не было.

Вдруг он с удивлением заметил, что слой нагара, покрывавший метеорит, с верхнего края цилиндра стал отваливаться. Кусочки шлака падали на песок, точно хлопья снега или капли дождя. Внезапно отвалился и с шумом упал большой кусок; Оджилви не на шутку испугался.

Еще ничего не подозревая, он спустился в яму и, несмотря на сильный жар, подошел вплотную к цилиндру, чтобы получше его разглядеть. Астроном все еще думал, что странное явление вызвано охлаждением тела, но этому противоречил тот факт, что нагар спадал только с края цилиндра.

И вдруг Оджилви заметил, что круглая вершина цилиндра медленно вращается. Он обнаружил это едва заметное вращение только потому, что черное пятно, бывшее против него пять минут назад, находилось теперь в другой точке окружности. Все же он не вполне пони-

мал, что это значит, пока не услышал глухой скребущий звук и не увидел, что черное пятно продвинулось вперед почти на дюйм. Тогда он наконец догадался, в чем дело. Цилиндр был искусственный, полый, с отвинчивающейся крышкой! Кто-то внутри цилиндра отвинчивал крышку!

— Боже мой! — воскликнул Оджилви. — Там внутри человек! Эти люди чуть не изжарились! Они пытаются выбраться!

Он мгновенно сопоставил появление цилиндра со взрывом на Марсе.

Мысль о заключенном в цилиндре существе так ужаснула Оджилви, что он позабыл про жар и подошел к цилиндру еще ближе, чтобы помочь отвернуть крышку. Но, к счастью, пышущий жар удержал его вовремя, и он не обжегся о раскаленный металл. Он постоял с минуту в нерешительности, потом вылез из ямы и со всех ног побежал к Уокингу. Было около шести часов. Ученый встретил возчика и попытался объяснить ему, что случилось, но говорил так бессвязно и у него был такой дикий вид — шляпу он потерял в яме, — что тот просто проехал мимо. Так же неудачливо обратился он к трактирщику, который только что отворил дверь трактира у Хорселлского моста. Тот подумал, что это сбежавший сумасшедший, и попытался было затащить его в распивочную. Это немного отрезвило Оджилви, и, увидев Гендерсона, лондонского журналиста, копавшегося у себя в садике, он окликнул его через забор и постарался говорить как можно толковей.

— Гендерсон, — начал Оджилви, — прошлую ночь вы видели падающую звезду!

— Ну?

— Она на Хорселлской пустоши.

— Боже мой! — воскликнул Гендерсон. — Упавший метеорит! Это интересно.

— Но это не простой метеорит. Это цилиндр, искусственный цилиндр. И в нем что-то есть.

Гендерсон выпрямился с лопатой в руке.

— Что такое? — переспросил он. Он был туговат на одно ухо.

Оджилви рассказал все, что видел. Гендерсон с минуту соображал. Потом бросил лопату, схватил пиджак и вышел на дорогу. Оба поспешно направились к метео-

риту. Цилиндр лежал все в том же положении. Звук изнутри не было слышно, а между крышкой и корпусом цилиндра блестела тонкая металлическая нарезка. Воздух или вырывался наружу, или входил внутрь с резким свистом.

Они стали прислушиваться, постучали палкой по слою нагара и, не получив ответа, решили, что человек или люди, заключенные внутри, либо потеряли сознание, либо умерли.

Конечно, вдвоем они ничего не могли сделать. Они прокричали несколько ободряющих слов, пообещав вернуться, и поспешили в город за помощью. Возбужденные и растрепанные, запачканные песком, они бежали в ярком солнечном свете по узкой улице в тот утренний час, когда лавочники снимают ставни витрин, а обыватели раскрывают окна своих спален. Гендерсон прежде всего отправился на железнодорожную станцию, чтобы сообщить новость по телеграфу в Лондон. Газеты уже подготовили читателей к тому, чтобы услышать эту сенсационную новость.

К восьми часам толпа мальчишек и зевак направлялась к пустоши, чтобы посмотреть на «мертвецов с Марса». Такова была первая версия о происшедшем. Я впервые услышал об этом от своего газетчика в четверть девятого, когда вышел купить номер «Дейли кроникл». Разумеется, я был крайне поражен и немедленно пошел через Оттершоу-бридж к песчаному карьеру.

Глава III *На Хорселлской пустоши*

Около огромной воронки, где лежал цилиндр, я застал человека двадцать. Я уже говорил, как выглядел этот колоссальный зарывшийся в землю снаряд. Дерн и гравий вокруг него обуглились, точно от внезапного взрыва. Очевидно, при ударе цилиндра вспыхнуло пламя. Гендерсона и Оджилви там не было. Вероятно, они решили, что пока ничего сделать нельзя, и ушли завтракать к Гендерсону.

На краю ямы, болтая ногами, сидело четверо или пятеро мальчишек; они забавлялись (пока я не остановил их), бросая камешки в чудовищную машину. Потом, выслушав меня, они начали играть в пятнашки, бегая вокруг взрослых.

Среди собравшихся были два велосипедиста, садовник-поденщик, которого я иногда нанимал, девушка с ребенком на руках, мясник Грегг со своим сынишкой, несколько гуляк и мальчиков, прислуживающих при игре в гольф и обычно снующих возле станции. Говорили мало. В то время в Англии немногие из простонародья имели представление об астрономии. Большинство зрителей спокойно смотрело на плоскую крышку цилиндра, которая находилась в том же положении, в каком ее оставили Оджилви и Гендерсон. Я думаю, все были разочарованы, найдя вместо обуглившихся тел неподвижную громаду цилиндра, некоторые уходили домой, вместо них подходили другие. Я спустился в яму, и мне показалось, что я ощущаю слабое колебание под ногами. Крышка была неподвижна.

Только подойдя совсем близко к цилиндру, я обратил внимание на его необычайный вид. На первый взгляд он казался не более странным, чем опрокинувшийся экипаж или дерево, упавшее на дорогу. Пожалуй, даже меньше. Больше всего он был похож на ржавый газовый резервуар, погруженный в землю. Только человек, обладающий научными познаниями, мог заметить, что серый нагар на цилиндре был не простой окисью, что желтовато-белый металл, поблескивавший под крышкой, был необычного оттенка. Слово «внеземной» большинству зрителей было непонятно.

Я уже не сомневался, что цилиндр упал с Марса, но считал невероятным, чтобы в нем находилось какое-нибудь живое существо. Я предполагал, что развинчивание происходит автоматически. Несмотря на слова Оджилви, я был уверен, что на Марсе живут люди. Моя фантазия разыгралась: возможно, что внутри запрятан какой-нибудь манускрипт; сумеем ли мы его перевести, найдем ли там монеты, разные вещи? Впрочем, цилиндр был, пожалуй, слишком велик для этого. Меня раздражало нетерпение посмотреть, что там внутри. Около одиннадцати, видя, что ничего особенного не происходит, я вернулся домой в Мэйбэри. Но я уже не мог приняться за свои отвлеченные исследования.

После полудня пустырь стал неузнаваем. Ранний выпуск вечерних газет поразил весь Лондон:

ПОСЛАНИЕ С МАРСА. НЕБЫВАЛОЕ СОБЫТИЕ В УОКИН-ГЕ — гласили заголовки, набранные крупным шрифтом. Кроме того, телеграмма Оджилви Астрономическому обществу всполошила все британские обсерватории.

На дороге у песчаной ямы стояли полдюжины пролеток со станции, фэзтон из Чобхема, чья-то карета, уйма велосипедов. Много народу, несмотря на жаркий день, пришло пешком из Уокинга и Чертси, так что собралась порядочная толпа, было даже несколько разряженных дам.

Стояла удушливая жара; на небе ни облачка, ни малейшего ветра, и тень можно было найти только под редкими соснами. Вереск уже не горел, но равнина чуть не до самого Оттершоу почернела и дымилась. Предприимчивый хозяин бакалейной лавочки на Чобхемской дороге прислал своего сына с ручной тележкой, нагруженной зелеными яблоками и бутылками с имбирным лимонадом.

Подойдя к краю воронки, я увидел в ней группу людей: Гендерсона, Оджилви и высокого белокурого джентльмена (как я узнал после, это был Стэнт, королевский астроном); несколько рабочих, вооруженных лопатами и кирками, стояло тут же. Стэнт отчетливо и громко давал указания. Он взобрался на крышку цилиндра, которая, очевидно, успела остыть. Лицо у него раскраснелось, пот катился градом по лбу и щекам, и он явно был чем-то раздражен.

Большая часть цилиндра была откопана, хотя нижний конец все еще находился в земле. Оджилви увидел меня в толпе, обступившей яму, подозвал и попросил сходить к лорду Хилтону, владельцу этого участка.

Все увеличивающаяся толпа, говорил он, особенно мальчишки, мешает работам. Нужно отгородиться от публики и отдалить ее. Он сообщил мне, что из цилиндра доносится слабый шум и что рабочим не удалось отвинтить крышку, так как не за что ухватиться. Стенки цилиндра, по-видимому, очень толсты и, вероятно, приглушают доносившийся оттуда шум.

Я был очень рад исполнить его просьбу, надеясь таким образом попасть в число привилегированных зрителей при предстоящем вскрытии цилиндра. Лорда Хилтона я не застал дома, но узнал, что его ожидают из Лондона с шестичасовым поездом: так как было только четверть шестого, то я зашел домой выпить стакан чаю, а потом отправился на станцию, чтобы перехватить Хилтона на дороге.

Когда я вернулся на пустошь, солнце уже садилось. Публика из Уокинга все прибывала, домой возвращались только двое-трое. Толпа вокруг воронки все росла, чернея на лимонно-желтом фоне неба; собралось более ста человек. Что-то кричали; около ямы происходила какая-то толкотня. Меня охватило тревожное предчувствие. Приблизившись, я услышал голос Стэнта:

— Отойдите! Отойдите!

Пробежал какой-то мальчуган.

— Оно движется, — сообщил он мне, — все вертится да вертится. Мне это не нравится. Я лучше пойду домой.

Я подошел ближе. Толпа была густая — человек двести — триста; все толкались, наступали друг другу на ноги. Нарядные дамы проявляли особенную предприимчивость.

— Он упал в яму! — крикнул кто-то.

— Назад, назад! — раздавались голоса.

Толпа немного отхлынула, и я протолкался вперед. Все были сильно взволнованы. Я услышал какой-то странный, глухой шум, доносившийся из ямы.

— Да осадите же наконец этих идиотов! — крикнул Оджилви. — Ведь мы не знаем, что в этой проклятой штуке!

Я увидел молодого человека, кажется, приказчика из Уокинга, который влез на цилиндр, пытаясь выбраться из ямы, куда его толкнула толпа.

Верхняя часть цилиндра отвинчивалась изнутри. Было видно около двух футов блестящей винтовой нарезки. Кто-то, оступившись, толкнул меня, я пошатнулся, и меня чуть было не скинули на вращающуюся крышку. Я обернулся, и, пока смотрел в другую сторону, винт, должно быть, вывинтился весь и крышка цилиндра со звоном упала на гравий. Я толкнул локтем кого-то позади себя и снова повернулся к цилиндру. Круглое пустое отверстие казалось совершенно черным. Заходящее солнце било мне прямо в глаза.

Все, вероятно, ожидали, что из отверстия покажется человек; может быть, не совсем похожий на нас, земных людей, но все же подобный нам. По крайней мере, я ждал этого. Но, взглянув, я увидел что-то копошащееся в темноте — сероватое, волнообразное, движущееся; блес-

нули два диска, похожие на глаза. Потом что-то вроде серой змеи, толщиной в трость, стало выползать кольцами из отверстия и двигаться, извиваясь, в мою сторону — одно, потом другое.

Меня охватила дрожь. Позади закричала какая-то женщина. Я немного повернулся, не спуская глаз с цилиндра, из которого высовывались новые щупальца, и начал проталкиваться подальше от края ямы. На лицах окружающих меня людей удивление сменилось ужасом. Со всех сторон слышались крики. Толпа попятилась. Приказчик все еще не мог выбраться из ямы. Скоро я остался один и видел, как убегали люди, находившиеся по другую сторону ямы, в числе их был и Стэнт. Я снова взглянул на цилиндр и оцепенел от ужаса. Я стоял, точно в столбняке, и смотрел.

Большая сероватая круглая туша, величиной, пожалуй, с медведя, медленно, с трудом вылезала из цилиндра. Высунувшись на свет, она залоснилась, точно мокрый ремень. Два больших темных глаза пристально смотрели на меня. У чудовища была круглая голова и, если можно так выразиться, лицо. Под глазами находился рот, края которого двигались и дрожали, выпуская слюну. Чудовище тяжело дышало, и все его тело судорожно пульсировало. Одно его тонкое щупальце упиралось в край цилиндра, другим оно размахивало в воздухе.

Тот, кто не видел живого марсианина, вряд ли может представить себе его страшную, отвратительную внешность. Треугольный рот, с выступающей верхней губой, полнейшее отсутствие лба, никаких признаков подбородка под клинообразной нижней губой, непрерывное подергивание рта, щупальца, как у Горгоны, шумное дыхание в непривычной атмосфере, неповоротливость и затрудненность в движениях — результат большей силы притяжения Земли, — в особенности же огромные пристальные глаза — все это было омерзительно до тошноты. Маслянистая темная кожа напоминала скользкую поверхность гриба, неуклюжие, медленные движения внушали невыразимый ужас. Даже при первом впечатлении, при беглом взгляде я почувствовал смертельный страх и отвращение.

Вдруг чудовище исчезло. Оно перевалилось через край цилиндра и упало в яму, плепнувшись, точно большой

тук кожи. Я услышал своеобразный глухой звук, и вслед за первым чудовищем в темном отверстии показалось второе.

Мое оцепенение внезапно прошло, я повернулся и со всех ног побежал к деревьям, находившимся в каких-нибудь ста ярдах от цилиндра; но бежал я боком и то и дело спотыкался, потому что не мог отвести глаз от этих чудовищ.

Там, среди молодых сосен и кустов дрока, я остановился, задыхаясь, и стал ждать, что будет дальше. Простиравшаяся вокруг песчаной ямы пустошь была усеяна людьми, подобно мне, с любопытством и страхом наблюдавшими за чудовищами, вернее, за кучей гравия на краю ямы, в которой они лежали. И вдруг я заметил с ужасом что-то круглое, темное, высывающееся из ямы. Это была голова свалившегося туда продавца, казавшаяся черной на фоне заката. Вот показались его плечи и колено, но он снова соскользнул вниз, виднелась одна голова. Потом он скрылся, и мне послышался его слабый крик. Первым движением было вернуться, помочь ему, но я не мог преодолеть страха.

Больше я ничего не увидел, все скрылось в глубокой яме и за грудами песка, взрытого упавшим цилиндром. Всякий, кто шел бы по дороге из Чобхема или Уокинга, был бы удивлен таким необычайным зрелищем; около сотни людей рассыпались в канавах, за кустами, за воротами и изгородями и молча, изредка обмениваясь отрывистыми восклицаниями, во все глаза смотрели на кучи песка. Брошенный бочонок с имбирным лимонадом чернел на фоне пламенющего песка, а у песчаного карьера стояли пустые экипажи; лошади слякоченные овесом из своих торб и рыли копытами землю.

Глава V *Тепловой луч*

Вид марсиан, выползавших из цилиндра, в котором они явились на Землю со своей планеты, казалось, зачаровал и парализовал меня. Я долго стоял среди кустов вереска, доходивших мне до колена, и смотрел на груды песка. Во мне боролись страх и любопытство.

Я не решался снова приблизиться к яме, но мне очень хотелось заглянуть туда. Поэтому я начал кружить, отыскивая более удобный наблюдательный пункт и не спу-

ская глаз с груды песка, за которой скрывались пришельцы с Марса. Один раз в сиянии заката показались три каких-то черных конечности, вроде щупалец осьминога, но готчас же скрылись; потом поднялась тонкая коленчатая мачта с каким-то круглым, медленно вращающимся и слегка колеблющимся диском наверху. Что они там делают?

Зрители разбились на две группы: одна, побольше, — ближе к Уокингу, другая, поменьше, — к Чобхему. Очевидно, они колебались, так же как и я. Невдалеке от меня стояло несколько человек. Я подошел к одному — это был мой сосед, я не знал, как его зовут, но попытался с ним заговорить. Однако момент для разговора был неподходящий.

— Что это за чудовища! — сказал он. — Боже, какие они страшные! — Он повторил это несколько раз.

— Видели вы человека в яме? — спросил я, но он ничего не ответил.

Мы молча стояли рядом и пристально смотрели, чувствуя себя вдвоем более уверенно. Потом я встал на бугор высотой около ярда, чтобы удобнее было наблюдать. Оглянувшись, я увидел, что мой сосед пошел по направлению к Уокингу.

Солнце село, сумерки сгустились, а ничего нового не произошло. Толпа налево, ближе к Уокингу, казалось, увеличилась, и я услышал ее неясный гул. Группа людей по дороге к Чобхему рассеялась. В яме как будто все замерло.

Зрители мало-помалу осмелели. Должно быть, новоприбывшие из Уокинга приободрили толпу. В полумраке на песчаных буграх началось медленное прерывистое движение, — казалось, царившая кругом тишина успокаивающе подействовала на людей. Черные фигуры, по двое и по трое, двигались, останавливались и снова двигались растягиваясь тонким неправильным полумесяцем, рога которого постепенно охватывали яму. Я тоже стал подвигаться к яме.

Потом я увидел, как кучера покинутых экипажей и другие смельчаки подошли к яме, и услышал стук копыт и скрип колес. Мальчик из лавки покати́л тележку с яблоками. Затем в тридцати ярдах от ямы я заметил

черную кучку людей, идущих от Хорселла; впереди кто-то нес развевающийся белый флаг.

Это была делегация. В городе, наскоро посоветовавшись, решили, что марсиане, несмотря на свою безобразную внешность, очевидно, разумные существа, и надо сигнализировать им, что и мы тоже существа разумные.

Флаг, развеваясь по ветру, приближался — сначала справа от меня, потом слева. Я стоял слишком далеко, чтобы разглядеть кого-нибудь, но позже узнал, что Оджилви, Стэнт и Гендерсон вместе с другими принимали участие в этой попытке завязать сношения с марсианами. Делегация, казалось, притягивала к себе почти сомкнувшееся кольцо публики, и много неясных темных фигур следовало за ней на почтительном расстоянии.

Вдруг сверкнул луч света, и светящийся зеленоватый дым взлетел над ямой тремя клубами, поднявшимися один за другим в неподвижном воздухе.

Этот дым (слово «пламя», пожалуй, здесь более уместно) был так ярок, что темно-синее небо наверху и бурая, простиравшаяся до Чертси, подернутая туманом пустошь с торчащими кое-где соснами вдруг стали казаться совсем черными. В этот же миг слышался какой-то слабый шипящий звук.

На краю воронки стояла кучка людей с белым флагом, оцепеневших от изумления, маленькие черные силуэты вырисовывались на фоне неба над черной землей. Вспышка зеленого дыма осветила на миг их бледно-зеленоватые лица.

Шипение перепило сперва в глухое жужжание, потом в громкое непрерывное гудение; из ямы вытянулась горбатая тень, и сверкнул луч какого-то искусственного света.

Языки пламени, ослепительный огонь перекинулись на кучку людей. Казалось, невидимая струя ударила в них и вспыхнула белым сиянием. Мгновенно каждый из них превратился как бы в горящий факел.

При свете пожиравшего их пламени я видел, как они шатались и падали, находившиеся позади разбегались в разные стороны.

Я стоял и смотрел, еще не вполне сознавая, что это смерть перебегает по толпе от одного к другому. Я понял только, что произошло нечто странное. Почти бесшумная

ослепительная вспышка света — и человек падает ничком и лежит неподвижно. От невидимого пламени загорались сосны, потрескивая, вспыхивал сухой дрок. Даже вдалеке, у Нэп-Хилла, занялись деревья, заборы, деревянные постройки.

Эта огненная смерть, этот невидимый неотвратимый пылающий меч наносил мгновенные, меткие удары. По вспыхнувшему кустарнику я понял, что он приближается ко мне, но я был слишком поражен и ошеломлен, чтобы спастись бегством. Я слышал гудение огня в песчаном карьере и внезапно оборвавшееся ржание лошади. Как будто чей-то невидимый раскаленный палец двигался по пустоши между мной и марсианами, вычерчивая огненную кривую, и повсюду кругом темная земля дымилась и шипела. Что-то с грохотом упало вдалеке, где-то слева, там, где выходит на пустошь дорога к уокингской станции. Шипение и гул прекратились, и черный куполообразный предмет медленно опустился в яму и скрылся.

Это произошло так быстро, что я все еще стоял неподвижно, пораженный и ослепленный блеском огня. Если бы эта смерть описала полный круг, она неизбежно испепелила бы и меня. Но она скользнула мимо и меня пощадила.

Окружающая темнота стала еще более жуткой и мрачной. Холмистая пустошь казалась черной, только полоска шоссе серела под темно-синим небом. Люди исчезли. Вверху мерцали звезды, а на западе светилась бледная зеленоватая полоса. Вершины сосен и крыши Хорселла четко выступали на вечернем небе. Марсиане и их орудия были невидимы, только на тонкой мачте беспрерывно вращалось зеркало. Тлели деревья, кое-где дымился кустарник, а в неподвижном вечернем воздухе над домами близ станции Уокинг поднимались столбы пламени.

Все осталось таким же, как было, словно и не пролетал этот смерч огня. Кучка черных фигурок с белым флагом была уничтожена, но мне казалось, что за весь этот вечер никто и не пытался нарушить тишину.

Вдруг я понял, что стою здесь, на темной пустоши, один, беспомощный, незащитный. Точно что-то обрушилось на меня... Страх!

С усилием я повернулся и побежал, спотыкаясь, по вереску.

Страх, охвативший меня, был не просто страхом. Это был безотчетный ужас и перед марсианами, и перед царившими вокруг мраком и тишиной. Мужество покинуло меня, и я бежал, всхлипывая, как ребенок. Оглянуться назад я не решался.

Помню, у меня было такое чувство, что мной кто-то играет, что вот теперь, когда я уже почти в безопасности, таинственная смерть, мгновенная, как вспышка огня, вдруг выпрыгнет из темной ямы, где лежит цилиндр, и уничтожит меня на месте.

Глава VI *Тепловой луч на Чобхемской дороге*

До сих пор еще не объяснено, каким образом марсиане могут умерщвлять людей так быстро и так бесшумно. Многие предполагают, что они как-то концентрируют интенсивную теплоту в абсолютно не проводящей тепло камере. Эту конденсированную теплоту они бросают параллельными лучами на тот предмет, который они избрали целью, при посредстве полированного параболического зеркала из неизвестного вещества, подобно тому как параболическое зеркало маяка отбрасывает снопы света. Но никто не сумел убедительно это доказать. Несомненно одно: здесь действуют тепловые лучи. Тепловые невидимые лучи вместо видимого света. Все, что только может гореть, превращается в языки пламени при их прикосновении; свинец растекается, как жидкость; железо размягчается; стекло трескается и плавится, а когда они падают на воду, она мгновенно превращается в пар.

В эту ночь около сорока человек лежали под звездами близ ямы, обугленные и обезображенные до неузнаваемости, и всю ночь пустошь между Хорселлом и Мэйбэри была безлюдна и над ней пылало зарево.

В Чобхеме, Уокинге и Оттершоу, вероятно, в одно и то же время узнали о катастрофе. В Уокинге лавки уже были закрыты, когда это произошло, и группы людей, заинтересованных слышанными рассказами, шли по Хорселлскому мосту и по дороге, окаймленной изгородями, направляясь к пустоши. Молодежь, окончив дневную работу, воспользовалась этой новостью, конечно, как предлогом пойти погулять и пофлиртовать. Вы можете представить себе, какой гул голосов раздавался на темной дороге...

В Уокинге лишь немногие знали, что цилиндр открылся, хотя бедняга Гендерсон отправил посыльного на велосипеде в почтовую контору со специальной телеграммой для вечерней газеты.

Когда гуляющие по двое и по трое выходили на открытое место, то видели людей, возбужденно что-то говоривших и посматривающих на вращающееся над песчаным карьером зеркало; волнение их, без сомнения, передавалось и вновь пришедшим.

Около половины девятого, незадолго до гибели делегации, близ ямы собралась толпа человек в триста, если не больше, не считая тех, которые свернули с дороги, чтобы подойти поближе к марсианам. Среди них находились три полисмена, причем один конный; они старались, согласно инструкциям Стэнта, осадить толпу и не подпускать ее к цилиндру. Не обошлось, конечно, без протеста со стороны горячих голов, для которых всякое собрание является поводом пошуметь и побалагурить.

Как только марсиане показались из своего цилиндра, Стэнт и Оджилви, предупреждая возможность столкновения, телеграфировали из Хорселла в казармы с просьбой прислать роту солдат для того, чтобы оградить эти странные существа от насилия. После этого они вернулись во главе злополучной делегации. Находившиеся в толпе люди впоследствии описывали их смерть — они видели то же, что и я: три клуба зеленого дыма, глухое гудение и вспышки пламени.

Однако толпе зрителей грозила большая опасность, чем мне. Их спас только песчаный, поросший вереском холм, задержавший часть тепловых лучей. Если бы параболическое зеркало было поднято на несколько ярдов выше, не осталось бы ни одного живого свидетеля. Они видели, как вспыхивал огонь, как падали люди, как невидимая рука, зажигавшая кустарники, быстро приближалась к ним в сумерках. Потом со свистом, заглушившим гул из ямы, луч сверкнул над их головами; вспыхнули вершины буков, окаймлявших дорогу; в доме, ближайшем к пустоши, треснули кирпичи, разлетелись стекла, занялись оконные рамы и обрушилась часть крыши.

Когда затрещали и загудели пылающие деревья, охваченная паникой толпа несколько секунд нерешительно топталась на месте. Искры и горящие сучья падали на до-

рогу, кружились огненные листья. Загорались шляпы и платья. С пустоши послышался пронзительный крик.

Крик и вопли сливались в оглушительный гул. Конный полисмен, схватившись руками за голову, проскакал среди взбудораженной толпы, громко крича.

— Они идут! — крикнул женский голос, и, нажимая на стоявших позади, люди стали прокладывать себе дорогу к Уокингу. Толпа разбегалась вслепую, как стадо баранов. Там, где дорога становилась уже и темнее, между высокими насыпями, произошла отчаянная давка. Не обошлось без жертв: трое — две женщины и один мальчик — были раздавлены и затоптаны; их оставили умирать среди ужаса и мрака.

Глава VII *Как я добрался до дому*

Что касается меня, то я помню только, что натыкался на деревья и то и дело падал, пробираясь сквозь кустарник. Надо мною навис невидимый ужас; безжалостный тепловой меч марсиан, казалось, замахивался, сверкая над моей головой, и вот-вот должен был обрушиться и поразить меня. Я выбрался на дорогу между перекрестком и Хорселлом и побежал к перекрестку.

В конце концов я изнемог от волнения и быстрого бега, пошатнулся и упал у дороги, невдалеке от моста через канал у газового завода. Я лежал неподвижно.

Пролежал я так, должно быть, довольно долго.

Я приподнялся и сел в полном недоумении. С минуту я не мог понять, как я сюда попал. Я стряхнул с себя недавний ужас, точно одежду. Шляпа моя исчезла, и воротничок соскочил с запонки. Несколько минут назад передо мной были только необъятная ночь, пространство и природа, моя беспомощность, страх и близость смерти. И теперь все сразу переменялось, и мое настроение было совсем другим. Переход от одного душевного состояния к другому совершился незаметно. Я стал снова самим собой, таким, каким я бывал каждый день, — обыкновенным скромным горожанином. Безмолвная пустошь, мое бегство, летучее пламя — все казалось мне сном. Я спрашивал себя: было ли это на самом деле? Мне просто не верилось, что это произошло наяву.

Я встал и пошел по крутому подъему моста. Голова плохо работала. Мускулы и нервы расслабли... Я пошаты-

вался, как пьяный. С другой стороны изогнутого аркой моста показалась чья-то голова, и появился рабочий с корзиной. Рядом с ним шагал маленький мальчик. Рабочий прошел мимо, пожелав мне доброй ночи. Я хотел заговорить с ним и не мог. Я только ответил на его приветствие каким-то бессвязным бормотанием и пошел дальше по мосту.

На повороте к Мэйбэри поезд — волнистая лента белого искрящегося дыма и длинная вереница светлых окон — пронесся к югу; тук-тук... тук-тук... и исчез. Еле различимая в темноте группа людей разговаривала у ворот одного из домов, составлявших так называемую «Восточную террасу». Все это было так реально, так знакомо! А то — там, в поле?.. Невероятно, фантастично! «Нет, — подумал я, — этого не могло быть».

Наверное, я человек особого склада и мои ощущения не совсем обычны. Иногда я страдаю от странного чувства отчужденности от самого себя и от окружающего мира. Я как бы извне наблюдаю за всем, откуда-то издалека, вне времени, вне пространства, вне житейской борьбы с ее трагедиями. Такое ощущение было очень сильно у меня в ту ночь. Все это, быть может, мне просто почудилось.

Здесь такая безмятежность, а там, за каких-нибудь две мили, стремительная, летучая смерть. Газовый завод шумно работал, и электрические фонари ярко горели. Я остановился подле разговаривающих.

— Какие новости с пустоши? — спросил я.

У ворот стояли двое мужчин и женщина.

— Что? — переспросил один из мужчин, оборачиваясь.

— Какие новости с пустоши? — спросил я.

— Разве вы сами там не были? — спросили они.

— Люди, кажется, прямо помешались на этой пустоши, — сказала женщина из-за ворот. — Что они там нашли?

— Разве вы не слышали о людях с Марса? — сказал я. — О живых существах с Марса?

— Сыты по горло, — ответила женщина из-за ворот. — Спасибо. — И все трое засмеялись.

Я оказался в глупом положении. Раздосадованный, я попытался рассказать им о том, что видел, но у меня ничего не вышло. Они только смеялись над моими сбивчивыми фразами.

— Вы еще услышите об этом! — крикнул я и пошел домой.

Я испугал жену своим измученным видом. Прошел в столовую, сел, выпил немного вина и, собравшись с мыслями, рассказал ей обо всем, что произошло. Подали обед — уже остывший, — но нам было не до еды.

— Только одно хорошо, — заметил я, чтобы успокоить встревоженную жену. — Это самые неповоротливые существа из всех, какие мне приходилось видеть. Они могут ползать в яме и убивать людей, которые подойдут к ним близко, но они не сумеют оттуда вылезти... Как они ужасны!..

— Не говори об этом, дорогой! — воскликнула жена, хмурия брови и кладя свою руку на мою.

— Бедный Оджилви! — сказал я. — Подумать только, что он лежит там мертвый!

По крайней мере, жена мне поверила. Я заметил, что лицо у нее стало смертельно бледным, и перестал говорить об этом.

— Они могут прийти сюда, — повторяла она.

Я настоял, чтобы она выпила вина, и постарался разубедить ее.

— Они еле-еле могут двигаться, — сказал я.

Я стал успокаивать и ее и себя, повторяя все то, что говорил мне Оджилви о невозможности для марсиан приспособиться к земным условиям. Особенно я напирал на затруднения, вызываемые силой тяготения. На поверхности Земли сила тяготения втрое больше, чем на поверхности Марса. Всякий марсианин поэтому будет весить на Земле в три раза больше, чем на Марсе, между тем как его мускульная сила не увеличится. Его тело точно нальется свинцом. Таково было общее мнение. И «Таймс» и «Дейли телеграф» писали об этом на следующее утро, и обе газеты, как и я, упустили из виду два существенных обстоятельства.

Атмосфера Земли, как известно, содержит гораздо больше кислорода и гораздо меньше аргона, чем атмосфера Марса. Живительное действие этого избытка кислорода на марсиан явилось, бесспорно, сильным противовесом увеличившейся тяжести их тела. К тому же мы упустили из виду, что при своей высокоразвитой технике

марсиане смогут в крайнем случае обойтись и без физических усилий.

В тот вечер я об этом не думал, и потому мои доводы против мощи пришельцев казались неоспоримыми. Под влиянием вина и еды, чувствуя себя в безопасности за своим столом и стараясь успокоить жену, я и сам понемногу осмелел.

— Они сделали большую глупость, — сказал я, прихлебывая вино. — Они опасны, потому что, наверное, обезумели от страха. Может быть, они совсем не ожидали встретить живых существ, особенно разумных живых существ. В крайнем случае один хороший снаряд по яме, и все будет кончено, — прибавил я.

Сильное возбуждение — результат пережитых волнений — очевидно, обострило мои чувства. Я и теперь необыкновенно ясно помню этот обед. Милое, встревоженное лицо жены, смотрящей на меня из-под розового абажура, белая скатерть, серебро и хрусталь (в те дни даже писатели-философы могли позволить себе некоторую роскошь), темно-красное вино в стакане — все это запечатлелось у меня в памяти. Я сидел за столом, покуривая папиросу для успокоения нервов, сожалел о необдуманном поступке Оджилви и доказывал, что марсиан нечего бояться.

Точно так же какая-нибудь солидная птица на острове Св. Маврикия, чувствуя себя полным хозяином своего гнезда, могла бы обсуждать прибытие безжалостных изголовавшихся моряков.

— Завтра мы с ними разделаемся, дорогая!

Я не знал тогда, что за этим последним моим обедом в культурной обстановке последуют ужасные, необычайные события.

Глава VIII *В пятницу вечером*

Самым невероятным из всего того странного и поразительного, что произошло в ту пятницу, кажется мне полное несоответствие между неизменностью нашего общественно-го уклада и началом той цепи событий, которая должна была в корне перевернуть его. Если бы в пятницу вечером взять циркуль и очертить круг радиусом в пять миль вокруг песчаного карьера возле Уокинга, то я сомневаюсь, оказался ли бы хоть один человек за его пределами

(кроме разве родственников Стэнга и родственников велосипедистов и лондонцев, лежавших мертвыми на пустоши), чье настроение и привычки были бы нарушены пришельцами. Разумеется, многие слышали о цилиндре и рассуждали о нем на досуге, но он не произвел такой сенсации, какую произвел бы, скажем, ультиматум, предъявленный Германии.

Полученная в Лондоне телеграмма бедняги Гендерсона о развинчивании цилиндра была принята за утку; вечерняя газета послала ему телеграмму с просьбой прислать подтверждение и, не получив ответа — Гендерсона уже не было в живых, — решила не печатать экстренного выпуска.

Внутри круга радиусом в пять миль большинство населения ровно ничего не предпринимало. Я уже описывал, как вели себя мужчины и женщины, с которыми мне пришлось говорить. По всему округу мирно обедали и ужинали, рабочие после трудового дня возились в своих садах, укладывали детей спать, молодежь парочками гуляла в укромных аллеях, учащиеся сидели за своими книгами.

Может быть, о случившемся поговаривали на улицах и судачили в пивных; какой-нибудь вестник или очевидец только что происшедших событий вызывал кое-где волнение, беготню и крик, но у большинства людей жизнь шла по заведенному с незапамятных лет порядку: работа, еда, питье, сон — все, как обычно, точно в небе и не было никакого Марса. Даже на станции Уокинг, в Хорселле, в Чобхеме ничто не изменилось.

На узловой станции в Уокинге до поздней ночи поезда останавливались и отправлялись или переводились на запасные пути; пассажиры выходили из вагонов или ожидали поезда — все шло своим чередом. Мальчишка из города, нарушая монополию местного газетчика Смита, продавал вечернюю газету. Громыканье товарных составов, резкие свистки паровозов заглушали его выкрики о «людях с Марса». Около девяти часов на станцию стали прибывать взволнованные очевидцы с сенсационными известиями, но они произвели не больше впечатления, чем пьяные, болтающие всякий вздор. Пассажиры, мчавшиеся к Лондону, смотрели в темноту из окон вагонов, видели редкие взлетающие искры около Хорселла, красный от-

блеск и тонкую пелену дыма, застилавшую звезды, и думали, что ничего особенного не случилось, что это горит вереск. Только на краю пустоши заметно было некоторое смятение. На окраине Уокинга горело несколько домов. В окнах трех прилегающих к пустоши селений светились огни, и жители не ложились до рассвета.

На Чобхемском и Хорселлском мостах все еще толпились любопытные. Один или двое смельчаков, как потом выяснилось, отважились в темноте подползти совсем близко к марсианам. Назад они не вернулись, ибо световой луч, вроде прожектора военного корабля, время от времени скользил по пустоши, а за ним следовал тепловой луч. Обширная пустошь была тиха и пустынна, и обугленные тела лежали неубранными всю ночь под звездным небом и весь следующий день. Из ямы слышался металлический стук.

Таково было положение в пятницу вечером. В каждый покров нашей старой планеты Земли отравленной стрелой вонзился цилиндр. Но яд только еще начинал оказывать свое действие. Кругом расстилалась пустошь, а черные, скорченные трупы, разбросанные на ней, были едва заметны; кое-где тлел вереск и кустарник. Дальше простиралась узкая зона, где царило смятение, и за эту черту пожар еще не распространился. В остальном мире поток жизни катился так же, как он катился с незапамятных времен. Лихорадка войны, которая должна была закупорить его вены и артерии, умертвить нервы и разрушить мозг, только начиналась.

Всю ночь марсиане неугомымо работали, стучали какими-то инструментами, приводя в готовность свои машины; иногда вспышки зеленовато-белого дыма, извиваясь, поднимались к звездному небу.

К одиннадцати часам через Хорселл прошла рота солдат и оценила пустошь. Позднее через Чобхем прошла вторая рота и оценила пустошь с северной стороны. Несколько офицеров из Инкерманских казарм уже раньше побывали на пустоши, и один из них, майор Иден, пропал без вести. В полночь командир полка появился у Чобхемского моста и стал расспрашивать толпу. Военные власти, очевидно, поняли серьезность положения. К одиннадцати утра, как на следующий день сообщили газеты, эскадрон гусар и около четырехсот солдат Кардиганского

полка с двумя пулеметами «максим» выступили из Олдершота.

Через несколько секунд после полуночи толпа на дороге в Чертси близ Уокинга увидела метеорит, упавший в сосновый лес на северо-западе. Он падал, сверкая зеленоватым светом, подобно летней молнии. Это был второй цилиндр.

Глава IX *Сражение начинается*

Суббота, насколько мне помнится, прошла тревожно. Это был томительный день, жаркий и душный; барометр, как мне сказали, то быстро падал, то поднимался. Я почти не спал — жене удалось заснуть — и встал рано. Перед завтраком я вышел в сад и постоял там, прислушиваясь: со стороны пустоши слышалась только трель жаворонков.

Молочник явился как обыкновенно. Я услышал скрип его тележки и подошел к калитке узнать последние новости. Он рассказал мне, что ночью марсиан окружили войска и что ожидают артиллерию. Вслед за этим послышался знакомый успокоительный грохот поезда, несущегося в Уокинг.

— Убивать их не станут, — сказал молочник, — если только можно будет обойтись без этого.

Я увидел своего соседа за работой в саду, поболтал с ним немного и отправился завтракать. Утро было самое обычное. Мой сосед был уверен, что войска захватят в плен или уничтожат марсиан в тот же день.

— Жаль, что они так неприступны, — заметил он. — Было бы интересно узнать, как они живут на своей планете. Мы могли бы кое-чему научиться.

Он подошел к забору и протянул мне горсть клубники — он был ревностным и щедрым садоводом. При этом он сообщил мне о лесном пожаре около Байфлитского поля для гольфа.

— Говорят, там упала другая такая же штука, номер второй. Право, с нас довольно и первой, страховым обществам это обойдется не дешево, — сказал он и добродушно засмеялся. — Леса все еще горят. — И он указал на пелену дыма. — Торф и хвоя будут тлеть несколько дней, — добавил он и, вздохнув, заговорил о «бедняге Оджилви».

После завтрака, вместо того чтобы сесть за работу, я решил пойти к пустоши. У железнодорожного моста я увидел группу солдат — это были, кажется, саперы — в маленьких круглых шапочках, грязных красных расстегнутых мундирах, из-под которых виднелись голубые рубашки, в черных штанах и в сапогах до колен. Они сообщили мне, что за канал никого не пропускают. Взглянув на дорогу к мосту, я увидел часового, солдата Кардиганского полка. Я заговорил с солдатами, рассказал им о виденных мной вчера марсианах. Солдаты еще не видели их, очень смутно их себе представляли и закидали меня вопросами. Сказали, что не знают, кто распорядился двинуть войска; они думали, что произошли какие-то волнения в Конной гвардии. Саперы, более образованные, чем простые солдаты, со знанием дела обсуждали необычные условия возможного боя. Я рассказал им о тепловом луче, и они начали спорить между собой.

— Подползти к ним под прикрытием и броситься в атаку, — сказал один.

— Ну да! — ответил другой. — Чем же можно прикрыться от такого жара? Хворостом, что ли, чтобы лучше зажариться? Надо подойти к ним как можно ближе и вырыть укрытия.

— К черту укрытия! Ты только и знаешь что укрытия. Тебе бы родиться кроликом, Снippi!

— Так у них совсем, значит, нет шеи? — спросил вдруг третий — маленький, задумчивый, смуглый солдат с трубкой в зубах.

Я еще раз описал им марсиан.

— Вроде осьминогов, — сказал он. — Значит, с рыбами воевать будем.

— Убить таких чудовищ — это даже не грех, — сказал первый солдат.

— Пустить в них снаряд, да и прикончить разом, — предложил маленький смуглый солдат. — А то они еще что-нибудь натворят.

— Где же твои снаряды? — возразил первый. — Ждать нельзя. По-моему, их надо атаковать, да поскорей.

Так разговаривали солдаты. Вскоре я оставил их и пошел на станцию за утренними газетами.

Но я боюсь наскучить читателю описанием этого томительного утра и еще более томительного дня. Мне не

удалось взглянуть на пустошь, что даже колокольни в Хорселле и Чобхеме находились в руках военных властей. Солдаты, к которым я обращался, сами ничего толком не знали. Офицеры были очень заняты и таинственно молчаливы. Жители чувствовали себя в полной безопасности под охраной войск. Маршалл, табачный торговец, сообщил мне, что его сын погиб около ямы. На окраинах Хорселла военное начальство велело жителям запереть и покинуть свои дома.

Я вернулся к обеду, около двух часов, крайне усталый, ибо день, как я уже сказал, был жаркий и душный; чтобы освежиться, я принял холодный душ. В половине пятого я отправился на железнодорожную станцию за вечерней газетой, потому что в утренних газетах было только очень неточное описание гибели Стэнта, Гендерсона, Оджилви и других. Однако и вечерние газеты не сообщили ничего нового. Марсиане не показывались. Они, видимо, чем-то были заняты в своей яме, и оттуда по-прежнему слышался металлический стук и все время вырывались клубы дыма. Очевидно, они уже готовились к бою. «Новые попытки установить контакт при помощи сигналов оказались безуспешными», — стереотипно сообщали газеты. Один из саперов сказал мне, что кто-то, стоя в канаве, поднял флаг на длинной жерди. Но марсиане обратили на это не больше внимания, чем мы уделили бы мычанию коровы.

Должен сознаться, что эти военные приготовления сильно взволновали меня. Мое воображение разыгралось, и я придумывал всевозможные способы уничтожения непрошенных гостей; я, как школьник, мечтал о сражениях и воинских подвигах. Тогда мне казалось, что борьба с марсианами неравная. Они так беспомощно барахтались в своей яме!

Около трех часов со стороны Чертси или Аддлстона послышался гул — начался обстрел соснового леса, куда упал второй цилиндр, с целью разрушить его прежде, чем он раскроется. Но полевое орудие для обстрела первого цилиндра марсиан прибыло в Чобхем только к пяти часам.

В шестом часу, когда мы с женой сидели за чаем, оживленно беседуя о завязавшемся сражении, послышался глухой взрыв со стороны пустоши, и вслед за тем блеснул огонь. Через несколько секунд раздался грохот так близко

от нас, что даже земля задрожала. Я выбежал в сад и увидел, что вершины деревьев вокруг Восточного колледжа охвачены дымным красным пламенем, а колокольня стоявшей рядом небольшой церковки обваливается. Башенка в стиле минарета исчезла, и крыша колледжа выглядела так, словно ее обстреляли из стотонного орудия. Труба на нашем доме треснула, как будто в нее попал снаряд. Рассыпаясь, обломки ее прокатились по черепице, и мгновенно появилась грудка красных черепков на клумбе, под окном моего кабинета.

Мы с женой стояли ошеломленные и перепуганные. Потом я сообразил, что поскольку колледж разрушен, то вершина Мэйбэри-Хилла оказалась в радиусе действия теплового луча марсиан.

Схватив жену за руку, я потащил ее на дорогу. Потом я вызвал из дому служанку; мне пришлось пообещать ей, что я сам схожу наверх за ее сундуком, который она ни за что не хотела бросить.

— Здесь оставаться нельзя, — сказал я.

И тотчас же с пустоши снова послышался гул.

— Но куда же мы пойдем? — спросила жена с отчаянием.

С минуту я ничего не мог придумать. Потом вспомнил о ее родных в Лезерхэде.

— Лезерхэд! — крикнул я сквозь гул.

Она посмотрела на склон холма. Испуганные люди выбегали из домов.

— Как же нам добраться до Лезерхэда? — спросила она.

У подножия холма я увидел отряд гусар, проезжавший под железнодорожным мостом. Трое из них въехали в открытые ворота Восточного колледжа; двое спешили и начали обходить соседние дома. Солнце, проглядывавшее сквозь дым от горящих деревьев, казалось кроваво-красным и отбрасывало зловещий свет на все кругом.

— Стойте здесь, — сказал я. — Вы тут в безопасности.

Я побежал в трактир «Пятнистая собака», так как знал, что у хозяина есть лошадь и двухколесная пролетка. Я торопился, предвидя, что скоро начнется повальное бегство жителей с нашей стороны холма. Хозяин трактира стоял

у кассы; он и не подозревал, что творится вокруг. Какой-то человек, стоя ко мне спиной, разговаривал с ним.

— Меньше фунта не возьму, — заявил трактирщик. — Да и везти некому.

— Я даю два, — сказал я через плечо незнакомца.

— За что?

— И доставлю обратно к полуночи, — добавил я.

— Боже! — воскликнул трактирщик. — Какая спешка! Два фунта и сами доставите обратно? Что такое происходит?

Я торопливо объяснил, что вынужден уехать из дому, и нанял, таким образом, двуколку. В то время мне не приходило в голову, что трактирщику самому надо бы покинуть свое жилье. Я сел в двуколку, подъехал к своему саду и, оставив ее под присмотром жены и служанки, вбежал в дом и уложил самые ценные вещи, столовое серебро и тому подобное. Буковые деревья перед домом разгорелись ярким пламенем, а решетка ограды накалилась докрасна. Один из спешившихся гусар подбежал к нам. Он заходил в каждый дом и предупреждал жителей, чтобы они уходили. Он уже побежал дальше, когда я вышел на крыльцо со своим скарбом, завязанным в скатерть.

— Что нового? — крикнул я ему вдогонку.

Он повернулся, поглядел на меня и крикнул, как мне послышалось: «Вылезают из ямы в каких-то штуках вроде суповой миски», — и побежал к дому на вершине холма. Внезапно туча черного дыма заволокла дорогу и на минуту скрыла его. Я подбежал к дверям соседа и постучался, чтобы удостовериться, уехал ли он с женой в Лондон, как мне сказали, и запер ли квартиру. Потом снова вошел в дом, вспомнив о сундуке служанки, вытащил его, привязал к задку двуколки и, схватив вожжи, вскочил на козлы. Через минуту мы выехали из дыма, грохот был уже где-то позади нас; мы быстро спускались по противоположному склону Мэйбэри-Хилла к Старому Уокингу.

Перед нами расстился мирный пейзаж — освещенные солнцем поля пшеницы по обе стороны дороги и гостиница Мэйбэри с покачивающейся вывеской. Впереди нас ехал доктор в своем экипаже. У подножия холма я оглянулся, чтобы посмотреть на холм, который я покидал. Густые столбы черного дыма, прорезанные красными языками пламени, поднимались в неподвижном воздухе,

отбрасывая черные тени на зеленые вершины деревьев. Дым расстился далеко на восток и на запад, до сосновых лесов Байфлита на востоке и до Уокинга на западе. Дорога позади нас была усеяна беглецами. Глухо, но отчетливо в знойном недвижимом воздухе раздавался треск пулемета, потом он внезапно прекратился, и послышалась ружейная стрельба. Очевидно, марсиане поджигали все, что находилось в сфере действия их теплового луча.

Я плохой кучер и потому все свое внимание сосредоточил на лошади. Когда я снова обернулся, второй холм был также затянут черным дымом. Я пустил лошадь рысью и нахлестывал ее, пока Уокинг и Сэнд не отделили нас от этого смутения и ужаса. Я обогнал доктора между Уокингом и Сэндом.

Глава X *Гроза*

От Мэйбэри-Хилла до Лезерхэда почти двенадцать миль. На пышных лугах за Пирфордом пахло сеном, по сторонам дороги тянулась чудесная живая изгородь из цветущего шиповника. Грохот орудий, который мы слышали, пока ехали по Мэйбэри-Хиллу, прекратился так же внезапно, как и начался, и вечер стал тих и спокоен. К девяти часам мы благополучно добрались до Лезерхэда. Я дал лошади передохнуть с часок, поужинал у родных и передал жену на их попечение.

Жена почти всю дорогу как-то странно молчала и казалась подавленной, точно предчувствовала дурное. Я старался подбодрить ее, уверяя, что марсиане прикованы к яме собственной тяжестью и что вряд ли они смогут отползти далеко. Она отвечала односложно. Если бы не мое обещание трактирщику, она, наверно, уговорила бы меня остаться на ночь в Лезерхэде. Ах, если бы я остался! Она была очень бледна, когда мы прощались.

Я же весь день был лихорадочно возбужден. Что-то вроде той военной лихорадки, которая овладевает порой цивилизованным обществом, бродило в моей крови, и я был даже доволен, что мне нужно вернуться в Мэйбэри. Больше того — боялся, что прекращение стрельбы означает, что с захватчиками-марсианами покончено. Откровенно говоря, мне очень хотелось присутствовать при этом.

Выехал я часов в одиннадцать. Ночь была очень темная. Когда я вышел из освещенной передней, тьма показалась мне непроглядной; было жарко и душно, как днем. По небу быстро проносились облака, хотя на кустах не шелухнулся ни один листок. Слуга зажег оба фонаря. К счастью, я хорошо знал дорогу. Моя жена стояла в освещенной двери и смотрела, как я садился в двуколку. Потом вдруг повернулась и ушла в дом; оставшиеся на крыльце родные пожелали мне счастливого пути.

Испуг жены передался мне, но вскоре я снова стал думать о марсианах. Тогда я еще не знал никаких подробностей вечернего сражения. Мне даже не было известно, что вызвало столкновение. Проезжая через Окхем (я поехал по этому пути, а не через Сэнд и Старый Уокинг), я увидел на западе кроваво-красное зарево, которое по мере моего приближения медленно ползло вверх по небу. Надвигавшиеся грозовые тучи смешивались с клубами черного и багрового дыма.

На Рипли-стрит не было ни души; селение словно вымерло, только в двух-трех окнах виднелся свет. У поворота дороги к Пирфорду я чуть не наехал на людей, стоявших ко мне спиной. Они ничего не сказали, когда я проезжал мимо. Не знаю, было ли им известно, что происходит за холмом. Не знаю также, царил ли мирный сон в тех безмолвных домах, мимо которых я проезжал, стояли ли они пустые и заброшенные или их обитатели с ужасом наблюдали за событиями этой ночи.

От Рипли до Пирфорда я ехал долиной Уэй, где не было видно красного зарева. Но когда я поднялся на небольшой холм за пирфордской церковью, зарево снова появилось, и деревья зашумели под первым порывом надвигавшейся бури. На пирфордской церкви пробило полночь, и впереди на багровом небе уже чернели крыши и деревья Мэйбэри-Хилла.

Вдруг зловеший зеленый свет озарил дорогу впереди и сосновый лес у Аддлстона. Я почувствовал, что вожжи натянулись. Узкая полоска зеленого огня прорезала свинцовую тучу и упала налево, в поле. Третья падающая звезда!

Вслед за ней сверкнула ослепительно-фиолетовая молния начинающейся грозы и, словно разорвавшаяся ракета, грянул гром. Лошадь закусила удила и понесла.

Я мчался вниз по отлогому склону к подножию Мэйбэри-Хилла. Вспышки молнии следовали одна за другой почти непрерывно. Частые раскаты грома сопровождались каким-то странным потрескиванием, словно где-то работала гигантская электрическая машина. Вспышки света ослепляли меня, и мелкий град больно бил прямо в лицо.

Сначала я смотрел только на дорогу, потом мое внимание привлекло что-то двигавшееся очень быстро вниз по обращенному ко мне склону Мэйбэри-Хилла. Сперва я принял это за мокрую крышу дома, но при блеске молний, сверкнувших одна за другой, разглядел что-то быстро двигавшееся по противоположному склону холма. Затем минутная непроглядная тьма — и внезапный нестерпимый блеск, превративший ночь в день; красное здание приюта на холме, зеленые вершины сосен и загадочный предмет показались отчетливо и ярко.

Но что я увидел! Как мне это описать? Громадный, выше домов, треножник, шагавший по молодой сосновой поросли и ломавший на своем пути сосны; машину из блестящего металла, топтавшую вереск; стальные, спускавшиеся с нее тросы; производимый ею грохот, сливавшийся с раскатами грома. Блеснула молния, и треножник четко выступил из мрака; он стоял на одной ноге, две другие повисли в воздухе. Он исчезал и опять появлялся при новой вспышке молнии уже на сотню ярдов ближе. Можете вы себе представить складной стул, который, покачиваясь, переступает по земле? Таково было это видение при мимолетных вспышках молнии. Но вместо стула представьте себе громадную машину, установленную на треножнике.

Внезапно сосны впереди расступились, как расступает хрупкий тростник, когда через него прокладывает путь человек. Они ломались и падали, и через секунду показался другой громадный треножник, шагавший, казалось, прямо на меня. А я мчался галопом навстречу ему! При виде второго чудовища мои нервы не выдержали. Не решаясь взглянуть на него еще раз, я изо всей силы дернул правую вожжу. В ту же минуту двуколка опрокинулась, придавив лошадь, оглобли с треском переломились, я отлетел в сторону и тяжело шлепнулся в лужу.

Я отполз и спрятался, скорчившись, за кустиками дрока. Лошадь лежала без движения (бедное животное сломало шею). При блеске молнии я увидел черный кузов опрокинутой двуколки и силуэт продолжавшего медленно вращаться колеса. Еще секунда — и колоссальный механизм прошел мимо меня и стал подниматься к Пирфорду.

Вблизи треножник показался мне еще более странным; очевидно, это была управляемая машина. Машина с металлическим звонким ходом, с длинными гибкими блестящими щупальцами (одно из них ухватило за молодую сосну), которые свешивались вниз и гремели, ударяясь о корпус. Треножник, видимо, выбирал дорогу, и медная крышка сверху поворачивалась в разные стороны, напоминая голову. К остоу машины сзади было прикреплено гигантское плетение из какого-то белого металла, похожее на огромную рыбацью корзину; из суставов чудовища вырывались клубы зеленого дыма. Через несколько мгновений оно уже скрылось.

Вот что увидел я очень смутно при свете молнии, среди ослепительных вспышек и черного мрака.

Проходя мимо, треножник издал торжествующий рев, заглушивший раскаты грома: «Элу... элу...» — и через минуту присоединился к другому треножнику за полмили дальше, наклонившемуся над чем-то в поле. Я не сомневаюсь, что там лежал третий из десяти цилиндров, которые были пущены к нам с Марса.

Несколько минут я лежал под дождем, в темноте, наблюдая при вспышках света, как эти чудовищные существа из металла двигались вдаль. Пошел мелкий град, и очертания их то расплывались в тумане, то выступали при вспышках. В промежутках между молниями их поглотила ночь.

Я промок до нитки, сверху — град, снизу — лужа. Прошло некоторое время, пока я пришел в себя, выбрался из лужи на сухое место и стал соображать, куда мне спрятаться.

Невдалеке, на картофельном поле, стояла деревянная сторожка. Я поднялся и, пригнувшись, пользуясь всяким прикрытием, побежал к сторожке. Тщетно я стучался в дверь, ответа не последовало (может, там никого и не было). Тогда, прячась в канаве, я добрался ползком, не за-

меченный чудовищными машинами, до соснового леса возле Мэйбэри.

Здесь, под прикрытием деревьев, мокрый и продрогший, я стал пробираться к своему дому. Тщетно старался я отыскать знакомую тропинку. В лесу было очень темно, потому что теперь молния сверкала реже, а град падал с потоком ливня сквозь просветы в густой хвое.

Если бы я понял, что происходит, то немедленно повернул бы назад и возвратился через Байфлит и Стрит-Кобхем к жене в Лезерхэд. Но загадочность всего окружающего, ночной мрак, физическая усталость лишили меня способности рассуждать; я устал, промок до костей, был ослеплен и оглушен грозой. Я думал только об одном: как бы добраться домой; других побуждений у меня не было. Я плутал между деревьями, упал в яму, зашиб колено и наконец вынырнул на дорогу, которая вела к военному колледжу. Я говорю «вынырнул», потому что по песчаному холму неся бурный мутный поток. Тут в темноте на меня налетел какой-то человек и чуть не сбил с ног.

Он вскрикнул, в ужас отскочил в сторону и скрылся, прежде чем я успел прийти в себя и заговорить с ним. Порывы бури были так сильны, что я с большим трудом взобрался на холм. Я шел по левой стороне, держась поближе к забору.

Невдалеке от вершины я наткнулся на что-то мягкое и при свете молнии увидел под ногами кучу темной одежды и пару сапог. Я не успел рассмотреть лежащего: свет погас. Я нагнулся над ним, ожидая следующей вспышки. Это был коренастый человек в дешевом, но еще крепком костюме; он лежал ничком, прижавшись к забору, как будто с разбегу налетел на него.

Преодолевая отвращение, вполне естественное, так как мне никогда не приходилось дотрагиваться до мертвого тела, я наклонился и перевернул лежащего, чтобы узнать, бьется ли еще сердце. Человек был мертв. Очевидно, он сломал себе шею. Молния блеснула в третий раз, и я увидел лицо мертвеца. Я отшатнулся. Это был трактирщик, хозяин «Пятнистой собаки», у которого я нанял лошадь.

Я осторожно перешагнул через труп и стал пробираться дальше. Я миновал полицейское управление и военный

колледж. Пожар на склоне холма прекратился, хотя со стороны пустоши все еще виднелось красное зарево и клубы красноватого дыма прорезали завесу града. Большинство домов, насколько я мог разглядеть при вспышке молнии, уцелело. Возле военного колледжа на дороге лежала какая-то темная гряда.

Впереди, на дороге, в стороне моста, слышались чьи-то голоса и шаги, но у меня не хватило сил крикнуть или подойти к людям. Я вошел в свой дом, затворил дверь, запер ее на ключ, наложил засов и в изнеможении опустился на пол возле лестницы. Перед глазами у меня мелькали шагающие металлические чудовища и мертвец около забора.

Я прислонился спиной к стене и, весь дрожа, так и остался сидеть возле лестницы.

Глава XI У окна

Я уже говорил о том, что подвержен быстрой смене настроений. Очень скоро я почувствовал, что промок и что мне холодно. На ковре у моих ног набралась целая лужа. Я почти машинально встал, прошел в столовую и выпил немного виски, потом решил переодеться.

Переменив платье, я поднялся в свой кабинет, почему именно туда, я и сам не знаю. Из окна были видны деревья и железнодорожная станция около Хорселлской пустоши. В суматохе отъезда мы забыли закрыть это окно. В коридоре было темно, и комната тоже казалась темной по контрасту с пейзажем в рамке окна. Я остановился в дверях как вкопанный.

Гроза прошла. Башни Восточного колледжа и сосны вокруг него исчезли; далеко вдаль в красном свете виднелась пустошь и песчаный карьер. На фоне зарева метались гигантские причудливые черные тени.

Казалось, вся окрестность была охвачена огнем: по широкому склону холма пробегали языки пламени, колеблясь и извиваясь в порывах затихающей бури, и отбрасывали красный отсвет на стремительные облака. Иногда дым близкого пожарища заволакивал окно и скрывал тени марсиан. Я не мог рассмотреть, что они делали; их очертания вырисовывались неясно, они возились над темной грудой, которую я не мог разглядеть. Я не видел и ближайшего пожара, хотя отблеск его играл на стенах

и на потолке кабинета. Чувствовался сильный запах горячей смолы.

Я тихо притворил дверь и подкрался к окну. Передо мной открылся более широкий вид — от домов вокруг станции Уокинг до обугленных, почерневших сосновых лесов Байфлита. Вблизи арки на линии железной дороги, у подножия холма, что-то ярко горело; многие дома вдоль дороги к Мэйбэри и на улицах вблизи станции тлели в горах развалин. Сперва я не мог разобрать, что горело на линии железной дороги; огонь перебегал по какой-то черной гряде, направо виднелись желтые продолговатые предметы. Потом я разглядел, что это был потерявший крушение поезд; передние вагоны были разбиты и горели, а задние еще стояли на рельсах.

Между этими тремя очагами света — домами, поездом и охваченными пламенем окрестностями Чобхема — тянулись черные полосы земли, кое-где пересеченные полосками тлеющей и дымящейся почвы. Это странное зрелище — черное пространство, усеянное огнями, — напомнило мне гончарные заводы ночью. Сначала я не заметил людей, хотя и смотрел очень внимательно. Потом я увидел у станции Уокинг, на линии железной дороги, несколько мечущихся темных фигурок.

И этим огненным хаосом был тот маленький мирок, в котором я безмятежно жил столько лет! Я не знал, что произошло в течение последних семи часов; я только начинал смутно догадываться, что есть какая-то связь между этими механическими колоссами и теми неповоротливыми чудовищами, которые на моих глазах выползли из цилиндра. С каким-то странным любопытством стороннего зрителя я придвинул свое рабочее кресло к окну, уселся и начал наблюдать; особенно заинтересовали меня три черных гиганта, рассказывавшие в свете пожараща около песчаного карьера.

Они, видимо, были очень заняты. Я старался догадаться, что они там делают. Неужели это одухотворенные механизмы? Но ведь это невозможно. Может быть, в каждом из них сидит марсианин и двигает, повелевает, управляет им так же, как человеческий мозг управляет телом. Я стал сравнивать их с нашими машинами и в первый раз в жизни задал себе вопрос: какими должны казаться раз-

умному, но менее развитому, чем мы, существу броненосцы или паровые машины?

Гроза пронеслась, небо очистилось. Над дымом пожара блеснувший, крохотный, как булавоочная головка, Марс склонился к западу. Какой-то солдат полез в мой сад. Я услышал легкое царапанье и, стряхнув владевшее мной оцепенение, увидел человека, перелезающего через частокол. Мой столбняк сразу прошел, и я быстро высунулся в окно.

— Тс... — прошептал я.

Он в нерешительности уселся верхом на заборе. Потом спрыгнул в сад и, согнувшись, бесшумно ступая, прокрался через лужайку к углу дома.

— Кто там? — шепотом спросил он, стоя под окном и глядя вверх.

— Куда вы идете? — спросил я.

— Я и сам не знаю.

— Вы ищете, где бы спрятаться?

— Да.

— Войдите в дом, — сказал я.

Я сошел вниз и открыл дверь, потом снова запер ее. Я не мог разглядеть лица солдата. Он был без фуражки, мундир был расстегнут.

— О господи! — сказал он, когда я впустил его.

— Что случилось? — спросил я.

— И не спрашивайте. — Несмотря на темноту, я увидел, что он безнадежно махнул рукой. — Они смели нас, просто смели, — повторял он.

Почти машинально он вошел за мной в столовую.

— Выпейте виски, — предложил я, наливая ему солидную порцию.

Он выпил. Потом опустился на стул у стола, уронил голову на руки и расплакался, как ребенок. Забыв о своем недавнем приступе отчаяния, я с удивлением смотрел на него.

Прошло довольно много времени, пока он овладел собой и смог ответить на мои вопросы. Он говорил отрывисто и путано. Он был ездовым в артиллерии и принял участие в бою только около семи часов вечера. В это время стрельба на пустоши была в полном разгаре; говорили, что первая партия марсиан медленно ползет ко второму цилиндру под прикрытием металлической брони.

Потом эта металлическая броня превратилась в треножник, очевидно, в ту первую военную машину, которую я увидел. Орудие, при котором находился мой гость, было установлено близ Хорселла для обстрела песчаного карьера, и это ускорило события. Когда ездовые с лафетом отъезжали в сторону, его лошадь оступилась и упала, сбросив его в рытвину. В ту же минуту пушка взлетела на воздух вместе со снарядами; все было охвачено огнем, и он очутился погребенным под грудой обгорелых трупов людей и лошадей.

— Я лежал тихо, — рассказывал он, — полумертвый от страха. На меня навалилась передняя часть лошади. Они нас смели. А запах, боже мой! Точно пригорелое жаркое. Я расшиб спину при падении. Так я лежал, пока мне не стало немного лучше. Только минутой назад мы ехали, точно на парад, — и вдруг разбиты, сметены, уничтожены.

— Нас смели! — повторял он.

Он долго прятался под тушей лошади, посматривая украдкой на пустошь. Кардиганский полк пытался броситься в штыки — его мигом уничтожили. Потом чудовище поднялось на ноги и начало расхаживать по пустоши, преследуя немногих спасавшихся бегством. Вращавшийся колпак на нем напоминал голову человека в капюшоне. Какое-то подобие руки держало металлический ящик сложного устройства, из которого вылетали зеленые искры и ударял тепловой луч.

Через несколько минут на пустоши, насколько он мог видеть, не осталось ни одного живого существа; кусты и деревья, еще не обратившиеся в обугленные остовы, горели. Гусары стояли на дороге в ложбинке, и он их не видел. Он слышал, как застрочили пулеметы, потом все смолкло. Гигант долго не трогал станцию Уокинг и окрестные дома. Потом скользнул тепловой луч, и городок превратился в груды пылающих развалин. После этого чудовище выключило тепловой луч и, повернувшись спиной к артиллеристу, запагало по направлению к дымявшемуся сосновому лесу, где упал второй цилиндр. В следующий миг из ямы поднялся другой сверкающий титан.

Второе чудовище последовало за первым. Тут артиллерист осторожно пополз по горячему пеплу сгоревшего вереска к Хорселлу. Ему удалось доползти до канавы, тя-

нувшейся вдоль края дороги, и таким образом он добрался до Уокинга. Дальнейший рассказ артиллериста состоял почти из одних междометий. Через Уокинг нельзя было пройти. Немногие уцелевшие жители, казалось, сошли с ума; другие сгорели заживо или получили ожоги. Он повернул в сторону от пожара и спрятался в дымящихся развалинах; тут он увидел, что чудовище возвращается. Оно настигло одного из бегущих, схватило его своим стальным щупальцем и размозжило ему голову о сосновый пенёк. Когда стемнело, артиллерист пополз дальше и добрался до железнодорожной насыпи.

Потом он, крадучись, направился через Мэйбэри в сторону Лондона, думая, что там будет безопасней. Люди прятались в погребах, канавах, и многие из уцелевших бежали к Уокингу и Сэнду. Его мучила жажда. Около железнодорожной арки он увидел разбитый водопровод: вода била ключом из лопнувшей трубы.

Вот все, что я мог у него выпытать. Он несколько успокоился, рассказав мне обо всем, что ему пришлось видеть. С полудня он ничего не ел; он упомянул об этом еще в начале своего рассказа; я нашел в кладовой немного баранины, хлеба и принес ему поесть. Мы не зажигали лампу, боясь привлечь внимание марсиан, и наши руки часто соприкасались, нащупывая еду. Пока он рассказывал, окружающие предметы стали неясно выступать из мрака, за окном уже можно было различить вытоптанную траву и поломанные кусты роз. Казалось, по лужайке промчалась толпа людей или стадо животных. Теперь я мог рассмотреть лицо артиллериста, перепачканное, бледное, — такое же, вероятно, было и у меня.

Насытившись, мы осторожно поднялись в мой кабинет, и я снова выглянул в открытое окно. За одну ночь цветущая долина превратилась в пепелище. Пожар угадал. Там, где раньше бушевало пламя, теперь чернели клубы дыма. Разрушенные и развороченные дома, поваленные, обугленные деревья — вся эта страшная, злоежащая картина, скрытая до сих пор ночным мраком, теперь, в предрассветных сумерках, отчетливо предстала перед нами. Кое-что чудом уцелело среди всеобщего разрушения: белый железнодорожный семафор, часть оранжевой, зеленеющей среди развалин. Никогда еще в истории войн не было такого беспощадного всеобщего разруше-

ния. Поблескивая в утреннем свете, три металлических гиганта стояли около ямы, и их колпаки поворачивались, как будто они любовались произведенным ими опустошением.

Мне показалось, что яма стала шире. Спирали зелено-го дыма непрерывно взлетали навстречу разгоравшейся заре — поднимались, клубились, падали и исчезали.

Около Чобхема вздымались столбы пламени. Они превратились в столбы кровавого дыма при первых лучах солнца.

Глава XII *Разрушение Уэйбриджа и Шеппертона*

Когда совсем рассвело, мы отошли от окна, откуда наблюдали за марсианами, и тихо спустились вниз.

Артиллерист согласился со мной, что в доме оставаться опасно. Он решил идти в сторону Лондона; там он присоединится к своей батарее номер 12 конной артиллерии. Я же хотел вернуться в Лезерхэд. Потрясенный могуществом марсиан, я решил немедленно увезти жену в Ньюхэвен, чтобы оттуда выехать за границу. Мне было ясно, что окрестности Лондона неизбежно станут ареной разрушительной борьбы, прежде чем удастся уничтожить чудовища.

Но на пути к Лезерхэду находился третий цилиндр, охраняемый гигантами. Будь я один, я, вероятно, положился бы на свою судьбу и пустился бы напрямик. Но артиллерист отговорил меня.

— Вряд ли вы поможете своей жене, если сделаете ее вдовой, — сказал он.

В конце концов я согласился идти вместе с ним, под прикрытием леса, к северу до Стрит-Кобхема. Оттуда я должен был сделать большой крюк через Эпсом, чтобы попасть в Лезерхэд.

Я хотел отправиться сейчас же, но мой спутник, солдат, был опытнее меня. Он заставил меня перерыть весь дом и отыскать флягу, в которую налил виски. Мы набрали все свои карманы сухарями и ломтями мяса. Потом вышли из дому и пустились бегом вниз по размытой дороге, по которой я шел прошлой ночью. Дома казались вымершими. На дороге лежали рядом три обуглившихся тела, пораженные тепловым лучом. Кое-где валялись брошенные или потерянные вещи: часы, туфли, серебряная

ложка и другие мелкие предметы. На повороте к почтовой конторе лежала на боку со сломанным колесом распряженная тележка, нагруженная ящиками и мебелью. Несгораемая касса была, видимо, наспех открыта и брошена среди рухляди.

Дома в этой части не очень пострадали, горела только сторожка приюта. Тепловой луч сбрил печные трубы и прошел дальше. Кроме нас, на Мэйбэри-Хилле, по-видимому, не было ни души. Большая часть жителей бежала, вероятно, к Старому Уокингу по той дороге, по которой я ехал в Лезерхэд, или пряталась где-нибудь.

Мы спустились вниз по дороге, прошли мимо все еще лежавшего там намокшего от дождя трупа человека в черном костюме. Вошли в лес у подножия холма и добрались до полотна железной дороги, никого не встретив. Лес по ту сторону железной дороги казался сплошным буреломом, так как большая часть деревьев была повалена и только кос-где зловеще торчали обугленные стволы с темно-бурой листвой.

На нашей стороне огонь только опалил ближайшие деревья и не произвел больших опустошений. В одном месте лесорубы, очевидно, работали еще в субботу. Деревья, срубленные и свежесочищенные, лежали на просеке среди кучи опилок около паровой лесопилки. Рядом стояла пустая лачуга. Все было тихо; воздух казался неподвижным. Даже птицы куда-то исчезли. Мы с артиллеристом переговаривались шепотом и часто оглядывались по сторонам. Иногда мы останавливались и прислушивались.

Немного погодя мы подошли к дороге и услышали стук копыт: в сторону Уокинга медленно ехали три кавалериста. Мы окликнули их, они остановились, и мы поспешили к ним. Это были лейтенант и двое рядовых 8-го гусарского полка с каким-то прибором вроде теодолита; артиллерист объяснил мне, что это гелиограф.

— Вы первые, кого я встретил на этой дороге за все утро, — сказал лейтенант. — Что тут творится?

И в его голосе и в лице чувствовалась решительность. Солдаты смотрели на нас с любопытством. Артиллерист спустился с насыпи на дорогу и отдал честь.

— Пушку нашу взорвало прошлой ночью, сэр. Я спрятался. Догоняю батарею, сэр. Вы, наверное, увидите марсиан, если проедете еще с полмили по этой дороге.

— Какие они из себя, черт возьми? — спросил лейтенант.

— Великаны в броне, сэр. Сто футов высоты. Три ноги; тело вроде как алюминиевое, с огромной головой в колпаке, сэр.

— Рассказывай! — воскликнул лейтенант. — Что за чепуху ты мелешь?

— Сами увидите, сэр. У них в руках какой-то ящик, сэр; из него выпыхивает огонь и убивает на месте.

— Вроде пушки?

— Нет, сэр. — И артиллерист стал описывать действие теплового луча. Лейтенант прервал его и обернулся ко мне. Я стоял на насыпи у края дороги.

— Вы тоже видели это? — спросил он.

— Все чистейшая правда, — ответил я.

— Ну, — сказал лейтенант, — я думаю, и мне не мешает взглянуть на них. Слушай, — обратился он к артиллеристу, — нас отрядили сюда, чтобы выселить жителей из домов. Ты явись к бригадному генералу Марвину и доложи ему обо всем, что знаешь. Он стоит в Уэйбридже. Дорогу знаешь?

— Я знаю, — сказал я.

Лейтенант повернул лошадь.

— Вы говорите, полмили? — спросил он.

— Не больше, — ответил я и указал на вершины деревьев к югу. Он поблагодарил меня и уехал. Больше мы его не видели.

Потом мы увидели трех женщин и двух детей на дороге у рабочего домика, нагружавших ручную тележку узлами и домашним скарбом. Они были так заняты, что не стали разговаривать с нами.

У станции Байфлит мы вышли из соснового леса. В лучах утреннего солнца местность казалась такой мирной! Здесь мы были уже за пределами действия теплового луча; если бы не опустевшие дома, не суетня и сборы жителей, не солдаты на железнодорожном мосту, смотревшие вдоль линии на Уокинг, день походил бы на обычное воскресенье.

Несколько подвод и фургонов со скрипом двигались по дороге к Аддлстону. Через ворота в изгороди мы увидели на лугу шесть пушек двенадцатифунтовок, аккуратно расставленных на равном расстоянии друг от друга

и направленных в сторону Уокинга. Прислуга стояла подле в ожидании, зарядные ящики находились на установленном расстоянии. Солдаты стояли точно на смотру.

— Вот это здорово! — сказал я. — Во всяком случае, они дадут хороший залп.

Артиллерист в нерешительности остановился у ворот.

— Я пойду дальше, — сказал он.

Ближе к Уэйбриджу, сейчас же за мостом, солдаты в белых рабочих куртках насыпали длинный вал, за которым торчали пушки.

— Это все равно что лук и стрелы против молнии, — сказал артиллерист. — Они еще не видали огненного луча.

Офицеры, не принимавшие непосредственного участия в работе, смотрели поверх деревьев на юго-запад; солдаты часто отрывались от работы и тоже поглядывали в том же направлении.

Байфлит был в смятении. Жители укладывали пожитки, а двадцать гусар, частью спешившись, частью верхом, торопили их. Три или четыре черных санитарных фургона с крестом на белом круге и какой-то старый омнибус грузились на улице среди прочих повозок. Многие из жителей приоделись по-праздничному. Солдатам стоило большого труда растолковать им всю опасность положения. Какой-то сморщенный старичок сердито спорил с капралом, требуя, чтобы захватили его большой ящик и десятка два цветочных горшков с орхидеями. Я остановился и дернул старичка за рукав.

— Знаете вы, что там делается? — спросил я, показывая на вершины соснового леса, скрывавшего марсиан.

— Что? — обернулся он. — Я говорю им, что этого нельзя бросать.

— Смерть! — крикнул я. — Смерть идет на нас! Смерть!

Не знаю, понял ли он меня, — я поспешил за артиллеристом. На углу я обернулся. Солдат отошел от старичка, а тот все еще стоял возле своего ящика и горшков с орхидеями, растерянно глядя в сторону леса.

Никто в Уэйбридже не мог сказать нам, где помещается штаб. Такого беспорядка мне еще нигде не приходилось наблюдать. Везде повозки, экипажи всех видов и лошади всевозможных мастей. Почтенные жители местеч-

ка, спортсмены в костюме для гольфа и гребли, нарядно одетые женщины — все укладывались; праздные зеваки энергично помогали, дети шумели, очень довольные таким необычным воскресным развлечением. Среди всеобщей суматохи почтенного вида священник, не обращая ни на что внимания, под звон колокола служил раннюю обедню.

Мы с артиллеристом присели на ступеньку у колодца и наскоро перекусили. Патрули — уже не гусары, а гранатеры в белых мундирах — предупреждали жителей и предлагали им или уходить, или прятаться по подвалам, как только начнется стрельба. Переходя через железнодорожный мост, мы увидели большую толпу на станции и вокруг нее; платформа кишела людьми и была завалена ящиками и узлами. Обычное расписание было нарушено, вероятно, для того чтобы подвезти войска и орудия к Чертси; потом я слышал, что произошла страшная давка и драка из-за места в экстренных поездах, пущенных во вторую половину дня.

Мы оставались в Уэйбридже до полудня. У шеппертонского шлюза, где сливаются Темза и Уэй, мы помогли двум старушкам нагрузить тележку. Устье реки Уэй имеет три рукава, здесь сдаются лодки и ходит паром. На другом берегу виднелась харчевня и перед ней лужайка, а дальше над деревьями поднималась колокольня шеппертонской церкви — теперь она заменена шпилем.

Здесь мы застали шумную, возбужденную толпу беглецов. Хотя паники еще не было, однако желающих пересечь реку оказалось гораздо больше, чем могли вместить лодки. Люди подходили, задыхаясь под тяжелой ношей. Одна супружеская пара тащила даже небольшую входную дверь от своего дома, на которой были сложены их пожитки. Какой-то мужчина сказал нам, что хочет попытаться уехать со станции в Шеппертоне.

Все громко разговаривали; кто-то даже острил. Многие думали, что марсиане — это просто люди-великаны; они могут напасть на город и разорить его, но, разумеется, в конце концов будут уничтожены. Все тревожно поглядывали на противоположный берег, на луга около Чертси; но там было спокойно.

По ту сторону Темзы, кроме того места, где причаливали лодки, тоже все было спокойно — резкий контраст

с Сэрреем. Народ, выходивший из лодок, подымался вверх по дороге. Большой паром только что перевалил через реку. Трое или четверо солдат стояли на лужайке возле харчевни и подшучивали над беглецами, не предлагая им помочь. Харчевня была закрыта, как и полагалось в эти часы.

— Что это? — крикнул вдруг один из лодочников. — Тише ты! — цыкнул кто-то возле меня на лаявшую собаку. Звук повторился, на этот раз со стороны Чертси; приглушенный гул — пушечный выстрел.

Бой начался. Скрытые деревьями батареи за рекой направо от нас вступили в общий хор, тяжело ухая одна за другой. Вскрикнула женщина. Все остановились как вкопанные и повернулись в сторону близкого, но невидимого сражения. На широких лугах не было ничего, кроме мирно пасущихся коров и серебристых ив, неподвижных в лучах жаркого солнца.

— Солдаты задержат их, — неуверенным тоном проговорила женщина возле меня.

Над лесом показался дымок.

И вдруг мы увидели — далеко вверх по течению реки — клуб дыма, взлетевшего и повисшего в воздухе, и сейчас же почва под ногами у нас заколебалась, оглушительный взрыв потряс воздух; разлетелись стекла в соседних домах. Все оцепенели от удивления.

— Вон они! — закричал какой-то человек в синей фуфайке. — Вон там! Видите? Вон там!

Быстро, один за другим, появились покрытые броней марсиане — один, два, три, четыре — далеко-далеко над молодым леском за лугами Чертси. Сначала они казались маленькими фигурками в колпаках и двигались как будто на колесах, но с быстротой птиц.

Они поспешно спускались к реке. Слева, наискось, к ним приближался пятый. Их броня блестела на солнце, и при приближении они быстро увеличивались. Самый дальний из них на левом фланге высоко поднял большой ящик, и страшный тепловой луч, который я уже видел в ночь на субботу, скользнул к Чертси и поразил город.

При виде этих странных быстроходных чудовищ толпа на берегу оцепенела от ужаса. Ни возгласов, ни криков — мертвое молчание. Потом хриплый шепот и движение ног — шлепанье по воде. Какой-то человек, с пере-

пути не догадавшийся сбросить ношу с плеча, повернулся и углом своего чемодана так сильно ударил меня, что чуть не свалил с ног. Какая-то женщина оттолкнула меня и бросилась бежать. Я тоже побежал с толпой, но все же не потерял способности соображать. Я подумал об ужасном тепловом луче. Нырнуть в воду! Самое лучшее!

— Ныряйте! — кричал я, но никто меня не слушал.

Я повернул и бросился вниз по отлогому берегу прямо навстречу приближающемуся марсианину и прыгнул в воду. Кто-то последовал моему примеру. Я успел заметить, как только что отчалившая лодка, расталкивая людей, врезалась в берег. Дно под ногами было скользкое от тины, а река так мелка, что я пробежал около двадцати футов, а вода доходила мне едва до пояса. Когда марсианин показался у меня над головой ярдах в двухстах, я лег плашмя в воду. В ушах у меня, как удары грома, отдавался плеск воды — люди прыгали с лодок. Другие торопливо высаживались, взбирались на берег по обсым сторонам реки.

Но марсианин обращал не больше внимания на мечущихся людей, чем человек на муравьев, снующих в муравейнике, на который он наступил ногой. Когда, задыхаясь, я поднял голову над водой, колпак марсианина был обращен к батареям, которые все еще обстреливали реку; приблизившись, он взмахнул чем-то, очевидно, генератором теплового луча.

В следующее мгновение он был уже на берегу и шагнул на середину реки. Колени его передних ног упирались в противоположный берег. Еще мгновение — и он выпрямился во весь рост уже у самого поселка Шеппертон. Вслед за тем шесть орудий — никто не знал о них на правом берегу, так как они были скрыты у околицы, — дали залп. От внезапного сильного сотрясения сердце мое бешено заколотилось. Чудовище уже занесло камеру теплового луча, когда первый снаряд разорвался в шести ярдах над его колпаком.

Я вскрикнул от удивления. Я забыл про остальных четырех марсиан: все мое внимание было поглощено происходившим. Почти одновременно с первым разорвались два других снаряда; колпак дернулся, уклоняясь от них, но четвертый снаряд ударил прямо в лицо марсианину.

Колпак треснул и разлетелся во все стороны клочьями красного мяса и сверкающего металла.

— Сбит! — закричал я не своим голосом.

Мой крик подхватили люди, стоявшие в реке вокруг меня.

От восторга я готов был выскочить из воды.

Обезглавленный колосс пошатнулся, как пьяный, но не упал, сохранив каким-то чудом равновесие. Никем не управляемый, с высоко поднятой камерой, испускавшей тепловой луч, он быстро, но нетвердо зашагал по Шеппертону. Его живой мозг, марсианин под колпаком, был разорван на куски, и чудовище стало теперь слепой машиной разрушения. Оно шагало по прямой линии, натолкнулось на колокольню шеппертонской церкви и, раздробив ее, точно тараном, шарахнулось, споткнулось и с грохотом рухнуло в реку.

Раздался оглушительный взрыв, и смерч воды, пара, грязи и обломков металла взлетел высоко в небо. Как только камера теплового луча погрузилась в воду, вода стала превращаться в пар. В ту же секунду огромная мутная волна, кипящая, обжигающая, покатила против течения. Я видел, как люди барахтались, стараясь выбраться на берег, и слышал их вопли, заглушаемые шумом бурлящей воды и грохотом бившегося марсианина.

Не обращая внимания на жар, позабыв про опасность, я поплыл по бурной реке, оттолкнув какого-то человека в черном, и добрался до поворота. С полдюжины пустых лодок беспомощно качались на волнах. Дальше, вниз по течению, поперек реки лежал упавший марсианин, почти весь под водой.

Густые облака пара поднимались над местом падения, и сквозь их рваную колеблющуюся пелену по временам я смутно видел гигантские члены чудовища, дергавшегося в воде и выбрасывавшего в воздух фонтаны грязи и пены. Щупальца размахивали и бились, как руки, и если бы не бесцельность этих движений, то можно было бы подумать, что какое-то раненое существо борется за жизнь среди волн. Красновато-бурая жидкость с громким шипением струей била вверх из машины.

Мое внимание было отвлечено от этого зрелища яростным ревом, напоминавшим рев паровой сирены. Какой-то человек, стоя по колени в воде недалеко от берега,

что-то крикнул мне, указывая пальцем, но я не мог разобрать его слов. Оглянувшись, я увидел других марсиан, направлявшихся огромными шагами от Чертси к берегу реки. Пушки в Шеппертоне открыли огонь, но на этот раз безуспешно.

Я тут же нырнул и с трудом плыл, задерживая дыхание, пока хватало сил. Вода бурлила и быстро нагревалась.

Когда я вынырнул на минуту, чтобы перевести дыхание, и отбросил волосы с глаз, то увидел, что кругом белыми клубами поднимается пар, скрывающий марсиан. Шум был оглушительный. Затем я увидел серых колоссов, казавшихся в тумане еще огромнее. Они прошли мимо, и двое из них нагнулись над пенящимися, содрогаящимися останками своего товарища.

Третий и четвертый тоже остановились, один — ярдах в двухстах от меня, другой — ближе к Лэйлхему. Генераторы теплового луча были высоко подняты, и лучи с шипением падали в разные стороны.

Воздух звенел от оглушительного хаоса звуков: металлический рев марсиан, грохот рушащихся домов, треск охваченных пламенем деревьев, заборов, сараев, гул и шипение огня. Густой черный дым поднимался вверх и смешивался с клубами пара над рекой. Прикосновение теплового луча, скользившего по Уэйбриджу, вызывало вспышки ослепительно белого пламени, за которыми следовала дымная пляска языков огня. Ближайшие дома все еще стояли нетронутыми, ожидая своей участи, сумрачные, тусклые, окутанные паром, а позади них метался огонь.

С минуту я стоял по грудь в почти кипящей воде, растерянный, не надеясь спастись. Сквозь пар я видел, как люди вылезают из воды, цепляясь за камыши, точно лягушки, прыгающие по траве; другие в панике метались по берегу.

Вдруг белые вспышки теплового луча стали приближаться ко мне. От его прикосновения рухнули охваченные пламенем дома; деревья с громким треском обратились в огненные столбы. Луч скользил вверх и вниз по береговой тропинке, сметая разбегавшихся людей, и наконец спустился до края воды, ярдах в пятидесяти от того места, где я стоял, потом перенесся на другой берег,

к Шеппертону, и вода под ним закипела и стала обращаться в пар. Я бросился к берегу.

В следующую минуту огромная волна, почти кипящая, обрушилась на меня. Я закричал и, полуслепой, обваренный, не помня себя от боли, стал выбираться на берег. Поскользнулся я — и все было бы кончено. Я упал, обессиленный, на глазах у марсиан на широкой песчаной отмели, где под углом сходятся Уэй и Темза. Я не сомневался, что меня ожидает смерть.

Помню как во сне, что нога марсианина прошла ярдах в двадцати от моей головы, увязая в песке, разворачивая его и снова вылезая наружу, потом, после долгого томительного промежутка, я увидел, как четыре марсианина пронесли останки своего товарища; они шли, то ясно различимые, то скрытые пеленой дыма, расплывавшегося по реке и лугам. Потом очень медленно я начал осознавать, что каким-то чудом избежал гибели.

Глава XIII *Встреча со священником*

Испытав на себе столь неожиданным образом силу земного оружия, марсиане отступили к своим первоначальным позициям на Хорселлской пустоши; они торопились унести останки своего разорванного снарядом товарища и поэтому не обращали внимания на таких жалких беглецов, как я. Если бы они бросили его и двинулись дальше, то не встретили бы на своем пути никакого сопротивления, кроме нескольких батарей пушек двенадцатифунтовых, и, конечно, достигли бы Лондона раньше, чем туда дошла бы весть об их приближении. Их нашествие было бы так же внезапно, губительно и странно, как землетрясение, разрушившее сто лет назад Лиссабон.

Впрочем, им нечего было спешить. Из межпланетного пространства каждые двадцать четыре часа, доставляя им подкрепление, падало по цилиндру. Между тем военные и морские власти готовились с лихорадочной поспешностью, уразумев наконец ужасную силу противника. Ежеминутно устанавливались новые орудия. Еще до наступления сумерек из каждого куста, из каждой пригородной дачи на холмистых склонах близ Кингстона и Ричмонда уже торчало черное пушечное жерло. На всем обугленном и опустошенном пространстве в двадцать квадратных миль вокруг лагеря марсиан на Хорселлской пустоши,

среди пепелищ и развалин, под черными, обгорелыми остатками сосновых лесов, ползли самоотверженные разведчики с гелиографами, готовые тотчас же предупредить артиллерию о приближении марсиан. Но марсиане поняли мощь нашей артиллерии и опасность близости людей: всякий, кто дерзнул бы подойти к одному из цилиндров ближе, чем на милю, поплатился бы жизнью.

По-видимому, гиганты потратили дневные часы на переноску груза второго и третьего цилиндров — второй упал у Аддлстона на площадке для игры в гольф, третий у Пирфорда — к своей яме на Хорселлской пустоши. Возвышаясь над почерневшим вереском и разрушенными строениями, стоял на часах один марсианин, остальные же спустились со своих боевых машин в яму. Они усердно работали до поздней ночи, и из ямы вырывались клубы густого зеленого дыма, который был виден с холмов Мерроу и даже, как говорят, из Бенстеда и Эпсома.

Пока позади меня марсиане готовились к новой вылазке, а впереди человечество собиралось дать им отпор, я с великим трудом и мучениями пробирался от дымящихся пожарищ Уэйбриджа к Лондону.

Увидев вдали плывшую вниз по течению пустую лодку, я сбросил большую часть своего промокшего платья, подплыл к ней и таким образом выбрался из района разрушений. Весел не было, но я подгребал, сколько мог, обожженными руками и очень медленно подвигался к Голлифорду и Уолтону, то и дело, по вполне понятным причинам, боязливо оглядываясь назад. Я предпочел водный путь, так как на воде легче было спастись в случае встречи с гигантами.

Горячая вода, вскипевшая при падении марсианина, текла вниз по реке, и поэтому почти на протяжении мили оба берега были скрыты паром. Впрочем, один раз мне удалось разглядеть черные фигурки людей, бежавших через луга прочь от Уэйбриджа. Голлифорд казался вымершим, несколько домов у берега горело. Странно было видеть под знойным голубым небом спокойное и безлюдное селение, над которым взлетали языки пламени и клубился дым. Первый раз видел я пожар без суетящейся кругом толпы. Сухой камыш на отмели дымился и вспыхивал, и огонь медленно подбирался к стогам сена, стоявшим поодаль.

Долго я плыл по течению, усталый и измученный всеми пережитыми передрыганиями. Даже на воде было очень жарко. Однако страх был сильнее усталости, и я снова стал грести руками. Солнце жгло мою обнаженную спину. Наконец, когда за поворотом показался Уолтонский мост, лихорадка и слабость преодолели страх, и я причалил к отмели Миддлсэкса и в полном изнеможении упал на траву. Судя по солнцу, было около пяти часов. Потом я встал, прошел с полмили, никого не встретив, и снова улегся в тени живой изгороди. Помню, я говорил сам с собой вслух, как в бреду. Меня томила жажда, и я жалел, что не напился на реке. Странное дело, я почему-то злился на свою жену; меня очень раздражало, что я никак не мог добраться до Лезерхеда.

Я не помню, как появился священник, — вероятно, я задремал. Я увидел, что он сидит рядом со мной в выпачканной сажей рубашке; подняв кверху гладко выбритое лицо, он, не отрываясь, смотрел на бледные отблески, пробегающие по небу. Небо было покрыто барашками — грядами легких, пушистых облачков, чуть окрашенных летним закатом.

Я привстал, и он быстро обернулся ко мне.

— У вас есть вода? — спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

— Вы уже целый час просите пить, — сказал он.

С минуту мы молчали, разглядывая друг друга. Вероятно, я показался ему странным: почти голый — на мне были только промокшие насквозь брюки и носки, — красный от ожогов, с лицом и шеей черными от дыма. У него было лицо слабоумного человека, срезанный подбородок, волосы спадали льняными завитками на пизкий лоб, большие бледно-голубые глаза смотрели пристально и грустно. Он говорил отрывисто, уставясь в пространство.

— Что такое происходит? — спросил он. — Что значит все это?

Я посмотрел на него и ничего не ответил.

Он простер белую тонкую руку и заговорил жалобно:

— Как могло это случиться? Чем мы согрешили? Я кончил утреннюю службу и прогуливался по дороге, чтобы освежить голову и приготовиться к проповеди, и вдруг — огонь, землетрясение, смерть! Содом и Гомор-

ра! Все наши труды пропали, все труды... Кто такие эти марсиане?

— А кто такие мы сами? — ответил я, откашливаясь.

Он обхватил колени руками и снова повернулся ко мне. С полминуты он молча смотрел на меня.

— Я прогуливался по дороге, чтобы освежить голову, — повторил он. — И вдруг — огонь, землетрясение, смерть!

Он снова замолчал; подбородок его почти касался колен.

Потом опять заговорил, размахивая рукой:

— Все труды... все воскресные школы... Чем мы провинились? Чем провинился Уэйбридж? Все исчезло, все разрушено. Церкви! Мы только три года назад заново ее отстроили. И вот она исчезла, стерта с лица земли! За что?

Новая пауза, и опять он заговорил, как помешанный.

— Дым от этого пожара будет вечно возноситься к небу! — воскликнул он.

Его глаза блеснули, тонкий палец указывал на Уэйбридж.

Я начал догадываться, что это душевнобольной. Страшная трагедия, свидетелем которой он оказался — очевидно, он спасся бегством из Уэйбриджа, — довела его до сумасшествия.

— Далеко отсюда до Санбэри? — спросил я деловито.

— Что же нам делать? — сказал он. — Неужели эти исчадия повсюду? Неужели земля отдана им во власть?

— Далеко отсюда до Санбэри?

— Ведь только сегодня утром я служил раннюю обедню...

— Обстоятельства изменились, — сказал я спокойно. — Не отчаивайтесь. Есть еще надежда.

— Надежда!

— Да, надежда, несмотря на весь этот ужас!

Я стал излагать ему свой взгляд на наше положение. Сперва он слушал с интересом, но скоро впал в прежнее безразличие и отвернулся.

— Это начало конца, — прервал он меня. — Конеч. День Страшного суда. Люди будут молить горы и скалы упасть на них и скрыть от лица сидящего на престоле.

Его слова подтвердили мою догадку. Собравшись с мыслями, я встал и положил ему руку на плечо.

— Будьте мужчиной, — сказал я. — Вы просто потеряли голову. Хороша вера, если она не может устоять перед несчастьем. Подумайте, сколько раз в истории человечества бывали землетрясения, потопа, войны и извержения вулканов. Почему бог должен был сделать исключение для Уэйбриджа?.. Ведь бог не страховой агент.

Он молча слушал.

— Но как мы можем спастись? — вдруг спросил он. — Они неуязвимы, они безжалостны...

— Может быть, ни то, ни другое, — ответил я. — И чем могущественнее они, тем разумнее и осторожнее должны быть мы. Один из них убит три часа назад.

— Убит? — воскликнул он, взглянув на меня. — Разве может быть убит вестник божий?

— Я видел это, — продолжал я. — Мы с вами попали как раз в самую свалку, только и всего.

— Что это там мигает в небе? — вдруг спросил он.

Я объяснил ему, что это сигналы гелиографа и что они означают помощь, которую несут нам люди.

— Мы находимся как раз в самой гуще, хотя кругом все спокойно. Мигание в небе возвещает о приближающейся грозе. Вот там, думается мне, марсиане, а в стороне Лондона, там, где холмы возвышаются над Ричмондом и Кингстоном, под прикрытием деревьев роют траншеи и устанавливают орудия. Марсиане, вероятно, пойдут по этой дороге.

Не успел я кончить, как он вскочил и остановил меня жестом.

— Слушайте! — сказал он.

Из-за низких холмов за рекой доносился глухой гул отдаленной орудийной пальбы и какой-то далекий жуткий крик. Потом все стихло. Майский жук перелетел через изгородь мимо нас. На западе, высоко, над дымом, застилавшим Уэйбридж и Шеппертон, под великолепным, торжественным закатом, поблескивал бледный нарождающийся месяц.

— Нам надо идти этой тропинкой к северу, — сказал я.

Мой младший брат находился в Лондоне в то время, когда в Уокинге упал цилиндр. Он был студентом-медиком и готовился к предстоящему экзамену; до субботы он ничего не слышал о прибытии марсиан. Утренние субботние газеты в дополнение к длинным специальным статьям о Марсе, о жизни на нем и так далее напечатали довольно туманное сообщение, которое поражало своей краткостью.

Сообщалось, что марсиане, напуганные приближением толпы, убили нескольких человек при помощи какой-то скорострельной пушки. Телеграмма заканчивалась словами: «Марсиане, хотя и кажутся грозными, не вылезли из ямы, в которую упал их снаряд, и, очевидно, не могут этого сделать. Вероятно, это вызвано большей силой земного притяжения». В передовицах особенно подчеркивалось это последнее обстоятельство.

Конечно, все студенты, готовившиеся к экзамену по биологии в стенах университета, куда отправился в тот день и мой брат, очень заинтересовались сообщением, но на улицах не замечалось особенного оживления. Вечерние газеты вышли с сенсационными заголовками. Однако они сообщали только о движении войск к пустоши и о горящих сосновых лесах между Уокингом и Уэйбриджем. В восемь часов «Сент-Джеймс газетт» в экстренном выпуске кратко сообщила о порче телеграфа. Предполагали, что линия повреждена упавшими вследствие пожара соснами. В эту ночь — в ночь, когда я ездил в Лезерхэд и обратно, — еще ничего не было известно о сражении.

Брат не беспокоился о нас, так как знал из газет, что цилиндр находится по меньшей мере в двух милях от моего дома. Он собирался поехать ко мне в эту же ночь, чтобы, как он потом рассказывал, посмотреть на чудовищ, пока их не уничтожили. Он послал мне телеграмму в четыре часа, а вечером отправился в мюзик-холл; телеграмма до меня так и не дошла.

В Лондоне в ночь под воскресенье тоже разразилась гроза, и брат мой доехал до вокзала Ватерлоо на извозчике. На платформе, откуда обыкновенно отправляется двенадцатичасовой поезд, он узнал, что в эту ночь поезда почему-то не доходят до Уокинга. Почему, он так и не мог добиться: железнодорожная администрация и та толком

ничего не знала. На вокзале не заметно было никакого волнения; железнодорожники предполагали, что произошло крушение между Байфлитом и узловой станцией Уокинг. Вечерние поезда, шедшие обычно через Уокинг, направлялись через Вирджиния-Уотер или Гилдфорд. Много хлопот доставила железнодорожникам перемена маршрута экскурсии саутгемптонской и портсмутской Воскресной лиги. Какой-то репортер вечерней газеты, приняв брата по ошибке за начальника движения, на которого брат немного походил, пытался взять у него интервью. Почти никто, не исключая и железнодорожников, не ставил крушение в связь с марсианами.

Я потом читал в какой-то газете, будто бы еще утром в воскресенье «весь Лондон был наэлектризован сообщениями из Уокинга». В действительности ничего подобного не было. Большинство жителей Лондона впервые услышало о марсианах только в понедельник утром, когда разразилась паника. Даже те, кто читал газеты, не сразу поняли наспех составленное сообщение. Большинство же лондонцев воскресных газет не читает.

Кроме того, лондонцы так уверены в своей личной безопасности, а сенсационные утки так обычны в газетах, что никто не был особенно обеспокоен следующим заявлением:

«Вчера, около семи часов пополудни, марсиане вышли из цилиндра и, двигаясь под защитой брони из металлических щитов, до основания разрушили станцию Уокинг и окрестные дома и уничтожили целый батальон Кардиганского полка. Подробности неизвестны. Пулеметы «максим» оказались бессильными против их брони; полевые орудия были выведены из строя. В Чертси направлены разезды гусар. Марсиане, по-видимому, медленно продвигаются к Чертси или Виндзору. В западном Сэррее царит тревога. Возводятся земляные укрепления, чтобы преградить доступ к Лондону».

Это было напечатано в «Сандисан», а в «Рефери» остроумный фельетонист писал, что все это смахивает на панику в деревне, где неожиданно разбежался кочующий зверинец.

Никто в Лондоне толком не знал, что такое эти бронированные марсиане, но почему-то упорно держался слух, что чудовища очень неповоротливы; «ползают»,

«с трудом тащатся» — вот выражения, которые встречались почти во всех первых сообщениях. Ни одна из телеграмм не составлялась очевидцами событий. Воскресные газеты печатали экстренные выпуски по мере получения свежих новостей и даже когда их не было. Только вечером газеты получили правительственное сообщение, что население Уолтона, Уэйбриджа и всего округа эвакуируется в Лондон, — и больше ничего.

Утром брат пошел в церковь при приютской больнице, все еще не зная о том, что случилось прошлой ночью.

В проповеди пастора он уловил туманные намеки на какое-то вторжение; кроме того, была прочтена особая молитва о ниспослании мира. Выйдя из церкви, брат купил номер «Рефери». Встревоженный новостями, он отправился на вокзал Ватерлоо узнать, восстановлено ли железнодорожное движение. На улицах было обычное праздничное оживление — омнибусы, экипажи, велосипеды, много разодетой публики; никто не был особенно взволнован неожиданными известиями, которые выкрикивали газетчики. Все были заинтригованы, но если кто и беспокоился, то не за себя, а за своих родных вне города. На вокзале он в первый раз услышал, что на Виндзор и Чертси поезда не ходят. Носильщики сказали ему, что со станции Байфлит и Чертси было получено утром несколько важных телеграмм, но что теперь телеграф почему-то не работает. Брат не мог добиться от них более точных сведений. «Около Уэйбриджа идет бой» — вот все, что они знали.

Движение поездов было нарушено. На платформе стояла толпа ожидавших приезда родных и знакомых с юго-запада. Какой-то седой джентльмен вслух ругал Юго-Западную кампанию.

— Их нужно подтянуть! — ворчал он.

Пришли один-два поезда из Ричмонда, Путни и Кингстона с публикой, выехавшей на праздник покататься на лодках; эти люди рассказывали, что плюзы заперты и что чувствуется тревога. Мой брат разговорился с молодым человеком в синем спортивном костюме.

— Куча народу едет в Кингстон на повозках, на телегах, на чем попало, с сундуками; со всем скарбом, — рассказывал тот. — Едут из Молси, Уэйбриджа, Уолтона и говорят, что около Чертси слышна канонада и что кавалери-

сты велели им поскорей выбираться, потому что приближаются марсиане. Мы слышали стрельбу из орудий у станции Хэмптон-Корт, но подумали, что это гром. Что значит вся эта чертовщина? Ведь марсиане не могут вылезти из своей ямы, правда?

Мой брат ничего не мог на это ответить.

Немного спустя он заметил, что какое-то смутное беспокойство передается и пассажирам подземной железной дороги; воскресные экскурсанты начали почему-то раньше времени возвращаться из всех юго-западных окрестностей: из Барнса, Уимблдона, Ричмонд-парка, Кью и других; но никто не мог сообщить ничего, кроме туманных слухов. Все пассажиры, возвращающиеся с конечной станции, казалось, были чем-то обеспокоены.

Около пяти часов собравшаяся на вокзале публика была очень удивлена открытием движения между Юго-Восточной и Юго-Западной линиями, обычно закрытого, а также появлением воинских эшелонов и платформ с тяжелыми орудиями. Это были орудия из Вулвича и Чатама для защиты Кингстона. Публика обменивалась шутками с солдатами: «Они вас съедят», «Идем укрощать зверей» — и так далее. Вскоре явился отряд полицейских и стал очищать вокзал от публики. Мой брат снова вышел на улицу.

Колокола звонили к вечерне, и колонна девиц из Армии спасения шла с пением по Ватерлоо-роуд. На мосту толпа любопытных смотрела на странную бурую пену, ключьями плывшую вниз по течению. Солнце садилось. Башни Биг-Бэна и Палаты Парламента четко вырисовывались на ясном, безмятежном небе; оно было золотистое, с красновато-лиловыми полосами. Говорили, что под мостом проплыло мертвое тело. Какой-то человек, сказавший, что он военный из резерва, сообщил моему брату, что заметил на западе сигналы гелиографа.

На Веллингтон-стрит брат увидел бойких газетчиков, которые только что выбежали с Флит-стрит с еще сырыми газетами, испещренными ошеломляющими заголовками.

— Ужасная катастрофа! — выкрикивали они наперебой на Веллингтон-стрит. — Бой под Уэйбриджем! Подробное описание! Марсиане отброшены! Лондон в опасности!

Брату пришлось заплатить три пенса за номер газеты.

Только теперь он понял, как страшны и опасны эти чудовища. Он узнал, что это не просто кучка маленьких неповоротливых созданий, а разумные существа, управляющие гигантскими механизмами, что они могут быстро передвигаться и уничтожать все на своем пути и что против них бессильны самые дальнобойные пушки.

Их описывали, как «громадные паукообразные машины, почти в сто футов вышиной, способные передвигаться со скоростью экспресса и выбрасывать интенсивный тепловой луч». Замаскированные батареи, главным образом из полевых орудий, были установлены около Хорселлской пустоши и Уокинга по дороге к Лондону. Были замечены пять боевых машин, которые двигались к Темзе; одна из них благодаря счастливой случайности была уничтожена. Обычно снаряды не достигали цели и батареи мгновенно сметались тепловым лучом. Упоминалось также о тяжелых потерях, понесенных войсками; однако сообщения были составлены в оптимистическом тоне.

Марсиане-де все же отбиты; оказалось, что они уязвимы. Они отступили к треугольнику, образованному тремя упавшими около Уокинга цилиндрами. Разведчики с гелиографами окружили их. Быстро подводятся пушки из Виндзора, Портсмута, Олдершота, Вулвича и даже с севера. Между прочим, из Вулвича доставлены дальнобойные девяностопятитонные орудия. Установлено около ста шестидесяти пушек, главным образом для защиты Лондона. Никогда еще в Англии с такой быстротой и в таких масштабах не производилась концентрация военных сил. Надо надеяться, что все последующие цилиндры будут впредь уничтожаться особой сверхмощной шрапнелью, которая уже изготовлена и рассылается. Положение, говорилось в сообщении, несомненно, серьезное, но население не должно поддаваться панике. Конечно, марсиане чудовищны и ужасны, но ведь их всего около двадцати против миллионов людей.

Власти имели все основания предполагать, принимая во внимание величину цилиндра, что в каждом из них не более пяти марсиан. Всего, значит, их пятнадцать. По крайней мере, один из них уже уничтожен, может быть, даже и больше. Население будет своевременно предупреждено о приближении опасности, и будут приняты спе-

циальные меры для охраны жителей угрожаемых юго-западных предместий. Кончалось все это заверениями о безопасности Лондона и выражением твердой надежды, что правительство справится со всеми затруднениями.

Этот текст был напечатан очень крупно на еще не просохшей бумаге, без всяких комментариев. Любопытно было видеть, рассказывал брат, как безжалостно весь остальной материал газеты был скомкан и урезан, чтобы дать место этому сообщению.

На Веллингтон-стрит нарасхват раскупали розовые листки экстренного выпуска, а на Стрэнде уже раздавались выкрики целой армии газетчиков. Публика соскакивала с омнибусов в погоне за газетой. Сообщение взволновало и беспокоило толпу. Брат рассказывал, что ставни магазина географических карт на Стрэнде были раскрыты и какой-то человек в праздничном костюме, в лимонно-желтых перчатках, появившись в витрине, поспешно прикреплял к стеклу карту Сэррея.

Проходя по Стрэнду к Трафальгар-сквер с газетой в руке, брат встретил беженцев из Западного Сэррея. Какой-то мужчина ехал в повозке, похожей на тележку зеленщика; в ней среди наваленного домашнего скарба сидели его жена и два мальчугана. Он ехал от Вестминстерского моста, а вслед за ним двигалась фура для сена; на ней сидели пять или шесть человек, прилично одетых, с чемоданами и узлами. Лица у беженцев были испуганные, они резко отличались от одетых по-воскресному пассажиров омнибусов. Элегантная публика, высовываясь из кебов, с удивлением смотрела на них. У Трафальгар-сквер беженцы остановились в нерешительности, потом повернули к востоку по Стрэнду. Затем проехал человек в рабочей одежде на старинном трехколесном велосипеде с маленьким передним колесом. Он был бледен и весь перепачкан.

Мой брат повернул к Виктория-стрит и встретил новую толпу беженцев. У него мелькнула смутная мысль, что он, может быть, увидит меня. Он обратил внимание на необычно большое количество полисменов, регулирующих движение. Некоторые из беженцев разговаривали с пассажирами омнибусов. Один уверял, что видел марсиан. «Паровые котлы на ходулях, говорю вам, и шагают,

как люди». Большинство беженцев казались взволнованными и возбужденными.

Рестораны на Виктория-стрит были переполнены беженцами. На всех углах толпились люди, читали газеты, возбужденно разговаривали или молча смотрели на этих необычных воскресных гостей. Беженцы все прибывали, и к вечеру, по словам брата, улицы походили на Хай-стрит в Эпсоме в день скачек. Мой брат расспрашивал многих из беженцев, но они давали очень неопределенные ответы.

Никто не мог сообщить ничего нового относительно Уокинга. Один человек уверял его, что Уокинг совершенно разрушен еще прошлой ночью.

— Я из Байфлига, — сказал он. — Рано утром прикатил велосипедист, забегал в каждый дом и советовал уходить. Потом появились солдаты. Мы вышли посмотреть: на юге дым, сплошной дым, и никто не приходит оттуда. Потом мы услышали гул орудий у Чертси, и из Уэйбриджа повалил народ. Я запер свой дом и тоже ушел вместе с другими.

В толпе слышался ропот, ругали правительство за то, что оно оказалось неспособным сразу справиться с марсианами.

Около восьми часов в южной части Лондона ясно слышалась канонада. На главных улицах ее заглушал шум движения, но, спускаясь тихими переулками к реке, брат ясно расслышал гул орудий.

В девятом часу он шел от Вестминстера обратно к своей квартире у Риджент-парка. Он очень беспокоился обо мне, понимая, насколько положение серьезно. Как и я в ночь на субботу, он заразился военной истерией. Он думал о безмолвных, выжидающих пушках, о таборах беженцев, старался представить себе «паровые котлы на ходулях» в сто футов вышиною.

На Оксфорд-стрит проехало несколько повозок с беженцами; на Мэрилебон-роуд тоже; но слухи распространялись так медленно, что Риджент-стрит и Портленд-роуд были, как всегда, полны воскресной гуляющей толпой, хотя кое-где обсуждались последние события. В Риджент-парке, как обычно, под редкими газовыми фонарями прогуливались молчаливые парочки. Ночь была темная и тихая, слегка душная; гул орудий доносился с пере-

рывами; после полуночи на юге блеснуло что-то вроде зарницы.

Брат читал и перечитывал газету, тревога обо мне все росла. Он не мог успокоиться и после ужина снова пошел бесцельно бродить по городу. Потом вернулся и тщетно попытался засесть за свои записи лекции. Он лег спать после полуночи, ему снились зловещие сны, но не прошло и двух часов, как его разбудил стук дверных молоточков, топанье ног по мостовой, отдаленный барабанный бой и звон колоколов. На потолке вспыхивали красные отблески. С минуту он лежал и не мог понять, что случилось. Наступил уже день или все сошли с ума? Потом вскочил с постели и подбежал к окну.

Его комната помещалась в мезонине; распахнув окно, он услышал крики с обоих концов улицы. Из окон высывались и перекликались заспанные, полуодетые люди. «Они идут! — кричал полисмен, стуча в дверь. — Марсиане приближаются!» — И спешил к следующей двери.

Из казармы на Олбэни-стрит слышался барабанный бой и звуки трубы; со всех церквей доносился бурный, нестройный набат. Хлопали двери; темные окна домов на противоположной стороне вспыхивали желтыми огоньками.

По улице во весь опор промчалась закрытая карета: шум колес раздался из-за угла, перешел в оглушительный грохот под окном и замер где-то вдали. Вслед за каретой пронеслись два кеба — авангард целой вереницы экипажей, мчавшихся к вокзалу Чок-Фарм, где можно было сесть в специальные поезда Северо-Западной дороги, вместо того, чтобы спускаться к Юстону.

Мой брат долго смотрел из окна в тупом изумлении; он видел, как полисмены перебегали от двери к двери, стуча молотком и возвещая все ту же непостижимую новость. Вдруг дверь позади него отворилась и вошел сосед, занимавший комнату напротив, он был в рубашке, брюках и туфлях, подтяжки болтались, волосы были взлохмачены.

— Что за чертовщина? — спросил он. — Пожар? Почему такая суматоха?

Оба высунулись из окна, стараясь разобрать, что кричат полисмены. Из боковых улиц повалил народ, останавливаясь кучками на углах.

— В чем дело, черт возьми? — спросил сосед.

Мой брат что-то ответил ему и стал одеваться, подбегая с каждой принадлежностью туалета к окну, чтобы видеть, что происходит на улице. Из-за угла выскочили газетчики с необычно ранними выпусками газет, крича во все горло:

— Лондону грозит удушение! Укрепления Кингстона и Ричмонда прорваны! Кровопролитное сражение в долине Темзы!

Повсюду вокруг, в квартирах нижнего этажа, во всех соседних домах и дальше, в Парк-террасис и на сотне других улиц этой части Мэрилебона; в районе Вестберн-парка и Сент-Панкрэса, на западе и на севере — в Кильберне, Сен-Джонс-Вуде и Хэмпстеде; на востоке — в Шордиче, Хайбэри, Хаггерстоне и Хокстоне; на всем громадном протяжении Лондона, от Илинга до Истхема, люди, протирая глаза, отворяли окна, выглядывали на улицу, задавали бесцельные вопросы и поспешно одевались. Первое дыхание надвигавшейся паники пронеслось по улицам. Страх завладевал городом. Лондон, спокойно и бездумно уснувший в воскресенье вечером, проснулся рано утром в понедельник под угрозой смертельной опасности.

Так как брат из своего окна не смог ничего выяснить, он спустился вниз и вышел на улицу. Над крышами домов розовела заря. Толпа беженцев, шагавших пешком и ехавших в экипажах, с каждой минутой все увеличивалась.

— Черный дым! — слышал он выкрики. — Черный дым!

Было ясно, что паника неминуемо охватит весь город. Постояв в нерешительности у своего подъезда, брат окликнул газетчика и купил газету. Газетчик побежал дальше, продавая газеты на ходу по шиллингу, — гротескное сочетание корысти и паники.

В газете брат прочел удручающее донесение главнокомандующего:

«Марсиане пускают огромные клубы черного ядовитого пара при помощи ракет. Они подавили огонь нашей артиллерии, разрушили Ричмонд, Кингстон и Уимблдон и медленно приближаются к Лондону, уничтожая все на своем пути. Остановить их невозможно. От черного дыма нет иного спасения, кроме немедленного бегства».

И только. Но и этого было достаточно. Все население огромного, шестимиллионного города всполошилось, металось, обратилось в бегство. Все устремились к северу.

— Черный дым! — слышались крики. — Огонь!

Колокола соседних церквей били в набат. Какой-то неумело управляемый экипаж налетел среди криков и ругани на колоду для водопоя. Тусклый желтый свет мелькал в окнах домов; у некоторых кебов еще горели ночные фонари. А сверху разгоралась заря, безоблачная, ясная, спокойная.

Брат слышал топот ног в комнатах и на лестнице. Его хозяйка вышла на улицу, наскоро накинув капот и шаль, за ней шел ее муж, бормоча что-то невнятное.

Когда брат наконец понял, что происходит, он поспешно вернулся в свою комнату, захватил все наличные деньги — около десяти фунтов, — сунул их в карман и вышел на улицу.

Глава XV *Что случилось в Сэррее*

Как раз в то время, когда священник вел со мною свой безумный разговор под изгородью в поле около Голлифорда, а брат смотрел на поток беженцев, устремившийся по Вестминстерскому мосту, марсиане снова перешли в наступление. Если верить сбивчивым рассказам, большинство марсиан оставалось до девяти часов вечера в яме на Хорселлской пустоши, занятые какой-то спешной работой, сопровождавшейся вспышками зеленого дыма.

Установлено, что трое марсиан вышли оттуда около восьми часов и, продвигаясь медленно и осторожно через Байфлит и Пирфорд к Рипли и Уэйбриджу, неожиданно появились перед сторожевыми батареями на фоне освещенного закатом неба. Марсиане шли не шеренгой, а цепью, на расстоянии примерно полутора миль друг от друга. Они переговаривались каким-то ревом, похожим на вой сирены, издающей то высокие, то низкие звуки.

Этот вой и пальбу орудий Рипли и Сент-Джордж-Хилла мы и слышали около Верхнего Голлифорда. Артиллеристы у Рипли — неопытные волонтеры, которых не следовало ставить на такую позицию, — дали всего один преждевременный безрезультатный залп и, кто верхом, кто пешком, бросились врассыпную по опустевшему местечку. Марсианин, то шагая через орудия, то

осторожно ступая среди них и даже не пользуясь тепловым лучом, опередил их, и таким образом, застал врасплох батареи в Пэйнс-Хилл-парке, которые он и уничтожил.

Артиллеристы в Сент-Джордж-Хилле оказались более опытными и храбрыми. Скрытые соснами от ближайшего к ним марсианина, который не ожидал нападения, они навели свои орудия спокойно, как на параде, и, когда марсианин находился на расстоянии около тысячи ярдов, дали залп.

Снаряды рвались вокруг марсианина. Он сделал несколько шагов, пошатнулся и упал. Все закричали от радости, и орудия снова поспешно зарядили. Рухнувший марсианин издал продолжительный вой, и тотчас второй сверкающий гигант, отвечая ему, показался над деревьями с юга. По-видимому, снаряд разбил одну из ног треножника. Второй залп пропал даром, снаряды перелетели через упавшего марсианина и ударились в землю. И тотчас же два других марсианина подняли камеры теплового луча, направляя их на батарею. Снаряды взорвались, сосны загорелись, из прислуги, обратившейся в бегство, уцелело всего несколько человек.

Марсиане остановились и стали о чем-то совещаться. Разведчики, наблюдавшие за ними, донесли, что они стояли неподвижно около получаса. Опрокинутый марсианин неуклюже выполз из-под своего колпака — небольшая бурая туша, издали похожая на грибной нарост, — и занялся починкой треножника. К девяти он кончил работать, и его колпак снова оказался над лесом.

В начале десятого к этим трем часовым присоединились четыре других марсианина, вооруженных большими черными трубами. Такие же трубы были вручены каждому из трех первых. После этого все семеро растянулись цепью на равном расстоянии друг от друга, по кривой между Сент-Джордж-Хиллом, Уэйбриджем и Сэндом, на юго-западе от Ринли.

Как только они начали двигаться, с холмов взвились сигнальные ракеты, предупреждая батареи у Диттона и Эшера. В то же время четыре боевые машины, также снабженные трубами, переправились через реку, и две из них появились передо мной и священником, четко вырисовываясь на фоне послезакатного неба, когда мы, уста-

лые и измученные, торопливо шли по дороге на север от Голлифорда. Нам казалось, что они двигаются по облакам, потому что молочный туман покрывал поля и подымался до трети их роста.

Священник, увидев их, вскрикнул сдавленным голосом и пустился бежать. Зная, что бегство бесполезно, я свернул в сторону и пополз среди мокрого от росы терновника и крапивы в широкую канаву на краю дороги. Священник оглянулся, увидел, что я делаю, и подбежал ко мне.

Два марсианина остановились; ближайший к нам стоял, обернувшись к Санбэри; другой маячил серой бесформенной массой под вечерней звездой в стороне Стэйнса.

Вой марсиан прекратился, и каждый из них безмолвно занял свое место на огромной подкове, охватывающей ямы с цилиндрами.

Расстояние между концами подковы было не менее двенадцати миль. Ни разу еще со времени изобретения пороха сражение не начиналось среди такой тишины. Из Рипли было видно то же, что и нам: марсиане одни вынымали в сгущающемся сумраке, освещенные лишь бледным месяцем, звездами, отблеском заката и красноватым заревом над Сент-Джордж-Хиллом и лесами Пэйнс-Хилла.

Но против наступающих марсиан повсюду — у Стэйнса, Хаунслоу, Диттона, Эшера, Окхема, за холмами и лесами к югу от реки и за ровными сочными лугами к северу от нее, из-за прикрытия деревьев и домов — были выставлены орудия. Сигнальные ракеты взвивались и рассыпались искрами во мраке; батареи лихорадочно готовились к бою. Марсианам стоило только ступить за линию огня, и все эти неподвижные люди, все эти пушки, поблескивавшие в ранних сумерках, разразились бы грозовой яростью боя.

Без сомнения, так же как и я, тысячи людей, бодрствуя в эту ночь, думали о том, понимают ли нас марсиане. Поняли они, что нас миллионы и что мы организованны, дисциплинированы и действуем согласованно? Или для них наши выстрелы, неожиданные разрывы снарядов, упорная осада их укреплений то же самое, что для нас яростное нападение потревоженного пчелиного улья? Или они воображают, что могут истребить всех нас?

(В это время еще никто не знал, чем питаются марсиане.) Сотни таких вопросов приходили мне в голову, пока я наблюдал за стоявшим на страже марсианином. Вместе с тем я думал о том, какое встретит их сопротивление на пути в Лондон. Вырыты ли ямы-западни? Удастся ли заманить их к пороховым заводам в Хаунслоу? Хватит ли у лондонцев мужества превратить в повую пылающую Москву свой огромный город?

Нам показалось, что мы бесконечно долго ползли по земле вдоль изгороди, то и дело из-за нее выглядывая; наконец раздался гул отдаленного орудийного выстрела. Затем второй — несколько ближе — и третий. Тогда ближайший к нам марсианин высоко поднял свою трубу и выстрелил из нее, как из пушки, с таким грохотом, что дрогнула земля. Марсианин у Стэйнса последовал его примеру. При этом не было ни вспышки, ни дыма — только гул взрыва.

Я был так поражен этими раскатами, следовавшими один за другим, что забыл об опасности, о своих обожженных руках и полез на изгородь посмотреть, что происходит у Санбэри. Снова раздался выстрел, и огромный снаряд пролетел высоко надо мной по направлению к Хаунслоу. Я ожидал увидеть или дым, или огонь, или какой-нибудь иной признак его разрушительного действия, но увидел только темно-синее небо с одинокой звездой и белый туман, стлавшийся по земле. И ни единого взрыва с другой стороны, ни одного ответного выстрела. Все стихло. Прошла томительная минута.

— Что случилось? — спросил священник, стоявший рядом со мной.

— Один бог знает! — ответил я.

Пролетела и скрылась летучая мышь. Издали донесся и замер неясный шум голосов. Я взглянул на марсианина; он быстро двигался к востоку вдоль берега реки.

Я ждал, что вот-вот на него направят огонь какой-нибудь скрытой батареей, но тишина почти ничем не нарушалась. Фигура марсианина уменьшилась, и скоро ее поглотил туман и сгущающаяся темнота. Охваченные любопытством, мы взобрались повыше. У Санбэри, заслоняя горизонт, виднелось какое-то темное пятно, точно свеженасыпанный конический холм. Мы заметили второе такое

же возвышение, над Уолтоном, за рекой. Эти похожие на холмы пятна на наших глазах тускнели и расплзались.

Повинуясь безотчетному импульсу, я взглянул на север и увидел там третий черный дымчатый холм.

Было необычайно тихо. Только далеко на юго-востоке среди тишины перекликались марсиане. Потом воздух снова дрогнул от отдаленного грохота их орудий. Но земная артиллерия молчала.

В то время мы не могли понять, что происходит, позже я узнал, что значили эти зловещие, расплзавшиеся в темноте черные кучи. Каждый марсианин со своей позиции на упомянутой мною громадной подкове по какому-то неведомому сигналу стрелял из своей пушки-трубы по каждому холму, лесочку, группе домов, по всему, что могло служить прикрытием для наших орудий. Одни марсиане выпустили по снаряду, другие по два, как, например, тот, которого мы видели. Марсианин у Рипли, говорят, выпустил не меньше пяти. Ударившись о землю, снаряды раскалывались — они не рвались, — и тотчас же над ними вставало облако плотного темного пара, потом облако оседало, образуя огромный черный газовый холм, который медленно расплзался по земле. И прикосновение этого газа, вдыхание его едких хлопьев убивало все живое.

Этот газ был тяжел, тяжелее самого густого дыма; после первого стремительного взлета он оседал на землю и заливал ее, точно жидкость, стекая с холмов и устремляясь в ложбины, в овраги, в русла рек, подобно тому как стекает углекислота при выходе из трещин вулкана. При соприкосновении газа с водой происходила какая-то химическая реакция, и поверхность воды тотчас же покрывалась пылевидной накипью, которая очень медленно осаждалась. Эта накипь не растворялась, поэтому, несмотря на ядовитость газа, воду по удалении из нее осадка можно было пить без вреда для здоровья. Этот газ не диффундировал, как всякий другой газ. Он висел пластами, медленно стекал по склонам, не рассеивался на ветру, мало-помалу смешивался с туманом и атмосферной влагой и оседал на землю в виде пыли. Мы до сих пор ничего не знаем о составе этого газа; известно только, что в него входил какой-то новый элемент, дававший четыре линии в голубой части спектра.

Этот черный газ так плотно прилегал к земле, раньше даже, чем начиналось оседание, что на высоте пятидесяти футов, на крышах, в верхних этажах высоких домов и на высоких деревьях можно было спастись от него; это подтвердилось в ту же ночь в Стрит-Кобхеме и Диттоне.

Человек, спасшийся в Стрит-Кобхеме, передавал странные подробности о кольцевом потоке этого газа; он смотрел вниз с церковной колокольни и видел, как дома селения выступали из чернильной темноты, точно призраки. Он просидел там полтора дня, полумертвый от усталости, голода и зноя. Земля под голубым небом, обрамленная холмами, казалась покрытой черным бархатом с выступавшими кое-где в лучах солнца красными крышами и зелеными вершинами деревьев: кусты, ворота, сараи, пристройки и стены домов казались подернутыми черным флером.

Так было в Стрит-Кобхеме, где черный газ сам по себе осел на землю. Вообще же марсиане, после того как газ выполнял свое назначение, очищали воздух, направляя на газ струю пара.

То же сделали они и с облаком газа неподалеку от нас; мы наблюдали это при свете звезд из окна брошенного дома в Верхнем Голлифорде, куда мы вернулись. Мы видели, как скользили прожекторы по Ричмонд-Хиллу и Кингстон-Хиллу. Около одиннадцати часов стекла в окнах задрожали, и мы услышали раскаты установленных там тяжелых осадных орудий. С четверть часа с перерывами продолжалась стрельба наудачу по невиданным позициям марсиан у Хэмптона и Диттона; потом бледные лучи прожекторов погасли и сменились багровым заревом.

Затем упал четвертый цилиндр — яркий зеленый метеор — в Буши-парке, как я потом узнал. Еще раньше, чем заговорили орудия на холмах у Ричмонда и Кингстона, откуда-то с юго-запада слышалась беспорядочная канонада; вероятно, орудия стреляли наугад, пока черный газ не умертвил артиллеристов.

Марсиане, действуя методически, подобно людям, выкуривающим осиное гнездо, разливали этот удушающий газ по окрестностям Лондона. Концы подковы медленно расходились, пока наконец цепь марсиан не двинулась по прямой от Гонвелла до Кумба и Молдена. Всю ночь про-

двигались вперед смертоносные трубы. Ни разу после того, как марсианин был сбит с треножника у Сент-Джордж-Хилла, не удалось нашей артиллерии поразить хотя бы одного из них. Они пускали черный газ повсюду, где могли быть замаскированы наши орудия, а там, где пушки стояли без прикрытия, они пользовались тепловым лучом.

В полночь горевшие по склонам Ричмонд-парка деревья и зарево над Кингстон-Хиллом осветили облака черного газа, клубившегося по всей долине Темзы и простиравшегося до самого горизонта. Два марсианина медленно расхаживали по этой местности, направляя на землю свистящие струи пара.

Марсиане в эту ночь почему-то берегли тепловой луч, может быть, потому, что у них был ограниченный запас материала для его производства, или потому, что они не хотели обращать страну в пустыню, а только подавить оказываемое им сопротивление. Это им, бесспорно, удалось. Ночь на понедельник была последней ночью организованной борьбы с марсианами. После этого никто уже не осмеливался выступить против них, всякое сопротивление казалось безнадежным. Даже экипажи торпедных катеров и миноносцев, поднявшихся вверх по Темзе со скорострельными пушками, отказались оставаться на реке, взбунтовались и ушли в море. Единственное, на что люди решались после этой ночи,— это закладка мин и устройство ловушек, но даже это делалось недостаточно планомерно.

Можно только вообразить себе судьбу батарей Эшера, которые так напряженно выжидали во мраке. Там никого не осталось в живых. Представьте себе ожидание новорожденных офицеров, орудийную прислугу, приготовившуюся к залпу, сложенные у орудий снаряды, обозную прислугу у передков лафетов с лошадьми, штатских зрителей, старающихся подойти возможно ближе, вечернюю тишину, санитарные фургоны и палатки походного лазарета с обожженными и ранеными из Уэйбриджа. Затем глухой раскат выстрелов марсиан и шальной снаряд, пролетевший над деревьями и домами и упавший в соседнем поле.

Можно представить себе изумление и испуг при виде быстро развертывающихся колец и завитков надвигающе-

гося черного облака, которое превращало сумерки в густой осязаемый мрак: непонятный и неуловимый враг настигает свои жертвы; охваченные паникой люди и лошади бегут, падают; вопли ужаса, брошенные орудия, люди, корчащиеся на земле, — и все расширяющийся черный конус газа. Потом ночь и смерть — и безмолвная дымная завеса над мертвецами.

Перед рассветом черный газ разлился по улицам Ричмонда. Правительство теряло нити управления; в последнем усилии оно призвало население Лондона к бегству.

Глава XVI *Уход из Лондона*

Легко представить себе ту бушующую волну страха, которая прокатилась по величайшему городу мира рано утром в понедельник, — ручей беженцев, быстро выросший в поток, бурно пенившийся вокруг вокзалов, превращающийся в бешеный водоворот у судов на Темзе и устремляющийся всеми возможными путями к северу и к востоку. К десяти часам паника охватила полицию, к полудню — железнодорожную администрацию: административные единицы теряли связь друг с другом, растворялись в человеческом потоке и уносились на обломках быстро распадавшегося социального организма.

Все железнодорожные линии к северу от Темзы и жители юго-восточной части города были предупреждены еще в полночь в воскресенье, уже в два часа все поезда были переполнены, люди отчаянно дрались из-за мест в вагонах. К трем часам давка и драка происходили уже и на Бишопсгейт-стрит; на расстоянии нескольких сот ярдов от вокзала, на Ливерпуль-стрит, стреляли из револьверов, пускали в ход ножи, а полисмены, посланные регулировать движение, усталые и разъяренные, избивали дубинками людей, которых они должны были охранять.

Скоро машинисты и кочегары стали отказываться возвращаться в Лондон; толпы отхлынули от вокзалов и устремились к шоссе и дорогам, ведущим на север. В полдень у Барнса видели марсианина; облако медленно оседавшего черного газа ползло по Темзе и равнине Ламбет, отрезав дорогу через мосты. Другое облако поползло по Илингу и окружило небольшую кучку уцелевших лю-

дей на Касл-Хилле; они остались живы, но выбраться не могли.

После безуспешной попытки попасть на северо-западный поезд в Чок-Фарме, когда поезд, переполненный еще на товарной платформе, стал прокладывать себе путь сквозь исступленную толпу и несколько дюжих молодцов едва удерживали публику, собиравшуюся разmozжить машинисту голову о топку, — мой брат вышел на Чок-Фарм-роуд, перешел дорогу, лавируя среди роя мчавшихся экипажей, и по счастью оказался одним из первых при разгроме велосипедного магазина! Передняя шина велосипеда, который он захватил, лопнула, когда он вытаскивал машину через окно, но тем не менее, только слегка поранив кисть руки в свалке, он сел и поехал. Путь по крутому подъему Хаверсток-Хилла был загроможден опрокинутыми экипажами, и брат свернул на Белсайз-роуд.

Таким образом он выбрался из охваченного паникой города и к семи часам достиг Эджуэра, голодный и усталый, но зато значительно опередив поток беженцев. Вдоль дороги стояли местные жители, любопытные и недоумевающие. Его обогнали несколько велосипедистов, несколько всадников и два автомобиля. За милю от Эджуэра лопнул обод колеса, ехать дальше было невозможно. Он бросил велосипед у дороги и пешком вошел в деревню. На главной улице несколько лавок было открыто; жители толпились на тротуарах, стояли у дверей и окон и с удивлением смотрели на необычайное шествие беженцев, которое только еще начиналось. Брату удалось перекусить в гостинице.

Он бродил по Эджуэру, не зная, что делать дальше. Толпа беженцев все увеличивалась. Многие, подобно брату, не прочь были остаться там. О марсианах ничего нового не сообщалось.

Дорога уже наполнилась беженцами, но была еще проходима. Сначала было больше велосипедистов, потом появились быстро мчавшиеся автомобили, изящные кебы, коляски; пыль столбом стояла на дороге до самого Сент-Олбенса.

Вспомнив, очевидно, про своих друзей в Челмсфорде, брат решил свернуть на тихий проселок, тянувшийся к востоку. Когда перед ним вырос забор, он перелез через

него и направился по тропинке к северо-востоку. Он миновал несколько фермерских коттеджей и какие-то деревушки, названий которых не знал. Изредка попадались беженцы. У Хай-Барнета, на заросшем травой проселке, он встретился с двумя дамами, ставшими его спутницами. Он догнал их как раз вовремя, чтобы помочь им.

Услыхав крики, он поспешно завернул за угол и увидел двух мужчин, пытавшихся высадить женщин из коляски; третий держал под уздцы испуганного пони. Одна из дам, небольшого роста, в белом платье, кричала; другая же, стройная брюнетка, била хлыстом по лицу мужчину, схватившего ее за руку.

Брат мгновенно оценил положение и с криком поспешил на помощь женщинам. Один из нападавших оставил даму и повернулся к нему; брат, отличный боксер, видя по лицу противника, что драка неизбежна, напал первым и одним ударом свалил его под колеса.

Тут было не до рыцарской вежливости, и брат, оглушив упавшего пинком, схватил за шиворот второго нападавшего, который держал за руку младшую из дам. Он услышал топот копыт, хлыст скользнул по его лицу, и третий противник нанес ему сильный удар в переносицу; тот, которого он держал за шиворот, вырвался и бросился бежать по проселку в ту сторону, откуда подошел брат.

Оглушенный ударом, брат очутился лицом к лицу с субъектом, который только что держал пони; коляска удалялась по проселку, вихляя из стороны в сторону; обе женщины, обернувшись, следили за дракой. Противник, рослый детина, готовился нанести второй удар, но брат опередил его, ударив в челюсть. Потом, видя, что он остался один, брат увернулся от удара и побежал по проселку вслед за коляской, преследуемый по пятам своим противником; другой, удравший было, остановился, повернул обратно и теперь следовал за ним издали.

Вдруг брат оступился и упал; его ближайший преследователь, споткнувшись о него, тоже упал, и брат, вскочив на ноги, снова очутился лицом к лицу с двумя противниками. У него было мало шансов справиться с ними, но в это время стройная брюнетка быстро остановила пони и поспешила к нему на помощь. Оказалось, у нее был револьвер, но он лежал под сиденьем, когда на них напали.

Она выстрелила с расстояния в шесть ярдов, чуть не попав в брата. Менее храбрый из грабителей пустился наутек, его товарищ последовал за ним, проклиная его трусость. Оба они остановились поодаль на проселке, около третьего из нападавших, лежавшего на земле без движения.

— Возьмите, — промолвила стройная дама, передавая брату свой револьвер.

— Садитесь в коляску, — сказал брат, вытирая кровь с рассеченной губы.

Она молча повернулась, и оба они, тяжело дыша, подошли к женщине в белом платье, которая еле сдерживала испуганного пони.

Грабители не возобновили нападения. Обернувшись, брат увидел, что они уходят.

— Я сяду здесь, если разрешите, — сказал он, взобравшись на пустое переднее сиденье. Брюнетка оглянулась через плечо.

— Дайте мне вожжи, — сказала она и хлестнула пони. Через минуту грабителей не стало видно за поворотом дороги.

Таким образом, совершенно неожиданно брат, запыхавшийся, с рассеченной губой, с опухшим подбородком и окровавленными пальцами, очутился в коляске вместе с двумя женщинами на незнакомой дороге.

Он узнал, что одна из них жена, а другая младшая сестра врача из Стэнмора, который, возвращаясь ночью из Пиннера от тяжелобольного, услышал на одной из железнодорожных станций о приближении марсиан. Он поспешил домой, разбудил женщин — прислуга ушла от них за два дня перед тем, — уложил кое-какую провизию, сунул, к счастью для моего брата, свой револьвер под сиденье и сказал им, чтобы они ехали в Эджуэр и сели там на поезд. Сам он остался оповестить соседей и обещался нагнать их около половины пятого утра. Теперь уже около девяти, а его все нет. Остановиться в Эджуэре они не могли из-за наплыва беженцев и, таким образом, свернули на глухую дорогу.

Все это они постепенно рассказали моему брату по пути к Нью-Барнету, где они сделали привал. Брат обещал не покидать их, по крайней мере до тех пор, пока они не решат, что предпринять, или пока их не догонит врач.

Желая успокоить женщин, брат уверял, что он отличный стрелок, хотя в жизни не держал в руках револьвера.

Они расположились у дороги, и пони пристроился возле живой изгороди. Брат рассказал спутникам о своем бегстве из Лондона и сообщил им все, что слышал о марсианах и об их действиях. Солнце поднималось все выше, и скоро оживленный разговор сменился томительным ожиданием. По дороге прошло несколько беженцев; от них брат узнал кос-какие новости, еще более подтвердившие его убежденность в грандиозности разразившегося бедствия и необходимости дальнейшего бегства. Он сказал об этом своим спутникам.

— У нас есть деньги, — сказала младшая дама и тут же запнулась.

Ее глаза встретились с глазами брата, и она успокоилась.

— У меня тоже есть деньги, — отвечал брат.

Она сообщила, что у них имеется тридцать фунтов золотом и одна пятифунтовая кредитка, и высказала предположение, что они смогут сесть в поезд в Сент-Олбенсе или Нью-Барнете. Брат считал, что попасть на поезд совершенно невозможно: он видел, как яростно поезда осаждались толпами лондонцев, и предложил пробраться через Эссекс к Гарвичу, а там пароходом переправиться на континент.

Миссис Элфинстон — так звали даму в белом — не слушала никаких доводов и хотела ждать своего Джорджа; но ее золовка оказалась на редкость хладнокровной и рассудительной и в конце концов согласилась с моим братом. Они поехали к Барнету, намереваясь пересечь Большую Северную дорогу; брат вел пони под уздцы, чтобы сберечь его силы. Солнце поднималось, и день становился очень жарким; белесый песок ослепительно сверкал и так накалился под ногами, что они очень медленно продвигались вперед. Живая изгородь посерела от пыли. Недалеко от Барнета они услышали какой-то отдаленный гул.

Стало попадаться больше народу. Беженцы шли изнуренные, угрюмые, грязные, неохотно отвечая на вопросы. Какой-то человек во фраке прошел мимо них, опустив глаза в землю. Они слышали, как он разговаривал сам с собой, и, оглянувшись, увидели, что одной рукой он схватил себя за волосы, а другой наносил удары невиди-

мому врагу. После этого приступа бешенства он, не оглядываясь, пошел дальше.

Когда брат и его спутницы подъезжали к перекрестку дорог южнее Барнета, то увидели в поле, слева от дороги, женщину с ребенком на руках; двое детей шли за нею, а позади шагал муж в грязной черной блузе, с толстой палкой в одной руке и чемоданом в другой. Потом откуда-то из-за вилл, отделявших проселок от большой дороги, выехала тележка, в которую был впряжен взмыленный черный пони; правил бледный юноша в котелке, сером от пыли. В тележке сидели три девушки, с виду фабричные работница Ист-Энда, и двое детей.

— Как проехать на Эджуэр? — спросил бледный, растерянный возница.

Брат ответил, что надо свернуть налево, и молодой человек хлестнул пони, даже не поблагодарив.

Брат заметил, что дома перед ним и фасад террасы, примыкающей к одной из вилл, стоявших по ту сторону дороги, окутаны голубоватой дымкой, точно мглой. Миссис Элфинстон вдруг вскрикнула, увидав над домами красные языки пламени, взлставшие в ярко-синее небо. Из хаоса звуков стали выделяться голоса, грохот колес, скрип повозок и дробный стук копыт. Ярдов за пятьдесят от перекрестка узкая дорога круто заворачивала.

— Боже мой! — вскрикнула миссис Элфинстон. — Куда же вы нас везете?

Брат остановился.

Большая дорога представляла собой сплошной клоко-чущий людской поток, стремившийся к северу. Облако белой пыли, сверкающей в лучах солнца, поднималось над землей футов на двадцать, окутывало все сплошной пеленой и ни на минуту не рассеивалось, так как лошади, пешеходы и колеса всевозможных экипажей вздымали все новые и новые клубы.

— Дорогу! — слышались крики. — Дайте дорогу!

Когда они приближались к перекрестку, им казалось, будто они въезжают в горящий лес; толпа шумела, как пламя, а пыль была жгучей и едкой. Впереди пылала вилла, увеличивая смятение, и клубы черного дыма стлались по дороге.

Мимо прошли двое мужчин. Потом какая-то женщина, перепачканная и заплаканная, с тяжелым узлом. Поте-

рявшаяся охотничья собака, испуганная и жалкая, высунув язык, покружилась вокруг коляски и убежала. Когда брат цыкнул на нее.

Впереди, насколько хватал глаз, вся дорога от Лондона казалась сплошным kloкочущим потоком грязных и толкающих друг друга людей, катившимся между двумя рядами вилл. У поворота дороги из черного месива тел на миг выступали отдельные лица и фигуры, потом они проносились мимо и снова сливались в сплошную массу, полускрытую облаком пыли.

— Пропустите!.. — раздавались крики. — Дорогу, дорогу!

Руки идущих сзади упирались в спины передних. Брат вел под уздцы пони. Подхваченный толпой, он медленно, шаг за шагом продвигался вперед.

В Эджуэре чувствовалось беспокойство, в Чок-Фарме была паника — казалось, происходило переселение народов. Трудно описать эти полчища. Это была безликая масса, появлявшаяся из-за угла и исчезающая за поворотом. По обочине дороги плелись пешеходы, увертываясь от колес экипажей, сталкиваясь, спотыкаясь, падая в канаву.

Повозки и экипажи тянулись вплотную друг за другом. Более проворные и нетерпеливые иногда вырывались вперед, заставляя пешеходов жаться к окаймлявшим дорогу заборам и воротам вилл.

— Скорей, скорей! — слышались крики. — Дорогу! Они идут!

В одной повозке стоял слепой старик в мундире Армии спасения. Он размахивал руками со скрюченными пальцами и вопил: «Вечность, вечность!» Он охрип, но кричал так пронзительно, что брат еще долго слышал его после того, как тот скрылся в облаке пыли. Многие ехавшие в экипажах без толку нахлестывали лошадей и переругивались; некоторые сидели неподвижно, жалкие, растерянные; другие грызли руки от жажды или лежали, бессильно растянувшись, в повозках. Глаза лошадей налились кровью, удила были покрыты пеной.

Тут были бесчисленные кебы, коляски, фургоны, тележки, почтовая карета, телега мусорщика с надписью «Приход св. Панкратия», — большая платформа для досок, переполненная оборванцами. Катилась фура для перевозки пива, колеса ее были забрызганы свежей кровью.

— Дайте дорогу! — раздались крики. — Дорогу!

— Вечность, вечность! — доносилось, как эхо, издалека.

Тут были женщины, бледные и грустные, хорошо одетые, с плачущими и еле передвигавшими ноги детьми; дети были все в пыли и заплаканы. Со многими женщинами шли мужья, то заботливые, то озлобленные и мрачные. Тут же прокладывали себе дорогу оборванцы в выцветших темных лохмотьях, с дикими глазами, зычно кричавшие и цинично ругавшиеся. Рядом с рослыми рабочими, энергично пробирающимися вперед, теснились тщедушные растрепанные люди, похожие по одежде на клерков или приказчиков; брат заметил раненого солдата, железнодорожных носильщиков и какую-то жалкую женщину в пальто, наброшенном поверх ночной рубашки.

Но, несмотря на все свое разнообразие, люди в этой толпе имели нечто общее. Лица у всех были испуганные, измученные, чувствовалось, что всех гонит страх. Всякий шум впереди, на дороге, спор из-за места в повозке заставлял всю толпу ускорять шаг; даже люди, до того напуганные и измученные, что у них подгибались колени, вдруг, точно гальванизированные страхом, становились на мгновение более энергичными. Жара и пыль истомили толпу. Кожа пересохла, губы почернели и потрескались. Всех мучила жажда, все устали, все натрудили ноги. Повсюду слышались споры, упреки, стоны изнеможения; у большинства голоса были хриплые и слабые. Вся толпа то и дело выкрикивала, точно припев:

— Скорей, скорей! Марсиане идут!

Некоторые останавливались и отходили в сторону от людского потока. Проселок, на котором стояла коляска, выходил на шоссе и казался ответвлением лондонской дороги. Его захлестывал бурный прилив, толпа оттесняла сюда более слабых; постояв здесь и отдохнув, они снова кидались в давку. Посреди дороги лежал человек с обнаженной ногой, перевязанной окровавленной тряпкой, и над ним склонились двое. Счастливцев, у него нашли друзья.

Маленький старичок, с седыми подстриженными по-военному усами, в грязном черном сюртуке, выбрался, прихрамывая, из давки, сел на землю, снял башмак — но-

сок был в крови, — вытряс мелкие камешки и снова надел. Девочка лет восьми-девяти бросилась на землю у забора неподалеку от моего брата и расплакалась:

— Не могу больше идти! Не могу!

Брат, очнувшись от столбняка, стал утешать девочку, поднял ее и отнес к мисс Элфинстон. Девочка испуганно притихла.

— Эллен! — жалобно кричала какая-то женщина в толпе. — Эллен!

Девочка вдруг вырвалась из рук брата с криком: «Мама!»

— Они идут, — сказал человек, ехавший верхом по проселку.

— Прочь с дороги, эй, вы! — кричал, привстав на козлах, какой-то кучер. Брат увидел закрытую карету, сворачивающую на проселок.

Пешеходы расступились, расталкивая друг друга, чтобы не попасть под лошадь. Брат отвел пони ближе к забору, карета проехала мимо и остановилась на повороте. Это была карета с дышлом для пары, но впряжена была только одна лошадь.

Брат смутно различил сквозь облако пыли, что двое мужчин вынесли кого-то из кареты на белых носилках и осторожно положили на траву у живой изгороди.

Один из них подбежал к брату.

— Есть тут где-нибудь вода? — спросил он. — Он умирает, пить просит... Это лорд Гаррик.

— Лорд Гаррик? — воскликнул брат. — Коронный судья?

— Где тут вода?

— Может быть, в одном из этих домов есть водопровод, — сказал брат. — У нас нет воды, и я боюсь оставить своих.

Человек стал проталкиваться сквозь толпу к воротам углового дома.

— Вперед! Вперед! — кричали люди, напирая на него. — Они идут! Не задерживайте!

Брат заметил бородатого мужчину с орлиным профилем, в руке он нес небольшой саквояж; саквояж раскрылся, из него посыпались золотые соверены, со звоном падая на землю и катясь под ноги двигавшихся людей и лошадей. Бородатый мужчина остановился, тупо глядя на

рассыпавшееся золото; оглобля кеба ударила его в плечо, он пошатнулся, вскрикнул и отскочил в сторону, чуть не попав под колесо.

— Дорогу! — кричали ему. — Не останавливайтесь!

Как только кеб проехал, бородатый мужчина бросился на землю, протянул руки к куче монет и стал совать их пригоршнями в карманы. Вдруг над ним вздыбилась лошадь; он приподнялся, но тут же упал под копыта.

— Стой! — закричал брат и, оттолкнув какую-то женщину, бросился вперед, чтобы схватить лошадь под уздцы.

Но, прежде чем брат успел это сделать, послышался крик, и сквозь клубы пыли он увидел, как колесо проехало по спине упавшего. Кучер хлестнул кнутом подбежавшего брата. Рев толпы оглушил его. Несчастный корчился в пыли среди золотых монет и не мог подняться; колесо, переехав его, повредило позвоночник, и нижняя часть его тела была парализована. Брат пытался остановить следующий экипаж. Какой-то человек верхом на вороной лошади вызвался помочь ему.

— Стащите его с дороги! — крикнул он.

Брат схватил за шиворот упавшего и стал тащить его в сторону, но тот все силился подобрать монеты и яростно бил брата по руке кулаком, сжимавшим пригоршню золота.

— Не останавливайтесь, проходите! — злобно кричали сзади. — Дорогу, дорогу!

Послышался треск, и дышло кареты ударилось о повозку, которую остановил мужчина на вороной лошади. Брат повернулся, и человек с золотыми монетами изловчился и укусил его за руку. Вороная лошадь шарахнулась, а лошадь с повозкой пронеслась мимо, чуть не задев брата копытом. Он выпустил упавшего и отскочил в сторону. Он видел, как злоба сменилась ужасом на лице корчившегося на земле несчастного; в следующий момент брата оттеснили, он потерял его из виду и с большим трудом вернулся на проселок.

Он увидел, что мисс Элфинстон закрыла глаза рукой, а маленький мальчик с детским любопытством широко раскрытыми глазами смотрит на пыльную черную кучу под колесами катившихся экипажей.

— Поедемте обратно! — крикнул брат и стал поворачивать пони. — Нам не пробраться через этот ад. — Они проехали сто ярдов в обратном направлении, пока обезумевшая толпа не скрылась за поворотом. Проезжая мимо канавы, брат увидел под изгородью мертвенно-бледное, покрытое потом, искаженное лицо умирающего. Обе женщины сидели молча, их сотрясала дрожь.

За поворотом брат остановился. Мисс Элфинстон была очень бледна; ее невестка плакала и забыла даже про своего Джорджа. Брат тоже был потрясен и растерян. Едва отъехав от шоссе, он понял, что другого выхода нет, как снова попытаться его пересечь. Он решительно повернулся к мисс Элфинстон.

— Мы все же должны там проехать, — сказал он и снова повернул пони.

Второй раз за этот день девушка обнаружила недюжинное присутствие духа. Брат бросился вперед и осадил какую-то лошадь, тащившую кеб, чтобы миссис Элфинстон могла проехать. Кеб зацепился колесом и обломал крыло коляски. В следующую секунду поток подхватил их и понес. Брат, с красными рубцами на лице и руках от бича кучера, правившего кебом, вскочил в коляску и взял вожжи.

— Цельтесь в человека позади, — сказал он, передавая револьвер мисс Элфинстон, — если он будет слишком напирать... Нет, цельтесь лучше в его лошадь.

Он попытался проехать по правому краю и пересечь дорогу. Это оказалось невозможным, пришлось смешаться с потоком и двигаться по течению. Вместе с толпой они миновали Чиппинг-Барнет и отъехали почти на милю от центра города, прежде чем им удалось пробиться на другую сторону дороги. Кругом были невообразимый шум и давка, но в городе и за городом дорога несколько раз разветвлялась, и толпа немного убавилась.

Они направились к востоку через Хэдли и здесь по обе стороны дороги увидели множество людей, пивших прямо из реки и дравшихся из-за места у воды. Еще дальше, с холма близ Ист-Барнета, они видели, как вдали медленно, без гудков, друг за другом двигались на север два поезда; не только вагоны, но даже тендеры с углем были облеплены народом. Очевидно, поезда эти заполнялись пассажирами еще до Лондона, потому что из-за паники

посадка на центральных вокзалах была совершенно невозможна.

Вскоре они остановились отдохнуть: все трое устали от пережитых волнений. Они чувствовали первые приступы голода, ночь была холодная, никто из них не решался уснуть. В сумерках мимо их стоянки проходили беженцы, спасаясь от неведомой опасности, — они шли в ту сторону, откуда приехал брат.

Глава XVII *«Сын грома»*

Если бы марсиане добивались только разрушения, то они могли бы тогда же, в понедельник, уничтожить все население Лондона, пока оно медленно растекалось по ближайшим графствам. Не только по дороге к Барнету, но и по дорогам к Эджуэру и Уолтхем-Эбби, и на восток к Саусэнду и Шубэринесу, и к югу от Темзы, к Дилю и Бродстэрсу стремилась такая же обезумевшая толпа. Если бы в это июньское утро кто-нибудь, поднявшись на воздушном шаре в ослепительную синеву, взглянул на Лондон сверху, то ему показалось бы, что все северные и восточные дороги, расходящиеся от гигантского клубка улиц, испещрены черными точками, каждая точка — это человек, охваченный смертельным страхом и отчаянием. В конце предыдущей главы я передал рассказ моего брата о дороге через Чиппинг-Барнет, чтобы показать читателям, как воспринимал вблизи этот рой черных точек один из беженцев. Ни разу еще за всю историю не двигалось и не страдало вместе такое множество людей. Легендарные полчища готов и гуннов, огромные орды азиатов показались бы только каплей в этом потоке. Это было стихийное массовое движение, паническое, стадное бегство, всеобщее и ужасающее, без всякого порядка, без определенной цели; шесть миллионов людей, безоружных, без запасов еды, стремились куда-то очертя голову. Это было началом падения цивилизации, гибели человечества.

Прямо под собой воздухоплаватель увидел бы сеть длинных широких улиц, дома, церкви, площади, перекрестки, сады, уже безлюдные, распростертые, точно огромная карта, запачканная в той части, где обозначены южные районы города. Над Илингом, Ричмондом, Уимблдоном словно какое-то чудовищное перо накапало

чернильные кляксы. Безостановочно, неудержимо каждая клякса ширилась и растекалась, разветвляясь во все стороны и быстро переливаясь через возвышенности в какую-нибудь открывшуюся ложбину,— так расплывается чернильное пятно на промокательной бумаге.

Дальше, за голубыми холмами, поднимавшимися на юг от реки, расхаживали марсиане в своей сверкающей броне, спокойно и методически выпуская в тот или иной район ядовитые облака газа; затем они рассеивали газ струями пара и не спеша занимали завоеванную территорию. Они, очевидно, не стремились все уничтожить, хотели только вызвать полную деморализацию и таким образом сломить всякое сопротивление. Они взрывали пороховые склады, перерезали телеграфные провода и портили в разных местах железнодорожное полотно. Они как бы подрезали человечеству подколенную жилу. По-видимому, они не торопились расширить зону своих действий и в этот день не пошли дальше центра Лондона. Возможно, что значительное количество лондонских жителей оставалось еще в своих домах в понедельник утром. Достоверно известно, что многие из них были задушены черным газом.

До полудня лондонский Пул представлял удивительное зрелище. Пароходы и другие суда еще стояли там, и за переезд предлагались громадные деньги. Говорят, что многие бросались вплавь к судам, их отталкивали баграми, и они тонули. Около часу дня под арками моста Блэкфрайер показались тонкие струйки черного газа. Тотчас же весь Пул превратился в арену бешеного смятения, борьбы и свалки; множество лодок и катеров стеснилось в северной арке моста Тауэр, и матросы и грузчики отчаянно отбивались от толпы, напирающей с берега. Некоторые даже спускались вниз по устоям моста...

Когда час спустя за Вестминстером появился первый марсианин и направился вниз по реке, за Лаймхаузом плавали лишь одни обломки.

Я уже упоминал о пятом цилиндре. Шестой упал возле Уимблдона. Брат, охраняя своих спутниц, спавших в коляске на лугу, видел зеленую вспышку огня далеко за холмами. Во вторник, все еще не теряя надежды уехать морем, они продолжали пробираться с толпой беженцев к Колчестеру. Слухи о том, что марсиане уже захватили

Лондон, подтвердились. Их заметили у Хайгета и даже у Нисдона. Мой брат увидел их только на следующий день.

Вскоре толпы беженцев стали нуждаться в продовольствии. Голодные люди не церемонились с чужой собственностью. Фермеры вынуждены были с оружием в руках защищать свои скотные дворы, амбары и еще не снятый с полей урожай. Некоторые беженцы, подобно моему брату, повернули на восток. Находились такие смельчаки, которые в поисках пищи возвращались обратно в сторону Лондона. Это были главным образом жители северных предместий, которые знали о черном газе лишь понаслышке. Говорили, что около половины членов правительства собралось в Бирмингеме и что большое количество взрывчатых веществ было заготовлено для закладки автоматических мин в графствах Мидлена.

Брат слышал также, что мидленская железнодорожная компания исправила все повреждения, причиненные в первый день паники, восстановила сообщение, и поезда снова идут к северу от Сент-Олбенса, чтобы уменьшить наплыв беженцев в окрестные графства. В Чиппинг-Онгаре висело объявление, сообщавшее, что в северных городах имеются большие запасы муки и что в ближайшие сутки хлеб будет распределен между голодающими. Однако это сообщение не побудило брата изменить свой план; они весь день продвигались к востоку и нигде не видели обещанной раздачи хлеба. Да и никто этого не видел. В эту ночь на Примроз-Хилле упал седьмой цилиндр. Он упал во время дежурства мисс Элфинстон. Она дежурила ночью попеременно с братом и видела, как он падал.

В среду, после ночевки в пшеничном поле, трое беженцев достигли Челмсфорда, где несколько жителей, назвавшихся комитетом общественного питания, отобрали у них пони и не выдали ничего взамен, но пообещали дать долю при разделе пони на другой день. По слухам, марсиане были уже у Эппинга; говорили, что пороховые заводы в Уолтхем-Эбби разрушились при неудачной попытке взорвать одного из марсиан.

На церковных колокольнях были установлены сторожевые посты. Брат — к счастью, как выяснилось позже, — предпочел идти пешком к морю, не дожидаясь выдачи

съестных припасов, хотя все трое были очень голодны. Около полудня они прошли через Тиллингхем, который казался вымершим: только несколько мародеров рыскали по домам в поисках еды. За Тиллингхемом они внезапно увидели море и огромное скопление всевозможных судов на рейде.

Боясь подниматься вверх по Темзе, моряки направились к берегам Эссекса — к Гарвичу, Уолтону и Клэктону, а потом к Фаулнессу и Шубэри, где забирали на борт пассажиров. Суда стояли в большом серповидном заливе, берега которого терялись в тумане у Нэйза. У самого берега стояли небольшие рыбацьи шхуны; английские, шотландские, французские, голландские и шведские; паровые катера Темзы, яхты, моторные лодки; дальше виднелись более крупные суда — угольщики, грузовые пароходы, пассажирские, нефтеналивные океанские пароходы, старый белый транспорт, красивые, серые с белым, пароходы, курсирующие между Саутгемптоном и Гамбургом. Вдоль всего берега до Блэкуотера толпились лодки — лодочки торговались с пассажирами, стоявшими на взморе; и так почти до самого Молдона.

Мили за две от берега стояло одетое в броню судно, почти совсем погруженное в воду, как показалось брату. Это был миноносец «Сын грома». Других военных судов поблизости не было, но вдалеке, вправо, над спокойной поверхностью моря — в этот день был мертвый штиль — змеился черный дымок; это броненосцы ламаншской эскадры, вытянувшись в длинную линию против устья Темзы, стояли под парами, готовые к бою, и зорко наблюдали за победоносным шествием марсиан, бессильные, однако, ему помешать.

При виде моря миссис Элфинстон перепугалась, хотя золовка и старалась приободрить ее. Она никогда не выезжала из Англии, она скорее согласится умереть, чем уехать на чужбину. Бедняжка, кажется, думала, что французы не лучше марсиан. Во время двухдневного путешествия она часто нервничала и плакала. Она хотела вернуться в Стэнмор. Наверно, в Стэнморе все спокойно и благополучно. И в Стэнморе их ждет Джордж...

С большим трудом удалось уговорить ее спуститься к берегу, где брату посчастливилось привлечь внимание нескольких матросов на колесном пароходе с Темзы. Они

выслали лодку и сторговались на тридцати шести фунтах за троих. Пароход шел, по их словам, в Остенде.

Было уже около двух часов, когда брат и его спутники, заплатив у сходней за свои места, взойшли наконец на пароход. Здесь можно было достать еду, хотя и по баснословно дорогой цене; они решили пообедать и расположились на носу.

На борту уже набралось около сорока человек; многие истратили свои последние деньги, чтобы получить место; но капитан стоял у Блэкуотера до пяти часов, набирая новых пассажиров, пока вся палуба не наполнилась народом. Он, может быть, остался бы и дольше, если бы на юге не началась канонада. Как бы в ответ на нее с миноносца раздался выстрел из небольшой пушки и взвились сигнальные флажки. Клубы дыма вырывались из его труб.

Некоторые из пассажиров уверяли, что пальба доносится из Шубэринеса, пока не стало ясно, что канонада приближается. Далеко на юго-востоке в море показались мачты трех броненосцев, окутанных черным дымом. Но внимание брата отвлекла отдаленная орудийная пальба на юге. Ему показалось, что он увидел в тумане поднимающийся столб дыма.

Пароходик заработал колесами и двинулся к востоку от длинной изогнутой линии судов. Низкий берег Эссекса уже оделся голубоватой дымкой, когда появился марсианин. Маленький, чуть заметный на таком расстоянии, он приближался по илистому берегу со стороны Фаулнесса. Перепуганный капитан стал злобно браниться во весь голос, ругая себя за задержку, и лопасти колес, казалось, заразились его страхом. Все пассажиры стояли у поручней и смотрели на марсианина, который возвышался над деревьями и колокольнями на берегу и двигался так, словно пародировал человеческую походку.

Это был первый марсианин, увиденный братом; брат скорее с удивлением, чем со страхом, смотрел на этого титана, осторожно приближавшегося к линии судов и шагавшего по воде все дальше и дальше от берега. Потом — далеко за Краучем — показался другой марсианин, шагавший по переулку; а за ним — еще дальше — третий, точно идущий вброд через поблескивающую илистую отмель, которая, казалось, висела между небом и морем.

Все они шли прямо в море, как будто намереваясь помешать отплытию судов, собравшихся между Фаулнессом и Нейзом. Несмотря на усиленное пыхтение машины и на бугры пены за колесами, пароходик очень медленно уходил от приближавшейся опасности.

Взглянув на северо-запад, брат заметил, что порядок среди судов нарушился: в панике они заворачивали, шли наперерез друг другу; пароходы давали свистки и выпускали клубы пара, паруса поспешно распускались, катера сновали туда и сюда. Увлеченный этим зрелищем, брат не смотрел по сторонам. Неожиданный поворот, сделанный, чтобы избежать столкновения, сбросил брата со скамейки, на которой он стоял. Кругом затопали, закричали «ура», на которое откуда-то слабо ответили. Тут судно накренилось, и брата отбросило в сторону.

Он вскочил и увидел за бортом, всего в каких-нибудь ста ярдах от накренившегося и нырявшего пароходика, мощное стальное тело, точно лемех плуга, разрезавшее воду на две огромные пенистые волны; пароходик беспомощно махал лопастями колес по воздуху и накренился почти до ватерлинии.

Целый душ пены ослепил на мгновение брата. Протерев глаза, он увидел, что огромное судно пронеслось мимо и идет к берегу. Надводная часть длинного стального корпуса высоко поднималась над водой, а из двух труб вырывались искры и клубы дыма. Это был миноносец «Сын грома», спешивший на выручку находившимся в опасности судам.

Ухватившись за поручни на раскачивавшейся палубе, брат отвел взгляд от промчавшегося левиафана и взглянул на марсиан. Все трое теперь сошлись и стояли так далеко в море, что их треножки были почти скрыты водой. Погруженные в воду, на таком далеком расстоянии они не казались уже чудовищными по сравнению со стальным гигантом, в кильватере которого беспомощно качался пароходик. Марсиане как будто с удивлением рассматривали нового противника. Быть может, этот гигант показался им похожим на них самих. «Сын грома» шел полным ходом без выстрелов. Вероятно, благодаря этому ему и удалось подойти так близко к врагу. Марсиане не знали, как поступить с ним. Один снаряд, и они тотчас же пустили бы его ко дну тепловым лучом.

«Сын грома» шел таким ходом, что через минуту уже покрыл половину расстояния между пароходиком и марсианами, — черное, быстро уменьшающееся пятно на фоне низкого, убегающего берега Эссекса.

Вдруг передний марсианин опустил свою трубу и метнул в миноносец тучи черного газа. Точно струя чернил залила левый борт миноносца, черное облако дыма заклобылось по морю, но миноносец проскочил. Наблюдателям, глядящим против солнца с низко сидящего в воде пароходика, казалось, что миноносец находится уже среди марсиан.

Потом гигантские фигуры марсиан разделились и стали отступать к берегу, все выше и выше вырастая над водой. Один из них поднял генератор теплового луча, направляя его под углом вниз; облако пара поднялось с поверхности воды от прикосновения теплового луча. Он прошел сквозь стальную броню миноносца, как раскаленный железный прут сквозь лист бумаги.

Вдруг среди облака пара блеснула вспышка, марсианин дрогнул и пошатнулся. Через секунду второй залп сбил его, и смерч из воды и пара взлетел высоко в воздух. Орудия «Сына грома» гремели дружными залпами. Один снаряд, взметнув водяной столб, упал возле пароходика, отлетел рикошетом к другим судам, уходившим к северу, и раздробил в щепы рыбацью шхуну. Но никто не обратил на это внимания. Увидев, что марсианин упал, капитан на мостике громко крикнул, и столпившиеся на корме пассажиры подхватили его крик. Вдруг все снова закричали: из белого хаоса пара, вздымая волны, несло что-то длинное, черное, обьятое пламенем, с вентиляторами и трубами, извергающими огонь.

Миноносец все еще боролся; руль, по-видимому, был не поврежден, и машины работали. Он шел прямо на второго марсианина и находился в ста ярдах от него, когда тот направил на «Сына грома» тепловой луч. Палуба и трубы с грохотом взлетели вверх среди ослепительного пламени. Марсианин пошатнулся от взрыва, и через секунду пылающие обломки судна, все еще несшиеся вперед по инерции, ударили и подмяли его, как картонную куклу. Брат невольно вскрикнул. Снова все скрылось в хаосе кипящей воды и пара.

— Два! — крикнул капитан.

Все кричали, весь пароходик от кормы до носа сотрясся от радостного крика, подхваченного сперва на одном, а потом на всех судах и лодках, шедших в море. Пар висел над водой несколько минут, скрывая берег и третьего марсианина. Пароходик продолжал работать колесами, уходя с места боя. Когда наконец пар рассеялся, его сменил черный дым, нависший такой тучей, что нельзя было разглядеть ни «Сына грома», ни третьего марсианина. Броненосцы с моря подошли совсем близко и остановились между берегом и пароходиком.

Суденышко уходило в море; броненосцы же стали приближаться к берегу, все еще: скрытому причудливо свивавшимися клубами пара и черного газа. Целая флотилия спасавшихся судов уходила к северо-востоку; несколько рыбацких шхун ныряло между броненосцами и пароходиком. Не дойдя до оседавшего облака пара и газа, эскадра повернула к северу и скрылась в черных сумерках. Берег расплывался, теряясь в облаках, стущавшихся вокруг заходящего солнца.

Вдруг из золотистой мглы заката донеслись вибрирующие раскаты орудий и показались какие-то темные двигающиеся тени. Все бросились к борту, всматриваясь в ослепительное сияние вечерней зари, но ничего нельзя было разобрать. Туча дыма поднялась и скрыла солнце. Пароходик, пыхтя, отплывал все дальше, и находившиеся на нем люди так и не увидели, чем кончилось морское сражение. Солнце скрылось среди серых туч; небо побавровело, затем потемнело; вверху блеснула вечерняя звезда. Было уже совсем темно, когда капитан что-то крикнул и показал вдаль. Брат стал напряженно всматриваться. Что-то взлетело к небу из недр туманного мрака и косо поднялось кверху, быстро двигаясь в отблеске зари над тучами на западном небосклоне; что-то плоское, широкое, огромное, описав большую дугу и снижаясь, пропало в таинственном сумраке ночи. Над землею скользнула зловещая тень.

Книга вторая *Земля под властью марсиан*

Глава I *Под пятой*

В первой книге я сильно отклонился в сторону от своих собственных приключений, рассказывая о похождениях брата. Пока разыгрывались события, описанные в двух последних главах, мы со священником сидели в пустом доме в Голлифорде, где мы спрятались, спасаясь от черного газа. С этого момента я и буду продолжать свой рассказ. Мы оставались там всю ночь с воскресенья на понедельник и весь следующий день, день паники, на маленьком островке дневного света, отрезанные от остального мира черным газом. Эти два дня мы провели в тягостном бездействии.

Я очень тревожился за жену. Я представлял ее себе в Лезерхэде; должно быть, она перепугана, в опасности и уверена, что меня уже нет в живых. Я ходил по комнатам, содрогаясь при мысли о том, что может случиться с ней в мое отсутствие. Я не сомневался в мужестве своего двоюродного брата, но он был не из тех людей, которые быстро замечают опасность и действуют без промедления. Здесь требовалась не храбрость, а осмотрительность. Единственным утешением для меня было то, что марсиане двигались к Лондону, удаляясь от Лезерхэда. Такая тревога изматывает человека. Я очень устал, и меня раздражали постоянные вопли священника и его эгоистическое отчаяние. После нескольких безрезультатных попыток его образумить я ушел в одну из комнат, очевидно, классную, где находились глобусы, модели и тетради. Когда он пробрался за мной и туда, я по-

лез на чердак и заперся там в каморке; мне хотелось остаться наедине со своим горем.

В течение этого дня и следующего мы были безнадежно отрезаны от мира черным газом. В воскресенье вечером мы заметили признаки людей в соседнем доме: чье-то лицо у окна, свет, хлопанье дверей. Не знаю, что это были за люди и что стало с ними. На другой день мы их больше не видели. Черный газ в понедельник утром медленно сползал к реке, подбираясь все ближе и ближе к нам, и наконец за клубился по дороге перед самым домом, где мы скрывались.

Около полудня в поле показался марсианин, выпускавший из какого-то прибора струю горячего пара, который со свистом ударялся о стены, разбивая оконные стекла, и обжег руку священнику, когда тот выбежал на дорогу из комнаты. Когда много времени спустя мы прокрались в отсыревшие от пара комнаты и снова выглянули на улицу, вся земля к северу была словно запорошена черным снегом. Взглянув на долину реки, мы были очень удивлены, заметив у черных сожженных лугов какой-то странный красноватый оттенок.

Мы не сразу сообразили, насколько это меняло наше положение, — мы видели только, что теперь нечего бояться черного газа. Наконец я понял, что мы свободны и можем уйти, что дорога к спасению открыта. Мной снова овладела жажда деятельности. Но священник по-прежнему находился в состоянии крайней апатии.

— Мы здесь в полной безопасности, — повторял он, — в полной безопасности.

Я решил покинуть его (о, если бы я это сделал!) и стал запасаться провиантом и питьем, помня о наставлениях артиллериста. Я нашел масло и тряпку, чтобы перевязать свои ожоги, захватил шляпу и фуфайку, обнаруженные в одной из спален. Когда священник понял, что я решил уйти один, он тоже начал собираться. Нам как будто ничто не угрожало, и мы отправились по почерневшей дороге на Санбэри. По моим расчетам, было около пяти часов вечера.

В Санбэри и на дороге валялись скорченные трупы людей и лошадей, опрокинутые повозки и разбросанная поклажа; все было покрыто слоем черной пыли. Этот угольно-черный покров напомнил мне все то, что я читал

о разрушении Помпеи. Мы дошли благополучно до Хэмптон-Корт, удрученные странным и необычным видом местности; в Хэмптон-Корт мы с радостью увидели клочок зелени, уцелевшей от гибельной лавины. Мы прошли через Баши-парк, где под каштанами бродили лани; вдалеке несколько мужчин и женщин спешили к Хэмптону. Наконец, мы добрались до Туикенхема. Здесь в первый раз мы встретили людей.

Вдали за Хемом и Питерсхемом все еще горели леса. Туикенхем избежал тепловых лучей и черного газа, и там попадались люди, но никто не мог сообщить нам ничего нового. Почти все они так же, как и мы, спешили дальше, пользуясь затишьем. Мне показалось, что кое-где в домах еще оставались жители, вероятно, слишком напуганные, чтобы бежать. И здесь, на дороге, виднелись следы панического бегства. Мне ясно запомнились три изломанных велосипеда, лежавших кучей и вдавленных в грунт проехавшими по ним колесами. Мы перешли Ричмондский мост около половины девятого. Мы спешили, чтобы поскорей миновать открытый мост, но я все же заметил какие-то красные груды в несколько футов шириной, плывшие вниз по течению. Я не знал, что это такое, — мне некогда было разглядывать; я дал им страшное истолкование, хотя для этого не было никаких оснований. Здесь, в сторону Сэррея, тоже лежала черная пыль, бывшая недавно газом, и валялись трупы, особенно много у дороги к станции. Марсиан мы не видели, пока не подошли к Барнсу.

Селенис казалось покинутым; мы увидели там трех человек, бежавших по персулку к реке. На вершине холма горел Ричмонд; за Ричмондом следов черного газа не было видно.

Когда мы приближались к Кью, мимо нас пробежало несколько человек и над крышами домов — ярдов за сто от нас — показалась верхняя часть боевой машины марсианина. Стоило марсианину взглянуть вниз — и мы пропали бы. Мы оцепенели от ужаса, потом бросились в сторону и спрятались в каком-то сарае. Священник присел на землю, всхлипывая и отказываясь идти дальше.

Но я решил во что бы то ни стало добраться до Лезерхеда и с наступлением темноты двинуться дальше. Я пробрался сквозь кустарник, прошел мимо большого дома

с пристройками и вышел на дорогу к Кью. Священника я оставил в сарае, но он вскоре догнал меня.

Трудно себе представить что-либо безрассуднее этой попытки. Было очевидно, что мы окружены марсианами. Едва священник догнал меня, как мы снова увидели вдаль, за полями, тянувшимися к Кью-Лоджу, боевой треножник, возможно, тот же самый, а может быть, другой. Четыре или пять маленьких черных фигурок бежали от него по серо-зеленому полю: очевидно, марсианин преследовал их. В три шага он их догнал; они побежали из-под его ног в разные стороны по радиусам. Марсианин не прибег к тепловому лучу и не уничтожил их. Он просто подобрал их всех в большую металлическую корзину, висевшую позади.

В первый раз мне пришло в голову, что марсиане, быть может, вовсе не хотят уничтожить людей, а собираются воспользоваться побежденным человечеством для других целей. С минуту мы стояли, пораженные ужасом; потом повернули назад и через ворота прокрались в обнесенный стеной сад, заползли в какую-то яму, едва осмеливаясь перешептываться друг с другом, и лежали там, пока на небе не блеснули звезды.

Было, должно быть, около одиннадцати часов вечера, когда мы решились повторить нашу попытку и пошли уже не по дороге, а полями, вдоль изгородей, всматриваясь в темноте — я налево, священник направо, — нет ли марсиан, которые, казалось, все собрались вокруг нас. В одном месте мы натолкнулись на почерневшую, опаленную площадку, уже остывшую и покрытую пеплом, с целой грудой трупов, обгорелых и обезображенных, — уцелели только ноги и башмаки. Тут же валялись туши лошадей, на расстоянии, может быть, пятидесяти футов от четырех разорванных пушек с разбитыми лафетами.

Селение Шин, по-видимому, избежало разрушения, но было пусто и безмолвно. Здесь нам больше не попадалось трупов; впрочем, ночь была до того темна, что мы не могли разглядеть даже боковых улиц. В Шине мой спутник вдруг стал жаловаться на слабость и жажду, и мы решились зайти в один из домов.

Первый дом, куда мы проникли через окно, казался небольшой виллой с полусорванной крышей; я не мог

найти там ничего съедобного, кроме куска заплесневелого сыра. Зато там была вода и можно было напиться; я захватил попавшийся мне на глаза топор, который мог пригодиться нам при взломе другого дома.

Мы подошли к тому месту, где дорога поворачивает на Мортлейк. Здесь среди обнесенного стеной сада стоял белый дом; в кладовой мы нашли запас продовольствия: две ковриги хлеба, кусок сырого мяса и пол-окорока. Я перечисляю все это так подробно потому, что в течение двух следующих недель нам пришлось довольствоваться этим запасом. На полках мы нашли бутылки с пивом, два мешка фасоли и пучок вялого салата. Кладовая выходила в судомойню, где лежали дрова и стоял буфет. В буфете мы нашли почти дюжину бургундского, мясные и рыбные консервы и две жестянки с бисквитами.

Мы сидели в темной кухне, так как боялись зажечь огонь, ели хлеб с ветчиной и пили пиво из одной бутылки. Священник, по-прежнему нутливый и беспокойный, почему-то стоял за то, чтобы скорее идти, и я едва уговорил его подкрепиться. Но тут произошло событие, превратившее нас в пленников.

— Вероятно, до полуночи еще далеко, — сказал я, и тут вдруг блеснул ослепительный зеленый свет. Вся кухня осветилась на мгновение зеленым блеском. Затем последовал такой удар, какого я никогда не слышал ни раньше, ни после. Послышался звон разбитого стекла, грохот обвалившейся каменной кладки, посыпалась штукатурка, разбиваясь на мелкие куски о наши головы. Я повалился на пол, ударившись о выступ печи, и лежал, оглушенный. Священник говорил, что я долго был без сознания. Когда я пришел в себя, кругом снова было темно и священник брызгал на меня водой; его лицо было мокро от крови, которая, как я после разглядел, текла из рассеченного лба.

В течение нескольких минут я не мог сообразить, что случилось. Наконец память мало-помалу вернулась ко мне. Я почувствовал на виске боль от ушиба.

— Вам лучше? — шепотом спросил священник.

Я не сразу ответил ему. Потом приподнялся и сел.

— Не двигайтесь, — сказал он, — пол усеян осколками посуды из буфета. Вы не сможете двигаться бесшумно, а мне кажется, они совсем рядом.

Мы сидели так тихо, что каждый слышал дыхание другого. Могильная тишина; только раз откуда-то сверху упал не то кусок штукатурки, не то кирпич. Снаружи, где-то очень близко, слышалось металлическое побрякивание.

— Слышите? — сказал священник, когда звук повторился.

— Да, — ответил я. — Но что это такое?

— Марсианин! — прошептал священник.

Я снова прислушался.

— Это был не тепловой луч, — сказал я и подумал, что один из боевых треножников наткнулся на дом. На моих глазах треножник налетел на церковь в Шеппертоне.

В таком выжидательном положении мы просидели неподвижно в течение трех или четырех часов, пока не рассвело. Наконец свет проник к нам, но не через окно, которое оставалось темным, а сквозь треугольное отверстие в стене позади нас, между балкой и грудой осыпавшихся кирпичей. В серых, предутренних сумерках мы в первый раз разглядели внутренность кухни.

Окно было завалено рыхлой землей, которая насыпалась на стол, где мы ужинали, и покрывала пол. Снаружи земля была взрыта и, очевидно, засыпала дом. В верхней части оконной рамы виднелась исковерканная дождевая труба. Пол был усеян металлическими обломками. Конец кухни, ближе к жилым комнатам, осел, и когда рассвело, то нам стало ясно, что большая часть дома разрушена. Резким контрастом с этими развалинами был чистенький кухонный шкаф, окрашенный в бледно-зеленый цвет, обои в белых и голубых квадратах и две раскрашенные картинки на стене.

Когда стало совсем светло, мы увидели в щель фигуру марсианина, стоявшего, как я понял потом, на страже над еще не остывшим цилиндром. Мы осторожно поползли из полутемной кухни в темную судомойню.

Вдруг меня осенило: я понял, что случилось.

— Пятый цилиндр, — прошептал я, — пятый выстрел с Марса попал в этот дом и похоронил нас под развалинами!

Священник долго молчал, потом прошептал:

— Господи, помилуй нас!

И стал что-то бормотать про себя.

Все было тихо, мы сидели, притаившись в судомойне.

Я боялся даже дышать и замер на месте, пристально глядя на слабо освещенный четырехугольник кухонной двери. Я едва мог разглядеть лицо священника — неясный овал, его воротничок и манжеты. Снаружи слышался звон металла, потом резкий свист и шипение, точно у паровой машины. Все эти загадочные для нас звуки раздавались непрерывно, все усиливаясь и нарастая. Вдруг слышался какой-то размеренный вибрирующий гул, от которого все кругом задрожало и посуда в буфете зазвенела. Свет померк, и дверь кухни стала совсем темной. Так мы сидели долгие часы, молчаливые, дрожащие, пока наконец не заснули от утомления...

Я очнулся, чувствуя сильный голод. Вероятно, мы проспали большую часть дня. Голод придал мне решимости. Я сказал священнику, что отправлюсь на поиски еды, и пополз по направлению к кладовой. Он ничего не ответил, но как только услышал, что я начал есть, тоже пополз ко мне.

Глава II *Что мы видели из развалин дома*

Насытившись, мы поползли назад в судомойню, где я, очевидно, опять задремал, а очнувшись, обнаружил, что я один. Вибрирующий гул продолжался не ослабевая, с раздражающим упорством. Я несколько раз шепотом позвал священника, потом пополз к двери кухни. В дневном свете я увидел священника в другом конце комнаты: он лежал у треугольного отверстия, выходящего наружу, к марсианам. Его плечи были приподняты, и головы не было видно.

Шум был, как в паровозном депо, и все здание содрогалось от него. Сквозь отверстие в стене я видел вершину дерева, освещенную солнцем, и клочок ясного голубого вечернего неба. С минуту я смотрел на священника, потом подкрался поближе, осторожно переступая через осколки стекла и черепки.

Я тронул священника за ногу. Он так вздрогнул, что от наружной штукатурки с треском отвалился большой кусок. Я схватил его за руку, боясь, что он закричит, и мы оба замерли. Потом я повернулся посмотреть, что осталось от нашего убежища. Обвалившаяся штукатурка образовала новое отверстие в стене; осторожно взобравшись

на балку, я выглянул — и едва узнал пригородную дорогу: так все кругом изменилось.

Пятый цилиндр попал, очевидно, в тот дом, куда мы заходили сначала. Строение совершенно исчезло, превратилось в пыль и разлетелось. Цилиндр лежал глубоко в земле, в воронке, более широкой, чем яма около Уокинга, в которую я в свое время заглядывал. Земля вокруг точно расплескалась от страшного удара («расплескалась» — самое подходящее здесь слово) и засыпала соседние дома; такая же была бы картина, если бы ударили молотком по грязи. Наш дом завалился назад; передняя часть была разрушена до самого основания. Кухня и судомойня уцелели каким-то чудом и были засыпаны тоннами земли и мусора со всех сторон, кроме одной, обращенной к цилиндру. Мы висели на краю огромной воронки, где работали марсиане. Тяжелые удары раздавались, очевидно, позади нас; ярко-зеленый пар то и дело поднимался из ямы и окутывал дымкой нашу щель.

Цилиндр был уже открыт, а в дальнем конце ямы, среди вырванных и засыпанных песком кустов, стоял пустой боевой треножник — огромный металлический остов, резко выступавший на фоне вечернего неба. Я начал свое описание с воронки и цилиндра, хотя в первую минуту мое внимание было отвлечено поразительной сверкающей машиной, копавшей землю, и странными неповоротливыми существами, неуклюже копошившимися возле нее в рыхлой земле.

Меня прежде всего заинтересовал этот механизм. Это была одна из тех сложных машин, которые называли впоследствии многорукими и изучение которых дало такой мощный толчок техническим изобретениям. На первый взгляд она походила на металлического паука с пятью суставчатыми подвижными лапами и со множеством суставчатых рычагов и хватающих передаточных щупалец вокруг корпуса. Большая часть рук этой машины была втянута, но тремя длинными щупальцами она хватала металлические шесты, прутья и листы — очевидно, броневую обшивку цилиндра. Машина вытаскивала, поднимала и складывала все это на ровную площадку позади воронки.

Все движения были так быстры, сложны и совершенны, что сперва я даже не принял ее за машину, несмотря на металлический блеск. Боевые треножники были тоже

удивительно совершенны и казались одушевленными, но они были ничто в сравнении с этой. Люди, знающие эти машины только по бледным рисункам или по неполным рассказам очевидцев, вряд ли могут представить себе эти почти одухотворенные механизмы.

Я вспомнил иллюстрацию в брошюре, дававшей подробное описание войны. Художник, очевидно, очень поверхностно ознакомился с одной из боевых машин. Он изобразил их в виде неповоротливых наклонных тренажеров, лишенных гибкости и легкости и производящих однообразные действия. Брошюра, снабженная этими иллюстрациями, наделала много шума, но я упоминаю о них только для того, чтобы читатели не получили неверного представления.

Иллюстрации были не более похожи на тех марсиан, которых я видел, чем восковая кукла на человека. По-моему, эти рисунки только испортили брошюру.

Как я уже сказал, многорукая машина сперва показалась мне не машиной, а каким-то существом вроде краба с лоснящейся оболочкой; тело марсианина, тонкие щупальца которого регулировали все движения машины, я принял за нечто вроде мозгового придатка. Затем я заметил тот же серовато-бурый кожистый лоснящийся покров на других копошившихся вокруг телах и разгадал тайну изумительного механизма. После этого я все свое внимание обратил на живых, настоящих марсиан. Я уже мельком видел их, но теперь отвращение не мешало моим наблюдениям, и, кроме того, я наблюдал за ними из-за прикрытия, а не в момент поспешного бегства.

Теперь я разглядел, что в этих существах не было ничего земного. Это были большие круглые тела, скорее головы, около четырех футов в диаметре, с неким подобием лица. На этих лицах не было ноздрей (марсиане, кажется, были лишены чувства обоняния), только два больших темных глаза и что-то вроде мясистого клюва под ними. Сзади на этой голове или теле (я, право, не знаю, как это назвать) находилась тугая перепонка, соответствующая (это выяснили позднее) нашему уху, хотя она, вероятно, оказалась бесполезной в нашей более сгущенной атмосфере. Около рта торчали шестнадцать тонких, похожих на бичи щупалец, разделенных на два пучка — по восьми щупалец в каждом. Эти пучки знаменитый анатом

профессор Хоус довольно удачно назвал руками. Когда я впервые увидел марсиан, мне показалось, что они старались опираться на эти руки, но этому, видимо, мешал увеличившийся в земных условиях вес их тел. Можно предположить, что на Марсе они довольно легко передвигаются при помощи этих щупалец.

Внутреннее анатомическое строение марсиан, как показали позднейшие вскрытия, оказалось очень несложным. Большую часть их тела занимал мозг с разветвлениями толстых нервов к глазам, уху и осязающим щупальцам. Кроме того, были найдены довольно сложные органы дыхания — легкие — и сердце с кровеносными сосудами. Усиленная работа легких вследствие более плотной земной атмосферы и увеличения силы тяготения была заметна даже по конвульсивным движениям кожи марсиан.

Таков был организм марсианина. Нам может показаться странным, что у марсиан совершенно не оказалось никаких признаков сложного пищеварительного аппарата, являющегося одной из главных частей нашего организма. Они состояли из одной только головы. У них не было внутренностей. Они не ели, не переваривали пищу. Вместо этого они брали свежую живую кровь других организмов и впрыскивали ее себе в вены. Я сам видел, как они это делали, и упомяну об этом в свое время. Чувство отвращения мешает мне подробно описать то, на что я не мог даже смотреть. Дело в том, что марсиане, впрыскивая себе небольшой пипеткой кровь, в большинстве случаев человеческую, брали ее непосредственно из жил еще живого существа...

Одна мысль об этом кажется нам чудовищной, но в то же время я невольно думаю, какой отвратительной должна показаться наша привычка питаться мясом, скажем, кролику, вдруг получившему способность мыслить. Нельзя отрицать физиологических преимуществ способа инъекции, если вспомнить, как много времени и энергии тратит человек на еду и пищеварение. Наше тело наполовину состоит из желез, пищеварительных каналов и органов разного рода, занятых перегонкой пищи в кровь. Влияние пищеварительных процессов на нервную систему подрывает наши силы, отражается на нашей психике. Люди счастливы или несчастны в зависимости от состояния печени

или поджелудочной железы. Марсиане свободны от этих влияний организма на настроение и эмоции.

То, что марсиане предпочитали людей как источник питания, отчасти объясняется природой тех жертв, которые они привезли с собой с Марса в качестве провианта. Эти существа, судя по тем высохшим останкам, которые попали в руки людей, тоже были двуногими, с непрочным кремнистым скелетом (вроде наших кремнистых губок) и слабо развитой мускулатурой; они были около шести футов ростом, с круглой головой и большими глазами в кремнистых впадинах. В каждом цилиндре находилось, кажется, по два или по три таких существа, но все они были убиты еще до прибытия на Землю. Они все равно погибли бы на Земле, так как при первой же попытке встать на ноги сломали бы себе кости.

Раз я уже занялся этим описанием, то добавлю здесь кое-какие подробности, которые в то время не были ясны для нас и которые помогут читателю, не видевшему марсиан, составить себе более ясное представление об этих грозных созданиях.

В трех отношениях их физиология резко отличалась от нашей. Их организм не нуждался в сне и постоянно бодрствовал, как у людей сердце. Им не приходилось возмещать сильное мускульное напряжение, и поэтому периодическое прекращение деятельности было им неизвестно. Так же чуждо было им ощущение усталости. На Земле они передвигались с большими усилиями, но даже и здесь находились в непрерывной деятельности. Подобно муравьям, они работали все двадцать четыре часа в сутки.

Во-вторых, марсиане были бесполоыми и потому не знали тех бурных эмоций, которые возникают у людей вследствие различия полов. Точно установлено, что на Земле во время войны родился один марсианин; он был найден на теле своего родителя отпочковавшимся, как молодые лилии из луковиц или молодые организмы пресноводного полипа.

У человека и у всех высших видов земных животных подобный способ размножения, который считается самым примитивным, не существует. У низших животных, кончая оболочниками, стоящими ближе всего к позвоночным, существуют оба способа размножения, но на выс-

ших ступенях развития половой способ размножения совершенно вытесняет почкование. На Марсе, по-видимому, развитие шло в обратном направлении.

Любопытно, что один писатель, склонный к лженаучным умозрительным построениям, еще задолго до нашествия марсиан предсказал человеку будущего как раз то строение, какое оказалось у них. Его предсказание, если не ошибаюсь, появилось в 1893 году в ноябрьском или декабрьском номере давно уже прекратившего существование «Пэл-Мэл баджит». Я припоминаю карикатуру на эту тему, помещенную в известном юмористическом журнале домарсианской эпохи «Панч». Автор статьи доказывал, излагая свою мысль в веселом, шутливом тоне, что развитие механических приспособлений должно в конце концов задержать развитие человеческого тела, а химическая пища ликвидирует пищеварение; он утверждал, что волосы, нос, зубы, уши, подбородок постепенно потеряют свое значение для человека и естественный отбор в течение грядущих веков их уничтожит. Будет развиваться один только мозг. Еще одна часть тела переживет остальные — это рука, «учитель и слуга мозга». Все части тела будут атрофироваться, руки же будут все более и более развиваться.

Истина нередко высказывается в форме шутки. У марсиан мы, несомненно, видим подобное подчинение животной стороны организма интеллекту. Мне кажется вполне вероятным, что у марсиан, произошедших от существ, в общем похожих на нас, мозг и руки (последние в конце концов заменились двумя пучками щупалец) постепенно развились за счет остального организма. Мозг без тела должен был создать, конечно, более эгоистичный интеллект, без всяких человеческих эмоций.

Третье отличие марсиан от нас с первого взгляда может показаться несущественным. Микроорганизмы, возбудители стольких болезней и страданий на Земле, либо никогда не появлялись на Марсе, либо санитария марсиан уничтожила их много столетий тому назад. Сотни разных болезней, лихорадки и воспаления, поражающие человека, чахотка, рак, опухоли и тому подобные недуги были им совершенно неизвестны.

Говоря о различии между жизнью на Земле и на Марсе, я должен упомянуть о странном появлении красной травы.

Очевидно, растительное царство Марса в отличие от земного, где преобладает зеленый цвет, имеет кроваво-красную окраску. Во всяком случае, те семена, которые марсиане (намеренно или случайно) привезли с собой, давали ростки красного цвета. Впрочем, в борьбе с земными видами растений только одна всем известная красная трава достигла некоторого развития. Красный выюн скоро засох, и лишь немногие его видели. Что же касается красной травы, то некоторое время она росла удивительно быстро. Она появилась на краях ямы на третий или четвертый день нашего заточения, и ее побеги, походившие на ростки кактуса, образовали карминовую бахрому вокруг нашего треугольного окна. Впоследствии я встречал ее в изобилии по всей стране, особенно поблизости от воды.

Марсиане имели орган слуха — круглую перепонку на задней стороне головы-тела, и их глаза по силе зрения не уступали нашим, только синий и фиолетовый цвет, по мнению Филиппа, должен был казаться им черным. Предполагают, что они общались друг с другом при помощи звуков и движений щупалец; так утверждает, например, интересная, но наспех написанная брошюра, автор которой, очевидно, не видел марсиан; на эту брошюру я уже ссылался, она до сих пор служит главным источником сведений о марсианах. Однако ни один из оставшихся в живых людей не наблюдал так близко марсиан, как я. Это произошло, правда, не по моему желанию, но все же это несомненный факт. Я наблюдал за ними внимательно день за днем и утверждаю, что видел собственными глазами, как четверо, пятеро и один раз даже шестеро марсиан, с трудом передвигаясь, выполняли самые тонкие, сложные работы сообщая, не обмениваясь ни звуком, ни жестом. Издаваемое ими лишенное всяких модуляций уханье слышалось обычно перед едой; по-моему, оно вовсе не служило сигналом, а происходило просто вследствие выдыхания воздуха перед впрыскиванием крови. Мне известны основы психологии, и я твердо убежден, что марсиане обменивались мыслями без посредства физических органов. Утверждаю это, несмотря на мое предубеждение против телепатии. Перед нашествием марсиан, если только читатель помнит мои статьи,

я высказывался довольно резко против телепатических теорий.

Марсиане не носили одежды. Их понятия о нарядах и приличиях, естественно, расходились с нашими; они не только были менее чувствительны к переменам температуры, чем мы, но и перемена давления, по-видимому, не отразилась вредно на их здоровье. Хотя они не носили одежды, но их громадное превосходство над людьми заключалось в других искусственных приспособлениях, которыми они пользовались. Мы с нашими велосипедами и прочими средствами передвижения, с нашими летательными аппаратами Лилиентала, с нашими пушками, ружьями и всем прочим находимся только в начале той эволюции, которую уже проделали марсиане. Они сделались как бы чистым разумом, пользующимся различными машинами смотря по надобности, точно так же как человек меняет одежду, берет для скорости передвижения велосипед или зонт для защиты от дождя. В машинах марсиан для нас удивительней всего совершенное отсутствие важнейшего элемента почти всех человеческих изобретений в области механики — колеса; ни в одной машине из доставленных ими на Землю нет даже подобия колес. Можно было бы ожидать, что у них применяются колеса, по крайней мере, для передвижения. Однако в связи с этим любопытно отметить, что природа даже и на Земле не знает колес и предпочитает достигать своих целей другими средствами. Марсиане тоже не знают (что, впрочем, маловероятно) или избегают колес и очень редко пользуются в своих аппаратах неподвижными или относительно неподвижными осями с круговым движением, сосредоточенным в одной плоскости. Почти все соединения в их машинах представляют собой сложную систему скользящих деталей,двигающихся на небольших, искусно изогнутых подшипниках. Затронув эту тему, я должен упомянуть и о том, что длинные рычажные соединения в машинах марсиан приводятся в движение подобием мускулатуры, состоящим из дисков в эластичной оболочке; эти диски поляризуются при прохождении электрического тока и плотно прилегают друг к другу. Благодаря такому устройству получается странное сходство с движениями живого существа, столь поражавшее и даже ошелом-

лявшее наблюдателя. Такого рода подобия мускулов находились в изобилии и в той напоминавшей краба много-рукой машине, которая «распаковывала» цилиндр, когда я первый раз заглянул в щель. Она казалась гораздо более живой, чем марсиане, лежавшие возле нее и освещенные косыми лучами восходящего солнца; они тяжело дышали, шевелили щупальцами и еле передвигались после утомительного перелета в межпланетном пространстве.

Я долго наблюдал за их медлительными движениями при свете солнца и подмечал особенности их строения, пока священник не напомнил о своем присутствии, неожиданно схватив меня за руку. Я обернулся и увидел его нахмуренное лицо и сердито сжатые губы. Он хотел тоже посмотреть в щель: место было только для одного. Таким образом, я должен был на время отказаться от наблюдений за марсианами и предоставить эту привилегию ему.

Когда я снова заглянул в щель, многорукая машина уже успела собрать части вынутого из цилиндра аппарата; новая машина имела точно такую же форму, как и первая. Внизу налево работал какой-то небольшой механизм; выпуская клубы зеленого дыма, он рыл землю и продвигался вокруг ямы, углубляя и выравнивая ее. Эта машина и производила тот размеренный гул, от которого сотрясало наше полуразрушенное убежище. Машина дымила и свистела во время работы. Насколько я мог судить, никто не управлял ею.

Глава III *Дни заточения*

Появление второго босвого трепожника загнало нас в судомойню, так как мы опасались, что со своей выпки марсианин заметит нас за нашим прикрытием. Позже мы поняли, что наше убежище должно казаться находившимся на ярком свете марсианам темным пятном, и перестали бояться, но сначала при каждом приближении марсиан мы в панике бросались в судомойню. Однако, невзирая на опасность, нас неудержимо тянуло к щели. Теперь я с удивлением вспоминаю, что, несмотря на всю безвыходность нашего положения — ведь нам грозила либо голодная, либо еще более ужасная смерть, — мы даже затевали драку из-за того, кому смотреть первому. Мы бежали на кухню, сгорая от нетерпения и боясь произвести

малейший шум, отчаянно толкались и лягались, находясь на волосок от гибели.

Мы были совершенно разными людьми по характеру, по манере мыслить и действовать; опасность и заключение еще резче выявили это различие. Уже в Голлифорде меня возмущали беспомощность и напыщенная ограниченность священника. Его бесконечные невнятные монологи мешали мне сосредоточиться, обдумать создавшееся положение и доводили меня, и без того крайне возбужденного, чуть не до припадка. У него было не больше выдержки, чем у глупенькой женщины. Он готов был плакать по целым часам, и я уверен, что он, как ребенок, воображал, что слезы помогут ему. Даже в темноте он ежеминутно докучал своей назойливостью. Кроме того, он ел больше меня, и я тщетно напоминал ему, что нам ради нашего спасения необходимо оставаться дома до тех пор, пока марсиане не кончат работу в яме, и что поэтому надо экономить еду. Он ел и пил сразу помногу после больших перерывов. Спал мало.

Дни шли за днями; его крайняя беспечность и безрассудность ухудшали наше и без того отчаянное положение и увеличивали опасность, так что я волей-неволей должен был прибегнуть к угрозам, даже к побоям. Это образумило его, но ненадолго. Он принадлежал к числу тех слабых, вялых, лишенных самолюбия, трусливых и в то же время хитрых созданий, которые не решаются смотреть прямо в глаза ни богу, ни людям, ни даже самим себе.

Мне неприятно вспоминать и писать об этом, но я обязан рассказывать все. Те, кому удалось избежать темных и страшных сторон жизни, не задумываясь, осудят мою жестокость, мою вспышку ярости в последнем акте нашей драмы; они отлично знают, что хорошо и что дурно, но, полагая, не ведают, до чего муки могут довести человека. Однако те, которые сами прошли сквозь мрак до самых низин примитивной жизни, поймут меня и будут снисходительны.

И вот, пока мы с священником в тишине и мраке прекались вполголоса, вырывали друг у друга еду и питье, толкались и дрались, в яме снаружи под беспощадным июньским солнцем марсиане налаживали свою непонятную для нас жизнь. Я вернусь к рассказу о том, что я видел. После долгого перерыва я наконец решился

подползти к щели и увидел, что появились еще три боевых треножника, которые притаились какие-то новые приспособления, расставленные теперь в стройном порядке вокруг цилиндра. Вторая многорукая машина, теперь законченная, обслуживала новый механизм, принесенный боевым треножником. Корпус этого нового аппарата по форме походил на молочный бидон с грушевидной вращающейся воронкой наверху, из которой сыпался в подставленный снизу круглый котел белый порошок.

Вращение производило одно из щупалец многорукой машины. Две лопатообразные руки копали глину и бросали ее в грушевидный приемник, в то время как третья рука периодически открывала дверцу и удаляла из средней части прибора обгоревший шлак. Четвертое стальное щупальце направляло порошок из котла по коленчатой трубке в какой-то новый приемник, скрытый от меня кучей голубоватой пыли. Из этого невидимого приемника поднималась вверх струйка зеленого дыма. Многорукая машина с негромким музыкальным звоном вдруг вытянула, как подзорную трубу, щупальце, казавшееся минуту назад тупым отрезком, и закинула его за кучу глины. Через секунду щупальце подняло вверх полосу белого алюминия, еще не остывшего и ярко блестящего, и бросило ее на клетку из таких же полос, сложенную возле ямы. От заката солнца до появления звезд эта ловкая машина изготовила не менее сотни таких полос прямо из глины, и куча голубоватой пыли стала подниматься выше края ямы.

Контраст между быстрыми и сложными движениями всех этих машин и медлительными, неуклюжими движениями их хозяев был так разителен, что мне пришлось долго убеждать себя, что марсиане, а не их орудия являются живыми существами.

Когда в яму принесли первых пойманных людей, у щели стоял священник. Я сидел на полу и напряженно прислушивался. Вдруг он отскочил назад, и я в ужасе притаился, думая, что нас заметили. Он тихонько пробрался ко мне по мусору и присел рядом в темноте, невнятно бормоча и показывая что-то жестами; испуг его передался и мне. Знаком он дал понять, что уступает мне щель; любопытство придало мне храбрости; я встал, перешагнул через священника и припал к щели. Сначала я не понял причины его страха. Наступили сумерки, звезды казались

крошечными, тусклыми, но яма освещалась зелеными вспышками от машины, изготовлявшей алюминий. Неровные вспышки зеленого огня и двигавшиеся черные смутные тени производили жуткое впечатление. В воздухе кружились летучие мыши, ничуть не пугавшиеся. Теперь копошащихся марсиан не было видно за выросшей кучей голубовато-зеленого порошка. В одном из углов ямы стоял укороченный боевой тренажник со сложенными поджатыми ногами. Вдруг среди гула машин послышались как будто человеческие голоса. Я подумал, что мне померещилось, и сначала не обратил на это внимания.

Я нагнулся, наблюдая за боевым тренажником, и тут только окончательно убедился, что в колпаке его находился марсианин. Когда зеленое пламя вспыхнуло ярче, я разглядел его лоснящийся кожный покров и блеск его глаз. Вдруг послышался крик, и я увидел, как длинное щупальце протянулось за плечо машины к металлической клетке, висевшей сзади. Щупальце подняло что-то отчаянно барахтавшееся высоко в воздух — черный, неясный, загадочный предмет на фоне звездного неба; когда этот предмет опустился, я увидел при вспышке зеленого света, что это человек. Я видел его одно мгновение. Это был хорошо одетый, сильный, румяный, средних лет мужчина. Три дня назад это, вероятно, был человек, уверенно шагавший по земле. Я видел его широко раскрытые глаза и отблеск огня на его пуговицах и часовой цепочке. Он исчез по другую сторону кучи, и на мгновение все стихло. Потом послышались отчаянные крики и продолжительное, удовлетворенное уханье марсиан...

Я соскользнул с кучи щебня, встал на ноги и, зажав уши, бросился в судомойню. Священник, который сидел сгорбившись, обхватив голову руками, взглянул на меня, когда я пробежал мимо, довольно громко вскрикнул, очевидно, думая, что я покидаю его, и бросился за мной...

В эту ночь, пока мы сидели в судомойне, разрываясь между смертельным страхом и желанием взглянуть в щель, я тщетно пытался придумать какой-нибудь способ спасения, хотя понимал, что действовать надо безотлагательно. Но на следующий день я заставил себя трезво оценить создавшееся положение. Священник не мог участвовать в обсуждении планов; от страха он лишился способности логически рассуждать и мог действовать лишь им-

пульсивно. В сущности, он стал почти животным. Мне приходилось рассчитывать только на самого себя. Обдумав все хладнокровно, я решил, что, несмотря на весь ужас нашего положения, отчаиваться не следует. Мы могли надеяться, что марсиане расположились в яме только временно. Пусть они даже превратят яму в постоянный лагерь, и тогда нам может представиться случай к бегству, если они не сочтут нужным ее охранять. Я обдумал также очень тщательно план подкопа с противоположной стороны, но здесь нам угрожала опасность быть замеченными с какого-нибудь сторожевого треножника. Кроме того, подкоп пришлось бы делать мне одному. На священника полагаться было нельзя.

Три дня спустя (если память мне не изменяет) на моих глазах был умерщвлен юноша; это был единственный раз, когда я видел, как питаются марсиане. После этого я почти целый день не подходил к щели. Я отправился в судомойню, отворил дверь и несколько часов рыл топором землю, стараясь производить как можно меньше шума. Но когда я вырыл яму фута в два глубиной, тяжелая земля с шумом осела, и я не решился рыть дальше. Я замер и долго лежал на полу, боясь пошевелинуться. После этого я бросил мысль о подкопе.

Интересно отметить один факт: впечатление, произведенное на меня марсианами, было таково, что я не надеялся на победу людей, благодаря которой мог бы спастись. Однако на четвертую или пятую ночь слышались выстрелы тяжелых орудий.

Была глубокая ночь, и луна ярко сияла. Марсиане убрали экскаватор и куда-то скрылись; лишь на некотором расстоянии от ямы стоял боевой треножник, да в одном из углов ямы многорукая машина продолжала работать как раз под щелью, в которую я смотрел. В яме было совсем темно, за исключением тех мест, куда падал лунный свет или отблеск многорукой машины, нарушавшей тишину своим лязгом. Ночь была ясная, тихая. Луна почти безраздельно царила в небе, одна только звезда нарушала ее одиночество. Вдруг послышался собачий лай, и этот знакомый звук заставил меня насторожиться. Потом очень отчетливо я услышал гул, словно грохот тяжелых орудий. Я насчитал шесть выстрелов и после долгого перерыва — еще шесть. Потом все стихло.

Это произошло на шестой день нашего заточения. Я смотрел в щель и вдруг почувствовал, что я один. Только что стоявший рядом со мной и отталкивавший меня от щели священник почему-то ушел в судомойню. Мне показалось это подозрительным. Беззвучно ступая, я быстро двинулся в судомойню. В темноте я услышал, что священник пьет. Я протянул руку и нащупал бутылку бургундского.

Несколько минут мы боролись. Бутылка упала и разбилась. Я выпустил его и поднялся на ноги. Мы стояли друг против друга, тяжело дыша, сжимая кулаки. Наконец я встал между ним и запасами провизии и сказал, что решил ввести строгую дисциплину. Я разделил весь запас продовольствия на части так, чтобы его хватило на десять дней. Сегодня он больше ничего не получит.

Днем он пытался снова подобраться к припасам. Я задремал было, но сразу встрепенулся. Весь день и всю ночь мы сидели друг против друга; я смертельно устал, но был тверд, он хныкал и жаловался на нестерпимый голод. Я знаю, что так прошли лишь одна ночь и один день, но мне казалось тогда и даже теперь кажется, что это тянулось целую вечность.

Постоянные разногласия между нами привели наконец к открытому столкновению. В течение двух долгих дней мы перебранивались вполголоса, спорили, пререкались. Иногда я терял самообладание и бил его, иногда ласково убеждал, раз я даже попытался соблазнить его последней бутылкой бургундского: в кухне был насос для дождевой воды, откуда я мог напиться. Но ни уговоры, ни побои не действовали, казалось, он сошел с ума. Он по-прежнему пытался захватить провизию и продолжал разговаривать вслух сам с собой. Он вел себя очень осторожно, и мы каждую минуту могли быть обнаружены. Скоро я понял, что он совсем потерял рассудок, — я оказался в темноте наедине с сумасшедшим.

Мне думается, что и я был в то время не вполне нормален. Меня мучили дикие, ужасные сны. Как это ни странно, но я склонен думать, что сумасшествие священника послужило мне предостережением: я напряженно следил за собой и поэтому сохранил рассудок.

На восьмой день священник начал говорить, и я ничем не мог удержать поток его красноречия.

— Это справедливая кара, о боже,—повторял он поминутно,—справедливая! Порази меня и весь род мой. Мы согрешили, мы впали в грех... Повсюду люди страдали, бедных смешивали с прахом, а я молчал. Мои проповеди — сущее безумие, о боже мой, что за безумие! Я должен был восстать и, не щадя жизни своей, призывать к покаянию, к покаянию!.. Угнетатели бедных и страждущих!.. Карающая десница господня!..

Потом он снова вспомнил о провизии, к которой я его не подпускал, умолял меня, плакал, угрожал. Он начал повышать голос; я просил не делать этого; он понял свою власть надо мной и начал грозить, что будет кричать и привлечет внимание марсиан. Сперва это меня испугало, но я понял, что, уступив я, наши шансы на спасение уменьшились бы. Я отказал ему, хоть и не был уверен, что он не приведет в исполнение свою угрозу. В этот день, во всяком случае, этого не произошло. Он говорил все громче и громче весь восьмой и девятый день; это были угрозы, мольбы, порывы полубезумного многоречивого раскаяния в небрежном, недостойном служении богу. Мне даже стало жаль его. Немного поспав, он снова начал говорить, на этот раз так громко, что я вынужден был вмешаться.

— Молчите! — умолял я.

Он опустил на колени в темноте возле котла.

— Я слишком долго молчал,—сказал он так громко, что его должны были услышать в яме,—теперь я должен свидетельствовать. Горе этому беззаконному граду! Горе! Горе! Горе обитателям Земли, ибо уже прозвучала труба.

— Замолчите! — прохрипел я, вскакивая, ужасаясь при мысли, что марсиане услышат нас.—Ради бога, замолчите!..

— Нет! — воскликнул громко священник, поднимаясь и простирая вперед руки.—Изреки! Слово божие в моих устах!

В три прыжка он очутился у двери в кухню.

— Я должен свидетельствовать! Я иду! Я и так уже долго медлил.

Я схватил секач, висевший на стене, и бросился за ним. От страха я пришел в бешенство. Я настиг его посреди кухни. Поддаваясь последнему порыву человеколю-

бия, я повернул острие ножа к себе и ударил его рукояткой. Он упал ничком на пол. Я, шатаясь, перешагнул через него и остановился, тяжело дыша. Он лежал не двигаясь.

Вдруг я услышал шум снаружи, как будто осыпалась штукатурка, и треугольное отверстие в стене закрылось. Я взглянул вверх и увидел, что многорукая машина двигается мимо щели. Одно из щупалец извивалось среди обломков. Показалось второе щупальце, заскользившее по рухнувшим балкам. Я замер от ужаса. Потом я увидел нечто вроде прозрачной пластинки, прикрывавшей чудовищное лицо и большие темные глаза марсианина. Металлический спрут извивался, щупальце медленно просовывалось в пролом.

Я отскочил, споткнулся о священника и остановился у двери судомойни. Щупальце просунулось ярда на два в кухню, извиваясь и поворачиваясь во все стороны. Несколько секунд я стоял как зачарованный, глядя на его медленное, толчкообразное приближение. Потом, тихо вскрикнув от страха, бросился в судомойню. Я так дрожал, что едва стоял на ногах. Открыв дверь в угольный подвал, я стоял в темноте, глядя через щель в двери и прислушиваясь. Заметил ли меня марсианин? Что он там делает?

В кухне что-то медленно двигалось, задевало за стены с легким металлическим побрякиванием, точно связка ключей на кольце. Затем какое-то тяжелое тело — я хорошо знал, какое, — поволоклось по полу кухни к отверстию. Я не удержался, подошел к двери и заглянул в кухню. В треугольном, освещенном солнцем отверстии я увидел марсианина в многорукой машине, напоминавшего Бриарея, он внимательно разглядывал голову священника. Я сразу же подумал, что он догадается о моем присутствии по глубокой ране.

Я пополз в угольный погреб, затворил дверь и в темноте, стараясь не шуметь, стал зарываться в уголь и наваливать на себя дрова. Каждую минуту я застывал и прислушивался, не двигается ли наверху щупальце марсианина.

Вдруг легкое металлическое побрякивание возобновилось. Щупальце медленно двигалось по кухне. Все ближе и ближе — оно уже в судомойне. Я надеялся, что оно не

достанет до меня. Я начал горячо молиться. Щупальце цапнуло по двери погреба. Наступила целая вечность почти невыносимого ожидания; я услышал, как стукнула щеколда. Он отыскал дверь! Марсиане понимают, что такое двери!

Щупальце провозилось со щеколдой не более одной минуты; потом дверь отворилась.

В темноте я лишь смутно видел этот гибкий отросток, больше всего напоминавший хобот слона; щупальце приближалось ко мне, трогало и ощупывало стену, куски угля, дрова и потолок. Это был словно темный червь, поворачивавший свою слепую голову.

Щупальце коснулось каблука моего ботинка. Я чуть не закричал, но сдержался, вцепившись зубами в руку. С минуту все было тихо. Я уже начал думать, что оно исчезло. Вдруг, неожиданно щелкнув, оно схватило что-то, — мне показалось, что меня! — и как будто стало удаляться из погреба. Но я не был в этом уверен. Очевидно, оно захватило кусок угля.

Воспользовавшись случаем, я расправил онемевшие члены и прислушался. Я горячо молился про себя о спасении.

Я не знал, дотянется оно до меня или нет. Вдруг сильным коротким ударом оно захлопнуло дверь погреба. Я слышал, как оно зашуршало по кладовой, слышал, как передвигались жестянки с бисквитами, как разбилась бутылка. Потом новый удар в дверь погреба. Потом тишина и бесконечно томительное ожидание.

Ушло или нет?

Наконец я решил, что ушло.

Щупальце больше не возвращалось в угольный погреб; но я пролежал весь десятый день в темноте, зарывшись в уголь, не смея выползти даже, чтобы напиться, хотя мне страшно хотелось пить. Только на одиннадцатый день я решил выйти из своего убежища.

Глава V *Тишина*

Прежде чем пойти в кладовую, я запер дверь из кухни в судомойню. Но кладовая была пуста; провизия вся исчезла — до последней крошки. Очевидно, марсианин все унес. Впервые за эти десять дней меня охватило отчаяние.

Не только в этот день, но и в последующие два дня я не ел ничего.

Рот и горло у меня пересохли, я сильно ослабел. Я сидел в судомойне в темноте, потеряв всякую надежду. Мне мерещились разные кушанья, и казалось, что я оглох, так как звуки, которые я привык слышать со стороны ямы, совершенно прекратились. У меня даже не хватило сил, чтобы бесшумно подползти к щели в кухне, иначе я бы это сделал.

На двенадцатый день горло у меня так пересохло, что я, рискуя привлечь внимание марсиан, стал качать скрипучий насос возле раковины и добыл стакана два темной, мутной жидкости. Вода освежила меня, и я несколько приободрился, видя, что на шум от насоса не явилось ни одно щупальце.

В течение этих дней я много размышлял о священнике и его гибели, но мысли мои путались и разбегались.

На тринадцатый день я выпил еще немного воды и в полудреме думал о еде и строил фантастические, невыполнимые планы побега. Как только я начинал дремать, меня мучили кошмары: то смерть священника, то роскошные пиры. Но и во сне и наяву я чувствовал такую мучительную боль в горле, что, просыпаясь, пил и пил без конца. Свет, проникавший в судомойню, был теперь не сероватый, а красноватый. Нервы у меня были так расстроены, что этот свет казался мне кровавым.

На четырнадцатый день я отправился в кухню и очень удивился, увидев, что трещина в стене заросла красной травой и полумрак приобрел красноватый оттенок.

Рано утром на пятнадцатый день я услышал в кухне какие-то странные, очень знакомые звуки. Прислушавшись, я решил, что это, должно быть, повизгивание и царапанье собаки. Войдя в кухню, я увидел собачью морду, просунувшуюся в щель сквозь заросли красной травы. Я очень удивился. Почуяв меня, собака отрывисто залаяла.

Я подумал, что, если удастся заманить ее в кухню без шума, я смогу убить ее и съесть; во всяком случае, лучше ее убить, не то она может привлечь внимание марсиан.

Я пополз к ней и ласково поманил шепотом:

— Песик! Песик!

Но собака скрылась.

Я прислушался — нет, я не оглох: в яме в самом деле тихо. Я различал только какой-то звук, похожий на хлопанье птичьих крыльев, да еще резкое карканье — и больше ничего.

Долго лежал я у щели, не решаясь раздвинуть красную поросль. Раз или два я слышал легкий шорох — как будто собака бегала где-то внизу по песку. Слышал, как мне казалось, шуршание крыльев, и только. Наконец, осмелев, я выглянул наружу.

В яме никого. Только в одном углу стая ворон дралась над останками мертвецов, высосанных марсианами.

Я смотрел, не веря своим глазам. Ни одной машины. Яма опустела; в одном углу — груды серовато-голубой пыли, в другом — несколько алюминиевых полос да черные птицы над человеческими останками.

Медленно пролез я сквозь красную поросль и встал на кучу щебня. Передо мной было открытое пространство, только сзади, на севере, горизонт был закрыт разрушенным домом, — и нигде я не заметил никаких признаков марсиан. Яма начиналась как раз у моих ног, но по щебню можно было взобраться на груды обломков. Значит, я спасен! Я весь затрепетал.

Несколько минут я стоял в нерешительности, потом в порыве отчаянной смелости, с бьющимся сердцем вскарабкался на вершину развалин, под которыми я был так долго заживо погребен.

Я осмотрелся еще раз. И к северу тоже ни одного марсианина.

Когда в последний раз я видел эту часть Шина при дневном свете, здесь тянулась извилистая улица — нарядные белые и красные домики, окруженные тесистыми деревьями. Теперь я стоял на груды мусора, кирпичей, глины и песка, густо поросшей какими-то похожими на кактус, по колено высотой, красными растениями, заглушившими всю земную растительность. Деревья кругом стояли оголенные, черные; по еще живым стволам взбирались красные побеги.

Окрестные дома все были разрушены, но ни один не сгорел; стены уцелели до второго этажа, но все окна были разбиты, двери сорваны. Красная трава буйно росла даже в комнатах. Подо мной в яме вороны дрались из-за падали. Множество птиц порхало по развалинам. По стене

одного дома осторожно спускалась тощая кошка; но признаков людей я не видел нигде.

День показался мне после моего заточения ослепительным, небо — ярко-голубым. Легкий ветерок слегка шевелил красную траву, разросшуюся повсюду, как бурьян. О, каким сладостным показался мне воздух!

Глава VI *Что сделали марсиане за две недели*

Несколько минут я стоял, пошатываясь, на грудке мусора и обломков, совершенно забыв про опасность. В той зловонной берлоге, откуда я только что вылез, я все время думал лишь об угрожавшей мне опасности. Я не знал, что произошло за эти дни, не ожидал такого поразительного зрелища. Я думал увидеть Шин в развалинах — передо мной расстился странный и зловещий ландшафт, словно на другой планете.

В эту минуту я испытал чувство, чуждое людям, но хорошо знакомое подвластным нам животным. Я испытал то, что чувствует кролик, возвратившийся к своей норке и вдруг обнаруживший, что землекопы срыли до основания его жилище. Тогда я впервые смутно ощутил то, что потом стало мне вполне ясно, что угнетало меня уже много дней, — чувство развенчанности, убеждение, что я уже не царь Земли, а животное среди других тварей под пятой марсиан. С нами будет то же, что и с другими животными, — нас будут выслеживать, травить, а мы будем убегать и прятаться: царство человека кончилось.

Эта мысль промелькнула и исчезла, и мной всецело овладело чувство голода: ведь я уже столько времени не ел! Невдалеке от ямы, за оградой, заросшей красной травой, я заметил уцелевший клочок сада. Это внушило мне некоторую надежду, и я стал пробираться, увязая по колено, а то и по шею в красной траве и чувствуя себя в безопасности под ее прикрытием. Стена сада была около шести футов высоты, и когда я попробовал вскарабкаться на нее, оказалось, что я не в силах запести ногу. Я прошел дальше вдоль стены до угла, где увидел искусственный холм, взобрался на него и прыгнул в сад. Тут я нашел несколько луковиц шпажника и много мелкой моркови. Собрав все это, я перелез через разрушенную стену и направился к Кью между деревьями, обвитыми багряной и карминовой порослью; это походило на прогулку среди кро-

вавых сталактитов. Мной владела лишь одна мысль: набрать побольше съестного и бежать, уйти как можно скорей из этой проклятой, не похожей на земную местности!

Несколько дальше я нашел в траве кучку грибов и съел их, затем наткнулся на темную полосу проточной воды — там, где раньше были луга. Жалкая пища только обострила мой голод. Сначала я недоумевал, откуда взялась эта влага в разгаре жаркого, сухого лета, но потом догадался, что ее вызвало тропически-буйное произрастание красной травы. Как только это необыкновенное растение встречало воду, оно очень быстро достигало гигантских размеров и необычайно разрасталось. Его семена попали в воду Уэй и Темзы, и бурно растущие побеги скоро покрыли обе реки.

В Путни, как я после увидел, мост был почти скрыт зарослями травы; у Ричмонда воды Темзы разлились широким, но неглубоким потоком по лугам Хэмптона и Туикенхема. Красная трава шла вслед за разливом, и скоро все разрушенные виллы в долине Темзы исчезли в алой трясине, на окраине которой я находился; красная трава скрыла следы опустошения, произведенного марсианами.

Впоследствии эта красная трава исчезла так же быстро, как и выросла. Ее погубила болезнь, вызванная, очевидно, какими-то бактериями. Дело в том, что благодаря естественному отбору все земные растения выработали в себе способность сопротивляться бактериальным заражениям, они никогда не погибают без упорной борьбы, но красная трава засыхала на корню. Листья ее белели, сморщивались и становились хрупкими. Они отваливались при малейшем прикосновении, и вода, сначала помогавшая росту красной травы, тогда уносила последние ее остатки в море.

Подойдя к воде, я, конечно, первым делом утолил жажду. Я выпил очень много и, побуждаемый голодом, стал жевать листья красной травы, но они оказались водянистыми, и у них был противный металлический привкус. Я обнаружил, что тут неглубоко, и смело пошел вброд, хотя красная трава и оплетала мне ноги. Но по мере приближения к реке становилось все глубже, и я повернул обратно по направлению к Мортлейку. Я старался держаться дороги, ориентируясь по развалинам придорожных вилл, по заборам и фонарям, и наконец добрался до

возвышенности, на которой стоит Рохэмптон, — я находился уже в окрестностях Путни.

Здесь ландшафт изменился и потерял свою необычность: повсюду виднелись следы разрушения. Порою местность была так опустошена, как будто здесь пронесся циклон, а через несколько десятков ярдов попадались совершенно нетронутые участки, дома с аккуратно спущенными жалюзи и запертыми дверями, — казалось, они были покинуты их обитателями на день, на два или там просто мирно спали. Красная трава росла уже не так густо, высокие деревья вдоль дороги были свободны от ползучих красных побегов. Я искал чего-нибудь съедобного под деревьями, но ничего не нашел; я заходил в два безлюдных дома, но в них, очевидно, уже побывали другие, и они были разграблены. Остаток дня я пролежал в кустарнике: я совершенно выбился из сил и не мог идти дальше.

За все это время я не встретил ни одного человека и не заметил нигде марсиан. Мне попались навстречу две отощавшие собаки, но обе убежали от меня, хотя я и подзывал их. Близ Рохэмптона я наткнулся на два человеческих скелета — не трупа, а скелета, — они были начисто обглоданы, в лесу я нашел разбросанные кости кошек и кроликов и череп овцы. Но на костях не осталось ни клочка мяса, напрасно я их глодал.

Солнце зашло, а я все брел по дороге к Путни; здесь марсиане, очевидно, по каким-то соображениям, действовали тепловым лучом. В огороде за Рохэмптоном я нарыл молодого картофеля и утолил голод. Оттуда открывался вид на Путни и реку. Мрачный и пустынный вид: почерневшие деревья, черные заброшенные развалины у подножия холма, заросшие красной травой болота в долине разлившейся реки и гнетущая тишина. Меня охватил ужас при мысли о том, как быстро произошла эта перемена.

Я невольно подумал, что все человечество уничтожено, сметено с лица земли и что я стою здесь один, последний оставшийся в живых человек. У самой вершины Путни-Хилла я нашел еще один скелет; руки его были оторваны и лежали в нескольких ярдах от позвоночника. Продвигаясь дальше, я мало-помалу приходил к убеждению, что все люди в этой местности уничтожены, за ис-

ключением немногих беглецов вроде меня. Марсиане, очевидно, ушли дальше в поисках пищи, бросив опустошенную страну. Может быть, сейчас они разрушают Берлин или Париж, если только не двинулись на север...

Глава VII *Человек на вершине Пути-Хилла*

Я провел эту ночь в гостинице на вершине Пути-Хилла и спал в постели первый раз со времени моего бегства в Лезерхэд. Не стоит рассказывать, как я напрасно ломился в дом, а потом обнаружил, что входная дверь закрыта снаружи на щеколду; как я, отчаявшись, обнаружил в какой-то каморке, кажется, комнате прислуги, черствую корку, обгрызенную крысами, и две банки консервированных ананасов. Кто-то уже обыскал дом и опустошил его. Позднее я нашел в буфете несколько сухарей и сандвичей, очевидно, не замеченных моими предшественниками. Сандвичи были несъедобны, сухарями же я не только утолил голод, но и набил карманы. Я не зажигал лампы, опасаясь, что какой-нибудь марсианин в поисках еды заглянет в эту часть Лондонского графства. Прежде чем улечься, я долго с тревогой переходил от окна к окну и высматривал, нет ли где-нибудь этих чудовищ. Спал я плохо. Лежа в постели, я заметил, что размышляю логично, чего не было со времени моей стычки со священником. Все последние дни я или был нервно возбужден, или находился в состоянии тупого безразличия. Но в эту ночь мой мозг, очевидно, подкрепленный питанием, прояснился, и я снова стал логически мыслить.

Меня занимали три обстоятельства: убийство священника, местопребывание марсиан и участь моей жены. О первом я вспоминал без всякого чувства ужаса или угрызений совести; я смотрел на это как на совершившийся факт, о котором неприятно вспоминать, но раскаяния не испытывал. Тогда, как и теперь, я считаю, что шаг за шагом я был подведен к этой вспышке, я стал жертвой неотвратимых обстоятельств. Я не чувствовал себя виновным, но воспоминание об этом убийстве преследовало меня. В ночной тишине и во мраке, когда ощущаешь близость божества, я вершил суд над самим собой; впервые мне приходилось быть в роли обвиняемого в поступке, совершенном под влиянием гнева и страха. Я припоминал все наши разговоры с минуты нашей первой встречи,

когда он, сидя возле меня и не обращая внимания на мою жажду, указывал на огонь и дым среди развалин Уэйбриджа. Мы были слишком различны, чтобы действовать сообща, но слепой случай свел нас. Если бы я мог предвидеть дальнейшие события, то оставил бы его в Голлифорде. Но я ничего не предвидел, а совершить преступление — значит предвидеть и действовать. Я рассказал все, как есть. Свидетелей нет — я мог бы утаить свое преступление. Но я рассказал обо всем, пусть читатель судит меня.

Когда я наконец усилием воли заставил себя не думать о совершенном мною убийстве, я стал размышлять о марсианах и о моей жене. Что касается первых, то у меня не было данных для каких-либо заключений, я мог предполагать что угодно. Со вторым пунктом дело обстояло ничуть не лучше. Ночь превратилась в кошмар. Я сидел на постели, всматриваясь в темноту. Я молил о том, чтобы тепловой луч внезапно и без мучений оборвал ее существование. Я еще ни разу не молился после той ночи, когда возвращался из Лезерхеда. Правда, находясь на волосок от смерти, я бормотал молитвы, но механически, так же, как язычник бормочет свои заклинания. Но теперь я молился по-настоящему, всем своим разумом и волей, перед лицом мрака, скрывавшего божество. Странная ночь! Она показалась мне еще более странной, когда на рассвете я, недавно беседовавший с богом, крадучись выбирался из дому, точно крыса из своего укрытия, — правда, покрупнее, чем крыса, но тем не менее я был низшим животным, которое могут из чистой прихоти поймать и убить. Быть может, и животные по-своему молятся богу. Эта война, по крайней мере, научила нас жалости к тем лишенным разума существам, которые находятся в нашей власти.

Утро было ясное и теплое. На востоке небо розовело и клубились золотые облачка. По дороге с вершины Пулни-Хилла к Уимблдону виднелись следы того панического потока, который устремился отсюда к Лондону в ночь на понедельник, когда началось сражение с марсианами: двухколесная ручная тележка с надписью «Томас Лобб, зеленщик, Нью-Молден», со сломанным колесом и разбитым жестяным ящиком, чья-то соломенная шляпа, втоптанная в затвердевшую теперь грязь, а на вершине

Уэст-Хилла — осколки разбитого стекла с пятнами крови у опрокинутой колоды для водопоя. Я шел медленно, не зная, что предпринять. Я хотел пробраться в Лезерхэд, хотя и знал, что меньше всего надежды было отыскать жену там. Без сомнения, если только смерть внезапно не настигла ее родных, они бежали оттуда вместе с ней; но мне казалось, что там я мог бы разузнать, куда бежали жители Сэррея. Я хотел найти жену, но не знал, как ее найти, я тосковал по ней, я тосковал по всему человечеству. Я остро чувствовал свое одиночество. Свернув на перекрестке, я направился к обширной Уимблдонской равнине.

На темной почве выделялись желтые пятна дрока и ракитника; красной травы не было видно. Я осторожно пробирался по краю открытого пространства. Между тем взошло солнце, заливая все кругом своим живительным светом. Я увидел в луже под деревьями выводок головастики и остановился. Я смотрел на них, учась у них жизненному упорству. Вдруг я круто повернулся — я почувствовал, что за мной наблюдают, и, взглядевшись, заметил, что кто-то прячется в кустах. Постояв, я сделал шаг к кустам; оттуда высунулся человек, вооруженный тесаком. Я медленно приблизился к нему. Он стоял молча, не шевелясь, и смотрел на меня.

Подойдя еще ближе, я разглядел, что он весь в пыли и в грязи, совсем как я, — можно было подумать, что его протаскивали по канализационной трубе. Подойдя еще ближе, я увидел, что одежда на нем вся в зеленых пятнах ила, в коричневых лепешках засохшей глины и в саже. Черные волосы падали ему на глаза, лицо было грязное и осунувшееся, так что в первую минуту я не узнал его. На его подбородке алел незаживший рубец.

— Стой! — закричал он, когда я подошел к нему на расстояние десяти ярдов. Я остановился. Голос у него был хриплый. — Откуда вы идете? — спросил он.

Я настороженно наблюдал за ним.

— Я иду из Мортлейка, — ответил я. — Меня засыпало возле ямы, которую марсиане вырыли около своего цилиндра... Я выбрался оттуда и спасся.

— Тут нет никакой еды, — заявил он. — Это моя земля. Весь этот холм до реки и в ту сторону до Клэпхема и до

выгона. Еды тут найдется только на одного. Куда вы идете?

Я ответил не сразу.

— Не знаю, — сказал я. — Я просидел в развалинах тринадцать или четырнадцать дней. Я не знаю, что случилось за это время.

Он посмотрел на меня недоверчиво, потом выражение его лица изменилось.

— Я не собираюсь здесь оставаться, — сказал я, — и думаю пойти в Лезерхэд: там я оставил жену.

Он ткнул в меня пальцем.

— Так это вы, — спросил он, — человек из Уокинга? Так вас не убило под Уэйбриджем?

В ту же минуту и я узнал его.

— Вы тот самый артиллерист, который зашел ко мне в сад?

— Поздравляю! — сказал он. — Нам обоим повезло. Подумать только, что это вы!

Он протянул мне руку, я пожал ее.

— Я прополз по сточной трубе, — продолжал он. — Они не всех перебили. Когда они ушли, я полями пробрался к Уолтону. Но послушайте... Не прошло и шестнадцати дней, а вы совсем седой. — Вдруг он оглянулся через плечо. — Это грач, — сказал он. — Теперь замечаешь даже тень от птичьего крыла. Здесь уж больно открытое место. Заберемтесь-ка в кусты и потолкуем.

— Видели вы марсиан? — спросил я. — С тех пор как я выбрался...

— Они ушли к Лондону, — перебил он. — Мне думается, они там устроили большой лагерь. Ночью в стороне Хэмпстеда все небо светится. Точно над большим городом. И видно, как движутся их тени. А днем их не видеть. Ближе не показывались... — Он сосчитал по пальцам. — Вот уже пять дней... Тогда двое из них тащили что-то большое к Хаммерсмиуту. А позавчерашнюю ночь... — Он остановился и многозначительно добавил: — ...появились какие-то огни и в воздухе что-то носилось. Я думаю, они построили летательную машину и пробуют летать.

Я застыл на четвереньках, — мы уже подползали к кустам.

— Летать?!

— Да, — повторил он, — летать.

Я залез поглубже в кусты и уселся на землю.

— Значит, с человечеством будет покончено... — сказал я. — Если это им удастся, они попросту облетят вокруг света...

Он кивнул.

— Они облетят. Но... Тогда здесь станет чуточку легче. Да, впрочем... — Он посмотрел на меня. — Разве вам не ясно, что с человечеством уже покончено? Я в этом убежден. Мы уничтожены... Разбиты...

Я взглянул на него. Как это ни странно, эта мысль, такая очевидная, не приходила мне в голову. Я все еще смутно на что-то надеялся, — должно быть, по привычке. Он решительно повторил:

— Разбиты!

— Все кончено, — сказал он. — Они потеряли одного, только одного. Они здорово укрепились и разбили величайшую державу в мире. Они растоптали нас. Гибель марсианина под Уэйбриджем была случайностью. И эти марсиане только пионеры. Они продолжают прибывать. Эти зеленые звезды, я не видал их уже пять или шесть дней, но уверен, что они каждую ночь где-нибудь да падают. Что делать? Мы покорены. Мы разбиты.

Я ничего не ответил. Я сидел, молча глядя перед собой, тщетно стараясь найти какие-нибудь возражения.

— Это даже не война, — продолжал артиллерист. — Разве может быть война между людьми и муравьями?

Мне вдруг вспомнилась ночь в обсерватории.

— После десятого выстрела они больше не стреляли с Марса, по крайней мере, до прибытия первого цилиндра.

— Откуда вы это знаете? — спросил артиллерист.

Я объяснил. Он задумался.

— Что-нибудь случилось у них с пушкой, — сказал он. — Да только что из того? Они снова ее наладят. Пусть даже будет небольшая отсрочка, разве это что-нибудь изменит? Люди — и муравьи. Муравьи строят город, живут своей жизнью, ведут войны, совершают революции, пока они не мешают людям; если же они мешают, то их просто убирают. Мы стали теперь муравьями. Только...

— Что? — спросил я.

— Мы съедобные муравьи.

Мы молча переглянулись.

— А что они с нами сделают? — спросил я.

— Вот об этом-то я и думаю, — ответил он, — все время думаю. Из Уэйбриджа я пошел к югу и всю дорогу думал. Я наблюдал. Люди потеряли голову, они скулили и волновались. Я не люблю скулить. Мне приходилось смотреть в глаза смерти. Я не игрушечный солдатик и знаю, что умирать — плохо ли, хорошо ли — все равно придется. Но если вообще кто-нибудь спасется, так это тот, кто не потеряет голову. Я видел, что все направлялись к югу. Я сказал себе: «Еды там не хватит на всех», — и повернул в обратную сторону. Я питался около марсиан, как воробей около человека. А они там, — он указал рукой на горизонт, —дохнут от голода, топчут и рвут друг друга...

Он взглянул на меня и как-то замялся.

— Конечно, — сказал он, — многим, у кого были деньги, удалось бежать во Францию. — Он опять посмотрел на меня с несколько виноватым видом и продолжал: — Жратвы тут вдоволь. В лавках есть консервы, вино, спирт, минеральные воды; а колодцы и водопроводные трубы пусты. Так вот, я вам скажу, о чем я иногда думал. Они разумные существа, сказал я себе, и, кажется, хотят употреблять нас в пищу. Сначала они уничтожат наши корабли, машины, пушки, города, весь порядок и организацию. Все это будет разрушено. Если бы мы были такие же маленькие, как муравьи, мы могли бы ускользнуть в какую-нибудь щель. Но мы не муравьи. Мы слишком велики для этого. Вот мой первый вывод. Ну что?

Я согласился.

— Вот о чем я подумал прежде всего. Ладно, теперь дальше: нас можно ловить как угодно. Марсианину стоит только пройти несколько миль, чтобы наткнуться на целую кучу людей. Я видел, как один марсианин в окрестностях Уондсворта разрушал дома и рылся в обломках. Но так поступать они будут недолго. Как только они покончат с нашими пушками и кораблями, разрушат железные дороги и сделают все, что собираются сделать, то начнут ловить нас систематически, отбирать лучших, запирают их в клетки. Вот что они начнут скоро делать. Да, они еще не принялись за нас как следует! Разве вы не видите?

— Не принялись?! — воскликнул я.

— Нет, не принялись. Все, что случилось до сих пор, произошло только по нашей вине: мы не поняли, что нужно сидеть спокойно, докучали им нашими орудиями и разной ерундой. Мы потеряли голову и толпами бросались от них туда, где опасность была ничуть не меньше. Им пока что не до нас. Они заняты своим делом, мастераят все то, что не могли захватить с собой, готовят к встрече тех, которые еще должны прибыть. Возможно, что и цилиндры на время перестали падать потому, что марсиане боятся попасть в своих же. И вместо того чтобы, как стадо, кидаться в разные стороны или устраивать динамитные подкопы в надежде взорвать их, нам следовало бы приспособиться к новым условиям. Вот что я думаю. Это не совсем то, к чему до сих пор стремилось человечество, но зато это отвечает требованиям жизни. Согласно с этим принципом я и действовал. Города, государства, цивилизация, прогресс — все это в прошлом. Игра проиграна. Мы разбиты.

— Но если так, то к чему же тогда жить?

Артиллерист с минуту смотрел на меня.

— Да, концертов не будет, пожалуй, в течение ближайшего миллиона лет или вроде того; не будет Королевской академии искусств, не будет ресторанов с закусками. Если вы гонитесь за этими удовольствиями, я думаю, что ваша карта бита. Если вы светский человек, не можете есть горошек ножом или сморкаться без платка, то лучше забудьте это. Это уже никому не нужно.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что люди, подобные мне, будут жить ради продолжения человеческого рода. Я лично твердо решил жить. И если я не ошибаюсь, вы тоже в скором времени покажете, на что вы способны. Нас не истребят. Нет. Я не хочу, чтобы меня поймали, приручили, откармливали и растили, как какого-нибудь быка. Бр... Вспомните только этих коричневых спрутов.

— Вы хотите сказать...

— Именно. Я буду жить. Под их пятой. Я все рассчитал, обо всем подумал. Мы, люди, разбиты. Мы слишком мало знаем. Мы еще многому должны научиться, прежде чем надеяться на удачу. И мы должны жить и сохранить свою свободу, пока будем учиться. Понятно? Вот что нам нужно делать.

Я смотрел на него с изумлением, глубоко пораженный решимостью этого человека.

— Боже мой! — воскликнул я. — Да вы настоящий человек.

Я схватил его руку.

— Правда? — сказал он, и его глаза вспыхнули. — Здорово я все обдумал?

— Продолжайте, — сказал я.

— Те, которые хотят избежать плена, должны быть готовы ко всему. Я готов ко всему. Не всякий человек способен преобразиться в дикого зверя. Потому-то я и присматривался к вам. Я сомневался в вас. Вы худой, щуплый. Я ведь еще не знал, что вы тот человек из Уокинга; не знал, что вы были заживо погребены. Все люди, жившие в этих домах, все эти жалкие канцелярские крысы ни на что не годны. У них нет мужества, нет гордости, они не умеют сильно желать. А без этого человек гроша ломаного не стоит. Они вечно торопятся на работу — я видел их тысячи, с завтраком в кармане, они бегут как сумасшедшие, думая только о том, как бы попасть на поезд, в страхе, что их уволят, если они опоздают. Работают они, не вникая в дело; потом торопятся домой, боясь опоздать к обеду; вечером сидят дома, опасаясь ходить по глухим улицам; спят с женами, на которых женились не по любви, а потому, что у тех были деньжонки и они надеялись обеспечить свое жалкое существование. Жизнь их застрахована от несчастных случаев. А по воскресеньям они боятся погубить свою душу. Как будто ад создан для кроликов! Для таких людей марсиане будут сущими благодетелями. Чистые, просторные клетки, обильный корм, порядок и уход, никаких забот. Пробегав на пустой желудок с недельку по полям и лугам, они сами придут и не огорчатся, когда их поймают. А немного спустя даже будут рады. Они будут удивляться, как это они раньше жили без марсиан. Представляю себе всех этих праздных гуляк, сутенеров и святош... Могу себе представить, — добавил он с какой-то мрачной усмешкой. — Среди них появятся разные направления, секты. Многое из того, что я видел раньше, я понял ясно только за эти последние дни. Найдется множество откормленных глупцов, которые просто примирятся со всем, другие же будут мучиться тем, что это несправедливо и что они должны что-нибудь пред-

принять. Когда большинство людей испытывает потребность в каком-то деле, слабые и те, которые сами себя расслабляют бесконечными рассуждениями, выдумывают религию, бездеятельную и проповедующую смирение перед насилием, перед волей божьей. Вам, наверное, пришлось это наблюдать. Это скрытая трусость, бегство от дела. В этих клетках они будут набожно распевать псалмы и молитвы. А другие, не такие простаки, займутся — как это называется? — эротикой.

Он замолчал.

— Быть может, марсиане воспитают из некоторых людей своих любимчиков, обучат их разным фокусам, кто знает! Быть может, им вдруг станет жалко какого-нибудь мальчика, который вырос у них на глазах и которого надо резать. Некоторых они, быть может, научат охотиться за нами...

— Нет! — воскликнул я. — Это невозможно. Ни один человек...

— Зачем обманывать себя? — перебил артиллерист. — Найдутся люди, которые с радостью будут это делать. Глупо думать, что не найдется таких.

Я не мог не согласиться с ним.

— Попробовали бы они за мной поохотиться, — продолжал он. — Боже мой! Попробовали бы только! — повторил он и погрузился в мрачное раздумье.

Я сидел, обдумывая его слова. Я не находил ни одного возражения против доводов этого человека. До вторжения марсиан никто не вздумал бы оспаривать моего интеллектуального превосходства над ним: я известный писатель по философским вопросам, он простой солдат; теперь же он ясно определил положение вещей, которое я еще даже не осознал.

— Что же вы намерены делать? — спросил я наконец. — Какие у вас планы?

Он помолчал.

— Вот что я решил, — сказал он. — Что нам остается делать? Нужно придумать такой образ жизни, чтобы люди могли жить, размножаться и в относительной безопасности растить детей. Сейчас я скажу яснее, что, по-моему, нужно делать. Те, которых приручат, станут похожи на домашних животных; через несколько поколений это будут большие, красивые, откормленные, глупые твари. Что

касается нас, решивших остаться вольными, то мы рискуем одичать, превратиться в своего рода больших диких крыс... Вы понимаете, я имею в виду жизнь под землей. Я много думал относительно канализационной сети. Понятно, тем, кто не знаком с ней, она кажется ужасной. Под одним только Лондоном канализационные трубы тянутся на сотни миль; несколько дождливых дней — и в пустом городе трубы станут удобными и чистыми. Главные трубы достаточно просторны, воздуху в них тоже достаточно. Потом есть еще погреба, склады, подвалы, откуда можно провести к трубам потайные ходы. А железнодорожные туннели и метрополитен? А? Вы понимаете? Мы составим целую шайку из крепких, смышленных людей. Мы не будем подбирать всякую дрянь. Слабых будем выбрасывать.

— Как хотели выбросить меня?

— Так я же вступил в переговоры...

— Не будем спорить об этом. Продолжайте.

— Те, что останутся, должны подчиниться дисциплине. Нам понадобятся также здоровые, честные женщины — матери и воспитательницы. Только не сентиментальные дамы, не те, что строят глазки. Мы не можем принимать слабых и глупых. Жизнь снова становится первобытной, и те, кто бесполезен, кто является только обузой или приносит вред, должны умереть. Все они должны вымереть. Они должны сами желать смерти. В конце концов это нечестно — жить и позорить свое племя. Все равно они не могут быть счастливы. К тому же смерть не так уж страшна, это трусость делает ее страшной. Мы будем собираться здесь. Нашим округом будет Лондон. Мы даже сможем выставлять сторожевые посты и выходить на открытый воздух, когда марсиане будут далеко. Даже поиграть иногда в крикет. Вот как мы сохраним свой род. Ну как? Возможно это или нет? Но спасти свой род — этого еще мало. Для этого достаточно быть крысами. Нет, мы должны спасти накопленные знания и еще приумножить их. Для этого пужны люди вроде вас. Есть книги, есть образцы. Мы должны устроить глубоко под землей безопасные хранилища и собрать туда все книги, какие только достанем. Не какие-нибудь романы, стихи и тому подобную дребедень, а дельные, научные книги. Тут-то вот и понадобятся люди вроде вас.

Нам нужно будет пробраться в Британский музей и захватить все такие книги. Мы не должны забывать нашей науки: мы должны учиться как можно больше. Мы должны наблюдать за марсианами. Некоторые из нас должны стать шпионами. Когда все будет налажено, я сам, может быть, пойду в шпионы. То есть дам себя словить. И самое главное — мы должны оставить марсиан в покое. Мы не должны ничего красть у них. Если мы окажемся у них на пути, мы должны уступать. Мы должны показать им, что не замыслиаем ничего дурного. Да, это так. Они разумные существа и не будут истреблять нас, если у них будет все, что им надо, и если они будут уверены, что мы просто безвредные черви.

Артиллерист замолчал и положил свою загорелую руку мне на плечо.

— В конце концов нам, может быть, и не так уж много придется учиться, прежде чем... Вы только представьте себе: четыре или пять их боевых треножников вдруг приходят в движение... Тепловой луч направо и налево... И на них не марсиане, а люди, люди, научившиеся ими управлять. Может быть, я еще увижу таких людей. Представьте, что в вашей власти одна из этих замечательных машин да еще тепловой луч, который вы можете бросать куда угодно. Представьте, что вы всем этим управляете! Не беда, если после такого опыта взлетишь на воздух и будешь разорван на клочки. Воображаю, как марсиане выпучат от удивления свои глазищи! Разве вы не можете представить это? Разве не видите, как они бегут, спешат, задыхаясь, пыхтя, ухая, к другим машинам? И вот везде что-нибудь оказывается не в порядке. И вдруг свист, грохот, гром, треск! Только они начнут их налаживать, как мы пустим тепловой луч, — и — смотрите! — человек снова овладевает Землей!

Пылкое воображение артиллериста, его уверенный тон и отвага произвели на меня громадное впечатление. Я без оговорок поверил и в его предсказание о судьбе человечества и в осуществимость его смелого плана. Читатель, который сочтет меня слишком доверчивым и наивным, должен сравнить свое положение с моим: он не спеша читает все это и может спокойно рассуждать, а я лежал, скорчившись, в кустах, истерзанный страхом, прислушиваясь к малейшему шороху.

Мы беседовали на эту тему все утро, потом вылезли из кустов и, осмотревшись, нет ли где марсиан, быстро направились к дому на Путни-Хилле, где артиллерист устроил свое логово. Это был склад угля при доме, и, когда я посмотрел, что ему удалось сделать за целую неделю (это была нора ярдов в десять длиной, которую он намеревался соединить с главной сточной трубой Путни-Хилла), я в первый раз подумал, какая пропасть отделяет его мечты от его возможностей. Такую нору я мог бы вырыть в один день. Но я все еще верил в него и возился вместе с ним над этой норой до полудня. У нас была садовая тачка, и мы свозили вырытую землю на кухню. Мы подкрепились банкой консервов — суп из телячьей головы — и вином. Упорная, тяжелая работа приносила мне странное облегчение — она заставляла забывать о чуждом, жутком мире вокруг нас. Пока мы работали, я обдумывал его проект, и у меня начали возникать сомнения; но я усердно копал все утро, радуясь, что могу заняться каким-нибудь делом. Проработав около часу, я стал высчитывать расстояние до центрального стока и соображать, верное ли мы взяли направление. Потом я стал недоумевать: зачем, собственно, нам нужно копать длинный туннель, когда можно проникнуть в сеть сточных труб через одно из выходных отверстий и оттуда рыть проход к дому? Кроме того, мне казалось, что и дом выбран неудачно, — слишком длинный нужен туннель. Как раз в этот момент артиллерист перестал копать и посмотрел на меня.

— Надо малость передохнуть... Я думаю, пора пойти понаблюдать с крыши дома.

Я настаивал на продолжении работы; после некоторого колебания он снова взялся за лопату. Вдруг мне пришла в голову странная мысль. Я остановился; он сразу перестал копать.

— Почему вы разгуливали по выгону, вместо того чтобы копать? — спросил я.

— Просто хотел освежиться, — ответил он. — Я уже шел назад. Ночью безопасней.

— А как же работа?

— Нельзя же все время работать, — сказал он, и внезапно я понял, что это за человек. Он медлил, держа заступ в руках. — Нужно идти на разведку, — сказал он. — Ес-

ли кто-нибудь подойдет близко, то может услышать, как мы копаем, и мы будем застигнуты врасплох.

Я не стал возражать. Мы полезли на чердак и, стоя на лесенке, смотрели в слуховое окно. Марсиан нигде не было видно; мы вылезли на крышу и скользнули по черепице вниз, под прикрытие парапета.

Большая часть Пути-Хилла была скрыта деревьями, но мы увидели внизу реку, заросшую красной травой, и равнину Ламбета, красную, залитую водой. Красные выюны карабкались по деревьям вокруг старинного дворца, ветви, сухие и мертвые, с блеклыми листьями, торчали среди пучков красной травы. Удивительно, что эта трава могла распространяться только в проточной воде. Около нас ее совсем не было. Здесь среди лавров и древовидных гортензий росли золотой дождь, розовый боярышник, калина и вечнозеленые деревья. Поднимающийся за Кенсингтоном густой дым и голубоватая пелена скрывали холмы на севере.

Артиллерист стал рассказывать мне о людях, оставшихся в Лондоне.

— На прошлой неделе какие-то сумасшедшие зажгли электричество. По ярко освещенной Риджент-стрит и Сэркес разгуливали толпы размалеванных, беснующихся пьяниц, мужчины и женщины веселились и плясали до рассвета. Мне рассказывал об этом один человек, который там был. А когда рассвело, они заметили, что боевой треножник стоит недалеко от Ленгхема и марсианин наблюдает за ними. Бог знает сколько времени он там стоял. Потом он двинулся к ним и нахватал больше сотни людей — или пьяных, или растерявшихся от испуга.

Любопытный штрих того времени, о котором вряд ли даст представление история!

После этого рассказа, подстрекаемый моими вопросами, артиллерист снова перешел к своим грандиозным планам. Он страшно увлекся. О возможности захватить треножники он говорил так красноречиво, что я снова начал ему верить. Но поскольку я теперь понимал, с кем имею дело, я уже не удивлялся тому, что он предостерегает от излишней поспешности. Я заметил также, что он уже не собирается сам захватить треножник и сражаться.

Потом мы вернулись в угольный погреб. Ни один из нас не был расположен снова приняться за работу, и, ко-

гда он предложил закусить, я охотно согласился. Он вдруг стал чрезвычайно щедр; после того, как мы поели, он куда-то ушел и вернулся с превосходными сигарами. Мы закурили, и его оптимизм еще увеличился. Он, по-видимому, считал, что мое появление следует отпраздновать.

— В погребе есть шампанское, — сказал он.

— Если мы хотим работать, то лучше ограничиться бургундским, — ответил я.

— Нет, — сказал он, — сегодня я угощаю. Шампанское! Боже мой! Мы еще успеем наработаться. Перед нами не легкая задача. Нужно отдохнуть и набраться сил, пока есть время. Посмотрите, какие у меня мозоли на руках!

После еды, исходя из тех соображений, что сегодня праздник, он предложил сыграть в карты. Он научил меня игре в юкр, и, поделив между собой Лондон, причем мне досталась северная сторона, а ему южная, мы стали играть на приходские участки. Это покажется нелепым и даже глупым, но я точно описываю то, что было, и всего удивительней то, что эта игра меня увлекала.

Странно устроен человек! В то время как человечеству грозила гибель или вырождение, мы, лишенные какой-либо надежды, под угрозой ужасной смерти, сидели и следили за случайными комбинациями разрисованного картона и с азартом «ходили с козыря». Потом он выучил меня играть в покер, а я выиграл у него три партии в шахматы. Когда стемнело, мы, чтобы не прерывать игры, рискнули даже зажечь лампу.

После бесконечной серии игр мы поужинали, и артиллерист допил шампанское. Весь вечер мы курили сигары. Это был уже не тот полный энергии восстановитель рода человеческого, которого я встретил утром. Он был по-прежнему настроен оптимистически, но его оптимизм носил теперь менее экспансивный характер. Помню, он пил за мое здоровье, произнеся при этом не вполне связную речь, в которой много раз повторял одно и то же. Я закурил сигару и пошел наверх посмотреть на зеленые огни, о которых он мне рассказывал, горевшие вдоль холмов Хайгета.

Я бездумно всматривался в долину Лондона. Северные холмы были погружены во мрак; около Кенсингтона светилося зарево, иногда оранжево-красный язык пламени

вырывался кверху и пропадал в темной синеве ночи. Лондон был окутан тьмою. Вскоре я заметил вблизи какой-то странный свет, бледный, фиолетово-красный, фосфоресцирующий отблеск, дрожавший на ночном ветру. Сначала я не мог понять, что это такое, потом догадался, что это, должно быть, фосфоресцирует красная трава. Дремлющее сознание проснулось во мне; я снова стал вникать в соотношение явлений. Я взглянул на Марс, сиявший красным огнем на западе, а потом долго и пристально всматривался в темноту, в сторону Хэмпстеда и Хайгета.

Долго я просидел на крыше, вспоминая перипетии этого длинного дня. Я старался восстановить скачки своего настроения, начиная с молитвы прошлой ночи и кончая этой идиотской игрой в карты. Я почувствовал отвращение к себе. Помню, как я почти символическим жестом отбросил сигару. Внезапно я понял все свое безумие. Мне казалось, что я предал жену, предал человечество. Я глубоко раскаивался. Я решил покинуть этого странного, необузданного мечтателя с его пьянством и обжорством и идти в Лондон. Там, мне казалось, я скорее всего узнаю, что делают марсиане и мои собратья — люди. Когда наконец взошла луна, я все еще стоял на крыше.

Глава VIII *Мертвый Лондон*

Покинув артиллериста, я спустился с холма и пошел по Хай-стрит через мост к Ламбету. Красная трава в то время еще буйно росла и оплетала побегами весь мост; впрочем, ее стебли уже покрылись беловатым налетом; губительная болезнь быстро распространялась.

На углу улицы, ведущей к вокзалу Путни-бридж, валялся человек, грязный, как трубочист. Он был жив, но мертвецки пьян, так что даже не мог говорить. Я ничего не добился от него, кроме брани и попыток ударить меня. Я отошел, пораженный диким выражением его лица.

За мостом, на дороге, лежал слой черной пыли, становившийся все толще по мере приближения к Фулхему. На улицах мертвая тишина. В булочной я нашел немного хлеба, правда, он был кислый, черствый и позеленел, но оставался вполне съедобным. Дальше к Уолхем-Грину на улицах не было черной пыли, и я прошел мимо горевших белых домов. Даже треск пожара показался мне прият-

ным. Еще дальше, около Бромптона, на улицах опять мертвая тишина.

Здесь я снова увидел черную пыль на улицах и мертвые тела. Всего на протяжении Фулхем-роуд я насчитал около двенадцати трупов. Они были полузасыпаны черной пылью, лежали, очевидно, много дней; я торопливо обходил их. Некоторые были обглоданы собаками.

Там, где не было черной пыли, город имел совершенно такой же вид, как в обычное воскресенье: магазины закрыты, дома заперты, шторы спущены, тихо и пустынно. Во многих местах были видны следы грабежа — по большей части в винных и гастрономических магазинах. В витрине ювелирного магазина стекло было разбито, но, очевидно, вору помешали: золотые цепочки и часы валялись на мостовой. Я даже не нагнулся поднять их. В одном подъезде на ступеньках лежала женщина в лохмотьях; рука, свесившаяся с колена, была рассечена, и кровь залила дешевое темное платье. В луже шампанского торчала большая разбитая бутылка. Женщина казалась спящей, но она была мертва.

Чем дальше я углублялся в Лондон, тем тягостнее становилась тишина. Но это было не молчание смерти, а скорее тишина напряженного выжидания. Каждую минуту тепловые лучи, спалившие уже северо-западную часть столицы и уничтожившие Илинг и Килберн, могли коснуться и этих домов и превратить их в дымящиеся развалины. Это был покинутый и обреченный город.

В Южном Кенсингтоне черной пыли и трупов на улицах не было. Здесь я в первый раз услышал вой. Я не сразу понял, что это такое. Это было непрерывное жалобное чередование двух нот: «Улла... улла... улла...улла...» Когда я шел по улицам, ведущим к северу, вой становился все громче; строения, казалось, то заглушали его, то усиливали. Особенно гулко отдавался он на Эксбишн-роуд. Я остановился и посмотрел на Кенсингтонский парк, прислушиваясь к отдаленному странному вою. Казалось, все эти опустелые строения обрели голос и жаловались на страх и одиночество.

«Улла... улла... улла...улла...» — раздавался этот нечеловеческий плач, и волны звуков расходились по широкой солнечной улице среди высоких зданий. В недоумении я повернул к северу, к железным воротам Гайд-парка.

Я думал зайти в Естественнoисторический музей, забраться на башню и посмотреть на парк сверху. Потом я решил остаться внизу, где можно было легче спрятаться, и зашагал дальше по Эксибишн-роуд. Обширные здания по обе стороны дороги были пусты, мои шаги отдавались в тишине гулким эхом.

Наверху, недалеко от ворот парка, я увидел странную картину — опрокинутый омнибус и скелет лошади, начисто обглоданный. Постояв немного, я пошел дальше к мосту через Серпентайн. Вой становился все громче и громче, хотя к северу от парка над крышами домов ничего не было видно, только на северо-западе поднималась пелена дыма.

«Улла... улла... улла...улла...» — был голос, как мне казалось, откуда-то со стороны Риджент-парка. Этот одинокий жалобный крик действовал удручающе. Вся моя смелость пропала. Мной овладела тоска. Я почувствовал, что страшно устал, натер ноги, что меня мучат голод и жажда.

Было уже за полдень. Зачем я брожу по этому городу мертвых, почему я один жив, когда весь Лондон лежит как труп в черном саване? Я почувствовал себя бесконечно одиноким. Вспомнил о прежних друзьях, давно забытых. Подумал о ядах в аптеках, об алкоголе в погребах виноторговцев; вспомнил о двух несчастных, которые, как я думал, вместе со мною владеют всем Лондоном...

Через Мраморную арку я вышел на Оксфорд-стрит. Здесь опять были черная пыль и трупы, из решетчатых подвальных люков некоторых домов доносился запах тления. От долгого блуждания по жаре меня томила жажда. С великим трудом мне удалось проникнуть в какой-то ресторан и раздобыть еды и питья. Потом, почувствовав сильную усталость, я прошел в гостиную за буфетом, улегся на черный диван, набитый конским волосом, и уснул.

Когда я проснулся, проклятый вой по-прежнему раздавался в ушах: «Улла... улла... улла...улла...» Уже смеркалось. Я разыскал в буфете несколько сухарей и сыру — там был полный обед, но от кушаний остались только клубки червей. Я отправился на Бэйкер-стрит по пустынным скверам, — могу вспомнить название лишь одного из них: Портмен-сквер, — и наконец вышел к Рид-

жент-парку. Когда я спускался с Бэйкер-стрит, я увидел вдали над деревьями, на светлом фоне заката, колпак гиганта-марсианина, который и издавал этот вой. Я ничуть не испугался. Я спокойно шел прямо на него. Несколько минут я наблюдал за ним: он не двигался. По-видимому, он просто стоял и выл; я не мог догадаться, что значил этот непрерывный вой.

Я пытался принять какое-нибудь решение. Но непрерывный вой «улла... улла... улла...улла...» мешал мне сосредоточиться. Может быть, причиной моего бесстрашия была усталость. Мне захотелось узнать причину этого монотонного воя. Я повернул назад и вышел на Парк-роуд, намереваясь обогнуть парк; я пробрался под прикрытием террас, чтобы посмотреть на этого неподвижного воющего марсианина со стороны Сент-Джонс-Вуда. Отойдя ярдов на двести от Бэйкер-стрит, я услышал разноголосый собачий лай и увидел сперва одну собаку с куском гнилого красного мяса в зубах, стремглав летевшую на меня, а потом целую свору гнавшихся за ней голодных бродячих псов. Собака сделала крутой поворот, чтобы обогнуть меня, как будто боялась, что я отобью у нее добычу. Когда лай замер вдали, воздух снова наполнился воем: «Улла... улла... улла...улла...»

На полпути к вокзалу Сент-Джонс-Вуд я наткнулся на сломанную многорукую машину. Сначала я подумал, что поперек улицы лежит обрушившийся дом. Только пробравшись среди обломков, я с изумлением увидел, что механический Самсон с исковерканными, сломанными и скрюченными щупальцами лежит посреди им же самим нагроможденных развалин. Передняя часть машины была разбита вдребезги. Очевидно, машина наскочила на дом и, разрушив его, застряла в развалинах. Это могло произойти, только если машину бросили на произвол судьбы. Я не мог взобраться на обломки и потому не видел в наступающей темноте забрызганное кровью сиденье и обгрызенный собаками хрящ марсианина.

Пораженный всем виденным, я направился к Примроз-Хиллу. Вдалеке сквозь деревья я заметил второго марсианина, такого же неподвижного, как и первый; он молча стоял в парке близ Зоологического сада. Дальше за развалинами, окружавшими изломанную многорукую ма-

шину, я снова увидел красную траву; весь Риджент-канал зарос губчатой темно-красной растительностью.

Когда я переходил мост, непрекращавшийся вой «улла... улла...» вдруг оборвался. Казалось, кто-то его оставил. Внезапно наступившая тишина разразилась, как удар грома.

Со всех сторон меня обступали высокие, мрачные, пустые дома; деревья ближе к парку становились все чернее. Среди развалин росла красная трава; ее побеги словно подползали ко мне. Надвигалась ночь, мать страха и тайны. Пока звучал этот голос, я как-то мог выносить уединение, одиночество было еще терпимо; Лондон казался мне еще живым, и я бодрился. И вдруг эта перемена! Что-то произошло — я не знал что, — и наступила почти ощутимая тишина. Мертвый покой.

Лондон глядел на меня как привидение. Окна в пустых домах походили на глазные впадины черепа. Мне чудились тысячи бесшумно подкрадывающихся врагов. Меня охватил ужас, я испугался своей дерзости. Улица впереди стала черной, как будто ее вымазали дегтем, и я различил какую-то судорожно искривленную тень поперек дороги. Я не мог заставить себя идти дальше. Свернув на Сент-Джонс-Вуд-роуд, я побежал к Килберну, спасаясь от этого невыносимого молчания. Я спрятался от ночи и тишины в извозничьей будке на Харроу-роуд. Я просидел там почти всю ночь. Перед рассветом я немного приободрился и под мерцающими звездами пошел к Риджент-парку. Я заблудился и вдруг увидел в конце длинной улицы в предрассветных сумерках причудливые очертания Примроз-Хилла. На вершине, поднимаясь высоко навстречу бледневшим звездам, стоял третий марсианин, такой же прямой и неподвижный, как и остальные.

Я решился на безумный поступок. Лучше умереть и покончить со всем. Тогда мне не придется убивать самого себя. И я решительно направился к титану. Подойдя ближе, я увидел в предутреннем свете стаи черных птиц, кружившихся вокруг колпака марсианина. Сердце у меня забилося, и я побежал вниз по дороге.

Я попал в заросли красной травы, покрывшей Сент-Эдмундтеррас, по грудь в воде перешел вброд поток, стекавший из водопровода к Альберт-роуд, и выбрался оттуда еще до восхода солнца. Громадные кучи земли

были насыпаны на гребне холма словно для огромного редута — это было последнее и самое большое укрепление, построенное марсианами, и оттуда поднимался к небу легкий дымок. Пробежала собака и скрылась. Я чувствовал, что моя догадка должна подтвердиться. Уже без всякого страха, дрожа от волнения, я взбежал вверх по холму к неподвижному чудовищу. Из-под колпака свисали дряблые бурые клочья; их клевали и рвали голодные птицы.

Еще через минуту я взобрался по насыпи и стоял на гребне вала — внутренняя площадка редута была внизу, подо мной. Она была очень обширна, с гигантскими машинами, грудой материалов и странными сооружениями. И среди этого хаоса на опрокинутых треножниках, на недвижных многоруких машинах и прямо на земле лежали марсиане, окоченелые и безмолвные, — мертвые! — уничтоженные какой-то пагубной бактерией, к борьбе с которой их организм не был приспособлен, уничтоженные так же, как была потом уничтожена красная трава. После того как все средства обороны человечества были исчерпаны, пришельцы были истреблены ничтожнейшими тварями, которыми премудрый господь населил Землю.

Все произошло так, как и я и многие люди могли бы предвидеть, если бы ужас и паника не помрачили наш разум. Эти зародыши болезней уже взяли свою дань с человечества еще в доисторические времена, взяли дань с наших прародителей-животных еще тогда, когда жизнь на Земле только что начиналась. Благодаря естественному отбору мы развили в себе способность к сопротивлению; мы не уступаем ни одной бактерии без упорной борьбы, а для многих из них, как, например, для бактерий, порождающих гниение в мертвой материи, наш организм совершенно неуязвим. На Марсе, очевидно, не существует бактерий, и как только явившиеся на Землю пришельцы начали питаться, наши микроскопические союзники принялись за работу, готовя им гибель. Когда я впервые увидел марсиан, они уже были осуждены на смерть, они уже медленно умирали и разлагались на ходу. Это было неизбежно. Заплатив миллиардами жизней, человек купил право жить на Земле, и это право принадлежит ему вопреки всем пришельцам. Оно осталось бы за ним, будь марсиане

даже в десять раз более могущественны. Ибо человек живет и умирает не напрасно.

Всего марсиан было около пятидесяти; они валялись в своей огромной яме, пораженные смертью, которая должна была им казаться загадочной. И для меня в то время смерть их была непонятна. Я понял только, что эти чудовища, наводившие ужас на людей, мертвы. На минуту мне показалось, что снова повторилось поражение Сеннахериба, что господь сжалился над нами и ангел смерти поразил их в одну ночь.

Я стоял, глядя в яму, и сердце у меня забилося от радости, когда восходящее солнце осветило окружавший меня мир своими лучами. Яма оставалась в тени; мощные машины, такие громадные, сложные и удивительные, неземные даже по своей форме, поднимались, точно заколдованные, из сумрака навстречу свету. Целая стая собак дралась над трупами, валявшимися в глубине ямы. В дальнем конце ее лежала большая, плоская, причудливых очертаний летательная машина, на которой они, очевидно, совершали пробные полеты в нашей более плотной атмосфере, когда разложение и смерть помешали им. Смерть явилась как раз вовремя. Услышав карканье птиц, я взглянул вверх; передо мной был огромный боевой треножник, который никогда больше не будет сражаться, красные клочья мяса, с которых капала кровь на опрокинутые скамейки на вершине Примроз-Хилла.

Я повернулся и взглянул вниз, где у подножия холма, окруженного стаей птиц, стояли застигнутые смертью другие два марсианина, которых я видел вчера вечером. Один из них умер как раз в ту минуту, когда передавал что-то своим товарищам; может быть, он умер последним, и сигналы его раздавались, пока не перестал работать механизм. В лучах восходящего солнца блестели уже безвредные металлические треножники, башни сверкающего металла.

Кругом, словно чудом спасенный от уничтожения, расстилался великий отец городов. Те, кто видел Лондон только под привычным покровом дыма, едва ли могут представить себе обнаженную красоту его пустынных, безмолвных улиц.

К востоку, над почерневшими развалинами Альберт-террас и расщепленным церковным шпилем, среди

безоблачного неба сияло солнце. Кое-где какая-нибудь грань белой кровли преломляла луч и сверкала ослепительным светом. Солнце сообщало таинственную прелесть даже винным складам вокзала Чок-Фарм и обширным железнодорожным путям, где раньше блестили черные рельсы, а теперь краснели полосы двухнедельной ржавчины.

К северу простирались Килберн и Хэмпстед — целый массив домов в синеватой дымке; на западе гигантский город был также подернут дымкой; на юге, за марсианами, уменьшенные расстоянием, виднелись зеленые волны Риджент-парка, Ленгхем-отель, купол Альберт-холла, Королевский институт и огромные здания на Бромптон-роуд, а вдалеке неясно вырисовывались зубчатые развалины Вестминстера. В голубой дали поднимались холмы Сэррея и блестили, как две серебряные колонны, башни Кристал-Паласа. Купол собора св. Павла чернел на фоне восхода — я заметил, что на западной стороне его зияла большая пробоина.

Я стоял и смотрел на это море домов, фабрик, церквей, тихих, одиноких и покинутых; я думал о надеждах и усилиях, о бесчисленных жизнях, загубленных на постройке этой твердыни человечества, и о постигшем ее мгновенном, неотвратимом разрушении. Когда я понял, что мрак отхлынул прочь, что люди снова могут жить на этих улицах, что этот родной мне громадный мертвый город снова оживет и вернет свою мощь, я чуть не заплакал от волнения.

Муки кончились. С этого же дня начинается исцеление. Оставшиеся в живых люди, рассеянные по стране, без вождей, без законов, без еды, как стадо без пастуха, тысячи тех, которые отплыли за море, снова начнут возвращаться; пульс жизни с каждым мгновением все сильнее и сильнее снова забьется на пустынных улицах и площадях. Как ни страшен был разгром, разящая рука остановлена. Остановлена разящая рука. Эти горестные руины, почерневшие скелеты домов, мрачно торчащие на солнечном холме, скоро огласятся стуком молотков, звоном инструментов. Тут я воздел руки к небу и стал благодарить бога. Через какой-нибудь год, думал я, через год...

Потом, словно меня что-то ударило, я вдруг вспомнил о себе, о жене, о нашей былой счастливой жизни, которая никогда уже не возвратится.

Теперь я должен сообщить вам один удивительный факт. Впрочем, это, может быть, и не так удивительно. Я помню ясно, живо, отчетливо все, что делал в тот день до того момента, когда я стоял на вершине Примроз-Хилла и со слезами на глазах благодарил бога. А потом в памяти моей пробел...

Я не помню, что произошло в течение следующих трех дней. Мне говорили после, что я не первый открыл гибель марсиан, что несколько таких же, как я, скитальцев узнали о ней еще ночью. Первый из обнаруживших это отправился в Сент-Мартинес-ле-Гран и в то время, когда я сидел в извозчичьей будке, умудрился послать телеграмму в Париж. Оттуда радостная весть облетела весь мир; тысячи городов, оцепеневших от ужаса, мгновенно осветились яркими огнями иллюминаций. Когда я стоял на краю ямы, о гибели марсиан было уже известно в Дублине, Эдинбурге, Манчестере, Бирмингеме. Люди плакали и кричали от радости, бросали работу, обнимались и жали друг другу руки; поезда, идущие в Лондон, были переполнены уже у Крю. Церковные колокола, молчавшие целых две недели, трезвонили по всей Англии. Люди на велосипедах, исхудалые, растрепанные, носились по проселочным дорогам, громко крича, сообщая изможденным, отчаявшимся беженцам о неожиданном спасении. А продовольствие? Через Ла-Манш, по Ирландскому морю, через Атлантику спешили к нам на помощь корабли, груженные зерном, хлебом и мясом. Казалось, все суда мира стремились к Лондону. Обо все этом я ничего не помню. Я не выдержал испытания, и мой разум помутился. Очнувшись я в доме каких-то добрых людей, которые подобрали меня на третий день; я бродил по улицам Сент-Джонс-Вуда в полном исступлении, крича и плача. Они рассказывали мне, что я нараспев выкрикивал бессмысленные слова: «Последний человек, оставшийся в живых, ура! Последний человек, оставшийся в живых!»

Обремененные своими собственными заботами, эти люди (я не могу назвать их здесь по имени, хотя очень хотел бы выразить им свою благодарность) все-таки не бросили меня на произвол судьбы, приютили у себя и оказали мне всяческую помощь.

Вероятно, они узнали кое-что о моих приключениях в течение тех дней, когда я лежал без памяти. Когда я пришел в сознание, они осторожно сообщили мне все, что им было известно о судьбе Лезерхэда. Через два дня после того, как я попал в ловушку в развалинах дома, он был уничтожен вместе со всеми жителями одним из марсиан. Марсианин смел город с лица земли без всякого повода — так мальчишка разоряет муравейник.

Я был одинок, и они были очень внимательны ко мне. Я был одинок и убит горем, и они горевали вместе со мной. Я оставался у них еще четыре дня после своего выздоровления. Все это время я испытывал смутное желание — оно все усиливалось — взглянуть еще раз на то, что осталось от былой жизни, которая казалась мне такой счастливой и светлой. Это было просто безотрадное желание справить тризну по своему прошлому. Они отговаривали меня. Они изо всех сил старались заставить меня отказаться от этой идеи. Но я не мог больше противиться непреодолимому влечению; обещав вернуться к ним, я со слезами на глазах простился с моими новыми друзьями и побрел по улицам, которые еще недавно были такими темными и пустынными.

Теперь улицы стали людными, кое-где даже были открыты магазины; я заметил фонтан, из которого била вода.

Я помню, как насмешливо ярок казался мне день, когда я печальным паломником отправился к маленькому домику в Уокинге; вокруг кипела возрождающаяся жизнь. Повсюду было так много народа, подвижного, деятельного, и не верилось, что погибло столько жителей. Потом я заметил, что лица встречаемых желты, волосы растрепаны, широко открытые глаза блестят лихорадочно и почти все они одеты в лохмотья. Выражение на всех лицах было одинаковое: либо радостно-оживленное, либо странно сосредоточенное. Если бы не это выражение глаз, лондонцев можно было бы принять за толпу бродяг. Во всех приходах даром раздавали хлеб, присланный французским правительством. У немногих уцелевших лошадей из-под кожи проступали ребра. На всех углах стояли изможденные констебли с белыми значками. Следов разрушения, причиненных марсианами, я почти не заметил,

пока не дошел до Веллингтон-стрит, где красная трава еще взбиралась по устоям Ватерлооского моста.

У самого моста я заметил лист бумаги, приколотый сучком к густой заросли красной травы, — любопытный гротеск того необычайного времени. Это было объявление первой вновь вышедшей газеты «Дейли мейл». Я дал за газету почерневший шиллинг, оказавшийся в кармане. Она была почти вся в пробелах. На месте объявлений, на последнем листе, наборщик, выпустивший газету единолично, набрал прочувствованное обращение к читателю. Я не узнал ничего нового, кроме того, что осмотр механизмов марсиан в течение недели уже дал удивительные результаты. Между прочим сообщалось — в то время я не поверил этому, — что «тайна воздухоплавания» раскрыта. У вокзала Ватерлоо стояли три готовых к отходу поезда. Наплыв публики, впрочем, уже ослабел. Пассажиров в поезде было немного, да и я был не в таком настроении, чтобы заводить случайный разговор. Я занял один целое купе, скрестил руки и мрачно глядел на освещенные солнцем картины ужасного опустошения, мелькавшие за окнами. Сразу после вокзала поезд перешел на временный путь; по обеим сторонам полотна чернели развалины домов. До Клэпхемской узловой станции Лондон был засыпан черной пылью, которая еще не исчезла, несмотря на два бурных дождливых дня. У Клэпхема на поврежденном полотне бок о бок с землекопами работали сотни оставшихся без дела клерков и приказчиков, и поезд перевели на поспешно проложенный временный путь.

Вид окрестностей был мрачный, странный; особенно сильно пострадал Уимблдон. Уолтон благодаря своим уцелевшим сосновым лесам казался менее разрушенным. Уэндл, Моул, даже мелкие речонки поросли красной травой и казались наполненными не то сырым мясом, не то нашинкованной красной капустой. Сосновые леса Сэррея оказались слишком сухими для красного выюна. За Уимблдоном на огородах виднелись кучи земли вокруг шестого цилиндра. В середине что-то рыли саперы, вокруг стояли любопытные. На шесте развевался британский флаг, весело похлопывая под утренним бризом. Огороды были красные от травы. Глазам больно было смотреть на это красное пространство, пересеченное пурпур-

ными тенями. Было приятно перевести взгляд от мертво-серого и красного цвета переднего плана пейзажа к голубовато-зеленым тонам восточных холмов.

У станции Уокинг железнодорожное сообщение еще не было восстановлено; поэтому я вышел на станцию Бай-флит и направился к Мэйбэри мимо того места, где мы с артиллеристом разговаривали с гусарами, и того места, где я во время грозы увидел марсианина. Из любопытства я свернул в сторону и увидел в красных зарослях свою опрокинутую и разбитую тележку рядом с побелевшим, обглоданным лошадиным скелетом. Я остановился и осмотрел эти останки...

Потом я прошел через сосновый лес; заросли красной травы кое-где доходили мне до шеи; труп хозяина «Пятнистой собаки», вероятно, уже похоронили: я нигде не обнаружил его. Миновав военный колледж, я увидел свой дом. Какой-то человек, стоявший на пороге своего коттеджа, окликнул меня по имени, когда я проходил мимо.

Я взглянул на свой дом со смутной надеждой, которая тотчас же угасла. Замок был взломан, и дверь отворялась и захлопывалась на ветру.

То окно моего кабинета, из которого мы с артиллеристом смотрели тогда на рассвете, было распахнуто, занавески в нем развевались. С тех пор никто не закрывал окна. Сломанные кусты остались такими же, как в день моего бегства, почти четыре недели назад. Я вошел в дом, он был пуст. Коврик на лестнице был сбит и потемнел в том месте, где я сидел, промокнув до костей под грозой, в ночь катастрофы. На лестнице остались следы грязных ног.

Я пошел по этим следам в свой кабинет; на письменном столе все еще лежал под соленитовым пресс-папье исписанный лист бумаги, который я оставил в тот день, когда открылся первый цилиндр. Я постоял, перечитывая свою недоконченную статью о развитии нравственности в связи с общим прогрессом цивилизации. «Возможно, что через двести лет,— писал я,— наступит...» Пророческая фраза осталась недописанной. Я вспомнил, что никак не мог сосредоточиться в то утро, и, бросив писать, пошел купить номер «Дейли кроникл», у мальчишки-газет-

чика. Помню, как я подошел к садовой калитке и с удивлением слушал его странный рассказ о «людях с Марса».

Я сошел вниз в столовую и там увидел баранину и хлеб, уже сгнивший, и опрокинутую пивную бутылку. Все было так, как мы с артиллеристом оставили. Мой дом был пуст. Я понял все безумие тайной надежды, которую лелеял так долго. И вдруг снаружи раздался чей-то голос:

— Это бесполезно. Дом необитаем. Тут, по крайней мере, десять дней никого не было. Не мучьте себя напрасно. Вы спаслись одни...

Я был поражен. Уж не я ли сам высказал вслух свои мысли? Я обернулся... Балконная дверь была открыта настежь. Я шагнул к ней и выглянул.

В саду, изумленные и испуганные не меньше, чем я, стояли мой двоюродный брат и моя жена, бледная, без слез. Она слабо вскрикнула.

— Я пришла, — пробормотала она, — я знала... знала...

Она поднесла руки к горлу и покачнулась. Я бросился к ней и подхватил ее на руки.

Глава X Эпилог

Теперь, в конце моего рассказа, мне остается только пожалеть о том, как мало могу я способствовать разрешению многих спорных вопросов. В этом отношении меня, несомненно, будут строго критиковать. Моя специальность — умозрительная философия. Мое знакомство со сравнительной физиологией ограничивается одной или двумя книгами, но мне кажется, что предположение Карвера о причинах быстрой смерти марсиан настолько правдоподобно, что его можно принять как доказанное. Я уже изложил его в своем повествовании.

Во всяком случае, в трупах марсиан, исследованных после войны, найдены были только известные нам бактерии. То обстоятельство, что марсиане не хоронили своих убитых товарищей, а также их безрассудное уничтожение людей доказывают, что они незнакомы с процессом разложения. Однако это лишь гипотеза, правда, весьма вероятная.

Состав черного газа, которым с такими губительными последствиями пользовались марсиане, до сих пор неизвестен; генератор теплового луча тоже остается пока загадкой. Страшные катастрофы в лабораториях Илинга

и Южного Кенсингтона заставили ученых прекратить свои опыты. Спектральный анализ черной пыли указывает на присутствие неизвестного нам элемента: отмечались четыре яркие линии в голубой части спектра; возможно, что этот элемент дает соединение с аргоном, которое действует разрушительно на составные части крови. Но эти недоказанные предположения едва ли заинтересуют того широкого читателя, для которого написана моя повесть. Ни одна частица бурой накипи, плившей вниз по Темзе после разрушения Шеппертона, в то время не была подвергнута исследованию; теперь это уже невозможно.

О результате анатомического исследования трупов марсиан (насколько такое исследование оказалось возможным после вмешательства прожорливых собак) я уже сообщал. Вероятно, все видели великолепный и почти нетронутый экземпляр, заспиртованный в Естественнoисторическом музее, и бесчисленные снимки с него. Физиологические и анатомические детали представляют интерес только для специалистов.

Вопрос более важный и более интересный — это возможность нового вторжения марсиан. Мне кажется, что на эту сторону дела едва ли обращено достаточно внимания. В настоящее время планета Марс удалена от нас, но я допускаю, что они могут повторить свою попытку в период противостояния. Во всяком случае, мы должны быть к этому готовы. Мне кажется, можно было бы определить положение пушки, выбрасывающей цилиндры; надо зорко наблюдать за этой частью планеты и предупредить попытку нового вторжения.

Цилиндр можно уничтожить динамитом или артиллерийским огнем, прежде чем он достаточно охладится и марсиане будут в состоянии вылезти из него; можно также перестрелять их всех, как только отвинтится крышка. Мне кажется, они лишились большого преимущества из-за неудачи первого внезапного нападения. Возможно, что они сами это поняли.

Лессинг привел почти неопровержимые доказательства в пользу того, что марсианам уже удалось произвести высадку на Венеру. Семь месяцев назад Венера и Марс находились на одной прямой с Солнцем; другими словами, Марс был в противостоянии с точки зрения наблюдателя с Венеры. И вот на неосвещенной половине планеты по-

явился странный светящийся след; почти одновременно фотография Марса обнаружила чуть заметное темное извилистое пятно. Достаточно видеть фотографии обоих этих явлений, чтобы понять их взаимную связь.

Во всяком случае, грозит ли нам вторичное вторжение или нет, наш взгляд на будущность человечества, несомненно, сильно изменился благодаря всем этим событиям. Теперь мы знаем, что нельзя считать нашу планету вполне безопасным убежищем для человека; невозможно предвидеть тех незримых врагов или друзей, которые могут явиться к нам из бездны пространства. Быть может, вторжение марсиан не останется без пользы для людей; оно отняло у нас безмятежную веру в будущее, которая так легко ведет к упадку, оно подарило нашей науке громадные знания, оно способствовало пропаганде идеи о единой организации человечества. Быть может, там, из бездны пространства, марсиане следили за участью своих пионеров, приняли к сведению урок и при переселении на Венеру поступили более осторожно. Как бы то ни было, еще в течение многих лет, наверное, будут продолжаться внимательные наблюдения за Марсом, а огненные небесные стрелы — падающие метеоры — долго еще будут пугать людей.

Кругозор человечества вследствие вторжения марсиан сильно расширился. До падения цилиндра все были убеждены, что за крошечной поверхностью нашей сферы, в глубине пространства, нет жизни. Теперь мы стали более дальнзорки. Если марсиане смогли переселиться на Венеру, то почему бы не попытаться сделать это и людям? Когда постепенное охлаждение сделает нашу Землю необитаемой — а это в конце концов неизбежно, — может быть, нить жизни, начавшейся здесь, перелетит и охватит своей сетью другую планету. Сумеем ли мы бороться и победить?

Передо мной встает смутное видение: жизнь с этого парника солнечной системы медленно распространяется по всей безжизненной неизмеримости звездного пространства. Но это пока еще только мечта. Может быть, победа над марсианами только временная. Может быть, им, а не нам принадлежит будущее.

Я должен сознаться, что после всех пережитых ужасов у меня осталось чувство сомнения и неуверенности.

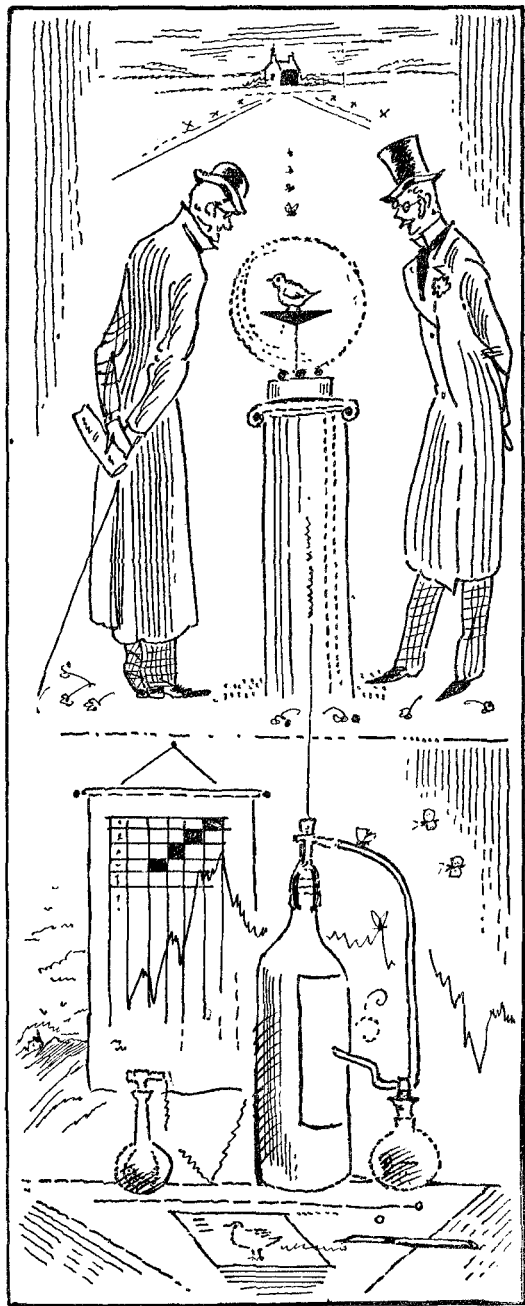
Иногда я сижу в своем кабинете и пишу при свете лампы, и вдруг мне кажется, что цветущая долина внизу вся в пламени, а дом пуст и покинут. Я иду по Байфлит-роуд, экипажи проносятся мимо, мальчишка-мясник с тележкой, кеб с экскурсантами, рабочий на велосипеде, дети, идущие в школу, — и вдруг все становится смутным, призрачным, и я снова крадусь с артиллеристом в жаркой мертвой тишине. Ночью мне снится черная пыль, покрывающая безмолвные улицы, и исковерканные трупы; они поднимаются, страшные, обглоданные собаками. Они что-то бормочут, беснуются, тускнеют, расплываются — искаженные подобию людей, и я просыпаюсь в холодном поту во мраке ночи.

Если я еду в Лондон и вижу оживленную толпу на Флит-стрит и Стрэнде, мне приходит в голову, что это лишь призраки минувшего,двигающиеся по улицам, которые я видел такими безлюдными и тихими; что это лишь тени мертвого города, мнимая жизнь в гальванизированном трупе.

Так странно стоять на Примроз-Хилле — я был там за день перед тем, как написал эту последнюю главу, — видеть на горизонте сквозь серо-голубую пелену дыма и тумана смутные очертания огромного города, расплывающиеся во мглистом небе, видеть публику, разгуливающую по склону среди цветочных клумб; толпу зевак вокруг неподвижной машины марсиан, так и оставшейся здесь слышать возню играющих детей и вспоминать то время, когда я видел все это разрушенным, пустынным в лучах рассвета великого последнего дня...

Но самое странное — это держать снова в своей руке руку жены и вспоминать о том, как мы считали друг друга погибшими.

Пица богов

Книга I *Рождение пищи*

Глава I *Открытие пищи*

I

В середине девятнадцатого века в нашем странном мире стало невиданно расти и множиться число людей той особой категории, по большей части немолодых, которых называют учеными — и очень правильно называют, хоть им это совсем не нравится. Настолько не нравится, что со страниц «Природы» — органа, который с самого начала служит им вечным и неизменным рупором, — слово это тщательно изгоняют как некую непристойность. Но госпожа публика и ее пресса другого мнения, она-то их именует только так, а не иначе, и если кто-либо из них привлечет к себе хоть капелюк внимания, мы величаем его «выдающийся ученый», «маститый ученый», «прославленный ученый», а то и еще пышнее.

Безусловно, и мистер Бенсингтон и профессор Редвуд вполне заслужили все эти титулы задолго до своего поразительного открытия, о котором расскажет эта книга. Мистер Бенсингтон был членом Королевского общества, а в прошлом также и президентом Химического общества, профессор же Редвуд читал курс физиологии на Бонд-стрит, в колледже Лондонского университета, и не раз подвергался яростным нападкам антививисекционистов. Оба с юных лет всецело посвятили себя науке.

Разумеется, как и все истинные ученые, с виду оба они были ничем не примечательны. В осанке и манерах любого самого скромного актера куда больше достоинства, чем у всех членов Королевско-

го общества, вместе взятых. Мистер Бенсингтон был невысок, сутуловат и чрезвычайно лыс, носил очки в золотой оправе и суконные башмаки, разрезанные во многих местах из-за бесчисленных мозолей. Наружность профессора Редвуда также была самая заурядная. Пока им не довелось открыть Пищу богов (на этом названии я вынужден настаивать), их жизнь протекала в достойных и безвестных ученых занятиях, и рассказать о ней читателю решительно нечего.

Мистер Бенсингтон завоевал рыцарские шпоры (если можно сказать так о джентльмене, обутом в суконные башмаки с разрезами) своими блестящими исследованиями по части наиболее ядовитых алкалоидов, а профессор Редвуд обессмертил себя... право, не помню, чем именно. Знаю только, что чем-то он себя обессмертил. А слава обычно чем дальше, тем громче. Кажется, славу ему принес обширный труд о мышечных рефлексах, оснащенный множеством таблиц, сфигмографических кривых (если я путаю, пусть меня поправят) и новой превосходной терминологией.

Широкая публика имела об этих джентльменах довольно смутное представление. Изредка в Королевском обществе, в Обществе содействия ремеслам и тому подобных учреждениях ей представлялся случай поглядеть на мистера Бенсингтона или по крайней мере на его румяную лысину, красшек воротничка или сюртука и послушать обрывки лекции или статьи, которую, как ему казалось, он читал вполне внятно; помню, однажды, целую вечность тому назад, когда Британская ассоциация заседала в Дувре, я забрел в какую-то из ее секций — то ли В, то ли С, — расположившуюся в трактире; из чистого любопытства я вслед за двумя серьезными дамами с бумажными свертками под мышкой прошел в дверь с надписью «Бильярдная» и очутился в совершенно неприличной темноте, разрываемой лишь лучом волшебного фонаря, при помощи которого Редвуд показывал свои таблицы.

Я смотрел диапозитив за диапозитивом и слушал голос, принадлежавший по всей вероятности профессору Редвуду — уж не помню, о чем он говорил; кроме того, в темноте слышалось жужжание волшебного фонаря и еще какие-то странные звуки — я никак не мог понять,

что это такое, и любопытство не давало мне уйти. А потом неожиданно вспыхнул свет, и тут я понял, что непонятные звуки исходили от жующих ртов, ибо члены научного общества собрались здесь, у волшебного фонаря, чтобы под покровом тьмы жевать сдобные булочки, сандвичи и прочую снедь.

Помню, все время, пока горел свет, Редвуд продолжал что-то говорить и тыкать указкой в то место на экране, где полагалось быть таблице и где мы вновь ее увидели, когда наконец опять стало темно. Помню, он показался мне тогда самой заурядной личностью: смуглая кожа, немного беспокойные движения, вид такой, словно он поглощен какими-то своими мыслями, а доклад сейчас читает просто из чувства долга.

Слышал я однажды в те давно прошедшие времена и Бенсингтона; было это в Блумсбери на конференции учителей. Как большинство выдающихся химиков и ботаников, мистер Бенсингтон весьма авторитетно высказывался по вопросам преподавания, хотя я уверен, что самый обыкновенный класс любой закрытой школы в первые же полчаса запугал бы его до полусмерти; насколько помню, он предлагал усовершенствовать эвристический метод профессора Армстронга, посредством коего, пользуясь приборами и инструментами ценою в триста, а то и четыреста фунтов, совершенно забросив все прочие науки, при безраздельном внимании и помощи на редкость одаренного преподавателя, средний ученик за десять — двенадцать лет более или менее основательно усвоил бы почти столько же знаний по химии, сколько можно было почерпнуть из очень распространенных в ту пору достойных презрения учебников, которым красная цена — шиллинг.

Как видите, во всем, что не касается науки, и Редвуд и Бенсингтон были людьми самыми заурядными. Вот только, пожалуй, сверх меры непрактичными. Но ведь таковы все ученые на свете. Тем, что в них есть подлинно великого, они лишь колют глаза ученым собратьям, для широкой публики оно остается книгой за семью печатями; зато слабости их замечает каждый.

Слабости ученых бесспорны, как ничьи другие, не заметить их невозможно. Живут эти люди замкнуто, в сво-

ем узком мирке; научные изыскания требуют от них крайней сосредоточенности и чуть ли не монашеского уединения, а больше их почти ни на что не хватает. Поглядишь, как иной седеющий неуклюжий чудак, маленький человечек, совершивший великие открытия и курам на смех украшенный широченной орденой лентой, робея и важничая, принимает поздравления своих собратьев; считаешь в «Природе» сетования по поводу «пренебрежения к науке», когда какого-нибудь члена Королевского общества в день юбилея обойдут наградой; слушаешь, как иной неутомимый исследователь мхов и лишайников разбирает по косточкам солидный труд своего столь же неутомимого коллеги, — и поневоле поймешь, до чего мелкие и ничтожны люди.

А между тем двое скромных маленьких ученых создали и продолжают создавать нечто изумительное, необычайное, что сулит человечеству в грядущем невообразимое величие и мощь! Они как будто и сами не знают цены тому, что делают.

Давным-давно, когда мистер Бенсингтон, выбирая профессию, решил посвятить свою жизнь алкалоидам и тому подобным веществам, наверно, и перед его внутренним взором мелькнуло видение и его хоть на миг озарило. Ведь если бы не предчувствие, не надежда на славу и положение, каких устаиваются одни лишь ученые, едва ли хоть кто-нибудь с юности посвятил бы всю свою жизнь подобной работе. Нет, их, конечно, озарило предчувствие славы — и видение это, наверно, оказалось столь ярким, что ослепило их. Блеск ослепил их, на их счастье, чтоб до конца жизни они могли спокойно держать светоч знаний для нас!

Быть может, кое-какие странности Редвуда, который был как бы не от мира сего, объясняются тем, что он (в этом теперь уже нет сомнений) несколько отличался от своих собратьев, он был иным, потому что перед глазами его еще не угасло то давнее ослепительное видение.

II

«Пища богов» — так называю я субстанцию, которую создали мистер Бенсингтон и профессор Редвуд; и, принимая во внимание плоды, которые она уже принесла и,

безусловно принесет в будущем, название это вполне заслуженно. А потому я и впредь буду так ее называть. Но мистер Бенсингтон в здравом уме и твердой памяти не способен был на столь громкие слова — это было бы все равно, что выйти из дома на Слоун-стрит облаченным в царственный пурпур и с лавровым венком на челе. Слова эти вырвались у него в первую минуту просто от изумления. Он назвал свое детище Пищей богов, обуреваемый восторгом, и длилось это не более часа. А потом он решил, что ведет себя нелепо. Вначале, думая об их общем открытии, он словно воочию увидел необъятные возможности, поистине необъятные, зрелище это изумило и ослепило его, но, как подобает добросовестному ученому, он тотчас зажмурился, чтобы не видеть. После этого название «Пища богов» уже казалось ему крикливым, почти неприличным. Он сам себе удивлялся: как это у него сорвалось с языка подобное выражение!

И, однако, это мимолетное прозрение не прошло бесследно, а вновь и вновь напоминало о себе.

— Право же, — говорил он, потирая руки и нервически посмеиваясь, — это представляет не только теоретический интерес. К примеру, — он доверительно наклонился к профессору Редвуду и понизил голос, — если умело за это взяться, вероятно, ее можно будет даже продавать... продавать именно как продукт питания, — продолжал он, отходя в другой конец комнаты. — Или по крайней мере как элемент питания. При условии, разумеется, что она будет съедобна. А этого мы не знаем, пока не изготовили ее.

Бенсингтон вернулся к камину и остановился на коврике, старательно разглядывая аккуратные разрезы на своих суконных башмаках.

— Как ее назвать? — переспросил он и поднял голову. — Я лично предпочел бы что-нибудь классическое, со значением. Это... это больше подходит научному открытию. Придает, знаете, такое старомодное достоинство. И мне подумалось... Не знаю, может быть, вам это покажется смешно и нелепо... Но ведь иной раз и пофантазировать не грех... Не назвать ли ее Гераклеофорбия? Пища будущих геркулесов? Быть может, и в самом деле... Конечно, если, по-вашему, это не так...

Редвуд задумчиво глядел в огонь и молчал.

— По-вашему, такое название годится?

Редвуд важно кивнул.

— Можно еще назвать Титанофорбия. Пицца титанов. Как вам больше нравится?

— А вы уверены, что это не чересчур...

— Уверен.

— Ну вот и прекрасно.

Итак, во время дальнейших исследований они назвали свое открытие Гераклеофорбией, так оно именовалось и в их докладе — в докладе, который не был опубликован из-за непредвиденных событий, перевернувших все их планы. Были изготовлены три варианта пищи, и только на четвертый раз удалось создать в точности то, что предсказывали теоретические расчеты; соответственно Бенсингтон и Редвуд говорили о Гераклеофорбии номер один, номер два и номер три. А Пищей богов я буду называть в этой книге Гераклеофорбию номер четыре, ибо решительно настаиваю на том названии, которое сначала дал ей Бенсингтон.

III

Идея Пищи принадлежала мистеру Бенсингтону. Но подсказала ему эту идею одна из статей профессора Редвуда в «Философских трудах», а потому, прежде чем развивать ее дальше, он посоветовался с автором статьи — и правильно сделал. Притом предстоящие исследования относились не только к химии, но в такой же степени и к физиологии.

Профессор Редвуд принадлежал к числу тех ученых мужей, что жить не могут без кривых и диаграмм. Если вы — читатель того сорта, какой мне по душе, вам, конечно, знакомы научные статьи того сорта, о которых я говорю. Когда их читаешь, ничего понять нельзя, а в конце приложены штук шесть огромных диаграмм; развернешь их — и перед тобою какие-то удивительные зигзаги невиданных молний или непостижимые извивы так называемых «кривых», вырастающих из абсцисс и стремящихся к ординатам, и прочее в том же роде. Подолгу ломаешь себе голову, тщетно пытаешься понять, что же все это означает, а потом начинаешь подозревать, что этого не пони-

мает и сам автор. Но в действительности многие ученые прекрасно понимают смысл своих писаний, да только не умеют выразить свои мысли языком, понятным и для нас, простых смертных.

Мне кажется, профессор Редвуд мыслил именно диаграммами и кривыми. Закончив монументальный труд о мышечных рефлексах (пусть читатель, далекий от науки, потерпит еще немного — и все станет ясно как день), Редвуд принялся выводить кривые и сфигмограммы, относящиеся к росту, и как раз одна из его статей о росте натолкнула мистера Бенсингтона на новую идею.

Редвуд измерял все, что растет: котят, щенят, подсолнухи, грибы, фасоль, и горох, и (пока жена не воспротивилась) собственного сынишку, — и доказал, что рост совершается не равномерно и непрерывно (он это изобразил вот такой линией)

а скачками, то есть примерно так:

Ничто не растет постоянно и равномерно, и, насколько он мог установить, постоянный и равномерный рост вообще невозможен: по-видимому, для того, чтобы расти, все живое должно сперва накопить силы; потом оно растет буйно, но недолго, а затем снова наступает перерыв. Туманным, пересыпанным специальными терминами, поистине «научным» языком Редвуд осторожно высказывался в том смысле, что для роста, вероятно, требуется довольно много некоего вещества в крови, а образуется оно очень медленно — и, когда запас его в процессе роста истощается, организм вынужден ждать, чтобы он возобновился. Редвуд сравнил это неизвестное вещество со смазкой в машине. Растущее животное, по его словам, подобно локомотиву, который, пройдя некоторое расстояние, уже не может двигаться дальше без смазки. («Но почему бы не смазать машину извне?» — заметил, прочитав это рассуждение, мистер Бенсингтон.) Весьма вероятно, прибавлял Редвуд с восхитительной непоследовательностью, свойственной всем его беспокойным собратьям, что все это поможет нам пролить свет на не разгаданное донныне

значение некоторых желез внутренней секреции. А при чем тут, спрашивается, эти железы?

В следующем своем докладе Редвуд пошел еще дальше. Он устроил целую огромную выставку диаграмм, сильно смахивающих на траекторию летящей ракеты; смысл их — если таковой существовал — сводился к тому, что кровь щенят и котят (а также сок грибов и растений) в так называемые «периоды интенсивного роста» и в периоды роста замедленного различны по своему составу.

Повертев диаграммы и так, и сяк, и даже вверх ногами, мистер Бенсингтон углядел наконец, в чем заключается эта разница, и изумился. Оказалось, понимаете ли, что разница эта, по всей вероятности, обусловлена присутствием того самого вещества, которое он в последнее время пытался выделить, исследуя алкалоиды, особенно благотворно воздействующие на нервную систему. Тут мистер Бенсингтон положил брошюру Редвуда на пюпитр, пристроенный самым неудобным образом к его креслу, снял очки в золотой оправе, подышал на стекла и старательно их протер.

— Вот так штука! — сказал он.

Потом вновь надел очки и повернулся к пюпитру, но едва коснулся его локтем, как тот кокетливо взвизгнул, наклонился — и брошюра со всеми диаграммами полетела на пол.

— Вот так штука! — повторил мистер Бенсингтон, с усилием перегнулся через ручку кресла (он уже привык терпеливо сносить капризы этого новомодного приспособления), убедился, что до рассыпанных диаграмм ему все равно не дотянуться, — и, опустившись на четвереньки, принялся их подбирать. Вот тут-то, на полу, его и осенила мысль назвать свое детище Пищей богов...

Ведь если и он и Редвуд правы, то, впрыскивая или подбавляя в пищу открытое им вещество, можно покончить с перерывами и передышками, и вместо того, чтобы совершаться так:

процесс роста (надеюсь, вы улавливаете мою мысль) пойдет вот так:

В ночь после разговора с Редвудом мистер Бенсингтон никак не мог уснуть. Лишь раз он ненадолго задремал, и тут ему привиделось, будто он выкопал в земле глубокую яму и тонну за тонной сыплет туда Пищу богов — и шар земной разбухает, раздувается, границы государств лопаются, и все члены Королевского географического общества, точно труженики огромной портновской мастерской, поспешно распарывают экватор...

Сон, конечно, нелепый, но он куда яснее, чем все слова и поступки мистера Бенсингтона в трезвые часы бодрствования, показывает, сколь взволнован был сей джентльмен и какое значение придавал он своему открытию. Иначе я не стал бы об этом упоминать, ведь, как правило, чужие сны никого не интересуют.

По странному совпадению в ту ночь Редвуду тоже приснился сон. Ему привиделась диаграмма, начертанная огнем на бесконечном свитке вселенских просторов. А он, Редвуд, стоит на некоей планете перед каким-то черным помостом и читает лекцию о новых, открывающихся ныне возможностях роста, и слушает его Сверхкоролевское общество изначальных сил — тех самых, под воздействием которых до сих пор рост всего сущего (вплоть до народов, империй, небесных тел и планетных систем) шел так:

а в иных случаях даже и так:

И он, Редвуд, наглядно и убедительно объясняет им, что эти медлительные способы роста, подчас приводящие даже к спаду и угасанию, очень скоро выйдут из моды по милости его открытия.

Сон, конечно, нелепый! Но и он также показывает.

Я вовсе не хочу сказать, будто эти сны следует считать в какой-либо мере пророческими или приписывать им какое-то значение, помимо того, о котором я уже упомянул и на котором решительно настаиваю.

Сначала мистер Бенсингтон предложил, как только удастся изготовить первую порцию Пищи, испробовать ее на головастиках. Научные опыты всегда продельваются над головастиками, ведь головастики для того и существуют на свете. Уговорились, что опыты будет проводить именно Бенсингтон, так как лабораторию Редвуда загромаждали в то время баллистический аппарат и подопытные телята, на которых Редвуд изучал частоту бодательных движений теленка и ее суточные колебания; результаты исследований выражались в самых фантастических и неожиданных кривых; пока не закончился этот опыт, присутствие в лаборатории хрупких стеклянных сосудов с головастиками было бы крайне нежелательно.

Но когда мистер Бенсингтон частично посвятил в свои планы кухню Джейн, она тотчас наложила на них вето, заявив, что не позволит плодить в доме головастиков и прочую подопытную тварь. Она не против, пусть он в дальней каморке занимается своей химией (хоть это — занятие пустое и никчемное), лишь бы там ничего не взрывалось; она даже позволила ему поставить там газовую печь, раковину и герметически закрывающийся шкаф — убежище от бурь еженедельной уборки, которую она отмывать не собиралась. Пусть уж он старается отличиться в своих учсных делах, ведь есть на свете грехи куда более тяжкие: к примеру, мало ли мужчин, одержимых страстью к выпивке! Но чтобы он развел тут всякую ползучую живность или резал ее и портил воздух — нет, этого она не допустит. Это вредно для здоровья, а он, как известно, здоровьем слаб, и пускай не спорит, она эти глупости и слушать не станет. Бенсингтон пытался объяснить ей, сколь огромно его открытие и какую пользу оно может принести, но безуспешно. Все это прекрасно, отвечала кухня Джейн, но нечего устраивать в доме грязь и беспорядок — ведь без этого не обойдется, а тогда он сам же первый будет недоволен. Позабыв о своих мозолях, мистер Бенсингтон шагнул из угла в угол и решительно, даже гневно внушал кухне Джейн, что она не права, но все было напрасно. Ничто не должно становиться на пути На-

уки, говорил он, а кухня Джейн отвечала, что наука наукой, а головастикам в доме не место. В Германии, говорил он, человеку, сделавшему такое открытие, тотчас предоставили бы просторную, на двадцать тысяч кубических футов, идеально оборудованную лабораторию. А она отвечала: «Я, слава тебе господи, не немка». Эти опыты принесут ему неувядаемую славу, говорил он, а она отвечала, что если их и без того тесная квартирка будет полна головастиков, так он последнее свое здоровье погубит. «В конце концов я хозяин в своем доме», — заявил Бенсингтон, а она отвечала, что лучше пойдет экономкой в какой-нибудь школьный пансионат, но с головастиками нянчиться не станет; потом он попробовал воззвать к благоразумию кухни, а она попросила его самого быть благоразумным и отказаться от дурацкой затеи с головастиками; должна же она уважать его идеи, сказал Бенсингтон, но она возразила, что не станет уважать идеи, от которых пойдет вонь по всему дому; тут Бенсингтон не стерпел и (наперекор известным высказываниям Хаксли по этому поводу) выбранился. Не то чтобы уж очень грубо, но все же выбранился.

Разумеется, кухня Джейн была чрезвычайно оскорблена, и ему пришлось извиняться, и всякая надежда испытывать открытие на головастиках — по крайней мере у себя дома — развеялась как дым.

Итак, надо было искать другой выход, ведь как только удастся изготовить Пищу, нужно будет кого-то ею кормить, чтобы продемонстрировать ее действие. Несколько дней Бенсингтон раздумывал, не отдать ли головастиков на попечение какому-нибудь надежному человеку, а потом случайная заметка в газете навела его на мысль об опытной ферме.

И о цыплятах. С первой же минуты он решил разводить на ферме цыплят. Ему вдруг представились цыплята, вырастающие до сказочных размеров. Мысленно он уже видел курятники и загоны — огромные курятники и птичьи дворы, которые день ото дня становятся все больше. Цыплята так доступны, их куда легче кормить и наблюдать, с ними легче управляться при измерениях и исследованиях, они сухие, не надо мочить руки... по сравнению с ними головастики — существа дикие и неподатливые,

совсем не подходящие для его опытов! Непостижимо, как это он с самого начала не подумал о цыплятах! Помимо всего прочего, тогда не пришлось бы ссориться с кузиной Джейн. Он поделился своими соображениями с Редвудом, и тот вполне с ним согласился.

Очень неправильно поступают физиологи, проделывая свои опыты над слишком мелкими животными, сказал Редвуд. Это все равно, что ставить химические опыты с недостаточным количеством вещества: получается непомерно много ошибок, неточностей и просчетов. Сейчас ученым весьма важно отстоять свое право проводить опыты на крупном материале. Вот почему и он у себя в колледже ставит опыты на телятах, невзирая на то, что они порой ведут себя легкомысленно и при встрече в коридорах несколько стесняют студентов и преподавателей других предметов. Зато кривые получаются необычайно интересные, и, когда они будут опубликованы, все убедятся, что его выбор правилен. Нет, если бы не скудость средств, ассигнуемых в Англии на нужды науки, он, Редвуд, не стал бы размениваться на мелочи и пользовался бы для своих исследований одними китами. Но, к сожалению, в настоящее время, по крайней мере у нас в Англии, нет настолько крупных общественных вивариев, чтобы получить необходимый материал, это несбыточная мечта. Вот в Германии — другое дело... и так далее в том же духе.

Поскольку телята требовали от Редвуда неусыпного внимания, заботы о выборе и устройстве опытной фермы легли на Бенсингтона. Условились, что и все расходы он возьмет на себя — по крайней мере до тех пор, пока не удастся получить государственную субсидию. И вот, урывая время от трудов в своей домашней лаборатории, он разъезжает по южным пригородам Лондона в поисках подходящей фермы, и его внимательные глаза за стеклами очков, простодушная лысина и изрезанные башмаки пробуждают напрасные надежды в многочисленных владельцах дрянных и запущенных ферм. Кроме того, он поместил в «Природе» и нескольких ежедневных газетах объявление о том, что требуется достойная доверия супружеская чета, добросовестная и энергичная, для управления опытной фермой размером в три акра.

Место, показавшееся ему подходящим, нашлось в Хиклибрау (графство Кент), неподалеку от Аршота. Это был странный глухой уголок в ложине, которую со всех сторон обступали старые сосны, мрачные и неприветливые в вечерних сумерках. Горбатый холм отгораживал ложину с запада, заслоняя солнечный свет; жилой домишко казался еще меньше оттого, что рядом торчал несуразный колодец под покосившимся навесом. Домишко был гол, не принаряжен хотя бы веточкой плюща или жимолости; половина окон выбита; в сарае средь бела дня было темно, хоть глаз выколи. Стояла ферма на отшибе, в полутора милях от деревни Хиклибрау, и тишину здесь нарушало разве только многоголосое эхо, но от этого лишь острее чувствовалось запустение и одиночество.

Бенсингтон вообразил, что все это необыкновенно легко и удобно приспособить для научных изысканий. Он обошел участок, взмахами руки намечая, где именно разместятся курятники и где загоны, а кухня, по его мнению, почти без переделки могла вместить достаточно инкубаторов и брудеров. И он тут же купил участок; на обратном пути он заехал в Дантон Грин, договорился с подходящей четой, отозвавшейся на его объявление, и в тот же вечер ему удалось изготовить такую порцию Гераклеофорбии, что она вполне оправдывала все его решительные действия.

Подходящая чета, которой суждено было под руководством мистера Бенсингтона впервые на Земле кормить алчущих Пищей богов, оказалась не только весьма пожилой, но и на редкость перьяпливой. Этого последнего обстоятельства мистер Бенсингтон не заметил, ибо ничто не сказывается так пагубно на житейской наблюдательности, как жизнь, посвященная научным опытам. Фамилия избранной четы была Скилетт; Бенсингтон посетил мистера и миссис Скилетт в их тесной комнатушке, где окна были закупорены наглухо, над камином висело пятнистое зеркало, а на подоконниках торчали горшки с чахлой кальцеолярией.

Миссис Скилетт оказалась крохотной высохшей старушенцией; челпа она не носила, седые, давным-давно не мытые волосы скручивала узелком на затылке; самой выдающейся частью ее лица всегда был нос, теперь же, ко-

гда зубы у нее выпали, рот ввалился, а щеки увяли и сморщились, от всего лица только один нос и остался. На ней было темно-серое платье (если вообще можно определить цвет этого платья), на котором выделялась заплатка из красной фланели. Миссис Скилетт впустила гостя в дом и сказала, что мистер Скилетт сейчас выйдет, только приведет себя в порядок; на вопросы она отвечала односложно, опасливо косясь на Бенсингтона маленькими глазками из-за огромного носа. Единственный уцелевший зуб не слишком способствовал внятности ее речей; она беспокойно сжимала на коленях длинные морщинистые руки. Она сказала мистеру Бенсингтону, что долгие годы ходила за домашней птицей и отлично разбирается в инкубаторах; у них с мужем одно время была даже своя ферма, только под конец им не повезло, потому что мало осталось молодняка. «Выгода-то вся от молодняка», — пояснила она.

Потом появился мистер Скилетт; он сильно шамкал и косил так, что один его глаз устремлялся куда-то поверх головы собеседника; домашние туфли его были разрезаны во многих местах, что сразу вызвало сочувствие мистера Бенсингтона, а в одежде явно не хватало пуговиц. Рубаха и куртка разъезжались на груди, и мистер Скилетт придерживал их одной рукой, а указательным пальцем другой обводил золотые узоры на черной вышитой скатерти; глаз же, не занятый скатертью, печально и отрешенно следил за неким дамокловым мечом над головою мистера Бенсингтона.

— Штало быть, ферма вам нужна не для выгоды, шэр. Так, так, шэр. Это нам вше едино. Опыты. Пони-маю, шэр.

Он сказал, что переехать они с женой могут немедленно. В Дантон Грине он ничем особенно не занят, так, портняжит помаленьку.

— Я-то думал, тут можно заработать, шэр, а это шамое напштоящее захолуштье. Так что, ежели вам угодно, мы шразу и переберемшя...

Через неделю мистер и миссис Скилетт уже расположились на новой ферме, и плотник, нанятый в Хиклибрау, мастерил курятники и разгораживал участки под за-

гоны, а попутно перемывались косточки мистера Бенсингтона.

— Я покуда мало имел ш ним дела, — говорил мистер Скиллетт, — а только, шдаетшя мне, он дурак набитый.

— А по-моему, просто у него не все дома, — возразил плотник.

— Воображает шебя куриным знатоком, — сказал мистер Скиллетт. — Его пошлушать, так выходит, кроме него, никто в птице ничего не шмышлит.

— Он сам на курицу смахивает, — сказал плотник. — Как поглядит сбоку через очки — ну чистая курица.

Мистер Скиллетт придвинулся поближе, печальным оком своим он уставился вдаль, на деревню Хиклибрау, а в другом глазу зажегся недобрый огонек.

— Велит каждый божий день их измерять, — таинственно шепнул он плотнику. — Каждый день измерять каждого цыпленка — где это шлыхано? Надо, говорит, шледить, как они раштут. Каждый божий день измерять — шлыхали вы такое?

Мистер Скиллетт деликатно прикрыл рот ладонью и захохотал, так и согнулся в три погибели от смеха, только одно его скорбное око не участвовало в этом приступе веселья. Потом, не вполне уверенный, что плотник до конца понял, в чем тут соль, повторил свистящим шепотом:

— Из-ме-рять!

— Да, этот, видно, еще почуднее нашего прежнего хозяина, — сказал плотник из Хиклибрау. — Вот лопни мои глаза!

II

Научные опыты — самое скучное и утомительное занятие на свете (если не считать отчетов о них в «Философских трудах»), и мистеру Бенсингтону казалось, что прошла целая вечность, пока его первые мечты о грандиозных открывающихся возможностях сменились первыми крупными осязаемыми достижениями. Опытную ферму он завел в октябре, но проблески успеха стали заметны только в мае. Сначала были испробованы Гераклеофорбия номер один, номер два и номер три — и все неудачно. На опытной ферме приходилось постоянно воевать с крысами, во-

евать приходилось и со Скилеттами. Был только один способ добиться, чтоб Скилетт делал то, что ему велено: уволить его. Услыхав, что ему дают расчет, Скилетт тер ладонью небритый подбородок (странным образом, хоть он вечно был небрит, у него никак не отрастала настоящая борода) и, уставясь одним глазом на мистера Бенсингтона, а другим поверх его головы, изрекал:

— Шлушаю, шэр. Конечно, раз вы это шерьезно...

Но наконец забрезжил успех. Вестником его явилось письмо от Скилетта — листок, исписанный дрожащими кривыми буквами.

«Есть новый выводок, — писал Скилетт. — Что-то вид этих цыплят мне не нравится. Больно они долговязые, совсем не как прежние, которые были до ваших последних распоряжений. Те были ладные, упитанные, покуда их кошка не сожрала, а эти растут, что твой бурьян. Сроду таких не видал. И шибок клюются, достают выше башмаков, толком не дают измерять, как вы велели. Настоящие великаны и едят бог знает сколько. Никакого зерна не хватает, уж больно они прожорливые. Они уже покрупнее взрослых бентамов. Если дальше так пойдет, можно их и на выставку послать, хоть они и долговязые. Плимутроков в них не узнать. Вчера ночью я напугался, думал, на них напала кошка: поглядел в окно — и вот, лопни мои глаза, она нырнула к ним под проволоку. Вы хожу, а цыплята все проснулись и что-то клюют да так жадно, а кошки никакой не видать. Подбросил им зерна и запер покрепче. Какие будут ваши распоряжения, надо ли корм давать прежним манером? Который вы тогда смешали, уже, почитай, весь вышел, а самому мне смешивать неохота, потому как тогда получилась неприятность с пудингом. Мы с женой желаем вам доброго здоровья и надеемся на вашу неизменную милость.

С уважением — *Элфред Ньютон Скилетт*.

В заключительных строках Скилетт намекал на происшествие с молочным пудингом, в который попало немного Гераклеофорбии номер два, что весьма болезненно отозвалось на Скилеттах и едва не привело к самым роковым последствиям.

Но мистер Бенсингтон, читая между строк, понял по описанию необыкновенного роста цыплят, что заветная цель близка. На другое же утро он сошел с поезда на станции Аршот, неся в саквояже в трех запечатанных жестянках запас Пищи богов, которого хватило бы на всех цыплят графства Кент.

Стоял конец мая, утро было ясное, солнечное, даже мозоли почти не давали себя знать — и мистер Бенсингтон решил пройтись пешком через Хиклибрау. Всего до фермы было три с половиной мили — парком, потом деревней, а потом зелеными просеками Хиклибрауского заповедника. Поздняя весна сплошь осыпала деревья зелеными блестками, весело цвели кусты живых изгородей и целые чащи голубых гиацинтов и лиловых орхидей; и ни на минуту не смолкал разноголосый птичий гомон: заливались черные и певчие дрозды, малиновки, зяблики и всякие другие птицы, а в одном уголке парка, на пригреве, уже разворачивал свои завитки папоротник и весело прыгали лани.

От всего этого в душе мистера Бенсингтона встрепенулось давно позабытое ощущение — радость бытия; будущее его великолепного открытия представляло в самом радужном свете, и вообще казалось, что настал счастливейший день его жизни. А потом он увидел залитую солнцем полянку возле песчаной насыпи, осененной ветвями сосен, увидел цыплят, вскормленных приготовленной им смесью, — огромных, нескладных, ростом уже перетгнавших любую почтенную семейную курицу и, однако, все еще растущих, еще покрытых младенческим желтым пухом (только на спине виднелись первые коричневые перышки), — и понял, что этот его счастливейший день и вправду настал.

Мистер Скилетт затащил его в загон, но цыплята тут же больно клюнули его раза два сквозь разрезы в башмаках, и он поспешно отступил и стал разглядывать чудищ сквозь проволочную сетку. Он близоруко припал к ней лицом и смотрел за каждым их движением так, словно отродясь не видывал живого цыпленка.

— Ума не приложу, какие же они вырастут, — сказал мистер Скилетт.

— С лошадь, — сказал мистер Бенсингтон.

— Да, видно, вроде того, — отозвался мистер Скилетт.

— Одним крылышком смогут пообедать несколько человек, — сказал мистер Бенсингтон. — Их придется рубить на части, как говядину.

— Ну, они же шкоро перештанут рашти, — сказал мистер Скилетт.

— Разве?

— Яшно, — сказал мистер Скилетт. — Знаю я эту породу. Шперва тянутня, как дурная трава, а потом перештают. Яшное дело.

Оба помолчали.

— Вот что значит хороший уход, — скромно заметил мистер Скилетт.

Мистер Бенсингтон сверкнул на него очками.

— Мы ш моей хозяйкой и раньше таких выращивали, — продолжал мистер Скилетт, несколько увлекшись, и, словно призывая небеса в свидетели, закатил здоровый глаз. — Разве, может, шамую капельку поменьше.

Мистер Бенсингтон, по обыкновению, обошел всю ферму, но нигде не задерживался и поспешил вернуться к новому выводку. По правде говоря, он и надеяться не смел на подобный успех. Наука развивается так медленно, и пути ее так извилисты; вот выношена блестящая идея, но, пока она воплотится в жизнь, почти всегда тратишь долгие годы труда и изобретательности, а тут... тут не ушло и года на испытания — и вот она создана, настоящая Пища богов! Замечательно, даже не верится! Ему больше не надо питаться одними лишь смутными надеждами — неизменной опорой ученого воображения! По крайней мере так казалось Бенсингтону в тот час. Он вернулся к проволочной сетке и снова и снова во все глаза глядел на свое поразительное создание — на цыплят-великанов.

— Дайте-ка сообразить, — сказал он. — Им десять дней. А ведь они, если не ошибаюсь, раз в шесть-семь больше обыкновенных цыплят...

— Шамое время нам прошить прибавки, — сказал же не мистер Скилетт. — Видишь, он рад до шмерти! Больно мы ему угодили тем выводком, что в дальнем загоне.

Он наклонился к самому уху миссис Скилетт, заслоня рот ладонью.

— Думает, это они от его дурацкого порошка так вышли.

И мистер Скилетт хмыкнул, подавляя смешок.

Поистине, в этот день мистер Бенсингтон чувствовал себя именинником. И ему вовсе не хотелось придирааться к мелочам. Правда, при свете этого солнечного дня, как никогда, бросалось в глаза, что Скилетты — неряхи и хозяйничают спустя рукава. Но он ни разу не повысил голос. В изгородях загонов кое-где оказались дыры и прорехи, но он удовольствовался объяснением Скилетта, что тут виноваты «лишья или шобака, а может, еще какой зверь». Потом мистер Бенсингтон заметил, что инкубатор давно не чищен.

— Ваша правда, сэр, — со смиренной улыбочкой, скрепив руки на груди, ответила миссис Скилетт. — Только когда ж нам их чистить? Поверите, за все время минутки свободной не было...

Скилетт жаловался, что их одолевают крысы, надо ставить капканы, и мистер Бенсингтон поднялся на чердак; норы и впрямь оказались громадные, и вокруг — грязь и мерзость запустения, а ведь здесь хранили и смешивали с мукой и отрубями Пищу богов! Скилетты принадлежали к той породе людей, что никак не могут расстаться с битой посудой, со старыми пустыми коробками, банками и склянками, — весь чердак был завален этим хламом. В углу медленно гнила сваленная Скилеттом на хранение куча яблок; с гвоздя, вбитого в скошенный потолок, свисало несколько кроличьих шкурок, на которых Скилетт собирался испробовать свои скорняжные таланты («по чашти мехов я первый знаток», — сообщил он).

Глядя на этот хаос, мистер Бенсингтон неодобрительно морщился, но шум поднимать не стал и даже при виде осы, которая лакомилась из аптечной фарфоровой баночки Гераклеофорбией номер четыре, только заметил кротко, что не следует держать этот порошок открытым, не то он отсыреет.

А потом, забыв обо всех этих досадных мелочах, он сказал Скилетту то, что все время было у него на уме:

— Знаете, Скилетт... надо бы зарезать одного из тех цыплят... как образец. Давайте сегодня же и зарежем, и я его захвачу с собой в Лондон.

Он притворился, будто разглядывает что-то в другой аптечной баночке, потом снял очки и тщательно протер.

— Мне бы хотелось,— продолжал он,— очень бы хотелось сохранить что-нибудь на память... такой, знаете, сувенир о сегодняшнем дне... и об этом именно выводке... А кстати, вы не давали этим цыплятам мяса? — спросил он вдруг.

— Что вы, шэр! — обиделся Скилетт. — Не первый день за птицей ходим, видали кур всякой породы, ш чего бы это нам делать такие глупости.

— А остатки от своего обеда вы им не бросали? Мне, знаете, показалось, что там в дальнем углу валяются кости кролика...

Они пошли посмотреть и увидели дочи́ста обглоданный скелет, но не кролика, а кошки.

III

— Никакой это не цыпленок,— сказала мистеру Бенсингтону кузина Джейн. — Что же, по-вашему, я никогда в жизни цыплят не видела? — Кузина Джейн начинала горячиться. — Во-первых, он слишком большой, а во-вторых, сразу видно, что это не цыпленок. Это больше похоже на дрофу.

— Что до меня,— нехотя сказал Редвуд, поняв по лицу Бенсингтона, что отмолчаться не удастся,— судя по всем данным, я, признаться...

— Ну, конечно... — сказала кузина Джейн. — Умные люди верят собственным глазам, а вы тут с какими-то данными...

— Но позвольте, мисс Бенсингтон!..

— А, да что вас слушать! — сказала кузина Джейн. — Все вы, мужчины, одинаковы.

— Судя по всем данным, эту птицу, безусловно, следует отнести к разряду... без сомнения, она ненормально гипетрофирована, однако же... тем более, что она вывелась из обыкновенного куриного яйца... Да, мисс Бенсингтон, я вынужден признать, что... что иначе, как цыпленком, эту птицу не назовешь.

— Так что же, по-вашему, это цыпленок?

— Думаю, что да,— сказал мистер Редвуд.

— Какая чепуха! — воскликнула кузина Джейн и смерила его гневным взглядом. — Всякое терпение с вами лопается!

Она круто повернулась и вышла из комнаты, хлопнув дверью.

— И, должен сказать, для меня большое облегчение, что он остался просто цыпленком, хоть и очень большим, — сказал Редвуд, когда смолкло эхо захлопнувшейся двери.

Не дожидаясь приглашения мистера Бенсингтона, он уселся в низкое кресло перед камином и признался в поступке весьма опрометчивом даже для человека, далекого от науки.

— Вы, конечно, упрекнете меня в легкомысленной поспешности, Бенсингтон, — сказал он, — но... но неделю тому назад я положил немного Гераклеофорбии... совсем немножко, правда... в бутылочку моему малышу.

— Как! — воскликнул мистер Бенсингтон. — А вдруг бы...

— Да, я знаю, — сказал Редвуд и покосился на огромного цыпленка на столе. — Слава богу, все обошлось, — прибавил он и полез в карман за сигаретами. Потом отрывисто стал рассказывать подробности. — Бедный малыш совсем не прибавлял в весе... я так беспокоился... Уинклс не врач, а жулик... бывший мой ученик, но такой пронира... Моя жена верит в него, как в господа бога. Бывают, знаете, такие... величественные... важности хоть отбавляй... Ну, а мне в доме никакой веры... И ведь это я его учил... меня даже в детскую не пускают... Не могу же я сидеть сложа руки... Прощмыгнул туда, пока няня за втракала... и подсыпал в бутылочку.

— Но теперь он будет расти, — сказал Бенсингтон.

— Уже растет. За неделю прибавил двадцать семь унций... Вы бы послушали Уинклса! Хвастает, что это все от хорошего ухода.

— Ну, еще бы! Совсем как Скиллетт!

Редвуд опять покосился на цыпленка.

— Теперь задача, как его дальше подкармливать. Меня одного в детскую не пускают... помните, еще с тех пор, как я пытался вывести кривую роста Джорджины Филис... Уж не знаю, как я ему дам вторую порцию...

— А надо ли?
— Он уже два дня криком кричит... Ему теперь не хватает обычной еды. Нужно добавлять Пищи.
— А вы скажите Уинклсу.
— К черту Уинклса! — сказал Редвуд.
— Столкнитесь с ним, и пусть даст ребенку порошок...
— Да, видно, придется, — сказал Редвуд и, подперев кулаком подбородок, уставился на огонь.

Бенсингтон стоял у стола, поглаживая пушок на боку цыпленка-великана.

— Огромные вырастут птицы, — сказал он.
— Да, — отозвался Редвуд, не сводя глаз с пламени.
— Наверно, с лошадь, — продолжал Бенсингтон.
— Больше, — сказал Редвуд. — В том-то и загвоздка.
Бенсингтон повернулся к нему.
— Редвуд, — сказал он, — а ведь эти птицы поразят весь мир.

Редвуд кивнул, по-прежнему глядя в огонь.

— И ваш мальчик тоже! Вот честное слово! — выпалил Бенсингтон, блеснув очками, и шагнул к Редвуду.
— Об этом я и думаю, — сказал Редвуд.

Он со вздохом выпрямился в кресле, швырнул недокуренную сигарету в камин и глубоко засунул руки в карманы.

— Именно об этом я сейчас и думал. Надо будет обращаться с Гераклсофорбией поосторожнее. Этот цыпленок, видно, рос уж с такой быстротой...

— Если мальчик станет расти в таком темпе... — медленно произнес мистер Бенсингтон и уставился на цыпленка. — Да, знаете ли! Это будет настоящий великан!

— Я буду постепенно уменьшать дозы, — сказал Редвуд. — Придется действовать через Уинклса.

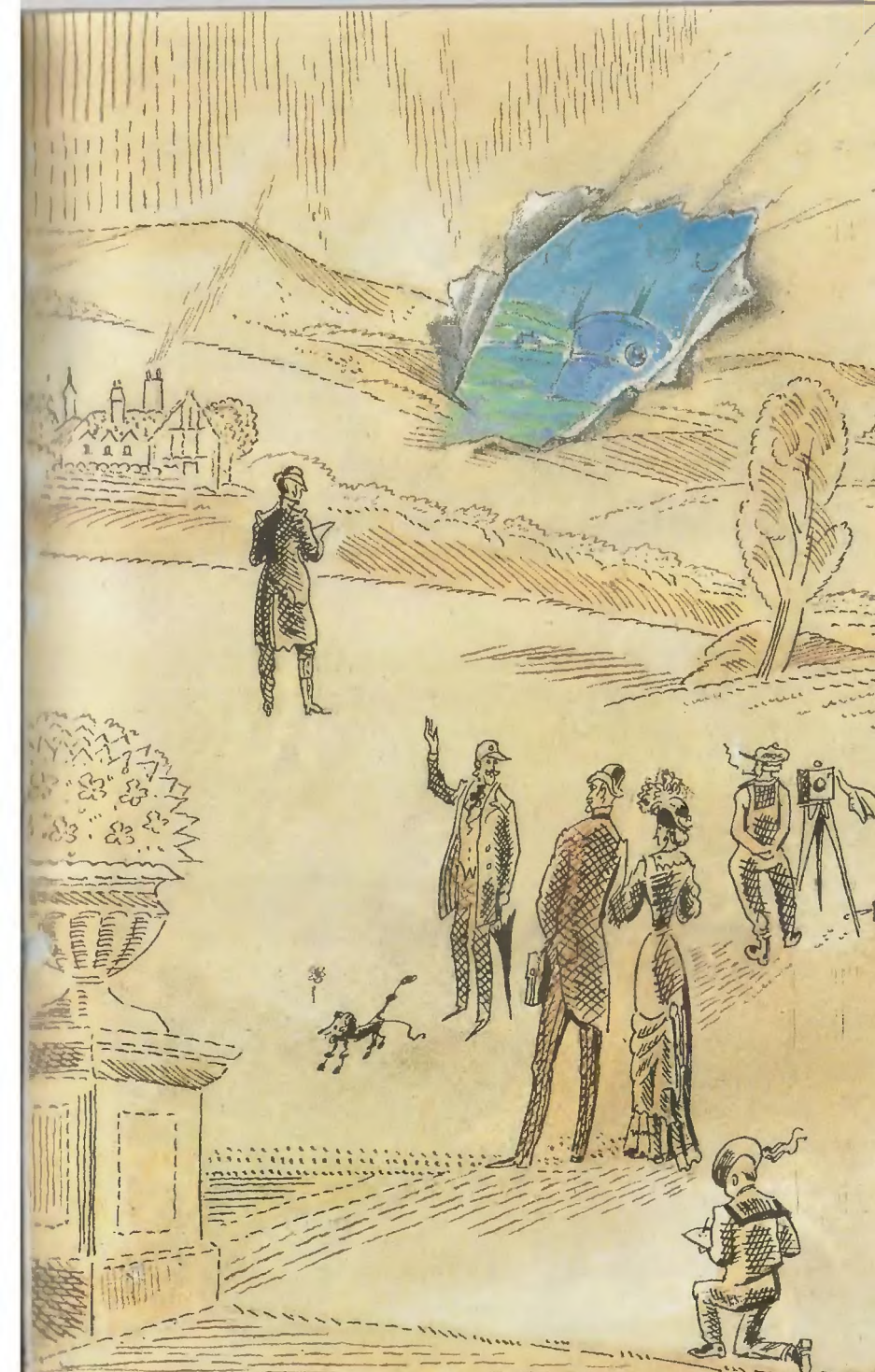
— Смелый эксперимент, что и говорить.

— Да.

— Но, знаете, уж если быть откровенным... Рано или поздно ведь пришлось бы испробовать это хоть на одном ребенке.

— Ну, на одном-то ребенке мы это, безусловно, испробуем.

— Вот именно, — сказал Бенсингтон, подошел к камину и, сняв очки, снова принялся их протирать.

— Мне кажется, Редвуд, пока я не увидал этих цыплят, я даже отдаленно не представлял себе, что мы, в сущности, делаем... какие тут открываются возможности. Только сейчас передо мною начинают вырисовываться... возможные последствия...

А между тем, поверьте, даже и в этот час мистер Бенсингтон имел весьма смутное понятие о том, какую бочку с порохом взорвет брошенная им искра.

IV

Было это в начале июня. Потом несколько недель Бенсингтону мешал съездить на опытную ферму воображаемый жестокий бронхит, и вместо него пришлось там побывать Редвуду. Возвратился он еще больше прежнего озабоченный судьбою сына. Растут, непрерывно растут.. уже целых семь недель...

А затем на сцене появились осы.

Первая гигантская оса была убита в конце июля, примерно за неделю до того, как куры сбегали из Хиклибрау. Сообщение об этом промелькнуло в нескольких газетах, но я не уверен, что оно попало на глаза мистеру Бенсингтону, и уж наверно он не подумал, что появление огромного насекомого как-то связано с неряшеством, царившим на его опытной ферме.

Теперь уже не приходится сомневаться, что, пока Скиллетт потчевал цыплят мистера Бенсингтона Пищей богов, множество ос так же усердно, а может быть, и еще усерднее таскали ту же снесь своему потомству, выведенному в начале лета среди песчаных холмов, за хвойным лесом, окружавшим ферму. И, бесспорно, на таком питании осиное потомство росло и процветало ничуть не хуже Бенсингтоновых кур. В соответствии со своей природой осы становятся вполне взрослыми быстрее, чем домашняя птица, — и вот из всех живых тварей, которые по милости неряхи Скиллетта и его достойной супруги воспользовались благами, предназначенными для кур, осы первыми вошли в историю.

По дошедшим до нас сведениям, первым, кто повстречался с чудовищной осой и кому удалось ее убить, был некто Годфри, лесничий в поместье подполковника Руперта Хика, близ Мейдстона. По колено в зарослях папоротни-

ка он переходил полянку в буковой роще — одном из живописных уголков в лесах подполковника Хика; у него было с собой ружье — по счастью, двустволка. И вдруг впереди показалось неведомое чудище — Годфри не мог толком его разглядеть, так как оно летело против солнца, но гудело оно «что твой мотор». По собственному признанию, Годфри порядком струхнул. Чудище было величиной с сову, а то и побольше, но опытный глаз лесничего тотчас заметил, что летит оно как-то странно, не по-птичьи быстро машет крыльями, так что их и не разглядишь. Движимый, как я подозреваю, в равной мере инстинктом самозащиты и давней привычкой, Годфри мигом сорвал с плеча двустволку и выстрелил.

Вероятно, оттого, что мишень была уж очень необычная, он промахнулся: лишь небольшая часть заряда попала в цель; чудище упало было с яростным жужжанием, по которому безошибочно узнаешь осу, но сразу опять взлетело, желтые и черные полосы заблестели в солнечных лучах. И сейчас же оса бросилась на Годфри. С двадцати ярдов он выстрелил из второго ствола, отшвырнул ружье, пробежал несколько шагов и нырнул в густой папоротник, стараясь увернуться от врага.

Оса пролетела в каком-нибудь ярде над ним, ударилась оземь, снова взлетела и, снова упав уже ярдах в тридцати от него, стала корчиться в агонии, извиваясь и пронзая воздух своим жалом. Годфри подобрал ружье, всадил в издыхающую осу еще два заряда и только после этого решился подойти ближе.

Потом он измерил мертвую осу: размах крыльев достигал двадцати семи с половиной дюймов, длина жала — трех дюймов. Дробь изуродовала туловище и разорвала брюшко, но Годфри прикинул, что от головы до жала было восемнадцать дюймов, и почти не ошибся. Глаз осы оказался величиной с монету в один пенни.

Таковы первые достоверные сведения о появлении гигантских ос. На следующий день велосипедист, который без педалей катил с холма между Семью дубами и Тонбриджем, едва не наехал на другую осу-великана, она переползала дорогу. Шорох шин, видно, встревожил ее, и она взлетела, гудя, точно механическая пила. Руль в ру-

ках перепуганного седока дрогнул, велосипед вильнул и съехал на обочину, а когда седок, осмелев, оглянулся, оса летела над лесом в сторону Уэстерхема.

Велосипедист еще немного проехал, с трудом удерживаясь в седле, потом затормозил, спешился (его так была дрожь, что, слезая, он упал вместе со своей машиной) и сел на обочине, чтобы хоть немного опомниться. Ехал он в Эшфорд, но в тот день добрался только до Тонбриджа...

Как ни странно, после этого целых три дня о громадных осах не было ни слуху ни духу. Может быть, потому, что, как я обнаружил, сверяясь с метеорологическими сводками, в те дни погода стояла пасмурная и холодная, а кое-где шел проливной дождь. А на четвертый день прояснилось, засверкало солнце, и с этим совпало невиданное нашествие ос-великанов.

Сколько их появилось в тот день, невозможно подсчитать. Сообщалось по меньшей мере о пятидесяти случаях. Была даже одна человеческая жертва: некий владелец бакалейной лавки застиг гигантскую осу в бочонке с сахаром и, когда она взлетела, сгоряча кинулся на нее с лопатой. Первым ударом он свалил ее на пол, а вторым рассек пополам, но она успела ужалить его через башмак — и из них двоих он умер первым.

Больше всего поразило публику появление осы-великана в Британском музее: среди бела дня она ринулась на одного из бесчисленных голубей, которые постоянно кормятся во дворе музея, взлетела с ним на карниз и там без помехи сожрала свою жертву. Затем она некоторое время ползала по крыше, через открытое окно забралась внутрь, жужжа, закружилась под стеклянным куполом читального зала (перепуганные читатели толпами кинулись к выходу) и, наконец, вылетела в другое окно и скрылась из глаз, причем после ее гудения наступившая тишина показалась людям оглушительной.

Почти всех остальных ос видели издали, на лету, большого вреда они не причинили. Одна обратила в бегство компанию гуляющих, которая расположилась закусить на Олдингтонском бугре, и уплела все сласти и варенье; другая, неподалеку от Уитстейбла, убила и растерзала щенка на глазах перепуганной хозяйки.

В тот вечер на улицах газетчики надрывались от крика, всюду бросались в глаза заголовки, набранные самым крупным шрифтом: «Гигантские осы в графстве Кент!» В редакциях люди бегали по винтовым лестницам, выкликая все новые вести о крылатых чудовищах. В пять часов вечера профессор Редвуд вышел из своего колледжа на Бонд-стрит, разгоряченный бурной схваткой, которую ему пришлось выдержать с коллегами из-за чересчур больших расходов на телят, и купил газету; развернув ее, он побледнел, мгновенно забыл и о телятах и о коллегах, вскочил в первый попавшийся наемный экипаж и поспешил к Бенсингтону.

V

С порога его оглушил голос Скилетта: тот вопил на всю квартиру и размахивал руками так, что, кроме него, уже ничего не было видно и слышно. Скилетт то жалобно взвизгивал, то чуть не рычал от злости.

— Мы больше не можем там оштаватьшя, шэр! Мы уж и так терпели, думали, штанет легче, а штановитшя чаш от чашу хуже. Там не одни ошы, шэр, там еще и ухвертки завелишъ — во-он такие (он вытянул жирную, грязную руку и отмерил на ней длину ухвертки — чуть не до локтя). Мишшиш Шкилетт как увидела, чуть в обморок не упала. А крапива у загонов, шэр, штрах как жжетшя, и вше раштет и раштет! И наштурция тоже — заползла в окно и чуть не шпутала мишшиш Шкилетт ноги. А вше ваш порошок виноват, шэр. Где капельку прошыплешъ, там вше раштет и раштет, шроду я тако-го не видал. Не можем мы оштатьшя до конца мешяца, шэр. Нам пока еще жизнь не надоела. А там коли ошы не заедят, так наштурция задушит. Вы и не поверите, шэр, пока швоими глазами не увидите...

Он устремил здоровый глаз куда-то в потолок над головой Редвуда.

— Почем знать, может, крыши тоже добралишъ до этого порошка! Вот чего я боюшъ, шэр. Пока что больших крыш не видать, но кто его знает. Ухверток-то мы видели и напугалишъ до шмерти — их было две, шэр, каждая ш хорошего омара... да еще эта наштурция... уж больно быштро она вырошла. А как я ушлыхал ош, шэр,

как ушлыхал, так шразу и понял, что к чему. Шразу шхвятилшия — и к вам, только и задержалшия пуговицу пришить, пуговица у меня отлетела. У меня и шейчаш душа не на меште, шэр. Штрах берет за мишшиш Шкилетт. Там эта наштурция вещь дом заплела... вот провалитьшия мне, шэр, надо глядеть в оба, а то шхватит и удавит, как змея... и уховертки раштут, как на дрожжах, и ошы... вдруг ш нею что шлучитшия, шэр, а у нее и завещание не шопставлено.

— А цыплята? — спросил мистер Бенсингтон. — Как цыплята?

— До вчерашнего дня мы их кормили, шэр, вот чтоб мне провалитьшия. А нынче утром побоялишь. Там ошы так жужжат, прошто штрах. Налетели тучей, да большущие такие. Ш курицу. Я ей и говорю, пришей, говорю, мне парочку пуговиц, не могу же я в таком виде в Лондон ехать. Вот поеду к миштеру Беншингтону и рашшкажу ему вше, как ешт. А ты, говорю, шиди дома и не выходи, пока я не вернушь, да шмотри окна не открывай.

— Если бы не ваша возмутительная неаккуратность...

— Ох, не говорите так, шэр, — возразил Скилетт. — У меня и без того душа болит за мишшиш Шкилетт. Я даже шлушать этого не могу, шэр, вот провалитьшия, не могу. У меня, шэр, одни крыши на уме... я вот ш вами тут разговариваю, а вдруг они уже шъели мою штаруху?

— Там должны быть такие поразительные кривые роста, а вы не сделали ни единого измерения! — сказал Редвуд.

— До того ли было, шэр! Знали бы вы, какого мы ш женой штраху натерпелишь за этот мешац! Ума приложить не могли, что же это такое делаетшия. Цыплята раштут, как шумашшедшие, и уховертки, и наштурция. Не припомню, шэр, говорил я вам про наштурцию?..

— Да, да, говорили, — сказал Редвуд. — Что нам делать, Бенсингтон, как, по-вашему?

— А нам-то что делать? — взмолился Скилетт.

— Вы возвращайтесь на ферму, — сказал Редвуд. — Нельзя оставлять миссис Скилетт одну на всю ночь.

— Ну нет, шэр, один я туда не поеду. Будь там хоть десять мишшиш Шкилетт. Вот ешли миштер Беншингтон...

— Чепуха! — оборвал его Редвуд. — Осы ночью спят. А ухвертки вас не тронут...

— Да, а крыши-то?

— Никаких там крыс нет, — сказал Редвуд.

VI

Мистер Скилетт напрасно тревожился за свою супругу. Миссис Скилетт не теряла времени зря.

Настурция, которая все утро, неслышно цепляясь усами, карабкалась выше и выше по стене, к одиннадцати часам заслонила окно; в комнате становилось все темней и темней, и миссис Скилетт все яснее понимала, что положение скоро сделается невыносимым. Казалось, с отъезда мужа прошла целая вечность. Некоторое время она пыталась сквозь темное окно, сквозь завесу шевелящихся зеленых плетей и усиков рассмотреть, что делается снаружи, потом тихонько отошла, осторожно приотворила дверь спальни и прислушалась...

Ничто не нарушало тишины — и вот, высоко подобрав юбки, миссис Скилетт бросилась в спальню, заглянула для верности под кровать, потом заперлась и быстро и споро, как женщина привычная, стала собираться в путь-дорогу. Постель с утра осталась не застелена, на полу валялись куски настурции. — Скилетту с вечера пришлось обрубить побеги топором, чтобы закрыть окно, — но миссис Скилетт не замечала беспорядка. Она достала более или менее приличную простыню и увязала в нее самое необходимое: все свои платья, белье, вельветовую куртку, которую Скилетт надевал в торжественных случаях, непочатую банку маринада. Все это было вполне законно, но заодно она прихватила и две наглухо закупоренные банки с Гераклеофорбией номер четыре из тех, что привез в последний раз мистер Бенсингтон. (Миссис Скилетт была женщина честная, но она была еще и бабушка, и у нее сердце разрывалось оттого, что такой отличный продукт приходилось скармливать каким-то паршивым цыплятам.)

Связав все свои пожитки в узел, она надела чепец, сняла фартук, новым шнурком для ботинок перевязала зонтик, постояла, прислушиваясь, у окна, потом у двери — и наконец отворила ее и вышла в мир, полный неведомых

опасностей. Зонтик она держала под мышкой, а узловатыми руками упрямо сжимала свои драгоценные пожитки. Чепец она надела самый лучший, с лентами, расшитый бисером, а среди всего этого великолепия вздымались и кивали два искусственных мака, словно исполненные того же трепетного мужества, что и их хозяйка.

Над переносьем у нее прорезалась решительная складка. Хватит с нее! Не станет она торчать тут одна! Скилетт, если угодно, пускай возвращается, а она сыта по горло.

Она вышла через парадную дверь, глядевшую на Хиклибрау, — надо ей было в противоположную сторону, в Чизинг Айбрайт, где жила ее замужняя дочь, но дверь черного хода уже невозможно было отворить — так разрослась тут взбесившаяся настурция с того дня, как миссис Скилетт просыпала возле нее порошок. Минуту-другую она прислушивалась, потом с величайшей осторожностью закрыла за собою дверь.

Прежде чем обойти дом, она опасливо выглянула из-за угла и осмотрелась...

Широкая расселина, точно шрам, пересекала песчаный холм за соснами, — там-то и гнездились гигантские осы, и миссис Скилетт испытующе посмотрела туда. Налетавшие с утра осы сейчас утомонились, их не было видно, и вокруг стояла тишина, доносилось лишь глухое гудение, как будто работала паровая лесопилка. Не видать было и ухверток. Правда, на огороде, среди грядок с капустой, что-то шевелилось, но, может, это просто кошка подкрадывалась к какой-нибудь пичуге. Несколько минут миссис Скилетт не сводила глаз с этого места.

Потом она завернула за угол, но через несколько шагов при виде загона с цыплятами-великанами снова остановилась. Поглядела на них и со вздохом покачала головой. Цыплята были уже ростом со страуса эму, но куда толще и массивнее. Их оставалось пять, и все курочки; было еще два петушка, но они, подравшись, забили друг друга до смерти. Курочки бродили понурые, и миссис Скилетт задумалась.

— Бедненькие, — сказала она и опустила свой узел на землю. — Со вчерашнего дня не поены, не кормлены! При эдаких-то аппетитах!

И тут эта вечно грязная, неряшливая старушонка совершила, на мой взгляд, истинный подвиг милосердия. Оставив узел и зонтик на вымощенной кирпичом дорожке, она пошла к колодцу, налила в пустое корыто целых три ведра воды и, пока цыплята жадно пили, потихоньку отперла калитку загона. После этого она с удивительным проворством подобрала свои пожитки, перелезла через живую изгородь на краю огорода, зашагала напрямик через некошенный луг, так что осинные гнезда остались в стороне, и дальше направилась извилистой тропкой к Чизинг Айбрайту.

Поднимаясь в гору с тяжелой ношей, она совсем запыхалась, часто останавливалась передохнуть и всякий раз оглядывалась на оставшийся позади, за елями, опустевший домик. Наконец, почти уже с вершины холма, она увидела вдаль трех огромных ос: медленно, тяжело они поодиночке летели на запад, и это зрелище сразу заставило ее прибавить шаг.

Скоро она вышла на открытое место, дальше тропинка шла по насыпи (здесь миссис Скилетт почувствовала себя почти в безопасности), а там показалась и долина, ведущая к холмам Хиклибрау. У подножия холма, укрывшись в тени большого дерева, миссис Скилетт посидела немного, переводя дух.

И опять решительно зашагала своей дорогой...

Видели бы вы ее — маленькую, черную, точно вставший на задние лапки муравей, с белым узлом в руке, — как она торопливо семенила по белеющей под жарким полуденным солнцем тропинке, пересекавшей отлогие склоны холмов! Казалось, это решительный, неутомимый нос ведет ее все вперед и вперед; маки, украшавшие чепец, непрестанно дрожали и раскачивались, башмаки на резинках все гуще покрывала белая дорожная пыль. В знойной тишине только и слышались ее шаги — шлеп да шлеп, зажатый под мышкой зонтик упрямо соскальзывал вниз и чуть не падал. Сморщенные, увядшие губы под огромным нависшим носом были поджаты с выражением непреклонной решимости, и старуха все снова вздергивала зонтик повыше — да не падай ты, прах тебя побери! — или мстительно встряхивала накрепко стиснутый

в руке узел. И порою бормотала что-то себе под нос в предвкушении какого-то спора со Скилеттом.

А впереди, в дымке голубого неба, постепенно вырисовывалась колокольня, и все яснее виднелся Чизинг Айбрайт — тихий уголок, такой далекий от суеты нашего буйного мира; там никто и не помышлял о Гераклеофорбии, что неотвратимо приближалась к этой обители тишины и спокойствия, притаившись в белом узле.

VII

Насколько я понимаю, куры-великаны нагрянули в Хиклибрау около трех часов пополудни. Должно быть, они ни минуты не теряли даром, хотя очевидцев не оказалось: на улице в ту пору никого не было. О том, что стряслось неладное, первым возвестил отчаянный вопль маленького Скеммерсдейла. Мисс Дарген, почтмейстерша, по обыкновению от нечего делать глядевшая в окно, вдруг увидела огромную курицу, — та неслась по улице с несчастным ребенком в клюве, а за нею по пятам — еще две такие же громадины. Вы и сами, конечно, знаете, с какой невероятной быстротой враскачку бегут к кормушке выпущенные из курятника крепкие, сильные куры недавно выведенных пород. И знаете, что от голодной курицы никак не отвяжешься, она настойчиво требует своего. Как мне говорили, среди предков Бенсингтоновых цыплят были плимутроки, а они и без Гераклеофорбии долговязы и бегуны первоклассные.

Быть может, мисс Дарген была не так уж изумлена. Как ни просил мистер Бенсингтон Скилеттов держать язык за зубами, а слухи об огромных цыплятах, выведенных на его ферме, ходили по деревне уже не первую неделю.

— Боже милостивый! — воскликнула мисс Дарген. — Так я и знала, что этим кончится!

Однако же она не растерялась. Мигом схватила опечатанный пакет с почтой, приготовленный для отправки в Аршот, и выбежала вон. И сейчас же в другом конце улицы показался мистер Скеммерсдейл, он бежал бледный, как полотно, размахивая лейкой, которую держал за носик. А еще через минуту, конечно, уже все жители деревушки выглядывали из дверей и окон.

Завидев мисс Дарген, которая бежала к ней через дорогу, размахивая всей дневной корреспонденцией всего Хиклибрау, похитительница юного Скелмерсдейла оставилась. Помешкала секунду — и через открытые настежь ворота вбежала во двор к Фалчеру. Эта секунда промедления оказалась роковой. Подскочила вторая курица, нацелившись клювом, выхватила у нее добычу и через ограду перемахнула в сад к приходскому священнику.

В курицу, бежавшую позади, попала лейка, пущенная меткой рукой мистера Скелмерсдейла, и она с отчаянным кудахтаньем перелетела над домиком миссис Глю во двор к доктору, а остальные громадные птицы тем временем мчались по лужайке вдогонку за той, которая тащила ребенка.

— Господи боже! — вскричал священник (некоторые уверяют, что он выразился более мужественно) и, грозно размахивая крокетным молотком, бросился наперерез.

— Стой, негодяйка! — кричал он, словно гоняться за гигантскими курами было ему не впервой.

А затем, видя, что не успеет перехватить воровку, из всей мочи запустил в нее молотком — и тот, описав изящную кривую в каком-нибудь футе от головы Скелмерсдейла-младшего, угодил в стеклянную стенку теплицы. Дзинь, трах! Новенькая теплица! Так любовно и так недавно отстроенная женой священника!

Звон разбитого стекла напугал курицу — тут бы всякий напугался, — и она уронила свою добычу в куст португальского лавра. Младенца вскоре оттуда извлекли, встрепанного, но целого и невредимого, пострадала только его одежда. Она оказалась не столь прочной, как ее хозяин. Курица подскочила, захлопала крыльями — и очутилась на крыше Фалчеровой конюшни, но неплотно лежавшая в этом месте черепица не выдержала, и беглянка, так сказать, с неба свалилась в закуток, где в тихом уединении пребывал мистер Бампс, паралитик; сейчас уже неопровержимо доказано, что в эту критическую минуту своей жизни мистер Бампс впервые без чьей-либо помощи вскочил, пересек сад, — и только когда он хлопнул за собой дверь и задвинул засов, к нему разом вернулись христианское смирение и беспомощность опекаемого женою инвалида...

Остальным курам преградили дорогу другие игроки в крокет, и они кинулись через огород священника во двор к доктору; туда же явилась и пятая их товарка, горестно кудахтая после неудачной попытки прогуляться по рамам с парниковыми огурцами мистера Уизерспуна.

Куры постояли немного, копаясь в земле и раздумчиво кудахтая, потом одна долго и упорно клевала и долбила клювом улей, стараясь добраться до докторовых пчел, а затем все пять, неуклюже переваливаясь, подскакивая, топорща перья и то ускоряя, то замедляя шаг, двинулись полями к Аршоту, и больше их в Хиклибрау не видели. Неподалеку от Аршота они набрали на подходящую для себя еду — огромное поле брюквы — и принялись жадно клевать. Но скоро они стали жертвами своей славы.

Поразительное вторжение в жизнь человеческую птиц-великанов пробудило в людях буйную, неодолимую жажду вопить, бегать и швырять чем попало, — и очень быстро все мужское население Хиклибрау и даже несколько особ женского пола, вооружась самыми разнообразными предметами, которыми можно размахивать, колотить или кидать в цель, устроили облаву на гигантских кур. Их загнали в Аршот, где как раз было в разгаре гулянье, и жители Аршота встретили их как достойное завершение праздника. Кур преследовали до Финдон Бичс, тут кто-то начал в них стрелять из мелкокалиберного ружья. Но, конечно, в птицу такого размера можно сколько угодно палить дробью — она ничего и не почувствует. Где-то близ Семи дубов куры бросились враспынную, и одну из них чуть погодя видели у Тонбриджа. С громким кудахтаньем она суматошливо бежала по берегу, все время держаась немного впереди быстроходного катера и несказанно изумляя пассажиров.

В тот же день около половины шестого двух из этих кур ловко поймал владелец тонбриджского цирка: разбросав по полу куски хлеба и пирога, он заманил их в клетку, которая пустовала после смерти овдовевшей верблюдицы...

VIII

Когда злосчастный Скилетт сошел в тот вечер с поезда на станции Аршот, уже смеркалось. Поезд опоздал — правда, ненадолго, — и мистер Скилетт поставил это на вид на-

чальнику станции. Быть может, ему почудилось, что начальник станции как-то особенно на него посмотрел, и, помедлив секунду в нерешимости, Скилетт прикрыл рот ладонью и вполголоса осведомился, не случилось ли «чего-нибудь этакого».

— Какого еще «этакого»? — переспросил начальник станции, голос у него был громкий и резкий.

— Ну, может, ошсы или еще что...

— Тут было не до «ош», — сказал начальник станции. — Нам и с вашими окаянными курами хлопот хватало.

И он обрушил на Скилетта рассказ о похождениях его цыплят, точно град камней в окно политического противника.

— А как мишшиш Шкилетт, не шлыхали? — все же спросил Скилетт, оглушенный этими новостями и нелестными комментариями.

— Еще чего! — отрезал начальник станции, ясно показывая, что судьба этой дамы его ничуть не занимает.

— Надо мне узнать, как и что, — сказал Скилетт и поспешно ретировался, а вдогонку ему летели не слишком лестные замечания о дураках, которые перекармливают кур и обязаны за это ответить...

Когда Скилетт проходил через Аршот, его окликнул работник из Хэнки и спросил, уж не ищет ли он своих кур.

— А как там мишшиш Шкилетт, не шлыхали? — снова осведомился незадачливый супруг.

Собеседник выразился в том смысле, что его куда больше интересуют куры, но подлинные слова его повторять не стоит.

Было уже совсем темно, во всяком случае, настолько, насколько может быть темно в Англии в безоблачную июньскую ночь, когда мистер Скилетт заглянул в дверь кабачка «Веселые возчики» (вернее, заглянула одна только его голова).

— Эй, друзья! — сказала голова. — Не шлыхали, что там за сказки раппказывают про моих кур?

— Как не слышать! — отозвался мистер Фалчер. — Одна сказка проломила крышу моего сарая, а дру-

гая вдребезги расколотила парники... то бишь, как их... оранживеи у жены священника...

Тут Скилетт вылез из-за двери.

— Мне бы подкрепиться, — сказал он. — Горячего бы джину ш водой в шамый раз.

И тогда все наперебой стали ему рассказывать, что на-
творили его цыплята, а он слушал и только повторял:

— Боже милостивый!

Потом, улучив минуту, когда все умолкли, спросил:

— А как там мишшиш Шкилетт, вы не слышали?

— Не слышали, — сказал мистер Уизерспун. — Не до
нее нам тут было. Да и не до вас тоже.

— А вы разве нынче дома не были? — спросил Фал-
чер, поднимая голову от пивной кружки.

— Если какая-нибудь из этих подлых кур ее клюнула
разок-другой...

Мистер Уизерспун не договорил, он предоставил слу-
шателям вообразить себе ужасную картину.

В эту минуту все охотно пошли бы со Скилеттом по-
глядеть, не случилось ли и впрямь чего-нибудь с его су-
пругой, — это ли не развлечение на закуску, достойное
столь богатого событиями дня! Неожиданности следуют
одна за другой, было бы жаль что-нибудь упустить...

Но тут Скилетт (он в это время, устремив один глаз на
буфет, а другой в вечность, тянул у стойки свой джин)
сам же расхолодил компанию.

— Надо думать, эти большие ошы нынче никого не
тревожили? — спросил он с нарочитой небрежностью.

— Нам было не до них, мы с вашими курами вози-
лись, — отозвался Фалчер.

— Надо думать, они уже куда-нибудь улетели, — ска-
зал Скилетт.

— Кто, куры?

— Да нет, я больше про ош, — пояснил Скилетт.

А затем, тщательно выбирая слова и делая чуть ли не
на каждом многозначительное ударение, он спросил с на-
пускной небрежностью, которая заставила бы насторо-
житься и грудного младенца:

— Надо думать, про других каких-нибудь больших жи-
вотных у нас ничего не слышать, а? Про собак, или, ска-

жем, кошек, или *вроде* того? раз уж появляются такие большущие куры и ошсы...

И он захохотал: мол, сами понимаете, это я так болтаю, для потехи.

Но почтенные жители Хиклибрау разом помрачнели. Фалчер первым высказал вслух общую мысль:

— Ежели кошка да под стать этим курам...

— Н-да-а,— сказал и Уизерспун.— Этакая кошка...

— Это уж будет не кошка, а тигр,— сказал Фалчер.

— А то и побольше...— сказал Уизерспун.

И вот наконец Скилетт зашагал одинокой полевой тропинкой, что вела от Хиклибрау в гору, а потом нырала в осененную хмурыми соснами ложбину, где в безмолвии и мраке мертвой хваткой сдавили опытную ферму Бенсингтона плети гигантской настурции... Но шагал он в одиночестве.

Его проводили до подножия холма — на большее сочувствия и любопытства не хватило, — видели, как он поднялся на вершину, как мелькнул его четкий силуэт на бледно-золотом фоне согретых закатом небес и снова канул в сумрак, откуда, казалось, ему уже нет возврата. Он ушел в неизвестность. И по сей день никто не знает, что случилось с ним после того, как он скрылся за холмом. Немного погодя у обоих Фалчеров и Уизерспуна разыгралось воображение, и они тоже поднялись на вершину и поглядели на север, куда ушел Скилетт, но тьма уже поглотила его.

Трос провожатых придвинулись ближе друг к другу и молча стояли и смотрели.

— Вроде там все в порядке,— сказал наконец Фалчер-младший.

— Что-то ни одного огонька не видать,— сказал Уизерспун.

— А отсюда их и не увидишь.

— Да еще туман нынче,— сказал Фалчер-старший.

Они еще постояли в раздумье.

— Было бы что неладно, так он бы воротился,— сказал Фалчер-младший.

Это прозвучало вполне убедительно, и еще немного погодя старик Фалчер сказал:

— Ладно, пошли.

И все трое отправились домой спать — правда, на обратном пути они были какие-то притихшие и задумчивые.

В ту ночь пастух, который остановился со своими овцами неподалеку от фермы Хакстера, слышал громкий визг и решил, что это лисицы, а наутро недосчитался барашка — и отыскал его наполовину обглоданные кости на дороге в Хиклибрау...

Самое непонятное, что никаких останков, по которым можно было бы опознать Скилетта, так и не нашли!

Месяца через полтора среди обугленных развалин опытной фермы, в разных концах ее, найдены были кости, похожие, пожалуй, и на человеческие — лопатка и еще одна, длинная, быть может, берцовая, тоже изглоданная до неузнаваемости. А у ограды со стороны Айбрайта, возле перелаза, нашли стеклянный глаз, и тут-то многим стало ясно, что именно этому сокровищу Скилетт был в немалой мере обязан своим обаянием. Стеклянный глаз смотрел на белый свет с тем же отрешенным, суровым и скорбным выражением, которое когда-то придавало значительность весьма заурадной физиономии мистера Скилетта.

После тщательных розысков среди развалин обнаружили металлические ободки двух полотняных пуговиц, еще три такие же пуговицы, сплюснутые, но уцелевшие, и одну металлическую, из тех, которым в нашем туалете отнюдь не полагается быть на виду. Авторитетные лица сочли эти находки неопровержимым доказательством того, что Скилетт был убит и растерзан в куски, но меня это не убеждает. Признаться, памятуя о явном его отвращении ко всяким застежкам, я предпочел бы для верности найти меньше пуговиц, но больше костей.

Правда, стеклянный глаз — как будто доказательство бесспорное, но, если он и в самом деле принадлежал Скилетту (а даже миссис Скилетт и та не знала наверняка, был ли неподвижный глаз мужа стеклянным), то цвет его странным образом изменился и из светло-карего стал небесно-голубым. А лопатка — свидетельство совершенно ненадежное; прежде чем признать этот огрызок частью человеческого скелета, я хотел бы сравнить его для на-

глядности с изгрызенными лопатками каких-нибудь овец или телят.

А кстати, куда девались башмаки мистера Скилетта? Может быть, у крыс очень странный, даже извращенный вкус, но неужели они, которые бросили недоеденного башмака, пожрали бы Скилетта целиком, не оставив ни волос, ни костей, ни зубов, ни башмаков?

Я тщательно расспросил всех, кто сколько-нибудь близко знал Скилетта, и все в один голос твердили, что не родился еще на свет такой зверь, который бы сожрал Скилетта. Некий отставной моряк, арендатор одного из коттеджей мистера У. У. Джейкобса в Дантон Грин, с загадочным и глубокомысленным видом, обычным для здешних жителей, высказал мнение, что прикончить мистера Скилетта зверь, пожалуй, мог, но съесть — никак: даже у самого лютого отшибло бы аппетит. Окажись Скилетт на плоту посреди океана в числе потерпевших кораблекрушение, уж ему-то не грозила бы смерть от руки изголодавшихся спутников. «Неохота мне про него худо говорить, — прибавил отставной моряк, — но что правда, то правда». А уж надеть сшитый Скилеттом костюм он, моряк, нипочем бы не согласился — для этого надо окончательно рехнуться. Судя по всем этим разговорам, навряд ли какое-нибудь живое существо могло счесть Скилетта лакомым блюдом.

Скажу вам, читатель, прямо и откровенно: не верится мне, чтобы Скилетт возвратился на ферму. Скорее всего он долго бродил в нерешимости по окрестным полям и лугам, а когда поднялся непонятный визг, разбудивший пастуха, избрал простейший выход из затруднительного положения: канул в неизвестность.

Так, в неизвестности — в нашем, а быть может, в каком-то ином, неведомом нам мире — он, вне всякого сомнения, упорно остается и поныне.

Глава III *Гигантские крысы*

I

На третью ночь после исчезновения мистера Скилетта доктор из Подбёрна ехал в своей двуколке по дороге к Хэнки. Долгие часы провел он в хлопотах, помогая еще одно-

му ничем пока не примечательному гражданину войти в наш странный мир,— и теперь, усталый и сонный, возвращался восвояси. Было уже около двух часов пополудни, всходил тонкий серп убывающей луны. В эту пору и летом становится прохладно, и вокруг стлался белесый туман, скрадывая очертания предметов. Доктор ехал один, без кучера,— тот накануне слег; вокруг ничего не видно и не слышно, лишь бегут навстречу в желтом свете фонарей двуколки таинственно-темные живые изгороди, да дробно стучат лошадиные копыта и колеса, и им вторит эхо среди кустов. Лошадь дорогу знает, на нее можно положиться, как на самого себя,— неудивительно, что доктор задремал...

Вам, конечно, знакомо это состояние: сидишь и клюешь носом, покачиваясь в лад мерному стуку колес, голова совсем опускается на грудь — и вдруг вздрогнешь и встрепенешься...

Цок, цок, цок... — стучат копыта, стучат колеса.

Но что это?

Совсем близко кто-то пронзительно взвизгнул — или только почудилось? Доктор совсем было проснулся. Выбранил лошадь, которая вовсе этого не заслужила, и огляделся по сторонам. И постарался сам себя успокоить: наверно, это взвизгнула лисица или, может быть, крольчонок, попавший в зубы хорьку.

Цок, цок, цок... — стучат копыта, шуршат кусты живой изгороди.

Что такое?

Опять ему что-то почудилось. Он встряхнулся и прикрикнул на лошадь. Прислушался, но ничего не услышал.

Ничего? Так ли?

Что за странность, кажется, его кто-то подстерегает — над изгородью мелькнула странная голова какого-то животного. Большая, с круглыми ушами! Доктор напряг зрение, но ничего не разглядел.

— Вздор, — сказал он и выпрямился.

Наверно, это привиделось во сне. Доктор легонько тронул лошадь кнутом, велел ей поторавливаться и опять поглядел на кусты. В неверном свете фонарей, в пелене тумана все очертания казались смутными и зыбкими. Но нет, там, за кустами, не может таиться опасность, иначе

лошадь почуяла бы и шарахнулась... И все же доктору стало тревожно.

А потом он явственно расслышал шлепанье мягких лап: кто-то вскачь догонял его.

Доктор не поверил своим ушам. Оглянулся, но ничего не увидел за крутым поворотом дороги. Хлестнул по лошади и опять покосился через плечо. И тут луч фонаря попал на такое место изгороди, где кусты были пониже, — и за ними мелькнула изогнутая спина... спина какого-то большого животного, доктор не понял какого; быстрыми, резкими скачками оно нагоняло двуколку.

Тут ему вспомнились старые сказки о колдовстве, рассказывал после доктор, — уж слишком не похож был неведомый зверь на всех известных ему животных; он испугался, что испугается лошадь и понесет, и крепче сжал вожжи. И хоть он человек образованный, но в ту минуту, по собственному признанию, подумал: а вдруг это — привидение, вот оно и явилось ему одному, а лошадь ничего не видит?

Впереди, уже недалеко, черным силуэтом в лучах встающей луны маячила деревушка Хэнки; хоть в окнах не было ни огонька, вид ее успокоил доктора, он щелкнул кнутом и снова крикнул, погоняя лошадь, — и тут крысы кинулись на него!

Мимо мелькнули ворота, и в этот миг передняя крыса одним прыжком перемахнула через изгородь. Прежде она скрывалась в темноте, а теперь вся оказалась на виду: острая, жадная морда, закругленные уши, длинное туловище — вытянутое в прыжке, оно показалось доктору еще огромнее; особенно поразили его розовые передние лапы зверя. И, может быть, самое страшное — что зверь был неведомый, ни на что не похожий. Крысу доктор в этом чудище не признал, сбитый с толку его размерами.

Лошадь в испуге шарахнулась от метнувшегося к ней большого темного тела. На узкой дорожке меж двух живых изгородей поднялся шум, доктор закричал, захлопал кнутом. Все словно понеслось с головокружительной быстротой.

Цокот копыт, шлепанье мягких лап, шуршанье кустов...

Доктор вскочил, крикнул и что было силы стегнул крысу кнутом. Она вздрогнула и вильнула в сторону — при свете фонаря видна была даже вмятина на шкуре от удара кнута, — и доктор без памяти хлестал снова и снова, не замечая, что еще одна крыса догоняет его с другой стороны. Потом оглянулся и выронил вожжи: третья крыса мчалась за ним по пятам...

Лошадь рванулась вперед. Двуколка подскочила на рытвине. Одно безумное мгновение доктору казалось, что все вокруг скачет и мчится...

А потом лошадь упала, — по счастью, это случилось, когда доктор уже въехал в деревню, но не успел ее миновать.

Споткнулась ли лошадь, или ее свалила вторая крыса, рванув с налету острыми зубами и повиснув на ней всей своей тяжестью, никто не знает; доктор даже не заметил, что и сам ранен, он обнаружил это только после, в домишке каменщика, и никак не мог вспомнить, когда же это случилось, хотя укус был болезненный — две глубокие борозды на левом плече, словно прорезанные взмахом двойного томагавка.

Только что он стоял в двуколке — и вдруг очутился на земле, нога вывихнута, но он этого еще не замечает; третья крыса насккивает на него, и он отчаянно отбивается кнутом. Должно быть, он выпрыгнул из падавшей двуколки, но в пылу битвы все смешалось у него в голове, и он ничего толком не мог вспомнить. Я думаю, когда крыса впилась в горло лошади, та взвилась на дыбы и рухнула на бок; двуколка опрокинулась, и доктор инстинктивно соскочил на землю. Фонарь при падении разбился, керосин вспыхнул, и яркий свет озарил жестокую схватку.

Ее-то и увидел каменщик.

Он еще раньше услышал цокот копыт, стук колес и отчаянные крики доктора, хотя сам доктор не помнил, что кричал. Каменщик соскочил с постели, начал поднимать штору, и тут раздался страшный треск и за окном вспыхнул ослепительный свет. По словам каменщика, сделалось светло как днем. Он замер, стиснув в руке шнур, и уставился на дорогу — там все вдруг стало неузнаваемо и страшно, как в кошмарном сне. В свете пламени дергал-

ся черный силуэт доктора и плясал кнут в его руке. Едва различимая за слепящим костром, била в воздухе копытами лошадь, в горло ее вгрызалась крыса. Поодаль, у церковной ограды, зловеще сверкали из темноты глаза другой хищницы, и можно было угадать третью — виднелись только налитые кровью глаза да розовые лапы, цеплявшиеся за ограду; должно быть, она прыгнула туда, испугавшись огня, когда разбился фонарь.

Вам, конечно, хорошо знакомы крысиные морды, длинные передние зубы и свирепые глаза. И все это представало перед каменщиком, увеличенное примерно в шесть раз, да еще внезапно, среди ночи, в неверном свете пляшущего пламени, да еще спросонок мысли его путались... Жутко ему стало...

Тут доктор воспользовался мгновенной передышкой — пламя все же отпугнуло крыс, — кинулся к дому и отчаянно застучал в дверь рукояткой кнута.

Но хозяин впустил его только после того, как зажег лампу.

Потом многие осуждали его за это; не решаюсь к ним присоединиться: как знать, возможно, на его месте я оказался бы не храбрее...

Доктор кричал во все горло и колотил в дверь.

Каменщик утверждает, что, когда дверь наконец отворилась, бедняга просто плакал от страха.

— Запри! — крикнул доктор. — Запри!

Больше он не мог вымолвить ни слова. Хотел было помочь, но руки не слушались. Каменщик запер дверь на засов, а доктор рухнул на стул и долго не мог подняться...

— Не знаю, что это было, — твердил он. — Не знаю, что это было. — Голос его срывался.

Каменщик хотел принести ему виски, но доктор ни за что не соглашался остаться один при тусклой мигающей лампе. Прошло немало времени, пока хозяин уговорил его подняться наверх и лечь...

Когда огонь за окном погас, гигантские крысы вернулись к убитой лошади, уволокли ее через кладбище к кирпичному заводу и глодали до самого рассвета; никто не осмелился им помешать...

На следующее утро часов в одиннадцать Редвуд отправился к Бенсингтону; в руках у него были три вечерние газеты.

Бенсингтон оторвался от унылых размышлений над забытыми страницами самого «увлекательного» романа, какой только сумели для него подобрать в библиотеке на Бромптон-роуд.

— Есть новости? — спросил он.

— Возле Чартема осы ужалили еще двоих.

— Сами виноваты. Почему они не дали нам окурить гнездо?

— Конечно, сами виноваты, — согласился Редвуд.

— А как с покупкой фермы? Ничего нового?

— Наш агент — настоящая дубина да еще и пустомеля, — сказал Редвуд. — Прикидывается, будто на ферму есть еще другой покупатель — вы же знаете, так всегда бывает, — и не желает понять, что мы спешим. Я пытался ему втолковать, что дело идет о жизни и смерти, а он этак скромно потупился и спрашивает: «Так почему же вы торгуетесь из-за каких-то двухсот фунтов?» Нет уж, я скорее соглашусь всю жизнь жить среди гигантских ос, но не уступлю этому наглому болвану. Я... — И он умолк, не желая портить впечатление от своих слов.

— Хорошо бы, какая-нибудь оса догадалась его... — Бенсингтон не договорил.

— В служении обществу осы смыслят ровно столько же, сколько... агенты по продаже недвижимого имущества, — возразил Редвуд.

Он еще неспешно поворчал насчет агентов, стряпчих и прочей публики, и суждения его были неразумны и несправедливы, — почему-то очень многие отзываются так о представителях этих достойных профессий.

— Ведь это же нелепо: в нашем нелепом мире мы от врача или солдата всегда ждем честности, мужества и деловитости, а вот стряпчий или агент по продаже недвижимости почему-то может быть жадным жуликом, подлецом и тупицей, и это в порядке вещей.

Наконец Редвуд отвел душу, подошел к окну и стал смотреть на улицу.

Бенсингтон отложил «увлекательный» роман на маленький столик, где стояла электрическая лампа. Затем

аккуратно соединил кончики пальцев обеих рук и внимательно посмотрел на них.

— Редвуд, — начал он, — много ли о нас говорят?

— Не так много, как я ожидал.

— И ни в чем нас не обвиняют?

— Ни в чем. Но, с другой стороны, и не принимают никаких мер, а я ведь ясно указал, что нужно делать. Понимаете, я написал в «Таймс» и все объяснил...

— Мы читаем «Дейли Кроникл», — заметил Бенсингтон.

— И в «Таймсе» на эту тему появилась большая передовица, отлично написанная, первоклассная передовица, украшенная тремя перлами газетной латыни — вроде статус-кво, — и звучит она, как бесплотный глас некоего значительного лица, которое страдает от простуды и головной боли и вещает сквозь толстый слой ваты, хотя этот компресс и не приносит ему ни малейшего облегчения. Впрочем, между строк можно прочесть, что газета предлагает называть вещи своими именами и действовать немедленно (а как — неизвестно). В противном случае можно ожидать самых нежелательных последствий, — в переводе с газетного языка на общечеловеческий появятся новые гигантские осы и ухвертки. Вот уж поистине статья, достойная государственного мужа!

— А пока гиганты множатся самым отвратительным образом.

— Вот именно.

— А вдруг Скиллетт был прав, и уже есть гигантские крысы...

— Ну что вы! Это было бы чересчур, — содрогнулся Редвуд.

Он отошел от окна и остановился у кресла, где сидел Бенсингтон.

— Кстати, — начал он, понизив голос, — а как она...

Он указал на закрытую дверь.

— Кузина Джейн? Да она ничего не знает. Она не читает газет и не подозревает, что все эти слухи и разговоры как-то связаны с нами. «Вот еще глупости, — говорит она. — Гигантских ос выдумали! Просто терпенья нет с этими газетами!»

— Нам повезло, — заметил Редвуд.

— Я полагаю, что... миссис Редвуд?..

— Ей сейчас не до газет,— прервал Редвуд.— Она в страшной тревоге за сына. Ведь он все растет.

— Растет?

— Да. За десять дней прибавил почти два с половиной фунта и весит теперь без малого шестьдесят. А ведь ему всего шесть месяцев! Как тут не тревожиться.

— А он здоров?

— На удивление. Нянька просит расчет — уж слишком он больно дерется. И мигом вырастает из всякой одежды, не успеваем шить новую. У коляски сломалось колесо — он для нее слишком тяжел, — и пришлось везти ребенка домой на тележке молочника. Представляете? Собралась толпа зевак... И пришлось отдать ему кровать Джорджины Филис, а она спит в его кроватке. Понятно, мать очень волнуется. Сначала она гордилась таким великаном-сыном и превозносила Уинклса. Ну, а теперь, видно, чувствует, что тут что-то неладно. Вы-то знаете, в чем дело.

— Мне казалось, вы хотели постепенно уменьшать дозу.

— Пытался.

— Не удалось?

— Поднимает рев. Все дети плачут так, что хоть уши затыкай, говорят, это им даже полезно, а уж тут... ведь он все время получает Гераклеофорбию...

— Да-а.— Бенсингтон повесил голову и еще пристальнее начал разглядывать свои пальцы.

— Все равно нам это не скрыть. Люди прослышат о ребенке-великане, припомнят наших кур и прочих гигантов, и это в конце концов неизбежно дойдет до жены... Что с ней тогда будет, я и вообразить не могу.

— Да, поистине, всего заранее не предусмотреть,— сказал Бенсингтон, снял очки и тщательно их протер.— И ведь это вечная история,— продолжал он.— Мы, ученые,— если мне дозволено претендовать на это звание — всегда трудимся ради результата теоретического, чисто теоретического. Но при этом подчас, сами того не желая, вызываем к жизни новые силы. Мы не вправе их подавлять, а никто другой этого сделать не может. Собствен-

но говоря, Редвуд, все это теперь уже и не в нашей власти. Мы можем только изготавливать Гераклеофорбию...

— А они, — закончил Редвуд, вновь поворачиваясь к окну, — на опыте узнают, что из этого получается.

— Что до событий в Кенте, я больше не намерен из-за них беспокоиться.

— Если только они сами нас не побеспокоят.

— Вот именно. Эта пубика до тех пор будет путаться со стряпчими и крючкотворами, ссылаться на законы и важно изрекать благоглупости, пока у них под самым носом не расплодятся новые гигантские паразиты... В нашем мире испокон веков царит великая путаница.

Редвуд чертил в воздухе какую-то сложную кривую.

— Для нас теперь главное — ваш мальчик, Редвуд.

Редвуд повернулся, подошел к своему коллеге и с тревогой заглянул ему в глаза:

— Что вы о нем думаете, Бенсингтон? Вам легче смотреть на все это более трезво. Что мне с ним делать?

— Продолжайте кормить его.

— Гераклеофорбией?

— Да.

— Он будет расти...

— Если судить по цыплятам и осам, он вырастет примерно футов до тридцати пяти... и развиваться будет гармонично.

— Но как он будет жить?

— Вот это и есть самое интересное, — ответил Бенсингтон.

— Черт возьми! С одной одеждой хлопот не оберешься! И потом, когда он вырастет, он окажется единственным Гулливером в мире пигмеев.

Глаза Бенсингтона за золотой оправой очков многозначительно блеснули.

— Почему единственным? — произнес он и повторил еще внушительнее: — Почему же единственным?

— Уж не собираетесь ли вы...

— Я спрашиваю, — перебил мистер Бенсингтон с упорством человека, который наконец-то нашел нужные слова, — почему единственным?

— Вы хотите сказать, что можно и других детей...

— Я ничего не хочу сказать, я только спрашиваю.

Редвуд зашагал из угла в угол.

— Да, конечно, — сказал он, — можно было бы... Но ведь... К чему это приведет?

Бенсингтон, видно, наслаждался своими теоретическими построениями.

— Рассуждая логически, можно предположить, что и мозг его будет футов на тридцать выше обычного уровня, и это — самое интересное... Что с вами?

Редвуд, стоя у окна, взволнованно провожал глазами тархтевшую тележку, обклеенную афишками, — каковы последние новости?

— Что с вами? — повторил Бенсингтон, вставая с кресла.

Редвуд вскрикнул.

— Да что такое? — спросил Бенсингтон.

— Бегу за газетой! — бросил Редвуд и шагнул к двери.

— За чем?

— За газетой. Что-то там... Я не совсем понял... Гигантские крысы...

— Крысы?

— Да, крысы. Все-таки Скиллетт был прав.

— Что вы хотите сказать?

— Черт его знает, надо сперва достать газету. Огромные крысы... Господи! Неужели они его съели!

Он поискал глазами шляпу и с непокрытой головой бросился вон из комнаты. Он сбежал вниз, перескакивая через две ступеньки, а с улицы неслись вопли — мальчишки-газетчики выкрикивали последнюю сенсацию:

«Жуткая драма в Кенте! Жуткая драма в Кенте! Врача съели крысы! Жуткая драма, жуткая драма!.. Крысы! Громадные крысы! Жуткая драма, все подробности!»

III

Коссар, известный инженер-строитель, наткнулся на них в просторном подъезде дома, где жил Бенсингтон: Редвуд читал экстренный выпуск газеты, далеко отставив от глаз еще сырой розовый листок, а Бенсингтон, поднявшись на цыпочки, заглядывал через его плечо. Коссар был долго-вязый, несуразный, грубые руки и ноги кое-как прилажены к массивному туловищу; лицо точно вырезано из дерева, но не dokonчено, ибо резчик быстро понял, что из

этой затее толку не выйдет. Нос так и остался четырехугольным, нижняя челюсть далеко выдавалась вперед. Дышал Коссар шумно, с натугой. Никто не назвал бы его красавцем. Прямые, как палки, волосы торчали во все стороны. Он был немногословен, но высокий, скрипучий голос его всегда звучал обиженно и сердито. На нем красовались неизменная серая пиджачная пара и шелковый цилиндр.

Он пошарил огромной красной ручищей в бездонном кармане, расплатился с извозчиком и, пыхтя, двинулся вверх по лестнице; в руке он сжимал листок того же экстренного выпуска, словно Зевс-громовержец разящую молнию.

— Что Скиллетт? — не замечая Коссара, спрашивал в эту минуту Бенсингтон.

— О нем ничего не сказано, — ответил Редвуд. — Конечно, его съели. Их обоих съели. Вот ужас!.. А-а, Коссар!

— Ваша работа? — грозно спросил Коссар, размахивая газетой. — Почему же вы этого не прекратите? То есть как это не можете, черт возьми! Что? Вздумали купить эту ферму? Чушь! Сожгите ее! Так я и знал, где уж вам тут справиться! Что теперь делать? Да то, что я велю. Что? Как? Очень просто — сейчас же бегите к оружейнику. Зачем? Да за ружьями. Тут поблизости только один оружейный магазин. Купите восемь ружей! Винтовок. Нет, не для охоты на слонов, те чересчур велики. И не армейские винтовки: эти слишком малы. Скажете ему, что вам надо убить... убить быка. Скажете, для охоты на буйволов. Понятно? Что? Крысы? Боже упаси! Он ничего не поймет. Почему восемь? Потому что так надо. Да возьмите побольше патронов, не вздумайте купить одни винтовки, без патронов. Нет! Сложите все на извозчика и поезжайте... Где это? В Аршоте? Значит, на Черинг-Кросс. Есть какой-то поезд... в общем, где-то в начале третьего. Ну как, управитесь? Вот и отлично. Разрешение на оружие? Возьмите восемь штук разрешений на ближайшей почте. Не перепутайте — на винтовки, а не на охотничьи ружья. Почему? Да это же крысы, приятель! Как вас, Бенсингтон! Телефон у вас есть? Отлично. Я позвоню пятерым друзьям в Илинг. Почему пятерым? Потому что вместе нас будет восемь. Куда вы, Редвуд? За шляпой? Глупости,

наденьте мою. Вам сейчас нужны ружья, а не шляпы. Деньги есть? Хватит? Ладно. Отправляйтесь... Ну, где ваш телефон?

Бенсингтон покорно отвел Коссара к телефону.

Коссар поговорил и положил трубку.

— Так, теперь осы, — сказал он. — Тут нужны сера и селитра, это само собой разумеется. И жженный гипс. Вы ведь химик, скажите, где можно достать тоннами серу в мешках? Зачем? Господи, неужели непонятно? Конечно, затем, чтобы окурить гнезда. Сера подойдет, верно? Вы ведь химик. Сера лучше всего, а?

— Пожалуй, да.

— Может, есть что-нибудь покрепче? Что ж, вам виднее. Ладно. Добудьте побольше серы и селитры, чтобы лучше горело. Куда послать? На Черинг-Кросс. Да поживее! Присмотрите за этим сами и поезжайте вслед. Как будто все?

Он на минуту задумался.

— Жженный гипс... любой гипс... замажем гнездо... все отверстия, понятно? Этим я, пожалуй, займусь сам.

— Сколько?

— Чего сколько?

— Серы.

— Тонну. Понятно?

Дрожащей рукой Бенсингтон решительно поправил очки.

— Ясно, — коротко сказал он.

— Есть у вас наличные? — спросил Коссар. — К черту чеки, вас могут там не знать. Платить надо наличными. Само собой разумеется. Где ваш банк? Зайдите туда по дороге и возьмите сорок фунтов бумажками и золотом.

Еще минута раздумья.

— Если ждать, пока наши власти раскатаются, весь Кент полетит в тартарары, — сказал Коссар. — Что же еще? Кажется, все. Эй!

Он помахал огромной ручищей проезжавшему мимо извозчику, и тот с готовностью рванулся к подъезду.

— Поехали, сэр?

— Разумеется, — ответил Коссар.

Бенсингтон, тоже с непокрытой головой, спустился по ступенькам и подошел к коляске. Взялся было за полость и вдруг испуганно глянул на окна своей квартиры.

— Все-таки... надо бы сказать кузине Джейн...

— Успеете сказать, когда вернетесь, — отрезал Коссар и мощной дланью подтолкнул Бенсингтона в пролетку.

— Башковитые ребята, а практичности ни на грош, — заметил он про себя, когда извозчик отъехал. — Нашел время думать о кузине Джейн! Знаем мы этих кузин! Надоели! Вся страна ими кишит. Придется мне, видно, всю ночь напролет присматривать за этими мудрецами, иначе толку не будет, хоть они и сами знают, что делать. И отчего это они такие? От учености, от кузин или еще от чего?

Так и не решив эту загадку, Коссар задумчиво поглядел на часы и рассудил, что как раз успеет забежать в ресторан и перекусить, а потом уже разыщет жженный гипс и отвезет на Черинг-Кросс.

Поезд отходил в пять минут четвертого, а он приехал на Черинг-Кросс без четверти три и сразу же увидел Бенсингтона, который горячо спорил с двумя полицейскими и возчиком. Редвуд в багажном отделении тщетно пытался выяснить, как можно провести ящик патронов. Все служащие делали вид, что ничего не знают и ничего не могут разрешить, — на юго-восточной железной дороге всегда так: чем больше вы спешите, тем неповоротливей становятся чиновники.

— Жаль, что нельзя их всех перестрелять и нанять других, — со вздохом пробормотал Коссар.

Но для таких решительных мер времени оставалось слишком мало, и потому он не стал вступать в мелочные пререкания, а откопал где-то в укромном уголке еще одного чиновника, — может быть, это был даже начальник станции, — провел его по всему вокзалу, отдавая распоряжения от его имени, погрузил на поезд всех и вся и отбыл прежде, чем высокое начальство успело сообразить, что участвовало в серьезном нарушении священных правил и порядков.

— Кто он такой? — спросило начальство у носильщиков, потирая руку, еще ощущавшую тяжелое пожатие Коссаровой десницы, невольно улыбаясь и хмурия брови.

— Уж не знаю, кто такой, а только заправский джентльмен, — отвечал носильщик. — Вся его компания покатила первым классом.

— Ну, кто бы они там ни были, мы ловко от них избавились, — с удовлетворением отметило начальство, все еще потирая руку.

И, возвращаясь к благородному уединению, в котором скрываются от назойливой черни высшие чиновники Черинг-Кросса, начальство жмурилось от непривычки к свету дня и улыбалось приятным воспоминаниям о своей бурной деятельности. Рука все еще болела, зато как от радно сознавать, что способен проявить такую энергию! Поглядели бы на него сейчас кабинетные писаки, которые вечно придираются к постановке дела на железных дорогах!

IV

К пяти часам вечера Коссар — удивительный человек! — без всякой видимой спешки вывез из Аршота все, что нужно было для сражения с мятежными гигантами, и находился уже на пути в Хиклибрау. В Аршоте он купил два бочонка керосина и воз сухого хвороста, а из Лондона доставил большие мешки серы, восемь ружей для крупной дичи и патроны к ним, три дробовика для ос, топорик, два секача, кирку, три лопаты, два мотка веревок, несколько бутылок пива, виски и содовую, целую кучу пакетов с крысиным ядом и запас провизии на три дня. Все это Коссар ухитрился переправить в угольной тележке и на возу, только ружья и патроны приплось засунуть под сиденье фургона, нанятого в трактире «Красный лев»: в фургоне ехали Редвуд и пятеро отборных молодцов, прибывших из Илинга по зову Коссара.

Коссар провел все эти операции с самым спокойным и невозмутимым видом, хотя весь Аршот был в смятении и страхе из-за крыс, и возчики заломили неслыханную цену. Все магазины в городе были закрыты, на улицах ни души, и, когда он стучал в дверь, хозяева боязливо выглядывали из окна. Но Коссар ничуть не смущался, словно деловые переговоры так и полагается вести через окно. В конце концов они с Бенсингтоном в придачу к фургону раздобыли в «Красном льве» двуколку и отправились сле-

дом. Невдалеке от перекрестка они обогнали багаж и первыми добрались до Хиклибрау.

Бенсингтон сидел в двуколке подле Коссара, держа ружье между колен, и никак не мог прийти в себя от изумления. Правда, Коссар уверял, что всякий на его месте сделал бы то же самое, ибо это все само собой разумеется, но — увь! — в Англии так редко делают то, что само собой разумеется... Бенсингтон перевел взгляд с ног своего соседа на его решительные руки, державшие вожжи. Коссару явно никогда прежде не приходилось править лошадыю, и он избрал линию наименьшего сопротивления и держался середины дороги, — на его взгляд, это, наверно, само собою разумелось.

«Хорошо, если бы все мы делали то, что само собою разумеется! — думал Бенсингтон. — Как далеко продвинулся бы мир по пути прогресса! Почему, например, я не делаю очень многое, что следует и что я сам хочу сделать? Неужели со всеми так? Или это я один такой?»

И он погрузился в туманные размышления о воле и безволии. Он думал о сложных сплетениях ненужных мелочей, из которых состоит повседневная жизнь, и о делах прекрасных и достойных, — так отрадно было бы посвятить себя им, но мешает какая-то непостижимая сила. Кузина Джейн? Да, кузина Джейн играет здесь какую-то тайную, необъяснимую роль. Почему мы должны есть, пить, спать, не жениться, где-то бывать, а где-то не бывать, и все это из уважения к кузине Джейн? Она превратилась в какой-то символ, оставаясь при этом непостижимой!

Тут на глаза ему попались изгородь и тропинка через поля, и сразу вспомнился другой ясный день, такой недавний и уже такой далекий, когда он спешил из Аршота на опытную ферму, чтобы посмотреть на гигантских цыплят...

Да, все мы игрушки судьбы.

— Ну, пошевеливайся! — покрикивал на лошадь Коссар.

Был жаркий летний полдень, в воздухе ни ветерка, на дороге клубилась густая пыль. Вокруг было безлюдно, лишь олени за оградой парка безмятежно пощипывали траву. И вдруг путники увидели двух огромных ос, объ-

едавших куст крыжовника у самой деревни; еще одна оса ползала перед дверью бакалейной лавчонки в начале улицы: хотела пробраться внутрь. В глубине, за витриной, смутно виднелся лавочник; сжимая в руке старое охотничье ружье, он не спускал глаз с гигантского насекомого. Кучер фургона остановился у трактира «Веселые возчики» и объявил Редвуду, что дальше не поедет. Остальные кучера дружно его поддержали. Мало того, они отказались оставить нашим путникам и лошадей.

— Эти треклятые крысы страсть как охочи до конины, — твердил тот, что правил тележкой.

Коссар с минуту послушал и принял решение.

— Разгружайте фургон! — приказал он одному из своих людей, механику, белобрысому неопрятному верзиле. Тот повиновался.

— Подайте-ка мне дробовик, — продолжал Коссар. Затем он подошел к возчикам.

— Обойдемся и без вас, — заявил он. — А вот лошадей не отдадим, они нам нужны, и можете говорить что хотите.

Возчики было заспорили, но Коссар и слушать не стал.

— А полезете в драку — продырявлю вам ноги, и ничего мне за это не будет, потому что самозащита. Лошади пойдут с нами.

На этом он счел разговор оконченным и продолжал командовать.

— Садись на место кучера в повозку, Флэк, — обратился он к коренастому крепышу. — А ты, Бун, займись тележкой.

Возчики подступили к Редвуду.

— Вы сделали, что могли; перед хозяевами ваша совесть чиста, — успокаивал их Редвуд. — Подождите тут, в деревне, мы скоро вернемся. Никто вас ни в чем не обвинит, раз мы вооружены. Очень не хочется прибегать к насилию, но выхода нет, наше дело спешное. Если с лошадьми что-нибудь случится, я вам хорошо заплачу, не беспокойтесь.

— Вот это правильно, — сказал Коссар; сам он не любил ничего обещать.

Фургон оставили в деревне; те, кому не пришлось править лошадьми, двинулись пешком. У каждого за плечом

торчало ружье. Зрелище было совершенно необычное для проселочной дороги в Англии и напоминало скорее поход американцев на запад в добрые старые времена покорения индейцев.

Так они брели по дороге, пока не достигли вершины холма, — отсюда видна была опытная ферма. На холме они застали кучку людей, в том числе обоих Фалчеров; впереди всех стоял какой-то приезжий из Мейдстоуна и разглядывал ферму в бинокль; у двоих-троих были ружья.

Все они обернулись и уставились на вновь прибывших.

— Что нового? — спросил Коссар.

— Осы всё летают взад-вперед, — ответил Фалчер-старший. — Никак не разберу, тащат они что-нибудь или нет.

— Между сосен появилась настурция, — сказал наблюдатель с биноклем. — Еще утром ее здесь не было. Растет прямо на глазах.

Он вынул носовой платок и сосредоточенно протер стекла.

— Вы, верно, туда? — спросил, набравшись храбрости, Скеммерсдейл.

— Пойдете с нами? — спросил Коссар.

Скеммерсдейл, казалось, колебался.

— Мы идем на всю ночь.

Скеммерсдейла это не соблазнило.

— А крыс не видали? — спросил Коссар.

— Утром одна бегала под соснами, верно, за кроликами охотилась.

Коссар пустился догонять своих.

Только теперь, снова увидев ферму, Бенсингтон понял всю чудодейственную силу Пищи. Сперва ему пришлось в голову, что дом на самом деле меньше, чем ему помнилось, гораздо меньше; потом он заметил, что вся растительность между домом и лесом достигла необычайных размеров. Навес над колодцем едва маячил в толще высокой, в добрых восемь футов, травы, а настурция обвилась вокруг дымовой трубы, и жесткие усики ее, казалось, рвались прямо в небо. Ярко-желтые пятна цветов отчетливо виднелись даже на таком далеком расстоянии. Толстый зеленый канат тянулся по проволоочной сетке загона для

гигантских цыплят; он перекинулся на две соседние сосны и обхватил их могучими кольцами стеблей. Весь двор позади сарая зарос крапивой, поднявшейся чуть ли не до половины сосен. По мере того как люди подходили ближе, им начинало казаться, что они — жалкие карлики и идут к кукольному домику, забытому в заброшенном саду великана.

В осином гнезде кипела жизнь. Огромный черный рой висел в воздухе над ржавым холмом за сосновой рощей; осы одна за другой то и дело отрывались от него, молниеносно взмывали вверх, устремляясь к какой-то дальней цели. Их гудение разносилось на полмили от опытной фермы. Одно желто-полосатое чудище остановилось в воздухе над головами наших охотников и с минуту висело так, разглядывая непрошенных гостей огромными выпученными глазами; Коссар выстрелил, но промахнулся, и оса улетела. Справа, в конце поля, несколько ос ползало по обглоданным костям, — это были останки ягненка, которого крысы приволокли с фермы Хакстера.

Когда отряд подошел ближе, лошади начали беспокоиться, не слушаясь неопытных возчиков; пришлось приставить к каждой лошади еще по человеку, чтобы понукать ее и вести под уздцы.

Наконец подошли к дому; крыс нигде не было видно, вокруг, казалось, царили покой и тишина; только от осиного гнезда доносилось гудение, то нарастающее, то приглушенное.

Лошадей завели во двор, и один из спутников Коссара вошел в дом: всю середину двери выгрызли острые зубы. Никто вначале не заметил его отсутствия, все заняты были разгрузкой бочек с керосином; но вдруг в доме раздался выстрел, и мимо просвистела пуля. Бум-бум! — грянуло из обоих стволов; первая пуля пробила насквозь бочонок с серой и подняла столб желтой пыли. Какая-то тень метнулась мимо Редвуда, и он выстрелил. Он успел заметить широкий зад крысы, длинный хвост и задние лапы с узкими подошвами — и выстрелил из второго ствола. Зверюга сбила с ног Бенсингтона и исчезла за углом.

Все схватились за ружья. Минут пять продолжалась беспорядочная пальба, жизнь всех и каждого была в опасности. В пылу битвы Редвуд совсем забыл о Бенсингтоне

и бросился в погоню за крысой, но тут чья-то пуля пробила стену, на него посыпались обломки кирпича, штукатурка, гнилые щепки, и он растянулся во всю длину.

Очнулся Редвуд, сидя на земле, лицо и руки у него были в крови.

Кругом стояла странная тишина.

Потом в доме послышался глухой голос:

— Ну и ну!

— Эй! — окликнул Редвуд.

— Эй! — отозвался голос и, помедлив, спросил: — Крысу убили?

Тут только Редвуд вспомнил о друге.

— А что с Бенсингтоном? Он ранен?

Но человек в доме, видно, не расслышал.

— Сам не знаю, как в меня не попало, — ответил он.

Редвуд понял, что собственными руками застрелил Бенсингтона. Забыв про свои царапины и раны, он вскочил и кинулся на поиски. Бенсингтон сидел на земле и потирал плечо, он поглядел на Редвуда поверх очков.

— Ну и всыпали мы ей, Редвуд! — сказал он. — Она хотела перескочить через меня и сбила меня с ног. Но я успел послать ей вдогонку заряд из обоих стволов. Ф-фу, как болит плечо!

Из дома вышел еще один охотник.

— Я попал ей в грудь и в бок, — сказал он.

— А где наши пожитки? — спросил Коссар, выходя из зарослей гигантской настурции.

К изумлению Редвуда, убить никого не убило, а перепугавшиеся лошади протащили повозку и угольную тележку ярдов за пятьдесят от дома и, сцепившись колесами, остановились в бывшем огороде Скилетта, где теперь все несусветно разрослось и перепуталось. В этих дебрях они и застряли. На полдороге в облаке желтой пыли валялся разбившийся при падении бочонок серы. Редвуд указал на него Коссару и двинулся к лошадям.

— Кто видел, куда девалась крыса? — крикнул Коссар, идя за ним. — Я попал ей между ребер, а потом она повернулась, хотела кинуться на меня, и я попал еще в морду.

Пока они старались распутать постромки и высвободить колеса, подошли еще двое.

— Это я ее убил, — сказал один из них.

— А ее нашли? — спросил Коссар.

— Джим Бейтс нашел, за изгородью. Я выстрелил в упор, когда она выскочила из-за угла. Прямо под лопатку...

Когда повозки и груз немного привели в порядок, Редвуд пошел взглянуть на крысу. Огромное бесформенное тело лежало на боку, слегка свернувшись. Острые зубы алчно торчали над нижней челюстью, но было в этом чуде лице что-то необыкновенно жалкое. Крыса не казалась ни свирепой, ни страшной. Передние лапы напоминали исхудалые руки. На шее виднелись две круглые дырочки с обожженными краями — пуля прошла насквозь, — а больше никаких ран не было. Редвуд постоял, подумал.

— Видно, их было две, — сказал он наконец, отходя к остальным.

— Наверно. И та, в которую все стреляли, должно быть, ушла.

— Уж я-то ручаюсь, что мой выстрел...

Но тут подвижный усик настурции в поисках опоры ласково склонился к говорившему, и тот поспешно отступил.

Из осинового гнезда по-прежнему несло громкое гудение.

V

Все случившееся заставило наших охотников насторожиться, но не сломило их решимости.

Они втащили в дом свои принасы — после бегства миссис Скилетт крысы, видно, здесь основательно похозяйничали, — и затем четверо увели лошадей обратно в Хиклибрау. Дохлую крысу перетаскивали через изгородь в такое место, где ее видно было из окон, и тут в канаве наткнулись на кучу гигантских ухверток. Ухвертки кинулись было наутек, но Коссар успел прикончить несколько штук своими ножницами в грубых башмаках и прикладом ружья. Потом за домом срубили с полдюжины стволов настурции — это были настоящие бревна, два фута в поперечнике, — и покуда Коссар прибирал в доме, чтобы здесь можно было провести ночь, Бенсингтон, Редвуд

и один из их помощников, электротехник, осторожно осмотрели все загоны в поисках крысиных нор.

Они далеко обходили заросли гигантской крапивы: ее листья были усеяны ядовитыми шипами длиною не меньше дюйма. Наконец у забора, за изгрызенной и сломанной лестницей, наткнулись на огромную яму, нечто вроде входа в пещеру, откуда несло ужасающим смрадом. Все трое невольно сгрудились вместе.

— Надеюсь, они оттуда выйдут, — заметил Редвуд, бросая взгляд на заросший травой колодец.

— А если нет?.. — отозвался Бенсингтон.

— Выйдут! — повторил Редвуд.

Постояли, поразмыслили.

— Если мы туда полезем, придется взять с собой фонарь, — сказал наконец Редвуд.

Они двинулись по песчаной тропинке через сосновую рощу и скоро очутились невдалеке от осиных гнезд.

Солнце уже садилось, и осы возвращались на ночлег; в золоте заката их крылья казались трепетным ореолом.

Выглядывая из-за толстых сосен — выходить на опушку что-то не хотелось, — три охотника смотрели, как громадные насекомые падали вниз, затем на брюхе медленно вползали в гнездо и исчезали.

— Часа через два они совсем затихнут, — сказал Редвуд. — Будто опять становишься мальчишкой!..

— Отверстия громадные, — сказал Бенсингтон. — Проманхнуться невозможно, даже если ночь будет темная. Кстати, насчет освещения...

— Сегодня будет полная луна, — ответил электротехник. — Я нарочно посмотрел.

Они пошли советоваться с Коссаром.

Тот сказал, что серу, селитру и гипс, само собой разумеется, надо пронести через лес засветло; поэтому они вскрыли бочонки, наполнили мешки и потащили. Несколько последних громогласных распоряжений — и больше никто уже не говорил ни слова; и когда замерло гуденье уснувших ос, в мире наступила тишина; ее нарушали только звук шагов да прерывистое дыхание людей, несущих тяжелую ношу, да изредка с глухим стуком падали на землю мешки. Таскали все по очереди, за исключением Бенсингтона, — ясно было, что носильщик из него

никакой. С ружьем в руках он стал на вахту в бывшей спальне Скилеттов и не спускал глаз с убитой крысы, а все остальные по очереди отдыхали от таскания мешков и попарно сторожили крысиные норы у зарослей крапивы. Семенные коробочки гигантского сорняка уже созрели и время от времени лопались с треском, громким, точно пистолетные выстрелы, и тогда семена, как мелкая дробь, осыпали часовых.

Мистер Бенсингтон уселся у окна в жесткое кресло, набитое конским волосом и покрытое грязной салфеткой, которая долгие годы придавала светский лоск гостиной Скилеттов. Непривычное ружье он прислонил к подоконнику и то косился из-за очков туда, где в густеющих сумерках темнела туша убитой крысы, то обводил задумчивым взглядом комнату. Со двора тянуло керосином — один из бочонков дал трещину, — к этому запаху примешивался более приятный аромат срубленной настурции.

А в доме еще пахло пивом, сыром, гнилыми яблоками, над этими обычными, домашними запахами главенствовал затхлый запах старой обуви, и все это остро напомнило Бенсингтону исчезнувшую чету Скилеттов. Он оглядел тонущую в полумраке комнату. Мебель сильно пострадала — видно, тут потрудились какая-то любопытная крыса, — но куртка на крючке, вбитом в дверь, бритва, клочки грязной бумаги и давно высохший, обратившийся в окаменелость кусок мыла настойчиво вызывали в памяти яркую личность Скилетта. И Бенсингтон вдруг живо представил себе, что Скилетта загрызло и съело — или, во всяком случае, в этом участвовало — то самое чудовище, которое теперь бесформенной грудой валяется в темноте у забора.

Подумать только, к чему может привести такое, казалось бы, невинное открытие в химии!

Не где-нибудь, а в своей родной, уютной Англии сидит он с ружьем в темном, полуразрушенном доме, ему грозит смертельная опасность, он бесконечно далек от тепла и уюта, и у него адски болит плечо — у этого ружья сильнейшая отдача... Бог ты мой!

Только теперь Бенсингтон понял, как изменился для него извечный порядок мироздания. Очертя голову он ки-

нулся в этот безумный эксперимент и *даже не сказал ни слова кузине Джейн!*

Что-то она теперь о нем думает?

Бенсингтон попытался представить себе это, но не смог. Странное дело, ему начало казаться, будто они расстались навсегда и больше не увидятся. Стоило ему сделать лишь один шаг, и он вступил в новый мир — необъятный и необозримый.

Какие еще чудища скрываются в густеющей тьме? Шипы гигантской крапивы грозными копьями чернеют на зеленовато-оранжевом фоне закатного неба. И так тихо вокруг... Поразительно тихо. Почему не слышно людей? Ведь они недалеко, за углом дома. В тени сарая теперь черным-черно...

.
Грянул выстрел... другой... третий...

Прокатилось эхо, кто-то крикнул.

Долгая тишина.

И опять грохот и замирающее эхо.

И тишина...

Наконец-то! Из немного мрака вышли Редвуд и Коссар.

— Бенсингтон! — кричал Редвуд. — Мы пристукнули еще одну крысу. Коссар уложил еще одну!

VI

К тому времени, как охотники поужинали, настала ночь. Ярко сияли звезды, и небо над Хэнки бледнело, возвещая о появлении луны. У крысиных нор по-прежнему стояли часовые, они только поднялись немного по склону холма: стрелять оттуда было безопаснее и удобнее. Они сидели на корточках на мокрой, росистой траве и пытались согреться, прихлебывая виски. Остальные отдыхали в доме, три главных героя держали со своими спутниками совет о предстоящем сражении. К полуночи взошла луна, и, как только она поднялась над холмами, все, кроме часовых, под предводительством Коссара гуськом двинулись к осиным гнездам.

Справиться с гнездами гигантских ос оказалось до смешного легко и просто, ничуть не труднее, чем с обыкновенными осиными гнездами, только это заняло больше времени. Конечно, опасность была смертельная, но она

так и не успела высунуть жало. Входы засыпали серой и селитрой, наглухо замуровали гипсом и подожгли фитили. Потом все разом, кроме Коссара, кинулись бежать под укрытие деревьев; но, убедившись, что Коссар не двинулся с места, остановились шагов за сто и сбились в кучку в глубокой лощине. На несколько минут черно-белая ночь, вся в тенях и лунных бликах, наполнилась гудением, оно все нарастало, перешло в яростный рев, потом оборвалось — и в ночи воцарилась такая тишина, что в нее даже трудно было поверить.

— Ей-богу, все кончено! — прошептал Бенсингтон.

Люди напряженно прислушивались. В лунном свете над черными игольчатыми тенями сосен отчетливо, как днем, вставал холм — казалось, он совсем белый, точно снегом покрыт. Затвердевший гипс, которым были замазаны входы в осиное гнездо, так и сверкал. Перед охотниками маячила нескладная фигура: к ним шел Коссар.

— Кажется, пока что...

Бум... Трах!

Где-то возле дома грянул выстрел, и затем — тишина.

— Это еще что? — спросил Бенсингтон.

— Наверно, крыса высунулась из норы, — предположил кто-то.

— А наши ружья остались там, — спохватился Редвуд.

— Да, у мешков.

Они опять двинулись к холму.

— Конечно, это крысы, — сказал Бенсингтон.

— Само собой разумеется, — отозвался Коссар, грызя ногти.

Трах!

— Что такое? — встревожился кто-то.

Крик, два выстрела, еще крик — почти вопль, три выстрела один за другим и треск ломающегося дерева. Все эти звуки донеслись издалека — отчетливые и все же ничтожные в безмерной тишине ночи. Опять короткое затишье, какая-то приглушенная возня у крысиных нор, и снова отчаянный крик... Все, не помня себя, кинулись за ружьями.

Еще два выстрела.

Когда Бенсингтон опомнился, оказалось, он бежит через лес с ружьем в руке, а среди сосен мелькают спины

бегущих впереди! Любопытно, что в эту минуту его занимала только одна мысль — видела бы его сейчас кузина Джейн! Его ноги в шишковатых изрезанных башмаках делали огромные прыжки, лицо скривилось в подобии усмешки — он сморщил нос, чтоб не соскользнули очки. Направив дуло ружья вперед, на неведомую цель, мчался он среди лунного света и черных теней.

И вдруг охотники столкнулись с человеком, опрометью бегущим навстречу. Это оказался один из часовых, но ружья у него не было.

— Эй! — крикнул Коссар, хватая его за плечи. — Что случилось?

— Они вылезли все сразу, — ответил тот.

— Крысы?

— Да. Шесть штук.

— А где Флэк?

— Он упал.

— Что он говорит? — задыхаясь, спросил Бенсингтон, подбегая к ним. — Флэк упал?

— Да.

— Они все вылезли, одна за другой.

— Как это?

— Выскочили прямо на нас. Я сразу выстрелил из обоих стволов.

— Вы оставили Флэка там?

— Они все кинулись на нас.

— Пойдем, — сказал Коссар. — И ты иди с нами. Покажешь, где Флэк.

Все двинулись дальше. Беглец на ходу рассказывал о недавней схватке. Все теснились вокруг него, один Коссар шагал впереди.

— Где же крысы?

— Наверно, опять ушли в норы. Я удрал, а они кинулись назад, в норы.

— Как же это? Вы зашли им в тыл?

— Мы спустились вниз, к норам. Увидели, что они вылезают, и хотели отрезать им путь. Тогда они запрыгали, точь-в-точь как кролики. Мы побежали с холма и давай стрелять. После первого выстрела они разбежались, а потом как кинутся... Прямо на нас.

— Сколько же их было?

— Шесть или семь.

На опушке леса Коссар приостановился.

— Ты думаешь, они сожрали Флэка? — спросил кто-то часового.

— Одна догнала его.

— Что ж ты не стрелял?

— Как же мне было стрелять?

— Ружья у всех заряжены? — крикнул Коссар через плечо.

Ружья были заряжены.

— Как же Флэк... — сказал кто-то.

— Ты думаешь, Флэк...

— Не теряйте времени! — И Коссар бросился вперед. — Флэк! Флэк! — звал он.

Все поспешили за ним к крысиным норам; недавний беглец держался немного позади всех. Они шли сквозь гигантские сорняки; тут валялась вторая убитая крыса, люди обходили ее. Шли, растянувшись извилистой цепочкой, держа ружья наизготовку, и до боли в глазах всматривались в прозрачную лунную ночь, чтобы не пропустить зловещую тень или лежащее на земле тело. Вскоре они нашли ружье, впопыхах брошенное тем, кто сбежал.

— Флэк! — кричал Коссар. — Флэк!

— Он бежал мимо крапивы и там упал, — подсказал беглец.

— Где?

— Где-то там.

— Где он упал?

Беглец нерешительно повел их наперерез длинным черным теньям, но вскоре остановился и обернулся, лицо у него было озабоченное.

— Кажется, здесь.

— Но его здесь нет!

— А его ружье...

— Черт возьми! — с сердцем выругался Коссар. — Куда же все подевалось?

Он шагнул по направлению к склону холма, где в густой черной тени скрывались норы, и остановился, вглядываясь. И снова выругался.

— Если они уволокли его в нору...

Некоторое время все стояли, перекидываясь отрывочными словами. Бенсингтон переводил взгляд с одного на другого, очки его сверкали, как алмазы. Лица людей то отчетливо проступали в холодном свете луны, то уходили в тень и таинственно расплывались. Все что-то говорили, но никто не заканчивал свою мысль. Но вот Коссар решился. Несуразно размахивая руками, он отдавал короткие распоряжения. Выяснилось, что ему нужны лампы. Все, кроме него, двинулись к дому.

— Вы полезете в эти норы? — спросил Редвуд.

— Само собой разумеется, — отвечал Коссар.

И повторил: пускай снимут фонари с двуколки и с тележки и принесут ему.

Наконец Бенсингтон понял, что нужно делать, и по дорожке, огибавшей колодец, пошел к дому. Оглянулся и увидел: Коссар — огромный, неподвижный — задумчиво разглядывает крысиные норы. Бенсингтон остановился и чуть было не повернул назад: Коссара оставили одного...

Впрочем, Коссар и без нянек обойдется.

И вдруг Бенсингтон слабо вскрикнул. Из темных зарослей настурции вынырнули три крысы и кинулись к Коссару. Прошла секунда-другая, прежде чем Коссар их заметил, и тут — откуда взялись быстрота и натиск! Он не стрелял — целиться было некогда, некогда и думать об этом. Крыса прыгнула, он пригнулся, увертываясь, и тотчас обрушил на ее голову страшный удар прикладом. Чувовище подскочило в воздух, перевернулось и рухнуло наземь.

Коссар наклонился и исчез в зарослях, но тотчас же появился вновь: он гнался теперь за другой крысой, яростно размахивая ружьем. До Бенсингтона донесся слабый крик, и он увидел, что две оставшиеся в живых крысы со всех ног удирают обратно в нору, а Коссар мчится за ними.

Все это было странно и неправдоподобно, в обманчивом свете луны металась огромные, причудливые тени. Коссар то вырастал до невероятных размеров, то исчезал во мраке. Крысы то делали гигантские прыжки, то пускались бегом, так быстро перебирая ногами, словно катились на колесиках. Вся эта схватка не на жизнь, а на смерть длилась, наверно, полминуты. Бенсингтон был

единственным ее свидетелем. Он слышал, как остальные, ничего не подозревая, уходили к дому. Бенсингтон выкрикнул что-то нечленораздельное и побежал к Коссару, но крысы уже исчезли.

Он догнал Коссара у самых нор. В лунном свете лицо инженера было невозмутимо, словно ничего не произошло.

— Ну, что? — спросил Коссар. — Уже вернулись? А где же фонарь? Крысы попрятались обратно в норы. Одной я свернул шею, когда она пробегала мимо. Вон там, видите? — И он ткнул длинным пальцем в сторону.

Бенсингтон не мог вымолвить ни слова: он был потрясен.

Фонарей не было целую вечность. Наконец вдали зажегся немигающий яркий глаз, перед ним качался желтый сноп света; потом, подмигивая и вновь разгораясь, показались еще два. С ними приближались маленькие фигурки, они негромко перекликались и отбрасывали громадные тени. В бескрайней призрачной лунной пустыне словно двигался крошечный пылающий оазис.

— Флэк... — слышалось оттуда. — Флэк...

Потом донеслось объяснение:

— Он заперся на чердаке.

Бенсингтон с возрастающим изумлением смотрел на Коссара. Тот заткнул уши огромными кусками ваты. Зачем, спрашивается? Потом зарядил ружье тройным зарядом — кто еще до этого додумался бы? И, наконец, — чудо из чудес! — полез в самую большую нору, и вот уже видны только огромные подошвы его башмаков.

Коссар полз на четвереньках, вокруг шеи он перекинул веревку, на которой волочились за ним два ружья. Самому надежному из его помощников — маленькому человечку с мрачным смуглым лицом — велено было идти следом, согнувшись в три погибели, и держать над его головой фонарь. Все это выглядело просто, ясно и понятно, будто так и надо, — прямо как сон сумасшедшего! Вата в ушах понадобилась, видимо, чтобы не оглохнуть от грохота выстрелов. Маленький человечек тоже заткнул уши. Само собой разумеется, покуда крысы убегают от Коссара, они не могут причинить ему вреда, а как только они повернутся, он увидит их горящие глаза — и будет бить

между глаз. А поскольку нора узкая, как труба, промахнуться невозможно. Коссар уверял, что это самый верный способ, пожалуй, немного утомительный, зато надежный. Когда помощник нагнулся, чтобы войти в нору, Бенсингтон увидел, что к полам его куртки привязан конец веревки, моток которой остался в руках у кого-то из товарищей. Это на случай, если придется вытаскивать из норы убитых крыс.

Тут Бенсингтон заметил, что держит в руках шелковый цилиндр Коссара.

Как он сюда попал?

Что ж, останется на память.

У остальных нор сторожили по два-три человека, внутренность каждой норы освещал поставленный на землю фонарь, и стрелки, стоя на коленях, целились в черную тьму перед собой, готовые выпалить, как только из этой тьмы вынырнет зверь.

Долгое, томительное ожидание.

И вдруг раздался первый выстрел Коссара, словно взрыв в шахте глубоко под землей...

У всех напряглись нервы и мускулы, и вот опять — бац, бац! Крысы пытались прорваться к выходу, и еще две были убиты. Потом человек, державший в руках моток веревки, объявил, что она дергается.

— Он там убил крысу и хочет ее вытащить, — пояснил Бенсингтон.

Он смотрел, как веревка разматывается и исчезает в норе: казалось, она вдруг ожила и задвигалась сама собой, потому что мотка не видно было в темноте. Наконец она остановилась, и все замерло в ожидании. А потом Бенсингтону померещилось, что из норы выползает какое-то невиданное чудовище, но это оказался маленький помощник Коссара, который пятился задом. За ним, прорывая глубокие борозды в земле, вылезли башмачищи Коссара и, наконец, его освещенная фонарем спина...

В живых осталась теперь только одна крыса, несчастное, обреченное существо; она забилась в самый дальний угол норы, и не так-то просто было ее достать. Но Коссар с фонарем полез туда снова и убил ее. А потом этот фокстерьер в образе человеческого облазил все норы и окончательно убедился, что они пусты.

— Мы их уничтожили, — объявил он наконец потрясенным спутникам, смотревшим на него с благоговением. — Эх, безмозглый я осел! Не догадался, надо было раздеться хотя бы до пояса. Разумеется! Пощупайте мои рукава, Бенсингтон! Весь взмок, хоть выжми. Ну, всего не предусмотритишь. Надо выпить побольше виски, а то еще схвачу простуду.

VII

В ту удивительную ночь Бенсингтону минутами казалось, что сама природа создала его для жизни, полной приключений. Эта мысль владела им всего сильнее целый час после того, как он хватил изрядную порцию виски.

— Не вернусь я на Слоун-стрит, — доверительно сообщил он неряшливому белокрысому верзиле механику.

— Вот как?

— И не думайте, — подтвердил Бенсингтон и загадочно покачал головой.

Тащить семь дохлых крыс на погребальный костер, разложенный подле зарослей гигантской крапивы, — не легкая работа. Бенсингтона прошиб пот, и Коссар объявил, что только виски может спасти его от неминуемой простуды. В старой кирпичной кухне на скорую руку устроили походный ужин, а за окном у загонов виднелись под луной разложенные в ряд убитые крысы. Коссар дал своему войску полчаса передышки и вновь повел его на приступ: впереди было еще много работы.

— Само собой разумеется, — сказал он, — здесь нельзя оставить камня на камне. Нет следов, нет и шума. Понятно?

Он уверил их, что ферму надо попросту сровнять с землей. Все, что было в доме деревянного, разбили и раскололи на щепки; все гигантские растения обложили хворостом и щепой; наконец, соорудили гекатомбу из дохлых крыс и щедро полили ее керосином.

Бенсингтон работал, как вол. К двум часам ночи он почувствовал прилив восторженной энергии. В упоении он так размахивал топором, сокрушая все вокруг, что даже самые храбрые из его сотоварищей поспешили убраться подальше. Правда, потом он потерял очки, и это несколь-

ко охладило его пыл, но вскоре они нашлись в боковом кармане пиджака.

Вокруг сновали люди, хмурые и энергичные, а Коссар повелевал ими, словно некое божество.

Бенсингтон упивался чувством, что и он частица дружного братства, — эту радостную общность знают воины победоносных армий, путешественники в трудных походах, но ее не суждено испытать горожанам, живущим трезвой, размеренной жизнью. Когда Коссар отобрал у него топор и велел носить щепки, Бенсингтон принялся столь же ретиво трудиться на новом поприще, приговаривая, что все они «славные ребята». Он долго не замечал усталости, но и потом все равно не сдавался.

Наконец все было готово, и они откупорили бочку керосина. Уже брезжил рассвет, редкие звезды погасли, высоко в небе светила одинокая луна.

— Жгите все, — приговаривал Коссар, подходя то к одному, то к другому. — Все дотла, подчистую. Понятно?

В бледном свете занимавшегося дня он промелькнул мимо с пылающим факелом в руке, упрямо выпятив подбородок, и тут Бенсингтон заметил, что их бог измучен и страшен.

— Пойдемте отсюда, — сказал кто-то и потянул Бенсингтона за руку.

Предрассветная тишина — ее не нарушало даже щебетание птиц — вдруг сменилась прерывистым треском; быстрое красноватое пламя побежало по основанию гека-томбы, потом голубые языки его лизнули землю и начали карабкаться от листа к листу по стеблю гигантской крапивы. Потом в треск дерева влилась высокая певучая нота...

Охотники схватили свои ружья, стоявшие в углу гостиной Скилеттов, и кинулись бежать. Позади всех тяжело шагал Коссар.

А потом они стояли в отдалении и глядели на опытную ферму. Там все кипело; дым и пламя, словно охваченные ужасом, рвались из всех окон и дверей, из всех многочисленных щелей и трещин в доме и на крыше. Кто-кто, а Коссар умел разводить костер! Огромный столб дыма, разбрасывая во все стороны кроваво-красные языки пламени, устремился к небесам. Казалось, это

вдруг поднялся во весь рост невиданный великан, распростер руки и обхватил все небо. Казалось, вернулась ночь, клубы дыма совсем затмили свет восходящего солнца. Гигантский столб дыма вскоре заметили все жители Хиклибрау и полуодетые, кто в чем, высыпали на холм, навстречу охотникам.

Дым, словно сказочный гриб, качался и рос, поднимаясь выше, выше, прямо в небо, и все внизу под ним казалось мелким и ничтожным, а на его фоне виновники этого переполоха во главе с Коссаром — восемь крошечных черных фигурок — устало шагали по лугу, вскинув ружья на плечо.

Бенсингтон на ходу оглянулся, и в его измученном мозгу зазвучали давно знакомые слова... Как, бишь, там? «Вы зажгли сегодня... зажгли сегодня...»

Потом он вспомнил, что это такое. Латимер¹ сказал когда-то: «Мы зажгли сегодня в Англии такую свечу, которую никто на свете не в силах будет погасить...»

Но что за человек этот Коссар! Бенсингтон с восхищением смотрел на его спину и гордился тем, что подержал его шляпу. Да, гордился, хотя сам он был выдающийся ученый-исследователь, а Коссар занимался всего лишь прикладными науками!

На Бенсингтона внезапно напала неудержимая зевота, его начало знобить, и он с нежностью подумал о своей квартирке на Слоун-стрит: хорошо бы сейчас очутиться в мягкой постели, под теплым одеялом! (Впрочем, о кузине Джейн лучше не вспоминать!) Бенсингтон еле волочил ноги, колени его подгибались. Неужели в Хиклибрау никто не угостит их чашкой горячего кофе! Наверно, уже добрых тридцать три года ему не случалось бодрствовать ночь напролет.

VIII

Пока восемь отважных охотников сражались с крысами на опытной ферме, в девяти милях оттуда, в деревне Чизинг Айбрайт, носатая старуха при мигающем свете свечи пыталась справиться с иными заботами. Узловатой рукой

¹ Латимер — один из основателей протестантизма в Англии, заживо сожженный в Оксфорде в 1555 году.

она сжимала консервный ключ, другой рукой придерживала банку Гераклеофорбии: жива не буду, а банку открою, решила она. И она трудилась, не щадя себя, ворча при каждой новой неудаче, а через тонкую перегородку доносился неумолчный плач маленького Кэддлса.

— Ах ты мой бедняжка! — приговаривала миссис Скилетт и, решительно прикусив губу своим единственным зубом, с новой яростью набрасывалась на банку. — Ну, открывайся же!

Наконец, крышка с треском отлетела, и новый запас Пищи богов вырвался на свет божий, чтобы распространять в мире новые семена гигантизма.

Глава IV *Гигантские дети*

I

Теперь забудем хотя бы на время о событиях на опытной ферме и их последствиях, которые все ширились, как круги по воде, ибо гигантские грибы и поганки, травы и сорняки долго еще росли и распространялись вокруг этого выжженного, но не до конца уничтоженного очага зла. Не станем также рассказывать о том, как две уцелевшие гигантские курицы — злополучные старые девы, которым суждено было удивлять мир, — провели остаток дней своих в безрадостной славе, так и не произведя на свет ни одного цыпленка. Читатели, которые жаждут подробностей, могут обратиться к газетам того времени — обширным, бесстрастным отчетам этого современного Летописца. Мы же последуем за мистером Бенсингтоном в самую гущу событий.

Возвратясь в Лондон, он вдруг обнаружил, что стал невероятно знаменит. За одну ночь весь окружающий мир проникся почтением к нему. Все поняли, что он герой дня. Кузина Джейн, видно, уже все знала, и каждый встречный и поперечный тоже все знал, а газеты знали все и даже больше. Конечно, очень страшно было показаться на глаза кузине Джейн, но потом выяснилось, что бояться нечего. Эта милая особа, видно, убедилась, что факты — вещь упрямая и с ними ничего не поделаешь, и примирилась с Пищей как с неким стихийным явлением.

Итак, кузина Джейн стала в позу жертвы долга. Она явно не одобряла происходящее, но ничего не запрещала. Бегство Бенсингтона — а именно так она истолковала его исчезновение, — очевидно, потрясло ее, и она ограничилась тем, что ожесточенно, жертвенно день и ночь выхаживала его от простуды, которую он так и не подхватил, и от усталости, о которой он давно забыл; она купила ему новоизобретенное гигиеническое шерстяное белье, которое очень напоминало высшее общество: оно то и дело выворачивалось наизнанку, и к нему так же трудно было приспособиться, тем более человеку рассеянному. Итак, насколько позволяли вышеуказанные обстоятельства, Бенсингтон еще некоторое время участвовал в совершенствовании Пищи богов — этой новой движущей силы в истории человечества.

Общественное мнение, пути которого неисповедимы, объявило Бенсингтона единственным создателем и производителем этого нового чуда природы. Редвуда оно не признавало и равнодушно предоставило скромному по природе Коссару усиленно заниматься полюбившимся ему делом в тиши и безвестности. А мистер Бенсингтон и оглянуться не успел, как его, что называется, разобрали на части, разложили по полочкам и выставили на самом видном месте для всенародного обозрения. Его лысина, румяные щеки и золотые очки стали всеобщим достоянием. Время от времени к нему заявлялись необыкновенно решительные молодые люди, увешанные большими и, наверно, очень дорогими фотографическими аппаратами; они хозяйничали в доме недолго, но весьма успешно, ослепляли всех вспышками магния, который надолго заполнял квартиру невыносимым зловонием, и быстро исчезали, чтобы заполнить страницы своих газет и журналов превосходными фотографиями мистера Бенсингтона во весь рост в одном из его лучших пиджаков и в башмаках с разрезами. Нередко на Слоун-стрит заглядывали и другие столь же решительные лица обоего пола и всех возрастов, болтали всякую всячину про Чудо-пищу — первым ее назвал так журнал «Панч», — а затем спешили тиснуть интервью, приписывая мистеру Бенсингтону свои же собственные слова. Известный юморист Бродбим просто помешался на новом открытии. Оно оказалось для него

одним из тех «проклятых» вопросов, которых он никак не мог понять, и он лез из кожи вон, силясь уничтожить Пищу богов своими злыми остроумиями. Грузный и неуклюжий, с одутловатым лицом, носившим явные следы ночных кутежей, он появлялся то в одном, то в другом клубе и внушал каждому, кого удавалось ухватить за пуговицу:

— Да поймите же, все эти ученые начисто лишены чувства юмора. В том-то и дело! Эта окаянная наука убивает юмор!

Его насмешки над Бенсингтоном постепенно превратились в злобную клевету.

Предприимчивая контора газетных вырезок прислала Бенсингтону длиннейшую статью о нем из дешевого еженедельника, озаглавленную «Новый ужас», и предложила снабдить его еще сотней таких развлекательных статей всего за одну гинею. А однажды к нему явились с визитом две совершенно незнакомые, но неотразимо прелестные молодые дамы, к немому возмущению кухни Джейн остались пить чай, а потом прислали ему свои альбомы с просьбой написать им что-нибудь на память. Вскоре наш ученый муж перестал обращать внимание на то, что пресса связывает его имя со всякими нелепыми выдумками, а в обзорах появляются статьи о Чудо-пище и о нем самом, написанные в чрезвычайно интимном тоне людьми, о которых он в жизни не слышал. И если в те давние дни, когда он был безвестен и ничуть не знаменит, он втайне и мечтал о славе и ее радостях, то теперь эти иллюзии рассеялись, как дым.

Впрочем, вначале общественное мнение, если не считать Бродбима, вовсе не было настроено враждебно. Мысль, что Гераклеофорбия снова может вырваться на волю, возникала разве что в шутку. И никому не приходило в голову, что нескольких малюток уже кормят Пищей богов и скоро они перерастут человечество. Широкая публика развлекалась карикатурами на видных общественных деятелей, подкормленных Гераклеофорбией, всякого рода афишками и поучительными зрелищами, вроде выставленных напоказ мертвых ос, избежавших сожжения, и уцелевших кур.

Дальше этого общественное мнение не шло и вперед не заглядывало; и даже когда предприняты были настоя-

чивые попытки заставить его задуматься о дальнейших последствиях удивительного открытия, расшевелить его оказалось нелегко. «Каждый день приносит что-нибудь новенькое, — равнодушно говорила публика, давно пресыщенная новшествами (никто, наверно, не удивился бы, узнав, что земной шар разрезали пополам, как яблоко). — Поживем — увидим».

Однако вне широкой публики нашлись два-три человека, которые догадались заглянуть подальше в будущее и испугались того, что увидели. Так, молодой Кейтэрем, родич графа Пьютерстоуна, весьма многообещающий политический деятель, рискуя прослыть чудачком, опубликовал в журнале «Девятнадцатое столетие и грядущие века» большую статью, в которой призывал окончательно и бесповоротно запретить Гераклеофорбию. Надо сказать, что опасения подчас одолевали и самого Бенсингтона.

— По-моему, они не понимают... — говорил он Коссару.

— Конечно, нет.

— А мы? Как подумаю иной раз, к чему это может привести... Бедный сынишка Редвуда!.. И ваши трое... Ведь они, пожалуй, вытянутся футов до сорока... Да полно, надо ли нам продолжать?

— Надо ли продолжать! — воскликнул Коссар, и вся его нелепая фигура выразила крайнюю степень изумления, а голос звучал еще пронзительнее, чем всегда. — Конечно, надо! А для чего вы существуете на свете? Неужели только для того, чтобы зевать от завтрака до обеда и от обеда до ужина?

— Серьезные последствия? — взвизгнул он. — Конечно! Еще какие! Само собой разумеется! Само собой! Да поймите же, раз в жизни выпал вам случай вызвать серьезные изменения в мире! И вы хотите его упустить! — Он запнулся, не в силах выразить свое возмущение. — Это просто грешно! — вымолвил он наконец и повторил с яростью: — Грешно!

Но Бенсингтон работал теперь в своей лаборатории без прежнего увлечения. Нрава он был спокойного и не так уж сильно жаждал серьезных изменений в мире. Конечно, Пицца — удивительное открытие, просто удивительное, но... Он уже оказался владельцем нескольких

акров выжженной, опустошенной земли возле Хиклибрау; она обошлась ему чуть ли не по девяносто фунтов за акр, и временами ему казалось, что это — достаточно серьезное последствие теоретической химии, с такого скромного человека, пожалуй, хватит. Правда, он еще и знаменит — отчаянно знаменит. Достиг такой славы, что с него вполне довольно, даже с избытком.

Но он был исследователь и слишком привык служить науке... И выдавались такие минуты, правда, редкие, — обычно это бывало в лаборатории, когда Бенсингтон работал не только в силу привычки или благодаря уговорам Коссара. Этот маленький человечек в очках сидел на высоком стуле, обхватив его ножки ногами в суконных башмаках с разрезами, сжимал в руке пинцет для мелких разновесов — и мгновениями вновь озаряла его мечта юности, и опять верилось, что вечно будут жить и расти идеи, зерно которых зародилось в его мозгу. Где-то в облаках, за уродливыми происшествиями и горестями настоящего, виделся ему грядущий мир гигантов и все великое, что несет с собой будущее, — видение смутное и прекрасное, словно сказочный замок, внезапно сверкнувший на солнце далеко впереди... А потом это сияющее видение исчезало без следа, словно его и не бывало, и опять впереди маячили лишь зловещие тени, пропасти и тьма, и холодные дикие пустыни, населенные ужасными чудовищами.

II

Среди сложных и запутанных происшествий — отзвуков огромного внешнего мира, создавшего мистеру Бенсингтону славу, — понемногу выступила яркая и деятельная фигура, которая стала в глазах мистера Бенсингтона олицетворением всего, что творилось вокруг. Это был доктор Уинклс, самоуверенный молодой врач, уже упоминавшийся в нашем повествовании, тот самый, через которого Редвуд давал Пищу богов своему сынишке. Еще до того, как мир потрясла сенсация, таинственный порошок очень заинтересовал этого джентльмена, а как только появились сообщения о гигантских осах, он без труда сообразил, что к чему.

Доктор Уинклс был из тех врачей, о которых, судя по их нравственным принципам, методам, поведению

и внешности, говорят очень точно и выразительно: «Этот далеко пойдет». Это был крупный белесый блондин с холодными светло-серыми глазами, настороженными и непроницаемыми, с правильными чертами лица и волевым подбородком. Он был всегда безупречно выбрит, держался прямо; движения энергичные, походка быстрая, пружинистая; он носил длинный сюртук, черный шелковый галстук и строгие золотые запонки, а его цилиндры — какой-то особенной формы и с особенными полями — были ему очень к лицу и еще прибавляли солидности и внушительности. Возраст его трудно было определить. А когда вокруг Пищи богов поднялся шум, он присосался к Бенсингтону, к Редвуду и к самой Пище; при этом у него был такой уверенный хозяйский вид, что даже Бенсингтону временами начинало казаться, будто Уинклс и есть первооткрыватель и изобретатель, хотя в газетах и пишут совсем другое.

— Всякие досадные случайности ничего не значат, — сказал Уинклс, когда Бенсингтон намекнул ему, что опасается новой утечки Пищи: как бы не было беды. — Это пустяки. Важно открытие. Если с ним правильно обращаться, осторожно применять и разумно контролировать, то... то наша Пища может стать просто феноменальным средством... Но нам нельзя выпускать ее из поля зрения. Мы должны держать ее в руках, но... но не годится, чтобы она пропадала втуне.

Да, оставлять ее втуне Уинклс явно не собирался. Он бывал теперь у Бенсингтона чуть не каждый день. Выглянет Бенсингтон из окна, а элегантный экипаж Уинклса уже катит по Слоун-стрит; кажется, минуты не прошло — и вот Уинклс уже входит в комнату быстрым, энергичным шагом и сразу же заполняет ее своей персонею, вытаскивает свежую газету и принимается рассказывать новости, приправляя их собственными комментариями.

— Ну-с, — начинал он, потирая руки, — каковы наши успехи? — И, не дожидаясь ответа, выкладывал подряд все, что о них говорили в городе.

— Знаете ли вы, — сообщал он, например, — что Кей-тэрем выступал по поводу нашей Пищи в Обществе ревнителей церкви?

— Бог ты мой! — изумлялся Бенсингтон. — Ведь он как будто родня премьер-министру?

— Да, — отвечал Уинклс. — Способный юноша, очень способный. Правда, он ярый реакционер и необыкновенно упрям, но очень способный. И, видимо, намерен составить себе капиталец на нашем открытии. Весьма горячо взялся за дело. Речь шла о нашем предложении испробовать Пищу в начальных школах.

— Как?! Когда мы это предлагали?!

— Да я на днях вскользь упомянул об этом на маленьком совещании в Политехническом. Попытался объяснить им, что Пища в самом деле очень полезна и совершенно безопасна, хотя вначале случались мелкие неприятности... осы и прочее. Но ведь с этим покончено раз и навсегда. А Пища и в самом деле очень полезна... Ну, он и придрался.

— Что вы еще говорили?

— Так, совершенные пустяки. Но, как видите, он-то все принял всерьез. Считает, что это угроза обществу. Уверяет, что на начальные школы и без того попусту тратятся огромные деньги. Повторяет старые анекдоты об уроках музыки и прочую чепуху. Пускай, мол, дети низших сословий получают образование, какое соответствует их положению, никто у них этого не отнимает, а вот дать им такую Пищу — значит вскружить им головы. Ну, и так далее. Разве, мол, это пойдет на благо обществу, если бедняки будут тридцати шести футов ростом! И знаете, он в самом деле уверен, что они дорастут до тридцати шести футов.

— Так оно и будет, если регулярно кормить их нашей Пищей, — подтвердил Бенсингтон. — Но ведь никто ни о чем таком не заикался...

— Я заикался.

— Но, дорогой мой Уинклс...

— Конечно, они будут большие, — прервал Уинклс с таким видом, словно он все это знает наизусть и наивность Бенсингтона ему просто смешна. — Вне всякого сомнения. Но вы послушайте, что он говорит: станут ли они от этого счастливей? Это его главный козырь. Забавно, правда? Станут ли они от этого лучше? Станут ли больше уважать законную власть? Да и справедливо ли так обра-

щаться с детьми? Забавно, что люди вроде Кейтэрема всегда ратуют за справедливость, но только в отдаленном будущем. Даже в наши дни, говорит он, многим родителям не под силу одеть и прокормить детей, а что же будет, если им позволят дорасти до таких размеров! Как вам это нравится?

Понимаете, каждое мое мимоходом брошенное слово он выдает за деловое предложение. И сразу начинает высчитывать, сколько будет стоить пара брюк для мальчишки футов двадцати ростом. Будто он и в самом деле верит... И приходит к выводу, что если только-только соблюсти приличия — и то не меньше десяти фунтов стерлингов. Забавный этот Кейтэрем! Такой трезвый ум! И, конечно, говорит, расплачиваться за все придется честному труженику-налогоплательщику. И еще, говорит, мы обязаны уважать права родителей. Вот тут все это написано черным по белому. Две колонки. Каждый родитель имеет право требовать, чтобы его дети были такого же роста, как и он сам...

Потом Кейтэрем поднимает вопрос о школьной мебели — сколько, мол, будут стоить огромные классы и парты, а ведь наши школы и без того обходятся государству недешево. И все для чего? Для того, чтобы пролетариат состоял из голодных великанов. А в конце статьи он совершенно серьезно заявляет, что даже если безумное предложение — это мое-то брошенное вскользь замечание, да еще и превратно истолкованное! — даже если это предложение насчет школ и не пройдет, то все равно нужно быть начеку. Мол, Пища эта странная, уж такая странная, чуть ли не греховная. С нсю, мол, обращались очень неосторожно, и нет никакой гарантии, что это не повторится. А если вы хоть раз ее отведали, то волей-неволей должны принимать ее и дальше, не то отравитесь.

— Так оно и есть, — вставил Бенсингтон.

— Короче говоря, он предлагает образовать Национальное Общество Охраны Надлежащих Пропорций. Странно звучит, а? Они там сразу ухватились за эту идею.

— Но чем же станет заниматься это Общество?

Уинклс пожал плечами и развел руками.

— Организуется и начнет шуметь, — ответил он. — Они хотят именем закона запретить производство Гераклеофорбии или хотя бы всякие сообщения о ней. Я кое-что написал об этом, доказывал, что Кейтэрем превеличивает силу воздействия нашей Пищи, просто делает из мухи слона, но это не помогло. Даже удивительно, как все вдруг на нее ополчились. Между прочим, и Национальное Общество Трезвости и Умеренности основало филиал под девизом: Умеренность в росте.

— М-да-а, — протянул Бенсингтон и подергал себя за нос.

— Конечно, после происшествий в Хиклибрау этого следовало ожидать. Непривычных людей Пища просто-напросто пугает.

Уинклс походил по комнате, постоял в нерешительности — и отбыл.

Стало ясно, что есть у него что-то на уме, какая-то задняя мысль, и он только и ждет удобной минуты, чтобы высказаться. Однажды, когда у Бенсингтона был и Редвуд, Уинклс приоткрыл им свои тайные планы.

— Ну-с, как дела? — спросил он, по обыкновению потирая руки.

— Составляем нечто вроде доклада.

— Для Королевского общества?

— Да.

— Гм, — глубокомысленно промышчал Уинклс и направился к камину. — Гм... А нужно ли это? Вот в чем вопрос.

— То есть?

— Нужно ли публиковать этот доклад?

— Так ведь у нас не средние века, — возразил Редвуд.

— Это я знаю.

— Как говорит Коссар, обмен идеями — вот истинно научный метод.

— В большинстве случаев — конечно. Но... это случай исключительный.

— Мы представим доклад Королевскому обществу, как и положено, — сказал Редвуд.

Позднее Уинклс опять вернулся к этому разговору.

— Все-таки Пища — во многих отношениях исключительное открытие.

— Это неважно, — ответил Редвуд.

— Оно может породить серьезные злоупотребления... Чревато серьезными опасностями, как выражается Кей-тэрм.

Редвуд промолчал.

— И даже простая небрежность тоже чревата... А вот если бы нам образовать комиссию из самых надежных людей для контроля над производством Чудо-пищи... то есть Гераклеофорбии... мы могли бы...

Он умолк, но Редвуд, втайне чувствуя себя неловко, все же сделал вид, будто не заметил его вопросительной интонации.

Всюду и везде (только не в присутствии Редвуда и Бен-сингтона) Уинклс, хоть и знал для этого слишком мало, выступал в роли главного авторитета по Чудо-пище. Он писал письма в ее защиту, сочинял записки и статьи, в которых разъяснял ее возможности, и совершенно не к месту вскакивал на заседаниях научных и медицинских обществ, чтобы высказаться о ней; словом, всем и каждому старался внушить, что он и Пища нераздельны. Наконец он напечатал брошюру под названием «Правда о Чудо-пище», где постарался представить в самом безобидном свете все, что произошло в Хиклибрау. Нелепо даже думать, утверждал он, будто Чудо-пища может довести рост человека до тридцати семи футов, это — «явное преувеличение». Конечно, люди станут немного повыше, но и только...

Двум ученым друзьям было ясно одно. Уинклс непременно хочет участвовать в изготовлении Гераклеофорбии; он готов был читать любые корректуры для любых газет и изданий, которые печатали материалы о Чудо-пище, — одним словом, всячески старался проникнуть в тайну ее изготовления. Опять и опять он твердил им обоим, что понимает, какая это огромная сила и какие огромные у нее возможности. Но ее создатели непременно должны как-то себя «обезопасить»... В конце концов он напрямик спросил, как они ее изготавливают.

— Я тут обдумывал ваши слова, — начал Редвуд.

— И что же? — оживился Уинклс.

— Вы говорили, что такое открытие может породить серьезные злоупотребления, — напомнил Редвуд.

— Да. Но я не понимаю, какая связь...

— Самая прямая, — ответил Редвуд.

Несколько дней Уинклс обдумывал этот разговор. Потом пришел к Редвуду и заявил, что чувствует себя не вправе давать его сыну порошок, о котором сам ничего не знает; ведь это означает брать на себя чрезмерную ответственность, идти на ничем не оправданный риск. Тут Редвуд, в свою очередь, призадумался.

Между тем Уинклс заговорил о другом:

— Вы заметили? Общество борьбы с Чудо-пищей заявило, что оно насчитывает уже несколько тысяч членов. Они внесли законопроект и уговорили молодого Кейтэрема провести его в парламенте; он охотно согласился. Они так и рвутся в бой. Организуют в округах комитеты, дабы влиять на кандидатов. Хотят добиться, чтобы нельзя было изготавливать и хранить Гераклеофорбию без особого на то разрешения, — это будет караться законом. А если кто-нибудь станет кормить Чудо-пищей (так они ее называют) лицо, не достигшее совершеннолетия, значит, он уголовный преступник и его засадят в тюрьму, и даже нельзя будет отделаться штрафом. Но появились еще и параллельные общества. Состав у них самый пестрый. Говорят, Национальное Общество Охраны Надлежащих Пропорций хочет ввести в правление мистера Фредерика Гаррисона, — он ведь написал этакое изящное эссе, утверждает, что слишком большой рост — это пошло и грубо и в корне противоречит учению Огюста Конта о путях развития человечества. Даже восемнадцатый век — век заблуждений — не докатывался до таких крайностей. Конту мысль о подобной Пище и в голову не приходила, а отсюда ясно, что затея эта дурна и греховна. Ни один человек, говорит Гаррисон, который действительно понимает Конта...

— Но неужели, — прервал Редвуд: он так встревожился, что даже забыл на миг о своем презрении к Уинклсу.

— Ничего этого они не сделают, — ответил Уинклс, — но общественное мнение остается общественным мнением, и голоса избирателей остаются голосами. Все видят, что от вашей выдумки одно беспокойство. А человек — это существо, которое не любит, чтобы его беспокоили. Когда Кейтэрем кричит, что люди будут тридцати

семи футов ростом и не смогут войти в церковь, или в молитвенный дом, или в какое-либо общественное здание или учреждение, потому что они там не поместятся, ему вряд ли кто верит, и все-таки всем становится не по себе. Все чувствуют, что тут что-то есть... что это не простое открытие.

— Что-то есть во всяком открытии, — заметил Редвуд.

— Как бы там ни было, люди волнуются. Кейтэрем долбит, как дятел, одно и то же: а вдруг Пицца опять вырвется из-под контроля и опять начнутся всякие ужасы. Я не устаю повторять, что этого быть не может и не будет, но... Вы же знаете, каковы люди!

Уинклс еще некоторое время пружинисто шагал по комнате, словно собираясь опять заговорить о секрете изготовления Пищи, но потом вдруг передумал и отключился.

Ученые переглянулись. Несколько минут говорили только глаза. Наконец Редвуд решил.

— Что ж, — с нарочитым спокойствием сказал он, — на худой конец я буду давать Пищу моему маленькому Тедди собственными руками.

III

Прошло всего несколько дней, и, раскрыв утреннюю газету, Редвуд увидел сообщение о том, что премьер-министр намерен созвать Королевскую комиссию по Чудо-пище. С газетой в руке Редвуд помчался к Бенсингтону.

— Я уверен, это все проделки Уинклса. Он играет на руку Кейтэрему. Без конца болтает о Пище и о ее последствиях и только будоражит людей. Если так будет продолжаться, он повредит нашим исследованиям. Ведь даже сейчас... когда у нас такие неприятности с моим малышом...

Бенсингтон согласился, что это очень дурно со стороны Уинклса.

— А вы заметили, что он теперь тоже называет ее только Чудо-пищей?

— Не нравится мне это название, — сказал Бенсингтон, глядя на Редвуда поверх очков.

— Зато для Уинклса в нем вся суть.— А чего он, собственно, к ней прицепился? Он же тут совершенно ни при чем.

— Понимаете, он старается ради рекламы,— сказал Редвуд.— Я-то плохо понимаю, для чего это. Конечно, он тут ни при чем, но все начинают думать, что он-то ее и выдумал. Разумеется, это не имеет значения...

— Но если они от этой невежественной, нелепой болтовни перейдут к делу...— начал Бенсингтон.

— Мой Тедди уже не может обойтись без Пищи,— сказал Редвуд.— Я тут ничего не могу поделать. На худой конец...

Послышались приглушенные пружинистые шаги, и посреди комнаты, по обыкновению потирая руки, возник Уинклс.

— Почему вы всегда входите без стука?— спросил Бенсингтон, сердито глядя поверх очков.

Уинклс поспешно извинился.

— Я рад, что застал вас здесь,— сказал он Редвуду.— Дело в том...

— Вы читали об этой Королевской комиссии?— прервал его Редвуд.

— Да,— ответил Уинклс, на минуту растерявшись.— Да.

— Что вы об этом думаете?

— Превосходная мысль,— сказал Уинклс.— Комиссия прекратит весь этот крик и шум. Разрешит все сомнения. Заткнет глотку Кейтэрему. Но я пришел не за этим, Редвуд. Дело в том...

— Не нравится мне эта Королевская комиссия,— сказал Бенсингтон.

— Все будет в порядке, уверяю вас. Могу вам сообщить— надеюсь, это не сочтут разглашением тайны,— что я, возможно, тоже войду в состав комиссии.

— Гм-м,— промычал Редвуд, глядя в огонь.

— Я могу все повернуть, как надо. Могу доказать, что, во-первых, эту самую Пищу совсем нетрудно держать под контролем и, во-вторых, что катастрофа вроде той, какая произошла в Хиклибрау, просто не может повториться, разве только чудом. А такое авторитетное заявление— это именно то, что нужно. Конечно, я мог бы говорить с большей убежденностью, если бы знал... но это

так, к слову. А сейчас я хотел бы с вами посоветоваться, тут встает один небольшой вопрос. М-м... Дело в том, что... Собственно... Я оказался в несколько затруднительном положении, и вы могли бы мне помочь.

Редвуд удивленно поднял брови, но в душе обрадовался.

— Дело... м-м... совершенно секретное.

— Говорите, не бойтесь, — подбодрил Редвуд.

— Недавно моим попечениям вверили ребенка... м-м... ребенка одной... м-м... высокопоставленной особы.

Уинклс откашлялся.

— Мы вас слушаем, — сказал Редвуд.

— Признаться, тут немалую роль сыграл ваш порошок... и ведь широко известно, как я вылечил вашего малыша... Что скрывать, многие сейчас настроены очень враждебно по отношению к Пище... И все же среди наиболее разумных людей... Но действовать нужно осторожно, понимаете? Очень постепенно. И, однако, ее светлость... я хочу сказать, моя новая маленькая пациентка... Собственно, это предложил ее отец... Сам я никогда бы не...

Редвуд с изумлением заметил, что Уинклс смущен.

— А я думал, вы сомневались, следует ли применять этот порошок, — сказал он.

— Это было минутное сомнение.

— И вы не собираетесь прекратить...

— В отношении вашего малыша? Конечно, нет!

— Насколько я понимаю, это было бы убийством.

— Я бы ни за что на это не пошел.

— Вы получите порошок, — сказал Редвуд.

— А не могли бы вы...

— Нет, — сказал Редвуд. — Никаких рецептов не существует. Простите за откровенность, Уинклс, но напрасно вы стараетесь. Я приготовлю порошок сам.

— Что ж, мне все равно, — буркнул Уинклс, метнув злобный взгляд на Редвуда. — Да, все равно. — И, чуть помедлив, прибавил: — Уверю вас, меня это ничуть не огорчает.

IV

Когда Уинклс ушел, Бенсингтон стал перед камином и посмотрел на Редвуда.

— Ее светлость, — задумчиво сказал он.

— Ее светлость, — откликнулся Редвуд.
— Это принцесса Везер-Дрейбургская!
— Ни много ни мало троюродная сестра самого...
— Редвуд, — сказал затем Бенсингтон, — я знаю, это смешно, но... как, по-вашему, Уинклс понимает?

— Что именно?

— Понимает он, что это такое? — Бенсингтон невидящими глазами уставился на дверь и понизил голос. — Понимает он по-настоящему, что в семействе... в семействе его новой пациентки...

— Ну, ну, — поторопил Редвуд.

— В семействе, где все испокон веку были несколько... несколько ниже...

— Ниже среднего роста?

— Да. И вообще в этой семье все всегда были уж так скромны, решительно ничем не выделялись... а он собирается вырастить августейшую особу совершенно выдающуюся... такого... такого роста! Знаете, Редвуд, боюсь, тут есть что-то... это почти государственная измена.

Он перевел глаза на Редвуда.

— Вот, ей-богу, он ничего не понимает! — воскликнул Редвуд и погрозил камину пальцем. — Этот человек вообще ничего не знает и не понимает. Меня это злило, еще когда он был студентом. Ничего не понимает. Он сдавал все экзамены, запоминал все факты, а знаний у него было ровно столько же, сколько у книжной полки, на которой стоит Британская энциклопедия. Он и теперь ничего не знает и не понимает. Такой Уинклс способен воспринять только то, что прямо и непосредственно касается его великолепной персоны. Он начисто лишен воображения, а потому не способен к познанию. Лишь такой безнадежный тупица и может сдать столько экзаменов, так хорошо одеваться и стать таким преуспевающим врачом. То-то и оно! Он все слышал, все видел, мы ему обо всем говорили, — и, однако, он совершенно не понимает, что натворил. У него в руках Чудо, на Чудо-пище он уже заработал себе чудо-имя, а теперь кто-то допустил его к августейшему ребенку, и он поистине делает чудо-карьеру! И ему, разумеется, не приходит в голову, что перед семейством Везер-Дрейбургов скоро встанет огромной трудности за-

дача — принцесса ростом в тридцать с лишним футов... но где уж ему до этого додуматься!

— Будет страшный скандал, — заметил Бенсингтон.

— Да, примерно через год.

— Как только увидят, что она все растет и растет.

— Разве что постараются это скрыть... Так всегда делается...

— Такое не спрячешь, это не иголка.

— Да уж!..

— Что же они будут делать?

— Они никогда ничего не делают — королевским семействам это не подобает.

— Ну, что-то предпринять все-таки придется.

— Может быть, она сама найдет выход?

— О господи! Вот это да!

— Они ее спрячут подальше. Такие случаи в истории бывали. — И Редвуд вдруг совсем некстати захохотал. — Ее громаднейшая светлость! Резвое дитя в Железной маске! Им придется посадить ее в самую высокую башню родового замка Везер-Дрейбургов, она будет расти все выше и выше, — и они станут пробивать потолок, этаж за этажом... Что ж, я и сам в таком же положении. А Коссар со своими тремя мальчуганами? А... ну и ну!

Но Бенсингтон не смеялся.

— Будет страшный скандал, — повторил он. — Просто ужасный. Хорошо ли вы все это обдумали, Редвуд? Может быть, разумнее предупредить Уинклса? Может быть, постепенно отлучим вашего мальчика от Пищи и... и удовольствуемся чисто теоретическими выкладками?

— Посидели бы вы полчаса у нас в детской, когда Пища чуть запаздывает, по-другому бы заговорили! — с досадой сказал Редвуд. — Предупредить Уинклса — ну нет! Раз уж нас захватило течением, страшно не страшно, а придется плыть.

— Значит, придется, — ответил Бенсингтон, задумчиво уставясь на носки своих башмаков. — Да. Придется плыть. И вашему малышу придется плыть, и мальчикам Коссара — он кормит Пищей всех троих. Коссар не признает полумер — все или ничего. И ее светлости придется. И всем вообще. Мы будем и дальше готовить Пищу. И Коссар тоже. Ведь это только самые первые шаги, Ред-

вуд. Нам еще многое предстоит, это ясно. Впереди величайшие события, невероятные... Я себе и представить не могу, Редвуд... Вот только одно...

Он принялся разглядывать свои ногти, потом сквозь очки кротко поглядел на Редвуда.

— А знаете,— сказал он,— в иные минуты я склонен думать, что Кейтэрем прав. Наша Пицца опрокинет все соотношения и пропорции в мире. Она изменит... да она все на свете изменит!

— Что бы она там ни меняла, а мой малыш должен и дальше ее получать,— сказал Редвуд.

На лестнице послышались торопливые тяжелые шаги, и в дверь просунулась голова Коссара.

— Ого! — сказал он, поглядев на их лица, и вошел. — Что у вас тут стряслось?

Они рассказали ему о принцессе.

— Трудная задача? — вскричал он. — Ничего подобного! Она будет расти, только и всего. И ваш мальчик тоже. И все, кому дают Пиццу, будут расти. Как на дрожжах. Ну и что же? В чем загвоздка? Так оно и должно быть. Ясно даже младенцу. Что вас смущает?

Друзья попытались объяснить ему.

— Прекратить?! — завопил Коссар. — Да вы что? Даже если бы вы и захотели — шалишь! Вам теперь податься некуда. И Уинклсу податься некуда. Так оно и должно быть. А я-то не мог понять, что надо этому проныре. Теперь ясно. Ну и в чем дело? Нарушит пропорции? Разумеется. Изменит все на свете? Непременно. В конечном счете перевернет всю жизнь, судьбы человеческие. Ясно. Само собой. Они попытаются все это остановить, но они уже опоздали. Они всегда опаздывают. А вы гните свое и делайте больше Пиццы, как можно больше. Благодарите бога, что не зря живете на земле.

— А столкновение интересов? — возразил Бенсингтон. — А социальные конфликты? Вы, видно, не представляете себе...

— Мямля вы, Бенсингтон,— сказал Коссар,— размазня. Этаким талантище, даже страшно, а воображает, что все его назначение в жизни — пить, есть и спать. Для чего, по-вашему, создан мир — чтобы в нем хозяйничали ста-

рые бабы? Ну, да теперь уж ничего не попишешь, придется вам делать свое дело.

— Боюсь, что вы правы, — вздохнул Редвуд. — Понемножку...

— Нет! — оглушительно крикнул Коссар. — Никаких «понемножку»! Давайте побольше Пищи, да поскорее! Засыпьте ею весь мир!

В своем возбуждении он даже сострил — взмахнул рукой, как бы изображая кривую, вычерченную некогда Редвудом.

— Помните, Редвуд? Вот так, только так!

V

Как видно, и материнской гордости есть предел; миссис Редвуд достигла его в тот день, когда ее отпрыск, едва ему исполнилось шесть месяцев, проломил свою дорожную колясочку и с громким ревом прибыл домой на тележке молочника. Весил он в то время пятьдесят девять с половиной фунтов¹, ростом был сорока восьми дюймов и мог поднять шестьдесят фунтов. Наверх в детскую его тащили вдвоем — кухарка и горничная. После этого случая стало ясно, что не сегодня-завтра разоблачения не миновать.

Однажды, вернувшись из лаборатории, Редвуд застал свою несчастную жену за чтением увлекательнейшего журнала «Могущественный атом»; она тотчас отшвырнула журнал, кинулась к мужу и разразилась слезами.

— Скажи, что ты сделал с ребенком! — рыдала она у него на груди. — Что ты с ним сделал?!

Редвуд обнял ее и повел к дивану; надо было как-то оправдываться.

— Не волнуйся, дорогая, — приговаривал он. — Не волнуйся. Ты немного переутомилась. Просто коляска была дрянная. Я уже заказал для него крепкое кресло на колесах, и завтра...

Миссис Редвуд подняла на мужа заплаканные глаза.

— Кресло на колесах? Для такого крошки? — всхлинула она.

— А почему бы и нет?

— Как будто он калека!

¹ Английский фунт — 453,6 грамма.

— Не калека, а юный великан, и ты напрасно этого стыдишься.

— Ты что-то сделал с ним, Денди,— сказала она.— Я по твоему лицу вижу.

— Ну, во всяком случае, это не помешало ему расти,— безжалостно ответил Редвуд.

— Так я и знала!— воскликнула миссис Редвуд и скомкала в руке платок. Взгляд ее стал жестким и подозрительным.— Что ты сделал с нашим ребенком?

— А что тебя беспокоит?

— Он такой огромный. Он просто чудовище.

— Чепуха. Складный, крепкий ребенок. Что тебя тревожит?

— Посмотри, какой он громадный.

— Ну и что же? А ты посмотри, сколько кругом жалких недоростков! Прекрасный ребенок, другого такого поискать...

— Слишком прекрасный,— возразила миссис Редвуд.

— Так будет недолго,— успокоил муж.— Это только начало такое бурное.

Но он отлично знал, что так будет еще долго — ребенок будет расти и расти. Так оно и вышло. Когда мальчику исполнился год, ему недоставало только дюйма до пяти футов роста, а весил он сто пятнадцать фунтов. Теперь он был точь-в-точь херувим на соборе святого Петра в Риме, а после того как он несколько раз играючи ухватил за волосы и за нос любопытных, приходивших на него взглянуть, о его силе заговорил весь Западный Кенсингтон. Поднять его на руки было невозможно, в детскую и обратно его возили на инвалидном кресле, а для прогулок была нанята особая нянька — эта мускулистая, специально обученная девица вывозила его на прогулку в сделанной на заказ моторной коляске мощностью в восемь лошадиных сил, вроде тех, что предназначены для подъема в горы. Хорошо, что Редвуд, в дополнение к своим ученым занятиям, был еще и правительственным техническим экспертом и сохранил кое-какие связи.

Конечно, размеры юного Редвуда в первую минуту поражали,— говорили мне люди, чуть не каждый день смотревшие, как он неторопливо катил в своей коляске по Гайд-парку,— но только опомнишься от удивления —

и видишь, что вообще-то он на редкость смысленный и красивый ребенок. Он почти никогда не плакал, и незачем было затыкать ему рот соской. Обычно он сжимал в руках большущую погремушку и время от времени весело и дружелюбно кричал «да-да» и «ба-ба» кучерам проезжавших мимо парка омнибусов и стоявшим на посту полицейским.

— Глядите, вон ребенок-великан, его выкормили Чудо-пищей, — говорили кучера омнибусов пассажирам.

— Видно, парнишка здоровый, — откликался кто-нибудь, сидевший поближе.

— Его кормят из бутылки, — объяснял кучер. — Говорят, в нее влезает целый галлон, на заказ делали.

— Как ни верти, а парнишка, видно, здоровущий, — заключал пассажир.

Когда миссис Редвуд убедилась, что ребенок не перестает расти все так же стремительно — а по-настоящему она это поняла, увидев новую коляску для прогулок, — ее охватило неистовое отчаяние. Она кричала, что отныне ноги ее не будет в детской, лучше бы ей умереть, раз у нее такой ребенок, и лучше бы ребенку умереть, и пускай все на свете умрут, и зачем, зачем она вышла замуж за Редвуда, и вообще зачем только женщины выходят замуж. Потом она немного притихла, и удалилась к себе, и просидела три дня взаперти, питаясь одним куриным бульоном. Редвуд пытался ее урезонить, но она только рыдала, швыряла на пол подушки и рвала на себе волосы.

— Да ведь с малышом ничего плохого не случилось, — уговаривал Редвуд. — Для него же лучше, что он большой. Неужели ты хочешь, чтобы он был меньше других?

— Я хочу, чтобы он был такой, как все дети, ни больше ни меньше. Я хотела, чтобы он был обыкновенным милым и хорошим ребенком, как наша Джорджина Филлис, я хотела вырастить хорошего сына, а он вон какой... — Голос несчастной женщины дрогнул. — Уже взрослые ботинки носит... и гулять его возят в этой ужасной ма... машине, и она воняет бе... бензином! Я никогда не смогу его любить, — рыдала она, — никогда! Это уж чересчур! Какая я ему мать!

Наконец ее все-таки уговорили пойти в детскую, где Эдвард Монсон Редвуд (Пантагрюэлем его прозвали позднее) с увлечением раскачивался в специально укрепленном кресле-качалке и весело гукал и улыбался до ушей. Сердце миссис Редвуд не выдержало, она бросилась к сыну, прижала его к себе и заплакала.

— Они что-то сделали с тобой, сыночек, — всхлипывала она, — и ты будешь все расти и расти, но что бы ни говорил твой отец, я все равно постараюсь воспитать тебя как полагается.

И Редвуд (вместе с домочадцами он не без труда привел ее в детскую) вздохнул с облегчением и отправился по своим делам.

Да, вот он, женский характер! Нелегкая это задача — быть мужчиной!

VI

К концу того же года на улицах западной части Лондона появились и еще моторные коляски для детей. Мне говорили, что их было одиннадцать, но достоверные сведения есть только о шести. По-видимому, Гераклеофорбия на различные организмы действовала по-разному. Ее не сразу научились вводить путем подкожных впрыскиваний, а между тем оказалось, что очень многие дети совершенно неспособны усваивать ее обычным путем, как всякую другую пищу. Уинклс, например, пробовал давать ее своему младшему сыну, но тот оказался столь же неспособен к бурному росту, как (по уверениям Редвуда) его отец — к познанию. Были случаи, когда Гераклеофорбия вредила детям, и они умирали от каких-то странных болезней, — так по крайней мере утверждало Общество борьбы с Чудо-пищей. А вот сыновья Коссара мгновенно пристрастились к чудесному порошку.

Конечно, такого рода открытие не может войти в жизнь человечества без всяких осложнений; рост, в частности, — процесс очень сложный, и тут при обобщениях не избежать неточностей. Но в целом действие Пищи можно определить так: если организм ее в том или ином виде усваивает, она во всех случаях стимулирует его развитие примерно одинаково. Рост увеличивается раз в шесть-семь, не больше, сколько бы Пищи вы ни вводи-

ли. А избыточное введение Гераклеофорбии, как оказалось, вызывает патологические расстройства пищеварения, рак и другие опухоли, окостенение суставов и иные заболевания. Быстро выяснилось, что если бурный рост однажды начался, замедлить его уже нет возможности, необходимо и впредь постоянно вводить Гераклеофорбию в небольших, но достаточных дозах.

Если же молодой, еще растущий организм вдруг лишит этой пищи, то сначала наступает период смутного беспокойства и подавленности, затем непомерная прожорливость, как было в случае с крысами, напавшими на доктора в Хэнки, потом острое малокровие, слабость и, наконец, смерть. Примерно то же происходит и с растениями. Впрочем, это все относится только к периоду роста. С наступлением зрелости — у растений в эту пору впервые образуются бутоны — потребность в Гераклеофорбии и аппетит уменьшаются, а как только человек, животное или растение достигнут полного развития, Пищи им больше не нужно. Теперь они, так сказать, вполне приспособились к новым масштабам. Например, крапива в Хиклибрау и трава на соседнем холме приспособились настолько, что семена их дали гигантское потомство, и таким образом утвердился новая порода.

Прошло немного времени, и юный Редвуд, первенец нового племени, раньше всех вкусивший Пищи богов, уже ползал по детской, разбивал в щепки мебель, кусался, как лошадь, щипался, как клещи, и громовым басом призывал няню, маму и виновника всех бед — папу, а тот взирал на дело рук своих в некотором испуге и изумлении.

У ребенка явно были хорошие задатки. «Падда будет хороший», — приговаривал он, когда вокруг него билось и ломалось все, что только можно было разбить и сломать. Он называл себя «Падда» — сокращение от Пантагрюэля (это прозвище дал ему отец). А тем временем Коссар, презрев исконные права соседних домовладельцев, вовсе не желавших, чтобы от них загородили свет (это вскоре привело к неприятным осложнениям), захватил пустырь, прилежавший к дому Редвуда, и вопреки всем местным правилам принялся строить там для всех четырех мальчиков (сына Редвуда и своих троих) удоб-

ное, светлое помещение площадью в шестьсот квадратных футов и высотой в сорок; это была одновременно комната для игр, классная и детская.

Редвуд строил эту огромную детскую вместе с Коссаром и положительно влюбился в нее; поглощенный насущными интересами сына, он даже знаменитые кривые на время забросил, — никогда бы он не поверил, что способен на это!

— Хорошо оборудованная детская — это очень важно, очень, — говорил он. — Тут и сами стены, и каждая мелочь — все должно будет более или менее красноречиво взывать к созданному нами новому разуму и более или менее успешно учить его тысяче разных вещей.

— Само собой разумеется, — поддакивал Коссар. И поспешно хватался за шляпу.

Они работали очень дружно и согласно, но теорию воспитания развивал главным образом Редвуд.

Стены детской, двери, оконные рамы выкрасили в веселые тона; преобладали очень светлые, теплые оттенки, но тут и там яркая полоса, цветное пятно оживляли и подчеркивали простоту линий.

— Нам нужны чистые цвета, — говорил Редвуд и вдоль одной стены протянул целую связку квадратов; тут были все оттенки алого и лилового, оранжевого и лимонно-желтого, голубого и зеленого. Предполагалось, что дети будут перебирать и тасовать эти квадраты, как им вздумается. — Украшения — это потом, — рассуждал Редвуд, — сначала пусть разберутся в сочетаниях цветов. Потом мы повесим что-нибудь другое. Совсем не зачем приучать их к какому-либо одному цвету или рисунку.

Здесь все должно быть для них интересно, — говорил далее Редвуд. — Интерес — пища для ребенка, а скука — мучение и голод. Пусть будет побольше картин.

Но картины тут не вешали раз и навсегда: постоянными были только рамы, рисунки можно было заменять, как только интерес к ним ослабнет. Из большого окна открывался вид на улицу, уходящую вдаль, а чтобы детям было еще интереснее, Редвуд на крыше детской соорудил камеру-обскуру, через нее видно было Кенсингтон, Хай-стрит и большую часть парка.

В одном углу детской стояли огромные, в четыре квадратных фута, счеты, очень прочные, на железных стержнях, с закругленными углами, — с помощью этого отменного инструмента юным гигантам предстояло познать искусство расчетов и вычислений. Мягких собачек, кошечек и тому подобных игрушек почти не было; вместо этого Коссар однажды без лишних слов доставил три воза всевозможных игрушек такого размера, что проглотить их не могли бы даже дети-гиганты; игрушки эти можно было громоздить одну на другую, выстраивать в ряды, катать, кусать; ими можно было трещать, стучать и хлопать; их можно было бить одну о другую, гладить, таскать за собой, открывать, закрывать — словом, мудрить с ними на все лады сколько душе угодно. Тут было множество кубиков и кирпичиков всех цветов и разной формы: деревянных, из полированного фарфора, из прозрачного стекла, из резины; были пластинки, плитки, цилиндры; были конусы, простые и усеченные; были сплюснутые и растянутые сфероиды, всевозможные шары из различных материалов, литые и полые, множество ящиков всевозможных размеров и форм, с привинченными, навинченными и съемными крышками и даже несколько шкатулок со сложными замками, были и обручи резиновые и кожаные, и масса грубо выточенных кругляшек, из которых можно было составлять фигурки вроде человеческих.

— Давайте им эти игрушки, — сказал Коссар. — Только не все сразу, а по одной.

Все это Редвуд занес в огромный шкаф, стоявший в углу. На одной стене детской на высоте, удобной для ребенка футов семи ростом, висела классная доска, на ней мальчики могли писать и рисовать белыми и цветными мелками; по соседству помещалось нечто вроде огромного блокнота, с него можно было лист за листом срывать бумагу и рисовать углем; тут же рядом на парте лежали большие плотничьи карандаши различной мягкости и запас бумаги, на которой дети могли, выводя всяческие закорючки, понемногу учиться рисовать. В воображении Редвуд заглянул так далеко вперед, что заказал даже огромные тюбики с акварельными красками и коробки пастели, хотя в них пока еще не было нужды. Поставили

в детскую и два-три бочонка пластилина и глины для лепки.

— Сперва мальчишка будет лепить вместе с учителем, а там научится копировать модели, а пожалуй, и лепить животных,— говорил Редвуд.— Да, чуть было не забыл: нужно еще заказать ящик с инструментами.

И книги. Надо приготовить побольше книг, нужен соответствующий размер, крупный шрифт. Теперь вопрос: какие именно книги? Нужно развивать воображение ребенка, в конце концов это и есть цель всякого воспитания. Да, так: воображение — цель, а трезвый ум и разумное поведение — основа. Отсутствие воображения — это возврат к животному состоянию; испорченное воображение — похоть и трусость; но благородное воображение — это бог, вернувшийся на грешную землю. Ребенку надо и помечтать, побывать в мире сказок, порадоваться всяким забавам и чудесам,— на то и детство. Но главной пищей воображению должна стать сама жизнь во всем ее великолепном разнообразии. Пусть ребенок узнает, как люди путешествовали, открывали новые земли и после многих подвигов и приключений завоевали весь мир; нужны рассказы о животных, умно написанные и отлично изданные книги о зверях, птицах и растениях, о пресмыкающихся и насекомых, о заоблачных высях и о тайнах морских глубин; и еще ребенок должен знать историю и географию всех государств, какие когда-либо существовали; нужно дать ему карты и рисунки, пускай узнает историю всех племен, изучит их нравы и обычаи. И еще дадим ему книги и картины, которые развивают чувство прекрасного; тончайшие японские гравюры заставят его полюбить тончайшую прелесть птицы, ветки, опадающих лепестков, а живописцы Запада научат ценить красоту мужчин и женщин, прелесть натюрморта и ширь пейзажа. Нужны книги о зодчестве, пусть учатся строить дома и дворцы, обставлять комнаты и воздвигать города...

Пожалуй, надо устроить небольшой театр.

Ну и, конечно, музыка!

Редвуд обдумал и это: для начала пускай сын научится играть на ксилофоне с одной только октавой, но с безукоризненно чистым звуком, а потом можно будет прибавить и еще октавы.

— Сначала пускай просто забавляется, поет в тон и называет ноты, — рассуждал Редвуд. — А потом...

Он поглядел на подоконник (для этого ему пришлось задрать голову), измерил взглядом комнату.

— Придется собирать для него фортепьяно прямо здесь, — размышлял он вслух. — Вносить по частям.

Он шагал взад и вперед — крохотная темная фигурка совсем терялась в огромной комнате, — обдумывал, прикидывал. Если бы вы увидели его тогда, вам бы показалось, что это гном заблудился среди обычных детских вещей и игрушек. Огромный, в четыреста квадратных футов, турецкий ковер, по которому вскоре предстояло ползать юному Редвуду, доходил до огороженного решеткой электрического радиатора, обогревавшего детскую. Наверху, на лесах, человек, присланный Коссаром, прикреплял громадную раму для будущих сменных картин. У стены прислонен был альбом для гербария величиной с обыкновенную дверь, откуда торчали гигантский стебель, край огромного листа, цветок курослепа, — все это было привезено из Аршота и впоследствии произвело сенсацию среди ботаников...

И вдруг Редвуду показалось, что он грезит.

— Да полно, неужели все это наяву? — спрашивал он себя, глядя на далекий потолок.

Но тут, словно в ответ, издалека донесся громкий крик, напоминавший рев развеселившегося быка.

— Да, это наяву, — сказал себе Редвуд. — Никаких сомнений!

Теперь слышались сокрушительные удары пухлой руки по столу и крики «Гууу!», «Бууу!».

— Пожалуй, я сам буду его учить, это лучше всего, — продолжал Редвуд; мысли его потекли в новом направлении.

Удары по столу сделались настойчивее. Мгновение Редвуду казалось, что это перестук колес, словно какой-то огромный паровоз надвигается на него и влечет за собою цепь неотвратимых событий... Но тут раздался другой стук, быстрый и легкий.

— Войдите! — крикнул Редвуд, сообразив, в чем дело, и огромная, как в соборе, дверь медленно приотворилась. Заскрипели несмазанные петли, и на пороге, сияя ослепи-

тельной лысиной, благодушной улыбкой и очками, появился Бенсингтон.

— Вот, позволил себе прийти, посмотреть, как и что,— шепнул он, словно бы извиняясь и робея.

— Входите,— повторил Редвуд.

Бенсингтон вошел и закрыл дверь. Заложив руки за спину, сделал несколько шагов, остановился и, по-птичьи вскинув голову и щурясь, оглядел огромную комнату. Потом задумчиво потер ладонью подбородок.

— Всякий раз, как я сюда вхожу, я просто немею,— благоговейно понизив голос, признался он.— Уж очень все это... большое.

— Да,— подтвердил Редвуд и тоже огляделся, словно хотел увидеть не просто пустую комнату.— Да. Они ведь тоже будут большие, сами знаете.

— Знаю,— ответил Бенсингтон чуть ли не с трепетом.— Очень большие.

Они почти со страхом посмотрели друг на друга.

— Очень, очень большие,— повторил Бенсингтон, поглаживая переносицу и косясь на Редвуда, словно и верил, и не верил, и ждал подтверждения.— Понимаете, они будут... невероятно большие. Я вот смотрю на все это... и все-таки не могу себе представить... какие же они будут?

Глава V *Мистер Бенсингтон стушевывается*

I

Как раз в то время, когда Королевская комиссия по Чудо-пище готовила отчет о своей деятельности, Пища всерьез доказала свою способность ускользать из-под контроля. Случилось это слишком быстро и потому весьма некстати, по крайней мере так думал Коссар. Ибо, как показывает сохранившийся и по сей день первоначальный вариант отчета, Комиссия под руководством самого талантливого своего члена — Стивена Уинклса (члена Королевского общества, доктора медицинских наук, члена Королевского терапевтического колледжа, доктора естественных наук, мирового судьи, доктора прав и прочая и прочая) — уже установила, что случайная утечка Гераклеофорбии совершенно исключена; Комиссия готова была

высказаться в пользу Чудо-пищи при условии, что изготовление оной будет поручено авторитетному комитету (разумеется, во главе с Уинклсом) и этот же комитет получит исключительное право контроля над продажей; по мнению Комиссии, эти меры должны были удовлетворить всех, кто выступал против широкого применения Гераклеофорбии. Будущий комитет получал неограниченные полномочия и исключительное право распоряжаться Чудо-пищей. И, конечно, только злая ирония судьбы повинна в том, что первая и самая страшная вспышка новых бесчинств Гераклеофорбии произошла совсем рядом с маленьким коттеджем в Кестоне, где проводил лето доктор Уинклс.

Теперь уже нет сомнений, что, когда Редвуд отказался сообщить Уинклсу состав Гераклеофорбии номер четыре, сей почтенный доктор воспылал страстью к аналитической химии. Экспериментатор он был весьма посредственный и, вероятно, поэтому счел нужным заниматься своими опытами не в превосходно оборудованных лабораториях, которые были к его услугам в Лондоне, а в дрянном сарайчике на задворках своего коттеджа в Кестоне; он ни с кем не посоветовался и держал свою работу в секрете. Ни особого усердия, ни таланта он не проявил и, проработав какой-нибудь месяц, да и то с перерывами, по-видимому, совершенно забросил свои изыскания.

Уинклсова, с позволения сказать, лаборатория была оборудована очень примитивно: туда была проведена вода, которая затем вытекала через трубу в тенистый пруд, по берегам заросший камышом; пруд этот приютился под развесистой ольхой в уединенном уголке луга, за живой изгородью сада. Труба изобиловала трещинами, остатки Пищи богов просачивались наружу и скапливались в лужице среди камыша, а между тем наступала весна, и природа пробуждалась.

С весной в этом маленьком забытом уголке все ожило и зашевелилось. На поверхности лужи плавала лягушачья икра, и крошечные головастики уже разрывали свои студенистые оболочки; маленькие водяные улитки выползли на солнышко, под зелеными стеблями камыша из яичек выбирались личинки большого водяного жука. Не знаю, видел ли читатель когда-нибудь личинку водяного жука,

который почему-то называется *Dytiscus*¹. Эта личинка выглядит довольно странно: членистая, очень сильная, с неожиданно резкими движениями, она плавает вниз головой, выставив из воды один лишь хвост; она достигает двух дюймов длины — примерно с фалангу большого пальца мужчины (разумеется, такого, кто не отведал Пищи богов) — и вооружена двумя необычайно острыми и мощными челюстями цилиндрической формы с острыми кончиками: ими она высасывает кровь у своей жертвы...

Первыми вкусили плавающих на поверхности лужи остатков Пищи богов крошечные водяные улитки да еще шустрые головастики — эти сразу же особенно к ней пристрастились. Но едва успевал головастик немного подрасти и выделиться в своем головастичьем мирке настолько, что пытался расширить привычную вегетарианскую диету за счет меньшего братишки, как — хлоп! — изогнутые челюсти личинки жука-плавунца уже впились в него и сосут вместе с кровью раствор Гераклеофорбии номер четыре. Кроме этих чудовищ, заполучить хоть малую долю Пищи посчастливилось лишь камышу, зеленой студенистой тине на поверхности воды да водорослям в иле на дне. Вскоре в лаборатории устроили генеральную уборку — и новый запас Пищи переполнил лужу, она разлилась, и теперь зловещая борьба за существование продолжалась уже в соседнем пруду, под корнями ольхи.

Первым обнаружил неладное некий мистер Льюки Керрингтон, учитель математики и естественных наук, который в часы досуга занимался изучением жизни пресноводных, — и его открытию не позавидуешь. Он приехал на денек в Кестон, чтобы наполнить прудовой водой несколько пробирок и затем рассмотреть их содержимое под микроскопом; штук десять пробирок, заткнутых пробками, позвякивали у него в кармане, когда он, помахивая шишковатой тросточкой, спускался с песчаного холма к пруду. А в это время помощник садовника, стоя на заднем крыльце дома мистера Уинклса, подстригал живую изгородь и заметил его; в этот глухой уголок никто никогда не заходил, да и вел себя пришелец непонятно, — и мальчишка с любопытством стал наблюдать.

¹ Жук-плавунец (лат.).

Мистер Керрингтон склонился над прудом и, опершись рукою о ствол старой ольхи, заглянул в воду, но, конечно, садовник не мог понять, отчего такое удивление и удовольствие выразилось на лице мистера Керрингтона, когда тот увидел на дне какие-то большие, совершенно ему незнакомые нити и пузыри крупных водорослей. Головастики нигде не было — к этому времени их всех уже съели личинки плавунца, — и потому, кроме буйной растительности, мистер Керрингтон не заметил ничего необычного. Он закатал рукав до локтя, наклонился еще ниже и сунул руку в воду, чтобы вытащить интересный образчик. И тотчас из укромного уголка под корнями ольхи что-то метнулось...

Миг — и острые клещи впились в руку учителя! Непопнятое существо было длиной больше фута, коричневое и членистое, точно скорпион.

Отвратительный вид его и острая, жгучая боль ошеломили мистера Керрингтона. Он потерял равновесие, закричал — и, как подкошенный, ничком повалился в пруд!

Мальчишка-садовник видел, как он вдруг исчез, слышал всплеск воды, потом барахтанье. А потом несчастный вновь появился над водой — без шляпы, весь мокрый — и закричал истошным голосом.

Никогда еще мальчишка не слышал, чтобы взрослые мужчины так вопили.

Этот удивительный незнакомец, видно, пытался оторвать что-то от своего лица. А по лицу ручьями текла кровь. Он размахивал руками, словно в отчаянии, прыгал и скакал, как сумасшедший, потом пустился бежать, но, не пробежав и десяти шагов, упал и стал кататься по земле. Теперь его не было видно. Мальчишка кубарем скатился с крыльца и прямо через изгородь кинулся на помощь; к счастью, он так и не выпустил из рук садовых ножниц. Продираясь сквозь кусты дрока, он подумал было, не вернуться ли, вдруг этот человек сумасшедший, — но мысль о ножницах придала ему храбрости. «В случае чего я бы выколол ему глаза!» — объяснял он потом. Едва мистер Керрингтон заметил мальчика, он повел себя как человек совершенно нормальный, но доведенный до отчаяния: с трудом поднялся на ноги, пошатнулся, но устоял и пошел ему навстречу.

— Смотри! — вскричал он. — Я не могу их оторвать!

И мальчишка с ужасом увидел, что к щеке мистера Керрингтона, к его обнаженной руке и к бедру присосались три устрашающе огромные личинки, их сильные коричневые тела отвратительно извивались, мощные челюсти глубоко впились в тело, и они жадно пили кровь. У этих чудовищ была бульдожья хватка, и все попытки мистера Керрингтона оторвать их от себя только усиливали боль и углубляли раны; его лицо, шея и пиджак были залиты кровью.

— Держитесь, сэр! — закричал мальчишка. — Сейчас я их отрежу!

И с чисто мальчишеским азартом принялся отстригать кровопийцам головы. «Вот тебе! Вот!» — приговаривал он, морщась от омерзения, всякий раз, как отрезанное извивающееся тело падало на землю. Однако хватка у чудовищ была такая свирепая, что головы еще некоторое время продолжали сосать, и кровь текла из перерезанных шей. Но мальчишка снова пустил в ход ножницы, причем нечаянно задел и самого мистера Керрингтона, — и наконец все было кончено.

— Я никак не мог их оторвать! — повторял мистер Керрингтон.

Он постоял минуту, шатаясь, истекая кровью. Ослабевшими руками потрогал свои раны, посмотрел на окровавленные ладони. Потом колени его подогнулись, и он упал в глубоком обмороке к ногам мальчишки, возле своих поверженных врагов, которые все еще шевелились в траве. По счастью, мальчишке не пришлось в голову побрызгать его водою из пруда — там, под корнями ольхи, подстерегали другие такие же чудовища; вместо этого он побежал обратно в сад звать кого-нибудь на помощь. Тут ему встретился садовник мистера Уинклса (он же кучер), и мальчик рассказал ему о случившемся.

Когда они вместе подошли к мистеру Керрингтону, тот уже очнулся и, хоть был еще смертельно бледен и очень слаб, тотчас объяснил им, какую опасность таил в себе злополучный пруд.

II

Таким-то образом мир был впервые предупрежден, что Пица вновь просочилась, куда не следовало.

Прошла всего неделя, и Кестонский луг оказался, как

выражаются натуралисты, очагом распространения новых гигантских трав и насекомых. На сей раз это были не осы, не крысы, не ухвертки и не крапива, но по меньшей мере три вида водяных пауков, несколько личинок стрекозы (вскоре они превратились в гигантских стрекоз, чьи парящие в воздухе сапфировые тела потрясали весь Кент) и отвратительная студенистая тина, переполнившая пруд и скользкой зеленой слизью доползшая по дорожке почти до самого дома доктора Уинклса. Кроме того, усиленно пошли в рост камыш, хвощ и водяной папоротник; покончить с этим удалось, только когда осушили пруд.

Очень скоро стало ясно, что на этот раз появился не один, а сразу несколько таких очагов. Один был в Илинге — теперь в этом уже нет сомнений, именно отсюда хлынули полчища гигантских мух и красных пауков; из Санбери поползли огромные хищные угри — они вылезали на берег и убивали овец; Блумсбери явил миру новую, устрашающую породу тараканов, — их рассадником стал один старый дом, где водилось множество всякой нечисти. Одним словом, мир опять столкнулся с происшествиями вроде тех, что потрясли однажды Хиклибрау, только вместо цыплят, крыс и ос теперь разрослись до чудовищных размеров другие издавна знакомые твари. Каждый очаг плодил свою собственную живность и растительность...

Теперь мы уже знаем, что все эти очаги возникали только там, где жили пациенты доктора Уинклса, но в то время никто об этом не подозревал. Обвинять самого Уинклса никому и в голову не приходило. Поднялась вполне понятная паника, взрыв негодования, но все это обернулось не против доктора Уинклса, а против Пищи, и даже не столько против самой Пищи, сколько против злосчастного Бенсингтона, ибо общественное мнение с самого начала твердо уверовало, что именно он, и только он один, за нее в ответе.

Попытка линчевать ученого была лишь одной из тех вспышек, которые яркими красками рисует история, а на самом деле рядом со многими другими событиями они бледны и незначительны.

Как это случилось, до сих пор остается тайной. Известно, что толпа нагрянула прямо с митинга, устроенного

в Гайд-парке крайними противниками Чудо-пищи из лагеря Кейтэрема; но кто первый предложил, хотя бы на меком, пойти громить дом Бенсингтона, установить так и не удалось. Раскрыть непостижимую психологию толпы — задача по плечу разве что господину Гюставу ле Бон¹.

Как бы то ни было, однажды в воскресенье около трех часов дня огромная, бурлящая толпа разъяренных лондонцев хлынула к дому Бенсингтона с твердым намерением линчевать его, чтобы впредь всяким ученым неповадно было что-то там исследовать и открывать; и она едва не добила своего, — по крайней мере с тех пор, как давным-давно, в середине царствования королевы Виктории, решетки Гайд-парка были снесены разбушевавшейся толпой, никогда Лондон не видывал ничего подобного. Не менее часа жизнь незадачливого ученого висела на волоске.

Бенсингтон ничего не подозревал до тех пор, пока с улицы не докатился гул приближающейся массы народа. Он подошел к окну и выглянул, все еще не догадываясь, что это имеет какое-то отношение к нему. Минуту-другую он смотрел, как толпа, отбросив десяток полицейских, пытавшихся ей помешать, окружала вход в его дом, — и вдруг понял: это пришли за ним! Он-то и нужен этой ревущей, озверелой толпе! Бенсингтон был совсем один в квартире (пожалуй, это оказалось к лучшему), ибо кухня Джейн отправилась в Илинг к какой-то родне своей матушки пить чай. Как надо себя вести в подобных случаях — это бедняга представлял себе, вероятно, не лучше, чем правила поведения на Страшном суде. Он метался по квартире, вопрошал столы и стулья, как быть, запирали и отпирал все замки, кидался то к окнам, то к дверям, то в спальню, — и тут на выручку явился привратник.

— Нельзя терять ни минуты, сэр, — сказал он. — Они уже углядели в прихожей список жильцов, узнали номер вашей квартиры и идут прямо сюда!

Он вытащил Бенсингтона на площадку лестницы — снизу уже доносился шум и крики, — запер дверь покинутой квартиры и своим ключом отпер дверь квартиры напротив.

— Больше надеяться не на что, — шепнул он.

¹ Гюстав ле Бон (1841—1931) — французский социолог.

В чужой квартире привратник распахнул окно, выходящее в узкий внутренний двор; стена снаружи была утыкана железными скобами, образовавшими весьма неудобную и опасную лестницу на случай пожара. Привратник вытолкнул мистера Бенсингтона из окна на одну из таких скоб, показал, как на ней удержаться, и заставил карабкаться вверх, постукивая ученого по ногам связкой ключей всякий раз, как тот останавливался, не решаясь двинуться дальше. Бенсингтону казалось — это навеки, никогда этой ужасной лестнице не будет конца; карниз над головой недостижимо далек, до него еще не меньше мили, а внизу... О том, что ждет его внизу, лучше не думать.

— Осторожно! — вдруг закричал привратник и схватил его за ногу. Это было так страшно, что мистер Бенсингтон изо всех сил вцепился в железную скобу над головой и тихонько взвизгнул от ужаса.

Его провожатый разбил какое-то стекло и, кажется, прыгнул куда-то далеко вбок. Затем послышался скрип, как будто отворилась оконная рама. Привратник что-то кричал, — кажется, ругался.

Мистер Бенсингтон осторожно повернул голову и наконец увидел его.

— Спуститесь на шесть ступенек, — скомандовал тот.

Все это казалось Бенсингтону диким и нелепым, однако же он повиновался и начал осторожно нащупывать ногой нижнюю скобу.

— Не тащите меня! — вскрикнул он, когда привратник, высунувшись из открытого окна, попытался ему помочь.

Добраться до окна с этой страшной лестницы? Да это было бы нелегко и для белки! Не надеясь совершить подобный подвиг, примирившись с мыслью, что это, в сущности, самоубийство, и уже не помышляя о спасении, Бенсингтон шагнул вниз, и тут привратник довольно грубо схватил его и втащил в окно.

— Придется вам побыть здесь, — сказал он. — Этот замок мне не открыть, он американский. У меня таких ключей нет. Я выйду, захлопну за собой дверь и поищу смотрителя с ключом. А вы пока посидите взаперти. Только из окна не выглядывайте. Отродясь не видал такой кровожадной оравы. Может, они подумают, что вас нет дома, переколотят все в квартире да и успокоятся...

— На моей двери на табличке сказано, что я дома, — вздохнул Бенсингтон.

— Фу ты, черт побери! Ну, мне надо отсюда убраться, а то меня еще застанут...

Он исчез, хлопнула дверь.

Теперь Бенсингтон мог полагаться только на собственную смекалку.

Она загнала его под кровать. Здесь-то его немного погоя и нашел Коссар.

К этому времени Бенсингтон был ни жив ни мертв от страха, потому что Коссар выломал дверь плечом, насккивая на нее с разбегу через всю площадку.

— Вылезайте, Бенсингтон! — крикнул он, вломившись в квартиру. — Все в порядке. Это я. Надо отсюда выбираться. Они хотят подпалить дом. Все дворники уже удирают. Остальной прислуги и след простыл. К счастью, я поймал одного, и он сказал мне, где вы. Вот, глядите.

Выглянув из-под кровати, Бенсингтон увидел в руках Коссара какие-то странные одеяния и среди прочего — огромный черный чепец!

— Они перетряхивают весь дом сверху донизу, — сказал Коссар. — Если не подожгут, так уж непременно нагрянут и сюда. Вызваны войска, но они подоспеют через час, не раньше. В толпе добрая половина — хулиганы, и чем больше квартир они разгромят, тем больше войдут во вкус... Само собой разумеется. Они здесь все перетряхнут. Вот, надевайте-ка юбку и чепец, Бенсингтон, и давайте уносить ноги.

— Вы хотите, чтобы я... — начал Бенсингтон, высовывая из-под кровати голову, точно черепаха.

— Вот именно. Одевайтесь, и пошли! Само собой разумеется!

Вмиг потеряв терпение, Коссар вытащил Бенсингтона из-под кровати и начал обряжать его старухой из просто-народья. Засучил на нем брюки, заставил скинуть шлепанцы; затем стянул с него воротничок и галстук, пиджак и жилет, надел ему через голову черную юбку и красную фланелевую кофту, а поверх всего набросил тальму. И наконец снял с Бенсингтона знакомые всему Лондону очки и нахлобучил ему на голову черный чепец.

— Ну, вы словно родились старухой, — заметил он, наскоро завязывая ленты чепца под подбородком ученого.

Пришел черед башмаков на резинках — жестокое испытание для мозолей! Теперь шаль — и старушка готова.

— Повернитесь-ка кругом! — скомандовал Коссар.

Бенсингтон покорно повернулся.

— Сойдет! — объявил Коссар.

Так, в нелепом одеянии, путаясь и спотыкаясь в непривычных юбках, вторя крикам разъяренных лондонцев, жаждущих его крови, и визгливым фальцетом накликая проклятия на собственную голову, изобретатель Гераклеофорбии спустился по лестнице дома в Честерфилде, смешался с беснующейся толпой и навсегда отошел от событий, которым посвящен наш рассказ.

После этого бегства он, совершивший великое открытие, ни разу больше не пожелал вмешаться в дальнейшую удивительную судьбу своего детища — Пищи богов.

III

Итак, скромный человечек, который заварил всю эту кашу, уходит из нашего рассказа, а вскоре и навсегда уйдет из мира видимого и осязаемого. Но ведь кашу-то заварил не кто иной, как он, и потому на прощанье уместно будет посвятить ему еще одну страничку. Можно представить себе ученого в последние годы его жизни таким, каким знали его на водах в Танбридже. Именно здесь, у Танбриджских целебных источников, появился он после того, как некоторое время вынужден был скрываться от ярости толпы, — появился, лишь только понял, что ярость толпы случайна, недолговечна и очень быстро остывает. Пребывал он в Танбридже под крылышком кузины Джейн, усиленно лечился от нервного потрясения, ни о чем больше не думал, и его, видимо, ничуть не трогали страсти, бушевавшие вокруг новых очагов распространения Пищи и вокруг вскормленных ею детей-гигантов.

Он поселился в «Маунт Глори» — отеле с водолечебницей, которая славилась превосходными целебными ваннами, — тут были ванны углекислые и креозотные; гальваническое и иное электрическое лечение; массаж; ванны хвойные, с крахмалом, с болиголовом, а также световые, тепловые и лучевые; ванны из отрубей и сосновых игл; ванны из смолы и мха — словом, на все вкусы; и Бенсинг-

тон посвятил себя усовершенствованию этой системы лечения, которая, впрочем, осталась несовершенной и после его смерти. Иногда, укутавшись в шубу с котиковым воротником, он отправлялся на прогулку в наемном экипаже, а иногда, если не очень мучили мозоли, ходил пешком к источнику и под наблюдением кузины Джейн осторожно тянул лечебную железистую воду.

Его сутулая спина, румяные щеки и сверкающие очки стали неотъемлемой принадлежностью Танбриджа. Никто здесь не питал к нему вражды, и все в отеле и вокруг гордились таким почетным гостем. Он был знаменит, и теперь уже ничто не могло лишить его этой славы. Он предпочитал не следить по газетам за успехами своего великого открытия; но где бы он ни появлялся — на дороге ли к источнику или в гостиной отеля, — вокруг слышался шепот: «Вот он! Это он и есть!» — и тогда подобие довольной улыбки мелькало в его глазах и смягчало линию рта.

И подумать только, что такой маленький, ничем не примечательный человечек обрушил на мир Пищу богов! Право, даже трудно сказать, что больше поражает в ученых и философах — их величие или их ничтожность. Представьте себе изобретателя Пищи богов там, у целебного источника: в шубе с котиковым воротником стоит он перед выложенным фарфоровой плиткой фонтанчиком, где плещет струя, и потягивает из стакана железистую воду; блестящий глаз, суровый и непроницаемый, косится поверх золотой оправы очков на кузину Джейн. «Б-рр», — произносит он и делает очередной глоток.

Пусть таким он и запечатлется навсегда в нашей памяти, этот великий изобретатель Пищи богов, а теперь мы покинем его — крошечную песчинку в нашей повести — и перейдем к более важным событиям: к дальнейшей истории созданной им Пищи; мы расскажем, как день ото дня росли и крепились разбросанные по всей Англии дети-гиганты, как они входили в мир, слишком тесный и скудный для них, и как все туже сжимали их сети законов и ограничений, которые плела вокруг них Комиссия по Чудо-пище, — сжимали до тех пор, пока...

Книга II *Пища в деревне*

Глава I *Появление Пищи*

I

Наша тема, что началась так скромно в кабинете мистера Бенсингтона, уже настолько расширилась и разветвилась, что отныне все повествование будет историей о том, как Пища богов разошлась по свету. Ее дальнейшее развитие и движение можно сравнить с тем, как непрестанно растет и ветвится дерево. Прошло совсем немного времени — всего лишь четверть жизни одного поколения — с того часа, как Пища впервые появилась на маленькой ферме возле Хиклибрау, и вот она сама, и слухи о ней, и отзвуки ее силы уже растеклись по всему миру. Очень быстро Пища богов вышла за пределы Англии. Скоро она появилась в Америке, разнеслась по европейскому континенту, потом перекинулась в Японию, в Австралию — словом, распространилась по всему земному шару, стремясь к заветной цели. Двигалась она осторожно, без лишней торопливости, извилистыми путями, и ничто не могло ее остановить. Это было наступление гигантизма. Наперекор предрассудкам, наперекор законам и уставам, наперекор упрямому консерватизму, что лежит в основе всех человеческих установлений, Пища богов, раз появившись на свет, осторожно, но неотвратимо шла своей дорогой.

Дети, вскормленные Пищей, росли и мужали — вот самое главное, самое важное событие того времени. Но шум и сенсацию всегда производили случайные вспышки гигантизма, возникавшие из-за утечки Пищи. А дети росли, их становилось все больше, этих выкормышей чудес-

ного порошка; но даже самые строгие меры предосторожности не могли помешать Пище все снова и снова просачиваться в животный и растительный мир. Пища богов ускользала из-под контроля с упорством живого существа. Подмешанная в муку, она обращалась в мельчайший, почти невидимый порошок — и в сухие ясные дни, как нарочно, разносилась по белу свету при малейшем дуновении ветра. И тотчас же какое-нибудь новое насекомое или растение ненадолго обретало роковую славу и величие, либо вновь появлялись чудовищные крысы и другая нечисть. Так, несколько дней деревня Пэнгбурн сражалась с гигантскими муравьями. Три человека умерли от их укусов. Всякий раз начиналась паника, потом борьба не на жизнь, а на смерть, люди одолевали буйно разросшееся зло, но до конца искоренить его не могли, что-то всегда оставалось, хоть и не так бросаясь в глаза; формы жизни менялись, а потом ошеломляла новая вспышка — где-нибудь вдруг буйно разрастались чудовищные травы, летали семена исполинских сорняков, начиналось нашествие тараканов, в которых приходилось стрелять из ружей, или появлялись тучи громадных мух.

В самых забытых, тихих уголках земли неожиданно вспыхивали отчаянные сражения. Схватки с Пищей порождали даже героев, павших в битве за торжество малого над большим...

Постепенно такие происшествия вошли в привычку, люди научились кое-как справляться с ними и говорили друг другу, что «установленный порядок незыблем». После первого приступа паники, несмотря на все красноречие Кейтэрема, звезда его на политическом горизонте потускнела, и его знали просто как представителя крайних.

Медленно, очень медленно выбрался наконец Кейтэрем на первый план. «Установленный порядок незыблем», — утверждал доктор Уинклс, новоявленный вождь радикального направления общественной мысли, так называемого Прогрессивного либерализма, и его сторонники с лицемерным пафосом славили прогресс. А идеалом их оставались маленькое государство, маленькая культура, маленькие семьи, хозяйствующие помаленьку каждая на своей маленькой ферме. Установилась мода на все ма-

ленькое и аккуратненькое. Быть большим считалось просто вульгарным, и лишь крошечное, изящное, утонченное, миниатюрное, малюсенькое удостаивалось похвалы...

А тем временем дети, вскормленные Пищей богов, все росли, росли неспешно, постепенно, как и положено детям, и готовились вступить в мир, который тоже менялся, чтобы их принять. Они мужали, набирались сил и знаний, и каждый, сообразно своим склонностям и способностям, готовился достойно встретить свою великую судьбу. Вскоре они уже стали казаться естественной и неотъемлемой частью нашего мира, да, впрочем, и все всходы гигантизма казались теперь естественными, и люди не могли себе представить, что когда-то было иначе. И, услышав о разных чудесах, на которые оказывались способны гигантские дети, все говорили: «Удивительно!» — но ничуть не удивлялись. Дешевые газетки сообщали своим читателям о подвигах трех сыновей Коссара эти необыкновенные мальчики поднимают тяжелые пушки! Бросают на сотни ярдов громадные куски железа. Прыгают в длину на двести футов! Говорили, что они копают глубокий колодец, глубже всех колодцев и шахт на свете: ищут сокровища, скрытые в земных недрах с незапамятных времен.

Ходкие журналы уверяли, что эти дети сровняют горы с землей, перекинут мосты через моря и изроют туннелями вдоль и поперек весь шар земной. «Удивительно! — восклицали маленькие людишки. — Просто чудеса! Это будет очень удобно и всем нам на пользу!» — и продолжали спокойно заниматься своими делами, словно и не существовало на свете никакой Пищи богов. И в самом деле, то были пока лишь первые проблески гения, первые намеки на могущество Детей Пищи. Всего лишь игра, проба сил без всякой определенной цели. Ведь они еще сами себя не знали. Они все еще были детьми, медленно растущими детьми нового племени. Их исполинская сила увеличивалась день ото дня, их могучей воле еще предстояло вырасти и обрести смысл и цель.

Когда мы теперь оглядываемся на эти годы, они кажутся нам единой последовательной цепью событий; но тогда никто не понял, что наступает эра гигантизма, точно так же, как долгие века мир не понимал, что единым

и не случайным процессом было падение Римской империи. Современники были слишком тесно связаны с отдельными событиями, чтобы рассматривать их как нечто единое. Даже самые мудрые считали, что Пища богов породила лишь отдельные нелепые явления, кучку сивильных уродов, которые подчас мешают и вносят беспокойство, но не в силах пошатнуть или изменить сложившийся раз навсегда облик мира и человечества.

В этот период накопления сил гигантизма находится все же наблюдатель, которого больше всего поражает непобедимая инерция огромной массы людей, их упорное равнодушие и нежелание признавать существующих рядом гигантов, неспособность понять то огромное, что сулит завтрашний день. Как в природе многие потоки кажутся всего спокойней, тише и невозмутимей как раз тогда, когда они вот-вот низвергнутся водопадом, так и в те последние годы уходящей эпохи словно бы укрепилось все, что было в сознании людей устарелого и косного. Реакционные взгляды стали самыми распространенными: говорили, что наука зашла в тупик, что нет более прогресса, что вновь приходит пора самовластья, — и это говорилось в дни, когда все громче слышалась крепнущая поступь Детей Пищи! Конечно, суетливые, бесцельные перевороты былых времен, когда, к примеру, толпа неразумных людишек свергала такого же неразумного царька, давно уже канули в вечность; но Перемена — это закон, который никогда себя не изживет. Просто изменились сами Перемены: Новое появилось в небывалом обличье, и современникам было еще не под силу осознать его и принять.

Чтобы рассказать о появлении Нового во всех подробностях, пришлось бы создать многотомный исторический труд, но повсюду происходило примерно одно и то же. И если рассказать, как Новое появилось в одной точке земного шара, можно дать понятие о том, что происходило во всем мире. Случилось так, что одно заблудшее зерно гигантизма попало в миленькую маленькую деревушку Чизинг Айбрайт в графстве Кент; странно оно созревало, трагически бесплоден был его рост, — и, рассказывая о нем, мы словно попытаемся по одной нити проследить сложный, запутанный узор на полотне, что выткано Временем.

В Чизинг Айбрайте, разумеется, был священник. Приходские священники бывают разные, и меньше всех мне нравятся любители новшеств — эдакие разношерстные люди, консерваторы по должности, которые не прочь иногда побаловаться и передовыми идеями. Но священник прихода Чизинг Айбрайт не признавал никаких новшеств; это был весьма достойный, пухленький, трезвый и умеренный в своих взглядах человек. Уместно будет вернуться в нашем повествовании немного назад, чтобы кое-что о нем рассказать. Он был вполне под стать своей деревне, и вы легко представите себе пастыря и его паству в тот вечер, на закате, когда миссис Скилетт — помните ее побег из Хиклибрау? — принесла Пищу богов в эту сельскую тишину и благолепие, о чем тогда никто и не подозревал.

В розовых лучах заходящего солнца деревня выглядела олицетворением мира и покоя. Она лежала в долине у подножия поросшего буком холма — вереница домиков, крытых соломой или красной черепицей; крылечки домиков были украшены шпалерами, вдоль фасадов рос шиповник; от церкви, окруженной тисовыми деревьями, дорога спускалась к мосту, и понемногу домиков становилось больше и стояли они теснее. За постоянным двором чуть виднелось меж высоких деревьев жилище священника — старинный дом в раннегеоргианском стиле; а шпиль колокольни весело выглядывал в узком просвете долины между холмами. Извилистый ручеек — тонкая полоска небесно-голубого и кипенно-белого, окаймленная густыми камышами, вербой и плакучими ивами, — сверкал среди сочной зелени лугов, словно прожилка на изумрудном брелоке. В теплом свете заката на всем лежал своеобразный, чисто английский отпечаток тщательной отделанности, благополучия и приятной законченности, которая — увы! — только подражает истинному совершенству.

И священник тоже выглядел благодушным. Он так и дышал привычным, неизменным и непоколебимым благодушием — казалось, он и родился благодушным младенцем в благодушной семье и рос толстеньким и аппетитным ребенком. С первого взгляда становилось ясно, что он учился в старой-престарой школе, в стенах кото-

рой, увитых плющом, свято блюлись старинные обычаи и аристократические традиции и, уж конечно, в помине не было химических лабораторий; из школы он, конечно же, проследовал прямехонько в почтенный колледж, здание которого восходило к эпохе пламенеющей готики. Библиотеку его составляли в основном книги не менее чем тысячелетнего возраста — Ярроу, Эллис, добротные дометодистские молитвенники и прочее в том же духе. Низенький, приземистый, он казался еще ниже ростом оттого, что был в ширину почти таков же, как в высоту, а лицо его, с младенчества приятное, сытое и благодушное, теперь, в более чем зрелые годы, приобрело более чем солидность. Библейская борода скрывала расплывшийся двойной подбородок; часовой цепочки он, по причине утонченности вкуса, не носил, но его скромное облачение шито было у отличного уэстэндского портного.

В тот памятный вечер он сидел, упершись руками в колени, и, помаргивая глазками, с благодушным одобрением взирал на свой приход. Время от времени он приветственно помахивал пухлой ручкой в сторону деревни. Он был покоен и доволен. Чего еще желать человеку?

— Отличное у нас местечко! — сказал он привычно. — Посреди холмов, как в крепости, — продолжал он; и наконец довел свою мысль до конца: — Мы сами по себе и далеки от всего, что там творится.

Ибо священник был не один. Он обменивался со своим другом избитыми фразами об ужасном веке, о демократии и светском образовании, о небоскребах и автомобилях, об американском засилье, о беспорядочном чтении, которое портит нравы, и о безнадежном вырождении вкуса.

— Да, мы далеки от всего, что там творится.

Едва он договорил, как послышались чьи-то шаги. Священник с трудом повернул свое пухлое тело и увидел ее.

Теперь представьте себе старуху: она приближается неровным, но упорным шагом; корявой, натруженной рукой она сжимает узел, длинный нос ее (он подавляет и заслоняет все прочие черты лица) морщится, выражая отчаянную решимость. Маки на чепце важно кивают; медленно и неотвратимо переступают ноги — белые от пыли носы старомодных башмаков по очереди показываются

из-под обтрепанной юбки. Под мышкой болтается, норовя ускользнуть, старый, рванный и вылинявший зонтик. Нет, ничто не подсказывало священнику, что в образе этой нелепой старухи в его мирную деревню вступил Его Величество Случай, Непредвиденное — словом, та старая ведьма, которую слабые людишки называют — Судьба. А для нас это была, как вы, конечно, уже поняли, всего лишь миссис Скилетт.

Старуха была слишком обременена своей ношей, чтобы учтиво присесть перед священником и его другом, а потому притворилась, что не замечает их, и прошлепала мимо, совсем рядом, направляясь вниз, в деревню. Священник молча проводил ее глазами, обдумывая свое следующее изречение...

На его взгляд, случай был самый пустячный: старуха с узлом — эка невидаль! Старухи *aere perennius*¹ испокон веку таскают с собой всякие узелки. Что ж тут такого?

— Мы далеки от всего, что там творится, — снова сказал священник. — Мы здесь живем среди вещей простых и непреходящих: рождение, труд, скромный посев да скромная жатва — вот и все. Бури житейские обходят нас стороной.

Священник любил с глубокомысленным видом потолковать о «вещах непреходящих». «Вещи меняют свой облик, — говаривал он, — но человечество *aere perennius*».

Таков был чизинг-айбрайтский священник. Он всегда находил повод вставить классическую цитату, пусть даже и не очень к месту. А внизу под горой весьма неизящная, но решительная миссис Скилетт, не желая обходить усадьбу Уилмердинга, лезла напролом через живую изгородь.

III

Никто не знает, что подумал священник о гигантских грибах-дождевиках.

Известно лишь, что он обнаружил их одним из первых.

Дождевики появились на некотором расстоянии друг от друга на тропинке между ближним холмом и дерев-

¹ Вечно и неизменно; буквально — прочнее меди (*лат.*).

ней — по этой тропинке священник совершал свою ежедневную прогулку. Необыкновенных грибов оказалось ровно тридцать. Священник долго разглядывал каждый гриб и чуть ли не каждый потыкал тростью. Один гриб он даже попробовал измерить, обхватив руками, но тот не выдержал могучего объятия и лопнул.

Священник кое-кому рассказал об этих грибах, назвал их «изумительными» и по меньшей мере семерым из слушателей повторил при этом известную историю о том, как выросшие в подвале грибы приподняли каменную плиту. И даже заглянул в справочник, чтобы определить, были то *Lycoperdon coelatum* или *giganteum*¹ — ведь люди его толка всегда занимаются ботаникой, им не дают покоя лавры Гилберта Уайта. Наш священник начал подумывать, что ранее известные *giganteum* были не такие уж гигантские.

Трудно сказать, заметил ли он, что эти огромные белые шары появились на той самой тропинке, где накануне проходила старуха, и что последний гриб вырос в нескольких шагах от калитки Кэддлсов. Если и заметил, то ни с кем не поделился своими наблюдениями. Его занятия ботаникой относились к числу пресловутых «нацеленных наблюдений» — так выражаются не слишком крупные ученые, и это означает, что ищешь определенный, заранее заданный предмет, а больше ни на что и не смотришь. И священник вовсе не связал появление гигантских грибов с удивительно быстрым ростом младенца Кэддлсов — младенец рос точно на дрожжах, вот уже несколько недель, с тех самых пор, как в одно прекрасное воскресенье Кэддлс отправился навестить тещу и послушать мистера Скилетта (ныне покойного), который всю похвалялся своей куриной фермой.

IV

А ведь гигантские дождевики, вслед за неимоверно растущим младенцем Кэддлсов, должны были бы открыть священнику глаза. Последнее обстоятельство уже однажды было положено ему прямо в руки во время крещения и оказалось чрезвычайно веским — священник едва устоял на ногах.

¹ Дождевик круглый или гигантский (лат.).

Когда лицо младенца окропила холодная вода, скрепляя таинство его приобщения к церкви и его право на имя Элберт Эдвард Кэддлс, он всех оглушил своим воплем. Мать уже не в состоянии была его поднять, и торжествующий отец, пыхтя, но гордо улыбаясь (не всякий может похвастать таким сыном!), поволок его обратно к скамьям, где ждали родные и друзья.

— В жизни не видел такого ребенка, — заметил тогда священник.

Так было впервые признано на людях, что младенец Кэддлсов, который при рождении не тянул и семи фунтов, еще сделает честь своим родителям. Вскоре стало ясно, что он не только сделает им честь, но и прославит их. А еще через месяц слава стала такой громкой, что при скромном положении четы Кэддлс это выглядело даже неприлично.

Мясник взвешивал младенца Кэддлсов одиннадцать раз. Человек неречистый, он скоро исчерпал весь свой запас слов. В первый раз он сказал: «Вот это парень!»; во второй — «Вот так штука!»; в третий — «Ну, знаете!» — а потом уже только, многозначительно свистнув, скреб в затылке и недоверчиво поглядывал на свои всегда верные весы. Вся деревня ходила смотреть на «большущего парня» — так его прозвали единодушно, — и все говорили: «Да он настоящий великан!» И все диву давались: да где ж это видано?! А мисс Флетчер категорически заявила, что она-то сроду ничего подобного не видала — и это была чистая правда.

После третьего взвешивания Кэддлсов посетила леди Уондершут — гроза всей деревни, и через очки так уставилась на необыкновенного ребенка, что он разревелся.

— Ребенок необычайно крупный, — громко и нравоучительно сообщила она матери. — За ним и ухаживать надо не так, как за другими детьми. Разумеется, он не будет и дальше расти так же быстро, раз его кормят из бутылочки, но наш долг — позаботиться о нем. Я пришлю вам еще немного бумазеи.

Приходил и доктор, старательно измерял ребенка рулеткой и заносил цифры в свою книжечку, а старик Дрифтхассок, фермер из-под Верхнего Мардена, нарочно за тащил к Кэддлсам заезжего торговца удобрениями взглянуть на младенца, уговорил его ради этого дать добрых

две мили крюку. Приезжий трижды переспрашивал, сколько мальчику лет, и в конце концов заявил: «Лопни мои глаза!» Почему и как они должны были лопнуть — осталось невыясненным, вероятно, от одного вида такого огромного младенца. Он сказал еще, что такого ребенка надо бы отправить на какую-нибудь ребячью выставку. А детишки со всей округи, когда не были заняты в школе, толпами сходились к домику Кэддлсов и хором умоляли:

— Можно нам поглядеть на вашего маленького, мэм? Мы только на минуточку, только одним глазом!

И так каждый день, без передышки, пока миссис Кэддлс не положила этому конец. Гости разглядывали младенца, охали и ахали; при этом неизменно появлялась и миссис Скилетт, становилась в сторонке, скрестив на груди тощие узловатые руки с острыми локтями, морщила огромный нос и многозначительно улыбалась.

— Старая карга даже стала как-то благообразнее, — заметила леди Уондершут. — Впрочем, мне очень жаль, что она вернулась в нашу деревню.

Разумеется, обычная благотворительность не обошла своими щедротами и отпрыска Кэддлсов, но оглушительный крик младенца быстро показал, что его бутылочку с молоком наполняют не так усердно, как ему бы хотелось.

Одним словом, младенец Кэддлсов стал восьмым чудом света, и все дивились, как быстро он растет. Но чудеса скоро приедаются, уступая место новым, а этот ребенок все рос и рос, и люди не переставали изумляться.

Леди Уондершут недоверчиво слушала свою экономку, миссис Гринфилд.

— Как, опять Кэддлс пришел? Ребенку есть нечего? Но, милая моя Гринфилд, этого не может быть! Странный младенец — прожорлив, как бегемот. Нет, этого просто не может быть.

— Я так думаю, не посмеют они вас обманывать, миледи, — отвечала миссис Гринфилд.

— С этими людьми никогда не знаешь наверняка, — возразила леди Уондершут. — Вот что, дорогая моя Гринфилд, сегодня же сходите туда сами и посмотрите, как он ест. Хоть он и огромный, я просто не допускаю, чтобы ре-

бенок один выпивал шесть пинт молока в день и ему еще не хватало!

— Да ему это и не полагается, миледи,— ответила экономка.

Руки леди Уондершут дрожали от благородного негодования, какое переполняет дам-благотворительниц при мысли, что низшие классы в конечном счете не уступают высшим в низости, а подчас — вот что возмутительно! — могут их в этом и превзойти.

Однако никакого обмана миссис Гринфилд не углядела, и ее хозяйка распорядилась давать для младенца Кэддлсов больше молока. Но не успели отослать ему дополнительную порцию, как у внушительного крыльца леди Уондершут вновь появился Кэддлс, униженный и виноватый.

— Уж как мы берегли его платье, миссис Гринфилд, как берегли, верьте слову, но мальчишка так растет — все на нем лопается! Одна пуговица как отскочит — бац! — окно вдребезги, а другая стукнула меня вон сюда — сами видите, мэм, какой синячище!

Когда леди Уондершут услышала, что на этом поразительном ребенке мигом лопаются по всем швам подаренная ею одежда, она решила поговорить с Кэддлсом сама. Счастливый отец поспешно поплевал на ладонь, пригладил волосы, споткнулся в дверях о ковер и, уже вовсе растерявшийся и сконфуженный, хватаясь, как за соломинку, за собственную шапку, предстал пред очи благодетельницы.

Почтенной леди Уондершут приятно было нагонять страх на Кэддлса. Вот оно, олицетворение низшего сословия, полагала она: жуликоват, предан, унижен, трудолюбив и совершенно неспособен сам о себе позаботиться. И леди Уондершут сказала Кэддлсу, что ребенок растет просто недопустимо.

— Такой уж он едок, миледи, ему все мало, — попробовал защищаться Кэддлс. — Что с ним поделаешь. Лежит в кровати, сучит ногами и орет — прямо хоть беги вон из дому. Ну, как тут его не кормить, миледи, жалко ведь! Да если б мы и не жалели, так соседи вмешаются, им не выдержать такого крика...

Леди Уондершут посоветовалась с приходским доктором.

— Я бы хотела знать, — сказала она ему, — нормально ли, что ребенок поглощает такое невероятное количество молока?

— Детям такого возраста полагается полторы-две пинты молока в сутки, — ответил врач. — Никто не может ожидать, что вы уделите ему больше. А если вы дадите больше, это уж верх великодушия. Конечно, можно бы попытаться хоть на несколько дней ограничить его обычной порцией. Но я вынужден признать, что этот ребенок по какой-то непонятной причине физиологически отличается от своих сверстников. Возможно, это то, что называется аномалией. Случай общей гипертрофии.

— Но это несправедливо по отношению к другим детям нашего прихода, — сказала леди Уондершут. — Если так будет продолжаться, люди начнут роптать.

— Никто не обязан давать больше, чем полагается. Мы можем настаивать, чтобы Кэддлсы обошлись двумя пинтами, в противном случае ребенка надо будет поместить в больницу и хорошенько обследовать.

— Но ведь во всем остальном, если не считать размеров и аппетита, ребенок вполне нормален? — поразмыслив, спросила леди Уондершут. — Он как будто не урод?

— Совсем нет. Однако если он будет и дальше так расти, нравственная и умственная отсталость неизбежна. Это можно с уверенностью предсказать, исходя из закона Макса Нордау. Нордау — весьма одаренный и знаменитый философ, леди Уондершут. Он установил, что ненормальность — явление... э-э... ненормальное, и это — ценнейшее открытие, о котором отнюдь не следует забывать. В моей практике я постоянно на него опираюсь. Когда мне случается столкнуться с чем-либо ненормальным, я тотчас же говорю себе: «Это ненормально».

Взгляд доктора сделался многозначительным, голос упал почти до шепота, словно он поверял собеседнице профессиональную тайну. Он торжественно поднял руку.

— Исходя из этого диагноза, я и лечу пациента, — закончил он.

V

Ай-я-яй! — заметил священник, обращаясь к своей чашке за завтраком на следующий день после появления в деревне миссис Скиллетт. — Ай-я-яй! Это еще что та-

кое! — И он через очки с возмущением уставился на газету.

— Гигантские осы! Что-то будет дальше?.. А может, это просто утка? Что ни день, то сенсация! С меня хватит и гигантского крыжовника. Ерунда все это. — И священник залпом выпил свой кофе, не отрывая глаз от газеты, и недоверчиво причмокнул.

— Чушь! — вынес он окончательный приговор.

Однако назавтра в газетах появились новые подробности, и священник прозрел.

Впрочем, озарение не было мгновенным. Когда в тот день он отправился на свою обычную прогулку, он все еще мысленно посмеивался над нелепой историей, в подлинности которой его пыталась убедить газета. Скажут тоже — осы убили собаку!

Он как раз проходил мимо того места, где впервые появились гигантские дождевики, и заметил, что трава там буйно разрослась, однако никак не связал это с насмешлившей его газетной уткой.

— Будь это правдой, мы бы, наверно, уже услышали, — говорил он себе. — Ведь отсюда до Уитстейбла не будет и двадцати миль.

Но через несколько шагов ему попался новый дождевик, уже второго урожая, — он высился над необычно грубой и жесткой травой, как огромное яйцо сказочной птицы Рух из «Тысячи и одной ночи».

И тут священника осенило.

В то утро он не пошел дальше своей обычной дорогой. Вместо этого он свернул по другой тропинке к домику Кэддлсов.

— Где тут ваш младенец? — строго спросил он и, увидев ребенка, воскликнул: — Боже милостивый!

Не переставая изумляться и негодовать, он пошел обратно к деревне и столкнулся с доктором — тот спешил к дому Кэддлсов. Священник схватил его за руку.

— Что все это значит? — в тревоге спросил он. — Вы читали в последние дни газету?

Да, доктор газету читал.

— Что же с этим ребенком? И вообще, что стряслось? Откуда эти осы, дождевики, младенцы?.. Отчего они все так растут? Прямо понять нельзя. Да еще у нас, в Кенте! Будь это в Америке — ну, еще туда-сюда...

— Пока трудно сказать наверняка, в чем тут дело, — ответил доктор. — Насколько я могу судить по симптомам...

— Да?

— Это... гипертрофия, общая гипертрофия.

— Гипертрофия?

— Да. Общая гипертрофия, поразившая все тело... весь организм. Между нами говоря, я в этом почти убежден, но... приходится соблюдать осторожность.

— Ах, вот как! — сказал священник с облегчением, видя, что события не застали доктора врасплох. — Но почему болезнь вдруг разразилась во всей нашей округе?

— Это пока тоже трудно установить, — ответил доктор.

— В Аршоте. Потом здесь. Перекидывается прямо как пожар.

— Да, — ответил доктор. — Да, я тоже так думаю. Во всяком случае, это очень напоминает какую-то эпидемию. Пожалуй, можно это назвать эпидемической гипертрофией.

— Эпидемия! — воскликнул священник. — Так, значит, эта болезнь заразная?

Доктор кротко улыбнулся и потер руки.

— Этого я пока еще не знаю.

— Но ведь... если она заразная... мы тоже можем заболеть! — От страха глаза у священника стали совсем круглые.

Он зашагал было дальше, но вдруг остановился и обернулся к доктору.

— Я только сейчас от Кэддлсов! — закричал он. — Может быть, лучше... Пойду-ка я поскорее домой и приму ванну, да и одежду нужно окурить...

Доктор с минуту глядел ему в удаляющуюся спину, потом повернулся и тоже зашагал восвояси...

Но на полдороге он сообразил, что случай гипертрофии возник в деревне месяц тому назад и никто пока не заразился и, еще поразмыслив, решил быть мужественным, как и надлежит врачу, и идти навстречу опасности, как положено мужчине.

И эта последняя мысль вовсе не толкнула его на безрассудный шаг. Что-что, а вырасти он бы не смог при всем желании. И доктор и священник могли бы преспо-

койно есть Гераклеофорбию целыми возами. Они бы все равно больше не выросли. Растить они оба были уже не способны.

VI

Дня через два после этого разговора, а значит, и после того, как была сожжена опытная ферма, Уинклс пришел к Редвуду и показал ему анонимное письмо весьма оскорбительного свойства. Я-то знаю, кто его писал, но автор должен хранить секреты своих героев. «Вы ставите себе в заслугу явление природы, которое от вас не зависит,— говорилось в письме.— Пишете в «Таймс» и пытаетесь создать себе рекламу. Ерунда эта ваша Чудо-пицца! Просто совпадение, что ваша дурацкая Пицца случайно появилась в одно время с огромными осами и крысами. Все дело в том, что в Англии возникла эпидемия гипертрофии — инфекционная гипертрофия, которая вам подвластна не более, чем Солнечная система. Болезнь эта стара, как мир. Ею страдал еще род Еноха¹. Вот и сейчас в деревне Чизинг Айбрайт совершенно в стороне от сферы вашей деятельности появился младенец...»

— Почерк дрожащий, видимо, старческий,— заметил Редвуд.— Однако это интересно — младенец...

Он прочел еще несколько строк и вдруг понял.

— Бог ты мой! — воскликнул он. — Да ведь это моя пропавшая миссис Скилетт!

И на другой же день нагрянул к ней как снег на голову.

Миссис Скилетт дергала лук в огорожке перед домом дочери. Когда Редвуд вошел в калитку, старуха в первую минуту остоленела, потом скрестила руки на груди (копья зеленого лука вызывающе торчали под мышкой) и ждала, пока он подойдет ближе. Несколько раз беззвучно открыла и закрыла рот, что-то пожевала единственным зубом и вдруг судорожно присела, будто не книксен сделала, а испугалась, что ее ударят по голове.

— Вот, решил вас проведать,— сказал Редвуд.

— Я уж и то ждала, сэр,— ответила она без всякой радости в голосе.

— Где Скилетт?

¹ Книга Чисел, гл. 13, ст. 28—29.

— Он ни разу мне не написал, ни разочка, сэр. Как я сюда приехала, он и глаз не кажет.

— И вы не знаете, где он и что с ним?

— Откуда же мне знать, сэр, писем-то нету. — И она сделала осторожный шагжок в сторону, надеясь преградить Редвуду путь к сараю.

— Никто не знает, что с ним случилось, — сказал Редвуд.

— Ну, он-то сам, верно, знает, — возразила миссис Скилетт.

— Но вестей о себе он не подает.

— Он смолоду такой, Скилетт-то, если какая беда — только о себе и думает, ни о ком не позаботится, — сказала миссис Скилетт. — А уж хитрец, каких мало.

— Где ребенок? — коротко спросил Редвуд.

Она притворилась, что не поняла.

— Ребенок, о котором я слышал, — пояснил Редвуд. — Которому вы даете наш порошок. Ребенок, который весит уже двадцать восемь фунтов.

Руки миссис Скилетт дрогнули, и она выронила лук.

— Право, сэр, я и в толк не возьму, что вы такое говорите, — пролепетала она. — Оно конечно, сэр, у моей дочери, миссис Кэддлс, и вправду есть ребенок, сэр...

Она опять судорожно присела и склонила нос набок, пытаясь придать своему лицу невинно-вопросительное выражение.

— Покажите-ка мне ребенка, миссис Скилетт, — сказал Редвуд.

Искоса поглядывая на ученого хитрым и трусливым взглядом, миссис Скилетт провела его в сарай.

— Оно конечно, сэр, тогда на ферме я дала его отцу баночку, может, там что и оставалось, а может, я и с собой прихватила самую малость — как говорится, по нечаянности. Собиралась-то второпях, тут не мудрено и ошибиться...

Редвуд пощелкал языком, желая привлечь внимание младенца.

— Гм, — сказал он наконец. — Гм...

Потом он объявил миссис Кэддлс, что ее сын — отличный мальчуган (ничего другого ей и не требовалось), и после этого ее уже не замечал. Видя, что она тут нико-

му не нужна, миссис Кэддлс вскоре совсем ушла из сарая. И тогда Редвуд повернулся к миссис Скиллетт.

— Раз уж вы начали, придется продолжать, — сказал он. И прибавил резко: — Только смотрите, на этот раз не разбрасывайте его где попало.

— Чего не разбрасывать, сэр?

— Вы отлично знаете, о чем я говорю.

Старуха судорожно сжала руки — еще бы ей было не знать!

— Вы здесь никому ничего не говорили? Ни родителям, ни господам из того большого дома, ни доктору? Совсем никому?

Миссис Скиллетт покачала головой.

— Я бы на вашем месте держал язык за зубами, — сказал Редвуд.

Он подошел к дверям и огляделся. Сарай стоял между домом и заброшенным свинарником и выходил на проезжую дорогу за воротами. Позади возвышалась стена из красного кирпича, утыканная поверху битым стеклом, увитая плющом и заросшая желтофиолью и повиликой. За углом, среди зеленых и пожелтевших ветвей, над пестрыми грудками первых опавших листьев виднелась освещенная солнцем доска с надписью: «Вход в лес воспрещен». В живой изгороди зияла брешь, пересеченная колючей проволокой.

— Гм, — еще задумчивее промышчал Редвуд. — Гм-м.

Тут до его слуха донеслось цоканье копыт и стук колес, и из-за поворота появилась пара серых — выезд леди Уондершут. Коляска приближалась, и Редвуд рассмотрел кучера и лакея. Кучер — представительный мужчина, крупный и пышущий здоровьем — правил лошадьми с торжественной важностью. Пускай другие не отдают себе отчета в своем призвании и положении в этом мире — он-то твердо знает, что делает: он возит ее милость, леди Уондершут! Лакей сидел на козлах подле кучера, скрестив руки на груди, и в каменном лице его была такая же непоколебимая уверенность. Потом Редвуд разглядел ее милость; она была одета неряшливо и безвкусно, в старомодной шляпке и мантилье, и сквозь очки смотрела прямо перед собой; с нею в коляске сидели две девицы и, вытянув шеи, тоже всматривались во что-то впереди.

Проходивший по другой стороне улицы священник с головой библейского пророка поспешно снял шляпу, но в коляске этого никто и не заметил.

Коляска проехала, а Редвуд еще долго стоял в дверях сарая, заложив руки за спину. Глаза его блуждали по зеленым и серым холмам, по небу, покрытому легкими облачками, по стене, утыканной битым стеклом. Порой он оборачивался и заглядывал в глубь сарая, — там, в прохладном полумраке, расцвеченном яркими бликами, словно на полотне Рембрандта, сидел на куче соломы полуголый ребенок-великан, кое-как обмотанный куском фланели, и перебирал пальцы у себя на ногах.

— Кажется, я начинаю понимать, что мы наделали, — сказал себе Редвуд.

Так он стоял и размышлял сразу обо всех: о юном Кэддлсе, и о собственном сыне, и о детях Коссара...

Внезапно он засмеялся. «Бог ты мой!» — сказал он себе, пораженный какой-то мелькнувшей мыслью.

А потом он очнулся от задумчивости и обратился к миссис Скилетт:

— Как бы там ни было, не годится, чтобы он страдал от перерывов в кормлении. Этого-то мы можем избежать. Я стану присылать вам по банке каждые полгода; ему должно хватить.

Миссис Скилетт пробормотала что-то вроде «как вам будет угодно, сэр» и «верно, я прихватила ту банку по ошибке... думала, от такой малости вреда не будет...» — а судорожные движения ее дрожащих рук досказали: да, она прекрасно поняла Редвуда.

Итак, ребенок продолжал расти.

Он все рос и рос.

— В сущности, — сказала однажды леди Уондершут, — он съел в нашей деревне всех телят. Ну, если этот Кэддлс еще раз посмеет сыграть со мной подобную шутку...

VII

Но даже такое уединенное местечко, как Чизинг Айбрайт, не могло долго довольствоваться теорией о гипертрофии — хотя бы и заразной, — когда по всей стране день ото дня громче становились толки о Чудо-пище. Очень скоро старуху Скилетт призвали к ответу, и пришлось ей

давать объяснения, и так это было тягостно и неприятно, что под конец она вовсе лишилась дара речи и только жевала нижнюю губу своим единственным зубом; ее пытали на все лады, выматывали из нее душу, — и, преследуемая всеобщим осуждением, она стала в позу безутешной вдовы. Она отерла с рук мыльную пену, выдавила из глаз несколько слезинок и устремила взор на разгневанную владелицу поместья.

— Вы забываете, миледи, какое у меня горе, — сказала она и продолжала уже почти с вызовом: — Я думаю о *нем*, миледи, денно и нощно. — Она поджала губы, и голос ее сник и задрожал.

— Сами подумайте, миледи, ведь его, бедного, съели!

И, утвердившись на этой почве, вновь повторила прежнее объяснение, которому леди Уондершут с первой минуты не верила:

— Порошок-то я внучонку дала, только уж поверьте, миледи, я и знать не знала, что это за порошок за такой...

Тогда леди Уондершут решила докопаться до истины иными путями, не переставая, конечно, изводить и тираниить Кэддлсов. В бурную жизнь Бенсингтона и Редвуда ворвались еще и вежливые угрозы, которыми пытались их запугать посланцы сей достойной дамы. Они представились как члены приходского совета и, точно попугаи, упрямо твердили одно и то же:

— Мы возлагаем на вас, мистер Бенсингтон, ответственность за ущерб, причиненный нашему приходу. Мы возлагаем всю ответственность на вас, сэр.

Затем вмешалась адвокатская фирма Бангхерст, Браун, Флэпп, Кодлин, Браун, Теддер и Снокстон, — то были известные крючкотворы, великие мастера по части всяких скандальных дел, — и их бессменный представитель, маленький востроносый человечек с хитрым медно-красным лицом, смутно намекал, что придется возместить какие-то убытки... а потом к Редвуду нагрянул еще один посланец леди Уондершут, весьма изысканный джентльмен, и без обиняков спросил:

— Итак, сэр, что вы намерены предпринять?

Редвуд ответил, что, если им с Бенсингтоном будут еще докучать, он перестанет посылать Пищу маленькому Кэддлсу.

— Сейчас я ее посылаю бесплатно, — сказал он. — Если вы не станете давать ему Пищу, он умрет с голоду, а перед этим будет орать так, что вся деревня разбежится. Ребенок живет в вашем приходе — вот и извольте о нем заботиться. Раз уж вашей леди Уондершут угодно слыть щедрой благодетельницей и ангелом-хранителем вашего прихода, так пускай в кои веки исполнит свой долг.

— Что поделаешь, зло уже совершилось, — сказала леди Уондершут, когда ее посланцы передали ей (кое о чем, однако, умолчав) ответ Редвуда.

— Зло уже совершилось, — эхом откликнулся священник.

А между тем зло только начиналось.

Глава II *Гигантская обуза*

I

Священник уверял, что гигантский ребенок — урод.

— И всегда был уродом: чрезмерное всегда уродливо, — говорил он.

Взгляды священника мешали ему быть справедливым. Но хоть ребенок и рос в сельской глуши, его часто фотографировали, и эти фотографии — свидетели нелицеприятные — говорят, что священник был неправ. Юный гигант в младенчестве очень мил, густые кудри падают на лоб, и он всегда приветливо улыбается. Почти на всех снимках позади сына стоит улыбающийся Кэддлс, — щуплый и невысокий, он на фотографиях кажется еще меньше ростом.

На третьем году жизни мальчугана его красота стала тоньше, и теперь уже не всякий ее замечал. Он, как сказал бы его злосчастный дед, стал тянуться вверх, точно дурная трава. Румянец на его щеках поблек, и, несмотря на исполинский рост, он казался худеньким. У него был вид хрупкого ребенка. И его черты и взгляд стали строже, о таких обычно говорят: какое интересное лицо!.. После первой же стрижки его кудрявые волосы уже совсем не слушались гребня.

— Явные признаки вырождения, — говорил по этому поводу приходский доктор. Но еще вопрос, был ли он прав, или здоровье мальчика ухудшилось оттого, что жил он в сарае, выбеленном известкой, и всецело зависел от

щедрот леди Уондершут, еще умеряемых ее убеждением, что несправедливо давать ему больше, чем другим.

В возрасте от трех до шести лет, судя по фотографиям, юный Кэддлс был курносый мальчишкой с льняными волосами. Круглые глаза смотрели дружелюбно, губы, казалось, вот-вот расплывутся в улыбке, — судя по фотографиям того времени, та же приветливая улыбка играла на лицах всех гигантских детей. Летом он обычно ходил босиком, в просторной тиковой рубаше, сшитой вместо ниток шпагатом, на голове взамен шляпы — корзинка, в каких рабочие носят инструменты. На одной фотографии он широко улыбается, а в руке у него — большая надкушенная дыня.

Фотографий, сделанных в зимнее время, немного, и они не так удачны. Мальчик обут в огромные деревянные башмаки, носки на нем из мешковины (отчетливо видны остатки надписи «Джон Стиккелс, Айпинг»), штаны и куртка явно скроены из старого ковра с веселеньким рисунком. Из-под них виднеются обернутые вокруг тела куски фланели, ярдов пять-шесть той же фланели обмотано вокруг шеи. На голове — подобие шапки, сделанное, по-видимому, тоже из мешковины. Мальчик глядит прямо в объектив — иногда с улыбкой, иногда печально, уже в пять лет он начинает как-то особенно задумчиво щурить кроткие карие глаза, и от них разбегаются характерные морщинки.

Священник всегда утверждал, что юный Кэддлс сразу стал тяжелой обузой для деревни. Видимо, свойственное всем детям любопытство, общительность и желание играть были у него соразмерны росту, и — вынужден я с прискорбием добавить — он был вечно голоден. Как ни щедро, «сверх всякой меры», по выражению миссис Гринфилд, посылала ему хлеб и еще кое-какое довольствие леди Уондершут, мальчик проявлял — это с первых же дней отметил приходский врач — «преступный аппетит». Подтверждались самые суровые суждения леди Уондершут о низших сословиях: мальчишка получал не в пример больше еды, чем требуется даже взрослому человеку, и, однако, воровал съестное. И сразу же с неприличной жадностью поглощал свою добычу. Его огромная рука тянулась через заборы садов и огородов и даже забиралась за хлебом в повозку булочника. С чердака лавки

Марлоу исчезали головки сыра, и не было ни одного свиного корыта, которое не обшарил бы этот мальчишка. Фермеры частенько находили на полях брюквы отпечатки огромных ног и следы вечного голода: то тут, то там выдернута с грядки брюква, и ямку воришка с ребячьей хитростью старательно заровнял. Брюкву он съедал мигом, как мы едим редиску. Если поблизости никого не было, он, стоя под яблоней, обирал с нее яблоки, как обыкновенный ребенок обирает с куста смородину. Но по крайней мере в одном отношении то, что юный Кэддлс был вечно голоден, уберегло Чизинг Айбрайт от многих тревожений: все эти годы он съедал до последней крошки всю Пищу богов, которую ему присылали...

Бесспорно, этот ребенок доставлял множество хлопот и неудобств.

— Вечно он путается под ногами, — говорил священник.

Кэддлс не мог ходить ни в школу, ни в церковь — ни там, ни тут он не помещался. Правда, делались попытки удовлетворить «глупейший и развращающий умы» (подлинные слова священника) закон об обязательном начальном образовании, изданный в Англии в 1870 году: Кэддлса заставляли сидеть во дворе у открытого окна школы, где в это время шли занятия. Но его присутствие отвлекало школьников: они то и дело вскакивали, глядели в окно, и стоило Кэддлсу заговорить, как все дружно смеялись: ведь у него был такой странный голос! И пришлось отказаться от этой затеи.

Не заставляли его и приходить к церкви, ибо его вид не способствовал усердию молящихся; а между тем тут было бы легче добиться успеха — можно догадываться, что в душе этой громадины таились зерна благочестия. Быть может, его привлекала музыка: по воскресеньям он нередко приходил на церковный двор, когда вся паства была уже в церкви, осторожно пробирался между могилами и просиживал всю службу на паперти, прислушиваясь к тому, что делается внутри, — так можно слушать жужжанье пчел в улье.

Вначале он вел себя не очень тактично: молящиеся слышали, как он беспокойно топчется вокруг церкви, — и гравий скрипит под его огромными ногами, или вдруг замечали его лицо за цветными стеклами — с любопыт-

ством и завистью он заглядывал в окно; подчас безыскусственный напев какого-нибудь псалма захватывал его, и он принимался печально подвывать, изо всех сил стараясь попасть в тон. В таких случаях маленький Слоспет, по воскресеньям помогавший органисту, а заодно исполнявший обязанности церковного служки, сторожа, пономаря и звонаря (в будни он был еще и почтальоном и трубачистом) тотчас же выходил из церкви и решительно, хоть и скрепя сердце, отсылал Кэddlса прочь. Мне приятно отметить, что Слоспет чувствовал при этом угрызения совести, по крайней мере в те минуты, когда успевал задуматься. Как будто идешь на прогулку, а верного пса оставляешь взаперти, рассказывал он мне.

Впрочем, духовное и нравственное воспитание юного Кэddlса, хоть и отрывочное, имело определенную направленность. С самого начала и его мать, и священник, и все остальные дружно внушали бедняге, что ему отнюдь не следует пускать в ход свою огромную силу. Она просто несчастье, уродство, и надо смириться. Надо всех слушаться, делать, что велят, и стараться ничего не ломать и никому не повредить. А главное, внушали ему, смотри, ни на что не наступи, ничего не толкни, не бегай и не прыгай. Почтительно кланяйся господам, будь вечно благодарен за еду и одежду, которую они тебе уделяют от щедрот своих. И мальчик покорно усвоил все эти заповеди, ибо от природы и по воспитанию был послушным ребенком и только волею случая и Пищи — гигантом.

В эти ранние годы Кэddlс благоговел перед леди Уондершут. Она же предпочитала разговаривать с ним во время верховых прогулок — в амазонке, размахивая хлыстом, и всегда тоном пренебрежительным и крикливым. Порою и священник принимался им помыкать — крошечный, пожилой, страдающий одышкой Давид осыпал юного Голиафа упреками, выговорами и приказами, точно градом камней. Мальчик был уже чересчур велик, и, видно, просто невозможно было помнить, что это всего лишь семилетний ребенок, что он, как и все дети, хочет повеселиться, поиграть, узнать что-то новое и жаждет ласки, любви и внимания и, как все дети, беспомощен и способен сильно тосковать и страдать.

Погожим утром, во время прогулки, священник не раз встречал на дороге это диво восемнадцати футов ростом,

нелепое и отвратительное, на его взгляд, точно некая новая ересь; непонятное существо проходило мимо, несуразно топая ногами и озираясь по сторонам, занятое вечными поисками, — оно искало того, без чего не может обойтись ни один ребенок: что бы съесть и во что бы поиграть.

При виде священника в глазах великана появлялось нечто вроде пугливого почтения, и он застенчиво подносил руку к спутанным кудрям, точно взрослый человек к шапке.

У священника еще сохранилась толика воображения, и при виде юного Кэддлса ему всегда представлялось, каких бед могут натворить эти огромные кулаки. Вдруг парень сойдет с ума! Или просто забудет о почтительности... Однако поистине храбр не тот, кто вовсе не чувствует страха, а тот, кто умеет страх побороть. Священник всегда находил в себе силы подавить разыгравшееся воображение. И всегда отважно обращался к Кэддлсу, стараясь говорить внятно и с выражением, будто проповедь читал.

— Ну, как ты себя ведешь, Элберт Эдвард? Надеюсь, хорошо?

Юный гигант прижимался к стене и отвечал, густо краснея:

— Да, сэр, я стараюсь.

— Смотри же, старайся хорошенько, — говорил священник и проходил мимо, и разве что сердце у него, бывало, заколотится быстрее. Но он взял за правило, что бы ему ни мерещилось, не оглядываться на опасность, когда она уже позади: ведь это недостойно мужчины! Урывками священник занимался и образованием юного Кэддлса. Читать он его не учил — к чему? — но внушал то, что для такого чудовища, конечно, куда важнее истин катехизиса: пусть не забывает о своем долге перед ближними и о том, что бог беспощадно покарает его, если он когда-либо вздумает ослушаться священника и леди Уондершут. Уроки эти священник давал у себя во дворе, и прохожие слышали, как необыкновенно гулкий голос, еще совсем по-детски шепелявя и путаясь в длинных словах, нараспев повторяет основы учения государственной церкви:

— Буду чтить короля и повиноваться ему и всем власть имущим. Буду слушаться всех старших, моих учи-

телей и наставников, духовных пастырей и господ. Буду смиренно и беспрекословно выполнять приказания всех стоящих выше меня и более меня знающих...

Вскоре выяснилось, что лошади с непривычки пугаются великана и шарахаются от него, точно от верблюда; поэтому ему запретили не только подходить к аллее, обсаженной кустарником (его дурацкая улыбка ужасно раздражала миледи!), но и вообще появляться на дороге. Впрочем, этот приказ он потихоньку нарушал — уж очень интересно было поглядеть на дорогу; но обычная прогулка превратилась для него в запретное удовольствие. В конце концов ему разрешили гулять лишь по заброшенному выгону да по склонам холмов.

Просто не знаю, что бы он стал делать, если бы не хорошие старые меловые холмы! Там он мог сколько угодно бродить на просторе — и бродил. Он ломал ветки деревьев и связывал их в немыслимые букеты, пока ему это не запретили; брал овец и выстраивал их в ряды и от души смеялся, глядя, как они тотчас разбегаются, пока ему это не запретили; срезал дерн и рыл глубочайшие ямы в самых неожиданных местах, пока ему это не запретили...

Он бродил по холмам до самого Рекстоуна, но дальше не заходил, потому что там начинались возделанные земли; вид оборванного, нечесаного гиганта наводил страх на людей; притом они боялись, что он вытопчет их поля, — и его травили собаками и гнали прочь. Ему грозили, хлестали его кнутом и даже, как я слышал, иногда стреляли в него из дробовиков. В другую сторону он доходил почти до Хиклибрау. С холмов над Терсли Хенгер он мог издали разглядеть железную дорогу на Лондон, Четэм и Дувр, но ближе подойти боялся: на пути лежали вспаханные поля да еще деревушки, которых надо было опасаться. А потом появились объявления — огромные доски с большими красными буквами преграждали ему путь, куда бы он ни пошел. Он не умел прочитать эти буквы, из которых складывались слова «Вход воспрещен», но вскоре понял их смысл. Пассажиры поездов часто видели его из окон вагонов, — уткнувшись подбородком в колени, он сидел на земле где-нибудь на склоне холма возле каменоломен Терсли, куда его позднее отправили на работу. Поезд, видно, вызывал в нем смутные дружеские чувства, —

иногда великан махал вслед огромной ручищей, а порой и кричал что-то непонятное своим странным, грубым голосом.

— Громадина! — говорил тогда один пассажир другому. — Один из этих чудо-детей. Говорят, сэр, он совершенно беспомощен, идиот идиотом и тяжкая обуза для всей округи.

— Я слышал, что его родители — бедняки.

— Да, он только и кормится благотворительностью здешних господ.

И все глубокомысленно мерили взглядом сидевшего вдали на корточках великана.

— Хорошо, что этому положили конец, — замечал какой-нибудь философ. — А то еще пришлось бы налогоплательщикам содержать несколько тысяч таких по всей стране! Веселенькое дело, а?

И всегда находился умник, который с жаром поддакивал такому философу:

— Вы совершенно правы, сэр!

II

Бывали у юного Кэддлса плохие дни.

Вот, например, неприятное происшествие с рекой.

Он мастерил из цельных газет кораблики, напоминавшие огромные треуголки, — научился он этому, глядя, как их делает мальчишка Спендер, — и пускал по течению. Когда они исчезали под мостом (за мостом начинались владения леди Уондершут, и вход туда был строжайше воспрещен), Кэддлс с воплем пускался бежать со всех ног к излучине реки, чтобы перехватить там свои кораблики. Бежал он напрямик через луг Тормета, — и видели бы вы, как бросались врассыпную Торметовы свиньи, а ведь свиньям бегать вредно: от этого драгоценный жир превращается в жесткое мясо! А кораблики плыли мимо дома леди Уондершут, под самыми окнами. Безобразные, намокшие газеты! Нечего сказать, приятное зрелище!

Осмелев от своей безнаказанности, мальчик принялся строить на берегу что-то вроде плотин и запруд. Орудия вместо лопаты старой дверью от сарая, он выкопал громадную яму, ведь его бумажному флоту нужна была гавань; прорыл самый настоящий канал, благо никто вовремя этого не заметил, и вода затопила ледник леди Уон-

дершут. И, наконец, запрудил реку, перегородил от берега до берега, для этого ему довольно было несколько раз копнуть землю своей дверью от сарая — это напоминало обвал! Началось настоящее наводнение — поток хлынул сквозь кусты и смыл мисс Спинкс вместе с ее мольбертом и самой лучшей акварелью. Вернее сказать, вода смыла мольберт, а мисс Спинкс промочила ноги до колен и, угрюмо подобрав юбки, убежала в дом, вода же устремилась в огород, залила лужайку и оттуда по канаве вернулась в реку.

Священник как раз беседовал с кузнецом и вдруг ахнул от изумления: река глубиной не меньше восьми футов внезапно обмелела! Там, где только что текли прозрачные холодные воды, валяются на земле комья тины и зеленые водоросли и рыба отчаянно бьется в жалких лужах!

В ужасе от того, что он натворил, юный Кэддлс убежал из дому и не появлялся два дня и две ночи. Но потом голод пригнал его домой, и он стоически выдержал брань и попреки, которыми его осыпали в изобилии, — головомойка была под стать его росту, ничего более соразмерного с его ростом никогда не выпадало ему на долю в этом райском уголке.

III

После этого случая леди Уондершут в придачу к прежним притеснениям, обидам и несправедливостям издала в назидание провинившемуся новый строгий указ. Прежде всех она объявила его дворецкому, да так неожиданно, что старик даже подскочил. Он убирал посуду после завтрака, а миледи стояла у высокого окна и смотрела на лужайку, где обычно кормили ланей.

— Джоббет, — вдруг сказала она самым резким и повелительным тоном, — Джоббет, этот урод должен зарабатывать свой хлеб.

И она доказала не только Джоббету (это-то было трудно), но и всей деревне, в том числе юному Кэддлсу, что и тут, как во всем прочем, слово у нее не расходится с делом.

— Пусть работает, — сказала леди Уондершут. — Вот полезный совет этому молодцу.

— Я полагаю, что такой совет полезен всему человечеству, — ответил священник. — Простые обязанности, размеренная, скромная жизнь: возделывай свое поле да собирай жатву...

— Именно, — подтвердила леди Уондершут. — Я всегда это говорю. Бездельнику занятие сатана подыщет. Конечно, если он низкого звания. Мы всегда внушаем это младшим горничным. К какому же делу его приставить?

Задача оказалась не так-то проста. Перебрали множество должностей, а пока стали приучать его к работе, посылая вместо верхового, если нужно было спешно доставить телеграмму или записку; годился он и в носильщики, для него даже отыскивали старую рыбацкую сеть, и он без труда таскал в ней чемоданы, пакеты и всякую другую поклажу. Это была новая игра, и она нравилась Кэддлсу, но однажды Кинкл, управляющий, увидел, как он по распоряжению леди Уондершут выворачивает из земли огромный камень, и возымел блестящую идею отправить его в принадлежавшую миледи каменоломню в Терсли Хэнгере, по соседству с Хиклибрау. Идею осуществили, и уже казалось, что задача решена и Кэддлс пристроен.

Он работал в каменоломне — сперва играючи, с детским увлечением, а потом в силу привычки: ломал известняк, грузил, откатывал вагонетки, полные спускал вниз к железнодорожной ветке, а пустые втягивал вверх канатом, крутя огромную лебедку, — короче говоря, управлялся в карьере один.

Я слышал, что Кинкл сделал из него очень выгодного для леди Уондершут работника: ведь обходился он совсем дешево, его только приходилось кормить, и все равно миледи вечно жаловалась, что «этот урод впился в нее, как клещ» и «пользуется ее добротой».

В ту пору юный Кэддлс носил какую-то хламиду из мешковины, залатанные кожаные штаны и деревянные башмаки, подбитые железными подковами. Взамен шапки он порой нахлобучивал нечто совсем нелепое — растрепанное соломенное сиденье от старого стула, но чаще ходил с непокрытой головой. В его неторопливых движениях чувствовалась спокойная сила, а в полдень, проходя мимо карьера во время своей обычной прогулки, священник всегда заставлял его за завтраком: застенчиво отвернув-

шись от всего мира, Кэддлс поглощал огромное количество еды.

Еду доставляли ему каждый день: в самой обыкновенной вагонетке из тех, которые он наполнял глыбами известняка, привозили похлебку из немолотого зерна в шелухе, он разогревал ее в старой печи для обжига извести и с жадностью поедал. Иногда он всыпал туда мешок сахара. Иногда сосал кусок грубой соли, какую обычно дают коровам, или глотал вместе с косточками огромные комки фиников, что в Лондоне продают с лотков. За водой он ходил мимо выжженного участка, где стояла когда-то опытная ферма, к ручью возле Хиклибрау и пил прямо из ручья, окунув лицо в воду. А пил он сразу после еды, — вот как случилось, что Пища богов опять вырвалась на волю: сначала по берегам разрослась высоченная трава, потом появились гигантские лягушки, огромные форели и уж такие карпы, что ручей вышел из берегов, и, наконец, всю долину покрыла невиданно буйная растительность.

Не прошло и года, как на соседнем поле расплодились странные чудовищные гусеницы, а из них вывелись такие страшные кузнечики и жуки — моторные жуки, прозвали их мальчишки, — что перепуганная леди Уондершут поспешила уехать за границу.

IV

Вскоре, однако, Пища стала действовать на юного Кэддлса по-новому. Хотя священник всячески старался воспитать великана послушным земледельцем и поэтому преподавал ему лишь самые скромные уроки, ученик начал задавать вопросы, допытываться до сути вещей: он начал размышлять. Мальчик превращался в подростка, и все яснее становилось, что мысль его работает по-своему и священник над нею не властен. Почтенный пастырь всячески силился этого не замечать, но как тут было не тревожиться!

Все вокруг будило мысль юного гиганта. С высоты своего роста он, уж наверно, поневоле многое видел и примечал, — а кругом были люди, и постепенно он должен был понять, что и он тоже человек, только чересчур огромный и нескладный и потому, увы, многого лишен.

Дружный гул голосов, доносившийся из школы, таинственная церковь с ее пышным убранством, источавшая такую чудесную музыку, и веселый хор собутыльников в трактире, приветливые огни свечей и каминов за окнами, в которые он заглядывал из темноты, или шумная, не очень понятная суeta нарядных людей на лужайке для крикета — уж наверно, все это громко зывало к его сердцу, тоскующему в одиночестве. Подкрадывалась юность, и его, по-видимому, все больше интересовали влюбленные, их встречи и расставания, их тяга друг к другу, та сокровенная близость, что занимает столь важное место в жизни.

Однажды воскресным вечером, в тот час, когда просыпаются звезды, летучие мыши и страсти сельских жителей, парень с девушкой отправились целоваться на Дорогу Влюбленных — эта укромная прогалина среди густых высоких кустов вела к Верхней Сторожке. Они самозабвенно целовались, в теплых сумерках им было уютно и безопасно — что еще нужно влюбленным? Помешать мог только случайный прохожий, но они увидели бы его первыми; высокая, в два человеческих роста живая изгородь, уходившая к молчаливым меловым холмам, казалась им вполне надежным укрытием.

И вдруг — непостижимо! — какая-то сила оторвала их друг от друга и от земли.

Громадные руки осторожно держали обоих под мышки высоко в воздухе, и карие глаза юного Кэддлса с недоумением вглядывались в их разгоряченные лица. Неудивительно, что оба потеряли дар речи.

— Почему вам нравится так делать? — спросил Кэддлс.

Оторопев, они молчали, но потом парень вспомнил, что он мужчина, и разразился подобающими случаю криками, угрозами и проклятиями, требуя, чтобы Кэддлс опустил их на землю. Тут юный Кэддлс вспомнил, как надо себя вести, очень вежливо и осторожно посадил их на прежнее место, поближе друг к другу, чтобы они опять могли целоваться, помешкал еще немного — и исчез в сумерках...

— Ох и дурацкое положение! — признавался мне после парень. — Сидим, знаете, стыдно друг другу в глаза поглядеть... Принесла его нелегкая... Мы ведь целовались,

сами понимаете... И вот смех, по ее выходит — это я во всем виноват! До того разозлилась — как шли домой, и говорить-то со мной не хотела!

Без сомнения, великан принялся изучать жизнь. Пытливый ум задавался все новыми вопросами. Ответа Кэддлс пока искал у немногих, но вопросы эти не давали ему покоя. Похоже, что порой он подвергал мать самому настоящему допросу.

Он приходил к ней во двор, осторожно выбирал место, чтобы не передавить кур и цыплят, медленно опускался на землю и прислонялся спиной к амбару. Тотчас к нему сбегались цыплята и с удовольствием выклевывали свалившуюся меловую пыль из швов и складок его одежды; а порою несмышленный котенок миссис Кэддлс, ничуть не опасавшийся великана, выгибал спину дугой и начинал стремглав носиться взад и вперед: со двора в дом, в кухне — на печку, снова кувырком вниз, во двор, и по ноге Кэддлса, по боку ему на плечо... мгновенное раздутие... прыг! — и опять все сначала. Иногда, расшалившись, зверек впивался когтями в лицо Кэддлсу, но тот не решался его тронуть — такая кроха, еще раздавишь! Да он и не боялся щекотки... А потом он ставил мать в тупик каким-нибудь неожиданным вопросом.

— Матушка, — говорил он, — если работать — это хорошо, почему же не все работают?

Мать поднимала на него глаза и отвечала:

— Это хорошо только для таких, как мы.

Сын задумывался.

— А почему? — спрашивал он. И, не получив ответа, продолжал: — Для чего люди работают, матушка? Почему я день-деньской ломаю камень, ты стираешь белье, а вон леди Уондершут катается себе в коляске да разъезжает по красивым чужим краям, а нам с тобой их сроду не видеть?

— Потому что она леди, — отвечала миссис Кэддлс.

— А-а! — И юный Кэддлс опять погружался в раздумье.

— Благородные господа нам, беднякам, дают работу, — говорила миссис Кэддлс. — А без них на что бы мы жили?

Эту мысль тоже надо было переварить.

— Матушка, — снова начинал сын, — если бы на свете не было господ, наверно, все принадлежало бы таким, как ты и я, и тогда...

— Господи помилуй! Чтоб тебе провалиться, парень! — восклицала миссис Кэддлс (благодаря отменной памяти она после смерти своей мамы превратилась в такую же красноречивую и решительную особу). — Как прибрал бог твою бедную бабушку, так с тобой никакого сладу не стало! Не лезь с вопросами, не то наслушаешься вранья. Коли мне на твои вопросы всерьез отвечать, так я со стиркой и до завтра не управлюсь, а кто отцу обед сготовит?

Сын смотрел на нее с удивлением.

— Ладно, матушка, — говорил он. — Я ведь не хотел мешать тебе.

И продолжал размышлять.

V

Так же размышлял он и в тот день, четыре года спустя, когда его в последний раз видел священник — человек уже не просто зрелых лет, а перезрелый. Представьте себе этого почтенного джентльмена: он несколько постарел и расплылся, голос у него немного осипший, память дырявая и речь не очень внятная, уже не столь уверенны его движения и не столь тверды принципы, но, несмотря на все тревобления, которые доставила ему и его приходу Пища Богов, глаза его по-прежнему смотрят бодро и весело. Да, немало пережито страхов и тревог, а все-таки он остался жив и здоров и верен себе, а за пятнадцать долгих лет — целая вечность! — и к тревоблениям можно притерпеться.

— Достаться-то нам досталось, — говаривал он, — и многое изменилось с тех пор... сильно изменилось. Прежде, помню, любой мальчишка мог прополоть огород, а теперь без лома и топора не обойдешься, — особенно поближе к чащобе. И нам, старикам, по сю пору непривычно, что вся долина и даже старое русло реки засеяны пшеницей, вон она какая этим летом вымахала — двадцать пять футов вышиной! Лет двадцать назад у нас тут жали по старинке, серпами, и то-то радости было, когда урожай заполнял целую телегу... Добрые старые обычаи! Чарка доброго вина да простая, бесхитростная любовь..

Бедная леди Уондершут! Она не признавала новшеств... аристократка старого закала. В ней было что-то от восемнадцатого века, я всегда это говорил. А какой язык: сочность, прямота, выразительность!.. К концу жизни она порядком обеднела. Эти огромные сорняки заполонили весь ее сад. Не то чтобы у нее была уж такая страсть к садоводству, но она любила, чтобы там был порядок, чтобы все росло, где полагается и как полагается. А оно как взялось, выше да выше — миледи и растерялась... И еще наш урод ей досаждал, — под конец ей уж стало казаться, будто он вечно глазет на нее через забор... И досаждало, что он ростом чуть ли не с ее дом... оскорбляло ее вкус и чувство меры... бедняжка! Не думал я ее пережить. Не вытерпела, сбежала от тех огромных майских жуков, целый год мы не могли от них избавиться. Вывелись из большущих личинок там, в долине... этакая мерзость... с крысу, не меньше...

Да и муравьи тоже ее угнетали...

Все перевернулось, не стало здесь мира и покоя, — ну, она и объявила, что уж лучше жить в Монте-Карло. Взяла и укатила.

Говорили, она там крупно играла. Умерла в гостинице. Печальный конец! На чужбине... Да, не ведает человек, что ему уготовано... Такой был старинный род, всегда повелевали своими соотечественниками... И вот — вырвана из родной почвы... Так-то!

— А все равно, — гнул он свое, — дело-то свелось к пустякам. Мешает, конечно. Детишкам негде побегать, как бывало, — уж очень пошли кусачие муравьи и прочая живность. А вообще-то невелика разница... Помню я, поговаривали, что порошок этот весь мир перевернет... Но, видно, есть на свете такие твердыни, что их никакими новшествами не пошатнешь... Толком-то не скажу, я ведь не из нынешних философов... Эти вам все на свете растолкуют. Эфир да атомы... эволюция... Как бы не так! То, о чем я говорю, никакими вашими науками не объяснишь. Здесь все дело в разуме, а не в знании. Высшая мудрость, Человеческая природа. Называйте как хотите, но это — *aere reppennius*.

И вот наконец настал тот последний раз.

Священник не подозревал о том, что его ожидает. Он совершал свою обычную прогулку среди холмов по той

же дорожке, по которой гулял уже лет двадцать, и направлялся к месту, откуда всегда наблюдал за юным Кэддлсом. Слегка запыхавшись, он поднялся на край карьера. Куда девался молодецкий шаг его юности! Но Кэддлс в карьере не было; священник обогнул заросли гигантских папоротников, чья густая тень уже начинала заслонять Хэнгер, и увидел великана: тот сидел на холме и, казалось, размышлял над судьбами мира. Он облокотился на поднятые колени, склонил голову набок и подпер щеку ладонью. Священник видел только его плечо и не мог разглядеть недоумевающих глаз. Должно быть, юноша глубоко задумался: он сидел так тихо, неподвижно...

И он не обернулся. Он так никогда и не узнал, что священник, сыгравший такую важную роль в его жизни, смотрел на него в самый последний раз; Кэддлс его даже не заметил. (Как часто именно так и расстаются люди!) А священника в тот миг поразила догадка, что никто, в сущности, и понятия не имеет, какие думы бродят в мозгу великана, когда он отдыхает от своих нелегких трудов. Но сегодня старик слишком устал, чтобы обременять себя новой темой, и мысль его опять свернула на проторенную дорожку.

— *Aere perennius*, — прошептал он, медленно шагая домой по тропинке, которая теперь уже не пересекала луг напрямик, как в былые годы, а извивалась, огибая молодые купы гигантских трав. — Нет, ничто не изменилось. Суть не в размерах. Извечный круг жизни, тот же неизменный путь...

И в ту же ночь, сам того не заметив, он тихо ушел тем же неизменным путем из мира таинственных перемен, которые отрицал всю свою жизнь.

Его похоронили на чизинг-айбрайтском кладбище под самой большой ивой, и скромную могильную плиту с надписью, которая кончалась словами: *Ut in Principio nuns est et semper*¹, — мгновенно скрыла от глаз поросль гигантской травы, траву эту не брал серп и не могли сглотать овцы, ее серые пушистые метелки напоздали на деревню, как туман, поднимающийся с тучных влажных низин, оплодотворенных Пищей богов.

¹ ...ныне и присно и во веки веков (лат.).

Книга III *Пища приносит плоды*

Глава I *Преображенный мир*

I

Вот уже двадцать лет действовали в мире новые силы. В жизнь большинства людей перемены входили постепенно, час за часом, хоть и заметные, но не столь резкие, чтобы подавлять своей внезапностью. Однако нашелся человек, глазам которого все то новое, что внесла Пища в облик мира за два десятилетия, открылось сразу, в один день. Будет очень кстати, если мы проведем с ним этот день и расскажем обо всем, что он увидел.

То был преступник, осужденный на пожизненную каторгу (за что именно — для нас неважно), но теперь, через двадцать лет, закон счел возможным его помиловать. И вот в одно прекрасное летнее утро бедняга, чьим уделом с двадцати трех лет был унылый, изнурительный труд и жесткие тюремные правила, вновь очутился в изумительном мире свободы. Ему вернули вольную одежду, от которой он давно отвык; за последние недели волосы у него отросли, их уже удастся расчесать на пробор; и вот он стоит, весь обновленный и оттого жалкий, растерянный и неуклюжий, глаза ему слепит солнечный свет, душу слепит нечаянная улыбка судьбы. Он снова на воле, он силится постичь непостижимое — он вновь, пусть ненадолго, возвращен к жизни! Даже не верится, он к этому совсем не готов! По счастью, у него был брат, который все еще не забыл об их далеком детстве и сейчас приехал за ним и обнял его; этот

бородатый преуспевающий мужчина ничем не напоминает того мальчонку, каким он был двадцать лет назад, даже глаза стали другие. И вместе с этим незнакомцем, близким ему по крови, вчерашний узник приехал в Дувр; дорогой они больше молчали, хотя и думали о многом.

Они посидели часок в трактире; брат отвечал, а узник все расспрашивал о родных и знакомых, удивляя собеседника давно устаревшими взглядами, отмахиваясь от новых понятий и новых воззрений; а потом настало время идти на вокзал, на лондонский поезд. Имена братьев и семейные дела, которые они обсуждали, несущественны для нашей повести. Нам важны лишь перемены да странные новшества, которые бросились в глаза бедной заблудшей овце, вернувшейся в некогда хорошо знакомый мир.

В самом Дувре он почти ничего не заметил, вот только пиво в оловянных кружках было отличное, он никогда не пил такого, и на глазах у него выступили слезы благодарности. «Пиво, как и прежде, хоть куда!» — сказал он, а про себя подумал, что оно стало несравненно лучше...

Лишь когда колеса поезда громыхали уже за Фолкстоуном, он несколько справился с волнением и начал замечать окружающее. Он выглянул в окно. «Солнышко светит, — повторял он в двадцатый раз. — Денек выдался на славу!» И тут впервые он заметил какие-то странные несообразности и несообразности.

— Ух ты! — воскликнул он и выпрямился. Лицо его впервые оживилось. — Ну и чертополох же вымахал там на берегу, под раkitами! Неужто и вправду такой огромный чертополох? Или я путаю?

Но это и в самом деле был чертополох, а то, что он принял за раkitовые кусты, оказалось простой травой, в ее чаще рота солдат (как и прежде, в красных мундирах) проводила учения согласно уставу, частично пересмотренному после Бурской войны. И вдруг — бац! — поезд нырнул в туннель и выкатил прямо к Сэндлингскому вокзалу; здесь теперь все утопало в зарослях рододендронов, они добрались сюда из близлежащих садов и заполонили всю долину; от них в Сэндлинге стало так темно, что фонари горели круглые сут-

ки. На запасном пути стоял товарный поезд, груженный рододендроновым кругляком, и здесь наш блудный сын впервые услышал о Чудо-пище.

Поезд уже снова мчался по знакомым, ничуть не изменившимся местам, а братья все еще говорили на разных языках. Старший жадно расспрашивал, и его вопросы казались младшему бессмысленными. Сам он никогда и не пытался понять и обобщить происходящее, а потому ответы его звучали бессвязно и невразумительно.

— Это все Чудо-пища, — сказал он, исчерпав все свои познания. — Неужто ты не слыхал? И никто тебе даже не обмолвился? Чудо-пища! Понял? Чу-до-пи-ща. Из-за нее и с выборами такая кутерьма. Ученая штука! Неужто так-таки и не слыхал?

И он подумал: как же брат отупел там, в тюрьме, — не знает самых простых вещей.

Так и шла эта игра в вопросы и ответы. Между разговорами старший брат смотрел в окно. Сначала новости интересовали его смутно, лишь в общих чертах. Его больше занимало, что скажет ему при встрече такой-то, как теперь выглядит такая-то и как бы всем и каждому изобразить по возможности благовидно поступок, из-за которого его двадцать лет назад «засадили». Чудо-пища мелькнула сперва невразумительными строчками в газете, потом помешала им с братом понимать друг друга. И вдруг он обнаружил, что этой Пищи не миновать, о чем бы они ни заговорили.

В ту переходную пору мир напоминал собой лоскутное одеяло, и Новое явилось свежему глазу, как цепь поразительных, кричащих контрастов. Перемена совершалась не везде одинаково, очаги распространения Пищи вспыхивали то тут, то там. Страна словно покрылась разноцветными заплатами — большие области, до которых Пища еще не добралась, а рядом — края, где она уже пропитала землю и воздух, внезапная и вездесущая. Она, словно новая, дерзкая мелодия, разливалась среди древних, освященных веками песен.

В то время контраст был особенно разителен на пространстве от Дувра до Лондона. Поезд пересекал места, какие вчерашний узник помнил с детства: полосы полей

за живой изгородью, такие крохотные, словно их вспахали карликовые лошади; узенькие дороги, на которых трем повозкам уже, пожалуй, не разъехаться; в полях кое-где пятнышками темнеют вязы, дубы и тополя, вдоль речушек жмутся ивы; стога сена не выше сапога какого-нибудь великана; игрушечные домики с крохотными окошками; кирпичные заводы; кривые деревенские улочки, дома побольше — жилища жалких местных «тузов»; поросшие цветами насыпи и палисадники железнодорожных станций. Вся эта мелкота осталась от ушедшего в прошлое девятнадцатого столетия и еще сопротивлялась наступлению гигантизма. Кое-где виднелись пучки занесенного ветром огромного взлохмаченного чертополоха, не поддающегося топору; кое-где высился десятифутовый гриб-дождевик или торчали обуглившиеся стволы на выжженном участке гигантской травы; но это были единственные признаки наступления Пищи.

На протяжении нескольких десятков миль ничто больше не предсказывало, что в каких-нибудь десяти милях от дороги, за холмами, в чизинг-айбрайтской долине, скрываются чащи гигантской пшеницы и могучих сорняков. И вдруг снова появлялись приметы Пищи. Новый, невиданно огромный виадук протянулся у Тонбриджа, где заросли гигантского тростника задушили реку Мидуэй и превратили ее в болото. Дальше опять пошли маленькие поля и деревушки, но по мере того, как из тумана проступала каменная россыпь громады — Лондона, все явственней и настойчивей бросались в глаза усилия человека сдерживать натиск гигантизма.

В те времена в юго-восточной части Лондона, где жили Коссар и его дети, Пища таинственным образом провалилась сразу в сотне мест; жизнь пигмеев продолжалась тут среди ежедневных знамений Нового, и лишь неторопливость его поступи да сила привычки мешали людям понять их грозный смысл. Но узник, вышедший на свободу, иными глазами увидел этот мир, куда властно вторглась Пища; его поразила изрытая, обугленная земля, большие уродливые валы и укрепления, казармы и склады оружия — все, что поневоле понастроили люди, защищаясь от наступления упорной хитроумной силы. Опять

и опять, только в больших масштабах, повторялось то, что некогда произошло в Хиклибрау. Новые силы и новые формы жизни проявились прежде всего в случайных мелочах — они буквально вырастали под ногами и на пустырях, невзначай и словно бы ни с того ни с сего. В огромных зловонных дворах за высоченными заборами поднимались непроходимые джунгли сорняков: их использовали как топливо для гигантских машин (лондонские мальчишки собирались сюда и совали грош сторожу, чтобы он дал поглазеть на маслянистые, лязгающие металлом громады), там и тут протянулись дороги и рельсовые пути, сплетенные из волокон небывало огромной конопли, и по ним ездили тяжелые повозки и автомобили; на сторожевых вышках были установлены паровые сирены, готовые в любую минуту взречь, предупреждая людей о нашествии каких-нибудь новых хищников; особенно странно было видеть башни древних церквей, также украшенные механическими гудками. На открытых местах виднелись выкрашенные в красный цвет блиндажи и укрытия, из них можно было вести огонь ярдов на триста, и солдаты ежедневно упражнялись здесь в стрельбе охотничьими патронами по мишеням, изображавшим крыс-великанов.

Со времен Скилеттов гигантские крысы уже шесть раз совершали набеги на Лондон, и всегда из канализационных труб на юго-западе. И к этому тоже все привыкли: ведь никого не удивляет, что в дельте Ганга, под самой Калькуттой, водятся тигры...

В Сэндлинге младший брат машинально купил газету, и под конец она привлекла внимание недавнего узника. Он развернул ее. Ему показалось, что страниц в газете стало больше, а сами они меньше и шрифт не тот. А потом он увидел бесчисленные фотографии вещей, до того непонятных, что даже неинтересно было смотреть, и длинные столбцы статей под заголовками, настолько для него темными, словно они были на чужом языке: «Замечательная речь мистера Кейтэрема», «Законы о Чудо-пище».

— А кто такой Кейтэрэм? — спросил он, пытаясь вновь завязать разговор.

— Ну, этот — человек надежный! — ответил младший брат.

— Вон как! Политик, что ли?

— Хочет скинуть правительство. Давно пора!

— Вот как! — Он задумался. — А те, что были при мне — Чемберлен, Розбери, — все, наверно... Чего ты?

Брат вдруг схватил его за руку и показал пальцем:

— Гляди, Коссары!

Бывший узник посмотрел в окно и увидел...

— О господи!

Вот теперь он был поистине ошеломлен. Он забыл обо всем на свете, газета упала на пол. За деревьями, свободно и непринужденно, расставив ноги и подняв руку с мячом, готовясь его бросить, стоял великан добрых сорока футов ростом. Одежда его, сотканная из нитей белого металла, и широкий стальной пояс так и сверкали на солнце. В первую секунду бывший узник видел только эту сверкающую живую статую, потом заметил поодаль второго великана — тот готовился поймать мяч. Так, значит, вся эта обширная котловина меж холмами к северу от Семи дубов изрыта и изрезана не случайно: тут хозяйничают гиганты!

Огромная укрепленная насыпь окружала известковый карьер, на дне его стоял дом — громадное плоское здание в египетском стиле, которое Коссар выстроил для сыновей, когда гигантская детская отслужила свою службу; за домом, в тени навеса, под которым свободно уместился бы целый собор, то вспыхивали, то гасли пляшущие красноватые блики и гремели оглушительные удары молота...

Но тут исполин кинул в небо огромный деревянный мяч, скрепленный железными обручами.

Братья привстали с мест и смотрели во все глаза. Мяч казался величиной с бочку.

— Поймал! — воскликнул старший.

Великана, кинувшего мяч, заслонило дерево.

Все это лишь на мгновение мелькнуло в окнах вагона, и тотчас поезд миновал деревья и нырнул в туннель у Чизлхерста.

— О господи! — снова вырвалось у бывшего узника, когда вокруг сомкнулась тьма. — Ну и ну! Этот парень был ростом с дом!

— Это они и есть, молодые Коссары, — откликнулся брат и выразительно мотнул головой в ту сторону. — От них-то и пошла вся беда...

Поезд выскочил из туннеля, и снова мимо побежали сторожевые вышки, увенчанные паровыми сиренами, и красные казармы, потом пошли загородные виллы. За двадцать лет искусство рекламы ничуть не забылось, и с бесчисленных рекламных щитов, со стен домов, с заборов и иных видных мест зывали к избирателям пестрые афиши: бурная предвыборная кампания проходила под знаком Чудо-пищи. Опять и опять повторялись слова «Кейтэрем», «Чудо-пища». «Джек — Потрошитель великанов» и огромные карикатуры и шаржи — злые перья и кисти на все лады издевались над сверкающими гигантами, что промелькнули за окнами вагона всего несколько минут назад.

II

Младшему брату пришла в голову великолепная мысль: достойно отметить возвращение старшего к жизни праздничным обедом в каком-нибудь шикарном ресторане, а затем насладиться всеми волнующими впечатлениями, какими только мог порадовать в те годы мюзик-холл. Отличная программа действий. Предполагалось, что волна радостей жизни омоет вчерашнего узника и унесет воспоминания о тюремных годах; однако вторую часть программы пришлось изменить. После обеда виновником торжества овладело чувство, пересилившее жажду зрелищ и способное отвлечь человека от мрачных воспоминаний куда вернее любого театрального представления, — неумное любопытство: его слишком поразили Чудо-пища и ее дети — новая, невиданная людская поросль, которая словно возвышалась над всем миром.

— Не пойму я их, — сказал он. — Разбредили они меня.

У младшего брата хватило деликатности: он не стал настаивать на своем плане развлечений. «Сегодня твой

праздник, старина, — сказал он. — Что ж, попробуем по-
пасть на митинг в Зал собраний».

Бывшему узнику посчастливилось: хоть и не сразу, но он протиснулся в битком набитый зал и глядел во все глаза на небольшие, ярко освещенные подмостки у дальней стены, под галереей и органом. Пока публика валом валила в зал, органист наигрывал что-то такое, отчего ноги сами начинали топать в такт, но затем музыка прекратилась.

Не успел новоявленный гражданин устроиться поудобнее, осадив несносного соседа, несколько раз заехавшего ему локтем в бок, как появился Кейтэрем. Из темноты на середину ярко освещенных подмостков вышел жалкий пигмей. Издали эта черная фигурка казалась совсем крошечной, вместо лица — розовое пятно, хотя в профиль отчетливо выделялся орлиный нос. И этот карлик вызвал бурю приветствий! Да еще какую! Крики и рукоплескания искорками вспыхнули там, у подмостков, перекинулись дальше, охватили пожаром весь зал и даже толпу, обступившую здание снаружи. Как они кричали! Ур-ра! Ур-ра!

И среди этих восторженных толп горячее всех рукоплескал наш бывший узник. По щекам его струились слезы, и замолчал он лишь тогда, когда совсем задохнулся от крика. Только тот, кто сам двадцать лет провел в тюрьме, способен понять или хотя бы почувствовать, что значит снова оказаться среди людей и единой грудью кричать вместе со всеми. (Кстати, он вовсе не обманывал себя и не прикидывался, будто понимает, отчего все так беснуются.)

— Ур-ра! — вопил он. — Бог ты мой! Ур-ра!

Затем стало почти тихо. Кейтэрем с подчеркнутым терпением ждал, а какие-то незначительные личности что-то бормотали и делали все, что полагается в таких случаях, но никто их не слушал и не обращал на них внимания. Их голоса доносились словно сквозь шелест весенней листвы. Бу-бу-бу. Кому это интересно? В зале переговаривались. Бу-бу-бу... — несло с подмостков. Неужто этот седеющий болван никогда не кончит? Ему мешают? Как не мешать! Бу-бу-бу... А вдруг и Кейтэрема будет так же плохо слышно?

Хорошо, что Кейтэрем тут же, на подмостках, можно стоять и издали вглядываться в лицо великого человека. Оно так и просилось на карандаш, и весь мир давно уже созерцал его на ламповых стеклах, детской посуде, на медалях и флажках противников Чудо-пищи, на кайме простых и шелковых платков и на подкладке добрых старых кейтэремских шляп. Шаржами на Кейтэрема пестрят все газеты того времени. Вот он — матрос — подносит запал с надписью «Законы против Чудо-пищи» к старинной пушке, нацеленной на огромное злобное и безобразное морское страшилище — Чудо-пищу; либо в блестящих доспехах, с крестом св. Георгия на щите и шлеме бросает вызов исполинскому трусливому Калибану, сидящему в гнусной грязи у входа в мерзкую пещеру, и на рыцарской перчатке — надпись: «Новые постановления о Чудо-пище»; либо Персеем на крылатом коне спасает законванную в цепи прекрасную Андромеду (на поясе которой четко написано: «Цивилизация») от алчного морского чудовища, на головах и клешнях которого видны надписи «Безверие», «Жестокое себялюбие», «Бездушие», «Уродство» и тому подобное. Но толпа прозвала его «Джек — Потрошитель великанов», и именно таким — сказочным богатырем с предвыборных плакатов — сейчас представлялся вчерашнему узнику человек на далеких подмостках.

Бу-бу-бу внезапно оборвалось.

Наконец-то кончил. Садится. Теперь он! Нет! Да! Это Кейтэрем! Кейтэрем! И снова зал рукоплещет.

Только в многотысячной толпе возможна такая тишина, которая наступила за этой бурей оваций. Когда ты один в пустыне, конечно, все кругом молчит, но ты слышишь свое дыхание, каждое свое движение, каждый шорох вокруг. Здесь же слышен был только голос Кейтэрема, звонкий и ясный, как алмаз, горящий на черном бархате. Но как слышен! Словно он говорил над самым ухом каждого из толпы.

Вчерашнего узника этот карлик, жестикулирующий в ореоле света, в ореоле красивых, захватывающих слов, просто ошеломил; позади оратора, почти незаметные, сидели его сторонники, и до самых подмостков перед глазами околдованного слушателя раскинулось сплошное море

голов и плеч — огромный зал, весь обратившийся в слух. Этот пигмей, казалось, вобрал в себя души людей, все их существо.

Кейтэрем говорил об исконных наших обычаях. «Пр-равильно! Пр-равильно!» — редела толпа. «Правильно!» — подхватывал бывший узник. Кейтэрем говорил об исстари свойственном Англии духе порядка и справедливости. «Пр-р-равильно!» — редела толпа. «Правильно!» — кричал растроганный узник. Кейтэрем говорил о мудрости наших предков, о постепенном развитии священных государственных установлений, о нравственных и общественных традициях, что вошли в плоть и кровь англичанина. «Правильно!» — стонал вчерашний узник, и слезы умиления катились по его лицу.

Так неужто все это теперь пойдет прахом! Да, прахом! Только из-за того, что двадцать лет тому назад три безумца намешали в бутылках какой-то дряни, теперь наши исконные порядки и все самое святое... (Крики: «Нет! Нет!») Так вот, чтобы все это не пошло прахом, надо напрячь все силы, побороть в себе нерешительность... (Неистовые крики одобрения.) Да, надо побороть нерешительность и покончить с полумерами.

— Джентльмены! — кричал Кейтэрем. — Все вы слышали о крапиве, которая стала гигантской. Сначала она невелика и не отличается от простой крапивы, ее можно вырвать с корнем, выполоть твердой рукой; но если ее не выполоть, она разрастается, чудовищно разрастается, и волей-неволей нужно браться за топоры и веревки, подвергать опасности руки и ноги и самую жизнь, нужно много и горько трудиться — люди могут погибнуть, срубая ядовитые стволы, да, люди могут погибнуть, срубая ядовитые стволы...

Движение и шум на миг заглушили его слова, потом бывший узник снова явственно услышал звонкий голос:

— Сама Чудо-пища дает нам урок... — Кейтэрем выдержал внушительную паузу. — *Рвите с корнем эту крапиву, пока еще не поздно!*

Он замолчал и вытер губы.

— Ясно! — крикнул кто-то в зале. — Ясно и понятно!

И опять крики одобрения стремительно переросли в громopodobный рев, словно бесновался и ликовал весь мир...

И вот наш новоявленный гражданин выбрался наконец из зала, чудесно растроганный и с таким просветленным лицом, словно ему только что было ниспослано видение. Теперь он знал, что делать, как знали все, мысли его прояснились. Он возвратился к жизни, когда мир переживает роковые часы; необходимо принять важнейшее решение. И он обязан участвовать в этой великой борьбе, как подобает мужчине — свободному и готовому исполнить свой долг. Он так и видел перед собой враждующие силы. На одной стороне — невозмутимые гиганты в сверкающих кольчугах (теперь они предстали перед ним совсем в ином свете, чем утром), на другой — человек в черном, размахивающий руками на ярко освещенных подмостках, карлик, извергающий потоки столь убедительных слов, вкрадчивый златоуст с проникновенным голосом, Джон Кейтэр — «Джек — Потрошитель великанов». Да, надо скорее объединиться и вырвать крапиву с корнем, пока еще не поздно!

III

Из всех Детей Пищи самыми высокими, самыми сильными и больше всех на виду были три сына Коссара. В целом свете, наверно, не нашлось бы другого клочка земли, так изрытого, перекопанного и перекроенного, как тот, примерно в квадратную милю, участок подле Семи дубов, где прошло их детство и где они, ища выхода могучей силе, строили все новые сараи и ангары с гигантскими действующими моделями машин. Но им давно уже стало здесь тесно. Старший сын Коссара придумывал замечательные быстроходные экипажи, он смастерил себе что-то вроде исполинского велосипеда, но машина эта не умещалась ни на одной дороге и ее не мог выдержать ни один мост. Так она и стояла в бездействии, громада из колес и моторов, способная мчаться со скоростью 250 миль в час, — лишь изредка сам изобретатель, оседлав ее, носился взад и вперед по тесному двору. А он-то мечтал объ-

ехать на своем велосипеде всю нашу крошечную планету, ради этой ребячьей мечты и смастерил его еще мальчонкой. Местами, там, где сбита эмаль, спицы уже покрыты бурой ржавчиной и словно кровоточат.

— Прежде чем пускаться в путь, сынок, надо построить дорогу, — сказал Коссар.

И вот в одно прекрасное утро, на заре, молодой исполин вместе с братьями принялся строить дорогу, которая обойдет земной шар. Они словно предчувствовали, что им помешают, и работали с особенным рвением. Люди очень скоро обнаружили их дорогу — прямая, как стрела, она вела к Ла-Маншу, несколько миль были уже проложены, выровнены и утрамбованы. Около полудня братьев остановила возбужденная толпа — тут были землевладельцы, земельные агенты, местные власти, стряпчие, полицейские и даже солдаты.

— Мы строим дорогу, — объяснил старший мальчик.

— И стройте на здоровье! — крикнул снизу самый важный законник. — Но только извольте уважать чужие права. Вы нарушили частное право двадцати семи землевладельцев, не говоря уже об особых привилегиях и собственности одного окружного муниципалитета, девяти приходских советов, совета графства, двух газовых компаний и одной железнодорожной...

— Ой-ой! — воскликнул старший из мальчиков.

— Придется вам это прекратить.

— Но ведь у вас всюду такие скверные узенькие тропинки. Разве вам не хочется ездить по красивой прямой дороге?

— Да, конечно, я бы сказал, у такой дороги были бы свои преимущества, но...

— Но строить ее нельзя, — докончил за него старший мальчик, собирая инструменты.

— Во всяком случае, не так, как это делаете вы, — сказал законник.

— А как?

Ответ важного юриста был путанным и неясным.

Коссар пришел посмотреть, что натворили его дети, строго выбранил их, смеялся до упаду и, видно, был очень доволен всем происшедшим.

— Придется обождать, мальчики! — крикнул он сыновьям. — Рано еще вам приниматься за такие дела.

— Этот стряпчий сказал, что надо сначала составить проект и получить специальное разрешение и еще всякую ерунду. Он сказал, что на это уйдут годы.

— Не бойся, малыш, проект у нас будет очень скоро! — крикнул Коссар, сложив ладони рупором у рта. — А пока играйте да стройте модели того, что вам хотелось бы сделать.

И они повиновались, — они были послушные дети.

Но потихоньку все-таки ворчали.

— Все это прекрасно, — сказал средний брат старшему, — но мне надоело вечно играть и строить планы. Я хочу настоящего дела, понимаешь? Ведь не за тем же мы выросли такими сильными, чтобы просто играть на грязном клочке земли да гулять понемножку, поближе к дому, подальше от городов (к этому времени им запретили подходить к поселкам и пригородам). Бездельничать очень противно. Может быть, мы как-нибудь узнаем, что им нужно, этим карликам, и сделаем это для них? Все-таки веселее, чем сидеть сложа руки!

— У многих из них нет сносного жилья, — продолжал мальчик. — Давайте построим возле Лондона такой дом, чтобы их поместилось много-много, и жить им будет удобно и уютно, и проведем дорожку, чтобы им ездить на работу — хорошенькую, прямую дорожку, и пускай все это будет красивое-красивое. Все для них сделаем чистенькое, хорошенькое, и тогда они не захотят больше жить по-старому, в грязи, ведь сейчас у них очень многие живут по-свински. И воды им наготовим, чтобы мылись: они ведь такие грязнули, эти маленькие вонючки; в девяти домах из десяти даже нет ванны. И знаете, у кого есть ванна, презирают тех, у кого ванны нет! Зовут их «грязная гольтыба»! Нет того, чтобы помочь им завести в домах ванны, — только насмехаются! Мы это все переделаем. Проведем для них электричество — пускай им светит, и кормит их, и убирает за ними. Ведь это надо выдумать: они заставляют женщин ползать на коленях и мыть полы! Да еще когда у женщины должен родиться ребенок!

Можно все очень даже хорошо устроить! Тут долина, кругом холмы — можно насыпать плотину, запрудим реку, и выйдет отличный водоем. Построим большую станцию, будет электрический ток. Мы это все очень-очень хорошо устроим. Правда? Может быть, тогда они больше не станут нам мешать...

— Да, — ответил старший брат, — можно для них все очень хорошо устроить.

— Так давайте! — сказал средний.

— Что ж, ладно, — согласился старший и стал искать подходящий инструмент.

И опять началась морока.

Не успели они взяться за работу, как налетела возбужденная толпа и посыпались приказы: прекратить все это по тысяче причин и без всякой вразумительной причины; на них кричали путано, бестолково, кто во что горазд. Ваш дом чересчур высок, говорили им, в нем будет опасно жить; он безобразен; он помешает окрестным владельцам сдавать внаем обычные дома; он нарушает стиль всего квартала, и вообще это не по-соседски.

Оказалось также, что молодые зодчие идут наперекор местным правилам домостроительства и ущемляют права местных властей, кое-как соорудивших свою крохотную и очень дорогую электрическую станцию, и вторгаются в сферу деятельности здешней водопроводной компании.

Местные правительственные чиновники прибегли к помощи закона. Снова появился на сцене маленький стряпчий, теперь он защищал интересы по меньшей мере дюжины ущемленных собственников и фирм; протестовали землевладельцы; какие-то люди предъявляли непонятные претензии и требовали непомерных отступных. Подняли голос и тред-юнионы рабочих всех строительных специальностей; объединение предпринимателей, выпускающих строительные материалы, чинило всяческие препятствия. Какие-то необыкновенные сообщества эстетов стали пророчить гибель красот природы и принялись защищать прелесть тех мест, где предполагалось построить дом и соорудить плотину. Эти, по мнению моло-

дых Коссаров, были всех глупей и несносней. Так и получилось, будто они не прекрасный дом задумали построить, а ткнули палкой в осиное гнездо.

— Ну, такого я не ждал! — сказал старший мальчик.

— Ничего не выйдет, — сказал второй.

— Дрянь эти козявки! — возмутился младший. — Шагу ступить не дают!

— И мы ведь для них же стараемся. Как бы мы им все хорошо устроили!

— Они, видно, всю жизнь только и делают, что мешают друг другу, — сказал старший мальчик. — Куда ни сунься, все какие-то права, законы, правила и прочее жульничество, — прямо какая-то дурацкая игра. Ладно, пускай еще поживут в грязи в своих дрянных лачугах. Строить они нам не дадут, это ясно как день.

И сыновья Коссара бросили большой дом недостроенным (они успели только выкопать огромную яму, заложили фундамент и начали возводить одну стену) и, огорченные, вернулись в свою усадьбу. Яма вскоре наполнилась стоячей водой, затянулась ряской; завелись тут и сорные травы и всякая мелкая вредная живность; попала сюда и Пицца — то ли обронили Коссары, то ли занесло с пылью, — и снова пошла расти всякая нечисть. Водяные крысы опустошали всю округу. А один фермер застал своих свиней, когда они вздумали напиться из этой ямы, и в тот же час их всех прикончил, благо человек он был решительный и притом знал, каких бед натворил огромный кабан в Окхеме. И именно в этом болоте вскоре развелись тучи moskitov — зловреднейшие были москиты, но одно надо поставить им в заслугу: от них немного досталось и самим Коссарам; мальчики не пожелали этого терпеть — и в одну прекрасную лунную ночь, когда закон и порядок храпели в своих постелях, они пришли и спустили всю воду в соседнюю речку.

Но они не тронули гигантских сорняков, огромных водяных крыс и прочую непомерно разросшуюся нечисть: все это осталось плодиться и размножаться на том самом участке, на котором они могли бы возвести большой прекрасный дом для маленьких людишек...

Все это случилось давно, когда сыновья Коссара были еще детьми, а теперь они стали почти взрослыми. И с каждым годом их все сильнее тяготили цепи запретов и ограничений. Год от году они росли, шире распространялась Пища, множились гигантские растения и животные — и год от году труднее и напряженнее становились отношения гигантов с остальным человечеством. Вначале Пища была для большинства людей только легендой о чуде, которое случилось где-то в дальних краях, — теперь она подступала к каждому порогу и угрожала, напирала, опрокидывала весь привычный строй жизни. Она чему-то мешала, что-то переворачивала; она меняла природу, сама земля стала родить не то и не так, как прежде, а из-за этого менялась и человеческая деятельность, отмирали какие-то профессии, сотни тысяч людей лишались работы; Пища не признавала границ, и в торговле между странами воцарился хаос, — неудивительно, что люди ее возненавидели.

Но ведь куда проще ненавидеть живое существо, чем неодушевленные предметы, а потому животных ненавидели больше, чем растения, а своего брата — человека — сильнее, чем любого зверя. И получилось так, что страх и тревога, порожденные гигантской крапивой, лезвиями шестифутовых трав, ужасными насекомыми и тигроподобными крысами, собрались в огромный сгусток ненависти, и вся сила ее обратилась на горстку разбросанных по земле великанов — Детей Пищи. Эта ненависть стала главной движущей силой всей политической жизни. Старые партийные разногласия потускнели и стерлись под натиском новых противоречий, и борьба велась теперь между партией умеренных, предлагавших захватить контроль над производством и распределением Пищи, и партией реакционеров во главе с Кейтэремом, чьи речи становились все более двусмысленными и зловещими; он изъяснялся угрожающими намеками: люди должны «подрезать колючки у шиповника», «найти лекарство от слоновьей болезни», — и, наконец, в канун выборов объявил, что «крапиву надо вырвать с корнем!».

Однажды сыновья Коссара — уже не мальчики, а взрослые мужчины — сидели среди плодов своего бесполезного труда и в сотый раз обсуждали все это. Целый

день они копали какие-то очень сложные, глубокие траншеи (отец постоянно поручал им такую работу) и сейчас, перед заходом солнца, присели отдохнуть в садике возле дома, дожидаясь, пока слуги позовут их ужинать.

Представьте себе этих великанов (самый маленький был ростом в добрых сорок футов), расположившихся на лужайке, которая обыкновенному человеку показалась бы зарослями тростника. Младший счищал железной балкой, точно щепкой, землю с огромных башмаков; средний полулежал, опершись на локоть; старший задумчиво строгал ножом сосну, и в воздухе пахло смолой.

Одежда их была из необычного материала: белье соткано из канатов, верхнее платье — из мягкой алюминиевой проволоки; обувь — из металла и дерева, а пуговицы и пояса — из листовой стали. Их жилище, огромное одноэтажное здание, массивностью напоминавшее египетские постройки, было частью сложено из гигантских плит известняка, частью выдолблено в склоне мелового холма; фасад вздымался вверх на сто футов, а позади, причудливо вырисовываясь на фоне вечернего неба, теснились трубы и колеса, краны и перекрытия мастерских. Сквозь круглое окно в здании можно было разглядеть желоб, откуда в невидимый резервуар мерно и непрестанно падали капли какого-то добела раскаленного металла. Усадьба огорожена была подобием крепостного вала — земляной насыпью огромной высоты; укрепленная железными стропилами, шла эта насыпь кругом, по гребням холмов и по дну долины. Чтобы передать масштабы этого сооружения, сравним его для наглядности с каким-нибудь привычным предметом: поезд, который с грохотом отошел от Семи дубов и скрылся в туннеле, казался рядом с постройками Коссаров крохотной заводной игрушкой.

— Они объявили все леса по эту сторону Айтема запретной зоной и передвинули на две мили ближе к нам границу у Нокхолта, — сказал один из братьев.

— Это еще не самое страшное, — отозвался младший. — Просто они стараются обезоружить Кейтэрема.

— Для него это капля в море, а для нас, пожалуй, переполняет чашу.

— Они отрезают нас от Брата Редвуда. Когда я был у него в последний раз, красные знаки придвинулись с обеих сторон, дорога стала уже на целую милю. Теперь к нему надо пробираться через холмы по такой узенькой тропинке, что еле-еле ногу поставишь.

Он задумался.

— Не пойму, что это нашло на Брата Редвуда.

— А что такое? — спросил старший и обрубил ветку на своей сосне.

— Какой-то он был странный, будто спросонок, — сказал средний. — Я с ним говорю, а он словно и не слышит. А сам сказал что-то такое... про любовь.

Младший постучал балкой о край железной подметки и засмеялся.

— Брат Редвуд любит помечтать.

Минуту-другую они молчали. Старший повернулся и смахнул ладонью кучу обрубленных сосновых веток. Потом сказал:

— Наша клетка становится все теснее и теснее, это просто невыносимо. Подождите, они еще обведут чертой наши подошвы и скажут: так и живите, не сходя с места!

— Это все пустяки, а вот придет к власти Кейтгэрем, тогда они себя покажут! — сказал средний.

— Еще придет ли, — возразил младший, с силой ударяя о землю балкой.

— Придет, будь уверен, — сказал старший.

Средний поглядел на окружавший их мощный крепостной вал.

— Что ж, тогда надо будет распрощаться с юностью и стать мужчинами, папа Редвуд нам давно это говорил.

— Да, — откликнулся старший, — но что это, в сущности, значит? Что значит быть мужчиной в трудный час?

Он тоже обвел взглядом кольцо укреплений — казалось, он смотрел сквозь них, далеко за холмы, где притаились бесчисленные полчища врагов. В эту минуту все братья мысленно видели одну и ту же картину: толпы людишек, идущих на них войной, поток козявок, безостановочный, неистощимый, злобный...

— Они малы, но им нет числа, — сказал младший. — Они как песок морской.

— У них есть винтовки... и даже оружие, которое делают наши братья в Сандерленде.

— И потом, мы ведь не умеем убивать, мы воевали только от случая к случаю со всякой вредной нечистью.

— Да, верно, — ответил старший. — Но мы не беспомощные младенцы. В трудный час будем держаться как надо.

Резким движением он закрыл нож — громко щелкнуло лезвие в рост человека — и, опираясь на сосну, как на палку, поднялся с земли. Потом обернулся к серой приземистой громаде дома. Алые лучи заката упали на него, вспыхнули на металлической кольчуге, на стальной пряжке у ворота и плетении рукавов, и братьям почудилось, что он обагрился кровью...

Выпрямившись во весь рост, великан вдруг заметил на валу, тянувшемся по вершине холма, на фоне раскаленного закатного неба маленькую черную фигурку. Она усиленно размахивала руками. Что-то в этих движениях встревожило молодого великана. Он помахал в ответ сосной, окликнул: «Привет!» — и голос его наполнил гулом всю долину. Бросив через плечо: «Что-то случилось», — он двадцатифутовыми шагами поспешил на помощь отцу.

V

Случилось так, что в это самое время другой молодой человек — не великан — тоже отводил душу, и рассуждал он о детях Коссара. Он гулял с приятелем по холмам возле Семи дубов и держал речь на эту наболевшую тему. Только что, проходя мимо живой изгороди, друзья услышали жалобный писк и едва успели спасти трех птенцов синицы от нападения двух гигантских муравьев. После этого молодой человек и разразился речью.

— Реакционер! — говорил он в тот миг, когда с вершины холма они увидели крепость Коссаров. — Поневоле станешь реакционером! Посмотри на этот кусок земли — бог создал ее прекрасной и счастливой, а теперь она истерзана, осквернена, разворочена! Чего стоят эти мастерские! А огромный ветряной двигатель! А та безобразная махина на колесах! А эти дамбы! А эти три чудови-

ща — ты только посмотри! Сошлись там и затевают какую-то новую дьявольщину! Нет, ты только посмотри на эту землю!

Друг заглянул ему в лицо.

— Ты наслушался Кейтэрема, — сказал он.

— У меня и у самого есть глаза. Достаточно оглянуться на прошлое — ведь когда-то у нас был мир и порядок! Эта гнусная Пища — последняя ипостась Дьявола, он испокон веку только и добивается нашей гибели. Подумай, каков был мир до нас и даже в те дни, когда матери еще носили нас под сердцем, и посмотри вокруг! Как приветливы были эти склоны, все в золоте налитых колошьев, как цвели живые изгороди, отделяя скромное поле труженика от поля соседа! Всюду пестрели фермы и радовали глаз, а в день субботний раздавался благовест колокола вон той церкви, и весь наш край затихал, погруженный в молитву. А теперь год от году становится все больше гигантских плевел и гигантских паразитов, и вон те чудовища множатся вокруг; они наступают на нас, дают все тонкое и хрупкое, что для нас дорого и свято. Да что говорить... Смотри!

Собеседник посмотрел туда, куда указывала узкая белая рука.

— Вон там прошел один из них! Видишь след? Рытвина глубиной в три фута, не меньше, ловушка, западня для конного и пешего — не дай бог шагнуть неосторожно. Смотри — он затоптал насмерть куст шиповника, вырвал с корнем траву, раздавил цветы ворсянки, проломил дренажную трубу, край тропинки обвалился. Сколько разрушений! И так повсюду и во всем: люди установили в мире порядок и приличие, а эти только разрушают. Они топчут все без разбору! Нет, уж пусть реакция! Что еще остается?

— Но реакция... Гм... Что же вы намерены делать?

— Остановим их! — вскричал молодой человек (он был студент из Оксфорда). — Остановим, пока не поздно.

— Но...

— Это вовсе не так уж невозможно! — кричал студент, голос его зазвенел. — Нам нужна крепкая рука, нам нужен хитроумный план и твердая воля. А пока мы толь-

ко болтаем и сидим сложа руки. Мы бездействуем и медлим, а Пицца между тем все растет да растет. Но и теперь еще не поздно...

Он на секунду умолк.

— Ты просто повторяешь Кейтэрема, — вставил приятель.

Но тот не слушал.

— Да, да. Еще не все потеряно. Есть надежда, и немалая, надо только твердо знать, чего мы хотим и чего больше не потерпим. С нами тысячи и тысячи людей, куда больше, чем несколько лет назад. За нас закон, конституция, установившийся в обществе строй и порядок, любая вера и церковь, нравы и обычаи человечества — все это за нас и против Пицци. Зачем же медлить? Зачем лицемерить? Мы ненавидим ее, мы ее отвергаем, так зачем нам ее терпеть?.. Неужели, по-твоему, хныкать, пассивно сопротивляться и сложа руки ждать? Чего? Чтобы нас перебили?

Он умолк на полуслове и круго повернулся.

— Вон, видишь этот лес крапивы? Там, в чаще, заброшенные дома, в них когда-то жили и радовались жизни честные, простые люди! А теперь взгляни сюда. — Он обернулся в ту сторону, где молодые Коссары тихо жаловались друг другу на несправедливость судьбы. — Вот, смотри! Я знаю их отца, это скотина, грубая скотина, крикун и хам, за последние тридцать лет он совсем распоясался, а все потому, что мы чересчур мягки и снисходительны. Он, видишь ли, инженер! Ему плевать на все, что для нас дорого и свято. Да, плевать! Блистательные традиции нашей страны и нации, благородные установления, веками освященный порядок, медленная, но неуклонная поступь истории, которая шаг за шагом вела англичан к величию и утвердила на нашем прекрасном острове свободу, — для него все это пустая и отжившая сказка. Трескучие фразы о так называемом «Будущем» теперь стоят больше, чем все священные заветы... Такие люди способны пустить трамвай по могиле собственной матери, если этот маршрут им покажется выгодным... А ты предлагаешь медлить, искать компромиссов, как будто компромисс позволит тебе жить по-своему рядом с этой... с этими машина-

ми, которые тоже станут жить по-своему! Говорю тебе, это безнадежно... Безнадежно! Все равно что подписывать мирный договор с тигром. Им нужен мир чудовищный и безобразный, а нам — кроткий и благоразумный. А это несовместимо: либо одно, либо другое.

— Но что вы можете сделать?

— Многое! Все! Покончить с Пищей! Гиганты пока еще наперечет, они разъединены и не вошли в полную силу. Надо заткнуть им рот, заковать в цепи. Остановить их любой ценой. Мир будет принадлежать либо нам, либо им. Покончить с Пищей! В тюрьму всех, кто ее производит! Гром и молния, остановить Коссара! Ты, видно, не помнишь... Существует только одно поколение... Надо подчинить всего одно поколение, и тогда... Тогда мы снесем эти насыпи, заровняем следы, снимем безобразные сирены с наших церквей, разобьем наши огромные пушки и вернемся к старому порядку, к старой, испытанной временем цивилизации, для которой мы созданы.

— Это потребует великих усилий.

— Ради великой цели. А иначе — чем это кончится? Разве ты не видишь, что нас ждет? Эти чудовища расплодятся повсюду и везде и всюду будут распространять свою Пищу. Гигантской травой зарастут наши поля, гигантская крапива заглушит живые изгороди, в лесах разведутся комары и прочая дрянь, в канализационных трубах — крысы. Их будет все больше, больше и больше. И это только начало. Все насекомые и растения обрушатся на нас, и даже рыбы заполонят моря и станут топить наши корабли. Одичалые дебри скроют от нас дневной свет и похоронят наши дома, задушат наши церкви, ворвутся в города, и сами мы, как жалкие козявки, погибнем под пятой новой расы. Человечество будет поглощено и задавлено созданием рук своих! И ради чего? Ради большого роста! Рост, величина — и только! Расти, тянуться еще и еще и *da saro*¹. Уже сейчас на каждом шагу мы вынуждены обходить эти первые признаки будущего. А что мы делаем? Только

¹ Опять все сначала, еще раз (*ит.*) — старинный музыкальный термин, ставится в нотах и означает, что надо вернуться к началу музыкального произведения.

и знаем, что жалуемся: ах, как неудобно! Ворчим — и палец о палец не ударим. Ну, нет!

Он поднял руку, точно для клятвы.

— Пусть люди совершат то, что должно! Я с ними! Я — за реакцию, неограниченную и бесстрашную. Больше ничего не остается, разве что и сам начнешь есть эту Пищу. Мы слишком долго пробавлялись полумерами. Эх, вы! Половинчатость — ваш обычай, ваш образ жизни, воздух, которым вы дышите. Но я не из таких! Я ненавижу Пищу, ненавижу всеми фибрами души!

Он резко повернулся к собеседнику, буркнувшему что-то в знак протеста.

— Ну, а ты?

— Все не так-то просто...

— Эх ты, слабая душа! Тебе только и плыть по течению, — с горечью сказал молодой человек из Оксфорда и махнул рукой. — Половинчатость ни к чему не приведет. Мы или они — третьего не дано. Либо мы — их, либо они — нас. Съешь — или тебя съедят. Что еще нам остается?

Глава II *Влюбленные великаны*

I

В дни перед всеобщими выборами, когда Кейтэрем рвался к власти и выступил в поход против Чудо-детей, в разгар событий трагических и ужасных случилось так, что в Англию по весьма важному поводу прибыла из королевства своего отца ее светлость принцесса-великанша — та самая, чье питание в младенчестве сыграло немалую роль в блестящей карьере доктора Уинклса. По государственным соображениям она была обручена с неким принцем, и свадьба их должна была стать событием международного значения. Однако, неизвестно почему, церемония снова и снова откладывалась. Немало потрудились Сплетня и Фантазия, слухи ползли самые разные. Поговаривали, будто непокорный принц заупрямился, объявил, что не желает выглядеть дураком, — во всяком случае, не до такой же степени! Люди ему сочувствовали. Такова суть этой истории.

Как ни странно, до приезда в Англию принцесса-великанша понятия не имела, что есть на свете и другие великаны. Она выросла в мире, где все помешаны на этикете, где сдержанность у людей в крови. От принцессы скрывали правду, ее тщательно оберегали; до того часа, когда поездку в Лондон уже невозможно было откладывать, она ни разу не видела гигантских растений и животных и не слыхала о них. До встречи с молодым Редвудом она и не подозревала, что, кроме нее, есть на земле еще хоть один великан.

Были в королевстве ее отца пустынные гористые края, где она привыкла бродить свободно в полном одиночестве. Больше всего на свете она любила восходы и закаты и вольную игру стихий под открытым небом; но англичане — такие демократы и одновременно столь ревностные верноподданные — чрезвычайно стеснили ее свободу. Народ валом валил посмотреть на принцессу: приезжали как на экскурсию — целыми компаниями, толпами, в экипажах и поездом, многие проделывали длинный путь на велосипедах, лишь бы поглазеть на гостью; и, чтобы прогуляться спокойно, без свидетелей, ей приходилось вставать спозаранку. Когда она впервые встретила молодого Редвуда, заря только еще занималась.

Дворец, отведенный принцессе, стоял в большом парке, который тянулся миль на двадцать к западу и к югу от ворот. Могучие каштаны аллей были так высоки, что листва их шелестела над ее головой. Когда она проходила между ними, каждое дерево словно спешило щедро одарить ее своими цветами. Сначала она просто любовалась ими и с наслаждением вдыхала их аромат, но потом, покоренная, решила принять дары и начала выбирать и рвать цветущие ветки; она так увлеклась, что заметила молодого Редвуда, только когда он был уже совсем рядом.

Она шла среди каштанов, а тот, кого предназначала ей судьба, подходил все ближе, неожиданный и негаданный. Она погружала руки в листву, ломала ветки и подбирала букет. Ей казалось, что она одна в целом мире. И вдруг...

Принцесса подняла глаза и увидела своего суженого.

Чтобы понять, как она была прекрасна, призовем на помощь все свое воображение и постараемся увидеть ее глазами великана. Нас бы она не покорила: отпугнул бы ее гигантский рост; не то для Редвуда. Перед ним, прижимая к груди охапку цветущих каштановых веток, стояла очаровательная девушка, первое существо, которое было ему под пару; она стояла легкая и стройная в своих воздушных одеждах, и складки платья, струясь под дыханием свежего утреннего ветерка, обрисовывали мягкие линии ее сильного тела. Свободный ворот открывал белую шею и округлые плечи. Ветерок, крадучись, растрепал ее локоны и бросил на щеку бронзовую прядь. Глаза сияли голубизной, и губы, когда она тянулась за цветами, словно обещали улыбку.

Она испуганно обернулась, увидела его, и на мгновение оба замерли, глядя друг на друга. Его появление показалось ей удивительным, невероятным, сначала ей даже стало страшно, так страшно, словно ей явился призрак: рушились все привычные понятия об окружающем мире. В то время молодому Редвуду минул двадцать один год; это был стройный юноша, темноволосый, как его отец, и такой же серьезный. Куртка и штаны из мягкой коричневой кожи плотно облевали гибкое, ладное тело. Голова оставалась непокрытой при всякой погоде. Так они и стояли друг против друга: она, пораженная, не верила своим глазам, у него сильно билось сердце. Эта неожиданная минута была главной и решающей в жизни обоих.

Он был не очень удивлен, ведь он сам ее разыскивал; и все же сердце его колотилось. Он медленно подошел к ней, не сводя глаз с ее лица.

— Вы — принцесса, — сказал он. — Отец мне говорил. Та самая принцесса, которой давали Пищу богов.

— Да, я принцесса, — ответила она в изумлении. — А кто же вы?

— Я — сын того человека, который создал Пищу богов.

— Пищу богов?!

— Да.

— Но... — Она смотрела недоуменно и растерянно. — Как вы сказали? Пища богов? Не понимаю.

— Вы о ней не слыхали?

— О Пище богов? Никогда!

Ее вдруг охватила дрожь. Краска сбежала с лица.

— Я не знала, — сказала она. — Неужели...

Он молча ждал.

— Неужели есть и другие... великаны?

— А вы не знали? — повторил он.

И она ответила, изумляясь все больше:

— Нет!

Весь мир словно перевернулся, и весь смысл бытия стал для нее иным. Ветвь каштана выскользнула у нее из рук.

— Неужели, — повторила она, все еще не понимая, — неужели на земле есть и другие великаны? И какая-то пища...

Ее изумление передалось ему.

— Так вы и правда ничего не знаете? — воскликнул он. — И никогда не слыхали о нас? Но ведь через Пищу богов все мы связаны с вами узами братства!

Глаза, обращенные к нему, все еще полны были ужаса. Рука поднялась к горлу и вновь упала.

— Нет, — прошептала принцесса.

Ей показалось, что она сейчас заплачет, лишится чувств. Но еще через минуту она овладела собой, мысли прояснились, и она снова могла говорить.

— От меня все скрывали, — сказала она. — Это как сон. Мне... мне снилось такое не раз. Но наяву... Нет, расскажите, расскажите мне все! Кто вы? Что это за Пища богов? Рассказывайте не спеша и так, чтобы я все поняла. Почему они скрывали, что я не одна?

II

«Расскажите», — попросила она, и молодой Редвуд, волнуясь до дрожи, принялся рассказывать — поначалу путано, бессвязно — о Пище богов и о детях-великанах, разбросанных по всему свету.

Постарайтесь представить их себе: раскрасневшиеся, растревоженные, они старались понять друг друга, пробиться сквозь недомолвки, повторения, неловкие паузы

и постоянные отступления; это был удивительный разговор, девушка пробудилась от неведения, длившегося всю ее жизнь. Постепенно она начала понимать, что она вовсе не исключение среди людей, но частица братства тех, кто вскормлен Пищей и навсегда перерос ограниченных пигмеев, копошащихся под ногами. Молодой Редвуд говорил о своем отце, о Коссаре, о Братях, раскиданных по всей стране, о той великой заре, что занимается наконец над историей человечества.

— Мы в самом начале начал, — сказал он. — Этот их мир — только вступление к новому миру, который будет создан Пищей. Отец верит — и я тоже, — что настанет время, когда для человечества век пигмеев отойдет в прошлое, когда великанам будет вольно дышаться на земле. Это будет их земля, и ничто не мешает им творить на ней чудеса — чем дальше, тем поразительнее. Но все это впереди. Мы даже еще не первое поколение, мы — всего лишь первый опыт.

— И я ничего этого не знала!

— Порой мне начинает казаться, что мы появились слишком рано. Конечно, кто-то должен быть первым. Но мир был совсем не готов к нашему приходу и даже к появлению менее значительных гигантов, которых породила Пища. Были и ошибки и столкновения. Эти людишки нас ненавидят... Они жестоки к нам потому, что сами слишком малы... И потому, что у нас под ногами гибнет то, что составляет смысл их существования. Так или иначе, они нас ненавидят и не желают, чтобы мы были рядом, — разве что мы сумеем опять съежиться и стать такими же пигмеями — тогда, пожалуй, они нас простят...

Они счастливы в домах, которые нам кажутся тюрьмой; их города слишком малы для нас; мы еле передвигаемся по их узким дорогам и не можем молиться в их церквах.

Мы не замечаем их заборов, оград и охранительных рогаток, а иногда нечаянно заглядываем к ним в окна; мы нарушаем их обычаи; их законы — это путы, которые не дают нам шагу ступить...

Стоит нам споткнуться, как они поднимают страшный крик; и это всякий раз, как только мы нарушим устано-

вленные ими границы или расправим плечи, чтобы совершить что-нибудь значительное.

Наш малейший шаг кажется им безумным бегом, а все, что сами они считают великим и достойным удивления, в наших глазах — детские игрушки. Их образ жизни, их техника и воображение мелки, они связывают нас, не дают применить наши силы. У них нет ни машин, достаточно мощных для наших рук, ни средств удовлетворить наши нужды. Мы — как рабы, скованные тысячами невидимых цепей. Встретиться мы лицом к лицу — любой из нас в сотни раз сильнее любого из них, но мы безоружны; самый наш рост делает нас их должниками; на их земле мы живем, от них зависит наша пища и крыша над головой; и за все это мы платим своим трудом, орудия инструментами, которые делают для нас эти карлики, чтобы мы удовлетворяли их карликовые причуды...

Мы живем, как в клетке: куда ни повернись — повсюду решетки. Невозможно существовать, не нарушая их запреты. Вот и сегодня, чтобы встретить вас, мне пришлось преступить их границы. Все, что разумно и желанно для человека, они превратили для нас в запретный плод. Мы не смеем входить в города; не смеем пересекать мосты; не смеем ступить на обработанные поля или в заповедные леса, где они охотятся. Я уже отрезан от всех Братьев, кроме трех сыновей Коссара, но и к ним скоро нельзя будет пройти: дорога становится день ото дня уже. Можно подумать, что они только и ждут повода, чтобы нас погубить...

— Но мы ведь сильны, — сказала она.

— Мы должны быть сильными, да. Все мы — и вы, конечно, тоже — чувствуем в себе необъятные силы для великих дел, силы так и бурлят в нас. Но прежде чем сделать хоть что-либо...

Он взмахнул рукой, словно сметая весь мир.

Оба помолчали.

— Я думала, что я совсем одна на свете, — сказала принцесса, — но и мне все это приходило в голову. Меня всегда учили, что сила — чуть ли не грех, что лучше быть маленькой, чем большой, что истинная религия велит сильным оберегать малых и слабых, покровительствовать

им — пусть плодятся и множатся, а потом в один прекрасный день окажется, что весь мир ими кишмя кишит, и мы должны пожертвовать ради них своей силой... Но я всегда сомневалась, правильно ли это.

— Наша жизнь, наши тела созданы не для того, чтобы умереть, — сказал Редвуд.

— Да, конечно.

— И не для того, чтобы прожить весь век впустую. Но всем нашим Братьям уже ясно, что, если мы этого не хотим, столкновения не миновать. Не знаю, может быть, придется выдержать жестокий бой, чтобы эти людишки дали нам жить той жизнью, которая нам нужна. Все наши Братья не раз об этом задумывались. И Коссар — я вам о нем говорил, — он тоже об этом думает.

— Но эти пигмеи такие слабые и ничтожные.

— Да, по-своему. Но все оружие у них в руках и приспособлено для их рук. Мы вторглись в мир этих людишек, а ведь они сотни и тысячи лет учились убивать друг друга. И очень в этом преуспели. Они еще во многом преуспели. И потом, они умеют лгать и притворяться... Не знаю... Столкновение неизбежно. Вы... может быть, вы не такая, как мы все. Но для нас, бесспорно, столкновение неизбежно... То, что они называют войной. Мы это знаем. И по-своему готовимся. Но, понимаете... они такие крохотные! Мы не умеем убивать, да и не хотим...

— Смотрите! — прервала принцесса, и Редвуд услышал тявканье автомобильного рожка.

Он проследил за ее взглядом — и у самой своей ноги увидел ярко-желтый автомобиль, который жужжал и гудел, упершись в его башмак; шофер в темных защитных очках и одетые в меха пассажиры что-то негодуяще выкрикивали. Редвуд отодвинул ногу, машина трижды свирепо фыркнула и суетливо побежала в сторону города.

— Всю дорогу загородил! — донеслось до молодых людей.

А другой голос воскликнул:

— Вот так штука! Смотрите-ка! Вон там, за деревьями, принцесса-громадина! — И лица в дорожных очках разом повернулись и уставились на нее.

— Ну и ну! — откликнулся еще кто-то. — Куда же это годится?

— Все, что вы рассказали, поразительно,— промолвила принцесса.— Я никак не могу прийти в себя.

— А они держали вас в неведении...— Молодой Редвуд не договорил.

— Пока мы не встретились, я знала мир, где большой была я одна. И я создала себе свою собственную жизнь. Я думала, что я просто несчастный урод, что сама природа зло подшутила надо мной. А теперь, за какие-то полчаса, весь мой мир рассыпался в прах, и передо мной иная жизнь, иные условия, широкие горизонты... и я не одинока...

— Не одиноки,— откликнулся он.

— Вы будете мне рассказывать еще и еще! Знаете, мне все это кажется просто сказкой. И даже вы сами... Должно быть, завтра или через несколько дней я поверю, что вы существуете... Но сейчас... Сейчас я только сплю и вижу сон... Слышите?

Издали донесся первый удар часов на дворцовой башне. Оба невольно считали удары: семь.

— В этот час мне полагается быть уже дома. Они принесут кофе в зал, где я сплю. Эти малыши — чиновники и слуги — начнут хлопотать, суетиться из-за пустяков... Вы не представляете, сколько в них важности!

— Они удивятся, что вас нет... Но мне хочется еще поговорить с вами.

Она задумалась.

— А мне хочется поразмыслить. Мне надо побыть одной и все обдумать, понять, что все переменялось и одиночеству конец, и освоиться с тем, что на свете есть вы и еще другие такие, как мы... Я пойду. Сегодня я вернусь в свой дворец, а завтра... на рассвете я опять приду сюда.

— Я буду ждать.

— Я весь день буду мечтать о новом мире, который вы мне открыли. Еще и сейчас мне не верится...

Она отступила на шаг и оглядела его с ног до головы. Взгляды их на минуту встретились.

— Да,— сказала она и не то засмеялась, не то всхлинула.— Вы настоящий, живой. Нет, это просто чудо! Неужели правда?.. Вдруг завтра я приду, а вы... а вы карлик,

такой же, как все!.. Нет, мне нужно подумать. Итак, до завтра, а пока... как это делают все людишки...

Она протянула ему руку, и они в первый раз коснулись друг друга. Руки их сомкнулись в крепком пожатии, и глаза снова встретились.

— До свидания, — сказала она, — до завтра. До свидания, брат великан!

Он запнулся — какая-то невысказанная мысль смутила его, — потом ответил просто:

— До свидания.

Минуту они стояли, держась за руки, и пристально глядели в лицо друг другу. И когда расстались, она снова и снова оборачивалась и смотрела на него, будто не веря себе, а он все стоял на том месте, где они встретились...

Словно во сне она пересекла просторный дворцовый двор и вошла в свои апартаменты, все еще держа в руке огромную ветку цветущего каштана.

III

Эти двое встретились четырнадцать раз, прежде чем наступило начало конца. Они встречались то в большом парке, то среди холмов, то на простиравшейся к юго-западу поросшей вереском равнине, исчерченной ржавыми дорогами, прорезанной оврагами и окруженной сумрачными сосновыми лесами. Дважды они возвращались на большую каштановую аллею и пять раз приходили к живописному пруду, вырытому по приказу короля, ее прадеда. Там полого спускалась к самой воде красивая лужайка, обрамленная высокими соснами и елями. Девушка садилась на траву, юноша ложился у ее ног и, глядя ей в лицо, говорил, говорил: о том, как появилась Пицца, о том, к каким трудам готовил его отец, и о прекрасном будущем, которое ждет гигантов, о великих делах, которые им предстоят. Обычно принцесса и Редвуд встречались на рассвете, но однажды встретились в полдень — и скоро их окружила толпа зевак: велосипедисты и пешеходы подглядывали и подслушивали из-за каждого куста, шуршали опавшими листьями в соседнем лесу (так воробьи копо-

шатся и прыгают вокруг вас где-нибудь в лондонском парке), скользили на лодках по глади озера, стараясь подплыть поближе, поглазеть на них, послушать, о чем они говорят.

Это был первый признак того огромного интереса, который вызвали во всей округе их встречи. А однажды (это было в седьмой раз и ускорило назревавший скандал) они встретились на вересковой равнине в поздний час, при луне — ночь была теплая, чуть шелестел легкий ветерок — и долго шептались там в тиши.

Очень скоро от рассуждений о том, что с ними и через них на земле возникает новый грандиозный мир, от раздумий о великой борьбе между исполинским и ничтожным, в которой им суждено участвовать, они перешли к темам более личным и более для них всеобъемлющим. И с каждой встречей, пока они разговаривали и смотрели друг другу в глаза, все яснее им становилось и выходило из области подсознания, что между ними возникло и идет рядом и сближает их руки нечто более драгоценное и удивительное, чем дружба. И вскоре они нашли название этому чувству, и оказалось, что они — возлюбленные, Адам и Ева нового рода человеческого.

И рука об руку они пустились в путь по удивительной долине любви, с ее заветными тихими уголками. В душе у них все преображалось — и преображался весь мир вокруг них и наконец превратился в святилище красоты, предназначенное для их встреч, где звезды, как светозарные цветы, устилали путь их любви, а утренние и вечерние зори развешивали в небесах праздничные флаги. Друг для друга они были уже не существами из плоти и крови, но живым воплощением нежности и желания. В дар своей любви они принесли сначала шепоты, затем молчание, под беспредельным сводом небес они были вместе, и каждый близко-близко видел смутно белевшее в лунном свете лицо другого. И недвижные черные сосны стояли вокруг них на страже.

Затих мерный шаг времени, и, кажется, вся вселенная смолкла и замерла. Они слышали только стук собственных сердец. И словно были одни в мире, где нет места смерти, да так оно и было в тот час. Им казалось, что они

постигают — и они постигали — сокровенные тайны мироздания, и они открыли здесь такую красоту, какой еще никто никогда не открывал. Ибо даже для самых ничтожных и мелких душ любовь есть открытие красоты. А эти двое влюбленных были гигантами, которые вкусили Пищу богов...

Легко себе представить, какой ужас овладел всем добропорядочным миром, когда стало известно, что принцесса, обрученная с принцем, — ее светлость принцесса, в чьих жилах течет королевская кровь! — встречается (и довольно часто) с громадиной — отпрыском самого обыкновенного профессора химии, личностью без чинов, без положения и состояния, и разговаривает с ним, словно на свете нет ни королей, ни принцев, ни порядка, ни благопристойности, а только карлики и великаны! Да, они встречались, разговаривали, и уже ясно: он ее любовник.

— Ну, если об этом пронюхают газетчики!.. — ужаснулся сэр Артур Блюд-Лиз.

— Слышал я... — шамкал старый епископ из Злобса.

— Наверху-то опять история, — заметил старший лакей, отщипывая с тарелок кусочки пирожного. — Я так понимаю, эта ихняя принцесса-великанша...

— Говорят... — шептала хозяйка писчебумажной лавки неподалеку от дворца (американские туристы покупали там билеты для осмотра парадных апартаментов).

И наконец:

«Мы уполномочены опровергнуть...» — заявил известный журналист Плут в газете «Сплетни».

Итак, шило в мешке утаить не удалось.

IV

— Они требуют, чтобы мы расстались, — сказала принцесса возлюбленному.

— Это еще почему? — воскликнул он. — Вечно они выдумают какую-нибудь глупость!

— А известно ли тебе, что любить меня — это... это государственная измена?

— Родная моя, да какое все это имеет значение?! Что нам их законы — бессмысленные, нелепые? Что нам их понятия об измене и верности?

— Сейчас узнаешь, — сказала она и повторила ему все, что недавно выслушала сама:

— Явился ко мне престранный человечек с необыкновенно мягким и гибким голоском, двигался он тоже очень мягко и гибко, скользнул в комнату, совсем как кошка, и всякий раз, когда хотел сказать что-то очень важное, воздевал кверху красивенькую беленькую ручку. Не то, чтобы лысый, но лысоватый, носик и щечки кругленькие и розовые и приятнейшая бородка клинышком. Несколько раз он делал вид, что ужасно взволнован, и даже чуть не прослезился. Он, оказывается, очень близок к здешнему царствующему дому, и он называл меня своей дорогой юной леди, и с самого начала был полон сочувствия. Он все повторял: «Моя дорогая юная леди, вы же знаете, что не должны, не должны...» И потом еще: «Вы обязаны исполнить свой долг...»

— И откуда только берутся такие?

— Он просто упивался собственным красноречием.

— Но я все-таки не понимаю...

— Он говорил очень серьезные вещи.

Редвуд резко повернулся к ней.

— Не думаешь ли ты, что в этой его болтовне есть какой-то смысл?

— Кое-какой смысл, безусловно, есть.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что, сами того не ведая, мы надругались над священными идеалами этих людишек. Мы, особы королевской крови, составляем особый клан. Мы — праздничные побрякушки, узники, которым поклоняются. За это преклонение мы платим своей свободой, мы не вольны шагу ступить по-своему. Я должна была выйти замуж за принца... Впрочем, ты его все равно не знаешь. За одного принца-пигмея. Неважно, кто он... Оказывается, это событие должно было укрепить союз между моей и его страной. И вашей стране тоже этот брак был

бы выгоден. Представляешь? Выйти замуж, чтобы укрепить какой-то союз!

— А теперь?

— Они говорят, что я все равно должна за него выйти... как будто у нас с тобой ничего не было.

— Ничего не было!

— Да. И это еще не все. Он сказал...

— Этот специалист по этикету?

— Да. Он сказал, что было бы лучше для тебя и вообще для всех гигантов, если бы мы оба... воздержались от дальнейших бесед. Так он и выразился.

— А что они могут сделать, если мы не послушаемся?

— Он сказал, что это может стоить тебе свободы.

— Мне?!

— Да. Он сказал очень многозначительно: «Моя дорогая юная леди, было бы лучше и достойнее, если бы вы расстались по доброй воле». Вот и все, что он сказал. Только с ударением на словах «по доброй воле».

— Но... но что им за дело, этим жалким пигмеям, где и как мы любим друг друга? Что общего может быть между их жизнью и нашей?

— Они другого мнения.

— Ты, конечно, не принимаешь всерьез этот вздор?

— По-моему, все это ужасно глупо.

— Чтобы их законы сковали нас по рукам и по ногам? Чтобы в самом начале жизни нам стали поперек дороги их обветшалые союзы и бессмысленные установления? Ну нет! Мы их и слушать не станем.

— Да, я твоя... Пока...

— Пока? Что же нам помешает?

— Но ведь они... Если они хотят нас разлучить...

— Что они могут с нами сделать?

— Не знаю. Нет, правда, что?

— А я знать не хочу, что они могут и что сделают! Я твой, а ты моя. Это самое главное. Я твой и ты моя на всю жизнь. Неужели меня остановят их жалкие правила, мелочные запреты, эти их красные надписи — прохода нет, прохода нет! Неужели что-нибудь удержит меня вдали от тебя?

— Ты прав. Но все же... что они могут сделать?

— Ты хочешь спросить, что делать нам?

— Да.

— Будем жить, как жили.

— А если они попробуют нам помешать?

Он сжал кулаки и обернулся, словно пигмеи уже наступали, чтобы помешать им. Потом обвел взглядом горизонт.

— Да, об этом стоит подумать, — сказал он. — Все-таки, что они могут?

— Здесь, в этой маленькой стране... — Она не договорила.

Он мысленно оглядел всю страну.

— Они повсюду.

— Но можно бы...

— Куда?

— Куда-нибудь. Вместе переплывем море. А там, за морем...

— Я никогда не был за морем.

— Там есть высокие горы, среди которых мы и сами окажемся карликами; там есть далекие пустынные долины, потаенные озера и покрытые снегом вершины, где не ступала нога человека. И вот там...

— Но чтобы добраться туда, нам придется день за днем пробивать себе дорогу сквозь мириады людишек.

— Это наша единственная надежда. В Англии слишком много народу и слишком мало места, здесь нам негде укрыться, негде приклонить голову. Как нам скрыться среди этих толп? Пигмеи могут спрятаться друг от друга, но куда деваться нам? Здесь у нас не будет ни еды, ни крыши над головой, а если мы убежим, они будут преследовать нас по пятам день и ночь.

Вдруг у него мелькнула мысль.

— Для нас есть место, — сказал он. — Даже на этом острове.

— Где?

— В доме, который построили наши Братья, там, за холмами. Они обнесли его огромным валом с севера и юга, с востока и запада; они вырыли глубокие траншеи и тайные укрытия, и даже теперь... Один из них был у меня совсем недавно. Он сказал... Я тогда не очень при-

слушивался, но он говорил что-то об оружии. Может быть, там и надо искать убежища.

Редвуд помолчал.

— Я так давно не видел наших Братьев... Да, да... Я жил как во сне и обо всем позабыл... Шли дни, а я ничего не делал, думал только о том, чтобы поскорее увидеть тебя... Надо пойти и поговорить с ними, рассказать им о тебе и о том, что нам угрожает. Они смогут помочь нам, если захотят. Да, еще есть надежда. Не знаю, насколько сильны укрепления вокруг их дома, но, уж наверно, Коссар сделал все, что только можно. Теперь я припоминаю — еще до всего... до того, как ты пришла ко мне, в воздухе носилась тревога. Тут были выборы — эти людишки все решают счетом поштучно... Теперь их выборы, наверно, уже кончились. Тогда раздавалось много угроз против нас... против всех гигантов, кроме тебя, разумеется. Я должен повидать Братьев. Я должен рассказать им о нас с тобой и о том, что нам грозит.

V

В следующий раз ей пришлось долго ждать его. Они условились в полдень встретиться посреди парка, на большой поляне у излучины реки; принцесса ждала, опять и опять поглядывала на юг, заслоняя рукой глаза от солнца, и вдруг заметила, какая кругом тишина — непривычная, тягостная тишина. И потом, хоть час уже поздний, не видно обычной свиты добровольных шпионов. Никто не подсматривает и не прячется в кустах и за деревьями, куда ни глянь — ни души, ни одна лодка не скользит по серебряной глади Темзы. Что случилось, отчего весь мир словно замер?

Наконец-то! Вдали, в просвете между кронами деревьев, показался молодой Редвуд.

Сейчас же деревья опять заслонили его, он шел напролом через чащу — и вскоре появился снова. Но было в его походке что-то необычное, и вдруг она поняла: он очень спешит и к тому же прихрамывает. Он помахал рукой, и она пошла ему навстречу. Теперь можно было разгля-

деть его лицо, и она с тревогой увидела, что при каждом шаге он морщится, словно от боли.

Охваченная недоумением и смутным страхом, она побежала к нему. Когда она была уже совсем близко, он спросил, даже не здороваясь:

— Мы должны расстаться?

Он задышался.

— Нет, — ответила она. — Почему? Что с тобой?

— Но если мы не расстаемся... Тогда пора!

— О чем ты говоришь?

— Я не хочу с тобой расставаться, — сказал он. — Только... — Он оборвал себя и спросил в упор: — Ты от меня не уйдешь?

Она смело встретила его взгляд.

— Что случилось? — настойчиво спросила она.

— Даже на время?..

— На какое время?

— Может быть, на годы.

— Расстаться? Ни за что!

— А ты подумала, чем это грозит?

— Я с тобой не расстанусь. — Она взяла его за руку. — Даже под страхом смерти я не отпущу тебя.

— Даже под страхом смерти, — повторил он и крепко сжал ее пальцы.

Он огляделся вокруг, словно боялся, что маленькие преследователи уже рядом.

— Может быть, это и смерть, — услышала она. И попросила:

— Скажи мне все.

— Они пытались не пустить меня к тебе.

— Как?

— Вышел я сегодня из лаборатории, — ты ведь знаешь, я делаю Пищу богов, а запасы ее хранятся у Коссаров. Смотрю — стоит полицейский, такой человечек весь в синем и в чистых белых перчатках. Он приказал мне остановиться. «Здесь хода нет!» — говорит. Что ж, нет так нет, я обошел лабораторию кругом и хотел идти другой дорогой, а там еще полицейский: «Здесь хода нет!» А потом добавляет: «Все дороги закрыты!»

— И что же дальше?

— Я было заспорил. «Эти дороги общие для всех», — говорю.

«Именно, — отвечает, — а вы их портите». «Ладно, — говорю, — я пойду полем».

Тут из-за всех изгородей повыскакивали еще полицейские, а главный заявляет: .

«Хода нет, это частные владения».

«Провались они, ваши общие и частные владения! — говорю. — Я иду к моей принцессе».

Наклонился, осторожно взял его — ох, как он кричал и брыкался! — отставил в сторону и пошел дальше. Мигом все поле ожило, повсюду забегали эти людишки. Один скакал на лошади рядом со мной и на скаку читал что-то по бумажке, кричал изо всех силенок. Дочитал, пригнул голову и поскакал назад. Я так ничего и не разобрал. И вдруг слышу — позади залп из ружей.

— Из ружей?!

— Да, они стреляли по мне, как стреляют по крысам. Пули так и свистели, одна попала мне в ногу.

— И что же ты?

— Как видишь, пришел к тебе, а они где-то там бегут, кричат и стреляют... И теперь...

— Что теперь?

— Это только начало. Они непременно хотят нас разлучить. Они и сейчас гонятся за мной.

— Мы не расстанемся.

— Не расстанемся. Но тогда ты должна пойти со мной к нашим Братьям.

— Где это?

— Пойдем на восток. Они за мной гонятся вон оттуда, а мы пойдем в другую сторону. По той аллее. Я пойду первым, и если они устроили засаду...

Он шагнул вперед, но она схватила его за руку.

— Нет! — воскликнула она. — Я обниму тебя, и мы пойдем рядом. Ведь я из королевской семьи, может быть, я для них священна. Я обниму тебя — может быть, тогда они не посмеют стрелять. Господи, если бы мы могли обняться и улечься!..

Она стиснула руку Редвуда, обняла его за плечи и прижалась к нему.

— Может быть, тогда они не убьют тебя, — повторяла она, и в порыве страстной нежности он обнял ее и поцеловал в щеку. Мгновенье он не отпускал ее.

— Даже если это смерть, — прошептала принцесса.

Она обвила руками его шею и подняла к нему лицо.

— Поцелуй меня еще раз, любимый.

Он притянул ее к себе. Они молча поцеловались и еще минуту не могли оторваться друг от друга. Потом рука об руку двинулись в путь, и она старалась идти как можно ближе к нему; быть может, они доберутся до убежища, устроенного сыновьями Коссара, прежде чем их настигнет погоня...

Когда они быстрым шагом пересекали обширную часть парка, расположенную позади дворца, из-за деревьев галопом вылетел отряд всадников, тщетно пытавшихся поспеть за ними. А потом впереди показались дома, оттуда выбегали люди с винтовками. Редвуд хотел идти прямо на них и, если надо, прорваться силой, но она заставила его свернуть к югу.

Они поспешили прочь, и тут над самыми их головами просвистела пуля.

Глава III *Молодой Кэддлс в Лондоне*

I

Молодой Кэддлс даже не подозревал обо всех этих событиях, о новых законах, грозивших братству гигантов, да и о том, что где-то у него есть Братья, — и как раз в эти дни он решил покинуть известковый карьер и повидать свет. К этому его привели долгие невеселые раздумья. В Чизинг Айбрайте не было ответа на его вопросы; новый священник умом не блистал, он оказался еще ограниченнее прежнего, а Кэддлсу осточертело думать и гадать, почему его обрекли на такой бессмысленный труд.

«Почему я должен день за днем ломать известняк? — недоумевал он. — Почему я не могу ходить, куда хочу? На свете столько чудес, а мне к ним и подойти нельзя. В чем я провинился, за что меня так наказали?»

И вот однажды он встал, разогнул спину и громко сказал:

— Хватит!

— Не желаю! — сказал он и, как умел, проклял свою каменоломню.

Но что слова! То, что было на душе, требовало дела. Он поднял наполовину загруженную вагонетку, швырнул на соседнюю и разбил вдребезги. Потом схватил целый состав пустых вагонеток и сильным толчком отпихнул под откос. Вдогонку запустил огромной глыбой известняка — она рассыпалась в пыль, — и, с маху наподдав ногой по рельсам, сорвал с десятков ярдов подъездного пути. Так началось уничтожение карьера.

— Весь век здесь дурака валять? Нет, это не по мне!

В азарте разрушения он не заметил внизу маленького геолога, и тот пережил страшные пять минут. Две глыбы известняка чуть не раздавили его — бедняга еле успел отскочить, кое-как выбрался через западный край карьера и опрометью кинулся по откосу; дорожный мешок хлопал его по спине, ножки в коротких спортивных штанах так и мелькали, оставляя на траве меловые следы. А юный Кэддлс, очень довольный делом рук своих, зашагал прочь, чтобы исполнить свое предназначение в мире.

— Гнуть спину в этой яме, пока не сдохнешь!.. Думают, сам я огромный, а душонка во мне цыплячья! Добывать этим дуракам известняк, не поймешь для чего! Нет уж!

Вела ли его дорога, или железнодорожные пути, или просто случай, но он повернул к Лондону да так и шагал весь день, по жаре, через холмы, через поля и луга, и честной народ в изумлении пялил на него глаза. На каждом углу болтались обрывки белых и красных плакатов с разными именами, но они ему ничего не говорили; он и не слышал о бурных выборах, о том, что до власти дорвался Кейтэрем, этот «Джек — Потрошитель великанов». Он и не подозревал, что именно в этот день во всех полицейских участках был вывешен указ Кейтэрема, в котором объявлялось, что ни один гигант, ни один человек ростом выше восьми футов не имеет права без особого разрешения отходить более чем на пять миль от «места

своего постоянного жительства». Он не замечал, что полицейские чиновники, которые не могли его догнать и в глубине души очень этим были довольны, махали ему вслед своими грозными бумажками. Бедный любознательный простак, он спешил увидеть все чудеса, какие только есть в мире, и вовсе не собирался останавливаться из-за сердитого окрика первого встречного. Он миновал Рочестер и Гринвич, дома теснились все гуще; он замедлил шаг и с любопытством озирался по сторонам, помахивая на ходу огромным кайлом.

Жители Лондона знали о нем понаслышке: есть в деревне такой дурачок, но он тихий, и управляющий леди Уондершут и священник прекрасно с ним справляются; слышали также, что он по-своему почитает хозяев, благодарен им за их заботу. И потому в тот день, узнав из последних выпусков газет, что он тоже «забастовал», многие лондонцы решили, что тут какой-то сговор всех гигантов.

— Они хотят испытать нашу силу,— говорили пассажиры в поездах, возвращаясь домой со службы.

— Счастье, что у нас есть Кейтэрем...

— Это они в ответ на его распоряжение...

В клубах люди были осведомлены лучше. Они толпились у телеграфной ленты или кучками собирались в курительных.

— Он не вооружен. Если бы тут было подстрекательство, он пошел бы прямо к Семи дубам.

— Ничего, Кейтэрем с ним справится.

Лавочники сообщали покупателям последние сплетни. Официанты, улучив минутку между блюдами, заглядывали в вечернюю газету. И даже извозчики, проглядев отчеты о скачках, сразу же искали новости о гигантах...

Вечерние правительственные газеты пестрели заголовками: «Вырвать крапиву с корнем!» Другие привлекали читателя заголовками вроде: «Великан Редвуд продолжает встречаться с принцессой». Газета «Эхо» нашла оригинальную тему: «Слухи о бунте гигантов на Севере Англии. Великаны Сандерленда направляются в Шотландию». «Вестминстерская газета», как всегда, предостерегала: «Берегитесь гигантов» — и пыталась хоть на этом как-нибудь сплотить либеральную партию, которую в то

время семь лидеров яростно тянули каждый в свою сторону. В более поздних выпусках уже не было разногласия. «Гигант шагает по Ново-Кентской дороге», — дружно сообщали они.

— Интересно, почему это ничего не слышать про молодых Коссаров, — рассуждал в чайной бледный юнец. — Уж без них-то наверняка не обошлось...

— Говорят, еще один верзила вырвался на свободу, — вставила буфетчица, вытирая стакан. — Я всегда говорила, с ними рядом жить опасно. Всегда говорила, с самого начала... Пора уж от них избавиться. Хоть бы его сюда не принесла нелегкая!

— А я не прочь на него поглядеть, — храбро заявил юнец у стойки. — Принцессу-то я видел.

— Как, по-вашему, ему худого не сделают? — спросила буфетчица.

— Очень может быть, что и придется, — ответил юнец, допивая стакан.

Таким вот разговорам конца-краю не было, и в самый разгар этой шумихи в Лондон появился молодой Кэддлс.

II

Я всегда представляю себе молодого Кэддлса таким, каким его впервые увидели на Ново-Кентской дороге, его растерянное и любопытное лицо, освещенное ласковыми лучами заходящего солнца. Дорога была запружена машинами: omnibusы, трамваи, фургоны и повозки, тележки разносчиков, велосипеды и автомобили двигались сплошным потоком; великан робкими шагами пробирался вперед, а за ним по пятам, дивясь и изумляясь, тянулись зеваки, женщины, няньки с младенцами, вышедшие за покупками хозяйки, детвора и сорванцы постарше. Повсюду торчали щиты с грязными обрывками предвыборных воззваний. Нарастал неумолчный гул голосов. Вокруг плескалось море взбудораженных пигмеев: лавочники вместе с покупателями высыпали на улицу; в окнах мелькали любопытные лица; с криком сбегались мальчишки; каменщики и маляры на лесах бросали работу и глядели на него; и лишь одни полицейские, невозмутимые, точно дере-

вянные, сохраняли спокойствие в этой кутерьме. Толпа выкрикивала что-то непонятное: насмешки, брань, бессмысленные ходячие словечки и остроты, а он смотрел на этих людишек во все глаза — ему и не снилось, что на свете их такое множество!

Теперь, когда он достиг Лондона, ему приходилось еще и еще замедлять шаг, чтобы не раздавить напиравшую толпу. Она становилась все гуще, и наконец на каком-то углу, где пересекались две широкие улицы, людские волны прихлынули вплотную и сомкнулись вокруг.

Так и стоял он, слегка расставив ноги, прислонясь спиной к большому, вдвое выше него, дому на углу — это было шикарное питейное заведение со светящейся надписью по краю крыши. Он смотрел на сновавших внизу пигмеев и, уж наверно, старался как-то связать это зрелище с другими впечатлениями своей жизни, понять, при чем тут долина среди холмов, и влюбленные полуночники, и церковное пение, известняк, который он ломал столько лет, инстинкт, смерть и голубые небеса... Гигант пытался осознать единство мира и найти в нем смысл. Он напряженно хмурил брови. Огромной ручищей почесал лохматый затылок и громко, протяжно вздохнул.

— Не понимаю, — сказал он.

Никто толком не разобрал его слов. Перекресток гудел, звонки трамваев, упорно пробиравшихся сквозь толпу, прорезались в этом шуме, словно красные маки в золоте хлебов.

— Что он сказал?

— Сказал — не понимает.

— Сказал: «Все понимаю!»

— Сказал: «Сломаю».

— Как бы этот олух не сломал дом, еще усядется на крышу!

— Чего вы копошитесь, мелюзга? Что вы тут делаете? Кому вы нужны? Я там, в яме, ломаю для вас известняк, а вы тут чего-то копошитесь, — зачем? На что все это нужно?

При звуке его странного гулкого голоса, который когда-то в Чизинг Айбрайте отвлекал школьников от уроков,

толпу взяла оторопь, и она было умолкла, но потом разразилась новой бурей криков.

— Речь! Речь! — завопил какой-то шутник.

Что он такое говорит? — вот что занимало всех; многие уверяли: конечно же, он просто пьян!

Опасливо, гуськом, пробирались в толпе омнибусы. «Эй, с дороги!» — орали кучера. Подвыпивший американский матрос лез ко всем и каждому и слезливо спрашивал: «Ну чего ему надо?» Внезапно над толпой, перекрывая шум, взмыл пронзительный крик: старьевщик с высохшим темным лицом, восседая в своей тележке, голосил:

— Пшел вон, орасина! Убирайся, откуда пришел! Дубина ты стоеросовая, чертово пугало! не видишь, что ли, от тебя лошади шарахаются! Пшел вон! Порядку не знает, бестолочь, прет, куда не надо, хоть бы кто вбил ему в башку!..

А над всем этим столпотворением растерянно застыл молодой великан: он уже не пытался говорить, только смотрел круглыми глазами и чего-то ждал.

Вскоре из переулка строем в затылок вышел небольшой отряд озабоченных полицейских; они двинулись через дорогу, привычно лавируя среди экипажей.

— Осади назад! — доносились до Кэддлса их голосишки. — Попрошу не задерживаться! Проходите, проходите!

Потом оказалось, что одна из этих темно-синих фигурок молотит его дубинкой по ноге. Он посмотрел вниз — фигурка яростно размахивала руками в белых перчатках.

— Чего вам? — спросил он, наклоняясь.

— Здесь нельзя стоять! — кричал инспектор. — Не стой здесь, — повторил он.

— А куда мне идти?

— Домой, в свою деревню. На место постоянного жительства. Словом, уходи. Ты нарушаешь движение.

— Какое движение?

— На шоссе.

— А куда они все идут? И откуда? Для чего это? Собрались тут все вокруг меня. Чего им надо? Что они делают? Я хочу понять. Мне надоело махать кайлом, и я все-

гда один. Я ломаю известняк, а они для меня что делают? Я хочу знать, вот вы мне и растолкуйте.

— Ну не взыщи, мы здесь не для того, чтобы разговоры разговаривать. Мое дело следить за порядком. Проходи, не задерживайся.

— А вы не знаете?

— Проходи, не задерживайся — честью просят! И мой тебе совет: убирайся-ка ты восвояси. Мы еще не получали специальных инструкций, а только ты нарушаешь закон... Эй, вы! Дайте дорогу! Дайте дорогу!

Мостовая слева от него услужливо опустела, и Кэддлс медленно двинулся вперед. Но теперь язык у него развязался.

— Не пойму, — бормотал он. — Не пойму.

Он обращался к толпе — она валила за ним по пятам, беспрестанно меняясь, подступала с боков. Речь его была отрывиста и бессвязна:

— Я и не знал, что есть на свете такие места! Что вы все тут делаете день-деньской? И для чего это все? Для чего это все, и к чему тут я?

Сам того не ведая, он пустил по свету новые ходкие словечки. Еще долго молодые острословы весело спрашивали друг друга: «Эй, Гарри! Для чего это все? А? Для чего все это непотребство?»

В ответ раздавался взрыв острот, по большей части не слишком пристойных. Из пригодных для общего пользования самыми ходкими оказались: «Заткнись ты!» и презрительное: «Пшел вон!»

Вошли в обиход ответы и похлестче.

III

Чего он искал? Он стремился к чему-то, чего не мог ему дать мир пигмеев, к какой-то своей цели; пигмеи мешали ему достичь ее или хотя бы разглядеть; ему так и не суждено было ее увидеть. Страстная жажда общения сжигала этого одинокого молчаливого гиганта; он тосковал по обществу себе подобных, по делу, которое полюбил бы и которому мог бы служить, искал близких — кого-нибудь, кто указал бы ему понятную и полезную цель в жиз-

ни и кому он рад был бы повиноваться. И поймите, тоска эта была немая, бессловесная; она яростно клокотала у него в груди, и, даже встретить он собрата-великана, едва ли он сумел бы высказать все это словами. Что он знал в жизни? Тупое однообразие деревенских будней, обыкновенные разговоры немногословных фермеров; все это не отвечало и не могло ответить самым ничтожным из его гигантских запросов. Невообразимый простак, он ничего не знал ни о деньгах, ни о торговле, ни о других хитро-сплетениях, на которых зиждется общество маленьких людишек и все их существование. Он жаждал... но, чего бы он ни жаждал, ему не суждено было эту жажду утолить.

Весь день и всю ночь напролет он шел и шел, уже голодный, но все еще неутомимый; он видел, как на разных улицах движется различный транспорт, и вновь и вновь пытался постичь, чем же заняты эти крохотные деловитые козявки. Для него все это было лишь сумятицей и неразберихой...

Говорят, в Кенсингтоне он вытащил из коляски какую-то леди в наимоднейшем вечернем платье и внимательно осмотрел ее от шлейфа до голых лопаток, а потом глубоким вздохом, хоть и довольно небрежно, водворил на место. Но за точность этих слухов я не ручаюсь. Чуть ли не целый час он стоял в конце Пикадилли и наблюдал, как люди дрались за места в omnibusax. К концу дня он какое-то время маячил над стадионом Кеннингтон Овал, глядя на крикет, но тысячные толпы, околдованные этим загадочным для него зрелищем, даже не заметили великана, и он, тяжело вздохнув, побрел дальше.

Незадолго до полуночи он снова попал на площадь Пикадилли и увидел совсем иную толпу. Эти люди явно были очень озабочены, спешили заняться чем-то дозволенным, а может быть, и тем, что не дозволено (а почему — бог весть). Они пялили на него глаза, на ходу глумились над ним, но шли мимо, не задерживаясь. Вдоль запруженного пешеходами тротуара нескончаемым потоком тянулись по мостовой наемные экипажи, извозчики хищным взглядом выискивали себе седоков. Люди входили и выходили из дверей ресторанов, одни солидные,

важные, озабоченные, другие веселые или разнеженные, третьи уж такие настороженные и проницательные, что их не обсчитал бы и самый продувной официант. Стоя на углу, молодой великан приглядывался ко всей этой суете.

— Для чего это все? — с тоской спрашивал он громким шепотом. — Для чего? Они все такие серьезные, такие занятые, а я ничего не понимаю. В чем тут дело?

Он видел то, чего никто здесь не замечал: как жалки отупевшие от пьянства накрашенные женщины, которые часами маячат на углу, и несчастные оборванцы, что крадутся вдоль водостоков, как невыразимо пуста и никчемна вся эта кутерьма. Пустота и никчемность. Им всем было невдомек, к чему стремится этот великан, этот призрак будущего, ставший у них на дороге.

Напротив, высоко в небе, то вспыхивали, то гасли таинственные знаки; умей Кэддлс читать, они рассказали бы ему, как узки человеческие интересы, как ничтожно все, к чему стремятся и чем живут эти козявки. Сначала появилось огненное:

В

Затем последовало И

ВИ

Затем Н,

ВИН —

и наконец в небе целиком загорелась радостная весть для всех, кто подавлен бременем жизни:

ВИНО ТАППЕРА ПРИДАСТ ВАМ БОДРОСТИ!

Миг — и все исчезло во мраке, а потом на месте этой надписи так же постепенно, по одной букве, обозначилось второе всеобщее утешение:

МЫЛО «КРАСОТА»!

Заметьте: не просто моющее химическое средство; но некий, так сказать, идеал.

А вот и третий кит, на котором покоится вся мелочная жизнь пигмеев:

ЖЕЛУДОЧНЫЕ ПИЛЮЛИ ЯНКЕРА!

Больше ничего нового не появлялось. В черную пустоту одна за другой опять выстреливались огненно-красные буквы, выводя те же слова:

ВИНО ТАП...

Уже глубокой ночью молодой Кэддлс, очевидно, пришел под прохладную сень Риджент-парка, перешагнув через ограду и прилег на поросшем травой склоне, неподалеку от зимнего катка. Здесь он часок вздремнул. А в шесть утра видели, как он разговаривал с какой-то нищенкой: вытащил ее из канавы, где она спала, и настойчиво попытывался, для чего она живет на свете...

IV

Утром на второй день скитаний по Лондону настал для Кэддлса роковой час. Его одолел голод. Некоторое время он в нерешительности смотрел, как грузили повозку горячим, душистым хлебом, а потом тихонько опустился на колени — и начался грабеж. Покуда пекарь бегал звать полицию, Кэддлс очистил всю повозку, а затем огромная рука просунулась в булочную и опустошила прилавки и полки. Он набрал побольше хлеба и, не переставая жевать, пошел по другим лавкам, высматривая, чего бы еще перехватить. А тогда как раз (не впервые) пришла для лондонцев плохая пора: работы никакой не найдешь, съестное не по карману, — и жители того квартала даже сочувственно смотрели на великана, который смело брал желанную для всех, но недоступную еду. Они одобрительно хлопали, глядя, как он завтракает, и дружно засмеялись глуповатой гримасе, которой он встретил полицейского.

— Я был голодный, — объяснил он с набитым ртом.

— Bravo! — ревела толпа. — Bravo!

Но когда он принялся за третью пекарню, уже человек десять полицейских стали дубасить его по икрам.

— А ну-ка милейший, пойдем отсюда, — сказал ему один. — Тебе разгуливать не полагается. Пойдем, я отведу тебя домой.

Его очень старались арестовать. Говорят, по улицам разъезжала, гоняясь за ним, повозка с якорными цепями и канатами, — они должны были при аресте заменить наручники. Тогда его еще не собирались убивать.

— Он не участвует в заговоре, — заявил Кейтэрэм. — Я не хочу, чтобы мои руки обагрила кровь невинного. —

И прибавил: — Пока не будут испробованы все другие средства.

Сначала Кэддлс не понимал, чего от него хотят. А когда понял, то предложил полицейским не валять дурака и, широко шагая, пошел прочь — где уж им было его догнать. Булочные он ограбил на Хэрроу-роуд, но в два счета пересек Лондонский канал и очутился в Сент-Джонс вуд, уселся в чьем-то саду и начал ковырять в зубах; тут на него и напал второй отряд полицейских.

— Да отвяжитесь вы от меня! — рявкнул он и неуклюже затопал через сады, вспахивая ногами лужайки и опрокидывая заборы; однако маленькие рьяные служители порядка не отставали, пробираясь кто садами, кто проезжей дорогой. У двух или трех были ружья, но их не пускали в ход. Потом Кэддлс выбрался на Эджуэр-роуд — здесь толпа была уже настроена совсем по-иному и конный полицейский наехал гиганту на ногу, но в награду за такое усердие тотчас был выбит из седла.

Кэддлс обернулся к затаившей дыхание толпе.

— Отвяжитесь вы от меня! Что я вам сделал?

К этому времени он был безоружен, так как забыл кайло в Риджент-парке. Но теперь бедняга, видно, понял, что ему нужно хоть какое-то оружие. Он вернулся к товарным складам Большой Западной железной дороги, выворотил высоченный фонарный столб и вскинул на плечо, точно гигантскую булаву. Тут он опять завидел своих назойливых преследователей, повернул назад по Эджуэр-роуд и угрюмо зашагал на север.

Он дошел до Уотэма, вновь повернул на запад и опять двинулся к Лондону, миновал кладбища, перевалил через холм Хайгейта — и среди дня перед ним снова раскинулся огромный город. Здесь он свернул в сторону и уселся в каком-то саду, опершись спиной о стену дома; отсюда ему был виден весь Лондон. Он тяжело дышал, лицо его потемнело — и народ больше не толпился вокруг, как в первый раз; люди попрятались в соседних садах и осторожно поглядывали на него из укрытий. Они уже знали, что дело куда серьезнее, чем казалось сначала.

— Чего они ко мне привязались? — ворчал молодой

гигант.— Надо же мне поестъ. Чего они никак не отвязуются?

Так он сидел, грыз кулак и угрюмо глядел на лежащий внизу город. После всех блужданий на сердце накопало: душили усталость, тревога, растерянность, бессильный гнев.

— Делать им нечего...— шептал он.— Делать им нечего. Нипочем не отвязуются, так и путаются под ногами. А все от нечего делать,— повторял он снова и снова.— У-у, козявки!

Он с ожесточением кусал пальцы, лицо его стало мрачнее тучи.

— Работай на них, маши кайлом!— шептал он.— Они везде хозяева! А я никому не нужен... деваться некуда.

И вдруг горло ему перехватило от ярости: на ограде сада показалась уже знакомая фигура в синем.

— Отвяжитесь вы от меня!— рявкнул гигант.— Отвяжитесь!

— Я обязан исполнить свой долг,— ответил полицейский; он был бледен, но весьма решителен.

— Отвяжитесь вы! Мне тоже надо жить! Мне надо думать. И надо есть. И отвяжитесь вы от меня.

Маленький полицейский все сидел верхом на стене, подступить ближе он не решался.

— На то есть закон,— сказал он.— Не мы же его выдумали.

— И не я,— возразил Кэддлс.— Это вы, козявки, навывдумывали, меня тогда еще и на свете не было. Знаю я вас и ваши законы! То делай, того не делай. Работай, как проклятый, или помирай с голоду — ни тебе еды, ни отдыха, ни крова, ничего... А еще говорите...

— Я тут ни при чем,— сказал полицейский.— Как да почему — это пускай тебе другие растолкуют. Мое дело исполнять закон.— Он перекинул через стену вторую ногу и приготовился прыгнуть вниз; за ним показались еще полицейские.

— Послушайте, я с вами не ссорился.— Кэддлс ткнул худым пальцем в полицейского, краска сбежала с его лица, и он крепко стиснул в руке огромную железную булаву.— Я с вами не ссорился. Но лучше отвяжитесь!

Полицейский старался держаться спокойно, как будто все это в порядке вещей, и, однако понимал: происходит чудовищное и непоправимое.

— Где приказ? — обратился он к кому-то из стоявших сзади, и ему подали клочок бумаги.

— Отвяжитесь вы, — повторил Кэддлс; он выпрямился, весь подобрался, смотрел утрумо и зло.

— Здесь написано, что ты должен вернуться домой, — сказал полицейский, все еще не начиная читать. — Иди назад в свою каменоломню. Не то будет худо.

В ответ Кэддлс зарычал что-то невнятное.

Тогда бумагу прочитали, и офицер сделал знак рукой. На гребне стены появились четверо вооруженных людей и с нарочитой невозмутимостью выстроились в ряд. На них была форма стрелков из отряда по борьбе с крысами. При виде ружей Кэддлс пришел в ярость. Он вспомнил жгучие уколы от фермерских дробовиков в Рекстоне.

— Вы хотите стрелять в меня из этих штук? — спросил он, показывая пальцем на ружья, и офицер вообразил, что великан испугался.

— Если ты не вернешься в свой карьер...

Он не договорил и кубарем скатился со стены, спасаясь от неминуемой смерти: огромный железный столб, вскинутый могучей рукой на высоту шестидесяти футов, с размаху опускался прямо на него. Бац! Бац! Бац! — грохнули залпы из винтовок, рассчитанных на крупного зверя. Трах — рассыпалась стена от страшного удара, полетели комья взрытой, развороченной земли. И еще что-то взлетело вместе с землей, что-то алое брызнуло на руку одному из людей с винтовками. Стрелки бросались из стороны в сторону, увертываясь от ударов, и храбро продолжали стрелять на бегу. А молодой Кэддлс, уже дважды простреленный, топтался на месте и озибался, не понимая, кто так больно жалит его в спину. Бац! Бац! Дома, беседки, сады, люди, что опасливо выглядывали из окон, — все это вдруг страшно и непонятно заплесало перед глазами. Он споткнулся, сделал три неверных шага, взмахнул своей огромной булавой и, выронив ее, схватился за грудь. Острая боль пронзила его насквозь.

Что это у него на руке, горячее и мокрое?..

Один здешний житель, глядевший из окна спальни, видел: великан испуганно посмотрел на свою ладонь — она была вся в крови, — сморщился, чуть не плача, потом ноги его подкосились, и он рухнул на землю — первый побег гигантской крапивы, с корнем вырванный твердой рукой Кейтэрема, но отнюдь не тот, который новому премьер-министру хотелось выполоть прежде всего.

Глава IV *Два дня из жизни Редвуда*

I

Едва Кейтэрем понял, что пробил его час и можно рвать крапиву с корнем, он самовластно отдал приказ об аресте Коссара и Редвуда.

Взять Редвуда было нехитро. Он недавно перенес тяжелую операцию, и до полного выздоровления врачи всячески оберегали его покой. Но теперь они избавили его от своей опеки. Он только что встал с постели и, сидя у камина, просматривал кипу газет; он впервые узнал о предвыборной шумихе, из-за которой страна попала в руки Кейтэрема, и о том, какие тучи нависли над принцессой и его сыном. Было утро того самого дня, когда погиб молодой Кэддлс и когда полиция пыталась преградить Редвуду-младшему дорогу к принцессе. Но последние газеты, лежавшие перед старым ученым, лишь глухо и невнятно предвещали эти события. И Редвуд с замиранием сердца читал и перечитывал первые намеки на близкую беду, читал — и все явственней ощущал дыхание смерти, и все-таки снова читал, пытаясь как-то занять мысли в ожидании свежих новостей. Когда слуга ввел в комнату полицейских чиновников, он вскинул голову, полный жадного нетерпения.

— А я-то думал, вечерняя газета, — сказал он, но тотчас изменился в лице и встал.

— Что случилось?

После этого он два дня был отрезан от всего мира.

Они явились в карете и хотели увезти его, но, видя, что он болен, решили еще день-другой его не трогать,

а пока наводнили весь дом полицейскими и превратили во временную тюрьму. Это был тот самый дом, где родился Редвуд-великан, дом, в котором человек впервые вкусил Гераклеофорбию; Редвуд-отец уже восемь лет как овдовел и теперь жил здесь совсем один.

Он сильно поседел за эти годы, острая борода стала совсем белая, но карие глаза смотрели живо и молодо. Он по-прежнему был сухощав, говорил негромко и учтиво, а в чертах его появилась та особенная значительность, которую нелегко определить словами: ее рождают годы раздумий над великими вопросами. Полицейский чин, явившийся арестовать Редвуда, был озадачен — уж очень не вязалась наружность этого человека с чудовищными злодеяниями, в которых его обвиняли.

— Надо же, — сказал чин своему помощнику. — Этот старикан из кожи вон лез, хотел всю землю перевернуть вверх тормашками, а с виду он ни дать ни взять мирный деревенский житель из благородных. А вот наш судья Бейдроби уж так печется о порядке и приличии, а рыло у него, как у борова. И потом — у кого какая манера! Этот вон какой обходительный, а наш знай фыркает да рычит. Стало быть, по видимости не суди, копай глубже — верно я говорю?

Но недолго полицейским пришлось хвалить Редвуда за обходительность. Он оказался очень беспокойным арестантом, и под конец они сказали ему наотрез: хватит приставать да расспрашивать, и газет он тоже не получит. Вдобавок они произвели небольшой обыск и отобрали даже те газеты, которые у него были. Уж он и кричал и пробовал увещевать их — все напрасно.

— Как же вы не понимаете, — повторял он снова и снова, — мой сын попал в беду, мой единственный сын! Меня сын заботит, а вовсе не Пища.

— Ничего не могу вам про него сказать, сэр, — ответил полицейский чин. — И рад бы, но у нас строгий приказ.

— Кто отдал такой приказ?

— Ну, уж это сэр... — чин развел руками и направился к двери...

— Все шагает из угла в угол, — докладывал потом второй полицейский начальнику. — Это хорошо. Может, малость поуспокоиться.

— Хорошо бы,— согласился начальник.— По правде сказать, я про это и не думал, а ведь тот великан, что связан с принцессой, нашему старику родной сын.

Трое полицейских переглянулись.

— Тогда ему, конечно, трудновато,— сказал наконец ретий.

Как постепенно выяснилось, Редвуд еще не совсем понимал, что он отрезан от внешнего мира как бы железным занавесом. Охрана слышала, как он подходил к двери, дергал ручку и гремел замком; потом доносился голос часового, стоявшего на площадке лестницы, он уговаривал ученого не шуметь: так, мол, не годится. Затем они слышали, что он подходит к окнам, и видели, как прохожие поглядывают наверх.

— Так не годится,— сказал помощник.

Потом Редвуд начал звонить. Начальник охраны поднялся к нему и терпеливо объяснил, что из такого трезвона ничего хорошего не выйдет: если арестованный станет зря звонить, его оставят без внимания, а потом ему и впрямь что-нибудь понадобится — да никто не придет.

— Если нужно что дельное, мы к вашим услугам, сэр,— сказал он.— Ну, а если вы это только из протеста, придется нам отключить звонок, сэр.

Последнее, что услышал он, уходя, был пронзительный выкрик Редвуда:

— Вы хоть скажите мне — может быть, мой сын...

II

После этого разговора Редвуд-старший почти не отходил от окна.

Но, глядя в окна, мало что можно было узнать о ходе событий. Эта улица, и всегда тихая, в тот день была еще тише обычного: кажется, за все утро не проехал ни один извозчик, ни один торговец с тележкой. Изредка появится пешеход — по его виду никак нельзя понять, что делается в городе; пробежит стайка детей, пройдет нянька с младенцем или хозяйка за покупками, и все в этом же роде. Случайные прохожие появлялись то справа, то сле-

ва, то с одного конца улицы, то с другого, и, к досаде Редвуда, их явно ничто не занимало, кроме собственных забот; они удивлялись, заметив дом, окруженный полицией, оглядывались, а то и пальцем показывали — и шли дальше, в ту сторону, где над тротуаром нависали ветви гигантской гортензии. Иногда какой-нибудь прохожий спрашивал о чем-то полицейского, и тот коротко отвечал...

Дома на другой стороне улицы словно вымерли. Один раз из окна какой-то спальни выглянула горничная, и Редвуд решил подать ей знак. Сначала она с интересом следила, как он машет руками, и даже пыталась отвечать, но вдруг оглянулась и поспешно отошла от окна... Из дома номер 37 вышел старик, хромая, спустился с крыльца и проковылял направо, даже не взглянув наверх. Потом минут десять по улице расхаживала одна лишь кошка.

Так и тянулось то знаменательное, нескончаемое утро.

Около полудня с соседней улицы донесся крик газетчиков; но они пробежали мимо. Против обыкновения ни один не завернул в его улицу, и Редвуд заподозрил, что их не пустила полиция. Он попытался открыть окно, но в комнату сейчас же вошел полицейский...

Часы на ближайшей церкви пробили двенадцать, потом, спустя целую вечность, — час.

Точно в насмешку, ему аккуратнейшим образом подали обед. Он проглотил ложку супа, немного поковырял второе, чтобы его унесли, выпил изрядную порцию виски, потом взял стул и вернулся к окну. Минуты растягивались в унылые, нескончаемые часы, и он незаметно задремал...

Внезапно он проснулся со странным ощущением, словно от далеких подземных толчков. Минуту-другую окна дребезжали, как при землетрясении, потом все замерло. После короткого затишья далекий грохот повторился. И опять тишина. Он решил, что по улице прогромыхала какая-нибудь тяжело груженная повозка. Что же еще могло быть?

А немного погодя он и вовсе усомнился, не померещилось ли.

Другие мысли не давали ему покоя. Почему все-таки его арестовали? Вот уже два дня, как Кейтэрем пришел к власти — самое время ему взяться «полоть крапиву». Вырвать крапиву с корнем! Вырвать с корнем гигантов! Эти слова назойливо, неотступно звенели в мозгу Редвуда.

В конце концов что может сделать Кейтэрем? Он человек верующий. Казалось бы, уже одно это обязывает его воздержаться от неоправданного насилия.

Вырвать крапиву с корнем! Допустим, принцессу схватят и выплют за границу. И у сына могут быть неприятности. Тогда... Но почему арестовали его самого? Зачем все это от него скрывать? Нет, видно, происходит нечто более серьезное.

Допустим, они там задумали посадить за решетку всех великанов. Всех их арестуют одновременно. Такие намеки проскальзывали в предвыборных речах. А дальше что?

Без сомнения, схватили и Коссара.

Кейтэрем — человек верующий. Редвуд цеплялся за эту мысль. Но где-то в глубине сознания словно протянулась черная завеса, и на ней то вспыхивали, то гасли огненные знаки и складывались в одно только слово. Он отбивался, гнал от себя это слово. Но огненные знаки вспыхивали вновь, точно кто-то все снова начинал писать и не мог дописать до конца.

Наконец он решился прочесть это слово: «Резня»! Вот оно, жестокое, беспощадное.

Нет! Нет! Немыслимо! Кейтэрем — человек верующий, и он не дикарь. И неужели после стольких лет, после таких надежд!..

Редвуд вскочил и заметался по комнате. Он разговаривал сам с собой, он кричал:

— Нет!!

Человечество еще не настолько обезумело, конечно, нет! Это невероятно, невысказанно, этого не может быть! Какой смысл истреблять людей-гигантов, когда гигантизм неотвратимо овладевает всеми низшими формами жизни? Нет, не могли они настолько обезуметь!

— Вздор, такие мысли надо гнать, — сказал он себе. — Гнать и гнать! Решительно и бесповоротно!

Он умолк на полуслове. Что такое? Стекла опять дребезжат, и это не мерещится. Он подошел к окну. То, что он увидел напротив, тотчас подтвердило, что слух не обманул его. В окне спальни дома № 35 стояла женщина с полотенцем в руках, а в столовой дома № 37 из-за вазы с букетом гигантских левкоев выглядывал мужчина: оба с тревожным любопытством смотрели на улицу. Редвуд ясно видел, что и полицейский у его крыльца слышал тот же далекий гул. Нет, конечно, это не почудилось.

Он отошел в глубь комнаты. Смеркалось.

— Стреляют, — сказал он.

И задумался.

— Неужели стреляют?

Ему подали крепкий чай, точно такой, какой он привык пить. Видно, посоветовались с его экономкой. Чай он выпил, но от волнения ему уже не сиделось у окна, и он зашагал из угла в угол. Теперь он мог мыслить более последовательно.

Двадцать четыре года эта комната служила ему кабинетом. Ее обставили к свадьбе, и почти вся мебель сохранилась с того времени: громоздкий письменный стол с множеством ящичков и ящичков; вертящийся стул; покойное кресло у камина, вертящаяся этажерка с книгами; в нише — солидная картотека. Пестрый турецкий ковер, некогда чересчур яркий, и все коврики и занавески поздневикторианского периода с годами немного потускнели, и теперь смягчившиеся краски только радовали глаз; отблески огня мягко играли на меди и латуни каминных решеток и украшений. Вместо керосиновой лампы былых времен горело электричество — вот главное, что изменилось за двадцать четыре года. Но к этой добротной старомодности примешалось и многое другое, свидетельствуя о том, что хозяин кабинета причастен к Пище богов. Вдоль одной из стен, выше панели, висел длинный ряд фотографий в строгих рамках. Это были фотографии его сына, сыновей Коссара и других Чудо-детей, снятых в разные годы их жизни, в разных местах. В этом собрании нашлось место даже для не слишком выразительных черт юного Кэддлса. В углу стоял сноп гигантской травы из Чизинг Айбрайта, а на столе лежали три пустые коробоч-

ки мака величиной со шляпу. Карнизами для штор служили стебли травы. А над камином желтоватый, точно старая слоновая кость, зловеще скалился череп гигантского кабана из Окхема, в его пустые глазницы были вставлены китайские вазы...

Редвуда потянуло к фотографиям, и особенно захотелось взглянуть на сына.

Эти снимки вызывали бесконечные воспоминания о том, что уже стерлось в памяти, — о первых днях создания Пищи, о скромном Бенсингтоне и его кузине Джейн, о Коссаре и о ночи великих трудов, когда жгли опытную ферму. Все эти воспоминания всплыли теперь, такие далекие, но яркие и отчетливые, точно он видел их через бинокль в солнечный день. Потом он вспомнил огромную детскую, младенца-великана, его первые слова и первые проблески его детской привязанности.

Неужели стреляют?

И вдруг его ошеломила грозная догадка: где-то там, за пределами этой проклятой тишины и неизвестности, бьется сейчас его сын, и сыновья Коссара, и остальные гиганты — чудесные первенцы грядущей великой эпохи. Бьются насмерть! Может быть, сейчас, в эту самую минуту, сын его загнан в тупик, затравлен, ранен, повержен...

Редвуд отшатнулся от фотографий и снова забегал взад и вперед по комнате, отчаянно размахивая руками.

— Не может быть! — восклицал он. — Не может быть! Не может все так кончиться!

Но что это?

Он остановился как вкопанный.

Опять задрезжали окна, потом тяжело ударило, да так, что весь дом содрогнулся. На этот раз землетрясение, кажется, длилось целую вечность. И где-то совсем близко. Мгновение Редвуду казалось, что на крышу дома рухнуло что-то огромное, от толчка вдребезги разлетелись стекла... и снова тишина, и затем звонкий, частый топот: кто-то бежал по улице.

Этот топот вывел Редвуда из оцепенения. Он обернулся к окну — стекло было разбито, трещины лучами разбежались во все стороны.

Сердце сильно билось: вот она, развязка, долгожданный решительный час. Да, но сам-то он бессилен помочь, он пленник, отделенный от всего мира плотной завесой!

На улице ничего не было видно, и электрический фонарь напротив почему-то не горел; и после первых тревожных отзвуков чего-то большого и грозного слышно тоже ничего не было. Ничего, что разъяснило бы или еще углубило тайну; только небо на юго-востоке вскоре вспыхнуло красноватым трепетным светом.

Зарево то разгоралось, то меркло. И когда оно меркло, Редвуд начинал сомневаться: а может быть, и это просто мерещится? Но сгущались сумерки — и зарево понемногу разгоралось ярче. Всю долгую, тягостную ночь оно неотступно стояло перед ним. Порой ему казалось, что оно дрожит, словно где-то там, внизу, пляшут языки пламени, а в следующую минуту он говорил себе, что это просто отблеск вечерних фонарей. Ползли часы, а зарево то меркло, то вновь разгоралось, и только под утро исчезло, растворилось в нахлынувшем свете зари. Неужели это означало... Что это могло означать? Почти наверняка где-то вдали или поблизости случился пожар, но даже не различишь, что за тень струится по небу — дым или гонимые ветром облака. Но около часа ночи по этому багровящему тревожному небу замечались лучи прожекторов — и не успокаивались до рассвета. Быть может, и это тоже означало... Мало ли что это могло значить! Но что же это все-таки значило? Всю ночь он глядел на тревожные отблески в небе, вспоминал тот тяжелый грохот — и строил догадки. Не взрыв ли то был? Но ведь потом не слышно было шума, беготни, лишь далекие крики... Может просто поскандалили пьяные на соседней улице...

Редвуд не зажигал огня; из разбитого окна дуло, но старик не уходил от него, и полицейский, который то и дело заглядывал в комнату и уговаривал его лечь, видел лишь маленький, скорбно застывший черный силуэт...

Всю ночь напролет стоял Редвуд у окна и смотрел на плывущие в небе странные облака; лишь на рассвете усталость сломила его, и он прилег на узкую кровать, которую ему поставили между письменным столом и угасающим камином, под черепом гигантского кабана.

Тридцать шесть долгих часов Редвуд оставался взаперти под домашним арестом, отрезанный от событий трагических Двух Дней, когда на заре великой новой эры пигмеи пошли войной на Детей Пищи. И вдруг железный занавес поднялся, и ученый очутился в самой гуще борьбы. Занавес поднялся так же неожиданно, как опустился. Вечером Редвуд услышал стук колес, подошел к окну и увидел, что у дверей остановился извозчик; через минуту приехавший уже стоял перед Редвудом. Это был человек лет тридцати, тщедушный, гладко выбритый, одетый с иголки и весьма учтивый.

— Мистер Редвуд, сэр,— начал он,— не будете ли вы так любезны отправиться со мной к мистеру Кейтэрему? Он желал бы видеть вас безотлагательно...

— Видеть меня!..— В мозгу Редвуда вспыхнул вопрос, который ему не сразу удалось выговорить. Он чуть помедлил. Потом спросил срывающимся голосом:

— Что Кейтэрем сделал с моим сыном?

Затаив дыхание, он ждал ответа.

— С вашим сыном, сэр? Насколько мы можем судить, ваш сын чувствует себя хорошо.

— Чувствует себя хорошо?

— Вчера он был ранен, сэр. Разве вы не слышали?

От этого лицемерия Редвуд вышел из себя. В голосе его звучал уже не страх, а гнев:

— Вы прекрасно знаете, что я не слыхал. Как вам известно, я не мог ничего слышать.

— Мистер Кейтэрем опасался, сэр... Такие события, бунт... И так неожиданно... Нас застали врасплох. Он арестовал вас, чтобы спасти от какой-либо несчастной случайности...

— Он арестовал меня, чтобы я не мог предупредить сына и помочь ему советом. Ну, что же дальше? Рассказывайте. Что произошло? Вы победили? Удалось вам их перебить?

Молодой человек шагнул было к окну и обернулся.

— Нет, сэр,— ответил он кратко.

— Что вам поручили мне передать?

— Уверю вас, сэр, столкновение произошло не по нашей вине. Для нас это была совершенная неожиданность...

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, сэр, что гиганты в какой-то степени сохранили свои позиции.

Весь мир словно светом озарился. Потрясенный Редвуд чуть не зарыдал, горло сжала судорога, лицо исказилось. Но тотчас он глубоко, с облегчением вздохнул. Сердце радостно заколотилось: значит, гиганты сохранили свои позиции!

— Был жестокий бой... разрушения ужасные. Какое-то чудовищное недоразумение... На севере и в центральных графствах многие гиганты погибли... Это охватило всю страну.

— И они продолжают драться?

— Нет, сэр. Поднят белый флаг.

— Кто поднял, они?

— Нет, сэр. Перемирие предложил мистер Кейтэрем. Все это — чудовищное недоразумение. Потому он и хочет с вами побеседовать, изложить вам свою точку зрения. Настаивают, чтобы вы вмешались.

Редвуд перебил его:

— Вам известно, что с моим сыном?

— Он был ранен.

— Да говорите же! Рассказывайте!

— Он шел с принцессой... тогда еще не был завершён маневр по... м-м... окружению лагеря Коссаров... этой ямы в Чизлхерсте. Ваш сын с принцессой шли напролом сквозь чащу гигантского овса, вышли к реке и наткнулись на роту пехоты... Солдаты весь день нервничали... вот и началась паника.

— Они его застрелили?

— Нет, сэр. Они разбежались. Но некоторые стреляли... С перепугу, наобум. Это было нарушение приказа, сэр.

Редвуд недоверчиво хмыкнул.

— Можете мне поверить, сэр. Не стану кривить душой, приказ был отдан не ради вашего сына, а ради принцессы.

— Да, этому можно поверить.

— Они оба с криком бежали к крепости. Солдаты метались во все стороны, потом кое-кто начал стрелять. Видели, как он споткнулся.

— Ох!

— Да, сэр. Но мы знаем, что рана несерьезная.

— Откуда знаете?

— Он передал, что чувствует себя хорошо, сэр.

— Передал для меня?

— Для кого же еще, сэр.

Минуту Редвуд стоял, прижав руки к груди, и старался осмыслить услышанное. Потом его возмущение вырвалось наружу:

— Так, значит, вы как дураки, просчитались, не справились и сели в лужу, а теперь еще прикидываетесь, что вовсе и не думали убивать! И потом... Что с остальными?

Молодой человек посмотрел вопросительно.

— С остальными гигантами,— нетерпеливо пояснил Редвуд.

Его собеседник больше не притворялся, что не понимает.

— Тринадцать убито, сэр,— ответил он упавшим голосом.

— И есть еще раненые?

— Да, сэр.

Редвуд задохнулся от ярости.

— И Кейтэрем хочет, чтоб я с ним разговаривал! — крикнул он. — Где остальные?

— Некоторые добрались до крепости еще во время сражения, сэр... Они, видимо, этого ждали...

— Мудрено было не ждать. Если бы не Коссар... А Коссар там?

— Да, сэр. И там все уцелевшие гиганты... Те, что не добрались в Чизлхерст во время боя, уже пришли туда, пользуясь перемирием, или идут сейчас.

— Стало быть, вы разбиты,— сказал Редвуд.

— Мы не разбиты. Нет, сэр. Нельзя сказать, что мы разбиты. Но ваши гиганты ведут войну не по правилам. Они нарушают все законы, так было прошлой

ночью и вот теперь опять. Мы уже прекратили атаку, оттянули войска. И вдруг сегодня — бомбардировка Лондона...

— Это их право!

— Но снаряды начинены... ядом...

— Ядом?

— Да, ядом. Пищей...

— Гераклеофорбией?

— Да, сэр. Мистер Кейтэрем хотел бы, сэр...

— Вы разбиты! Теперь ваша игра проиграна! Молодец, Коссар! Что вам остается делать? Как ни старайтесь, толку не будет. Теперь вы будете вдыхать ее с пылью на каждой улице. Какой же смысл драться? Воевать по правилам, как бы не так! И ваш Кейтэрем воображает, что я приду ему на выручку?! Просчитались, молодые люди! На что мне этот пустозвон? Он лопнул, как мыльный пузырь! Довольно он убивал, и врал, и путал, его песенка спета. Зачем я к нему пойду?

Молодой человек слушал внимательно и почтительно.

— Дело в том, сэр, — вставил он, — что гиганты непременно хотят вас видеть. Они не желают признавать никаких других парламентаров. Боюсь, что, если вы к ним не пойдете, сэр, опять прольется кровь.

— Ваша? Очень может быть.

— Нет, сэр, и их кровь тоже. Человечество больше этого не потерпит — с гигантами будет покончено.

Редвуд обвел взглядом свой кабинет. Задержался на портрете сына. Обернулся — и встретил вопрошающий взгляд молодого человека.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я пойду.

IV

Встреча с Кейтэремом вышла совсем не такая, как ожидал Редвуд. Он видел великого демагога всего два раза в жизни: один раз на банкете, второй — в кулуарах парламента — и представлял себе его больше по газетам и карикатурам: легендарный Кейтэрем, Джек-Потрошитель великанов, Персей и прочее. Встреча с живым человеком опрокинула это представление.

Он увидел не то лицо, что примелькалось на портретах и шаржах, но лицо человека, измученного бессонницей и усталостью: морщинистое, осунувшееся, с желтоватыми белками глаз и обмякшим ртом. Конечно, карие глаза были те же, и те же черные волосы, и тот же четкий орлиный профиль, но было и нечто иное, от чего гнев Редвуда сразу погас, и он не разразился приготовленной речью. Этот человек страдал, жестоко страдал: в нем чувствовалось непомерное напряжение. В первую секунду он, казалось, только играл самого себя. А потом один жест, пустячное, но предательское движение — и Редвуд понял, что Кейтэрем подхлестывает себя наркотиками. Он сунул большой палец в жилетный карман и после нескольких фраз, уже не скрываясь, положил в рот маленькую таблетку.

Более того, несмотря на неестественное напряжение, сквозившее во всем его облике, несмотря на то, что он был лет на двенадцать моложе ученого и во многом перед ним не прав, Редвуд сразу почувствовал: еще и сейчас есть в Кейтэреме какая-то особая сила — личное обаяние, что ли, — которая принесла ему славу и губительную власть. Этого Редвуд тоже не предвидел. Кейтэрем сразу взял над ним верх. Он задавал тон и направление разговору. Это произошло как-то само собой. В присутствии Кейтэрема все намерения Редвуда разлетелись, как дым. Здороваясь, Кейтэрем протянул руку — и Редвуд пожал ее, а ведь он решил было отвергнуть эту фамильярность! И с первого слова Кейтэрем разговаривал так, как будто их постигла общая беда и они должны вместе найти выход.

Лишь изредка он сбивался: от усталости забывал о собеседнике, о цели этой встречи — и впадал в привычный ораторский пафос. Но тотчас, почувяв свою ошибку, весь подбирался (во время разговора оба стояли), отводил глаза и начинал влиять и оправдываться. Один раз он даже сказал: «Джентльмены!»

Начал он негромко, но постепенно фразы становились все эффектнее и голос креп...

Минутами разговор превращался в монолог, Редвуду оставалось только слушать. Он имел честь лицезреть не-

обычайное явление. Право, кажется, перед ним существо иной породы, сладкоречивое и сладкогласное — говорит, говорит, завораживает словами... Какой могучий ум — и какой ограниченный! Какая неукротимая энергия, натиск, самоуверенность, — но и непобедимая глухота и невосприимчивость ко всему неуголному! Станный, неожиданный образ предстал перед внутренним взором Редвуда. Кейтэрем не просто противник, такой же человек, как он сам, способный отвечать за свои слова и поступки и выслушать разумные доводы, — нет, это нечто иное, какой-то невиданный носорог, да, цивилизованный носорог, порождение демократических джунглей, чудовище сокрушительное и несокрушимое. В свирепых стычках, что разыгрываются в дебрях политики на каждом шагу, ему нет равных. Ну, а дальше что? Этот человек, кажется, самой природой создан для того, чтобы пробивать себе дорогу в толпе. Для него самый тяжкий грех — противоречить себе, важнейшая из наук — примирять «интересы». Требования экономики, географические особенности страны, почти не тронутые сокровища научных методов и открытий — это для него все равно, что для его толстокожего прототипа в животном царстве — железные дороги, ружья или записки знаменитых путешественников. Он только и признает митинги, предвыборные махинации, подтасовку и давление на избирателей — и голоса, главное, голоса! Он и есть воплощение этих голосов — миллионов голосов.

И даже в час великого кризиса, когда гиганты были отброшены, но не разбиты, он говорил, это чудовище от баллотировки.

Было совершенно ясно, что и теперь он ничего не знает и не понимает. Не знает, что есть на свете законы физики и законы экономики, количественные отношения и качественные реакции, которые нельзя опровергнуть и отменить, даже если все человечество проголосует *potius contradicente*¹, и послушаться их — значит погибнуть. Не знает, что есть нравственные законы, которые невозможно подавить силой одного лишь обаяния: придавленные, они мстительно распрямляются, точно сжатая

¹ Единодушно выскажется против (лат.)

пружина, и наносят ответный удар. Да, видно, и под пулями и в день Страшного суда этот человек попытался бы спрятаться за какой-нибудь хитроумной парламентской уловкой.

И сейчас его больше всего заботили не грозные силы, что удерживали свою крепость там, на юге, не поражение и не смерть — его тревожило одно: как все это отразится на парламентском большинстве; ничего важнее этого большинства для него не существовало. Он должен победить гигантов или погибнуть! И он вовсе не отчаивался. В этот час рушились все его планы, руки обагрила кровь, он был повинен в страшном бедствии и готов вызвать бедствия еще более страшные. Грядущий мир, великий мир гигантов надвигался на него, грозил опрокинуть его и раздавить, а он все еще верил, что былое могущество можно вернуть, просто-напросто повысив голос, что надо только снова и снова разъяснять, определять, утверждать... Без сомнения, он был озадачен и растерян, этот усталый, страдающий человек, но хотел он только одного: гнуть свою линию и говорить, говорить...

Он говорил, и Редвуду казалось, что собеседник то наступает, то отступает, то делается выше ростом, то съеживается. Редвуд почти не участвовал в разговоре, ему лишь изредка удавалось вставить словечко вроде: «Все это чепуха», «Нет», «Об этом нечего и думать», «Зачем же вы начали?»

Кейтэрем, вероятно, просто не слышал. Его речь обтекала любое возражение ученого, как быстрая речка обтекает скалу. Этот поразительный человек стоял на ковре перед камином в своем министерском кабинете и говорил, говорил без передышки, убедительно, блестяще, неутомимо, словно боялся, что, умолкну он хоть на миг, прерви этот поток доводов, так, а не иначе освещенных фактов, соображений, рассуждений и объяснений, — и тотчас в паузу ворвется какая-то враждебная сила, вернее — враждебный голос, ибо никакой силы и деятельности, кроме словесной, он не понимал и не признавал. Так он стоял среди слегка потускневшей роскоши министерского кабинета, в котором до него сменилось немало людей, столь же свято веривших, будто в управлении

империей самое главное — вовремя вставить нужное слово.

И чем больше он говорил, тем острее чувствовал Редвуд, до чего все это бесплодно и безнадежно. Неужели этот человек не понимает, что, пока он разглагольствовал, весь мир пришел в движение, что выше и выше вздымаются волны необоримого гигантского роста человечества, что время существует не только для парламентских дебатов и, кроме пустых слов, есть другое оружие в руках мстителей за пролитую кровь! Лист гигантского плюща стучался в окно, застил свет в кабинете, а Кейтэрем этого и не замечал.

Редвуду не терпелось прервать этот поразительный монолог, бежать отсюда в мир разума и здравого смысла, в осажденный лагерь: там оплот грядущего, зерно будущего величия, там собрались его Сыновья. Ради них он и терпел нелепую болтовню. Но нет, довольно, пусть кончится этот невероятный монолог, иначе, кажется, его унесет потоком слов... Видно, голос Кейтэрема, как наркотик, — ему надо сопротивляться, не то усыпит, околдует. Наслушаешься его — и самые простые, очевидные истины становятся неузнаваемы.

Что же он говорит?

Пожалуй, это все-таки существенно, ведь надо будет пересказать его слова Детям Пищи. И Редвуд стал слушать, стараясь, однако, не терять чувства реальности.

Говорит, как тяжело ему, что на его совести пролитая кровь. Соловьем разливается. Не обращать внимания. Дальше?

Предлагает прийти к соглашению.

Предлагает, чтобы оставшиеся в живых Дети Пищи сложили оружие, отделились и образовали особую общину. Ссылается на прецеденты.

— Мы выделим им территорию.

— Где? — прервал Редвуд, снисходя до обсуждения.

Кейтэрем ухватился за эту возможность. Он повернулся к Редвуду и, понизив голос, заговорил вкрадчиво и очень убедительно. Уточнить можно будет позже. Это

вопрос второстепенный. И продолжал перечислять условия:

— Но мы сохраняем полный контроль — гиганты поселятся в одном месте, а во всем остальном мире Пища и все ее плоды будут уничтожены.

Редвуд поймал себя на том, что начинает торговаться.

— А что будет с принцессой?

— На нее это не распространяется.

— Ну нет, — ответил Редвуд, стараясь снова обрести твердую почву под ногами. — Это нелепо.

— Решим потом. Итак, поскольку мы с вами согласились, что изготовление Пищи будет прекращено...

— Я ни с чем не соглашался. Я не сказал ничего такого...

— Но мыслимо ли, чтобы на одной планете уживались два человеческих рода — гиганты и мы! Вдумайтесь в то, что уже произошло! Вдумайтесь, ведь это был лишь намек, репетиция: если дать Пище волю, нам не миновать событий несравнимо более трагических. Подумайте, сколько бедствий вы уже принесли миру! А если племя гигантов станет расти и множиться...

— Я не собираюсь с вами спорить, — прервал Редвуд. — Мне надо идти к Детям. Я хочу видеть сына. Вот почему я здесь. Скажите мне точно, что вы предлагаете.

Кейтэрем произнес длинную речь о своих условиях.

Детям Пищи отведут большую территорию в Северной Америке или, может быть, в Африке; там, в резервации, они смогут прожить свою жизнь по-своему.

— Но это же чушь. Гиганты уже есть и за границей. Они разбросаны по всей Европе.

— Можно подписать международную конвенцию. Это не исключено. О чем-то в таком духе уже шел разговор... А в резервации они могут жить, как им нравится. Пускай делают все что угодно и строят все что угодно. Мы будем только рады, если они станут работать для нас. И пусть живут в свое удовольствие. Обдумайте это!

— И все это при условии, что новых Детей Пищи не будет?

— Совершенно верно. Дети остаются нам и вырастут не больше, чем положено. Таким образом, сэр, мы спа-

сем мир, спасем навеки от плодов вашего страшного открытия. Еще не все потеряно. Но из милосердия мы не хотим начинать с крайних мер. Сейчас мы выжигаем и обезвреживаем все места, где вчера упали бомбы. Мы можем с ними справиться. Поверьте, что можем. Но хотелось бы обойтись без насилия, без несправедливостей...

— А если Дети не согласятся?

Кейтэрем впервые взглянул Редвуду прямо в глаза.

— Должны согласиться!

— Не думаю!

— Но почему же? — спросил Кейтэрем, разыгрывая глубокое изумление.

— Ну, а если они все-таки не согласятся?

— Тогда — только война! Мы не можем допустить, чтобы это продолжалось. Не можем, сэр! Неужели вы, ученые, совсем лишены воображения? Неужели вы чужды милосердия? Мы не можем допустить, чтобы наш мир погиб под пятой племени чудовищ и чудовищных растений — всего, что плодит ваша Пища, не можем, и еще раз не можем! Чем же прекратить все это, если не войной, сэр? И запомните: то, что произошло, — лишь начало. Легкая перестрелка. Полицейская операция. Поверьте, просто полицейская операция, и ничего более. Не обольщайтесь видимым превосходством оттого, что гиганты и все гигантское крупнее и сильнее нас. За нами вся страна, все человечество. На место тысяч убитых встанут миллионы. Мы не желаем кровопролития, сэр; если бы не это, мы бы уже сейчас предприняли новые атаки. Уничтожим ли мы эту Пищу, нет ли, но ваших сыновей мы уничтожим наверняка! Вы слишком полагаетесь на вчерашний день, на события каких-нибудь двадцати последних лет, на итог одного сражения. Вы не чувствуете, что ход истории последователен и нетороплив. Я предлагаю соглашение только потому, что не хочу лишних жертв, но все равно конец может быть только один. Если вы возомнили, будто жалкая горстка ваших гигантов устоит против наших войск и против войск всех других держав, что поспешат нам на помощь, если вы вознамерились вот так, одним махом, за одно поколение изменить человечество, переделать природу и облик человека...

Он картинно вскинул руку.

— Идите же к ним, сэр! Взгляните, как они, которые совершили столько зла, теперь притаились среди своих раненых...

Он остановился, словно взгляд его нечаянно упал на сына Редвуда.

Наступило молчание.

— Идите к ним, — повторил он.

— Только этого я и хочу.

— Так не медлите...

Он повернулся и нажал кнопку звонка; и тотчас где-то захлопали двери, раздались торопливые шаги.

Все слова были уже сказаны. Спектакль окончился. Кейтэрем сразу весь съежился, увял — очень усталый человек, невысокий, немолодой, лицо землистое. Он шагнул вперед, словно выступил из рамы портрета, и с самым дружелюбным видом протянул Редвуду руку, ибо мы, англичане, всегда притворяемся, будто общественные и политические разногласия ничуть не мешают нам прекрасно относиться друг к другу.

И невольно, как будто так и надо, Редвуд второй раз пожал ему руку.

Глава V *Осажденный лагерь*

I

Вскоре поезд уже уносил Редвуда через Темзу на юг. В свете огней блеснула вода, все еще курился дым на северном берегу, куда попали бомбы и куда потом стянули множество народу выжигать Гераклеофорбию на почве. Южный берег тонул во мраке, даже улицы почему-то не были освещены, выделялись лишь четкие контуры сигнальных выпек да темные глыбы зданий побольше; Редвуд с минуту тщетно всматривался в темноту, потом отвернулся от окна и ушел в свои мысли.

До встречи с Сыновьями больше нечего было делать и не на что смотреть...

Напряжение последних двух дней измучило его; как будто уже и не могло остаться никаких душевных сил, но

чашка черного кофе перед отъездом подкрепила его, и теперь мысль работала ясно и отчетливо. Он думал о многом. В свете того, что произошло, он снова проследил шаг за шагом, как была открыта Пицца и как она распространялась по всему миру.

— Бенсингтон считал, что это будет превосходное детское питание, — прошептал он, слабо улыбаясь.

И тут же вспомнил — так живо, словно они еще не были разрешены, — какие сомнения терзали его, когда он впервые дал Пиццу своему сынишке. С того часа, независимо от людей, которые пытались помешать ей или помочь, Пицца твердо и неуклонно пробивала себе дорогу, пока не рассеялась по всему миру. А теперь?

— Даже если их всех перебьют, — шептал Редвуд, — назад пути нет.

Секрет изготовления Пицци давно уже известен везде и всюду. И это дело его рук. Каков бы ни был исход сегодняшней битвы, растения, животные, подрастающие во множестве дети-гиганты потребуют своего и неизбежно принудят мир снова обратиться к Пицце.

— Назад пути нет, — повторил Редвуд. Но как он ни старался отвлечься, мысль упрямо возвращалась к судьбе сына и других детей. Каково-то им сейчас? Быть может, они измучены борьбой, изранены, голодают и им не устоять? А может быть, тверды, полны надежд и готовы к еще более грозным завтрашним боям?.. Сын ранен! Но ведь он просил передать отцу...

Редвуду снова вспомнилась утренняя встреча с Кейтэремом.

Наконец поезд остановился на станции Чизлхерст, и раздумья Редвуда оборвались. Он узнал городок по огромной сигнальной вышке на вершине Кэмденского холма и по кустам гигантского болиголова, цветущего вдоль дороги.

К нему подошел личный секретарь Кейтэрема, ехавший в соседнем купе, и сказал, что в полумиле отсюда путь поврежден и дальше придется ехать автомобилем. Редвуд вышел на платформу; здесь гулял холодный ночной ветер, было темно, только дежурный посветил им своим фонарем. И тотчас навалилась гнетущая тишина,

ибо это деревянное, заросшее сорными травами предместье совсем обезлюдело: еще накануне, едва началась схватка, жители поспешили укрыться в Лондоне. Провожатый вместе с Редвудом спустился с платформы к автомобилю (кроме его сверкающих фар, вокруг не было ни огонька), препоручил ученого шоферу и распрощался.

— Надеюсь, вы сделаете для нас все, что в ваших силах, — сказал он, совершенно в духе своего шефа, пожимая Редвуду руку.

Редвуда закутали пледом, и началось ночное путешествие. Автомобиль рванулся с места и мягко, бесшумно скользнул с холма. Поворот, другой, замелькали по сторонам роскошные виллы, потом впереди легла прямая, ровная дорога. На предельной скорости автомобиль мчался сквозь ночь. Под звездным небом разлилась тьма, весь мир словно сжался в комок и бесшумно исчез. Мимо по обе стороны дороги проносились какие-то немые, неподвижные предметы; мертвенно-белые покинутые виллы с черными провалами неосвещенных окон были точно вереница черепов. Шофер, сидя рядом, не раскрывал рта — то ли всегда был не речист, то ли опасная поездка отбила охоту разговаривать. На короткие вопросы Редвуда он что-то ворчал односложно и угрюмо. Лучи прожекторов, точно взмахи неслышных рук, обшаривали южный небосклон; в этом безлюдье и запустении они одни жили какой-то своей, непонятной жизнью.

Вскоре на дороге стало еще темней: по обе стороны ее поднялись гигантские кусты терновника, высоченные травы и мхи, настоящий лес крапивы; мелькали толстые стволы, причудливые кроны смутными силуэтами скользили в вышине. За Кестоном дорога пошла в гору, и автомобиль замедлил ход. На вершине холма он остановился. Мотор лихорадочно застучал и смолк. «Вон там», — сказал шофер и ткнул вперед черным бесформенным пальцем в кожаной перчатке.

Далеко-далеко (так показалось Редвуду) вздымалась в небо огромная насыпь, гребень ее венчала полоса яркого света, оттуда вырывались лучи прожекторов. Они вновь и вновь бродили над холмом, пробегали по обла-

кам, словно подчиняясь каким-то таинственным заклинаниям.

— Уж и не знаю, — вымолвил наконец шофер, он явно боялся ехать дальше.

Внезапно луч прожектора с высоты упал на них, словно бы вздрогнул и замер, всматриваясь, — слепящий глаз, блеск которого раздробили, но не умилили два или три ствола крапивы, оказавшиеся на его пути. Редвуд, заслонив глаза рукой в перчатке, точно щитком, старался выдержать этот взгляд, шофер последовал его примеру.

— Поедьте дальше, — сказал немного погодя Редвуд.

Шофер все еще колебался; он хотел высказать свои сомнения, но только повторил: «Уж и не знаю».

Наконец он решил.

— Ну, будь что будет, — буркнул он, завел мотор, и автомобиль снова тронулся; огромный сверкающий глаз неотступно следил за ним.

Редвуду казалось, что они едут уже не по земле, а в трепетном беге прорываются сквозь светящееся облако. Автомобиль, пытая и урча, рвался вперед, и шофер, право не знаю почему, должно быть от волнения, то и дело нажимал грушу рожка.

Потом они свернули в благодатную тьму какого-то проулка меж двух высоких заборов, спустились вниз, в лощину, миновали какие-то дома и опять въехали в полосу слепящего света. Дорога некоторое время бежала по открытому месту, и им снова казалось, что мотор пульсирует в пустоте без конца и края. Опять справа и слева появились высокие травы и вихрем унеслись прочь. И вдруг совсем рядом возник великан: ноги его сверкали в луче прожектора, голова и плечи смутно угадывались на фоне темного неба.

— Эй! — крикнул он. — Стойте! Дальше дороги нет... Это вы, папа Редвуд?

Редвуд встал и что-то крикнул в ответ, и тут откуда-то появился Коссар, крепко пожал ему обе руки и помог выйти из автомобиля.

— Как мой сын? — спросил Редвуд.

— Все в порядке, — ответил Коссар. — У него-то рана легкая.

— А ваши мальчишки?

— Хорошо. Все целы. Но драка была жестокая.

Великан что-то говорил шоферу. Редвуд отошел в сторону, автомобиль развернулся, и внезапно Коссар и все кругом скрылось, и он очутился в непроглядном мраке: луч прожектора провожал автомобиль до вершины Кестонского холма. Редвуд видел, как крохотная машина уносилась вдаль, окруженная белым ореолом. И странно, ему казалось, что движется не она сама, а только ореол. На мгновение луч выхватил из тьмы купу искалеченных во время перестрелки гигантских кустов бузины; они тянули иссеченные ветви, словно подавали какие-то знаки... Миг, и снова их поглотила ночь... Редвуд повернулся к Коссару, которого едва мог разглядеть в темноте, и стиснул его руку.

— Меня держали взаперти, — сказал он, — целых два дня я ничего не знал...

— Мы стреляли в них Пищей, — сказал Коссар. — Само собой разумеется! Тридцать выстрелов дали. Вот как!

— Меня прислал Кейтэрем.

— Знаю. — Коссар не без горечи засмеялся. — Верно, хочет идти на мировую.

II

— Где мой сын? — спросил Редвуд.

— О нем не беспокойтесь. Гиганты хотят знать, с чем вы пришли.

— Да, но мой сын...

Они с Коссаром спустились по длинному наклонному туннелю — на секунду здесь вспыхнул красноватый свет и сразу же погас — и вскоре очутились в убежище, построенном детьми Коссара.

Редвуду сначала показалось, что они вышли на огромную арену, окруженную очень высокими крутыми скалами и загроможденную какими-то непонятными предметами. Было темно, только мелькали отблески сторожевых прожекторов, круживших где-то в вышине, да в дальнем углу то вспыхивал, то потухал красноватый свет: там рабotalи два великана и слышался лязг металла. При новой

вспышке Редвуд заметил на фоне неба знакомые силуэты мастерских и площадок для игр, которые устроил когда-то Коссар для сыновей. Теперь они словно нависли над выступом скалы, странно перекосившиеся и изувеченные артиллерией Кейтэрема. Там, наверху, смутно виднелись огромные пушки, чуть ближе громоздились штабеля мощных цилиндров, — наверно, снаряды. А внизу, на этой исполинской арене, теснились в беспорядке громадные машины, постройки и еще что-то бесформенное и непонятное. Среди всего этого в неверном свете то появлялись, то исчезали гиганты — огромные, могучие, под стать всему окружающему. Одни работали, другие сидели и лежали, видно, пытаясь уснуть, а совсем рядом, на грубой подстилке из сосновых веток, спал раненый, весь в повязках. Редвуд напряженно всматривался, изучая одну за другой неясные движущиеся фигуры.

— Где мой мальчик, Коссар?

И тут он увидел сына.

Сын сидел в тени, у огромной стены из стали. Лица его не было видно, и отец узнал его только по привычной позе. Он сидел, опершись подбородком на руку, усталый или погруженный в свои мысли. Возле него Редвуд увидел темный силуэт, в котором угадал принцессу, а потом снова вспыхнуло пламя в дальнем углу, где шла работа, и на мгновение в алом отблеске показалось нежное лицо с выражением бесконечной доброты. Она стояла, опершись рукой о стальную стену, и смотрела на своего возлюбленного. Кажется, она что-то ему шептала.

Редвуд шагнул было к ним.

— Это после, — сказал Коссар. — Сперва расскажите, с чем вы пришли.

— Да, но... — начал Редвуд. И умолк.

Сын поднял голову и что-то говорил принцессе, но так тихо, что слов отец не разобрал. Лицо его было обращено к ней, а она наклонилась, но, прежде чем ответить, на миг отвела глаза.

— Но если мы разбиты... — донесся шепот молодого Редвуда.

Девушка промолчала, и при новой алой вспышке блеснули ее глаза, полные непролитых слез. Она наклонилась

ниже и заговорила еще тише. И, глядя на них, слушая их шепот, Редвуд-старший понял: они слишком поглощены друг другом... И он, который два долгих дня думал только о сыне, внезапно почувствовал себя лишним. Его словно вдруг остановили на бегу. И, может быть, впервые в жизни он понял: сын значит для отца несравнимо больше, чем отец — для сына, будущее неизмеримо важнее прошлого. Возле этих двоих ему делать нечего. Он уже сыграл свою роль. Внезапно поняв все это, он повернулся к Коссару. Глаза их встретились. И когда Редвуд заговорил, голос его звучал по-новому — хмуро и решительно.

— Сейчас я передам, что мне поручено, — сказал он. — А уж потом... С этим можно не спешить.

Котлован был настолько огромен и загроможден, что пришлось долго кружить и петлять, пока они добрались до места, откуда Редвуда могли слышать все сразу.

Крутой спуск под аркой из каких-то сцепленных друг с другом машин привел их с Коссаром в глубокую и широкую траншею, которая пересекала дно котлована. Обширная и пустая, она была сравнительно узка для великанов, но, как и все остальные предметы и постройки, заставила Редвуда еще острее ощутить, до чего он мал. Он шел словно по ущелью, но созданному не природой, а разумной силой. Высоко над головой, отделенные от него темными отвесными склонами насыпи, кружили и сияли лучи прожекторов и двигались, сверкая в лучах, гиганты. Перекликались гулкие голоса, Братья звали друг друга на военный совет — выслушать условия Кейтэрема. Траншея вела куда-то еще ниже, в черную пустоту, где скрывались тайны, густые тени, невообразимые и неразличимые предметы; и Редвуд шел медленно, недоверчиво, а Коссар шагал спокойно и уверенно...

Мысль Редвуда лихорадочно работала.

Потом они вступили в такую темень, что Коссар взял спутника за руку. Теперь они поневоле двигались еле-еле.

Редвуд не мог больше молчать.

— Все это так странно, — сказал он.

— Огромно, — поправил Коссар.

— Нет, странно. И странно, что это кажется стран-

ным мне... ведь в некотором смысле я сам положил этому начало. Это...

Он остановился, пытаясь найти ускользавшее слово, и жестом, невидимым в темноте, указал на насыпь.

— Раньше я об этом не думал. Я делал свое дело, а годы шли. Но здесь я вижу... Это — новое поколение людей, Коссар, у них другие чувства, другие запросы. Все это...

Теперь Коссар разглядел, что он обводит рукой все вокруг.

— Это Юность мира.

Коссар не ответил: тяжело, вперевадку, он шел вперед.

— Это уже не наша юность, Коссар. Они продолжают то, что мы начали. Но у них свои чувства, свой опыт и своя дорога. Мы создали новый мир, но он не принадлежит нам. Он даже какой-то чужой. Эта огромная крепость...

— Ее строили по моему проекту, — сдержанно заметил Коссар.

— Ну, а теперь?

— Что ж! Я отдал ее Сыновьям.

Редвуд не увидел, скорее ощутил широкий взмах его руки.

— В том-то и суть. С нами покончено или почти покончено.

— А ваша миссия? — напомнил Коссар.

— Конечно. Но потом...

— С нами покончено.

— Вот видите. Значит...

— Ну, конечно, мы вышли из игры, мы, два старика! — В голосе Коссара прорвалось хорошо знакомое Редвуду яростное нетерпение. — Конечно, так. Само собой разумеется. Всякому овощу свое время. А сейчас пришло их время. Так и должно быть. Мы расчистили для них почву. Сделали свое дело и уходим. Понятно? Для этого и существует смерть. Наш маленький мозг и маленькие чувства исчерпываются, и тогда молодые начинают все снова. Снова и снова! Очень просто. Чего ж тут огорчаться?

Он перевел дух и помог Редвуду подняться по каким-то ступеням.

— Да, — начал Редвуд, — но когда чувствуешь...

И не договорил.

— Для того и существует смерть, — настойчиво повторил, поднимаясь следом, Коссар. — Как же иначе? Тогда бы все остановилось! Нет, для того и существует смерть.

III

После несчетных поворотов и подъемов они, наконец, вышли на выступающую площадку, отсюда был виден почти весь котлован, — отсюда Редвуда могли услышать все гиганты. Они уже собрались вокруг, кто внизу, кто над ним, и ждали. Старший сын Коссара стоял наверху, на насыпи, при свете прожекторов зорко оглядывая все окрест: противник мог и нарушить перемирие. Тех, кто работал у огромного механизма в углу, опять и опять озаряли красноватые вспышки. Оба были почти нагие; они тоже смотрели на Редвуда, но все время следили и за раскаленным металлом, который не могли оставить ни на минуту. Даже они, стоявшие к нему ближе других, казались неясными в переменчивых отсветах, а уж остальных Редвуд совсем не мог разглядеть. Они появлялись и вновь тонули в бездонной тьме. Ибо в котловане старались жечь как можно меньше света, чтоб легче заметить врага, если он внезапно нападет, подкравшись во мраке.

Время от времени случайная вспышка выхватывала из темноты то одну, то другую группу великанов — могучие тела тех, кто вырос в Сандерленде, облегала одежда из плотно пригнанных металлических пластинок, на других одежда была кожаная или сотканная из веревок или из тонкой проволоки, смотря по тому, где они жили и чем занимались. Они сидели и стояли среди машин и орудий, таких же мощных, как и они сами; их руки покоились на этих орудиях, и когда свет падал на их лица, видно было, что у всех твердый, решительный взгляд.

Редвуд хотел заговорить — и не мог. И тут горячий отблеск огня на мгновение озарил лицо его сына... обращен-

ное к нему лицо сына, и в лице этом такая нежность и сила... и тогда отец обрел голос. Стоя над пропастью, он сказал словно бы сыну — и его услышали все:

— Я пришел от Кейтэрема. Он послал меня сообщить вам его условия.

Редвуд-старший чуть помолчал.

— Теперь, когда я вижу вас здесь, всех вместе, я понимаю — это неприемлемые условия; они неприемлемы, но я их принес, потому что хотел видеть всех вас... и моего сына. Я хотел... еще раз увидеть сына...

— Скажите им условия, — напомнил Коссар.

— Вот что предлагает Кейтэрем. Он хочет, чтобы вы ушли отсюда, покинули мир маленьких людей.

— Куда уйти?

— Он сам толком не знает. В каком-нибудь уголке земного шара выделяют достаточно места. И вам больше нельзя изготавливать Пищу и нельзя иметь детей. Вы можете прожить свою жизнь по-своему, но больше гигантов не будет.

Он замолчал.

— Это все?

— Да, все.

И стало тихо. Словно сама темнота, окутавшая гигантов, задумчиво глядела на Редвуда.

Кто-то тронул его за локоть, это Коссар предложил ему стул — смешной, точно игрушечный среди всех этих громад. Редвуд сел, скрестил ноги, потом от волнения задрал одну ногу на колено другой и стиснул руками собственный башмак; он чувствовал себя таким маленьким, неловким, нелепо выставленным напоказ.

Потом раздался глубокий голос, и он опять забыл о себе.

— Вы слышали, Братья? — спросил кто-то из темноты.

И другой голос отозвался:

— Слышали.

— Что же мы ответим Кейтэрему?

— Ответим: нет!

— А что дальше?

Несколько секунд длилось молчание.

Потом еще один голос сказал:

— Эти люди правы. По-своему, конечно. Они были правы, истребляя все, что вырастало больше обычного: зверей, и растения, и все остальное. Они были правы, когда пытались перебить нас. И правы теперь, когда требуют, чтобы мы не заключали браков между собой. По-своему они правы. Они понимают — пора и нам понять, — что в мире не могут одновременно существовать великаны и карлики. Кейтэрем давно уже твердит ясно и недвусмысленно: или мы, или они.

— Но нас осталось меньше полусотни, а их — миллионы и миллионы.

— Возможно. Но я сказал то, что есть.

И опять долгая тишина.

— Значит, мы должны умереть?

— Избави бог!

— Значит, они?

— Тоже нет.

— Но ведь это и говорит Кейтэрем! Он хочет, чтобы мы прожили свой век и вымерли один за другим; под конец останется кто-то один, он тоже умрет, а они вырубят все гигантские растения, полезные и вредные, без разбору, уничтожат весь гигантский животный мир, выжгут малейшие следы Пищи... навсегда покончат и с нами и с Пищей. Тогда пигмеям станет легко и привольно. Их пигмейскому миру нечего будет опасаться. Они преспокойно будут жить карликовой жизнью, творить карликовое добро и карликовое зло, пожалуй, даже устроят на земле свой пигмейский рай: прекратят войны, покончат с чрезмерной рождаемостью, весь мир превратят в один большой город и станут заниматься карликовым искусством и восхвалять друг друга, пока солнце не начнет остывать и шар земной не покроется льдами...

В углу с громом упал лист железа.

— Братя, мы знаем, что делать.

В ответах прожекторов Редвуд видел, как молодые серьезные лица повернулись к его сыну.

— Сейчас очень легко производить Пищу. Мы можем наготовить столько, что хватит на весь мир.

— Ты думаешь, Брат Редвуд, — спросил из темноты чей-то голос, — что их надо заставить есть Пищу?

— А что еще нам остается?

— Не забудь, нас всего полсотни, а их миллионы.

— Но мы держимся.

— Пока.

— Бог даст, продержимся и дальше.

— Да. Но не забудь, многие погибнут!

Тут вмешался еще голос:

— Да, погибнут. Но не забывайте о тех, кто еще не родился...

— Братья, — снова заговорил Редвуд-младший, — что нам еще остается? Только воевать! И если победим, заставим их примириться с Пищей. Им все равно от нее не избавиться. Допустим, мы откажемся от всего, что нам дано, и согласимся на эти безумные условия. Допустим! Допустим, мы задушим в груди то великое, что нами движет, откажемся от всего, что дали нам отцы, — что сделал для нас ты, отец, — и, когда настанет час, умрем, исчезнем, так ничего и не совершив. Ну, а дальше что? Разве мир пигмеев останется таким, как прежде? Они могут бороться с величием в нас — мы гиганты, но рождены людьми. Но разве они могут победить? Даже если они уничтожат нас всех до единого, что дальше? Спасет ли это их? Никогда! Ибо величие не только в нас, не только в Пище, но и в сущности всех вещей! Оно заключено в природе сущего, оно — часть пространства и времени. Расти, всегда расти, с первого и до последнего часа — таково Бытие, таков закон жизни. Иного закона нет!

— А помогать другим?

— Помогать расти, идти вперед. Это значит, мы и сами растем. Если мы не помогаем им остаться ничтожествами...

— Они будут драться не на жизнь, а на смерть, — сказал кто-то.

— Ну и что же? — возразил другой.

— Да, они будут драться, — сказал Редвуд-младший. — Если мы откажемся принять их условия, они наверняка будут воевать. Я даже надеюсь, что они начнут воевать открыто. Когда после всего, что было, они предлагают мир, это значит только одно: они хотят захватить нас врасплох. Не надо обманывать себя — так или иначе,

но они будут драться. Война началась, и мы должны биться до конца. Так будем же осмотрительны, не то окажется, что мы только затем и жили, чтобы выковать оружие, которое обратилось против нас и наших детей, против всех гигантов. Борьба только еще начинается. Вся наша жизнь станет борьбой. Одни будут убиты, другие попадут в плен. Легкой победы быть не может, в любом случае победа нам дорого обойдется. Это бесспорно. Ну и что же? Главное — сохранить какой-то плацдарм, оставить после себя воинство, которое станет множиться и продолжать борьбу, когда мы погибнем!

— Что же будет завтра?

— Начнем рассеивать Пицу, засыплем ею весь мир.

— А если они согласятся принять наши условия?

— Наше условие — Пица. Гигантам и пигмеям не ужиться в мире и согласии. Или мы, или они. Ни один отец не вправе сказать: пусть мой сын знает только тот свет, что светил мне, пусть ни в чем не смеет перерастить меня. Согласны вы со мной, Братья?

В ответ послышался гул одобрения.

— Этого никто не вправе сказать не только будущим мужчинам, но и будущим женщинам, — донеслось из темноты. — Женщинам тем более не вправе: они будущие матери нового человечества...

— Но ведь в следующем поколении еще останутся большие и маленькие, — сказал Редвуд-отец, глядя в лицо сыну.

— Во многих поколениях. И маленькие будут мешать большим, а большие — теснить маленьких. Это неизбежно, отец.

— Значит, будет продолжаться борьба.

— Бесконечная борьба. Бесконечные раздоры. Такова жизнь. Великое и малое не могут найти общий язык. Но в каждом вновь родившемся человеке дремлет зерно величия, дремлет — и дожидается Пици.

— Значит, я должен возвратиться к Кейтэрему и сказать ему...

— Ты останешься с нами, отец. На рассвете Кейтэрэм узнает наш ответ.

— Он грозился пойти на вас войной...

— Да будет так, — сказал Редвуд-младший, и снова Братья ответили негромким согласием.

— Железо остывает! — крикнул кто-то.

Два кузнеца в углу мерно застучали молотами, и этот железный гром могучей мелодией поднялся над лагерем гигантов. Раскаленный металл светился еще ярче прежнего, и Редвуд-старший мог теперь лучше рассмотреть все вокруг. Овальный котлован был виден как на ладони, огромные орудия и машины насторожились, готовые к бою. Поодаль и выше стоял дом Коссаров. Вокруг Редвуда молодые исполины, огромные и прекрасные в своих сверкающих кольчугах, готовились к завтрашней битве. Глядя на них, Редвуд воспрянул духом. Какая спокойная сила! При огромном росте — какая стройность и изящество! Какие уверенные движения! И здесь же его сын и принцесса, первая женщина среди гигантов...

И вдруг — поразительнейший контраст! — ему вспомнился Бенсингтон: вот он перед глазами, крохотная отчетливая фигурка — стоит посреди своей благопристойной и скучной комнаты, погрузив пальцы в пух на груди первого гигантского цыпленка, и растерянно смотрит поверх очков на дверь, которую только что с грохотом захлопнула за собою кузина Джейн...

Это было только вчера, всего лишь двадцать один год прошел.

Внезапно странное сомнение овладело Редвудом: что, если эта крепость и все это величие — только сон! Вот сейчас он проснется у себя в кабинете — узник в той же тюрьме, гиганты убиты, Пицца уничтожена. Да ведь и вся жизнь — тюрьма, и человек — вечный узник! Сон достиг зенита, и сейчас настанет конец. Он проснется от шума сражения, среди потоков крови, и увидит, что его Пицца — глупейшая фантазия, а все его надежды, вся вера в великое завтра мира — лишь тоненькая радужная пленка на бездонном гнилом омуте. Пигмеи непобедимы!..

Отчаянье, предчувствие неминуемой катастрофы нахлынуло на него с такой силой, что он вскочил. Он стоял, прижав к глазам стиснутые кулаки, оцепенев от страха: вот сейчас откроет глаза, а сновидение уже рассеялось...

Перекликались гиганты, голоса их вторили могучей песне металла. И волна сомнений пошла на убыль. Вокруг по-прежнему слышны могучие голоса, шаги. Это не сон, это все живое, несомненное, такое же подлинное, как злобные действия врагов! И даже более подлинно, ибо великому принадлежит будущее, а ничтожество, звериная жестокость и человеческие слабости обречены на гибель. Редвуд открыл глаза.

— Кончили! — крикнул один из кузнецов, и они опустили молоты.

В вышине раздался голос. Это говорил сын Коссара — стоя на гребне крепостного вала, он обращался ко всем великанам:

— Лишь на одну ступень поднялись мы над ничтожеством пигмеев, и не для того мы хотим изгнать их из этого мира, чтобы завладеть им навечно. Мы боремся не за себя, а за эту новую ступень... Для чего мы живем, Братья? Чтобы служить высокой цели и осуществить великий замысел, нам предначертанный. Мы боремся не ради себя, ибо мы — лишь глаза и рабочие руки Жизни: она вечна, мы же служим ей лишь краткий срок. Так учил нас ты, папа Редвуд. Воплощенный в нас, как прежде в пигмеях, идет вперед, видит и познаёт новое Дух Человеческий. А мы в словах, делах и в детях своих передадим его людям еще более совершенным. Земля — не место отдыха и не площадка для игр, иначе у нас было бы не больше права на жизнь, чем у пигмеев, а тогда отчего же и не сдаться? Они бы спокойно перерезали нас, а потом и сами без боя уступили бы место муравьям и всякой нечисти. Нет, мы бьемся не ради себя, но ради роста, ради движения вперед, а оно —ечно. И завтра, живые или мертвые, мы все равно победим, ибо через нас совершается движение вперед и выше. Таков закон развития духа на веки веков. Вперед и выше, ибо так мы созданы богом! Выбраться из этих ям и щелей, из тьмы и сумрака, вступить в мир величия и света! Вперед, Братья, вперед! — говорил он, и голос его звучал гордо и торжественно. — Всегда вперед, к истинному величию! Расти, подняться наконец до всеобщего братства и постичь бога... Расти... Пока самая земля наша не станет всего лишь ступенькой... Пока чело-

веческий дух не станет бесстрашен до конца и не овладеет всей Вселенной!.. — Взмахом руки он обвел небосвод.

И умолк. Ослепительный луч прожектора на миг озаирил исполина, его руку, воздетую к небесам.

Мгновенье он весь сверкал в этом луче, бесстрашно глядя вверх, в звездные бездны, — молодой, сильный, закованный в сталь, воплощение решимости и спокойствия. Потом луч скользнул дальше, и остался лишь могучий темный силуэт, вычерченный в звездном небе, могучий темный силуэт грозил небесной тверди и неисчислимым звездным мирам.

Содержание

Ю. Кагарлицкий *Великий фантаст*

5

Машина времени

Перевод К. Морозовой

I	<i>Изобретатель</i>	21
II	<i>Машина времени</i>	26
III	<i>Путешественник по Времени возвращается</i>	30
IV	<i>Путешествие по Времени</i>	36
V	<i>В золотом веке</i>	41
VI	<i>Закат человечества</i>	46
VII	<i>Внезапный удар</i>	52
VIII	<i>Все становится ясным</i>	58
IX	<i>Морлоки</i>	69
X	<i>Когда настала ночь</i>	74
XI	<i>Зеленый Дворец</i>	80
XII	<i>Во мраке</i>	87
XIII	<i>Ловушка Белого Сфинкса</i>	92
XIV	<i>Новые видения</i>	95
XV	<i>Возвращение Путешественника по Времени</i>	100
XVI	<i>Когда история была рассказана</i>	101
	<i>Эпилог</i>	105

Человек-невидимка

Перевод Д. Вейса

Глава I	<i>Появление незнакомца</i>	109
Глава II	<i>Первые впечатления мистера Тедди Хенфри</i>	114
Глава III	<i>Тысяча и одна бутылка</i>	119
Глава IV	<i>Мистер Касс интервьюирует незнакомца</i>	124
Глава V	<i>Кража со взломом в доме викария</i>	130
Глава VI	<i>Взбесившаяся мебель</i>	132
Глава VII	<i>Разоблачение незнакомца</i>	136
Глава VIII	<i>Мимоходом</i>	144
Глава IX	<i>Мистер Томас Марвел</i>	145
Глава X	<i>Мистер Марвел в Айпинге</i>	150
Глава XI	<i>В трактире «Кучер и кони»</i>	153
Глава XII	<i>Невидимка приходит в ярость</i>	156
Глава XIII	<i>Мистер Марвел ходатайствует об отставке</i>	161
Глава XIV	<i>В Порт-Стоу</i>	164
Глава XV	<i>Бегущий человек</i>	169
Глава XVI	<i>В кабачке «Веселые крикетисты»</i>	171
Глава XVII	<i>Гость доктора Келпа</i>	174
Глава XVIII	<i>Невидимка спит</i>	182
Глава XIX	<i>Некоторые основные принципы</i>	185
Глава XX	<i>В доме на Грейд-Портленд-стрит</i>	191
Глава XXI	<i>На Оксфорд-стрит</i>	200
Глава XXII	<i>В универсальном магазине</i>	205
Глава XXIII	<i>На Друри-лейн</i>	210

Глава XXIV	<i>Неудавшийся план</i>	218
Глава XXV	<i>Охота на невидимку</i>	222
Глава XXVI	<i>Убийство у Уикстида</i>	223
Глава XXVII	<i>В осажденном доме</i>	227
Глава XXVIII	<i>Травля охотника</i>	235
Эпилог		240

Война миров

Перевод М. Зенкевича

Книга

первая *Прибытие марсиан*

Глава I	<i>Накануне войны</i>	245
Глава II	<i>Падающая звезда</i>	251
Глава III	<i>На Хорселлской пустоши</i>	254
Глава IV	<i>Цилиндр открывается</i>	257
Глава V	<i>Тепловой луч</i>	259
Глава VI	<i>Тепловой луч на Чобхемской дороге</i>	263
Глава VII	<i>Как я добрался до дому</i>	265
Глава VIII	<i>В пятницу вечером</i>	268
Глава IX	<i>Сражение начинается</i>	271
Глава X	<i>Гроза</i>	276
Глава XI	<i>У окна</i>	281
Глава XII	<i>Разрушение Уэйбриджа и Шеппертона</i>	286
Глава XIII	<i>Встреча со священником</i>	295
Глава XIV	<i>В Лондоне</i>	300
Глава XV	<i>Что случилось в Сэррее</i>	309
Глава XVI	<i>Уход из Лондона</i>	316
Глава XVII	<i>«Сын грома»</i>	327

Книга

вторая *Земля под властью марсиан*

Глава I	<i>Под пятой</i>	335
Глава II	<i>Что мы видели из развалин дома</i>	341
Глава III	<i>Дни заточения</i>	349
Глава IV	<i>Смерть священника</i>	354
Глава V	<i>Тишина</i>	357
Глава VI	<i>Что сделали марсиане за две недели</i>	360
Глава VII	<i>Человек на вершине Пути-Хилла</i>	363
Глава VIII	<i>Мертвый Лондон</i>	377
Глава IX	<i>На обломках прошлого</i>	385
Глава X	<i>Эпилог</i>	389

Пища богов

Перевод Н. Галь

Книга I *Рождение пищи*

Глава I	<i>Открытие пищи</i>	395
---------	----------------------	-----

Глава II	<i>Опытная ферма</i>	404
Глава III	<i>Гигантские крысы</i>	432
Глава IV	<i>Гигантские дети</i>	464
Глава V	<i>Мистер Бенсингтон ступешивается</i>	490

Книга II *Пицца в деревне*

Глава I	<i>Появление Пицци</i>	501
Глава II	<i>Гигантская обуза</i>	520

Книга III *Пицца приносит плоды*

Глава I	<i>Преображенный мир</i>	535
Глава II	<i>Влюбленные великаны</i>	557
Глава III	<i>Молодой Кэддлс в Лондоне</i>	574
Глава IV	<i>Два дня из жизни Редгуда</i>	587
Глава V	<i>Осажденный лагерь</i>	605

Уэллс Г.

У 98

Машина времени. Человек-невидимка. Война миров. Пища богов: Пер. с англ. / Вступ. ст. Ю. И. Кагарлицкого; Ил. В. И. Юрлова — М.: Правда, 1988. — 624 с., ил.

В очередной том «Библиотеки фантастики» вошли романы знаменитого английского писателя-фантаста Герберта Уэллса (1866—1946), созданные им на переломе двух веков: «Машина времени», «Человек-невидимка», «Война миров», «Пища богов».

У $\frac{4703000000-1532}{080(02)-88}$ 1532—88 (подписное) 84.4 Вл

Герберт
Уэллс

Машина времени
Человек-невидимка
Война миров
Пища богов

Редакторы В. Т. Башкирова, Е. А. Дмитриева
Оформление художника Н. А. Яшука
Художественный редактор Т. Н. Костерина
Технический редактор К. И. Заботина

ИБ 1532

Сдано в набор 02.02.87. Подписано в печать 06.12.87
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Гарамонд» Печать высокая. Усл печ л 33,18
Усл кр-отт 35,49 Уч.-изд. л 34,78. Тираж 400 000 экз
(1-й завод 1 200 000) Заказ 182 Цена 3 р 10 к

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий». 620151, г Свердловск, проспект Ленина, 49

3 p. 10 k.

ОДНОВИДНИ
БИБЛИОТЕКА

Герберт Уэллс
Машина времени